ҚАЗАҚ ССР ҒЫЛЫМ АКАДЕМИЯСЫ

ҚАЗАҚ ССР ТАРИХЫ

ЕРТЕ ЗАМАННАН ОСЫ КҮНГЕ ДЕЙІН

ӨҢДЕЛІП, ТОЛЫҚТЫРЫЛҒАН
ЕКІНШІ БАСЫЛУЫ

1
ТОМ

ЖАЛПЫ РЕДАКЦИЯСЫН БАСҚАРҒАНДАР
И.О. ОМАРОВ ПЕН А.М. ПАНКРАТОВА

АЛМАТЫ 1949

К 195/16

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

881-88
5629-X

ИСТОРИЯ КАЗАХСКОЙ ССР

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

ТОМ 1

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
И. О. ОМАРОВА И А. М. ПАНКРАТОВОЙ

АЛМА-АТА 1949

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. Б. Баишев, Е. Б. Бекмаханов, М. П. Вяткин, С. К. Кенесбаев, А. Н. Нусупбеков, И. О. Омаров, А. М. Панкратова, С. Н. Покровский, С. В. Юшков.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

36076-50

2011097901

В. Ульянов (Ленин)

И. Сталин

КАЗАХСКАЯ ССР — РЕСПУБЛИКА ВОЗРОЖДЕННОГО НАРОДА.

Казахская ССР занимает по территории второе, а по населению пятое место в Советском Союзе. Она раскинулась от Волги до Алтая, от Сибири до Средней Азии на площади 2,7 миллиона квадратных километров. Протяженность ее территории с запада на восток 3 000 км и с севера на юг — 1 700 км.

Природа Казахстана разнообразна. Более четверти казахстанских земель — степи, они занимают почти весь северный Казахстан от Урала до Иртыша. Здесь — плодородные почвы и летние пастбища, здесь сеют пшеницу, ячмень, получая хороший урожай.

Часть территории республики занимают песчаные и полупесчаные пустыни — Кара-Кум, Кзыл-Кум, Большие и Малые Барсуки, Бетпак-Дала и Муюн-Кум. Эти пустыни вовсе не безжизненны. Осенью, после первых дождей, они покрываются травой и становятся прекрасными пастбищами для скота.

На юге Казахстана, по его границам, проходит Тянь-Шаньская горная система. Здесь — лучшие летние пастбища в условиях жаркого юга. Летом в горы на джайляу выгоняются сотни тысяч голов колхозного скота. В предгорьях Тянь-Шаня находятся богатые сельскохозяйственные районы республики. На землях, искусственно орошаемых водой горных рек, произрастают ценные технические культуры: сахарная свекла, опийный мак, табак, кунжут и др. В предгорьях также развито садоводство.

Южный Казахстан славится своим хлопком, рисом, каучуконосами: тау-сагызом и кок-сагызом.

Моря и озера Казахстана богаты рыбой. В Каспийском мо-

ре, у берегов Казахстана, в большом количестве вылавливаются сельдь, белая и красная рыба.

В Прикаспийской низменности и в Приаралье много соленых озер с большими запасами поваренной соли, которой снабжается не только Казахстан, но и другие республики нашей страны.

Особенно богат Казахстан полезными ископаемыми. По запасам меди, цинка, свинца и никеля он занимает первое место в СССР, по нефти — второе и по углю — третье. Казахстан занимает также одно из первых мест по запасам золота, серебра и необходимых при выплавке высококачественных сталей — вольфрама, молибдена, хрома, ванадия.

Но все эти богатства недр Казахстана до Великой Октябрьской революции почти совсем не разрабатывались. Плодородные земли не засевались, леса оставались нетронутыми.

Казахстан имеет богатое историческое прошлое. Уже 2 500 лет тому назад на его территории обитали многочисленные кочевые племена: саки, массагеты, исседоны и др. Они умели выделывать бронзовые и медные орудия, занимались скотоводством, охотой и рыболовством.

Развитие производительных сил на территории Казахстана способствовало объединению племен в племенные союзы — аланов, чешей, динлинов и др., а в более позднее время, в III — IV веках нашей эры — усуней и канглы. Усуни и канглы населяли юг Казахстана и Семиречье. Они знали земледелие, занимались скотоводством.

В этот период на территории Казахстана развертываются крупные исторические события. Богатые природные условия — плодородные долины рек Сыр-Дарьи, Или, Чу и др. привлекали скотоводческие племена из Монголии и Центральной Азии. Сюда устремляются многочисленные тюркские и монгольские племена, которые подчиняют местное население и образуют крупные дофеодальные государства. В VII — VIII веках на территории Казахстана возникло обширное государство — Западный тюркский каганат с центром в Семиречье.

Дальнейшее развитие производительных сил приводит к усилению феодальных отношений. На территории Казахстана возникает первое феодальное государство караханидов (X — XII вв.). В период караханидов в Семиречье — в Чуйской и Таласской долинах и на Сыр-Дарье возникают культурные оседло-земледельческие оазисы с большими городами. Развивается культура, получает некоторое распространение арабская письменность, появляются первые ученые, поэты, писатели.

Но эта культура тюркских племен на территории Казахстана была разрушена в XIII веке монгольским нашествием. На

завоеванных Чингиз-ханом территориях образуются новые государства феодального типа: Золотая Орда, Белая Орда, несколько позже Ногайская Орда, Узбекское ханство и другие.

В этот период идет интенсивное формирование казахской народности, хотя начало этого процесса относится к далекой древности. Казахская народность складывалась из многочисленных тюрко-язычных и монгольских племен, ассимилировавшихся с местным тюркским населением.

В XV — XVI веках складывается Казахское ханство. За тюркскими племенами, вошедшими в состав этого ханства, утвердилось наименование «казах», как название народности. Но Казахское ханство не было прочным, оно непрестанно распадалось на ряд мелких феодальных владений.

В период этой феодальной раздробленности многие казахские племена порабощаются джунгарами. Под угрозой уничтожения Казахского ханства и истребления казахской народности джунгарами, хан Малого жуза Абулхаир принял российское подданство.

Подданство Абулхаира положило начало присоединению Казахстана к России. Это присоединение имело прогрессивное значение для дальнейших судеб казахского народа и было обусловлено всем ходом исторического развития Казахстана. Оно открывало возможность широкого проникновения в Казахстан влияния более передовой экономики и культуры России.

В дальнейшем добровольное подданство казахов было превращено царизмом в реальное подчинение. Осуществляя свою колониальную политику, царизм все глубже проникал в казахскую степь, строя военные укрепления и захватывая землю.

К началу 70-х годов XIX века Казахстан был превращен в колонию Российской империи. Казахский народ страдал под двойным гнетом как своих феодалов, так и царизма, стремившихся сохранить хозяйственную и культурную отсталость и патриархально-родовые пережитки.

Земледелие в Казахстане было развито слабо. Обработка земли была примитивной, ее орудиями были омач, мотыга. Недра Казахстана почти не разрабатывались. Открытые более чем сто лет назад пастухом-казахом Байжановым угольные богатства Караганды считались малорентабельными. Уголь кое-как добывался в мелких необорудованных шахтах. В 1915 году здесь было добыто всего 66 тыс. тонн угля. Эмбенское нефтяное месторождение разрабатывалось только частично. Нефть здесь добывалась кустарным способом, желонками — узкими ведерками с открывающимся дном. Алтайский рудник,

открытый 200 лет назад, хищнически разрабатывался русскими промышленниками и иностранными концессионерами.

В культурном отношении Казахстан был отсталой окраиной царской России. До 1917 года грамотность среди казахского населения не превышала 2 процентов.

Таким образом, казахский народ был фактически обречен на обнищание и вымирание.

Но казахский народ не раз выступал против классового гнета. Так, в 1783—1796 годах в Малом жузе произошло крупное народное восстание под руководством батыра Срыма Датова; в 1836 — 1837 годах — крестьянское восстание под руководством Исатая Тайманова. Повстанцы-крестьяне расправлялись со своими эксплоататорами — султанами, баями, биями, — захватывая их землю, скот, громя их зимовки.

Казахский народ боролся также за свою национальную независимость. В 30—40 годах XIX века почти весь Казахстан был охвачен пламенем национально-освободительной борьбы под руководством Кенесары Касымова.

Но, борясь против царизма, казахский народ постепенно начинал познавать также и другую Россию — Россию великого русского народа, демократическую революционную Россию, которая так же, как и народы окраин, ненавидела царское самодержавие и боролась против него. Передовые русские люди с горячей симпатией относились к казахскому народу. Русская демократическая интеллигенция прекрасно понимала общность исторических судеб русского и казахского народов и великое значение совместной борьбы против общего угнетателя — царизма.

Понимали это и передовые люди, просветители казахского народа — Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин, Абай Кунанбаев и многие другие. Но исторически обусловленная ограниченность эпохи, в которой они жили, не позволяла им совершить серьезные практические шаги в этой области, ибо идея совместной борьбы против общего врага не была еще осознана всем казахским народом.

Только сформировавшийся рабочий класс России в новых исторических условиях смог возглавить, под руководством большевистской партии, борьбу трудящихся масс страны против эксплоататоров и угнетателей, против царизма и всего помещичье-капиталистического строя.

Большое влияние оказала на политическое пробуждение казахского народа буржуазно-демократическая революция 1905 — 1907 годов. Первая русская революция вызвала мощное освободительное движение в национальных окраинах и колониях царской России и подготовила почву для победы Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года.

Большевистские группы, возникшие в начале XX века в крупных административно-промышленных центрах Казахстана, явились ядром революционного движения. Великие вожди пролетариата Ленин и Сталин разработали грандиозную программу революционно-освободительной борьбы народов России. Ленинско-сталинская программа по национальному вопросу отстаивала право наций на самоопределение вплоть до государственного отделения и открыла широкую перспективу для национального возрождения ранее порабощенных народов.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция, победившая под руководством великой партии Ленина — Сталина, навсегда покончила с вековым гнетом и кабалой казахского народа. «Свергнув помещиков и капиталистов, Октябрьская революция разбила цепи национально-колониального гнета и освободила от него все без исключения угнетенные народы обширного государства... именно поэтому народы-парии, народы рабы **впервые** в истории человечества поднялись до положения народов, **действительно** свободных и **действительно** равных...».[1]

К числу таких действительно свободных и действительно равных народов ныне относится и казахский народ, который только благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции получил все возможности для своего возрождения и для консолидации в нацию. Только в результате Октябрьской революции казахский народ под руководством большевистской партии и при помощи великого русского народа стал на путь свободной жизни без эксплоататоров и угнетателей. Великая Октябрьская социалистическая революция создала все условия для безграничного развития производительных сил, для расцвета экономики и культуры казахского народа.

Казахский народ, как и все народы Советского Союза, под руководством большевистской партии принял активное участие в Великой Октябрьской революции, в установлении Советской власти на всей территории Казахстана. Активное участие принял казахский народ и в гражданской войне, отстояв героической борьбой великие завоевания Октября — свою свободу и независимость, свою родную Советскую власть.

Части Красной Армии, руководимые товарищами Фрунзе, Куйбышевым, Чапаевым, Фурмановым и передовыми людьми казахского народа во главе с героем гражданской войны Амангельды Имановым и др., поддержанные трудовыми массами казахов, к концу 1919 года разгромили объединенные

[1] И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 177 — 178.

силы интервентов и внутренней контрреволюции — белогвардейцев, алашордынцев, стремившихся подчинить казахский народ иностранному империализму.

Уже в ходе ожесточенной гражданской войны большевистская партия создала политическую основу возрождения казахского народа и консолидации его в нацию. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 26 августа 1920 года была образована Киргизская Автономная Советская Социалистическая Республика (19 апреля 1925 года она была переименована в Казахскую АССР). Закрепленное кровью русских рабочих и крестьян и казахских трудящихся историческое возрождение казахского народа стало фактом. На основе осуществления ленинско-сталинской национальной политики в 1924 году закончилось воссоединение казахской народности в едином Казахском советском государстве.

Но достигнуть фактического равенства возрожденный казахский народ смог только на основе мощного хозяйственного развития, которое в кратчайший срок ликвидировало его отсталость, намеренно культивировавшуюся царизмом. На основе победы грандиозного ленинско-сталинского плана социалистической индустриализации и социалистической реконструкции сельского хозяйства Казахстан совершил величайший исторический скачок — переход к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. В результате грандиозного строительства социализма в годы великих сталинских пятилеток, в результате ликвидации байства и кулачества, как класса, на основе сплошной коллективизации сельского хозяйства, была уничтожена вековая хозяйственная и культурная отсталость казахского народа. Из страны отсталой Казахстан превратился в мощную социалистическую индустриально-аграрную республику на Востоке.

5 декабря 1936 года Чрезвычайный VIII съезд Советов СССР принял новую Конституцию Союза ССР. Говоря словами товарища Сталина, «то, о чем мечтали и продолжают мечтать миллионы честных людей в капиталистических странах, — уже осуществлено в СССР».[1] По Сталинской Конституции, Казахская Автономная ССР, входившая ранее в РСФСР, была преобразована в союзную республику. 26 марта 1937 года Чрезвычайный X Всеказахский съезд Советов утвердил новую Конституцию Казахской ССР, разработанную на основе Сталинской Конституции СССР. Так создалась Казахская ССР — республика возрожденного казахского народа.

За годы Советской власти произошли великие преобразова-

[1] И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 533.

ния в жизни казахского народа. В условиях советского общественного строя в Казахстане полностью осуществлены социалистическая индустриализация, социалистическая реконструкция сельского хозяйства и культурная революция.

В результате сталинской социалистической индустриализации Казахстан превратился в один из важнейших промышленных районов страны. За годы Советской власти в Казахстане получили развитие все отрасли промышленности. Заново создана металлургическая, машиностроительная, химическая и другие отрасли промышленности. Построены и сданы в эксплоатацию тысячи новых предприятий угольной и нефтяной промышленности, черной и цветной металлургии, машиностроительной и металлообрабатывающей, легкой и пищевой промышленности и т. д. Казахская ССР в настоящее время занимает большой удельный вес в общесоюзном производстве свинца и меди.

В Казахстане на голом месте возникли многие новые промышленные центры — Карагандинский каменноугольный бассейн — третья всесоюзная кочегарка, Эмбенские нефтяные промыслы, Чимкентский свинцовый завод, Балхашский и Джезказганский медеплавильные, Лениногорский и Иртышский полиметаллические комбинаты, Актюбинский химкомбинат и т. д.

Широкое развитие получило энергетическое хозяйство республики. Мощность электростанций в настоящее время выросла в 215 раз, а выработка электроэнергии — в 328 раз по сравнению с 1920 годом.

Значительное развитие получили все виды транспорта. Протяженность только одной железнодорожной сети достигла более 9 000 км, что на 7 000 км больше, чем было в 1913 году. Гигантский размах получило строительство шоссейных и грунтовых дорог, водных и воздушных путей сообщения.

В итоге развития всех отраслей промышленности вырос многочисленный рабочий класс и сформировалась большая армия национальной технической интеллигенции.

Таким образом, Казахстан прочно и окончательно стал страной индустриальной — таков один из величайших итогов борьбы и труда казахского народа под славным красным знаменем Советской власти.

Велики и беспримерны успехи Советского Казахстана и в области социалистической реконструкции сельского хозяйства. Казахские трудящиеся перешли от кочевой жизни к оседлой. Колхозное строительство в Казахстане достигло огромных успехов. За годы социалистического строительства в Казахстане было создано 6 700 колхозов и 254 совхоза.

Колхозы Казахстана развивались на базе передовой сельскохозяйственной техники. К 30-летию Советской власти в Казахской республике было 363 МТС, более 300 МТМ, 16 ремонтных заводов. На колхозных и совхозных полях работали десятки тысяч тракторов и 13 тысяч комбайнов.

Казахская республика стала крупнейшей житницей Советского Союза на Востóке. Посевная площадь за годы Советской власти увеличилась больше чем на два миллиона гектаров. Только в 1947 году посевная площадь была расширена на 364 тыс. гектаров. Во много раз за годы Советской власти расширились посевы хлопка, риса, сахарной свеклы и подсолнуха.

Колхозы и совхозы Казахстана успешно осуществляют поставленную товарищем Сталиным задачу — превратить Казахстан в основную базу социалистического животноводства СССР на Востоке. За первые два года послевоенной пятилетки поголовье скота колхозов увеличилось на 2 300 тыс. голов, или на 23 процента.

Казахский народ добился также крупных успехов в области культуры. Партия и правительство создали все условия для развития в Казахстане культуры — национальной по форме и социалистической по содержанию. В Казахстане создана многочисленная национальная интеллигенция. В 1947—1948 учебном году в 8 094 школах Казахстана обучалось более 1 миллиона детей, в 23 высших учебных заведениях — 14,5 тыс. студентов.

Значительно развилось за годы Советской власти и казахское искусство. В Казахстане имеется ряд крупных музыкальных учреждений, в том числе Казахская государственная филармония им. Джамбула и Казахская государственная консерватория; 40 театров во главе с Казахским государственным театром оперы и балета им. Абая и Казахским государственным академическим театром драмы.

В 1946 году, на базе Казахского филиала Академии наук СССР, была образована Академия наук Казахской ССР — центр научной мысли всей республики. В составе Академии наук имеются свыше 40 научно-исследовательских институтов и учреждений с количеством более тысячи научных работников.

За годы Советской власти в Казахстане создано 14 новых городов и 103 рабочих поселка, население которых увеличивается с каждым годом.

Все эти великие победы казахского народа были достигнуты в острой классовой борьбе. Враги народа — бухаринско-троцкистские вредители и буржуазные националисты — алашордынцы — пытались сорвать социалистическое строительство в Казахстане, повернуть Казахстан с социалистического пути

развития на путь капиталистический, восстановить власть буржуазии и баев-полуфеодалов. Благодаря правильной ленинско-сталинской национальной политике и личному руководству товарища Сталина трудящиеся Казахстана разгромили троцкистско-бухаринских вредителей и буржуазных националистов и, преодолев все трудности, при активной помощи великого русского народа, успешно разрешили задачи социалистического строительства в Казахстане.

В 1941 году, когда фашистская Германия вероломно напала на нашу Родину, казахский народ, вместе с другими народами Советского Союза, единодушно поднялся на ее защиту. Сыновья и дочери казахского народа проявили подлинный героизм советских патриотов — 57 000 человек было награждено орденами и медалями СССР, более 360 казахстанцев (из них 94 казаха) получили звание Героя Советского Союза.

Рабочие промышленных предприятий и труженики колхозно-совхозных полей Казахстана самоотверженно работали в тылу, снабжая фронт боеприпасами и продовольствием, обеспечивая страну военным сырьем — углем, нефтью, цветными и редкими металлами, хлебом, хлопком и продуктами животноводства.

Вся экономика Казахстана была перестроена на военный лад. В ходе войны выросли предприятия, увеличилось производство продукции. За четыре года войны Казахстан дал государству в два раза больше хлеба, в три раза больше картофеля и овощей, на 27 процентов больше мяса, чем за четыре года, предшествовавших войне.

Самоотверженный труд казахстанцев, их героические подвиги на фронте способствовали победе советского народа над немецко-фашистскими захватчиками.

Сцементированная партией Ленина — Сталина нерушимая дружба народов СССР еще больше окрепла в годы Великой Отечественной войны советского народа за свободу и независимость нашей социалистической Родины и обеспечила победу над гитлеровской Германией и ее союзниками.

После окончания войны Казахская ССР приступила к выполнению огромных задач, намеченных в новом сталинском плане восстановления и развития народного хозяйства СССР в 1946—1950 годах. В осуществлении этих задач Казахстану отводится почетное место.

Пятилетний план Казахской ССР — это план дальнейшего развития тяжелой промышленности, транспорта, сельского хозяйства и промышленности, производящей средства потребления, план нового подъема культуры.

Задачи пятилетнего плана огромны. По сравнению с 1940 годом промышленная продукция увеличится в 1950 году в 2,2 раза. Производство меди в 1950 году увеличится в 2,6 раза, добыча медной руды — в 2,9 раза, выплавка свинца — в 1,3 раза больше выплавки 1940 года. Значительно возрастет добыча хромитовых руд и производство феррохрома.

В 1950 году Казахстан даст 16,4 млн. тонн угля, доведет добычу нефти до 1200 тыс. тонн, что намного превысит довоенный уровень. В строй вступят много шахт большой мощности. В новой пятилетке будет построен большой металлургический завод.

Строятся новые железнодорожные пути, как, например, Акмолинск — Павлодар и линия Чу — Моинты, которая соединит Турксиб с Балхашом и Карагандой. Всего за пятилетие будет проложено, вместе со вторыми путями, около 2 000 км стальных путей.

Не менее сложные задачи стоят и перед сельским хозяйством. Посевная площадь увеличится по сравнению с 1945 годом на 1 220,5 тыс. гектаров, значительно увеличится урожайность всех культур. Общее поголовье скота должно дать прирост на 10,5 млн. голов.

К концу пятилетки значительно увеличится также выпуск продукции текстильной, легкой, пищевой и местной промышленности. Казахский народ с большим воодушевлением и трудовым героизмом борется за выполнение пятилетки в четыре года.

Идя по сталинскому пути братства и дружбы народов, казахский народ под руководством великой партии Ленина — Сталина и при помощи великого русского народа выполнит эти задачи дальнейшего экономического и культурного расцвета своей республики.

Богата значительными событиями вся история казахского народа. Но самой красочной и немеркнущей является история казахского народа в условиях советского общественного строя, ибо подлинная история казахского народа, подлинная история развития и расцвета его производительных сил началась только с Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей новую эру в истории человечества.

Казахский народ за короткий период своего развития в условиях советского общественного и государственного строя достиг таких побед в своей общественно-политической жизни и в своем хозяйственно-культурном строительстве, которых он не мог достичь на протяжении всей своей многовековой истории до Великой Октябрьской революции.

За годы Советской власти Казахстан с помощью русского рабочего класса и под непосредственным руководством славной партии Ленина — Сталина совершил великий скачок от средневековья к социализму, минуя капиталистический путь развития. Казахстан из отсталой и аграрной страны, какой он был до революции, превратился в цветущую индустриально-аграрную страну. Таким образом, Казахстан в результате тридцатилетнего существования в условиях советского общественного строя сбросил с себя всю ветхость докапиталистических форм отсталого аграрного хозяйства и превратился в индустриально-аграрную республику в составе великой советской индустриальной державы — СССР.

За годы Советской власти Казахстан по своему общественно-политическому строю обогнал все страны зарубежного Востока на целую историческую эпоху. В странах зарубежного Востока господствует еще капиталистический строй со многими нетронутыми пережитками докапиталистических форм хозяйства — обветшалого феодализма, а Казахстан осуществил у себя самый передовой в мире советский общественный строй и ныне находится на путях постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Всеми этими блестящими победами в своем общественно-политическом развитии, своей радостной и счастливой жизнью казахский народ, наряду с другими народами Советских республик, указывает угнетенным народам всего мира путь к коммунизму, к которому стремились и стремятся лучшие умы человечества.

Проследить на многочисленных конкретных материалах и показать весь славный исторический путь развития казахского народа с древнейших времен до наших дней — такова главная идея и задача настоящей, предлагаемой вниманию читателей, «Истории Казахской ССР».

* *
*

В составлении первого тома «Истории Казахской ССР» принял участие авторский коллектив в составе тт. М. О. Ауэзова (гл. VIII и XVII), Е. Б. Бекмаханова (гл. XII и XIV), И. К. Бенедиктова (гл. I), А. Н. Бернштама (гл. II и III), М. П. Вяткина (введение, гл. IV, V, VI, VII, IX, X, XI и XII), Н. М. Дружинина (гл. XV), Я. Я. Зутиса (гл. VI), Е. И. Исмаилова (гл. XVII и XIX), А. М. Панкратовой (гл. XVIII), С. Н. Покровского (гл. XXI), С. Л. Фукса (гл. VII), С. С. Черникова (гл. I), В. Ф. Шахматова (предисловие и гл. XIII) и А. Ф. Якунина (гл. XVI, XVIII, XX и XXI).

В обсуждении первого тома (досоветский период) прини-

мали участие члены-корреспонденты Академии наук СССР С. В. Бахрушин, Н. М. Дружинин, А. Ю. Якубовский и научные сотрудники института истории АН СССР и института истории АН КССР товарищи: Х. Г. Айдарова, И. У. Будовниц, А. В. Пясковский, М. К. Рожкова, М. С. Сильченко, Б. С. Сулейменов, Ш. И. Типеев и Н. В. Устюгов.

ВВЕДЕНИЕ.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ КАЗАХСКОГО НАРОДА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА.

Изучение истории казахского народа насчитывает уже два столетия. Однако только после Великой Октябрьской социалистической революции была предпринята попытка составить обобщенную историю казахского народа, которая бы охватывала весь долгий путь его исторического развития с древнейших времен до наших дней. Многие этапы истории казахского народа изучены весьма слабо или совсем не изучены. Дворянско-буржуазная историография уделяла мало внимания изучению истории отдельных народов, входивших в состав Российской империи. Чаще всего это изучение диктовалось интересами и целями колонизаторской политики царизма. В таких случаях изучаемые народы рассматривались лишь как объект, а не как субъект исторического процесса.

Однако в русской исторической науке имело место и другое направление, которое подходило к изучению истории казахского народа, как субъекта исторического процесса, внимательно и любовно изучало прошлое его культуры, его политического строя, его памятники старины. Но это изучение ограничивалось лишь отдельными сторонами жизни казахов. Ни дворянско-буржуазная историография, ни направление, близкое к демократическим тенденциям передовой русской науки, не разрешили проблемы научного построения истории казахского народа.

Только марксистско-ленинская наука о развитии общества дала прочную научную основу для изучения истории угнетен-

ных народов, в частности истории ранее угнетавшихся народов советского Востока.

В работах классиков марксизма-ленинизма содержатся не только методологические указания, без учета которых вообще невозможно изучение исторического процесса, но исключительно ценные конкретные высказывания по истории народов Востока, в том числе и казахского народа.

Классическая работа Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» дает руководящие указания, которые должны быть использованы при изучении древнейшей истории Казахстана — первобытно-общинного строя, родо-племенных отношений и их разложения. Исключительно важны для понимания жизни казахской общины и процесса формирования феодализма у народов степей Дешти-Кыпчак методологические указания, заключающиеся в работе Энгельса о германской марке. Важные дополнения к этим классическим работам содержатся в переписке Маркса и Энгельса.

Очень важно указание Маркса о недопустимости отождествления европейской и монгольской общины. Это указание должно помочь историкам-марксистам избежать серьезных ошибок в оценке характера и роли казахской общины.

К истории казахского народа, как и всякого другого, целиком относятся те общеметодологические указания, которые с замечательной ясностью и лаконичностью изложены в знаменитом предисловии Маркса к его труду «К критике политической экономии».

Указания классиков марксизма помогли раскрыть и объяснить многие особенности социально-экономических отношений и политической жизни казахов.

В то время, когда большинство представителей официальной буржуазной историографии пренебрежительно трактовали восточные народы как «неисторические», Маркс внимательно изучал историю этих народов. В его «Хронологических записках» встречаются ценные сведения по истории завоеваний Чингиз-хана, о Хорезме, о племени канглы и т. д. Весьма важно указание Маркса в его работе «Вынужденная эмиграция» о причинах передвижения племен Азии и значении этого передвижения в истории образования народов древней и современной Европы, предвосхищающее критику современной фашистской «теории» чистых рас.

Неизмеримо обогатили историческую науку о народах Востока Ленин и Сталин. Невозможно изучать историю Казахстана конца XIX — XX веков без использования указаний В. И. Ленина о царской России как «тюрьме народов», о двойном гнете, который испытывали угнетенные народы — со стороны царизма и своих местных эксплоататоров, находившихся

в союзе с царизмом, о развитии капитализма не только вглубь, но и вширь, о связи развития промышленности в России с заселением восточных областей, о реакционности переселенческой политики царизма, о губительности влияния помещичьих латифундий и на центр и на окраины и т. д.

Указания Ленина дают руководящую нить в понимании и оценке присоединения Казахстана к России, превращения его в колонию.

Исследование товарища Сталина «Марксизм и национальный вопрос» показало, почему казахский народ не мог до Октябрьской революции консолидироваться в нацию. Товарищ Сталин в своих трудах дал историкам Казахстана правильное понимание общественных отношений казахов до Октябрьской революции как патриархально-феодальных. Исключительно важно также указание на связь между сохранением у казахов патриархально-родового быта и господством скотоводческого хозяйства. Для истории Казахстана особо существенное значение имеют выступления товарища Сталина на X и XII партсъездах, его работа «Наши задачи на Востоке» и другие его труды.

В истории Казахстана советского периода совершенно исключительное значение имеют работы и выступления Ленина и Сталина. Все эти директивные документы являются ныне громадной ценности историческими материалами, определявшими путь развития возрожденного казахского народа, консолидировавшегося в нацию только на основе победы социалистического строя. Опыт величайшего преобразования отсталой царской колонии в передовую социалистическую республику, минуя капитализм, может быть понят и правильно оценен только на основе тщательного изучения важнейших директивных документов большевистской партии и советского правительства.

Знаменитое выступление Ленина на II конгрессе Коминтерна о возможности для отсталой страны (при известных условиях) перехода к социализму, минуя капитализм, легло в основу развития Советского Казахстана и определило его послеоктябрьскую историю. Ленинско-сталинский план индустриализации и коллективизации, определивший развитие социалистической экономики в Казахстане, Сталинская Конституция, которая легла в основу Конституции Казахской ССР, сталинские высказывания о развитии культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию,— все эти и многие другие исторические документы являются драгоценными источниками для создания истории Казахской ССР.

Дальнейшая разработка истории казахского народа, основанная на марксистско-ленинской науке о развитии общества,

требует дальнейшего серьезного изучения источников. Важнейшие периоды истории Казахстана не могут быть освещены без самого тщательного и всестороннего исследования самых разнообразных памятников и источников.

При изучении истории Казахстана в древнейший период единственным источником являются данные археологии.

Начиная с V века до нашей эры, история Казахстана восстанавливается не только по археологическим раскопкам и материальным памятникам, но и по немногим письменным документам. Самые ранние письменные сведения о племенах, населявших Казахстан, сообщают греческие авторы — Геродот, Страбон и другие.

Свидетельства Геродота весьма важны для изучения жизни скифов, в частности, сакской группы скифских племен. С III века до нашей эры, наряду с археологическими памятниками и известиями античных авторов, сведения о племенах Казахстана начинают сообщать и китайские источники. Именно этим источникам историческая наука обязана сведениями о древних племенах усуней и канглы, а также сведениями о гуннах, игравших во II — I веках до нашей эры большую роль в политической истории Южного и Восточного Казахстана. Из китайских описаний быта древних усуней особенно важное значение имеют свидетельства Чжан-Цаня, посетившего в конце II века до нашей эры ставку усуньского гуньмо.

Сведения о древних племенах, населявших Казахстан, — о динлинах, чешах, усунях, канглы, гуннах и др. — содержатся в китайских летописях. В русском переводе часть этих данных приводится в работах И. Бичурина, В. П. Васильева, Позднеева и других.

Важные фактические сведения по истории Казахстана домонгольского периода приведены в трудах арабских писателей — географов и путешественников, посещавших территорию Казахстана начиная с X века.

О языке восточных кыпчаков есть данные у Махмуда Кашгарского (XI в.) в его «Книге о тюркском языке» («Диван Лугат ат тюрк»). Эти данные имеют огромное значение для решения вопроса о происхождении казахской народности, равно как и данные о языке западных кыпчаков, содержащиеся в так называемом Половецком словаре («Codex cumanicus»), составленном в начале XIV века.

Много сведений, относящихся к домонгольскому периоду, есть также у персидских авторов.

Для истории Казахстана эпохи монгольского завоевания и Золотой Орды восточные авторы (арабские и персидские) также сообщают богатейшие сведения.

Русские переводы восточных (арабских и персидских) ис-

точников приведены в «Сборнике материалов, относящихся к истории Золотой Орды», тт. I и II В. Г. Тизенгаузена.

Исключительно важными для истории Золотой Орды являются сведения, сообщаемые русскими летописями. По сравнению с восточными (арабскими и персидскими) и русскими источниками, данные византийских и некоторых других авторов имеют второстепенное значение.

Первые сведения о зарождении на северных окраинах Средней Азии Казахского ханства сообщает один крупный представитель моголистанской знати — Мухаммед Хайдер. Свой труд «Тарихи Рашиди» Хайдер закончил в 40-х годах XVI века. Он составлял его по личным наблюдениям и по воспоминаниям современников описываемых им событий. В его труде содержатся важные сведения о взаимоотношениях казахов с Моголистаном, с киргизами и узбеками и о племенах Моголистана, впоследствии влившихся в Казахское ханство.

Большое значение имеет также труд сановника узбекского хана Мухаммеда Шейбани-Рузбехана. Работа Рузбехана «Михман намэ» (Пригласительные письма) написана в начале XVI века. Она важна не только для изучения первых десятилетий политической жизни Казахского ханства, но и содержит весьма ценные сведения о хозяйственном и общественном быте казахов. Переводы отрывков работ Мухаммеда Хайдера и Рузбехана имеются на русском языке. Из других восточных источников, имеющих большое значение для изучения истории казахского народа, следует отметить «Шайбани намэ», «Родословное дерево тюрок» Абулгази-хана, написанное в 60-х годах XVII века, и «Абдулла намэ» Хафизи Таныша, написанное в конце XVI века и содержащее ценные сведения о внешнеполитической истории Казахского ханства в конце XVI века, главным образом, о взаимоотношениях казахов с узбекским ханом Абдуллой II и ташкентским владельцем Баба-Султаном. «Шайбани намэ» и труд Абулгази-хана переведены на русский язык. Переводы на русском языке из «Абдулла намэ» приведены в книге В. В. Вельяминова-Зернова «Исследование о касимовских царях и царевичах», ч. II. Кроме того, интересные подробности по истории первых десятилетий Казахского ханства содержатся в работах Мирхонда, Хондемира и Бабура.

История казахского народа отразилась и в устных преданиях казахов. Эти предания передавались из поколения в поколение, естественно, обрастая легендами; поэтическое творчество и исторические факты в этих сказаниях неразрывно переплетались. Сказания отражают поэтические представления народа о своей истории, но еще не самую историю. Эти предания могут служить историческим источником, но они

нуждаются в глубоком изучении, для того чтобы из поэтического сказания могли быть выделены достоверные исторические факты. То же самое следует сказать вообще о казахском фольклоре. Особенно важно выяснить классовую принадлежность фольклорных сказаний. К сожалению, эта критическая и аналитическая работа до сих пор не проведена, что крайне ограничивает использование фольклорного материала в качестве исторического источника. В основном этот материал в настоящее время принадлежит истории культуры, а не политической и социальной истории казахского народа.

Ценнейшие сведения о казахах сохранились и в русских источниках. Они содержатся в «Краткой сибирской летописи», в Строгановской и Есиповской летописях, в отписках, статейных списках и расспросных речах русских послов к ногайским мурзам и казахскому хану Тевеккелю. Из этих источников особо существенное значение имеют показания Данилы Губина — посла к ногайским мурзам в 30-х годах XVI века и Вениамина Степанова — посла к хану Тевеккелю в конце XVI века.

Исключительную ценность для исторической географии Дешти-Кыпчака представляет «Книга Большого Чертежа», составленная в начале XVII века в Москве и изданная в 1846 году Г. Спасским. Отрывочные сведения о казахах содержатся в записках западно-европейских путешественников Герберштейна и Дженкинсона. Из них лишь Дженкинсон, совершивший в 1558 году путешествие в Хиву и Бухару, передает сведения о казахах, как очевидец. Остальные пользовались данными из вторых рук, собранными ими при путешествиях в Москву.

Из русских источников для истории казахов конца XVII века наибольший интерес представляют статейный список и расспросные речи Ф. Скибина и М. Трошина, совершивших в 90-х годах XVII века путешествие ко двору хана Тауке в качестве послов Петра I. Они собрали интересные сведения не только о внешнеполитических отношениях Казахского ханства, но и много интересных данных о хозяйстве и общественных отношениях казахов. Очень слабо освещены в выявленных источниках, как русских, так и восточных, первые десятилетия XVIII века, особенно 20-е годы — годы «великого бедствия» казахского народа. Для понимания этого периода важное значение сохраняют фольклорные материалы — народные предания казахов. Из письменных источников интересные, но отрывочные сведения содержит журнал посланца русского правительства к хану Абулхаиру А. И. Тевкелева, пробывшего в Младшем жузе около двух лет (в 1731 — 1732 гг.), и сведения, собранные им же при свидании со старшинами в 1748 году.

Если до 30-х годов XVIII века сведения о казахах в русских источниках носят отрывочный характер, то, начиная с этого времени, в архивных фондах сохранилось огромное количество материалов, относящихся к истории Казахстана. Здесь можно назвать лишь главнейшие из этих фондов. К ним относятся: фонд Коллегии иностранных дел, дела киргиз-кайсацкие, фонд общего архива Главного штаба, Пугачевской экспедиции, Секретной экспедиции Правительствующего Сената, 8-го делопроизводства земского отдела Министерства внутренних дел, переданные из Азиатского департамента Министерства Иностранных дел, Комитета министров, I и II Сибирского комитета, Непременного совета, Коммерц-коллегии, комиссии о коммерции, фонд Переселенческого управления и другие. Все эти фонды хранятся в центральных архивах Москвы и Ленинграда. Большое значение имеют фонды Оренбургской губернской канцелярии, Пограничной экспедиции и Пограничного суда, хранящиеся в областном архиве города Чкалова.

В гор. Чкалове хранятся также записи председателя Оренбургской пограничной комиссии А. Ф. Генса, которые дают очень много интересного не только в отношении колониальных мероприятий оренбургских пограничных властей в Малом жузе, но и по этнографии казахов.

Для изучения истории XIX века чрезвычайно ценным источником являются также местные казахстанские фонды, хранящиеся в гор. Алма-Ата в Центральном историческом архиве. Особое значение среди них для истории Малого жуза имеют фонды «Оренбургской пограничной комиссии» и «Областного управления оренбургскими киргизами».

По истории Среднего жуза большой материал дают сибирские фонды, в частности, фонд «Пограничного управления сибирскими киргизами», «Омское областное управление», а также фонд внешних окружных приказов (Аягузского, Баян-Аульского и других).

Для второй половины XIX века ценные данные содержатся в фондах губернских земельных управлений, волостных управлений и в других.

Большой материал по истории Казахстана находится также в областных архивохранилищах в Семипалатинске, Гурьеве, Чимкенте и др. Материалы гурьевского областного архива дают, например, много интересного по истории промышленности.

Среди архивных материалов много документов исходит от самих казахов. Таковы письма ханов, султанов и знатных старшин на имя местной администрации и царского правительства, записи постановлений собраний казахской знати. Они

сохранились и в подлинниках, написанных обычно на чагатайском языке, и в переводах. Русские материалы весьма неравноценны по своему историографическому значению. Наиболее ценными являются для XVIII века так называемые «сказки», т. е. показания лиц, побывавших в казахских аулах. В «сказках» часто содержатся исключительно важные сведения по внутренней истории казахского народа. Для изучения колониальной политики российского царизма первостепенное значение имеют донесения местной администрации на имя царского правительства, а также указы центральных правительственных учреждений.

Среди других материалов большой интерес представляют записки участников академических экспедиций XVIII века — Палласа, Фалька и Георги. Они собрали не только богатые географические данные и сведения о природных ресурсах Казахстана, но и много сведений о внутренней истории казахского народа. Особенно ценны в этой связи сведения, сообщаемые Георги. Интересные сведения имеются в записках Н. Рычкова. Характер исторического источника носят работы П. И. Рычкова, советника Оренбургской губернской канцелярии: «Топография Оренбургской губернии» и «История оренбургская». Кроме того, важные сведения о казахах имеются в работах Миллера и Гмелина. Исключительно интересный материал по истории казахов конца XVIII века и начала XIX века содержит «Описание киргиз-кайсацких орд и степей» Гавердонского, попавшего в плен к казахам в 1803 году. Его описание, изданное лишь в ничтожных отрывках, было известно А. Левшину и широко использовано им в его известной работе «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей».

Для конца XIX — начала XX веков богатый материал содержат данные экспедиций Щербины, Румянцева, ревизии Палена, а также годовые отчеты местной администрации, губернаторов и генерал-губернаторов на имя российского правительства. Эти материалы, особенно данные экспедиций Щербины и Румянцева, требуют к себе сугубо осторожного и критического отношения. Необходимым источником для данного периода является местная пресса, в частности, «Степная газета», а также казахские периодические издания, как, например, журнал «Айкап» и другие.

Значительные сведения по истории казахов XVIII и XIX веков содержатся и в восточных материалах. Наиболее важными из них являются хивинская история «Фирдоусуль-Икбаль» на узбекском языке и другие сочинения Муниса и Агехи, написанные в Хиве в XIX веке. Обширные отрывки из этих сочинений на русском языке приведены в «Материалах по истории туркмен и Туркмении», т. II.

Для советского периода истории Казахстана основными материалами являются работы Ленина и Сталина, а также директивные документы партии и правительства, которые вместе с тем являются историческими документальными источниками первостепенного значения.

Из местных источников особенно важны для этого времени материалы Тургайского областного съезда Советов, состоявшегося в марте — апреле 1918 года. Главнейшие решения местных партийных организаций конца гражданской войны и за восстановительный период собраны в книге «Казахстанская организация ВКП(б) в решениях ее конференций и пленумов» (1920—1925 гг.), изданной в 1931 году, и в протоколах I и II Киргизской областной конференции РКП(б) (1921 и 1922 гг.).

Важнейшие партийные решения, относящиеся к периоду индустриализации и коллективизации, содержатся в решениях VI (1927 г.), VII (1930 г.) и VIII (1934 г.) казахских краевых конференций ВКП(б). Для периода второй и третьей пятилеток важнейшие материалы содержатся в отчетных докладах ЦК КП(б)К на II (1938 г.) и III (1940 г.) съездах КП(б)К, а также в резолюциях I, II и III съездов КП(б)К.

Богатые фактические данные приведены в материалах к отчетам Казахского краевого комитета ВКП(б) на V, VI, VII и VIII казахских краевых партконференциях. Дополнениями к ним являются материалы о социалистическом строительстве в Казахстане за 20 лет, опубликованные в 1940 году в связи с 20-летием республики.

Другой группой материалов по истории советского периода является местная пресса: республиканские и областные газеты, журналы, брошюры. Трудности социалистического строительства, которые возникали на местах, ошибки и неудачи на пути превращения Казахстана в индустриально-аграрную республику, героизм выдающихся строителей социализма, их достижения и искания — все это нашло отражение в многочисленных статьях и корреспонденциях на страницах периодической печати.

Однако этими материалами при составлении истории советского периода ограничиваться невозможно. Основная масса материалов остается неопубликованной. Это материалы, сосредоточенные как в центральных архивах в Москве, так и в архивах Казахстана, особенно, в Центральном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР КазССР) и в архиве Института истории партии при ЦК КП(б)К. Из отдельных фондов этого архива следует отметить фонд Областного бюро РКП(б) (1920 — 1921 гг.), Киргизского областного Комитета РКП(б) (1921 — 1925 гг.), Казахского краевого комитета ВКП(б) (1925 — 1937 гг.).

Ценный материал по истории гражданской войны и советского строительства в годы гражданской войны дает фонд «Военно-революционный комитет по управлению Киргизским краем» (1919 — 1920 гг.), хранящийся в Центральном архиве Октябрьской революции КазССР. Однако, основной материал по истории Октябрьской революции и гражданской войны находится в областных государственных архивах Казахской ССР. Наиболее богаты в этом отношении Алма-Атинский, Семипалатинский, Северо-Казахстанский, Актюбинский и Западно-Казахстанский областные архивохранилища. Особую ценность представляют здесь фонды областных и уездных ревкомов. а также исполнительных комитетов Советов.

По истории восстановительного периода в Казахстане, периода индустриализации и коллективизации сельского хозяйства много ценных данных дают фонды ЦГАОР КазССР. К таким фондам относятся фонд ЦИК КазАССР (1920 — 1936 гг.), фонд Совета Народных Комиссаров Казахстана (1919 — 1932 гг.). В этих фондах наиболее полно отражены вопросы развития промышленности и торговли. Материалы по вопросам коллективизации сельского хозяйства сосредоточены в фондах Наркомзема, учреждений сельхозкооперации (Казкрайколхозсоюз — 1928—1933 гг., Казживотноводсоюз —1929—1934 гг., Казхлебживсоюз —1926—1927 гг.). Особый интерес при изучении истории коллективизации сельского хозяйства имеют фонды Казахского краевого комитета союза «Кошчи» (1925 г.) и Казахского комитета крестьянских обществ взаимопомощи (1923 — 1930 гг.), хранящиеся в ЦГАОР КазССР, а также фонды областных комитетов крестьянских обществ взаимопомощи и областных союзов «Кошчи», хранящиеся в областных архивах.

По истории профессионального движения особую ценность имеет фонд Казсовпрофа (1921—1937 гг.), а по истории культуры — фонды Народного комиссариата просвещения и различных просветительных учреждений в столице республики.

Необходимым дополнением ко всем этим материалам служат воспоминания участников гражданской войны, социалистической стройки и Великой Отечественной войны. Сравнительно небольшая часть этих воспоминаний опубликована. Значительное количество записей хранится в архивах Института истории партии при ЦК КП(б)К и других учреждений республики.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА.

Интерес к историческому прошлому Казахстана в русской литературе пробудился еще в XVIII веке. Этот интерес был вызван, с одной стороны, необходимостью ознакомиться с

жизнью казахов, только что ставших российскими подданными, с другой стороны, привлекла новизна быта одного из кочевых восточных народов. Изучение Казахстана диктовалось, главным образом, колониальными интересами Российской империи. Это и определяло характер значительной части тех исторических исследований о Казахстане, которые были написаны до Великой Октябрьской социалистической революции. Большинство из них рассматривало казахский народ, как объект колониальной политики царизма. Чтобы управлять народом, нужно было его знать. Вот почему в дореволюционной литературе было накоплено большое количество ценных фактических данных о прошлом казахского народа.

Необходимо, однако, отметить, что в русской исторической литературе имело место и другое, прогрессивное направление. Отношение представителей этого направления к народностям, угнетаемым самодержавием, было проникнуто глубокой симпатией. Они интересовались вопросами внутренней политической и культурной жизни этих народностей. Труды таких передовых исследователей, как Г. Н. Потанина, В. В. Радлова, В. В. Вельяминова-Зернова, В. В. Бартольда и других, вошли в культурный фонд не только русского, но и казахского народов.

Историческая литература о прошлом Казахстана содержит как исследования об отдельных сторонах его жизни, так и общие обзоры истории казахского народа. Первый обзорный труд по истории Казахстана принадлежит А. Левшину, чиновнику Министерства иностранных дел. Его «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей» вышло в 1832 году. Вторая часть труда А. Левшина посвящена истории Казахстана, две другие части дают его этнографию и географическое описание. В своем обозрении А. Левшин пользовался данными русских источников. Исторический очерк А. Левшина посвящен истории Казахстана XVIII и начала XIX веков. Он стремился дать обзор исторического развития всех трех казахских жузов. Сведения, которые А. Левшин на основании данных, собранных от казахских старшин в 40-х годах XVIII века А. И. Тевкелевым, сообщает о древней истории Казахстана, носят еще отрывочный и недостоверный характер. Но для истории Казахстана XVIII и начала XIX веков работа А. Левшина по богатству фактического материала и по точности передачи источников не утратила своего значения и до настоящего времени.

Второй обзор истории Казахстана принадлежит А. И. Добросмыслову. Его работа «Тургайская область» содержит историю лишь Младшего и западной части Среднего жузов, входивших в ведение Оренбургского губернатора. Изложение

прошлого Казахстана А. И. Добросмыслов начинает с принятия ханом Абулхаиром российского подданства и заканчивает отрывочными данными из истории казахов конца XIX века. Изложение А. И. Добросмыслова посвящено почти исключительно вопросам политической истории. Вопросы социально-экономического быта, национально-освободительной борьбы казахского народа, его культурной истории либо совсем не нашли отражения, либо нуждаются в существенном пересмотре.

Краткий обзор прошлого Казахстана содержится в работе Л. Мейера «Киргизская степь Оренбургского ведомства» и в обширном исследовании М. Красовского «Материалы для географии и статистики России. Область сибирских киргизов». Обе эти работы вышли в 60-х годах XIX века. Их появление было вызвано стремлением обобщить сведения исторического, географического, экономического характера, относящиеся к Казахстану, присоединение которого к Российской империи было к этому времени в основном завершено.

Все эти обзорные труды не дают правильной и полной картины жизни казахского народа и, тем более, верной оценки его истории. Но они содержат довольно богатый фактический материал и при необходимом критическом к ним отношении могут быть использованы нашими советскими историками.

Литература, посвященная отдельным проблемам прошлого казахского народа, весьма многочисленна. Но лишь сравнительно небольшое число исследователей ставит новые проблемы. Для изучения происхождения казахского народа большое значение имеют работы Н. Аристова. Его «Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой Орды и каракиргизов», а также «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности», вышедшие в 30-х годах XIX века, впервые в широком плане поставили вопрос об этническом составе казахской народности. Однако, в исследованиях Н. Аристова вопрос об этногенезе казахов лишь поставлен, но не разрешен. Автор сообщает много интересных данных о происхождении отдельных казахских родов. Главный же вопрос — о слиянии этих родов в единую казахскую народность, отличную от других тюркских народностей, — им обойден. Несмотря на это, фактические сведения, сообщаемые Н. Аристовым, сохраняют свое значение до наших дней. Многие из них нуждаются в частичных исправлениях, другие могут быть приняты целиком. В вопросе этногенеза имеют большое значение данные антропологии. Описание антропологического типа казахов дано А. Харузиным. Но его работа «Киргизы Букеевской Орды», вышедшая в двух выпусках в 1889—1891 годах, содержит антропологическое описа-

ние казахов западных районов Казахстана. А. Харузин не касался вопросов исторической антропологии. Это снижает значение его труда при изучении этногенеза казахского народа. Таким же недостатком страдают и антропологические исследования Ивановского. Необходимым добавлением к этим работам являются труды Ошанина, собравшего ценные сведения по исторической антропологии казахов. Работы Ошанина относятся уже к советской исторической науке. Для истории хозяйственного быта и политической жизни Казахстана в древний период и в эпоху средневековья большое значение имеют работы А. Лерха и В. Радлова, которые охватывают историю сыр-дарьинских городов (Лерх) и северо-восточных районов Казахстана (Радлов).

Крупный шаг вперед в изучении истории образования Казахского ханства был сделан В. В. Вельяминовым-Зерновым в его «Исследовании о касимовских царях и царевичах», вышедшем в 1864 году. Во второй части этого труда, в связи с известиями об одном касимовском царевиче — Ураз-Мухаммеде, казахском султане, В. В. Вельяминов-Зернов, на основании восточных источников, впервые вскрыл ряд исключительно важных фактов из истории образования Казахского ханства и первых десятилетий его существования. Тем самым первоначальная история казахского государства из области догадок и легенд была поставлена на почву твердых исторических фактов. Свое значение работа В. В. Вельяминова-Зернова в основных своих положениях сохранила до наших дней.

До революции не вышло ни одной работы, которая дала бы удовлетворительное освещение внутренней, социальной истории казахского народа до превращения Казахстана в колонию царской России, т. е. до 70-х годов XIX века. В связи с этим не могла найти удовлетворительного изложения и история национально-освободительной борьбы казахского народа. Освещение освободительных движений казахов, если не считать отдельных страниц по этому вопросу в общих обзорах истории Казахстана, нашло свое отражение лишь в ряде статей. Из них наиболее ценными являются: работа Н. Аничкова «Киргизский батыр Джанходжа Нурмухаммедов», содержащая весьма добросовестное исследование фактической стороны движения Жанхожи, и две статьи Н. Середы, посвященные крупному национально-освободительному движению казахов под руководством Кенесары Касымова — «Бунт киргизского султана Кенесары Касымова» и «Из истории волнений в Оренбургском крае (О восстании казахского народа в 1869 — 1870 гг.)». Однако все эти работы носят описательный характер, не вскрывая ни движущих сил, ни социальной природы освободительных движений в Казахстане.

Обширная литература посвящена истории Казахстана конца XIX — начала XX веков. По преимуществу эта литература освещает земельный вопрос, интерес к которому, естественно, возник в связи с переселенческой политикой царского правительства.

Проблема превращения Казахстана в колонию царской России в дореволюционной литературе не нашла удовлетворительного разрешения. Вопросы колониальной политики российского царизма рассматривались обычно под углом зрения цивилизаторской роли царской России на Востоке. Глубокое значение прогрессивности, вытекавшей из сближения Казахстана с более передовой капиталистической экономикой России, не выяснялось. Прогрессивная роль России в восточных областях империи сказывалась вопреки колониальной политике царизма, который стремился сохранять, а не разрушать отсталые патриархально-феодальные формы отношений и быта в Казахстане. Разорение и вымирание казахского народа, явившиеся результатом колониальной политики царизма, обезземеливания казахской общины, в связи с изъятием в переселенческий фонд огромного количества казахских земель, не нашли правильного отражения в дореволюционной литературе. Обычно захват земель у казахов объяснялся «ненужностью» этих земель для казахского хозяйства. Эта теория «излишков» особенно ярко отразилась в статьях участников экспедиции Щербины конца 90-х годов XIX века.

Большую роль в дореволюционной литературе о прошлом Казахстана сыграли работы академика В. В. Бартольда. Прекрасный знаток археологии и восточных источников, В. В. Бартольд в своих работах «Очерк истории Семиречья», «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», «О христианстве в Туркестане в домонгольский период» и других, построенных на огромном фактическом материале, показал, что народы восточных областей империи, которые в официальной литературе пренебрежительно третировались как неисторические народы, на самом деле имели свою длительную историю и многообразную и высокую культуру. Основные интересы В. В. Бартольда были связаны, однако, с историей средневековья оседлых районов Средней Азии, в частности, с иранским прошлым этих районов. Это наложило известный отпечаток на его историческую концепцию и привело к переоценке значения влияния иранской культуры на культурное прошлое тюркских народностей Средней Азии. Но отдельные ошибки в подлинно новаторской работе В. В. Бартольда не могут умалить значения его исследований. В значительной степени благодаря трудам В. В. Бартольда русской науке принадлежат наиболее яркие страни-

цы в исследовании прошлого народов современного советского Востока.

В середине XIX века из среды казахского народа вышел ученый, который в работах, оставшихся в большинстве, к сожалению, лишь в черновых набросках, сумел дать ценные зарисовки истории своего народа. Это был Чокан Чингизович Валиханов. Его этюды «Аблай», черновые наброски к статье «Аблай», набросок о грамотах китайских императоров, «Киргизское родословие», предания и легенды Старшего жуза и другие работы не потеряли научного значения до наших дней.

Со второй половины XIX века начинает развиваться казахская письменность. Появляются первые печатные книги на казахском языке, которые издаются в основном в Казани, Оренбурге, а затем в Ташкенте и других городах Средней Азии.

Ряд исторических статей был опубликован в журнале «Айкап», издававшемся на казахском языке в городе Троицке в 1911 — 1915 годах под редакцией казахского писателя и публициста Мухамеджана Сералина.

Общим недостатком этих работ является весьма слабое использование исторических источников. Значительная часть этих работ записана на основе религиозных преданий с частичным использованием фольклорного материала.

Прошлое народов Казахстана интересовало не только русскую науку, но и западно-европейских исследователей — Шаванна, Ремюза, Томсена и др.

Основная часть иностранных исторических работ посвящена древнейшему периоду истории Казахстана. Большинство из них затрагивает вопросы этногенеза, языка и этнографии древних народов, живших на территории Казахстана — саков, массагетов, иссидонов, гуннов, орхоно-енисейских тюрок, гузов, куманов, или половцев, канглы, уйгуров и др., арена исторической деятельности которых выходила далеко за пределы Казахстана и охватывает не только Азию, но и значительную часть Восточной Европы. Повышенный интерес к прошлому народов Востока со стороны западно-европейской науки был обусловлен империалистическими стремлениями западно-европейских государств. Народы Востока интересовали западную науку как объект колониальной экспансии. Особенно открыто и ярко это проявилось в таких трудах, как «Россия в Азии» Краузе, «Сердце Азии» Скрайна и Росса и др. В последние годы интерес к истории стран Востока повысился и в Америке (Мак Говерн, «Древнейшие империи Центральной Азии», 1939 г.), что явно находится в непосредственной связи с экспансионистскими стремлениями американского империализма.

Историографическое значение этих работ заключается во введении в научный оборот новых источников и новых факти-

ческих данных. Что касается выдвигаемых ими различных теорий, объясняющих те или иные явления и события, то они научной ценности не представляют.

Вопросы истории Казахстана затрагиваются также в отдельных изданиях на турецком языке. Большая часть турецкой литературы, вышедшей в начале XX века, преследовала определенные пантюркистские и панисламистские цели. Такая антинаучная литература, фальсифицирующая историю Востока и Казахстана, особенно в большом числе появилась в период первой мировой войны. Фальсификацию истории продолжают и современные турецкие фашиствующие «ученые». Эта литература, естественно, никакой научной ценности не имеет.

Великая Октябрьская социалистическая революция пробудила огромный интерес к истории народов бывших царских колоний. Революция создала и материальные возможности для широкой постановки изучения истории этих народов. Оживилось археологическое изучение Казахстана. Вместо случайных и разрозненных экспедиций были организованы экспедиции, поставившие своей целью планомерное изучение археологических памятников Казахстана. Для северных и центральных районов Казахстана наибольшее значение имели раскопки М. Грязнова и М. Воеводского, открывшие на территории Казахской ССР памятники бронзовой так называемой Андроновской культуры. Для Западного Казахстана большое значение имеет исследование срубно-хвалынской культуры, проведенное Б. Граковым. Казахским филиалом Академии наук СССР и Институтом истории материальной культуры имени Н. Я. Марра в 1936—1940 годах был организован цикл экспедиций под руководством А. Н. Бернштама по археологическому изучению Семиречья. Экспедиции дали богатейший материал по истории городов Семиречья, в частности, была вскрыта история древнего «города купцов» — Тараза (ныне Джамбул).

Значительно оживилась научно-исследовательская работа по истории Казахстана как в научных центрах СССР, так и в Казахской ССР. Кроме В. В. Бартольда, давшего ряд новых трудов, в Ленинграде успешно работал над историей средневековья Средней Азии А. Ю. Якубовский. Его «Развалины Сыгнака», «Столица Золотой Орды — Сарай-Берке», «Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой» и ряд других работ, вышедших из печати в 20-х и начале 30-х годов, имеют большое значение для изучения хозяйства и политических отношений в степях Дешти-Кыпчак. Ценным для изучения социальных отношений тюркских народностей явился вышедший в 1934 году труд академика

Б. Владимирцева «Общественный строй монголов», посвященный выяснению социальных отношений монгольских племен.

В 1924 году в Оренбурге, который был тогда столицей Казахской АССР, вышла большая работа А. П. Чулошникова — «Очерки по истории казах-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен». Исследование А. П. Чулошникова посвящено хозяйственному, общественному и политическому быту племен и народностей Казахстана, по преимуществу его южных районов, начиная со сведений об усунях и до 30-х годов XVIII века, т. е. до начала российского подданства казахов. Необходимым дополнением к этой работе является большая статья А. П. Чулошникова «К истории феодальных отношений в Казахстане XVII — XVIII вв.», опубликованная в 1936 году, в которой автор подверг решительному и справедливому пересмотру свои представления о якобы господствовавших у казахов родовых или первобытно-общинных отношениях.

Эта статья А. П. Чулошникова является серьезной попыткой осветить вопрос о социально-экономических отношениях у казахов, хотя своеобразия феодальных отношений в кочевом обществе автор не раскрыл.

Много работал в Казахстане А. Ф. Рязанов. Большая заслуга его заключается в том, что он ввел в научный оборот много нового фактического материала. Его источниками являлись фонды местных архивов, почти исключительно Оренбургского областного архива. Материалы центральных архивов не были им использованы. В своих работах «Сорок лет борьбы за независимость казахского народа (1797 — 1838 гг.)», «Восстание Исатая Тайманова», «Батыр Срым Датов» и других А. Ф. Рязанов дал очерк освободительных движений в Казахстане в конце XVIII и первой половине XIX веков. Однако он рассматривал эти движения со стороны их антиколониального направления. Внутренняя обстановка развития борьбы казахского народа им вскрыта не была. Поэтому А. Ф. Рязанов не мог дать правильного освещения ни движущих сил восстаний, ни причин, их вызвавших. Особенно крупные ошибки допущены А. Ф. Рязановым в освещении восстания султана Каратая. Феодальную войну, которую вел султан Каратай, А. Ф. Рязанов ошибочно отнес к народным антиколониальным движениям.

Для работ Рязанова также характерна идеализация дореволюционного прошлого казахского народа. Его работы нуждаются в ряде исправлений не только из-за его порочной методологии, но и ввиду не всегда точной передачи содержания источников.

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о преподавании

истории (1934 г.), замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова на конспект учебников по истории СССР и Новой истории и затем выход в свет Краткого курса истории ВКП(б) имели огромное значение для изучения истории народов Советского Союза. Если раньше история СССР ограничивалась, главным образом, изложением истории русского народа, то после исторических замечаний товарищей Сталина, Кирова и Жданова изучение истории народов и других братских республик стало одной из центральных задач советской науки. В эту работу включились как центральные институты Академии наук СССР, так и местные научные учреждения.

Развитие марксистско-ленинской исторической науки в Казахстане сильно тормозилось не только влиянием на казахских историков так называемой «школы» Покровского, но и влиянием буржуазно-националистических концепций. Работы, выходившие из-под пера местных буржуазных националистов, которые впоследствии были разоблачены, как враги народа, довольно многочисленны, но научной ценности они не имеют.

«Историки» из лагеря буржуазных националистов по основным проблемам истории Казахстана пропагандировали и распространяли антинаучные взгляды, фальсифицировали исторические факты, культивировали тенденциозный националистический подход к историческим источникам.

Выступления буржуазных националистов на историческом фронте со своими националистическими «теориями» были связаны с их борьбой против Советской власти и основных мероприятий советского правительства и большевистской партии в области социалистического строительства в Казахстане.

Антимарксистские националистические «теории» буржуазных националистов по истории Казахстана в основном касались вопросов социально-экономического развития казахского общества и его классовой структуры. Они пытались доказать, что казахское общество является обществом родовым, в котором нет классов, а следовательно, нет и классовой борьбы. Отрицая наличие классовых противоречий и байской эксплоатации в ауле, они утверждали, что бий, бай и простой казах-бедняк являются в классовом отношении равными членами казахского общества. Порочные методологические установки, сводящиеся, с одной стороны, к отрицанию внутренних классовых отношений в казахском обществе, а с другой, — когда наличие классовых отношений признавалось, — к пренебрежению своеобразными чертами этих отношений, приводили к тому, что патриархально-феодальный характер эксплоатации затушевывался, оставался невскрытым. Из отрицания классов у казахов происходило и неверное определение социальных категорий казахского общества. Все бии, батыры и другие

представители феодально-родовой знати определялись как защитники интересов народа и выразители его чаяний.

Естественно, что буржуазные националисты, фальсифицируя историю, идеализировали дореволюционное прошлое казахского народа.

Исходя из теории о бесклассовости казахского общества, буржуазные националисты доходили до утверждения, что в казахском послеоктябрьском ауле — гражданский мир, что казахский бай — смирный и безвредный бай, который якобы в связи с господством у казахов родовых отношений созрел для врастания в социализм. Все эти и подобные им антинаучные вредные теории, извращающие историю Казахстана и тормозившие развитие исторической науки, были решительно разгромлены партией и советскими историками-марксистами.

В 1938—1940 годах при помощи Академии наук СССР развернулась научная работа Казахского филиала Академии наук СССР в области изучения истории Казахстана. Были проведены археологические экспедиции по изучению долин Таласа, Чу и восточных районов Семиречья. Было подготовлено издание материалов по истории Казахской ССР. Совместно с Публичной библиотекой имени Пушкина в гор. Алма-Ата была составлена библиография по истории Казахстана. Тогда же начат был выпуск специального сборника «Известий КФАН, серии исторической».

Крупную роль в изучении истории большевистской партии и советского периода истории Казахской ССР сыграл Казахский филиал ИМЭЛ. В журнале «Большевик Казахстана» и других изданиях стали систематически помещаться статьи, являвшиеся результатом исследовательской работы местных историков Казахстана по истории революции, истории партии и Советской власти в Казахстане. Необходимо в этой области отметить работы Н. Т. Тимофеева.

Значительная работа была проделана также в области истории казахской культуры, особенно литературы и музыки. Были изданы серия поэм из богатырского эпоса и исторические песни.

Исследования в области казахской культуры значительно оживились в связи с организацией в 1933 году Института истории национальной культуры, впоследствии влившегося в состав Казахского филиала Академии наук СССР. За последние годы из печати было выпущено несколько томов лучших образцов казахского фольклора: произведения героического эпоса, лирические поэмы, песни о восстании 1916 года, народные загадки, айтысы акынов и др. Кроме того, был выпущен первый том академического издания песен Джамбула и произведения классика казахской ли-

тературы Абая Кунанбаева. На русском языке вышла под редакцией М. Ауэзова и Л. Соболева антология казахской литературы под названием «Песни степей» (1940 г.), переводы лирики Абая, один из лучших образцов казахского лирического эпоса — поэма «Козы Корпеш и Баян Слу». Эти переводы, познакомившие народы Советского Союза с лучшими образцами казахского народного творчества, способствовали культурному сближению народов братских советских республик.

В самое последнее время Институтом языка и литературы Академии наук КазССР выпущен первый том «Истории казахской литературы», содержащий богатый материал по устному народному творчеству как дореволюционного, так и советского периода.

Но работа в области истории культуры не ограничивалась собиранием и изданием образцов литературного творчества казахского народа. Одновременно издавались также на казахском языке очерки и учебники по истории казахской литературы.

Однако в этих работах литературоведов были допущены грубые методологические и фактические ошибки, которые сводились к идеализации прошлого казахского народа, к идеализации ханов и биев. В некоторых работах казахское общество до Октябрьской революции рассматривалось авторами, как общество бесклассовое.

Эти ошибки были в свое время отмечены в решении ЦК КП(б)К «О грубых политических ошибках в работе Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР».

В области исследования истории казахской музыки большую роль сыграло издание казахских песен, записанных А. Затаевичем, и исследования казахского композитора А. К. Жубанова. Сборник Затаевича «1000 песен казахского народа» и «500 песен-кюев казахского народа» впервые познакомили советскую и мировую общественность с песенным творчеством казахов. Их издание восторженно приветствовал Ромэн Роллан.

В 1940 году в Алма-Ата вышла из печати книга «Двадцать лет Казахской ССР», содержащая очерки по истории казахского народа, по преимуществу советского периода.

Работа центральных институтов Академии наук СССР выразилась не только в помощи Казахскому филиалу, но и в организации и проведении самостоятельных исследований и публикаций по истории Казахской ССР. Крупную роль в развитии истории Казахстана сыграли публикации документальных материалов. Так, Институтом Востоковедения Академии наук СССР был опубликован второй том сборника материа-

лов В. Г. Тизенгаузена. Эти материалы имеют весьма важное значение для изучения истории народностей Казахстана в период Золотой Орды. В частности, сборник содержит материалы, позволяющие восстановить плохо изученную историю Белой Орды, бывшей составной частью Золотоордынского ханства. Обширные отрывки из восточных источников, имеющие прямое отношение к истории Казахстана, помещены в двухтомном собрании материалов по истории туркмен и Туркмении, особенно во втором томе этого сборника. Интересные сведения, связанные с историей Казахстана, были опубликованы также в «Материалах по истории каракалпаков».

Одновременно Ленинградским отделением Института истории Академии наук СССР был издан ряд сборников по истории народов СССР. Имеют немалое значение для истории Казахстана «Материалы по истории Башкирии» и «Материалы по истории Узбекской, Туркменской, Таджикской ССР», изданные под руководством А. П. Чулошникова. Ленинградским же отделением Института истории подготовлена к печати серия томов «Материалов по истории Казахской ССР». Из этой серии в 1940 году вышел из печати подготовленный к печати под руководством М. П. Вяткина четвертый том, охватывающий период с 80-х годов XVIII века по 20-е годы XIX века.

Одновременно с публикацией материалов Институт истории Академии наук СССР опубликовал ряд исследований, посвященных истории Казахстана. Из этих работ имеют особое значение книга «Золотая Орда» А. Ю. Якубовского и Б. Д. Грекова, «Архив хивинских ханов», «Казахи и Кокандское ханство» П. П. Иванова. В 1941 году вышли из печати «Очерки по истории Казахской ССР» М. П. Вяткина, охватывающие основные моменты истории казахского народа с древнейших времен по 1870 год.

Все эти работы создали предпосылки для написания первой систематизированной истории Казахстана.

В годы войны коллективом казахстанских и московских ученых была написана «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней». Выход в свет в 1943 году «Истории Казахской ССР» вызвал большой интерес научной общественности как к самому изданию, так и к дальнейшей разработке истории казахского народа. Но первое издание «Истории Казахской ССР» содержит ряд методологических ошибок в изложении важнейших вопросов истории Казахстана.

Основная ошибка авторов состояла в том, что они рассматривали историю казахского народа не как историю развития производительных сил и производственных отношений, не как

историю классов и классовой борьбы, а преимущественно как историю борьбы казахов за свою независимость.

В книге явно прикрашивались патриархально-феодальные отношения казахов, проскальзывала идеализация ханского прошлого и в то же время недостаточно освещалось угнетение трудящихся масс со стороны казахской феодальной верхушки. Авторы, вопреки историческим фактам, объявляли казахские ханства XV — XVIII веков прочными государствами. Этим самым они объективно умаляли значение Великой Октябрьской социалистической революции, впервые в истории освободившей казахский народ от гнета эксплоататоров и создавшей подлинно независимое государство — Казахскую Советскую Социалистическую Республику, являющуюся неразрывной частью Советского Союза.

Авторы также неправильно оценивали присоединение Казахстана к России, рассматривая его только с точки зрения завоевательной политики царизма, не показывая прогрессивного значения вхождения Казахстана в состав Российской империи, в результате чего произошло приобщение его к более развитой русской культуре и экономике. В книге также были недостаточно показаны экономические и культурные связи между казахским, русским и другими народами, их совместная борьба с царским произволом и насилием. В результате всего этого были обойдены важнейшие вопросы, способствовавшие сближению народов нашей страны и их сплочению вокруг великого русского народа.

Эти ошибки были вскрыты в рецензиях центральной печати, а также в специальном постановлении ЦК КП(б)К от 14 августа 1945 года «О подготовке второго издания Истории Казахской ССР». ЦК КП(б)К поставил перед авторским коллективом и историками Казахстана задачу переработать первое издание в свете данных им указаний.

Огромное значение имели для развития историографии Казахстана в послевоенный период выступление товарища Сталина на предвыборном собрании Сталинского избирательного округа гор. Москвы 9 февраля 1946 года, поставившего перед советскими учеными грандиозную задачу «не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны», а также постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам. Эти постановления мобилизовали советских историков, в том числе и историков Казахстана, на разрешение новых актуальных проблем, повысили их методологическую вооруженность, заострили критическое отношение к построениям и выводам буржуазной науки. История советского периода становится стержнем научно-исследовательской работы в Казахстане.

Бурный рост национальных кадров дал возможность создать в 1946 году Институт истории, археологии и этнографии в составе Академии наук Казахской ССР. Его работа проводится в тесном сотрудничестве с историками Москвы, Ленинграда и республик Средней Азии. Результаты этой работы проявились в выходе в свет ряда монографических исследований по истории Казахстана и в большом количестве специальных статей.

Вышли в свет монографии: Н. Г. Аполловой — «Присоединение Казахстана к России», Е. Б. Бекмаханова — «Казахстан в 20 — 40-е годы XIX века», работы В. Ф. Шахматова по истории Внутренней (Букеевской) Орды, книга Х. Г. Айдаровой о Чокане Валиханове, затрагивающая вопросы развития общественной мысли в Казахстане, и др. В этих изданиях делается довольно обстоятельная попытка исследования социального строя казахского общества XIX века. В 1947 году вышла в свет книга М. П. Вяткина «Батыр Срым», удостоенная Сталинской премии.

Из вышедших в последние годы публикаций по истории Казахстана досоветского периода следует отметить выпущенный в 1947 году под редакцией Б. С. Сулейменова сборник документов и материалов «Восстание 1916 года в Казахстане».

После Великой Отечественной войны в научных учреждениях Казахстана наметился значительный поворот в сторону изучения истории советского периода. Еще в годы войны Архивным управлением МВД КазССР были выпущены представляющие значительный интерес два сборника: «Письма с фронта» и «Герои Советского Союза — казахстанцы». В 1947 году был выпущен в свет сборник архивных материалов «Победа Великой Октябрьской социалистической революции и образование Казахской АССР» под редакцией С. Н. Покровского. В этом сборнике собраны и систематизированы в основном неопубликованные архивные материалы, которые освещают историю борьбы за установление Советской власти в Казахстане и образование Казахской Автономной Советской Социалистической Республики.

Сдана в печать большая монография С. Н. Покровского «Октябрьская революция и гражданская война в Семиречье».

На основе критических замечаний по первому изданию «Истории Казахской ССР» коллектив авторов приступил к коренной переработке этой книги. Несомненно, что не все вопросы, затронутые и во втором издании книги, могут считаться окончательно разрешенными. Как и в первом издании, многие из них только намечены, некоторые попрежнему остаются спорными.

Одним из основных вопросов при построении истории лю-

бого народа является вопрос периодизации. Та периодизация, которая была принята в первом издании «Истории Казахской ССР», являлась ошибочной. Вся история Казахстана в дооктябрьский период была разбита авторами на два основных этапа: первый — народы Казахстана в период независимости (с древнейших времен до введения реформы 1868 года) и второй — Казахстан — колония (с 1868 года до Великой Октябрьской социалистической революции). Таким образом, весь доколониальный период истории Казахстана (до 1868 г.), по мнению авторов, являлся периодом независимости казахского народа. К периоду независимости были также отнесены и века монгольского ига. Ясно, что в основу периодизации Казахстана должно быть положено марксистско-ленинское учение о социально-экономических формациях, что авторы и пытались провести во втором издании.

Несомненно, что для истории Казахстана вопрос о периодизации представляется особенно трудным. Народности Казахстана не прошли в своем развитии рабовладельческой формации. У них существовали лишь неразвитые формы патриархального рабства. С другой стороны, иногда очень трудно установить, исходя из имеющихся материалов, грань между племенными союзами и дофеодальными так называемыми варварскими государствами. Таким образом, одной из сложных проблем при построении периодизации истории Казахстана являлось определение места в историческом процессе племенных союзов, которые переживали процесс разложения первобытно-общинного строя и становления классового общества, с его первым делением на свободных и рабов. Другой проблемой явилась необходимость определить в этом длительном, крайне запутанном и сложном процессе место и характер дофеодальных варварских государств, существовавших на территории Казахстана.

Одной из сложных проблем, которая может быть разрешена лишь в результате большой дополнительной работы, является проблема происхождения казахского народа. Проблема этногенеза, требующая для своего разрешения соединенных усилий историков, археологов, лингвистов, этнографов и других специалистов, вообще крайне мало разработана в науке. Предшествующие исследования позволили наметить лишь основные этнические компоненты, из которых складывалась казахская народность, а также лишь приблизительно наметить время образования казахской народности.

Необходимо отметить, что решение этого вопроса, которое дается в настоящей книге, требует дальнейшей разработки, особенно для выяснения роли в этногенезе казахов восточных племен, в частности монгольских.

Предшествующие исследования позволили в основных чертах разрешить вопрос о социальном строе казахов.

Эти исследования, в противовес утверждениям буржуазных националистов, с достаточной убедительностью показали, что казахское общество было обществом классовым, отмеченным глубокими классовыми противоречиями. В основном был раскрыт патриархально-феодальный характер классовых отношений в Казахстане и показан процесс расслоения казахской общины. Необходимо, однако, дальнейшее уточнение этого вопроса для понимания отдельных социальных категорий казахского общества.

В настоящей книге уделено достаточное место истории образования и развития Казахского ханства, представлявшего государственную организацию казахов в период их независимого существования. Сделана попытка показать основные этапы в развитии Казахского ханства и оценить роль его отдельных руководителей. Подходя исторически к оценке роли отдельных личностей, авторы настоящей книги решительно отказались от пережитков «школы» Покровского, огульно отрицавшей какую-либо прогрессивную роль отдельных князей или феодалов только потому, что они принадлежали к классу эксплоататоров.

Во многом заново пересмотрены и оценены в настоящей книге и отдельные этапы освободительной борьбы казахского народа в XVIII — XIX веках. Массовая национально-освободительная борьба всегда связана с борьбой за землю. «...Национальный вопрос есть по сути дела вопрос крестьянский»[1] — говорит товарищ Сталин. Однако борьба за землю может итти по линии разрешения внешних противоречий — борьбы антиколониальной и по линии разрешения внутренних противоречий — борьбы против собственной знати, узурпирующей общинные земли и другими способами осуществляющей эксплоатацию трудящихся. В каждом движении оба эти момента переплетались, но в каждом из них преобладал тот или другой момент. По этому признаку преобладания антиколониальной или антифеодальной борьбы необходимо различать качественные особенности каждого движения. Эти различия проводятся и в настоящей книге.

Важнейший вопрос в истории Казахстана — это вопрос о взаимоотношениях Казахстана и России. В настоящей книге этот процесс впервые прослеживается со времени первых сношений с восточными славянами, т. е. с VII века нашей эры.

Авторы второго издания по-новому разбирают вопрос о принятии казахами российского подданства при Абулхаире,

[1] И. В. Сталин. Сочинения, т. VII, стр. 72.

Государственная

которое положило начало присоединению Казахстана к России, освещая историческую обусловленность этого события и его прогрессивное значение для Казахстана.

Пересмотрен также вопрос о прогрессивной роли включения Казахстана в общее русло капиталистического развития, какое переживала вся Российская империя.

Капитализм, как отмечал Ленин, развивался не только вглубь, но и вширь. Такое развитие капитализма было тесно связано с реакционной политикой российского самодержавия XIX века, усиленно поддерживавшего феодальные пережитки в экономике России. Развитие капитализма оказывало прогрессивное влияние на царские окраинные колонии, ускоряя там процесс разложения патриархально-феодальных отношений и способствуя втягиванию их в общий процесс капиталистического развития. Как уже отмечалось, это не только не противоречит, а целиком совпадает с ленинской характеристикой царской России, как «тюрьмы народов».

Сама по себе колониальная политика царизма не только не была «прогрессивной», а, наоборот, стремилась задержать экономическое развитие колоний, искусственно поддерживала самые отсталые формы хозяйства и быта, тормозила развитие национальной культуры. Вот почему передовые русские люди, заинтересованные в демократизации России, горячо сочувствовали национально-освободительной борьбе казахов, как и других народов, против царизма. Совместная борьба казахского и русского народов против общего врага — царизма — приближала час их освобождения от реакционно-феодальной власти и играла большую роль в исторической подготовке Великой Октябрьской социалистической революции и победы социализма в нашей стране.

Значительное место отведено в настоящей книге вопросам истории казахской культуры. Лучшим показателем жизнеспособности казахского народа в самые мрачные периоды его истории было то, что никогда не угасали его творческие силы, не умолкали его песни, никогда не теряли они своего бодрого содержания и настроения. В книге выявлена эта сторона народного и литературного творчества казахского народа.

ГЛАВА I.

ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ СТРОЙ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА.

§ 1. ДРЕВНЕЙШЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО В КАЗАХСТАНЕ.

Следы первобытного человека в Казахстане.

Несколько сот тысяч лет тому назад природные условия Казахстана напоминали современную тропическую Африку. Климат был жарким. Землю покрывала богатая южная растительность — лавры, смоковницы и т. д. Здесь обитали животные теплого климата.

Однако постепенно наступило похолодание. Горные массивы Алтая, Тянь-Шаня, Кара Тау, Ала-Тау и их отроги покрылись ледниками. Почти вся западная часть Казахстана представляла собой водный бассейн, остатками которого являются современные Аральское и Каспийское моря. В связи с этими изменениями стал иным растительный и животный мир. Исчезла южная флора, вместо тропических животных появился северный олень и мамонт.

Проходили века. Медленно начал отступать на север ледник. Усыхало море, теплел климат. В это время, вероятно, и появился на территории Казахстана первый человек. Он не был похож на современного человека. Мощные челюсти, убегающий назад лоб, длинные, мощные руки — таков был облик существа, только что оторвавшегося от животного мира, только что сделавшегося благодаря труду человеком.

В суровых природных условиях протекала жизнь древнейших людей. Их орудиями были тогда камни и палки. Трудность

добычи пищи и необходимость защищаться от зверей способствовали объединению людей в небольшие коллективы. Такие группы — первобытные орды — бродили с места на место в поисках пищи. Для жилья они использовали естественные укрытия — пещеры, расселины скал. Иногда сооружали временные жилища — шалаши или навесы.

Величайшим открытием явилось умение использовать огонь. Это было огромным прогрессом в жизни человека.

Орудиями человека были грубо обработанные камни. Этот период истории человечества ученые назвали древнекаменным веком — палеолитом. Начало этой эпохи относят ко времени более 100 тысяч лет тому назад, конец — за 15 тысяч лет до нашей эры.

Следы жизни людей этого далекого времени в Казахстане еще пока почти неизвестны, но отдельные палеолитические орудия, найденные в верховьях Иртыша, указывают на то, что уже тогда небольшие коллективы людей населяли богатые дичью предгорья Алтая и, вероятно, многие другие места нынешнего Казахстана.

Орудия эти крайне грубы и примитивны. Сперва просто оббивали кремневый желвак, делая на нем заостренный конец и полукруглую пятку для держания в руке, затем научились откалывать пластины и заострять их края. В зависимости от формы пластины и ее дальнейшей обработки получались ножи, скребки, проколки и другие орудия, необходимые для охоты на зверя, обработки его мяса и шкуры, а также для добывания съедобных корней и плодов. Широко применялись также орудия из дерева и кости, их, вероятно, было даже больше, но они не сохранились до нашего времени.

При помощи таких орудий люди коллективно охотились на зверей, устраивая иногда засады, загоняя зверей на обрывы и т. д. В этих охотах принимали участие все члены орды. Однако уже тогда началось первое — поло-возрастное разделение труда. Взрослые мужчины занимались главным образом охотой, женщины — варкой пищи, собиранием плодов и кореньев.

В процессе трудовой деятельности рождались первобытные формы искусства, речь, примитивные религиозные верования. На стенах пещер, иногда на костях или бивнях мамонта древний человек изображал сцены охоты, отдельных животных, редко людей и т. д. Искусство у первобытных людей имело магический характер. Обладание изображением предмета, по первобытным верованиям, давало человеку власть над самим предметом. Изображение охоты якобы могло помочь реальной охоте. В совместной деятельности люди общались сначала лишь жестами и отдельными выкриками. Членораздель-

ная речь, находясь в тесной связи с растущими потребностями производства, начала складываться в конце палеолитической эпохи.

В позднем палеолите возникла и новая форма общественной организации — родовой строй.

Неолит. Материнский род.

Прошли еще века. Климат сделался теплее. Ледники растаяли. На территории Казахстана появилось большое количество озер и рек, образованных тающими ледниками. Огромные просторы, ранее засыпанные снегом и покрытые льдом, превратились в степи. Изменились соответственно флора и фауна. Появились животные и растения, близкие к современным, изменился и тип человека, принявшего облик современного человека.

Новые природные условия облегчили развитие человеческого общества. Люди продолжали еще делать свои орудия из камня, но уже тщательно отделывали и шлифовали их. Эта эпоха, в отличие от предыдущей, названа новокаменным веком — неолитом и относится ко времени 6 — 15 тысяч лет тому назад.

Остатки неолитических стоянок разбросаны по всей территории Казахстана. Особенно много их в полосе озер между Кустанаем и Тургаем и по берегам рек (Эмба, Ишим, Иртыш, Сары-Су и др.). Встречаются они на берегах Аральского моря, в пустыне Бетпак-Дала, в Центральном Казахстане и т. д. Находясь в различных географических условиях, неолитические племена Казахстана развивали у себя тот или иной вид хозяйства — рыболовство на берегах рек и озер, охоту в предгорьях и степи, что способствовало зарождавшемуся межплеменному обмену.

Орудия неолита степных областей имеют характерную особенность — это орудия очень небольших размеров. Ученые их назвали микролитами (греческие слова: микрос — маленький и литос — камень). Микролиты вставлялись в деревянные и костяные рукоятки и использовались как режущие и колющие орудия. Подобные микролитические орудия существовали очень долго, вплоть до появления железа. Было изобретено новое для того времени оружие, которое значительно «удлинило руки» людей — именно лук и стрелы. Находимые повсеместно в Казахстане каменные наконечники стрел небольших размеров указывают на то, что лук был коротким и легким. Эта особенность объясняется тем, что основным объектом охоты стали не крупные, сильные звери ледниковой эпохи, а мелкая степная дичь. По берегам озер и рек люди стали жить оседло.

В этот период человек осваивает ряд новых производств, из которых важнейшими были скотоводство и земледелие. От

простого собирательства диких кореньев и злаков человек переходит к посеву их, грубо разрыхляя землю заостренной палкой и позднее — каменной или деревянной мотыгой и бросая туда зерна. Древнейшими культурными растениями были ячмень и просо. Особенное значение для Казахстана имело приручение животных. В неолитическую эпоху приручаются овца, коза, свинья, крупный рогатый скот, позднее лошадь и еще позднее — верблюд.

В хозяйстве неолитических племен очень большую роль играл труд женщины. Охота уже не обеспечивала жизнь человека. Все большее значение приобретает домашнее производство (в первую очередь земледелие). Ведущее место в хозяйстве рода заняла женщина. Она научилась сохранять семена, сеять их и собирать урожай. Женщина научилась плести из волокон растений и шерсти грубые ткани. Она же занималась изготовлением глиняной посуды. Первоначально глиной обмазывался сосуд, сплетенный из прутьев, впоследствии стали обходиться без деревянной основы и лепить посуду прямо из глины. Такая древнейшая посуда обнаружена на побережье Аральского моря и южнее Кустаная.

Неолитические стоянки Казахстана оставлены нам первобытными людьми, естественной социальной и хозяйственной организацией которых был род — группа родственников, живущих совместно, работающих коллективно и коллективно владеющих продуктами своего труда.

Счет родства шел по материнской линии. Браки внутри рода были запрещены, дети оставались при матери, что еще более увеличивало роль женщины в обществе. Общество, построенное на таком порядке родства, называется материнским родом, а эпоха, когда люди жили материнскими родами, — матриархатом.

Эпоха бронзы. Отцовский род.

Следующая ступень развития человеческого общества начинается тогда, когда люди научились изготовлять свои орудия из металла. Первыми металлами, которыми овладел человек, были медь и золото.

Пробуя различные породы камня для выделки орудий, человек наталкивался кое-где на самородную медь. При попытке обрабатывать ее, он убедился, что этот «камень» не откалывается, а плющится (куется), давая острые режущие края. Первые орудия из меди и были приготовлены способом холодной ковки. Вскоре было обнаружено, что из зеленых и синих камней (медная руда), брошенных в костер, выплавляется медь. Добавляя в руду различные минералы, для облегчения процесса плавки, человек заметил, что черная оло-

вянная руда (касситерит), будучи добавлена к медной руде, придавала выплавленному металлу новые полезные свойства — легкоплавкость и твердость. Это была бронза.

Бронза долго была важнейшим материалом для изготовления орудий и оружия вплоть до появления железа. Но вследствие трудности ее изготовления и ограниченности месторождений олова, она никогда не могла вытеснить орудий из камня и кости. Казахстан в эпоху бронзы был крупнейшим металлургическим центром для всей Северной Азии и Восточной Европы.

На территории Казахстана встречаются остатки многих десятков древних горных разработок по добыче меди, олова и золота. Крупнейшие из них обследованы в Колбинском и Нарымском хребтах (верховья Иртыша), в Каркаралинских горах, на Степняке, в Джезказгане, Коунраде, в горах Улу-Тау, на Мугоджарах, в Кара-Тау, на Мангышлаке и во многих других местах.

Эти выработки представляют собой неправильной формы ямы, идущие по рудному телу, сделанные с помощью огня. Раскаленную породу поливали водой, отчего она трескалась и становилась доступной каменному кайлу, молоту и клину. Огонь в древнем горном деле играл ту же роль, что и динамит в современном. Такие выработки достигали 25 — 30 м глубины. Руда плавилась в ямах, обмазанных глиной, или в особых печах. Из полученного металла в каменных или глиняных формах отливались нужные орудия. Люди научились выплавлять бронзу разного качества, в зависимости от назначения того или иного орудия. Масштаб древнего производства, по сравнению с современным, был крайне незначительным. Удалось подсчитать, что на всем Западном Алтае, с его десятками месторождений меди и олова, которые разрабатывались в древности, в год добывалось несколько сотен килограммов готовой бронзы. Из полученного металла выделывались топоры, ножи, кинжалы, наконечники копий и стрел, украшения и многие другие предметы. Часть бронзы шла на обмен с соседними племенами.

Скотоводство начинает играть все большую роль в хозяйстве. Это уже было занятием мужчин, которые от охоты перешли к разведению скота. Как у других народов, так и у древних племен Казахстана женщина постепенно утрачивала свою руководящую роль. Материнский род разлагается. Мужчина становится руководителем хозяйственной и общественной жизни рода, занимает в нем господствующее положение. Появляется первое неравенство между мужчиной и женщиной. Счет родства стал вестись по отцовской линии. Теперь женщина переходит в род мужа, а дети остаются в

роде отца. На смену материнскому роду приходит отцовский род, наступает эпоха патриархата.

На этом этапе в Казахстане возникает первое общественное разделение труда, выразившееся в выделении пастушеских племен и в широком развитии межплеменного обмена.

«После выделения пастушеских племен, — писал Энгельс, — мы находим готовыми все условия для обмена между членами различных племен, для его развития и упрочения как постоянного учреждения».[1]

Материальные остатки жизни этих племен, открываемые археологами, носят условное название Андроновской культуры (14—8 вв. до н. э.). Она простиралась от Урала до Енисея. Племена эпохи Андроновской культуры занимались пастушеским скотоводством и мотыжным земледелием, добывали медь, олово и золото, умели обрабатывать камень, кость и дерево и плести из шерстяных ниток ткани. Без гончарного круга они от руки выделывали изящную посуду, покрытую орнаментом в виде треугольников, ромбов и иных геометрических фигур.

Племена эпохи Андроновской культуры жили в полуземлянках больших размеров с очагом, сложенным из камней. Стены и крыша такой землянки делались из бревен и плетня, обмазанного глиной. Несколько таких землянок образовывали родовое поселение. Недалеко от поселения находился могильник и жертвенное место, где приносились жертвы силам природы и предкам рода. Такое поселение было раскопано недалеко от Кустаная. Одни из этих племен, видимо, особенно славились выделкой бронзовых орудий (Западный Алтай), другие — стадами (Центральный Казахстан), третьи — золотом (район современного Степняка), четвертые — посевами (Кустанай).

В эпоху Андроновской культуры земледелие начинает развиваться и на юге Казахстана, в предгорьях Заилийского Ала-Тау. Каменная мотыга и бронзовые серпы были найдены вблизи гор. Алма-Ата.

Памятники Андроновской культуры указывают также на тесную связь племен Казахстана с племенами Алтая, Енисея, Средней Азии и южно-русских степей.

Постепенное развитие овцеводства позволило части племен освоить просторы сухих степей и перейти к кочевому скотоводству. Изменение условий производства изменило и быт людей. «Кочевому быту место в степи», — писал Энгельс. Прежде всего, иного характера стали жилища. Это были уже не землянки, а переносные шатры-юрты. Все хозяйственные предметы приспосабливаются к условиям передвижения.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 136.

Именно в ту эпоху стал формироваться кочевой быт.

Большие изменения произошли в идеологии человека. Первоначальные примитивные верования — обожествление сил природы и неодушевленных предметов (поклонение камням и животным) — сменились более сложным культом небесных светил и культом предков. Вера в загробную жизнь развилась в почитание умерших сородичей. Поэтому стенки могильной ямы обкладывались каменными плитами, рядом с покойником ставили посуду с пищей и питьем, клали оружие, украшения. Могилу обносили кольцом из камней и сверху насыпали курган. Таковы типичные могилы Андроновской культуры, раскопки которых производились около Усть-Каменогорска, Петропавловска, Борового и в других местах.

С развитием межплеменных связей из-за обладания скотом, пастбищами, рудниками, бронзой и золотом часто вспыхивали военные столкновения.

На поздних этапах Андроновской культуры развитие обмена и частые войны способствовали накоплению богатств в руках отдельных семей. Появляется семейная собственность—первая форма частной собственности. Появилось одновременно и имущественное неравенство. Первобытно-общинный строй, при котором не было ни классов, ни государства, вступил в стадию разложения.

§ 2. ДРЕВНЕЙШИЕ ПЛЕМЕННЫЕ СОЮЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА.

Саки.

В VIII—VII веках до н. э. большинство племен Казахстана уже перешло к кочевому хозяйству и несколько позже, в VI — V веках до н. э., научились плавить железо. Это было большим шагом вперед. Железо значительно способствовало повышению производительности человеческого труда. Как писал Энгельс, с введением железа человеческое общество поднялось на высшую ступень варварства, на которой «все культурные народы пережили свой героический период: период железного меча, но также и железного плуга и топора».[1] Племена Казахстана перешли на высшую ступень варварства.

Развитие скотоводства и открытие железа сделали общество более богатым.

На территории Казахстана в глубокой древности жили племена, составившие впоследствии основу казахского народа.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. I, стр. 138.

Борьба между отдельными родами и племенами за обладание пастбищами, водными бассейнами, вызванная ростом производительных сил, приводила к объединению родовых групп и племен в союзы. Эти родовые и племенные союзы были неустойчивы и легко распадались под натиском более сильных племенных союзов и в результате внутренней межплеменной борьбы.

Непрерывная борьба между племенными союзами вынуждала также слабые объединения, под натиском более сильных, покидать свои старые земли и уходить на большие расстояния, на новые территории.

Между местными племенами и пришельцами происходил постоянный процесс взаимодействия — хозяйственного, политического, культурного и военного. Такой же процесс взаимодействия происходил и между различными местными племенными союзами.

Археологические памятники дают нам уже совершенно иную картину материальной культуры. Исчезают андроновские поселения, глиняная посуда становится грубее и хуже. В могилы вместе с человеком клали убитого зануздданного и оседланного коня, его основное средство передвижения и главную боевую силу. Появляются большие курганы, которые достигают иногда огромных размеров. Все говорит о резком имущественном неравенстве. В больших курганах погребаются племенные вожди, вместе с богатейшими золотыми украшениями, расшитыми тканями, войлоком, богатым оружием и одеждой.

Раскопанный в XVIII веке такой курган в районе Усть-Каменогорска дал большое количество золотых украшений. Наряду с богатыми погребениями встречаются и бедные, почти без вещей. Пленных уже не убивают, как раньше, а превращают в рабов, которые живут и работают в семье своего господина. Это так называемое патриархальное рабство, которое не переросло в Казахстане в рабовладельческий способ производства, столь характерный для стран древнего Востока, Греции и Рима.

Усложняются религиозные представления. Люди поклоняются божествам, символизирующим основные силы природы — солнце, землю, молнию, ветер и т. п., изображая их с необычайной экспрессией в виде животных, чаще всего оленя, архара, барса и фантастических существ. Такие изображения на бронзовых и золотых пластинках дошли до нас в большом количестве. Они происходят из Казахстана, Алтая, Западной Сибири, причерноморских степей и, несмотря на большую отдаленность этих территорий, имеют целый ряд общих

черт. Стиль этих изображений в науке носит название — скифского звериного стиля.

Изображения тех же животных выбивали и просто на скалах. Такие наскальные изображения во множестве встречаются в горах западного Алтая, попадаются они и в Центральном Казахстане.

Этим божествам приносили жертвы. Жертвенное мясо варили в больших бронзовых котлах, которых на территории Казахстана найдено свыше 50 штук. Особенно замечательны котлы с ножками в виде художественно выполненных голов архаров и чудовищ, найденные на территории Алма-Ата.

О жизни племен, населявших в эту эпоху территорию Казахстана, имеется немного достоверных сведений. Наиболее точные, но еще недостаточные материалы дают археологические раскопки. Свидетельства древних авторов — греческих и римских историков и географов, китайских, отчасти арабских, индийских и других писателей древности — отрывочны и не всегда достоверны.

В VIII — VII веках до н. э. вся территория от Каспийского моря до восточных отрогов Тянь-Шаня, т. е. нынешняя северная Туркмения, часть Узбекистана, Киргизия и Казахстан, была населена племенами, которых античные авторы назвали общим именем саков, как часть скифов. Эти племена делились на несколько крупных союзов. К востоку от Каспийского моря жили каспии. Далее, в низовьях Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи — массагеты, по среднему и верхнему течениям Сыр-Дарьи и по отрогам Тянь-Шаня и Кара-Тау — собственно саки; далее на восток, в пределах нынешних Джамбулской и Алма-Атинской областей — исседоны, в северном Казахстане — агриппии и ариманы и другие скифские племена. О племенах, живших еще севернее и восточнее, античные авторы ничего достоверного не знали и передавали лишь легенды. Так, говорили о «стерегущих золото грифах» (гриф — мифическая чудовищная птица с головой орла и лапами льва) и о прочих фантастических обитателях этих районов.

Саки в подавляющем большинстве были кочевниками-скотоводами. Считая саков скифскими племенами, греческий географ Страбон писал: «Большая часть скифов, если не все, кочевники». Разводили они, главным образом, лошадей и овец, которые давали молоко, мясо и шерсть; лошадь служила для верховой езды. Со своими стадами саки кочевали в степях: мужчины на конях, женщины и дети — в повозках, крытых кожами. Повозки везли быки и лошади. Люди питались молоком и мясом. Греческий историк Геродот подробно описал внешний вид саков: «Саки — скифское племя, имели

на головах остроконечные шапки из плотного войлока, стоявшие прямо, одеты были в штаны». На ногах была мягкая кожаная обувь. Кафтаны туго застегивались широким поясом.

Саки ташкентского оазиса и Южного Казахстана были знакомы с земледелием. Они сеяли пшеницу и ячмень, занимались ткачеством, гончарством, плавили железную руду. Но и они разводили домашний скот.

Как у саков, так и у массагетов сохранились некоторые следы матриархата — у саков женщины принимали участие в войне наравне с мужчинами.

Племена саков еще жили в условиях первобытно-общинного строя и сообща владели имуществом. Но постепенно уже начинала выделяться племенная знать. Она опиралась на военные дружины, накапливала значительные богатства: скот, золото, рабов.

Свое оружие, посуду, котлы и другие предметы обихода саки украшали изображениями животных — львов, баранов, быков, горных козлов. Ручкам кинжала, ножкам котлов, конским украшениям, пряжкам, серьгам, бусам придавались формы животных.

Саки поклонялись тем же божествам, что и остальные кочевники — земле, небу, солнцу. Земля в представлении саков была женским божеством — «матерью-богиней». Саки изображали ее с венцом из ста звезд на голове и в одежде из тридцати шкур выдры. Они почитали солнце, приносили ему в жертву лошадей. Поклонялись они и богу войны, символом которого считался меч. Жертвоприношение совершалось так: меч втыкался в землю, затем его обливали молоком или кровью.

Войны саков. В VIII — VII веках до н. э. племена Средней Азии и Казахстана уже имели связь с Ассирией. Позднее основатель иранской династии Ахеменидов царь Кир I (558—529 гг. до н. э.) заключил союз с саками и воспользовался их помощью во время войны с лидийским царем Крезом. Но Кир не удовлетворился союзом, а решил покорить саков и массагетов. Ему казалось, что, покорив много сильных народов, он не встретит затруднений в войне против слабых степных племен. Не так оказалось в действительности. Его войско было разбито, а сам он погиб в бою. Царица массагетов Тамарис, по преданию, налила кровью кожаный мешок и, опустив в него голову Кира, сказала: «Ты жаждал крови, пей же ее». Так кончил свою жизнь этот знаменитый царь, вторгшийся на землю массагетов и саков.

Преемнику Кира Дарию I (521—486 гг. до н. э.) уда-

лось на время покорить саков. Дарий обложил их данью. Впрочем, дань была нерегулярна и носила скорее характер даров. Кроме дани, саки посылали своих воинов в войска иранского царя. Отряды саков входили также и в личную гвардию царя — в число так называемых 10000 бессмертных.

Иранцы и греки высоко ценили военные качества саков. Они говорили, что саки «из всех стрелков в мире самые искусные». Саки были вооружены легкими луками и стрелами с трехгранными бронзовыми наконечниками, короткими кинжалами и секирами, носили на теле легкий панцырь из пластин, в руках держали плетеный щит.

Отряды саков участвовали во всех решающих битвах иранцев с греками во время греко-иранских войн V века до н. э. и выделялись как отважные и смелые воины.

Но саки не раз восставали против иранского господства. Они хотели быть равноправными союзниками, а не подданными иранцев. Одно из крупных восстаний саков имело место в 518 году до н. э. Дарий I отправился в поход против повстанцев. Саки оказали энергичный отпор, Дарий I и его войско едва выбрались живыми из степей. Один из греческих историков так рассказывает об этом походе: как только Дарий вторгся в землю саков, некий конюх по имени Сирак ножом порезал себе лицо и тело и перебежал к иранцам, выдав себя за обиженного саками. Затем, желая якобы отомстить своим сородичам, Сирак повел на них иранцев во главе с самим Дарием, но завел отряд в пустыню, где не было ни еды, ни питья. Когда иранцы догадались об измене, Сирак сказал: «Я одержал победу, ибо для отвращения бедствия от саков, моих земляков, я переморил иранцев голодом и жаждой». Сираку отрубили голову, но поход Дария потерпел неудачу. Один из саков изображен на гробнице Дария и над ним надпись: «Это Сакуса — сак».

В дальнейшем борьба саков против иранцев не прекращалась. К середине IV века до н. э. саки окончательно перестали быть подданными иранцев и остались лишь их союзниками. Саки установили связь не только с иранцами, но и с племенами Алтая и Северного Казахстана, откуда шло золото, а также с причерноморскими скифами, с Китаем и странами Передней Азии.

В 30-х годах IV века до н. э. Александр Македонский, разбив в трех битвах армию последнего Ахеменида Дария Кодомона, появился у Аму-Дарьи. Взяв Мараканду (Самарканд), он направился к Сыр-Дарье и осадил укрепленные прибрежные города. В это время в тылу у Александра вспыхнуло восстание. Во главе повстанцев стал талантли-

вый вождь Спитамен. Саки района Сыр-Дарьи поддерживали Спитамена в борьбе против завоевателей — греков. Узнав, что саки группируют свои силы, Александр переправился через Сыр-Дарью и начал преследовать саков, чтобы отрезать их от отрядов Спитамена. Но саки, не давая боя, легко ускользали от греков и изматывали их силы. Ничего не добившись, Александр ушел обратно в оседлые районы Средней Азии. Два года пришлось ему затратить на подавление восстания. Спитамен, опираясь на отряды саков и массагетов, не раз громил войска Александра Македонского, считавшиеся тогда непобедимыми. Чтобы внести раскол среди восставших, Александр Македонский стал подкупать их вождей и знать. Это ему удалось. Народы Средней Азии были покорены, но кочевники Казахстана остались независимыми от греков.

Вообще эпоха саков — эпоха широкого международного обмена, ибо верховой конь значительно облегчал внешние связи. Саки имели торговые сношения с племенами Северного и Восточного Казахстана, откуда шли золото и бронза; с причерноморскими скифами (боспорская монета IV века до н. э. найдена в бассейне реки Или); с Китаем, Индией и странами Передней Азии.

Аланы.

Из других племен, населявших в первые столетия до н. э. территорию нынешнего Казахстана, наиболее значительными были аланы.

Они занимали низовья Сыр-Дарьи, северное и восточное побережья Аральского моря, далее их кочевья простирались почти до самой Волги. Римские писатели называли аланов «аорсами» и изображали их «суровыми и вечно воинственными». По словам римских историков, аланы покорили ряд соседних народов и распространили на них свое имя. Аланы не знали земледелия. Со своими стадами они кочевали в степи, питались мясом и молоком. Такие же сведения об аланах сообщали китайские летописцы. Жили они в кибитках. Молодежь с раннего возраста приучалась к верховой езде и к стрельбе из лука. Аланы были высоки ростом и славились своей красотой. Так же, как саки, они поклонялись мечу. Родовой строй сохранился почти в нетронутом виде. Рабство было развито слабо. В вожди аланы выбирали того, кто отличился военными подвигами.

Северные чеши и динлины.

Племена, известные под именем северных чешей, кочевали между Или и Иртышом. Севернее жили западные динлины. О жизни этих племен сохранились лишь отрывочные сведения. Относящиеся к ним памятники материальной культуры изучены недостаточно. Эти племена, наряду со скотоводством, зани-

мались и земледелием. Племена Северного и Восточного Казахстана добывали медь, олово, золото. Производимые ими металлические изделия широко распространялись по другим районам.

Около III — II веков до н. э. наименования древних племен, населявших казахские степи — саков, массагетов, исседонов и др., стали исчезать из исторических источников. Их сменили другие племенные союзы и объединения. В это же время, с распространением железа, прекратили свое существование древние центры металлургии бронзы Восточного Казахстана.

Усуни и канглы. Приблизительно к III веку до н. э. на территории Казахстана главную роль играли племена усуней и канглы.

По мнению ряда ученых, усуни и канглы (кангюи) по языку и некоторым бытовым особенностям были предшественниками позднейших тюркских племен.

Усуни населяли плодородную равнину Семиречья. Их земли простирались от реки Чу до восточных отрогов Тянь-Шаня и от озера Балхаш до южного побережья озера Иссык-Куль. Западной границей усуньских земель была река Талас, хотя порой они доходили до ташкентского оазиса и Ферганы.

Канглы занимали территорию к северо-западу от усуней. Основная часть племен канглы населяла район Кара-Тау и среднего течения Сыр-Дарьи. На востоке кочевья канглы доходили до Балхаша. Канглы подчинили себе земледельческие племена, осевшие к югу от Сыр-Дарьи, в районах Ташкента, Бухары и Ургенча, а также племена, кочевавшие между Сыр-Дарьей и южным Приуральем.

Об общественном строе и культуре усуней и канглы мы узнаем, главным образом, из раскопок курганов, а также из китайских источников. Свои родовые кладбища усуни и канглы располагали около зимовок, а зимовки находились обычно в укрытых местах. Могильники усуней и канглы найдены в долинах рек Чу, Каргалинки, Чилика, а также близ нынешних городов Джамбула и Алма-Ата. Они расположены цепочками по десять — двенадцать больших и множества мелких курганов: в каждой из таких цепочек хоронились члены одного рода. Курган обычно был большим и сложным сооружением. Он состоял из глубокой ямы, настила из бревен и завала из крупных валунов. Для создания такого кургана требовался коллективный труд всей общины. Общественное и имущественное неравенство отразилось на курганах и на предметах, зарытых в них. Курганы знати были выложены на поверхности камнями, с умершим клали дорогие золотые украше-

ния, кольца, серьги. Например, в одном из курганов канглы найдена интересная пряжка с изображением головы льва, проглатывающего птицу (Беркара в долине р. Талас). С умершими воинами клали оружие: лук с железными и костяными стрелами, короткий, но широкий меч и нож. Курганы основной массы общинников представляли более скромные погребения. В них найдены железные ножи, простая посуда, костяные изделия. Рабы погребались в маленьких курганах и без вещей.

Таким образом, характер захоронений показывает классовое деление общества на свободных и рабов. Из среды свободных выделялась военная знать; почетное положение занимали воины.

На распространение рабства у усуней указывают китайские авторы.

Источником рабства служили военные захваты. Рабы находились в распоряжении родоплеменной знати. Господство этой знати обеспечивалось военными дружинами и ее богатством, которое они приобретали путем грабежа во время войн и применением труда рабов. Рабство продолжало сохранять патриархальный характер и не перерастало в рабовладельческий способ производства.

Развитие имущественного неравенства и патриархального рабства и выделение на этой общественной основе родоплеменной знати создавало материальные предпосылки для возникновения раннего варварского государства. Однако родоплеменная знать на данном этапе еще не превратилась в силу, «стоящую над обществом», т. е. усуни и канглы еще не перешли от первобытно-общинного к государственному строю. Их общественная организация соответствовала стадии «военной демократии», которую пережили и другие, в том числе и оседлые народы, т. е. находились на последней стадии развития первобытно-общинного строя.

Судя по костям животных и вещам, найденным в курганах, усуни и канглы являлись в основном скотоводами. Они, как и саки, разводили, главным образом, овец и лошадей. Один из китайских путешественников, побывавший у усуней, писал: «В их владениях много лошадей и богатые содержат их от 4000 до 5000 голов». Сверх того, усуни занимались охотой и в небольших размерах земледелием: сеяли преимущественно просо.

Усуни и канглы знали разнообразные ремесла: гончарное, ткацкое, кожевенное, умели изготовлять оружие, разные орудия, золотые перстни и пластины, зеркала, бусы и прочие украшения. У усуней ремесло было более развито, чем у канглы. Но ремесло не отделялось от земледелия. Оно суще-

ствовало как подсобное занятие скотоводов и земледельцев и имело характер домашней промышленности. В усуньских общинах работали не только местные ремесленники, но и выходцы из Китая. Здесь встречались, кроме предметов местного происхождения, также предметы, полученные путем обмена из других стран: Китая и Ирана.

У усуней были и оседлые поселения, которые, однако, являлись не центрами ремесла и торговли, а укрепленными пунктами. Развалины городищ усуньской эпохи встречаются в нынешней Алма-Атинской области и в Киргизии. Среди них наиболее известно городище Чигу на берегу Иссык-Куля.

По китайским источникам, усуней было около 120 тыс. семей, или 630 тыс. душ; они могли выставить до 188 тыс. вооруженных воинов.

Усуни имели верховного вождя, которому подчинялись все племена, входившие в усуньский союз. Этот верховный вождь носил титул «гуньмо». Его ставка находилась в Чигу.

Усуни сохранили свою самостоятельность до середины II века до н. э. и утратили свое значение в связи с усилением государства гуннов.

Отношения усуней и канглы с гуннами и Китаем.

Гунны занимали обширную территорию, расположенную к северу и западу от китайской провинции Ганьсу (Ордос), вплоть до восточных границ казахских степей. На юге владения гуннов простирались до южного края пустыни Гоби и граничили с северными отрогами Тянь-Шаня. Их главная резиденция находилась в бассейне реки Орхон.

Во главе гуннского союза стоял вождь, носивший титул «шаньюй». В состав союза входило 24 племени, разделенные на два «крыла» — восточное и западное. Во главе племен стояли старейшины.

Гунны владели весьма крупными по тому времени и хорошо организованными военными силами. Старейшины племен были одновременно военачальниками. В распоряжении каждого из них находилось по 10 тысяч всадников. Гуннская конница наводила страх на противников внезапностью и стремительностью ударов. Излюбленной тактикой гуннов было нападение на врага сразу со всех четырех сторон.

Высшего расцвета гуннское государство достигло при шаньюе Модэ (209 — 174 гг. до н. э.). При Модэ «империя гуннов чрезвычайно усилилась, — писал о нем китайский летописец. — Покорив все кочевые племена на севере и на юге, она сделалась равной Срединному царству» (т. е. Китайской империи).

В 200 году до н. э. Модэ наголову разбил китайскую ар-

мию, и Китай почти полтора века вынужден был отправлять гуннским шаньюям подарки, граничащие с данью.

Гунны совершали нападения на племена, населявшие территорию нынешнего Казахстана. Из этих племен ближайшими соседями гуннов были усуни.

В 70-х годах II века до н. э. шаньюй Модэ предпринял поход против усуней. Он разбил их и овладел всем Восточным Туркестаном. Усуни признали власть гуннов и вошли в состав гуннского государства. В знак покорности усуньский гуньмо явился в ставку шаньюя.

Зависимость усуней от гуннов была слабой. Гунны не вмешивались во внутреннюю жизнь усуней и стремились использовать их, главным образом, в качестве военной силы. Усуни сыграли большую роль в борьбе гуннов с Китаем и племенами Центральной Азии. В середине II века до н. э. гунны, при помощи усуней, разгромили сильное племя юечжиев, изгнали их из Восточного Туркестана и преследовали до верховьев Аму-Дарьи.

В конце II века до н. э. усуни, воспользовавшись распрями среди гуннской знати, вышли из-под власти гуннов и вернули себе самостоятельность.

Пока гуннская держава была сильна, усуни не решались выступать против нее. Поэтому они сохраняли союз с гуннами, хотя одновременно завязали дипломатические отношения с главным соперником гуннов — Китаем.

Правительство Китайской империи, заинтересованное в получении военной поддержки от усуней, настойчиво добивалось разрыва союза между усунями и гуннами. С этой целью в 108 году до н. э. страну усуней посетило китайское посольство. В следующем, 107 году до н. э. усуни отправили ответное посольство в Китай. Но усуни вели себя чрезвычайно осторожно. Они отклонили предложение китайцев о совместной борьбе против гуннов. Усуньский гуньмо женился на китайской царевне, но объявил ее младшей женой, тогда как его старшей женой считалась дочь гуннского шаньюя.

Только в 80-х годах I века до н. э. настойчивость китайского правительства привела к разрыву союза между усунями и гуннами. В ответ на это гунны в 75 году до н. э. напали на усуней, захватили часть их земель и увели пленных.

С этого времени усуни открыто выступали в тесном союзе с Китаем против гуннов. Государство гуннов уже клонилось к упадку. Нескончаемые смуты и междоусобные войны ослабили его былую мощь. Напротив, усуни переживали полосу подъема. В 70—60-х годах I века до н. э. усуньским гуньмо был выдающийся вождь по имени Унгуйми. Правление гуньмо Унгуйми (умер в конце 60-х годов I века до н. э.) было

периодом расцвета усуньского союза. Он сумел использовать союз с Китаем и нанести гуннам тяжелое военное поражение.

Владения усуней распространялись далеко за пределы Семиречья. Некоторое время усуни господствовали в Восточном Туркестане. В зависимости от них находился оазис Яркенд.

В середине I века до н. э. гуннское государство распалось на две самостоятельные части — южных и северных гуннов. Южные гунны в 56 году до н. э. признали власть китайского императора. Северные гунны продолжали враждовать с Китаем. Преследуемые китайскими войсками, они сосредоточились в степях Центрального Казахстана, заняв район к северу от Сыр-Дарьи. Часть из них продвинулась в сторону Аральского и Каспийского морей, вытеснив основные массы аланов на запад.

Гунны на территории Казахстана пытались бороться против Китая и союзных с ним племен. Но силы гуннов были уже надломлены.

Объединение усуньских племен оказалось также непрочным. После смерти Унгуймы среди его сыновей началась междоусобная борьба. Китайцы и гунны разжигали ее в своих целях. Среди усуньской знати образовались две враждебных друг другу группы: одна была связана с китайцами, другая — с гуннами. Каждая из этих групп поддерживала своего претендента на престол гуньмо.

Тотчас после смерти Унгуймы его место занял сторонник гуннов. Китайские послы вместе с вдовой Унгуймы, бывшей китайской царевной, составили против него заговор. Заговорщики напали на гуньмо и ранили его. Гуньмо бежал в степь. Тогда выступил другой претендент — сын Унгуймы от гуннской царевны. Он убил прежнего гуньмо и объявил себя верховным вождем усуней. Это вызвало вооруженное вмешательство Китая. Китайские войска вторглись в страну, гунны вступились за своего ставленника и тоже пригрозили войной.

Распри закончились соглашением между китайцами и гуннами о разделе страны усуней.

Усуни на некоторое время фактически утратили свою самостоятельность. Южная часть страны усуней, включавшая район озера Иссык-Куль, была оставлена под властью гуньмо — ставленника Китая, а северная часть, включавшая равнину Семиречья, оставалась под властью второго гуньмо — ставленника гуннов. В состав южной части вошло 60 тысяч семей, а в состав северной — 40 тысяч.

Через несколько десятков лет усуньский союз был восстановлен. Объединение осуществил гуньмо по имени Цилими.

Он был близок к китайцам, и китайские летописцы воздавали ему всяческие похвалы. По словам китайских летописцев, Цилими восстановил среди усуней мир и тишину и возвратил страну к временам Унгуйми. В области внутренней политики правление Цилими ознаменовалось введением системы запретных, т. е. закрытых для простого народа пастбищ, что имело целью сохранить за племенной знатью лучшие земли.

Правление Цилими было кратковременным. После его смерти, в конце I века до н. э., усуньский союз снова, и на этот раз надолго, потерял независимость. Укрепившаяся северная гуннская держава распространила свое влияние на все Семиречье и полностью подчинила усуней.

После столетнего пребывания под властью гуннов усуни попали под власть новых пришельцев из Монголии — племен сяньби, затем жужан. В конце IV века н. э. жужане захватили усуньские земли. Часть усуней покинула плодородные земли Семиречья и переселилась в горные районы Тянь-Шаня и Памира. Усуни не порвали связи с Китаем. Вплоть до VI века они обменивались с Китаем посольствами. Усуни сносились также и с другими соседними народами: уйгурами и киргизами, однако былой самостоятельности усуни уже не имели.

Племена канглы находились в лучших условиях. Китай и гунны были от них сравнительно далеко. Правда, канглы тоже подвергались нападениям со стороны различных завоевателей, но они имели больше возможностей для защиты своей самостоятельности.

По китайским источникам, население кангюйского союза состояло из 120 тыс. семейств, или 600 тыс. душ. Они могли выставить 120 тыс. вооруженных воинов. Отдаленность от Срединной империи позволяла племенам канглы быть независимыми от Китая.

Недаром китайские летописцы жаловались, что канглы не соглашались «делать поклонения» перед китайскими послами, сажали их далеко не на почетное место и что вообще, по сравнению с усунями, они «напротив горды и дерзки».

Канглы искусно использовали противоречия между Китаем и гуннами. С Китаем они сохраняли внешне дружественные отношения и продолжали вести с ним выгодную торговлю.

В свою очередь, китайский император, как отмечали летописцы, «дорожа славой быть известным в отдаленных странах», стремился поддерживать связи с канглы. В то же время канглы часто вступали в союз с гуннами против Китая.

На некоторое время канглы подчинили себе аланов, живших у Аральского и Каспийского морей.

В I—II веках н. э. канглы подвергались последовательным завоеваниям сяньбийцев и затем жужан. Все же канглы в гораздо меньшей степени, чем усуни, испытывали на себе господство завоевателей. К VI веку канглы в основном сохранили свои прежние кочевья.

Культура усуней и канглы.

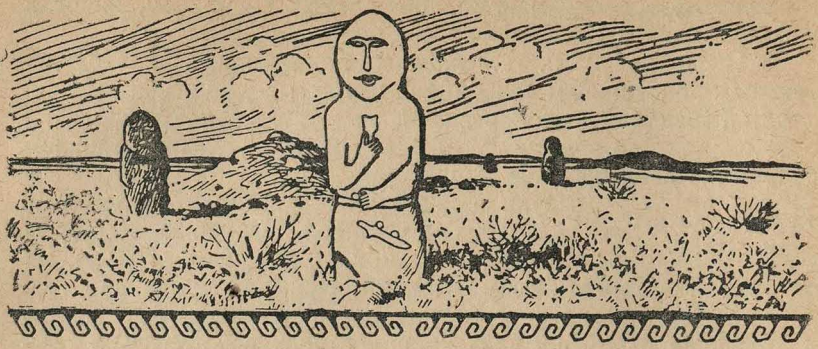
Усуни и канглы не оставили после себя письменных памятников. Изучение культуры этих народов возможно, главным образом, на основании археологических данных. Произведенные на территории Казахстана археологические раскопки показали, что древнейшие племена Казахстана достигли сравнительно высокого уровня культурного развития. Так, например, в курганах усуньской эпохи обнаружены богатые остатки гончарного, кузнечного и ювелирного производства.

На реке Каргалинке (вблизи Алма-Ата) в одном из ущелий были найдены кольца с выпуклым изображением сидящего верблюда, серьги, золотые пуговицы и часть золотой диадемы с рельефным изображением домашних животных, зверей и птиц. Эти вещи сделаны очень искусно и принадлежат к одним из самых любопытных произведений искусства древности.

Памятники культуры и быта канглы сохранились, главным образом, в районе Ангрена, Сыр-Дарьи, в долинах Таласа, Чу и у подножий Кара-Тау. Для изучения культуры и быта канглы характерны памятники типа Беркаринских курганов, вблизи озера Бийли-Куль в Джамбулской области. Раскопки этих курганов устанавливают значительное развитие керамического производства у древних канглы. Найдены фрагменты керамических изделий, кувшины с вырезанным орнаментом, изделия из золота и бронзы. В этих же курганах была найдена чашечка из нефрита, свидетельствующая о связи древних канглы с Китаем. Для быта канглы характерны также предметы вооружения и украшения конской упряжи.

Помимо археологических памятников, интересные сведения о культуре древних канглы сообщают и китайские летописи. Они передают, что «кангюйский царь имеет писанный кодекс и хранит его в своей ставке».

Как все древнетюркские племена, усуни и канглы почитали духов умерших предков и поклонялись небу, солнцу и луне, в честь которых устраивали традиционные праздники и приносили жертвы. Следы этого воззрения сохранились на памятниках, найденных в курганах Беркары. Одной из особенностей быта усуней и канглы, отмеченной древними авторами, являлось то, что у них женщины пользовались особым почетом.



ГЛАВА II.

ДОФЕОДАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА.

§ 3. КАЗАХСТАН В СОСТАВЕ ТЮРКСКОГО КАГАНАТА.

Тюркский каганат и его политическое устройство.

В середине VI века н. э. на территории Азии образовалось обширное варварское дофеодальное государство.

Его основателями были тюркские племена Алтая. В короткий срок они подчинили множество народов и земель от Тихого океана до Черного моря. Почти вся территория нынешнего Казахстана тоже вошла в состав нового государства. Верховный глава тюркского государства назывался «каган», откуда и произошло название «Тюркский каганат». Впоследствии титул «каган» превратился в распространенное на востоке наименование — «хан».

В древности тюрки жили, не имея «господских родов», и составляли единый «эль» — вооруженный народ, господствовавший над покоренными племенами. Постепенно, в связи с ростом имущественного расслоения внутри народа, выделяется племенная знать — беки и тарханы, которая закрепила за собой название «эль». Со временем термин «эль» в Тюркском каганате стали применять только к членам ханского рода. Знать — «эль» — выбирала из своей среды кагана. При выборах кагана представители знати поднимали его на белой кошме и носили по кругу десять раз. Церемония поднятия на белой кошме наблюдалась впоследствии и при выборах казахских ханов.

Опорой власти кагана была дружина, члены которой на-

зывались огланами. Огланы состояли из родичей кагана и лиц, добровольно вставших под его покровительство. Однако войны велись в большинстве с помощью народных ополчений, состоявших из свободных членов тюркских общин. При кагане существовал совет из членов рода кагана. В совет входили также представители родоплеменной знати — беки и тарханы. Хотя власть кагана считалась неограниченной, однако он должен был считаться с волей совета, так как в противном случае он рисковал потерять опору в господствующем классе и лишиться поддержки своего рода. Постепенно каганы узурпируют всю власть. Власть каганов становится наследственной — совет беков постепенно теряет свое значение. Каганы зачастую принимают решения, не обращаясь к совету.

Сыновья кагана имели титул «ябгу» и назначались наместниками в покоренные земли.

Основную массу населения Тюркского каганата составлял простой народ — «будун», который обычно назывался «карабудун» (кара — черный). Знать носила название «кок» (голубой) или «тенгри» (небесный). Это деление на «голубую» и «черную» кость впоследствии в видоизмененной форме перешло и к казахам, у которых члены ханского рода образовали замкнутую группу «белой кости» и противопоставляли себя простому народу.

Народ — будун в обществе Тюркского каганата оставался свободным, но появились уже зависимые от знати люди. Существовали и рабы — кулы. Рабы использовались на домашних работах и для пастьбы скота.

Сосредоточив в своих руках орудия и средства производства и используя свою власть и влияние, тюркская знать заставляла работать на себя попавших к ней в зависимость общинников, присваивая продукты их труда. Так постепенно в Тюркском каганате складывались феодально-зависимые отношения. Однако процесс феодализации не нашел своего завершения в тюркском обществе.

Западно-тюркский каганат.

Тюркский каганат представлял собой огромное, но не прочно сколоченное государство, части которого не имели между собой крепких внутренних связей и жили самостоятельной жизнью. Рост производительных сил в каждой из составных частей этого государства подготовлял почву для создания новых экономических и политических центров. Сопровождающие этот процесс частые междоусобицы и смуты подорвали власть кагана. В 582 году в Бухаре вспыхнуло крупное восстание. Оно послужило толчком к распаду государства на

два самостоятельных каганата — Восточно-тюркский и Западно-тюркский.

Территория Казахстана вошла в состав Западно-тюркского каганата, который делился на две части: одна из них носила имя «дулу» и занимала земли между реками Чу и Или, другая называлась «нушуби» и занимала междуречье Чу — Талас. В оба объединения входило десять племен, по пять в каждое. В связи с этим тюрки, населявшие территорию Казахстана, были в восточных источниках прозваны народом «десяти стрел».

Политическим и административным центром нового государства сделалась древняя страна усуней — Семиречье. Здесь в городе Суяб (на р. Чу) западно-тюркский каган основал свою ставку. Современники отмечали богатство и могущество кагана. Один буддийский паломник Сюань-Цзань, проезжавший через Суяб в 663 году, впоследствии подробно описал ставку кагана.

Каган жил в большой юрте. В ней было множество золотых вещей. У самого кагана волосы на голове были распущены, а его приближенные заплетали свои волосы в косы. Голова кагана была обернута длинными кусками шелка. На плечах каган носил зеленый шелковый плащ. В юрте кагана паломник увидел много вельмож. Они сидели в два ряда на кошмах, все в шелковых одеждах. За ними стояли телохранители кагана. Здесь же находились иноземные послы из Китая и из Уйгурии. При кагане были переводчики, отлично владевшие китайским языком. Начался пир при звуках музыки. Гости кагана ели мясо и пили вино. Паломнику была предложена растительная и молочная пища. В своем описании паломник дал кагану следующую оценку: «Хотя это был варварский государь, живущий в войлочном шатре, все же на него нельзя было смотреть без удивления и почтения».

Западно-тюркский каганат представлял собой дофеодальное варварское государство, подобное по своей структуре распавшемуся первому Тюркскому каганату. Оно объединяло различные тюркские племена, в том числе и коренные племена Казахстана — тюргешей, карлуков, усуней, канглы, дулу и др., и подготовляло почву для слияния их в единую народность.

Располагая значительными военными силами, каган стремился к расширению своих владений. Он вел завоевательные войны. В конце VI века его власти подчинялись племена северного Ирана и Афганистана и часть племен Туркмении. В начале VII века господство западно-тюркского кагана признали и хазары. Вместе с хазарами западные тюрки совершили далекий поход на Северный Кавказ и Закавказье. Из За-

падно-тюркского каганата выросло новое, такое же дофеодальное, хазарское государство, охватившее обширные земли от Северного Кавказа и низовьев Волги до западных областей Казахстана. Тюркский каганат поддерживал тесные дипломатические и торговые связи с Ираном и Византией. В VI веке ставку Тюркского каганата посетил посол византийского императора Замарх, оставивший интересное описание своего путешествия.

Экономическое развитие Казахстана в период каганата.

Период подъема Западно-тюркского каганата продолжался до середины VII века. За это время на территории Казахстана значительно развилась хозяйственная жизнь. Хотя основные массы населения оставались кочевниками, но в ряде районов уже возникли сравнительно крупные оседлые поселения. Особенно высокого уровня достигла земледельческая культура в Семиречье, на Сыр-Дарье и в предгорьях Кара-Тау. Здесь произрастали хлебные злаки, фрукты, ягоды. Земледельческое население обменивало продукты своего труда на продукты скотоводческого хозяйства кочевников.

Большое оживление в хозяйственную жизнь Семиречья внесли согдийцы. Согдийцами назывались жители Согдианы—страны, расположенной по течению реки Заревшана. Под влиянием роста караванной торговли с Китаем, первые согдийские колонисты появились в южных районах Казахстана, в нынешних Южно-Казахстанской и Джамбулской областях, а также в Киргизии, на территории нынешней Фрунзенской области. Впоследствии они расселялись и во многих других районах. Согдийцы обрабатывали землю, обильно орошаемую водами горных рек, и занимались различными ремеслами, в первую очередь гончарным. Поселения согдийцев являлись в то же время торговыми пунктами. Они были укреплены и вооружены, имели надежную охрану и служили местом остановки и укрытия для многочисленных караванов, перевозивших товары из Китая на запад и обратно.

Казахстан заметно рос экономически. Крупнейшим центром экономической жизни стал город Тараз — на месте нынешнего гор. Джамбула, в долине реки Талас. Его подъему содействовало усиление караванной торговли. Прежде главный торговый путь, связывавший Западную Азию с Китаем, пролегал через Фергану и Кашгар. С начала VII века в Фергане начались длительные смуты, и купцы стали объезжать Фергану. Новый путь переместился на север. Купцы отправлялись из Самарканда на северо-восток и далее, через Тараз, в Семиречье, к берегам Чу, а оттуда по южному берегу озера Иссык-Куль к горному перевалу Бедель.

Благодаря этому значение городов Семиречья заметно возросло.

Помимо транзитной торговли, укреплялись непосредственные торговые связи между каганатом и внешним миром. Казахстанские города привлекали к себе купцов из разных стран. Здесь купцы сбывали свои товары, главным образом, ткани, посуду, покрытую разноцветной глазурью, ремесленные изделия и приобретали шерсть, кожи и другие продукты скотоводства, а также рабов.

Чем больше богатели отдельные города и прилегавшие к ним области, чем заметнее крепло экономическое и политическое значение местной знати и росло богатство купечества, тем яснее проявлялись тенденции этих городов к самостоятельности. На этой почве, по свидетельству китайских летописцев, в Западно-тюркском каганате все чаще возникали возмущения и восстания против каганов. Некоторые города полностью отложились и провозгласили собственных каганов. Так поступил, например, город Тараз.

Внутренней слабостью Западно-тюркского каганата воспользовались его соседи. В 654 году китайские войска вторглись в долину Или и напали на племена дулу. Китайцам удалось взять Суяб. В Семиречье были созданы две китайские провинции. В 679 году южно-казахстанские (семиреченские) племена вступили в союз с тибетцами, овладевшими в это время частью Восточного Туркестана, и нанесли китайским войскам решительное поражение. Движение китайцев на запад было приостановлено.

Вскоре Семиречье подверглось новому нападению, на этот раз со стороны Восточно-тюркского каганата. В 90-х годах VII века восточные тюрки произвели на Семиречье несколько набегов, завершившихся разгромом западных тюрков.

В середине VII века в Средней Азии появились новые могущественные завоеватели — арабы. Заняв в 651 году Мерв, они в конце VII века подошли вплотную к границам Западно-тюркского каганата. В 737 году вблизи Тохаристана, в районе Аму-Дарьи, произошла битва между арабами с одной стороны и согдийцами, а также их союзниками — западными тюрками, во главе с тюркским вождем Сулу,—с другой. Согдийцы и тюрки были разбиты. Эта битва явилась поворотным моментом в истории Средней Азии, которая полностью подпала под власть арабов.

Государство тюргешей.

Внешние неудачи еще больше усилили смуту в каганате и ослабили власть кагана. Западно-тюркский каган только формально считался главой государства. Многие племена окончательно вышли из-под его власти. Каганат обнаружил явные признаки

распада. Образовалось новое государство тюргешей, входивших прежде в состав Западно-тюркского каганата. Тюргеши кочевали между реками Чу и Или. По мере ослабления власти западно-тюркского кагана, тюргеши подчинили себе другие племена — объединения дулу. В 704 году последний каган Западного каганата был убит. Титул кагана присвоил вождь тюргешей Сулу. Центром своего государства он сделал город Суяб. Сулу породнился с восточно-тюркским каганом и с владетелем Тибета. Своих жен он возвел в ханское достоинство, а сыновьям присвоил титул «ябгу».

Но причины, вызвавшие упадок Западно-тюркского каганата, продолжали действовать на территории Семиречья также и в период правления тюргешей. Междоусобные войны не прекращались.

Между вождем тюргешей Сулу и его военачальниками происходили столкновения, которые имели место и в Западно-тюркском каганате. Внутренние потрясения сопровождались внешними осложнениями, особенно со стороны Китая. В 738 году, после поражения Сулу на Аму-Дарье, он был убит одним из тюргешских вождей.

В последующие несколько лет тюргеши окончательно утратили свое влияние. Западное Семиречье перешло под власть города Тараза, а сам Тараз попал в зависимость от владетеля Ташкента. В 748 году китайские войска вторично напали на Суяб и разрушили его до основания.

Падение Западно-тюркского каганата во многом предопределило исход борьбы арабов за укрепление их господства в Средней Азии. Китайцы пытались воспрепятствовать арабским завоеваниям. После разгрома тюргешей китайские войска использовали Семиречье в качестве плацдарма и двинулись на запад навстречу арабам. Но арабы к этому времени дошли уже до реки Талас. Они значительно превосходили китайцев в силе и технике.

Решающая битва между арабами и китайцами произошла летом 751 года близ гор. Тараза. Арабы одержали победу, и китайцы вынуждены были поспешно отступить.

Исход битвы 751 года определил возрастающее влияние на жизнь племен Южного Казахстана арабской мусульманской культуры и постепенное падение влияния Китая.

После победы у Тараза арабские завоеватели не пошли дальше на восток. Они ограничились распространением в Семиречье своего торгового и особенно религиозного влияния и посылкой торговых караванов в степи Северного и Восточного Казахстана.

Государство карлуков в Семиречье.

В Семиречье, после падения власти тюргешских ханов, на 200 лет (766 — 940 гг.) власть перешла в руки новой династии из племен карлуков. Их вождь объявил себя властителем всего Семиречья. Карлуки происходили из района Западного Алтая и Тарбагатая. Первые группы карлуков проникли в Среднюю Азию в начале VIII века и достигли берегов Аму-Дарьи. На территории Южного Казахстана основная масса карлуков появилась во второй половине VI века.

В этот период общественно-политические отношения народов Казахстана сделали большой шаг вперед. Заметно выросли города Южного Казахстана. Развивалась торговля. Происходил переход кочевого тюркского населения к земледелию.

Наряду с использованием труда рабов, племенная знать применяла феодальные способы эксплоатации доселе свободных общинников. В связи с дальнейшим процессом распада и расслоения кочевой общины, часть кочевников стала оседать в городах. Усилившийся гнет со стороны племенной знати побуждал кочевников искать спасения в переходе к новым формам жизни. Развитие торговых сношений между кочевыми племенами и оседлым населением приводило к тому, что кочевники все чаще приходили в города для обмена продуктов скотоводства на ремесленные изделия. Постепенно представители отдельных семей и целые семьи приобщались к жизни городов, а затем и переселялись туда жить.

В долинах Таласа и Чу в сравнительно короткий срок создалось много новых поселений. Линия городов протянулась от Исфиджаба (ныне Сайрам) до озера Иссык-Куль. Крупнейшим центром таласской долины был попрежнему город Тараз. К югу от него расположились города Атлах (Отлук), Хамукет, Сусы. К востоку от Тараза находились кочевья карлуков, а далее, начиная от района нынешней станции Луговая, основались города Кулан, Мерке и ряд других. В долине Чу наиболее крупными городами были Джуль и Баласагун. Города от Исфиджаба до области Верхнего Барсахана в районе озера Иссык-Куль были расположены на торговом пути из Средней Азии в Восточный Туркестан. На путях между городами возникали караван-сараи.

Успехи экономического развития привели к значительному усилению Южного Казахстана. Этот район сделался ведущим в культурном и политическом отношениях. Семиречье, обладая значительными материальными ресурсами, обнаружило свою силу и в международных связях: в карлукский период Семиречье не подвергалось сколько-нибудь крупным нашествиям завоевателей. Ни арабы, ни саманидская династия,

правившая после них в Средней Азии в IX — X веках, не посягали на внутренние области Казахстана. Саманидам удалось занять только два города Казахстана: в 840 году один из саманидов завоевал город Исфиджаб, позднее на короткое время саманидами же был завоеван город Тараз. Но даже и завоеванные города сохранили почти полную политическую самостоятельность. Хотя земледельческая знать Тараза и Исфиджаба признала власть саманидских правителей, но города не вносили никаких податей в саманидскую казну.

Связи с Русью. В карлукский период значительно усилились торговые связи Средней Азии с Восточной Европой: с Болгарским царством (расположенным по Средней Волге) и Русью. Эти связи установились еще в VII веке. Торговля шла по сухопутному караванному пути на Хорезм, но особенно крупную роль в сближении Руси со странами Востока, в том числе со Средней Азией, сыграл великий волжский водный путь.

На Руси прекрасно знали, что из центра по Волге можно итти «в Болгары и Хвалисы» и дальше в «Жребий Симов», т. е. в страны мусульманские.

Болгарское царство на Волге и Хазарский каганат процветали, как связующие Запад и Восток звенья.

Хорошо известен факт нахождения огромного количества кладов с арабскими диргемами VIII — X веков на территории Восточной Европы. Арабские монеты в столь большом количестве могли появиться здесь только в результате оживленного обмена: арабы за свои диргемы покупали здесь рабов, меха, воск и прочее, а восточно-европейские народы приобретали у арабских купцов оружие, ткани, различные драгоценности.

Уйгуры в Семиречье и Восточном Туркестане. Важным событием в истории карлукского периода явилось переселение уйгур в Южный Казахстан. Уйгуры, жившие в Восточном Туркестане, были одним из древнейших тюркских племен. Религией уйгур были буддизм, шаманизм и манихейство, причем господствовал буддизм. В конце V века часть уйгур под давлением жужан перекочевала в степи Казахстана, но основная масса уйгур осталась в Восточном Туркестане. В 745 году уйгуры в союзе с карлуками и другими племенами разбили восточных тюрков и убили их последнего кагана. С этого времени стал возвышаться Уйгурский каганат. Через сто лет, в 40-х годах IX века, Уйгурский каганат потерпел тяжелое поражение от киргизов, и значительная часть уйгур была вынуждена сосредоточиться в Турфанском оазисе и в Ганьсу. Здесь, в Ганьсу, им пришлось пробыть недолго. Вследствие гонений в Китае на буддистов, в

60-х годах IX века часть уйгур-буддистов перешла через Тянь-Шань в Семиречье.

Кыпчаки и кимаки.

Карлуки господствовали только на юге Казахстана, где обитали древние племена усуней. В остальных районах продолжали свое независимое существование различные кочевые племена преимущественно тюркского происхождения. Большая территория Центрального Казахстана и реки Урал была занята кочевьями канглы, кыпчаков, а также огузов, являвшихся предками туркмен. Они расположились вдоль важного торгового пути, проходившего по Сыр-Дарье. Под влиянием оживленных торговых сношений в X веке в районе Сыр-Дарьи стали возникать крупные торговые города: Туркестан, Отрар, Сауран, Янгикент, Сыгнак и др.

Центральные и западные области степей Казахстана были заселены тюркоязычными племенами, известными под общим именем кыпчаков, а в русских источниках — под именем половцев. Занятые ими земли получили название «Дешти-Кыпчак», т. е. кыпчакская степь.

Ко времени распада Западно-тюркского каганата кыпчакский племенной союз значительно окреп. В VIII веке кыпчаки совместно с уйгурами участвовали в разгроме Восточно-тюркского каганата.

По свидетельству восточных географов, кыпчаки представляли собой западную ветвь племен кимаков, которые кочевали в северных степях Казахстана — по берегам Иртыша. Кимаки занимались скотоводством и охотой. В те годы, когда между ними и кыпчаками были мирные отношения, они приходили на кыстау (зимовку) в низовья Сыр-Дарьи.

Неизвестный географ X века, автор рукописи «Худуд-Алем» (Границы мира) писал о кимаках:

«Население обитает в юртах и кочует летом и зимою по пастбищам, лугам и около вод. Его богатство — соболь и овцы. Пищею летом служит молоко, а зимой сушеный сыр. Царя кимаков называют хакан, у него имеется 11 сборщиков податей».

Хакан кимаков жил в городе Намания. Там была его летняя ставка.

В Центральном Казахстане кыпчаки установили свое господство в XI веке. В истории Казахстана кыпчаки в дальнейшем играли крупную роль.

Религия и культура тюркских племен.

Племена, входившие в состав Тюркского каганата, были язычниками. Они поклонялись солнцу, луне, звездам, огню и духам предков. Бог неба именовался древними тюрками — «тенгри» или «кок тенгри». Добро и зло, счастье и несчастье, по народным пред-

ставлениям того времени, исходили от «тенгри». Пережитки древних верований сохранились в поговорках казахов, например: «пища на завтра от тенгри», «пусть благословит тенгри», «пусть тенгри покарает».

Древние тюрки поклонялись и звездам. При виде падающей звезды они говорили, что умер человек, который «рожден под этой звездой».

Огонь считался священным. Народ видел в нем могучее божество, обладающее чудодейственной силой, и поэтому относился к огню почтительно. Больного человека или животное водили вокруг огня, клали на огонь жир и просили помощи.

По древнему народному поверью, человек, при жизни зависевший от неба, огня, духов своих предков, после смерти сам превращался в божественного всесильного духа. Тюрки молились духам, просили у них покровительства и всячески старались их задобрить.

Древние тюрки верили также в злых духов. Влиянию злых духов приписывались всякого рода стихийные бедствия: падеж скота, наводнение, удар молнии.

Тюркские шаманы — позднее их называли «баксы» — выполняли все религиозные обряды. Баксы вызывали духов, через них обращались к тенгри, определяли судьбу человека, лечили болезни.

Народ, поклонявшийся природе, особенно приветствовал весну, идущую на смену зиме. Первый день весны отмечал начало нового года.

Тесные взаимоотношения тюрок с Китаем привели к тому, что в 70-х годах VI века часть тюркских племен приняла широко распространенную в Китае буддийскую религию. Распространение буддизма на территории Казахстана начало усиливаться с VIII века в связи с проникновением буддистов-уйгур в Семиречье.

С другой стороны, связи с западными и южными странами Средней Азии и особенно согдийская иммиграция привели к проникновению в Казахстан дуалистической религии иранцев зороастризма, с его почитанием бога зла — Аримана и бога добра — Ормузда. Культ зороастризма приняли полуоседлые и оседлые земледельцы — тюрки.

Древние тюрки имели свою письменность. Это было так называемое орхонское руническое письмо, которое сохранилось в эпиграфических памятниках — надписях на надгробных стеллах. Алфавит тюркского письма состоял из 32 букв. Памятники с древним орхонским письмом были найдены на территории Семиречья, в Таласской долине, на Западном Алтае и других местах.

Согдийская колонизация повлекла за собой распространение в городах Казахстана согдийской письменности, в несколько измененном виде. Эта письменность известна под названием уйгурского алфавита. Уйгурский алфавит постепенно вытеснил существовавшее у тюрок древнетюркское письмо.

Арабское завоевание значительно усилило влияние ислама на тюркские племена. В южных районах Казахстана ислам приобрел особенно большое распространение в карлукский период. В VIII — IX веках карлукская знать приняла мусульманство. Впоследствии, в X веке, в районах Тараза и Исфиджаба ислам насаждали саманидские завоеватели. Так, например, построенная прежде колонистами-сирийцами христианская церковь в Таразе была в X веке переделана в мечеть. В том же веке была построена мечеть в городе Мерке. Вместе с исламом в среду тюрок стало проникать арабское письмо.

Памятники материальной культуры древних тюрок сохранились в многочисленных захоронениях. Над могилой насыпался курган. У тюрок существовал обычай ставить на курганах так называемые «балбалы» — камни с рельефными изображениями на них. Большинство таких балбал являлось изображениями убитых врагов. Иногда художник стремился придать изображению портретное сходство. По предметам вооружения, находимым в курганах, а также по изображениям на балбалах, восстанавливался облик тюрка-воина. Он был одет в длинный кафтан. Его вооружением, помимо лука, служили нож и длинный меч, которые носились на поясе.

Одновременно с курганными захоронениями в VII — VIII веках на территории Южного Казахстана производились еще и захоронения по зороастрийскому обряду, который заключался в том, что мясо отделялось от костей, бросалось хищным зверям и птицам, а кости хоронились в специальных гробиках, которые в науке именуются оссуариями. Они имели овальную форму, на их боковую поверхность и крышку наносился рисунок в виде плетения, похожего на плетение деревянного остова кибитки (кереге). Фасад оссуария покрывался орнаментом, подражавшим орнаменту кошм. Рисунок представлял стилизованное изображение растений, но в сложном переплетении линий выступал также мотив «бараньего рога», впоследствии ставший наиболее характерной чертой казахских орнаментов. Оссуарии принадлежали не только согдийским захоронениям, но и захоронениям местного тюркского населения современного Южного Казахстана.

В оседлых районах Южного Казахстана сохранились и остатки домов. Дома были из набивного дувала, материалом для которого служила крепко сбитая лессовая глина. Поме-

щения делились на ряд продолговатых комнат, перекрытых полуциркульным сводом, сделанным из сырцовых кирпичей. Каждый дом был укрепленным жилищем. Окна отсутствовали, лишь внизу имелись узкие продолговатые щели, которые, вероятно, одновременно служили и для вентиляции и бойницами. Двор с хозяйственными постройками был обнесен высокой и крепкой стеной.

Тесные экономические связи, существовавшие с Китаем, отразились на форме многочисленных бронзовых монет. Эти монеты относятся ко времени господства в Семиречье тюргешей. По китайскому образцу в центре монеты делалось отверстие, которое служило для нанизывания монет на шнур и более удобного хранения. Круговая надпись всегда содержала имя кагана.

Очевидно, в среде древних тюрок зародился ряд легенд, которые затем в переработанном виде перешли к казахам и другим среднеазиатским народностям. К таким древним легендам относится сказание о мудреце и музыканте Коркыте, жившем, по преданию, в районе Джанкента, где народные предания приписывают ему одну из сохранившихся могил. Легенда о Коркыте существует у различных тюркских народностей. Она долгое время бытовала и среди казахского народа. Такой же популярной легендой, как сказание о Коркыте, является и легенда об Огуз-хане. В одном из вариантов этой легенды, записанном в XIII веке Рашид-ад-дином, рассказывается о рождении Огуза от Кара-хана, о его женитьбе на трех дочерях его дядей, о многолетней борьбе с отцом Караханом, о завоевании им обширных областей Ирана, Сирии и других стран, о происхождении наименований тюркских племен и их разделении. Сказание в легендарной форме стремится показать единство происхождения многочисленных тюркских племен и восстановить их древнюю историю.

По всей видимости, у древних тюрок широкое распространение получило и музыкальное творчество, в частности кюи, в которых сказитель стремился передать в музыкальной форме повествование о событиях и лицах. Кюи затем перешли в казахское народное творчество и составили одну из излюбленных и распространенных форм народной музыки казахов.

В городах Южного Казахстана зарождалась наука. К X веку относится деятельность одного из величайших мыслителей Средней Азии Ал-Фариби (умер в 950 году). Деятельность Ал-Фариби протекала в Багдаде при дворе халифов, но по происхождению он был тюрок из города Отрара на Сыр-Дарье. Ал-Фариби был хорошо знаком с философией древних греков, но в своих философских трудах он не повторял пол-

ностью чужих суждений, а создал свою оригинальную систему. Ал-Фариби учил, что мир не создан из ничего, а возник из материи, которая, происходя от бога и развиваясь, проходит ряд промежуточных стадий, прежде чем принять форму видимого мироздания.

Являясь прекрасным музыкантом, Ал-Фариби обогатил теорию музыки новыми идеями. Он разработал теорию ощущения тонов, физические и физиологические основы музыки. Идеи Ал-Фариби оказали огромное влияние на развитие не только восточной музыки, но и всей мировой музыки вообще.

ГЛАВА III.

ПЕРВЫЕ ФЕОДАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА. КЫПЧАКИ.

§ 4. ГОСУДАРСТВО КАРАХАНИДОВ В ЮЖНОМ КАЗАХСТАНЕ.

Образование государства Караханидов.

В дофеодальный период истории Казахстана значительно выросли политические связи между отдельными племенами Казахстана. Но эти связи поддерживались только военной силой. Прочного политического единства достигнуто не было. После распада Западно-тюркского каганата снова установилась политическая раздробленность.

Южные районы Казахстана находились в тесном общении с соседними районами Средней Азии, где в этот период интенсивно развивались феодальные отношения.

Одной из наиболее развитых областей Южного Казахстана было Семиречье. Здесь раньше, чем в других районах, стало развиваться земледелие. Здесь находился ряд крупных городов (Тараз, Баласагун и др.). Через Семиречье проходил торговый путь из Средней Азии в Китай.

В X веке в Семиречье феодальный уклад получил настолько большое значение, что возникло первое государство феодального типа. Оно в исторической науке называется Караханидским государством по имени одного из ханов правившей в нем династии — Кара-хана. Образование нового государства связано с движением в Семиречье тюркского племени ягма.

В 940 году племя ягма, кочевавшее прежде в северных районах Восточного Туркестана, вторглось в долину реки

Чу, заняло город Баласагун и образовало здесь новое государство. Глава династии в государстве, образованном ягма, носил титул тамгач-хана, а более мелкие владетели, его вассалы, назывались илек-ханами.

Караханиды не ограничились Семиречьем. Они продвинулись далее на запад, в область между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей, называвшуюся Мавераннахр.[1] В 999 году они заняли гор. Бухару. Власть саманидов в Мавераннахре пала. В походе на Мавераннахр принимали участие и племена, населявшие степи Казахстана: огузы, кыпчаки, карлуки, тюргеши, чигили и другие.

Ряд причин способствовал укреплению власти караханидов. Прежде всего караханиды облегчили тяжесть податей. В Мавераннахре они выступали не как «неверные», а как представители господствующей там религии, привлекая к себе симпатии местных мусульман. Караханиды были более веротерпимы, чем их предшественники — саманиды. Это расположило к ним также и немусульманское население Семиречья и Мавераннахра. В первые годы караханидам оказала поддержку землевладельческая знать Средней Азии — дехкане, недовольные централизаторской политикой саманидов в Мавераннахре.

Продвижение караханидов было остановлено на Аму-Дарье, где им в 1008 году нанес решительное поражение могущественный султан Махмуд (владетель Афганистана, Восточного Ирана и части Индии).

Государство караханидов оказалось непрочным. Раздираемое внутренними феодальными войнами, оно в начале XII века распалось на две части — западную, куда вошел Мавераннахр, и восточную, куда вошло Семиречье.

Владетели восточной части иногда титуловали себя царями «Востока и Китая». В действительности эта часть государства караханидов включала в себя только Семиречье и Восточный Туркестан. Ее столицей были попеременно то Баласагун, то Кашгар. Центральные и северные районы Казахстана совсем не подпали под власть караханидов.

При караханидах существовал удельный порядок управления. Отдельными областями государства управляли члены рода хана, находившиеся по отношению к нему в вассальной зависимости.

При караханидах происходил заметный и довольно интенсивный рост феодальных отношений.

Производительные силы страны росли. Оживилась жизнь

[1] Арабское название междуречья Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Буквально Мавераннахр означает: «Место, расположенное за рекой».

старых городов. В районах недавних кочевий, например, в Илийской долине, возникали новые поселения городского типа.

Развитие городов, впрочем, мало изменяло натуральную основу хозяйства того времени. Рост городов был связан в значительной степени с развитием торговли. На путях, связывавших города друг с другом, располагались малые и большие караван-сараи. На караванных путях часто встречались мечети, мазары (надгробные сооружения), ханаки (своеобразные монастыри) и другие постройки.

Один из старинных караванных путей проходил по Сыр-Дарье через Хорезм в Восточную Европу, другой через Самарканд — Ташкент — Тараз и Баласагун в Китай.

В X веке на территории Казахстана создались новые транзитные пути, из них наиболее важными были — в Восточный Туркестан и в Монголию.

От старой караванной дороги, проложенной с запада на восток по долине реки Чу, прошла новая караванная дорога к отрогам Заилийского Ала-Тау. У поселения, близ нынешнего села Талгар, дорога разветвлялась. Первая ветвь проходила вдоль Заилийского Ала-Тау к реке Чилик, затем поворачивала к югу и шла в Восточный Туркестан. Вторая проходила через реку Или к городу Койлык (близ Талды-Кургана), затем в сторону Копала, выходила к озеру Ала-Куль и далее направлялась в Монголию. Койлык стал одним из крупнейших городов этого района.

Сочетание земледелия со скотоводством в южных районах Казахстана стало в этот период обычным явлением. Зиму скотовод проводил в селении, летом — кочевал, оставляя часть своей семьи для обработки поля.

Происходило расширение площади оседлого земледелия. На расширявшихся посевных площадях сеяли ячмень и просо, разводили плодовые деревья: урюк, яблони. Широко было распространено возделывание винограда. В районах рек выращивался рис.

Внутри тюркской общины как оседло-земледельческой, так и кочевой в этот период происходит дальнейшая дифференциация. Из общины, на основе имущественного неравенства, выделяется знать, дальнейшее укрепление которой происходит на феодальной основе.

Земледельческое и скотоводческое население аулов вынуждено было работать не только на себя. Окрепшая экономически и политически и разросшаяся количественно знать подчинила себе богатые пространства пастбищ и пахотной земли вместе с поселившимся на них населением.

Мелкие земледельцы, а также кочевники-скотоводы постепенно переходили в феодальную зависимость от знати. Основ-

ной формой развития феодальных отношений при караханидах явилась раздача уделов, доход с которых передавался правителю. Такой удел назывался «икта», а его держатель «иктадар». Икта напоминала собой западно-европейские бенефиции или русские поместья. При этой системе производители-общинники не лишались средств производства и земли. Вместе с тем они не закреплялись и за держателями икта. Тем не менее свободный общинник делался зависимым от иктадара. Зависимость выражалась в обязательных повинностях, которые население земель, пожалованных в качестве икта, должно было отбывать в пользу иктадара. Зависимость углублялась произволом феодалов. Пользуясь силой, они отбирали у земледельцев и кочевников гораздо больше продуктов, чем предусматривалось условиями икта.

Процесс феодализации охватил не только оседло-поселенческие районы, но и кочевые общины Южного Казахстана. Разница была лишь в том, что среди кочевых общин пожалование икта было пожалованием ренты с определенного количества кочевых общин, а не раздачей земли в частное владение.

В правление караханидов широкое распространение в среде феодальной знати получил ислам. Принятие ислама означало и принятие мусульманского права, т. е. феодального права. Ислам был не только средством идеологического воздействия на массы, но и содействовал усилению феодальной эксплоатации.

Государство караханидов было непрочным. Борьба за власть между крупными иктадарами ослабляла его. Дальнейшее развитие феодальных отношений в государстве караханидов привело к его распаду. Упадок государства начался уже со второй половины XI века. В конце XI века оно потерпело ряд серьезных поражений от тюрок-сельджуков. Окончательный удар ослабевшему от внутренних междоусобиц и внешних поражений государству караханидов был нанесен новыми пришельцами в Семиречье — каракитаями.

Правление каракитаев в Южном Казахстане.

Каракитаи — народ тунгусско-монгольского происхождения. В начале X века они завоевали Северный Китай и образовали там государство под названием Ляо, просуществовавшее около двухсот лет. В начале XII века каракитаи были вытеснены из Китая другими народами. Вскоре они появились на Енисее, но, встретив там сопротивление киргизов, ушли на запад. В сравнительно небольшой срок каракитаи овладели Семиречьем и Туркестаном вплоть до Хорезма.

На севере границы государства каракитаев простирались до реки Или. Центром государства был город Баласагун. Каракитайский хан носил титул: гурхан или хан ханов.

К северу от реки Или Казахстан находился под влиянием каракитаев лишь в небольшой степени. Эти районы остались во владении карлукских ханов. Но последние признали себя вассалами каракитаев. Племена канглы частично были покорены каракитаями, частично переселились на запад.

Завоевание государства караханидов каракитаями не повлекло за собой изменения сложившейся здесь системы производственных феодальных отношений. Каракитаи не могли ни изменить экономики Казахстана, ни создать крепкого централизованного государства. Они сами уже стояли на ранней стадии феодальных отношений.

Каракитаи принесли с собой в Семиречье некоторые китайские обычаи. В частности, каракитайские власти ввели в Казахстане собственную систему обложения. Казахстанские племена были обложены подымной, или, иначе, подворной податью.

Правители каракитаев вели себя в Семиречье как завоеватели. К тому же они были буддистами и подвергали мусульман религиозным преследованиям. Все это делало власть каракитаев непопулярной. Тяжелые поборы с городов, преследования мусульманского купечества, междоусобные войны, сопровождавшие правление каракитаев, вызвали упадок городской жизни и караванной торговли в Казахстане. В частности, резко сократилась торговля в «городе купцов» — Таразе. Центр хозяйственной жизни еще более заметно передвинулся в сельские округа, в поместья феодалов, с их замкнутым натуральным хозяйством.

Злоупотребления сборщиков налогов, произвол каракитайской военной знати, гонение на мусульман — все это вызывало большое недовольство коренного населения городов и сельских местностей. Начались восстания против каракитаев. Восстания чаще всего проходили под религиозными лозунгами — борьбы мусульман против «неверных». За религиозной оболочкой скрывалось стремление народных масс тюркских племен к освобождению от чужеземного гнета и стремление тюркской знати к политической независимости.

Успеху восстаний содействовали междоусобные войны каракитайской феодальной знати, а также внешние неудачи, которые переживало государство каракитаев.

Культура народов Казахстана при караханидах.

Караханидская династия вышла из тюркской среды. Поэтому принятие мусульманства караханидами открыло перед исламом дорогу к тюркскому населению Казахстана. Но даже сделавшись государственной религией, ислам проникал главным образом в среду господствующих классов, охватывая в основном лишь южные районы Казахстана. Централь-

ные и северные области Казахстана еще не испытывали мусульманского влияния. Кыпчаки и другие скотоводческие племена степей оставались язычниками.

Проникновение ислама в государство караханидов повлекло за собой создание крупных литературных произведений. Их читателями являлась тюркская знать. В народные массы литература не проникала. Одним из наиболее видных литературных памятников этой эпохи является нравоучительное сочинение на уйгурском языке под названием «Кудатку Билик» (Книга счастья). Автором этого сочинения был выходец из города Баласагуна Юсуф, по прозванию Хас-Хаджиб. Он написал свою книгу в 1069 году для одного из первых караханидов — Богра-хана. «Книга счастья» состоит из вопросов хана и ответов о том, как лучше управлять государством. Ответы учигеля проникнуты мусульманской моралью. Характерно, что это сочинение, выражавшее официальную идеологию караханидов, всячески восхваляло городскую жизнь и отражало некоторое недоверие к кочевникам.

Вот, что говорит «Книга счастья» об отношении главы государства к кочевникам:

«...Существуют еще скотоводы,
Они надзирают за табунами лошадей.
Это очень правдивый род людей, но мудрости они не имеют.
Обходись с ними хорошо...
Общайся с ними, веди знакомство, кушай и пей с ними,
Допуская их жить, как это подобает человеку.
Если ты общаешься с ними, то сдерживай себя,
Так как они постоянно без законов и без направляющей нити.
Говори им хорошие слова, но не называй их друзьями.

Совсем иное отношение проявляет автор книги к ремесленникам:

Другой род людей составляют ремесленники.
Они создают руками искусство, чтобы зарабатывать
себе на жизнь.
Все они необходимые для тебя люди:
Приблизь их к себе, они принесут тебе пользу,
о великий!
От них идут все работы мира.
Как много удивительных вещей они делают!
С ними общайся и обходись хорошо.
Радуй ты их и живи сам в радости.
Работают они для тебя, — непременно одари их.
Давай им есть и пить! Давай им обильную пищу».

В этих строфах выступает одна идея: попытка наладить мирные отношения с обеими категориями населения — скотоводами и горожанами.

При караханидах в Семиречье было создано и другое весьма важное сочинение — словарь местных языков. Его составил Махмуд Кашгарский, по происхождению тюрк из района Иссык-Куль, писавший на арабском языке. Это сочинение, законченное в 1072 году, содержит много сведений по истории Казахстана. Махмуд Кашгарский был языковедом, отметившим разницу между тюркскими наречиями, на которых говорили различные племена Казахстана. В словаре, в частности, отмечены наречия племен аргын, кыпчак и других, которые впоследствии вошли в состав казахской народности. Сочинение Махмуда Кашгарского содержит также важные исторические сведения о племенах, населявших Южный Казахстан, жизнь которых автор имел возможность наблюдать непосредственно.

Видное место в истории культуры тюркских племен Казахстана занимает Ходжа Ахмет Ясеви. Он родился в 1103 году в поселении около нынешнего Сайрама. Оставшись сиротой, Ахмед воспитывался у родственников. Юношей он переехал в город Ясы (близ современного гор. Туркестана). Через некоторое время Ахмед Ясеви отправился в гор. Мерв, где изучал богословские науки. Возвратившись на родину, он сделался глашатаем суфизма — широко распространенного к тому времени в Средней Азии мистического учения. Вокруг Ахмеда Ясеви собирались ученики-мюриды.

Из творчества Ясеви дошел до нас сборник его поэм и нравоучительных сочинений под названием «Диван и Хикмет». В этих произведениях поэт излагает свою биографию, начиная с детства и до шестидесятитрехлетнего возраста, и попутно отмечает все им виденное и слышанное, критикуя действия своих современников — ханов, беков, казиев (мусульманских судей). Он жалуется на упадок, испорченность нравов, призывает к добродетели, благочестию, отречению от всего мирского, к строгому соблюдению правил суфизма.

Творчество Ахмеда Ясеви наполнено пессимизмом и отвращением ко всему мирскому, полно мистики, разочарования.

Ходжа Ахмед Ясеви был выразителем суфийской идеологии. Распространившийся в то время по всей Средней Азии суфизм имел два направления: суфизм, слившийся с господствующим классом и покровительствовавший бекам, казиям, городскому чиновничеству и вообще власть имущим, и суфизм, критиковавший правящую верхушку, отражавший в этом отношении интересы трудящегося населения городов и кишлаков, несмотря на общий реакционно-мистический характер своей идеологии. Ходжа Ясеви умер в 1166 году, 63

лет от роду. В конце XIV века Тимур перенес его останки в гор. Туркестан и над его могилой воздвиг мавзолей.

В X — XII веках за пределами Казахстана создалась обширная литература на персидском и арабском языках, уделявшая значительное внимание характеристике быта и экономике племен, населявших Казахстан.

Таково, например, безымянное произведение конца X века (982—983) на персидском языке «Границы мира» и произведение Гардизи под названием «Украшение известий», составленное около 1150 года.

При караханидах в связи с ростом городов большое развитие получила архитектура. Появились здания, фасад которых облицовывался резным кирпичом и украшался колоннами. На облицовочный кирпич наносился резцом рисунок, который обычно изображал рога животных, растения и геометрические узоры. Сочетания таких изразцов с арабскими надписями из корана придавали постройке весьма нарядный вид. Такова, например, постройка, известная под названием мавзолей Айша-биби (18 километров к западу от Джамбула), мавзолей карахана, находящийся также в районе Джамбула.

В ранних постройках караханидской династии в XI веке продолжал применяться древний прием украшения здания: фигурная кладка кирпича в виде геометрических узоров. Памятником этой архитектуры являются минарет мечети у гор. Токмака в Киргизии так называемая башня Бурана и мазар Бабаджа Хатун около гор. Джамбула.

Внутренние стены здания отделывались лепными украшениями и расписывались клеевыми красками по сырой штукатурке (фрески). В жилых домах стены из сырцового кирпича покрывались тонкой глиняной обмазкой, затем на них наносились сухими красками рисунки, обычно в виде растений или геометрических фигур.

Большого развития в это время достигло производство посуды, украшенной разноцветным орнаментом и покрытой глазурью. В карлукский период посуда такого типа привозилась из Мавераннахра, позже она стала изготовляться на месте в городах Казахстана. На слабо обожженную посуду художник-керамист наносил кистью, часто при помощи трафарета, красочный орнамент, иногда дополнял его резьбой. Сюжет росписи состоял из растительных орнаментов. В рисунок вплеталась арабская надпись — какое-нибудь благопожелание из текстов корана. На посуде, сделанной в Семиречье, местные художники, несмотря на запрет ислама, рисовали, удовлетворяя вкусам кочевников, также изображения живых существ: фазанов, лягушек, медведей и других животных.

В XII веке, когда на территории караханидского государства появились каракитаи, в ремесло и искусство проникло китайское влияние. В частности, получили развитие лепка культовых статуй из глины и скульптурная резьба по камню, применявшаяся при постройках буддийских монастырей. Наряду с предметами искусства, появились и другие предметы, выполненные в китайском стиле. Таковы, например, кровельная черепица, а также строительный кирпич продолговатой формы. Черепица и кирпич отличались исключительно высоким качеством обжига.

При каракитаях в Семиречье увеличилось число китайских ремесленников. Восприняв здесь среднеазиатскую культуру, они сочетали в своих изделиях черты дальневосточного и среднеазиатского искусства.

§ 5. КЫПЧАКСКИЕ ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОГО И ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА.

Образование кыпчакских государств.

Одновременно с образованием на юге караханидского государства центральные и западные области Казахстана находились в зависимости от кыпчаков. В X — XII веках здесь образовалось несколько племенных союзов, которые в XII веке приобрели значительную силу.

Основной отраслью хозяйства кыпчаков было кочевое скотоводство. Один иностранный путешественник, проезжавший в 1246 году по Дешти-Кыпчак, писал: «Кыпчаки очень богаты скотом: верблюдами, быками, овцами, коровами и лошадьми. Вьючного скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению, нет в целом мире».

На окраинах Дешти-Кыпчака, по соседству с оседлыми районами — русскими княжествами на западе и Хорезмом на юго-востоке, — кыпчаки переходили к оседлости. Здесь они занимались земледелием. Русские летописцы, называвшие кыпчаков половцами, делили их на оседлых и кочевых. Отдельные очаги земледельческой культуры существовали и в Центральном Казахстане, в районе Улу-Тау, в Атбасарских степях, по рекам Сары-Су, Ишиму и др.

Во владениях кыпчаков находились также города. Среди них наиболее значительным был Сыгнак на Сыр-Дарье — город восточных кыпчаков.

Через земли кыпчаков проходили важные торговые пути, в том числе великий волжский путь и караванная дорога, связывавшая запад с востоком.

Через город Судак, находившийся на территории, занятой кыпчаками (в Крыму), шла торговля с Трапезундом и далее

с Тавризом, Хамаданом и другими городами Ирана. Один восточный автор писал о Судаке: «Это город кыпчаков, из которого они получают свои товары... К нему пристают корабли с одеждами, последние продаются, а на них покупаются девушки и невольники, буртасские меха, бобры, белки и другие предметы, находящиеся на земле их». Другой восточный автор писал, что на «рынки Сыгнака сгоняли ежедневно 500 голов верблюдов, которые в течение дня и распродавались без остатка».

Важнейшими предметами вывоза у кыпчаков были меха и рабы. Кыпчаки приобретали их путем вооруженных набегов на приволжские народности и на русские княжества.

О социальном строе кыпчаков современные им свидетельства говорят очень мало.

Кыпчакское общество переживало процесс глубокого разложения первобытно-общинного строя. Сложились первые классы — свободных и рабов. Однако рабство у кыпчаков не получило большого развития. Основой общественного производства попрежнему был труд членов общины. Но сама община в это время переживала процесс разложения. Уже резко выделяется родовая знать, которая в общественных делах стала заслонять общину. Трудовое население все более попадало в зависимость от этой знати в основном условии материального производства — в пользовании землей. Земля продолжала считаться родовой собственностью, но концентрация скота в руках родоплеменной знати приводила к тому, что фактически земля находилась в пользовании родовой верхушки. Это создавало предпосылки для складывания отношений феодальной зависимости. Недостаток источников не позволяет проследить, в каких формах эта зависимость начинала складываться в обществе кыпчаков. Но несомненно, что у восточных кыпчаков в Дешти-Кыпчак, в отличие от южных районов Казахстана, в этот период феодальные отношения еще не получили той законченной формы, как это имело место в государстве караханидов. Поэтому и зарождавшаяся государственная организация общества не являлась феодальным государством. Это было государство дофеодальное на ранних ступенях его развития.

Тюркские племена и Русь.

К XII веку на востоке власть кыпчаков простиралась до центральных областей Казахстана и Иртыша включительно, а на западе почти до самого Днепра. Кыпчаки завоевали крупное южное княжество Тмутаракань. Набеги кыпчаков на русские поселения были очень часты. Но сношения с русскими княжествами далеко не ограничивались взаимными набегами, происходил процесс сближения формировавшегося русского народа с кып-

чаками и другими тюркскими племенами, прежде всего с печенегами. По данным «Повести временных лет», печенеги, являвшиеся, повидимому, одной из ветвей канглы, появились на Руси в начале X века; половцы — в середине XI века. Кроме печенегов и половцев, русская летопись знает берендеев и торков, иногда объединяя несколько тюркских народов одним общим именем «черных клобуков» (каракалпаков).

Русь находила в себе силы систематически отражать удары этих степных наездников и в то же время умела входить с ними в отношения, приемлемые для них самих и выгодные для Руси.

Когда князь Игорь шел в поход на Византию в 944 году, болгары сообщили византийскому императору Роману, что «идуть Русь и начли суть к себе печенеги». Князь Тербовльский Василько, собираясь в поход на Польшу, пригласил к себе берендеев, печенегов и торков. Такие факты найма тюркских отрядов и совместных военных походов очень часты.

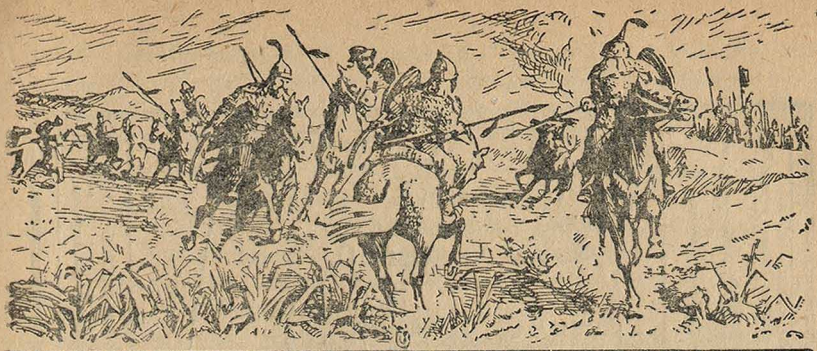
Был еще один способ привлечения тюркских племен — это поселение их на территории Киевского государства с условием защищать русские границы. Оседая на киевской земле, тюркские кочевники со временем превращались в подданных Киевского государства.

В результате этого оседания кочевников на территории Киевского государства значительная часть пограничных поселков оказалась сплошь или по преимуществу заселенной торками, берендеями, печенегами и половцами. Об этом красноречиво свидетельствуют названия поселений и речек вроде Печенеги, Торкин, Торчиново, река Торча, Куманевка (половцы назывались еще и куманами), Берендичев, Половецкое и т. д. в районах Черниговщины, Харьковщины, Киевщины, Волыни, Подолии. Среди этих поселений выделяется город Торчин на реке Роси, центр, к которому тянулись другие тюркские поселения. Осевшие здесь тюркские племена имели военное устройство, составляли особые полки и, находясь в постоянном общении с русским народом, подчиняясь вместе с ним одной власти, в конечном счете стали включаться в общую с Русью политическую жизнь. Летописец передает, что когда в 1155 году половцы потребовали, чтобы Юрий Долгорукий приказал берендеям, находившимся у него на службе, выдать пленников, то берендеи ответили Юрию: «Мы того для умираем за русскую землю с твоим сыном и головы свои складываем за твою честь». Они отказали в выдаче пленных, и Юрий не настаивал.

Сын Юрия Долгорукого Ростислав, после неудачного опыта службы у киевского князя Изяслава, вернулся к своему отцу в 1149 году и обратился к нему со словами: «Слышал

есмь (в Киеве) оже хочет тебе вся русская земля и черные клобуки». Смерть киевского князя Изяслава Мстиславовича оплакивалась «всей русской землей и всеми черными клобуками». Когда на киевский престол прибыл Ростислав Мстиславович, то «быша рады ему вси и вся русская земля и все верныи клобуци обрадовавшаяся». После смерти Ростислава в приглашении нового князя участвуют киевляне и черные клобуки.

С конца XI и начала XII века некоторое сближение между русскими и половецкими князьями проявлялось в том, что отдельные русские князья женились на половецких царевнах. В начале XIII века, когда возникла угроза монгольского завоевания, русские войска, отражая набеги завоевателей, выступили в союзе с половцами; в битве при Калке в 1223 году русские и половецкие отряды сражались вместе против монголов.



ГЛАВА IV.

КАЗАХСТАН В ПЕРИОД МОНГОЛЬСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ.

§ 6. МОНГОЛЬСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ КАЗАХСТАНА.

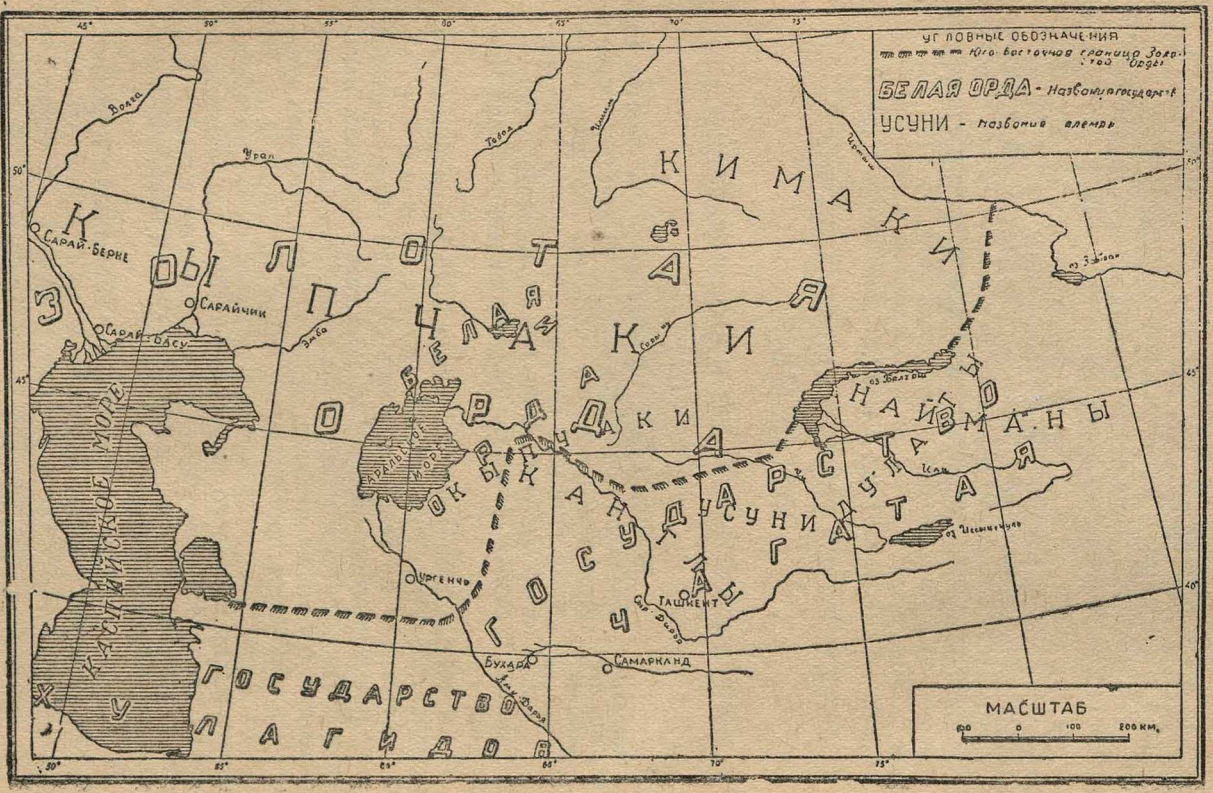
Монголы. Образование империи Чингиз-хана.

В начале XIII века, далеко на восток от пределов современного Казахстана, среди монголов назревали события, которые наложили глубокий отпечаток на жизнь народностей Средней Азии, Ирана, Кавказа и Восточной Европы. В степях Монголии формировалась империя Чингиз-хана.

В XII веке в хозяйственной жизни монголов наблюдались две линии развития. Те монголы, которые жили у озера Байкал, в верховьях Енисея, занимались главным образом охотой и рыболовством, приручали диких животных — марала, изюбря и козулю. Лошадей у них было мало. Это были, по преимуществу, охотничьи племена. Другая часть монголов кочевала по обширным пастбищам от озера Кулун-Буйр до Западного Алтая. Они вели кочевое скотоводческое хозяйство, перекочевывая из одного района в другой в зависимости от времени года. Эти племена жили в войлочных юртах и разводили рогатый скот, овец, коз и коней. В XII веке верблюдов у монголов было немного.

В старину монголы кочевали так называемыми куренями. Вот как описывает курень иранский историк конца XIII века Рашид-ад-дин: «Значение куреня есть кольцо. В старинное время, когда какое-нибудь племя останавливалось на каком-

ТАТАРО-МОНГОЛЬСКИЕ ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА (XIII—XIV вв.)



нибудь месте наподобие кольца, а старейший из них был подобен точке в середине круга, это называлось курень».

Итак, в старину курень являлся формой кочевой родовой общины. Но в XII и даже еще в XI веке старинный способ перекочевок стал заменяться другим — аильным способом кочевок. Аилом называлась большая семья. Аил, особенно богатый, мог обрастать, и действительно обрастал, чужеродцами, припущенниками, не имевшими возможности в силу каких-либо причин, обычно бедности, кочевать самостоятельно. К XIII веку аильный способ кочевания успел вытеснить куренный. Курень сохранялся лишь в построении войска при сближении с неприятелем.

Переход к аильному способу кочевания сыграл огромную роль в общественной жизни монголов. Он происходил на почве роста производительных сил кочевого общества, увеличения основного богатства монголов — скота, концентрации его в распоряжении отдельных семей и вытекавшего отсюда имущественного неравенства между семьями.

Монголы, как и другие кочевые народности, не знали частной земельной собственности. Земля формально не могла быть закреплена в частную собственность отдельных семей потому, что кочевое скотоводство требовало постоянной перемены пастбищ. Пока кочевали куренями, имущественное неравенство приводило лишь к тому, что родовые кочевья преимущественно использовались теми, у кого было больше скота. Когда же стали кочевать аилами, то родовая земля оказывалась в монопольном распоряжении богатых аилов, которые, пользуясь своим влиянием и богатством, захватывали право распоряжения родовыми кочевьями.

Так складывалось различное отношение аилов к основному условию производства — к земле. Тем самым создавалась почва для складывания и развития классовых отношений в родовой монгольской общине. В XII веке монгольское общество уже выступало как классовое, феодализирующееся общество. Выделялась знать, представители которой носили общее название нойонов. Вокруг нойонов группировались преданные им дружины, состоявшие из нукеров, находившихся в личной, вассальной зависимости от нойонов, обязанные им личной верностью.

Нойонам противостояла зависимая от них народная масса — карачу, которая должна была отправлять в распоряжение феодала мелкий скот для убоя, представлять на срок дойных животных, по преимуществу кобылиц, чтобы в ставке феодала могли пользоваться их молоком.

Между родами происходила ожесточенная борьба за луч-

шие пастбища, за захват добычи. Побежденный род становился в зависимое положение от рода победителя. На членов побежденного рода налагались неодинаковые повинности. Знатные семьи несли «благородные» службы, т. е., главным образом, военную службу; на другую часть (карачу) налагались хозяйственные повинности.

Знало монгольское общество и рабство, но оно не развилось в рабовладельческий способ производства, как это имело место в античном обществе или в странах древнего Востока (Египет, Вавилон, Ассирия). Состояние рабства было временным. По прошествии определенного времени раб наделялся кибиткой, скотом и получал возможность завести семью. Как мелкий производитель, наделенный средствами производства, он становился по отношению к своему вчерашнему господину в положение феодально-зависимого человека.

Таким было монгольское общество к началу XIII века, когда во главе его стал величайший завоеватель средневековья Темучин. Темучин родился в 1155 году в семье богатого нойона Есугея-богатура. Он рано осиротел, его семью покинули вассалы отца, и в молодости Темучин пережил немало унижений и нужды. Но, возмужав, он сумел сплотить вокруг себя преданную ему дружину нукеров, возвратить утерянные стада и рядом удачных набегов снискать себе славу отважного и непобедимого богатура.

Впервые Темучин выдвинулся в конце XII века в борьбе монголов с буирнорскими татарами. Его слава возросла в войнах хана кераитов с племенем меркитов, в которых он выступал в качестве вассала кераитского хана. Но вассальные отношения длились недолго. В 1203 году Темучин разгромил кераитов, несколько позже, в 1206 году, та же участь постигла и второй союз — найманский. Часть найманов и кераитов подчинилась Темучину, другие бежали на запад. В том же 1206 году на курултае (съезде) монгольской знати Темучин был провозглашен всемонгольским повелителем и получил новое имя — Чингиз-хан.

Во главе созданной монархии стоял род Чингиз-хана. Нойоны подчиненных родов выступали как вассалы владельческого рода. Феодальная иерархия состояла из хана, царевичей дома Чингиз-хана, зависимых от них нойонов и их нукеров. В непосредственном распоряжении Чингиз-хана находилась преданная ему гвардия, его «очередная стража», насчитывавшая 10 000 человек и составленная из беззаветно преданных Чингиз-хану представителей монгольской знати.

Таким образом, по своей организации империя Чингиз-хана носила феодально-аристократический характер.

Завоевание Казахстана монголами.

Вытесненные из Монголии, разрозненные группы найманов появились в восточных районах современного Казахстана в острый момент борьбы гурхана каракитаев с хорезмшахом Мухаммедом. В 1210 году произошло восстание восточных вассалов гурхана. В целях борьбы с восставшими, гурхан позволил Кучлуку, сыну последнего хана найманов, объединить рассеянные аулы своего народа, но ошибся в преданности найманского царевича. Кучлук поднял восстание против каракитаев и в союзе с карлуками захватил Узгент, где хранилась казна гурхана. Против Кучлука были направлены войска; Кучлук потерпел поражение, и захваченная им казна перешла в руки войск гурхана.

Менее удачны были действия каракитаев против хорезмшаха Мухаммеда и его союзника — самаркандского правителя Османа. Битва у города Тараза кончилась вничью. Оба войска отступили. Но у Баласагуна, куда отошли каракитаи, гурхан встретил неожиданное сопротивление: жители Баласагуна заперли перед ним ворота. Лишь после 16-дневной осады город был взят. По свидетельству одного восточного автора, в Баласагуне было перебито до 47 000 мусульман. Но это не укрепило власти гурхана. Когда он потребовал от своего войска возвращения отнятой при поражении Кучлука казны, в войске вспыхнуло восстание.

Создавшейся обстановкой тотчас воспользовался Кучлук. Он встал во главе восставших. Покинутый своими войсками гурхан должен был покориться Кучлуку. Ему был оказан внешний почет, но власть во владениях гурхана перешла к найманскому предводителю. Это произошло в 1211 году.

В том же году монгольский отряд под предводительством Хубилай-нойона вторгся в пределы владений Кучлука. Но начавшаяся война с Китаем отвлекла силы Чингиз-хана на восток. Однако северная часть Семиречья должна была покориться монголам.

Усиление Кучлука беспокоило хорезмшаха. Он опасался похода предприимчивого вождя найманов в Мавераннахр. Мухаммед, не рассчитывавший сохранить пограничные области, приказал их опустошить (районы Сайрама и Ташкента).

Всеми этими событиями не были задеты центральные и западные области современного Казахстана. Кочевавшие здесь кыпчаки жили своей собственной политической жизнью, подвергаясь время от времени нападениям войск хорезмшаха.

Впервые монголы в Центральном Казахстане появились в 1216 году, преследуя бежавших сюда меркитов. В районе реки Иргиз монголы столкнулись с войсками хорезмшаха. На другой день после битвы, не давшей победы ни одной сторо-

не, монголы отступили. Новое вторжение войск Чингиз-хана на территорию Казахстана произошло через два года — в 1218 году.

Превосходство монголов в военной технике и организации, политическая раздробленность Казахстана и Средней Азии обеспечили успех завоевателям. Кроме того, на юге Казахстана действия монголов значительно облегчались недовольством мусульманского населения правлением Кучлука. В то время как Кучлук подвергал преследованиям мусульман, монголы выступили под лозунгами веротерпимости. Это обеспечило им поддержку местного мусульманского населения. В Восточном Туркестане и Семиречье монголы не встретили сопротивления. Баласагун сдался им без боя. Бежавший Кучлук был настигнут и убит. Покорив Семиречье, Чингиз-хан двинулся на запад, против хорезмшаха. Непосредственным поводом к походу явилась так называемая «Отрарская катастрофа». Наместник хорезмшаха в Отраре задержал монгольский караван в 500 верблюдов и убил 450 человек, сопровождавших караван. Чингиз-хан через послов потребовал удовлетворения, но его послы были оскорблены и часть из них убита. Война стала неизбежной. В течение трех лет, с 1219 по 1221 год, государство хорезмшаха было разгромлено. Средняя Азия, в том числе и области, расположенные по Сыр-Дарье, вошли в состав империи Чингиз-хана.

Быстрый разгром империи хорезмшаха был облегчен внутренней неустойчивостью государства Мухаммеда: он настолько не доверял своей знати, что боялся объединить своих вассалов в одну крупную армию и прибег к явно негодной тактике обороны отдельных крепостей, что предполагало раздробление сил ханства на отдельные отряды. Вслед за падением Хорезма были завоеваны и земли кыпчаков.

Уже после смерти Чингиз-хана, последовавшей в 1227 году, на курултае монгольской знати в 1235 году был решен поход в Восточную Европу. Во главе монгольского войска встал внук Чингиз-хана Бату (Батый — в русских летописях).

В 1237 и 1238 годах монголы вторглись в пределы русских княжеств. Раздробленные на мелкие, враждующие друг с другом уделы, русские княжества не могли устоять против хорошо организованного монгольского войска. Северо-восточные русские земли были разорены, а население их превращено в данников монгольской знати. В 1240 году были разгромлены южно-русские княжества.

Так было положено основание новому монгольскому государству, которое в восточных источниках называется улусом Джучи (Джучи — сын Чингиз-хана, отец Батыя), или Синей Ордой, в русских — Золотой Ордой. Столицей Золотой

Орды стал город Сарай, местоположение которого находилось близ современного Сталинграда. В состав Золотой Орды вошли все земли современного Казахстана, за исключением южной части Семиречья, составившего часть удела другого сына Чингиз-хана — Чагатая. Русские княжества не вошли в состав Золотой Орды, но они превратились в вассальные владения золотоордынского хана.

§ 7. ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПЛЕМЕН КАЗАХСТАНА ВО ВРЕМЯ МОНГОЛЬСКОГО ИГА.

Хозяйство. Монголы огнем и мечом проходили по завоеванным областям, нанося им неисчислимый ущерб. Многие города Средней Азии и Казахстана, в том числе и города, расположенные по Сыр-Дарье, были превращены монголами в развалины.

«В этой земле, — пишет один из путешественников того времени о районе Сыр-Дарьи, — мы нашли бесчисленные истребленные города, разрушенные крепости и много опустошенных селений». Погибли такие культурные центры, как Отрар, Сугнак, Сауран и др. Их население частично было уничтожено, частично (особенно ремесленники) уведено в рабство в Монголию, в ставки монгольской знати. Был разрушен старинный богатый «город купцов» — Тараз. Города между Таразом и Сайрамом также были уничтожены, но Сайрам был пощажен.

Монголы совершенно разрушили культурнейший в Казахстане Чуйский оседло-земледельческий оазис. Было разрушено и большинство городов вблизи озера Иссык-Куль. Посол французского короля Людовика IX к монгольскому хану — монах Рубрук, проезжавший по Семиречью в 1253 году, писал о Чуйской долине: «На упомянутой равнине находилось прежде очень много городов, но по большей части они были разрушены татарами».

Опустошению подверглись также и кочевые районы Казахстана. Об этом свидетельствует один из современников — посол папы Иннокентия IV к хану Гуюку (внуку Чингиз-хана) Плано-Карпини, который в 1245 году проезжал через земли кыпчаков-канглы (в низовьях Сыр-Дарьи) и через кочевья найманов (в Семиречье).

«Въехали в землю кангитов (канглы), — пишет он. — В этой земле, а также в команиях (т. е. в кочевьях кимаков — кыпчаков) мы нашли многочисленные головы и кости мертвых людей, лежащие на земле подобно навозу. Их (т. е. канглы и кыпчаков) также истребили монголы и живут в их земле, а те, кто остался, обращены ими в рабство».

Такой же участи подверглись кочевники найманы и кара-

китаи в Семиречье. «Эти два народа, — пишет Плано-Карпини, — не занимались земледелием, но подобно татарам жили в шатрах, татары их также уничтожали».

Производительные силы в этих кочевых районах были сильно подорваны. Много скота было захвачено завоевателями, население отрывалось от производительного труда и принудительно вливалось в войска завоевателей в качестве воинов, а чаще для выполнения различных вспомогательных работ. От опустошения и разорения частично уцелели только те районы, которые остались в стороне от движения отрядов Чингиз-хана, или добровольно склонялись перед завоевателями. Они пострадали в меньшей степени. Китайский отшельник Чун-Чун, путешествовавший в южных районах Казахстана тотчас же после завоевания их монголами, рассказывает о густом населении в степях к северу от Сыр-Дарьи и отмечает хорошее состояние дорог.

Монголы, нуждавшиеся в хороших путях сообщения для связи между завоеванными областями и главной ставкой Чингиз-хана в Монголии, естественно, заботились о содержании дорог в хорошем состоянии. Они строили мосты через реки и караван-сараи на степных путях. Так, через реку Чу был построен деревянный мост и каменный — через реку Талас.

Раны, нанесенные народному хозяйству, залечивались тем медленнее, что монголы кочевники-скотоводы действовали в завоеванных областях соответственно своему способу производства. Они нуждались в удобных кочевках и производили «расчистку» земледельческих районов под пастбища. Упадок земледельческой культуры, однако, был вызван не только «расчисткой» земель под пастбища, но и бесконечными и разорительными междоусобными войнами между потомками Чингиз-хана. Особенно пострадала земледельческая культура Семиречья. При чагатаях здесь были уничтожены даже те очаги земледелия, которые еще сохранились в годы нашествия Чингиз-хана.

На упадок очагов земледельческой культуры в Семиречье, кроме Рубрука, указывает также один китайский автор — Чжан-Дэ, посетивший в 1259 году местность между Чу и Или. Та же картина оставалась и в XIV веке. В одном памятнике XIV века говорится, что там «можно найти только развалины, более или менее сохранившиеся. Издали видишь только построенное селение, окрестности которого покрыты цветущей зеленью. Приближаешься к нему в надежде встретить жителей, но находишь дома совершенно пустыми. Все жители страны — кочевники и нисколько не занимаются земледелием».

Несколько иная картина наблюдалась в районе Сыр-Дарьи.

Здесь медленно возрождалась городская жизнь и земледелие. Но в общем площадь скотоводческого хозяйства расширилась, а площадь, занятая до монголов земледельческой культурой, сократилась. В этих изменениях материального производства племен Казахстана — резком сокращении очагов земледельческой и городской культуры и расширении скотоводческо-кочевой базы — заключались основные последствия монгольского завоевания в области хозяйственной жизни. Монгольское иго нанесло огромный хозяйственный урон Казахстану и затормозило его исторический прогресс. Оно надолго задержало процесс сложения казахской народности и казахской государственности. Татаро-монголы не принесли народам Средней Азии и Казахстана ничего, кроме разорения и гнета феодалов.

В экономике Золотой Орды большую роль играла торговля. Столица ханства — гор. Сарай — была связана торговыми путями с Западом, через посредство генуэзских купцов, которые в Крыму имели свою базу и в гор. Кафа (Феодосия). Караванные пути связывали Сарай с Ираном (через Дербентский проход) и Хорезмом. По Волге шли товары и дань из русских княжеств. Торговлю вели и кочевые племена, в частности кыпчаки. Развитие торговых связей способствовало экономическому сближению Руси с народностями Казахстана и Средней Азии.

Общественные отношения.

Восстановление хозяйства происходило в новых общественно-экономических условиях. Как внутри монгольских племен до образования империи Чингиз-хана побежденные племена ставились в положение зависимых от победителей, так и при завоевании Казахстана побежденные тюркские племена вливались в улусы монгольских царевичей на положении зависимых общин. Но как и в побежденных монгольских племенах не все несли одинаковые службы, так и теперь в степях Дешти-Кыпчак знать тюркских племен несла «благородные службы» победителям, в то время как народные массы становились в положение карачу — феодально-зависимых производителей.

Сближение со знатью тюркских племен диктовалось для победителей условиями завоевания. Монгольская прослойка была значительна лишь в восточных областях Золотой Орды; на западе и в центральных областях Казахстана она была очень незначительна. В этих условиях для сохранения господства были далеко не достаточны те 4 000 нукеров регулярного монгольского войска, которые получил каждый из царевичей при разделе на отдельные улусы империи Чингиз-хана. Удержать господство над многочисленными племенами монгольская знать могла только путем сближения со знатью тюркских

племен. Тюркские беки постепенно сближались с монгольскими нойонами; в XIV веке различие между побежденными и победителями стирается, исчезает и самый термин «нойон», заменяясь в быту и в официальной переписке термином «бек». Эта общественная группа составила господствующий класс в обществе Золотой Орды. Но над ней стояла степная аристократия, к которой причислялись потомки Чингиз-хана.

Впоследствии эта аристократия стала называться султанами. Они составили особое неделимое сословие «тюре» (благородных). Звание султана можно было получить лишь по рождению от султана же. Только из среды султанов мог выбираться хан. Внешним признаком султанского достоинства служила белая кошма и особый иероглифический знак — тамга, по начертанию напоминавшая русское «т».

Кочевья, которые попрежнему считались собственностью рода, находились в распоряжении кочевой знати, султанов и беков, и это различное отношение членов общества к основному средству производства при господстве кочевого скотоводческого хозяйства создавало почву для дальнейшего развития классовых отношений. Захват знатью права распоряжаться кочевьями заметили современники. Один путешественник середины XIII века писал: «Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, где император не укажет ему, сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают темникам, темники — тысячникам, тысячники — сотникам, сотники — десятникам».

Трудящиеся общинники-скотоводы, зависимые от кочевой знати в пользовании землей, должны были отбывать в пользу знати различные повинности. Население должно было содержать и давать коней в колесницы послам, обеспечивать их охраной и личным обслуживанием. О других повинностях один из современников-наблюдателей (Плано-Карпини) писал: «Как вожди, так и другие обязаны давать императору для дохода кобыл, чтобы он получал от них молоко, на год, на два или три, как ему будет угодно, а подданные вождей обязаны делать то же самое своим господам, ибо среди них нет никакого свободного».

О многочисленных повинностях как кочевого, так и оседлого населения говорят ярлыки, т. е. грамоты ханов, выдававшиеся в виде особого пожалования тому или другому феодалу и освобождение его от выполнения тех или других обязанностей.

Известно далее, что на всем кочевом населении лежала особая подать — «копчур», которая взималась со стад, в размере одного процента с поголовья.

Тяжелой натуральной повинностью являлось обязательное

участие в облавных охотах, которые играли крупную роль в хозяйстве Золотой Орды. Особенно крупную роль облавные охоты играли как средство снабжения войск продуктами питания. С распространением среди кочевых тюркских племен ислама вошел в силу шариат — мусульманское право. По шариату теперь стали взиматься новые подати: зякет, в размере $^1/_{40}$ части имущества (скота), а в земледельческих районах ушур ($^1/_{10}$ часть урожая).

Во всех повинностях кочевого населения, кроме зякета и ушура, не было ничего нового, чего бы не знало монгольское общество или тюркские общины, кочевавшие в Семиречье. Теперь все эти повинности, характерные для раннего феодального общества, были распространены и на племена Дешти-Кыпчака Центрального и Западного Казахстана. Но и в южных областях повинности стали многочисленнее и разнообразнее.

Таким образом, трудящиеся массы кочевых племен Казахстана в период монгольского ига испытывали двойной гнет: со стороны монголов-завоевателей и со стороны своей феодализирующейся, срастающейся с монголами знати.

Происходило углубление и расширение феодальных форм эксплоатации, что стало возможным благодаря двум моментам: серьезным изменениям, которые пережила тюркская кочевая община в период завоевания, и усилению внеэкономического принуждения, поддержанного всей мощью татаро-монгольского государства.

Кочевая община периода Золотой Орды.

Монгольское завоевание не изменило и не могло изменить патриархально-родовых форм быта тюркских общин. Сами монголы жили в условиях патриархально-родового быта, под оболочкой которого развивались классовые, феодальные отношения. Живучесть патриархально-родовых форм общины была обусловлена господством кочевого хозяйства.

Товарищ Сталин в 1921 году на X съезде партии указал на связь между кочевым скотоводческим хозяйством и сохранением патриархально-родовых форм быта. О кочевых и полукочевых народностях советского Востока он писал, как о народах, «сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ)»[1].

При регулярных перекочевках территориальные связи не могли развиться в той мере, как это имело место у оседлых земледельческих народов. Кочевая община не перерастала в общину территориальную. Изменялся, однако, состав патриар-

[1] И. В. Сталин. Сочинения, т. V, стр. 25.

хально-родовой тюркской общины. Еще в домонгольский период происходило дробление прежних древних кровно-родственных союзов. Монгольское завоевание XIII века в огромной степени усилило процесс дробления и привело к смешению осколков разбитых родовых общин.

Образование таких новых смешанных общин или аймаков не исключало, конечно, сохранения в отдельных случаях родовых общин в их прежнем, хотя и раздробленном составе, как это имело место в ряде родов найманов. Новые союзы выступали иногда под названием старых родовых общин. Но по своему составу они были уже иными. Изменение состава родов отражалось и на их внутренней структуре. Прежние связи нарушались, вырастала новая знать, роль и общественное значение которой обусловливались совсем не «организаторскими» функциями, а имущественной мощью, богатством. Чаще же в то бурное время, заполненное непрерывными войнами, на вершину общественной лестницы выдвигались удачливые вожди боевых дружин, богатуры, или батыры. Это была военная знать. Образование такой знати характерно для феодализирующегося общества не только Востока, но и Запада. Так было, например, в германском обществе, о котором Энгельс писал: «Дружинники королей образовали, наряду с несвободными и римскими придворными, вторую из главных составных частей позднейшего дворянства».[1]

В условиях дробления старых общественных связей тюркская община не могла обладать той силой сопротивления наступлению формирующегося класса феодалов, как раньше. Но усиление феодальных отношений было связано и с усилением государственного принуждения.

§ 8. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ В ПЕРИОД ЗОЛОТОЙ ОРДЫ.

Татаро-монгольское иго в степях Дешти-Кыпчака.

Монгольское завоевание внесло существенные изменения в политическую жизнь не только тюркских народностей территории современного Казахстана, но и других народов, в том числе и русского народа. Татаро-монгольское иго над русским народом продолжалось свыше 240 лет. Оно разрушило огромные материальные ценности, задержало культурное и политическое развитие русского народа. Но оно не смогло уничтожить русской государственности. Русский народ в неимоверно тяжелых условиях феодальной раздробленности и феодальных княжеских междоусобиц дол-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 122.

жен был признать зависимость от Золотой Орды, но не только сохранил свою государственность, а с начала XIV века приступил к объединению разрозненных русских княжеств в единое русское государство.

Иные результаты имело монгольское завоевание в политической жизни племен Дешти-Кыпчака. Слабые государственные объединения кыпчакских племен растворились в обширной татаро-монгольской державе. Кыпчаки составляли в Золотой Орде основную массу населения; политическая жизнь их в дальнейшем развивалась под верховным господством монгольской знати — султанов. Знать побежденных очень быстро нашла общий язык с завоевателями и слилась с нойонами монголов. Таким путем кочевые племена кыпчаков органически вошли в состав феодального государства Золотой Орды.

Монгольское завоевание внесло также некоторые изменения в этнический состав тюркских племен, населявших Казахстан, особенно в кочевых, степных районах. Незначительная, по отношению к общему количеству населения Казахстана, масса монголов-завоевателей постепенно ассимилировалась в местном тюркском населении, поглощалась им.

Об этом мы находим свидетельство у одного восточного автора, современника событий Эломари (1299 — 1349 гг.), который в своем сочинении «Пути взоров по государствам разных стран» писал: «Золотая Орда была прежде страною кыпчак (под кыпчаками Эломари понимает тюркские племена), и когда ими завладели татары, то кыпчаки сделались их подданными; потом татары смешались и породнились с кыпчаками, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами татар, все они стали точно кыпчаками, как будто они одного с ними рода». Более обособленно в этническом отношении стояли лишь султаны, ограждаемые от остальной массы населения своей сословной замкнутостью. Однако, и в их среде происходил процесс этнической ассимиляции с тюркскими элементами, но этот процесс протекал медленно и в менее ярко выраженной форме.

При отсутствии прочных экономических связей, когда единство государства монголов зависело, главным образом, от влияния сюзерена на его вассалов, государство внутренне не могло быть прочным. С момента своего возникновения Золотая Орда была объединением ряда феодальных владений султанов. Области по нижнему течению Сыр-Дарьи и до гор Улу-Тау на севере составляли владения брата Бату — Орда-Ичена и назывались Белой Ордой. На востоке Золотой Орды находился удел другого брата Бату — Шейбана. В среднем Поволжье также образовалось особое татаро-монголь-

ское владение. Золотая Орда, состоявшая из отдельных, мало общего имевших между собой частей, не была прочным государством. При жизни Бату Золотая Орда еще сохраняла политическое единство. После Бату владения, входившие в состав Золотой Орды, стали обособляться и приобрели значительную самостоятельность. Но в первой половине XIV века хан Золотой Орды Узбек сумел снова объединить все эти владения под своей властью. В правление Узбек-хана (1312 — 1340 гг.) Золотая Орда достигла значительного, хотя и кратковременного, экономического и политического могущества.

После смерти сына Узбек-хана Джаныбека многие беки сделались фактически независимыми. Они по своему усмотрению сменяли ханов. За два десятилетия (с 1362 по 1380 гг.) в Золотой Орде сменилось четырнадцать ханов.

Белая Орда. Среди владений, выделившихся из состава Золотой Орды, наиболее тесно была связана с историей будущего Казахского ханства Белая Орда (Ак Орда). Столицей Белой Орды был город Сыгнак на реке Сыр-Дарья, близ современной станции Тюмень-Арык. Обособление Белой Орды в особое ханство произошло в начале XIV века после смерти золотоордынского хана Токты. Первый хан Белой Орды Сасы-Бука правил государством еще как вассал ханов Золотой Орды. После смерти Сасы-Бука ханом Белой Орды был признан его сын Эрзен (умер в 1320 г.). Престол он получил по пожалованию золотоордынского хана. При Эрзене Белая Орда достигла значительного процветания. Он построил в сыр-дарьинских городах много медресе, мечетей, различных благотворительных учреждений. По словам одного восточного автора, при Эрзене «никто из великих не притеснял меньших и никто из малых не делал шага непочтения по отношению к старшему». Это замечание относится, конечно, не к отношениям между феодальной знатью и народом, а к отношениям между феодалами.

После смерти Эрзена в Белой Орде между феодалами началась междоусобная борьба за власть. С 1350 по 1364 год в этой борьбе было убито восемь ханов. Орда пришла в глубокий упадок. Временное усиление Орды произошло при хане Урусе. По словам восточного автора, Урус был «царь очень сварливый, сильный и могущественный». Основной целью своей политической деятельности он поставил воссоединение владений улуса Джучи. Это ему в значительной мере удалось: владения Белой Орды и Золотой Орды были соединены под его властью. Но прочного единства государства достигнуто не было. Сын одного из эмиров, владелец Мангышлака Тохтамыш не покорился Урусу, он бежал от хана и отдался под покровительство правителя Мавераннахра Тимура.

Тимур был заинтересован в том, чтобы иметь в Золотой Орде зависимого от него хана. Тимуру это было важно не только потому, что такое положение значительно расширяло бы его владения к северу от Мавераннахра, но и потому, что обеспечивало ему прочный тыл в борьбе с Ираном, поэтому Тимур оказал широкую поддержку Тохтамышу. При его поддержке Тохтамыш начал борьбу против Уруса, но потерпел ряд поражений. Лишь смерть Уруса (1382 г.) и вновь возникшая борьба за власть между султанами Золотой Орды помогли Тохтамышу не только укрепиться в Сыгнаке, но и объединить под своей властью все владения Золотой Орды, кроме Хорезма, который перешел под непосредственную власть Тимура.

Образование Моголистана.

Неустойчиво было и положение в улусе Чагатая, в который входила южная часть Семиречья. Здесь чрезвычайно возросло влияние тюркской феодальной знати, которая носила титул эмиров.

Чингизиды фактически утеряли власть, и государство Чагатая распалось. В восточных районах нынешнего Казахстана образовалось новое государство, получившее название Моголистан. На западе Моголистан включал в свои границы район реки Чу, а на востоке — Восточный Туркестан.

Основателем Моголистана был тюркский эмир по имени Пуладчи. Он не решился принять ханский титул: слишком сильны были политические традиции, согласно которым ханами могли быть только потомки грозного Чингиз-хана. На ханский престол был возведен султан Тоглук-Тимур.

Тоглук-Тимур оказался способным и энергичным правителем. При нем Моголистан стал сильным государством. Но и Моголистан, как прежде государство Чагатая, представлял собой непрочное политическое объединение.

После смерти Тоглук-Тимура (1362 г.) в Моголистане вспыхнула острая междоусобная борьба за ханский престол.

Политический распад Золотой Орды.

Внутренняя политическая борьба, выделение особых феодальных владений, понятное в условиях экономического обособления разнородных областей, из которых состояла Золотая Орда, расшатывали государство джучидов. Ослабление внутренней устойчивости происходило в грозной для Орды внешней обстановке. Два явления составляли особенность международного положения Золотой Орды в последние десятилетия XIV века: возрастание мощи Русского государства, по мере объединения удельных княжеств вокруг Москвы, и образование на юго-восточных границах Казахстана обширной империи Тимура. Во время регентства митрополита Алексея и княжения великого князя Дмитрия Ивановича (1359—1389 гг.)

Москва встала во главе русских княжеств в их борьбе с Золотой Ордой. В 1378 году русские войска наголову разбили на реке Воже (приток Оки) татарское войско под командованием одного из лучших военачальников Золотой Орды Бегича. В Орде правил в то время темник Мамай, по своему усмотрению сменявший ханов. Мамай решил организовать большой поход против Москвы. Им было собрано огромное войско, в состав которого входили не только конные отряды татар, но и наемная генуэзская пехота. На соединение с Мамаем шел великий князь литовский Ягайло.

Грозная опасность нового нашествия, которое современники сравнивали с нашествием Бату, заставила русские княжества сплотить свои силы. Составилось общерусское, кроме Рязани, ополчение во главе с московским князем. 8 сентября 1380 года у реки Непрядвы, притока Дона, на Куликовом поле произошла решительная битва. Татары были разгромлены. Куликовская битва показала, что Золотая Орда не может бороться против объединенных сил русских. Мамай бежал и вскоре был убит в Крыму. Власть в Золотой Орде перешла к Тохтамышу. В 1382 году внезапным набегом Тохтамышу удалось взять и разорить Москву. Русские княжества снова стали данниками золотоордынского хана. Но уже в 1389 году Дмитрий Иванович, получивший за победу на Куликовом поле имя Донского, умирая, сам завещал великое княжение своему сыну, в то время как раньше ярлык на великое княжение давал только хан.

Куликовская битва сыграла огромную роль не только в дальнейшей истории русского народа, но и в жизни Золотой Орды: на Куликовом поле Орде был нанесен первый настолько мощный удар, что, несмотря на временное возвышение Тохтамыша, оправиться от этого удара ханство по существу уже не могло. Это сказалось очень скоро в борьбе, вспыхнувшей между Тохтамышем и Тимуром.

Империя Тимура и ее влияние на Казахстан.

Возвышение Тимура-эмира из тюркского рода Барлас, кочевавшего в районе Кашка-Дарьи, началось в 1360 году. Установив свое господство над Самаркандом в 1370 году, он в короткое время подчинил себе оседлые районы всей Средней Азии. Затем он продолжал завоевание далеко за пределами Мавераннахра и основал огромную империю, включавшую в свои границы не только области между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей, но также Иран, Северную Индию, часть Малой Азии и Закавказья.

Образование империи Тимура в корне изменило внешнюю обстановку для территории Казахстана, входившей в пределы Золотой Орды и Моголистана.

Наибольшее значение в истории Казахстана имел разгром золотоордынских войск Тимуром в апреле 1391 года, когда Тохтамыш сделал попытку порвать вассальные отношения к Тимуру. Память об этом событии запечатлена в надписи Тимура, обнаруженной у горы Алтын-Чоху близ гор Улу-Тау в Казахской ССР. Надпись гласит: «Султан Турана Тимур-бек с двумястами тысяч войска имени своего ради по кровь Тохтамыш-хана».

Тимур приступил к покорению Казахстана. Он действовал двумя путями: во-первых, строил военные крепости с гарнизонами, во-вторых, воздвигал мечети и мазары, продвигая ислам в глубь Казахстана. Из мечетей особенно известна построенная в 1399 году в гор. Туркестане мечеть Ходжи Ахмеда Ясеви.

В 1395 году Тимур разрушил до основания столицу Золотой Орды — Сарай Берке. Это нанесло новый удар политическому значению Золотой Орды.

Тимур неоднократно направлял свои войска также против Моголистана. Он готовился к завоеванию Китая и рассматривал покорение кочевников Моголистана, как первую часть своего большого завоевательного плана. Но осуществить этот план Тимур не успел. Крайней точкой его похода на восток явилась северная область Восточного Туркестана, а основным районом его военных действий были Тянь-Шань, Иссык-Куль и долины рек Таласа, Чу и Или.

В 1405 году Тимур умер. Его преемники продолжали борьбу против Моголистана. В 1425 году внук Тимура, знаменитый среднеазиатский ученый — астроном Улугбек предпринял большой поход. Улугбек дошел до Илийской долины и здесь нанес тяжелое поражение моголистанским кочевникам. Все же Моголистан сохранил независимость. Начавшиеся вскоре распри среди тимуридов устранили угрозу независимости Моголистана со стороны оседлых государств Средней Азии.

В конце XIV века над Моголистаном нависла новая опасность. В восточной Монголии образовался союз четырех монгольских племен, известный под именем Ойротского государства. Ойроты (их также называли калмыками) стремились захватить Моголистан и совершили множество набегов на моголистанские владения. Моголистан и на этот раз устоял. Ойроты одерживали военные победы, но завоевать Моголистан не смогли, и он продолжал существовать как самостоятельное государство. В первой половине XV века, после междоусобных столкновений, ханом Моголистана сделался энергичный вождь по имени Эсень-Бука.

Ногайское и Узбекское ханства.

Иные последствия имела борьба Тимура против Золотой Орды. С гибелью Тохтамыша Золотая Орда распалась на несколько владений. Из них на территории Казахстана образовалось два государства: Ногайское и Узбекское ханства.

Название «ногай» имело политическое значение. Ногаями называли объединение различных племен: мангытов, кыпчаков, усуней и других.

Ядром Ногайского ханства явилось племя мангыт. Ногаи кочевали вдоль Волги, по Яику и доходили до Камы. На северо-востоке их кочевья граничили в районе реки Тобола с землями сибирских татар. Это положение ногайских кочевий повлекло за собой тесные связи ногаев с Русским государством.

Узбекское ханство было соседом ногаев на юго-востоке. Это ханство называлось узбекским не по имени народности. Вначале название «узбек» также имело не этническое, а политическое значение: узбеками в XIV веке называли ханское войско. Лишь впоследствии, после завоевания узбеками Средней Азии, это название распространилось на народность, т. е. приняло этническое значение. Создание Узбекского ханства произошло в 1425 году. Оно совпало с одним из походов Улугбека в Моголистан, когда силы тимуридов были отвлечены на восток и их власть в низовьях Сыр-Дарьи ослабела. Этим воспользовался внук хана Белой Орды Уруса — Барак, который не раз говорил: «Пастбища Сыгнака по закону и обычному праву принадлежат мне». В 1425 году Барак порвал вассальные связи с Улугбеком и провозгласил себя ханом. В 1427 году многочисленное войско во главе с Улугбеком двинулось к Сыгнаку, но потерпело поражение. Области Мавераннахра были разорены войсками Барака. Однако Бараку не удалось закрепить за собой власть. В 1428 году он был убит мятежными эмирами. Междоусобная борьба в Белой Орде позволила представителю враждебной Бараку феодальной группировки Абулхаиру, потомку Шейбана, объединить под своей властью не только области Казахстана, входившие в XIII веке в удел Шейбана, но и владения Белой Орды.

Таким образом, в первой четверти XV века территория Казахстана была поделена между несколькими государственными образованиями.

Верования и народное творчество народов Казахстана в период Золотой Орды.

Кочевники Дешти-Кыпчака гораздо позже, чем тюркские племена Семиречья, подверглись влиянию мусульманской культуры. К кыпчакам ислам до X века совсем не проникал. Они оставались язычниками, сохраняли древние верования тюрков. В середине XIII века, при золотоордынском хане Берке, началось проникновение

ислама в среду кыпчаков. Берке был первым ханом Золотой Орды, принявшим ислам. Он стремился внедрить новую религию среди своих подданных. По словам одного арабского историка, Берке стал строить мечети и училища во всех своих владениях, приближал к себе ученых, законоведов и сдружился с ними.

Однако и при Берке ислам находил последователей не в народных массах кыпчаков, а лишь в среде тюркско-монгольской знати и торгово-ремесленном населении городов, где сильнее сказывалось влияние среднеазиатских мусульманских купцов.

Большего результата добился золотоордынский хан Узбек. Он насаждал ислам среди кыпчаков путем вооруженного воздействия. В одном восточном источнике рассказывается, что тем, кто не исповедывал ислама, Узбек-хан «предоставил выбирать или вступление в мусульманскую религию или войну». Когда кочевники отказались принять ислам, Узбек-хан напал на них, «обратил их в бегство и уничтожил их посредством избиения и пленения». Известно также, что Узбек приказывал убивать кыпчакских шаманов — баксы и буддийских лам.

В результате насилий Узбека многие кочевые племена кыпчаков объявили себя мусульманами. Но распространение ислама не уничтожило прежних языческих верований в народных массах кыпчаков. Создалось своеобразное двоеверие. С принятием ислама менялось название обряда, но обряд по своему значению оставался почти неизменным. Имена мусульманского бога «Алла» и «Худа» употреблялись одновременно и параллельно с именами языческих «Тенгри» и «Кок тенгри». Ходжи, муллы и другие служители исламского культа уживались с языческими баксы. Сами баксы обращались одновременно к языческим духам и к мусульманским святым. Наравне с древними языческими праздниками, народ праздновал мусульманские «Курбан айт» и «Рамазан»; молясь «Аллаху» и его святым, кыпчаки поклонялись также огню и духам предков. Языческие причитания над умершими сопровождались соответствующими молитвами из корана. Такое двоеверие впоследствии перешло от кыпчакских племен к казахам и надолго сохранилось в казахском народе.

Культура городов слабо проникала в среду кыпчаков. Письменность оставалась достоянием оседлых, по преимуществу городских, центров.

Зато кыпчакские племена создали свою исключительно богатую устную народную поэзию. Отрывки народного творчества (загадки) сохранились в половецком словаре («Codex cumanicus»). В период Золотой Орды зародились такие блестя-

щие поэмы, как «Қыз-Жибек», «Козы Корпеш и Баян-Слу», богатырский эпос — сказания об Ер-Саине, Қобланды, Ер-Таргыне. Эти поэмы, как и все иные известные нам варианты устной поэзии кыпчакского общества, в дальнейшем творчески перерабатывались казахским народом. Такая поэзия, превратившаяся уже в казахскую, включает в себя самые разнообразные виды: свадебные и похоронные песни, легенды, лирические и героические поэмы и прочее.

В обществе кыпчаков была широко распространена легенда о Коркыте. Имя Коркыта было известно также многим другим тюркским народностям. Казахская легенда рассказывает, что Коркыт смолоду не мог примириться со скоротечностью человеческой жизни и решил бороться против неизбежной смерти. Мучимый своими мыслями и мечтая о бессмертии, Коркыт уходит от людей, но везде и всюду он видит смерть: в лесу — сгнившее и свалившееся дерево говорит ему о своей смерти и о неизбежном конце для самого Коркыта, в степи — ковыль, выгорая под солнцем, говорит ему о том же, даже мощные горы поведали ему об ожидающем их разрушении. Видя и слыша все это, Коркыт выдолбил из дерева тиргей — первый кобыз, натянул на него струны и заиграл, изливая мучившие его мысли и чувства. Он вложил всю свою душу в эти мелодии, и чудесные звуки его струн прозвучали на весь мир, дошли до людей, захватили и пленили их. С тех пор мелодия Коркыта и созданный им кобыз пошли странствовать по земле, а имя Коркыта осталось бессмертным в струнах кобыза и в сердцах людей.

Среди кыпчаков сложилась также эпическая поэма об Едиге, являющаяся образцом феодально-бекской поэзии.

В истории известно, что Едиге был одним из крупных военных феодалов и временщиков Золотой Орды, руководил оппозицией Тохтамышу и, враждуя с ним, перешел на сторону Тимура. От его насилий жестоко страдали подвластные ему народы. В своих набегах он все подвергал огню и мечу. В 1382 году им были разорены русские земли, сожжена Москва.

Историческая действительность в этой поэме подверглась настолько сильной переработке и искажению, что лишь с большим трудом в ней можно выделить отдельные достоверные факты. Самый образ Едиге в сказании до неузнаваемости идеализирован и в этой идеализации с наибольшей силой проявилась классовая, феодальная основа всей поэмы.

ГЛАВА V.

ОБРАЗОВАНИЕ КАЗАХСКОЙ НАРОДНОСТИ И КАЗАХСКОГО ГОСУДАРСТВА.

§ 9. ОБРАЗОВАНИЕ КАЗАХСКОЙ НАРОДНОСТИ.

Объединение племен в казахскую народность.

Вопрос о происхождении народности является наиболее трудной и мало разработанной проблемой в исторической науке. Это относится не только к истории казахов, но и к истории других народностей. При современном состоянии исторической науки, говоря о происхождении казахской народности, можно лишь указать на те этнические элементы, из которых складывалась эта народность, наметить то ядро, вокруг которого происходило слияние различных племен в единую народность, обрисовать те условия, которые способствовали такому слиянию, и, наконец, наметить время, когда новая народность начинает явственно выступать на исторической арене. Но историческая наука пока еще не может нарисовать самую картину длительного процесса формирования казахской народности, хотя бы в его основных этапах.

Казахская народность сложилась из различных племен, имевших длительную историю и этнически неоднородных. К таким племенам относились усуни, канглы, конраты, кереи, объединение кыпчаков и многие другие. Часть из этих племен еще в древности населяла территорию современного Казахстана (усуни, канглы), другие появились в сравнительно позднее время, в частности в период монгольского завоевания. Такими являются найманы, жалаиры, конрат. Этническая принадлежность этих племен, особенно найманов, в науке не установлена. Одни исследователи считают их монгольскими пле-

менами, другие — тюркскими. Но если даже населявшие западные районы Монголии найманы были монгольскими племенами, то казахские роды найманов нельзя отождествлять с монгольскими найманами. Вероятнее всего найманы казахов образовались в результате смешения нахлынувших в Казахстан из Монголии племен с местным тюркским населением. Завоеватели дали местным племенам свои наименования, как это часто встречалось в средневековье. Возможно и другое предположение: некоторые из западных монгольских племен, еще задолго до монгольского нашествия, испытали на себе сильное влияние соседних тюркских племен, которое особенно отразилось на их языке, в частности на собственных именах. Как и везде, развитие племен восточного Казахстана происходило не на основе сохранения чисто расовых признаков, а путем скрещения различных этнических элементов.

То этническое ядро, которое путем политического, хозяйственного и культурного объединения с восточной группой племен образовало казахскую народность, сложилось в центральных и западных районах Казахстана. Таким ядром явилась кыпчакская группа племен.

Образование казахского языка.

Одним из обязательных признаков народности является единство языка. Оно вырабатывается в результате длительного и регулярного общения, в результате однородности общественной и культурной жизни. Казахский язык образовался, разумеется, не сразу. Он имеет свою длинную историю. Из других тюркских языков казахский язык ближе всего к ногайскому, каракалпакскому и киргизскому. С этими языками он имеет частично и общую историю.

Из древних тюркских языков исторически связаны с языком казахов языки печенегов (X в.) и половцев (XI — XIV вв.), т. е. западной кыпчакской группы. Язык печенегов сохранился, кроме русских летописей, в венгерских хрониках, в печенежском тюркском руническом письме, в Венгрии на золотых сосудах так называемого клада Аттилы. Памятниками половецкого языка для западной части кыпчакских степей является «Половецкий кодекс» («Codex cumanicus») из Южной России (1303 г.) и, отчасти, грамматика кыпчакского языка XIII — XV веков на арабском языке. Для восточных частей степных пространств современного Казахстана материалом по истории казахского языка служат данные Махмуда Кашгарского (XI в.).

Еще в X веке мы имеем закрепленный в письменах вполне сложившийся язык кыпчакской группы. Кыпчакский язык и по словарю и по грамматической форме является той основой, на

которой сложился казахский язык. Формирование казахского языка, как языка особой народности, происходило на основе кыпчакского языка, и было в основном завершено в XV — XVI веках.

Происхождение термина «казах».

Вопрос о происхождении термина «казах» в исторической литературе вызвал множество предположений и до сих пор остается не решенным. Достоверно, что этот термин имеет глубокие этнические корни и связан с жизнью племен, в древности населявших территорию Казахстана. Но его древние этнические корни были забыты. Когда процесс формирования казахской народности достиг своего завершения, термин «казах» получил широкое распространение и на рубеже XV и XVI веков стал применяться как наименование особой народности.

Социально-экономические и культурные условия образования казахской народности.

В период господства саманидов и сменившей их в самом конце X века тюркской династии караханидов в хозяйственном и культурном отношениях северные окраины Средней Азии все более и более обособлялись от ее южных оседлых районов междуречья Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. В Средней Азии образуется два очага хозяйственной и культурной систем, в которых и протекала жизнь населявших эти районы народностей. В оседлых южных районах закладывались основы формирования народности, которая позже, в связи с завоеванием Средней Азии узбеками, получила название узбекской; в северных и центральных областях закладывались основы образования казахской народности.

Еще при караханидах на юге и юго-востоке современного Казахстана была широко распространена оседлая земледельческая культура. Монголы, огнем и мечом прошедшие по культурным областям Средней Азии, уничтожили очаги земледельческой и городской культуры в районе Чу и Или. Но разорение, которое принесло с собой монгольское нашествие, могло бы быть преходящим, нанесенные раны могли быть залечены, как это и случилось в междуречье Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, если бы не «расчистка» земли под пастбища, которая происходила при Чагатае. Это не сужало, а расширяло районы господства кочевого скотоводческого хозяйства, в условиях которого в глубокой древности жили племена Центрального и Западного Казахстана. Единообразие этих условий служило материальной основой для развития однородного общественного быта и культуры. Именно господством кочевого скотоводческого хозяйства объяснялась живучесть форм патриархально-родовой общины: кочевое хозяйство явилось крупнейшим препятствием для перехода этой общины на более высокую стадию развития, к территориальной общине. Клас-

совые отношения, продолжая развиваться в условиях патриархально-родового быта, выступали как отношения патриархально-феодальные. Хозяйственная и социальная отсталость, усугубленная в этот период татаро-монгольским завоеванием, обусловила более низкий уровень культуры племен Казахстана, чем в оседлых районах Средней Азии. В эпоху монгольских государств усилилась однородность культуры в связи с насаждением ислама среди тюркских племен северо-западных районов Казахстана, особенно при хане Узбеке. Но новая религия не уничтожила старых оснований.

Отсутствие политического единства тормозило консолидацию племен Казахстана в единую народность. В XIII веке, когда образовались татаро-монгольские государства, племена Казахстана были разделены между различными феодальными уделами Шейбана, Орда-Ичена и собственно Золотой Орды. На востоке Казахстана в XIV веке создалось особое государство — Моголистан. Только на короткое время племена Западного и Центрального Казахстана включились в одно политическое целое, как это, например, было при ханах Бату, Узбеке и Тохтамыше. Такие кратковременные периоды политического единства не могли привести к этнической консолидации племен.

Но к середине XV века процесс формирования казахской народности, в результате дальнейшего экономического развития, уже настолько определился, что создались предпосылки для образования объединенного казахского государства.

Такое объединенное государство возникает в конце XV и начале XVI веков при хане Касыме. Оно сыграло огромную роль в завершении объединения различных племен в единую казахскую народность. Это объединение постепенно сглаживало те культурные и языковые различия, которые тогда еще существовали между юго-восточными и северо-западными племенами.

Этим временем, т. е. рубежом XV — XVI веков, и следует датировать завершение образования казахской народности, как особой этнической группы.

§ 10. ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА В XV — XVI ВЕКАХ.

Возникновение Казахского ханства.

После того, как распалась Золотая Орда и на территории Казахстана образовались Узбекское и Ногайское ханства, в этих государствах продолжались феодальные усобицы. В Узбекском ханстве боролись за власть две феодальные фамилии: потомки султана Орда-Ичена и потомки султана Шейба-

на, внуков Чингиз-хана. В 1428 году ханом сделался Абулхаир, потомок Шейбана.

В правление Абулхаира (1428 — 1468 гг.) государство узбеков значительно расширилось. Оно объединило области, которые в XIII веке входили в удел Шейбана, а также земли Белой Орды. Границы государства Абулхаира простирались от реки Сары-Су на востоке до южных отрогов Уральского хребта на западе и от гор Улу-Тау на севере до низовьев Аму-Дарьи на юге (Хорезм).

Усиление Узбекского ханства, во главе с Абулхаиром, внесло существенные изменения в политическую жизнь северо-западных районов Средней Азии. Возникло новое крупное политическое образование, положившее конец существованию одного из уделов Золотой Орды — Белой Орде. Но, основанное на завоевании, новое государство не могло быть прочным. Внутри Узбекского государства существовала сильная оппозиция новой власти в лице султанов, потомков Барака, предки которых владели землями Белой Орды. Они видели в Абулхаире узурпатора, лишившего их принадлежавших им по праву наследования привилегий. Непрочность своего положения понимал и сам Абулхаир. Он стремился суровыми мерами подавить сопротивление враждебных ему султанов.

Моголистанский историк Мухаммед Хайдер, писавший об этих событиях еще по живым воспоминаниям современников, говорит, что султанам-джучидам, т. е. потомкам Барака, «приходилось от него (Абулхаира) очень плохо». Но плохо приходилось не только султанам. От междоусобных феодальных войн страдали прежде всего народные массы, плоды долгого труда которых уничтожались в несколько часов при разорительных феодальных набегах. Многие бежали на восток в пределы Моголистана, где, по словам того же историка, беглецы «зажили спокойно». Как сообщает Мухаммед Хайдер, в Моголистан бежали и двое султанов — Гирей-хан и Джанибек-хан. В то время, в 50-х годах XV века, в Моголистане правил Иса-Буга-хан. Он принял беглецов хорошо и отвел им земли в районе реки Чу, на западных окраинах Моголистана. Иса-Буга считал выгодным оказать поддержку джучидским султанам, которые могли оказаться для него полезными, в случае возникновения борьбы с Узбекским ханством.

Так, в западных районах Моголистана зародилось новое владение, которое представляло из себя зачатки казахского государства. Обособление владений Джанибека и Гирея в ханство послужило основой для образования объединенного Казахского государства в последующем XVI веке.

Территория владений Джанибека и Гирея была еще невелика. Она охватывала лишь кочевья к северу от нижнего тече-

ния реки Чу и к востоку от Сары-Су. Другие районы — восточные и западные, а также часть южных, — не подпали под власть Джанибека и Гирея. Но население их владения росло с каждым днем. В 60-х годах XV века оно уже насчитывало около 200 тысяч человек. Главой ханства был Джанибек. В восточных памятниках население его ханства называлось узбеками-казахами, а затем просто казахами, в отличие от узбеков, подчиненных узбекскому хану. Но это произошло не ранее начала XVI века.

Владение Джанибека окружали могущественные соседи. На востоке оно граничило с Моголистаном, на юго-западе — со среднеазиатскими владениями тимуридов, на западе — с государством Абулхаира. Особенно опасным для казахов было соседство Узбекского ханства. Поэтому Джанибек стремился поддерживать тесную дружбу с моголистанским ханом. Этот союз с Моголистаном, близкий по своему характеру к отношениям вассалитета, позволил Джанибеку обеспечить независимость своего владения. Таким образом, историческая заслуга Джанибека заключается в том, что он сумел сохранить молодое ханство и укрепить его.

Джанибек умер примерно в 1480 году. Ханом стал султан Бурундук — сын Гирея. Бурундук совсем не обладал теми способностями правителя, которые имел Джанибек. Положение молодого ханства пошатнулось. В это время у узбеков выдвинулся способный полководец и дипломат Мухамед Шейбани — внук Абулхаира. Крупным дипломатическим успехом Шейбани было заключение военного союза с Моголистаном, направленного против оседлых районов Средней Азии, которыми тогда владели потомки Тимура. Союз с Моголистаном позволил Шейбани-хану захватить ряд городов на Сыр-Дарье, в том числе гор. Туркестан. Борьба Шейбани-хана в союзе с Моголистаном против тимуридов резко ухудшила положение владений Бурундука, лишившегося поддержки моголистанского хана. В то же время ухудшилось и экономическое положение его ханства. Переход сыр-дарьинских городов в руки Шейбани-хана лишил население владений казахского хана необходимых для него ремесленных центров, в изделиях которых оно остро нуждалось, и богатых пастбищ в районе Сыр-Дарьи.

Однако от союза между Моголистаном и Узбекским ханством выиграл не Моголистан, а Узбекское ханство. Усиление Шейбани-хана стало опасным не только для казахов, но и для Моголистана. Поэтому вскоре между казахским ханом и Моголистаном опять были восстановлены прежние союзные отношения. Но и в союзе с Моголистаном борьба казахских сул-

танов против узбекского хана была неудачна. В 1495 году войска Шейбани-хана в районе Заилийского Ала-Тау нанесли жестокое поражение казахскому войску. Казахи были вынуждены пойти на мир. Сыр-дарьинские города остались за победителями.

Разбив казахских султанов, Шейбани-хан бросил все освобождавшиеся силы на тимуридов. К 1505 году власть тимуридов была свергнута. Узбеки завоевали всю Среднюю Азию.

Завоевание оседлых районов Средней Азии узбеками имело серьезные последствия для казахов. Центр владений узбеков отныне передвинулся в районы, расположенные между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей.

В эти районы переселилась часть племен, входивших в состав Узбекского ханства, другая часть этих же племен осталась в степях Дешти-Кыпчак.

Вследствие этого границы зарождавшегося Казахского ханства отодвинулись далеко на запад, оно стало граничить с кочевьями ногаев.

Древние племена юга Казахстана, как усуни, канглы, дулаты и др., — целиком вошли в состав казахской народности. Другие племена послужили для образования как узбекской, так и казахской народностей. Такими были кыпчаки, найманы, конраты, кереи и др. Те части этих же племен, которые не вошли в состав Казахского и Узбекского ханств, вошли в состав других народностей. Так, например, род Керей есть у алтайцев, урянхайцев, у бурят и даже у татар.

Узбеки, переселившиеся в Мавераннахр, ассимилировались с местным населением оседло-земледельческих районов и дали им свое название. В Мавераннахре, оседло-земледельческом районе с довольно развитой земледельческой культурой, узбеки-кочевники попали в иные хозяйственные и экономические условия, чем те, в которых они жили до сих пор.

Узбеки начали переходить к оседлой земледельческой жизни, в то время как казахи, кочевавшие в Казахстане, оставались кочевниками-скотоводами. Таким образом, уже в начале XVI века выявилось различие в хозяйственном быте между казахами и узбеками. Это различие в экономике привело к различию в социальном, культурном, языковом и бытовом отношениях. В процессе феодализации узбекского общества в оседло-земледельческих районах общинная собственность на землю превратилась в государственную и частную феодальную собственность. Этот момент более четко определил форму феодальных отношений у узбеков. У казахов же развитие феодализма шло в условиях господства патриархально-родового бы-

та. Недостаточно высокий уровень развития производительных сил и отсутствие городов привели к тому, что феодальные отношения в Казахстане приняли своеобразную, прикрытую патриархальной оболочкой, форму.

Казахское ханство при Касыме.

Еще при жизни Бурундука выдвинулся султан Касым (1511 — 1518-1523 гг.). В сражении 1495 года с узбеками Касым командовал казахскими войсками. В конце XV века основная часть султанов Дешти-Кыпчака признала султана Касыма ханом. В первом десятилетии XVI века Касым достиг такого влияния среди казахских султанов, что, по словам современников, уже тогда «никто не думал о Бурундуке».

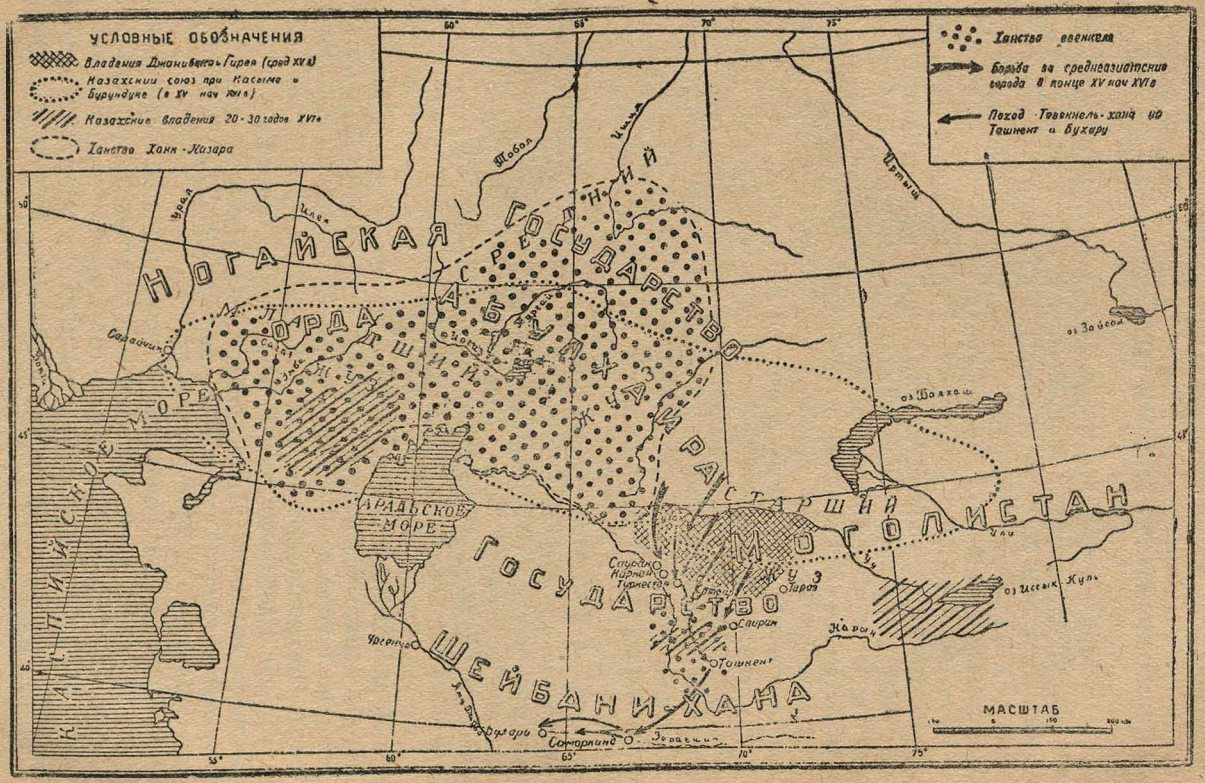
Центром ханства Касыма были владения Белой Орды. Кроме них, в его состав входили восточные кочевья ногаев и племена, кочевавшие в западных районах Моголистана. Власть Касыма-хана признали дулаты, усуни, канглы и др. племена.

Касым стремился обеспечить целостность и независимость Казахского ханства. Ему пришлось выдержать длительную и упорную борьбу с Шейбани-ханом. В начале XVI века эта борьба значительно обострилась. Укрепившись в оседлых районах Средней Азии, узбекский хан пытался сохранить прежнее господство и над кочевыми районами. Казахи, со своей стороны, не отказывались от намерения овладеть богатыми пастбищами в районе Сыр-Дарьи и пограничными со степью торгово-ремесленными городами Отраром, Сыгнаком, Туркестаном.

В первые годы XVI века между узбекскими и казахскими султанами происходили лишь мелкие стычки. В 1509 году дело дошло до войны, которая протекала с переменным успехом.

В январе 1510 года узбекские султаны напали на владения Касыма в районе Улу-Тау и разгромили зимовки казахов. Уверенные в своей полной победе, узбеки не выставили даже караула. Касым воспользовался беспечностью узбекских султанов и разбил их войска. В конце этого же года в битве с иранскими войсками погиб непримиримый враг казахов — Шейбани-хан. Его преемники в течение последующих лет переживали значительные затруднения. Они вели тяжелую войну с Ираном и одновременно боролись против тимуридов, которым удалось на короткое время, при поддержке иранского шаха, снова восстановить свою власть в Средней Азии

КАЗАХСКОЕ ХАНСТВО В XV — XVI ВЕКАХ.


УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
Владения Джанибека и Гирея (сред XVв)
Казахский союз при Касыме и Бурундуке (в XV нач XVIв)
Казахские владения 20-30 годов XVI в
Ханство Хаки-Хазара
Ханства ввенения
Борьба за средневзиатское наследство в конце XV нач XVI в
Поход Тевекель-хана на Ташкент и Бухару
Ногайская Орда
Абулхаир-хан
Старший Жуз
Средний Жуз
Младший Жуз
Моголистан
Государство Шейбани-хана
Каспийское море
Аральское море
Сыгнак
Отрар
Сауран
Ташкент
Чимкент
Сайрам
Туркестан
Сауран
Сыгнак
Отрар
Сауран
Ташкент
Чимкент
Туркестан
Сайрам
Жаркент

Касым использовал ослабление своих противников. В 1513 году ему удалось занять город Сайрам. В том же году он предпринял поход на Ташкент. Однако этот поход оказался неудачным: Касым не сумел взять Ташкент. Вскоре узбекские султаны, окончательно разбив тимуридов, восстановили свои силы.

Несмотря на военные столкновения между казахскими и узбекскими феодалами, экономические связи между Казахским ханством и соседними районами Средней Азии не прерывались. В XVI веке между ними развернулся оживленный торг. Центром торговли был город Сауран.

В то же время Касым стремился поддерживать неизменно дружеские отношения с Моголистаном, в хане которого Касым видел противовес шейбанидам. В свою очередь, моголистанский хан был заинтересован в поддержке казахов. Однажды он посетил Касыма в его ставке, где провел 20 дней.

Особенно большое значение для укрепления Казахского ханства имела политика Касыма по отношению к ногайскому улусу. В это время ногайский улус был политически раздроблен. Отдельными районами ногайских степей управляли независимые владельцы — мурзы, враждовавшие между собой. Многие ногайские общины из-за непрекращавшихся междоусобиц бежали под покровительство казахского хана. Касым охотно оказывал поддержку таким общинам.

Владения Касыма приближались к границам Русского государства, хотя непосредственно и не граничили с ним, так как оба государства разделяли ногайские кочевья. При хане Касыме завязались первые сношения между Русским государством и Казахским ханством. К сожалению, остается неизвестным, по каким вопросам происходили их первые переговоры.

Политика Касыма в отношении ногайского улуса не только содействовала территориальному расширению Казахского ханства, но и укрепляла за счет притока ногайцев его внутренние силы. По свидетельству одного восточного автора, число казахов при Касыме достигло уже одного миллиона человек. Недаром в памяти народа период «ногайлы», т. е. тесного сближения казахов и ногайцев, запечатлелся как период расцвета Казахского ханства.

Последние годы правления Касыма были периодом мира. Являясь одним из крупнейших владельцев Дешти-Кыпчака, Касым не обострял без нужды отношений с другими султанами. Этим он достиг относительного единства Казахского ханства на основе признания казахской знатью вассальной зависимости от хана.

Однако было бы ошибочным считать, что при Касыме бы-

ло образовано сильное централизованное государство. Централизация власти при Касыме носила еще крайне относительный характер, так как крупные феодалы не утратили элементов государственной власти и значительной самостоятельности.

Ханство Касыма было непрочным. Экономические связи между отдельными районами ханства отсутствовали. При обширности пространства и их слабой заселенности вассальные отношения султанов к хану не были постоянными. Слабая сплоченность ханства проявилась немедленно после смерти Касыма (он умер между 1518 и 1523 гг.).

Упадок Казахскогоханства при преемниках Касыма.

После смерти Касыма между казахскими султанами началась междоусобная борьба. Ханская власть досталась султану Тагиру, старшему брату Касыма. Тагир не сумел сохранить мирных отношений ни с ногаями, ни со старым союзником ханства — Моголистаном. В 1525 году Тагир потерпел поражение от ногаев, в результате чего потерял кочевья по реке Яику (Уралу). Из-за этого Тагиру пришлось откочевать на восток, к Моголистану.

На новых кочевьях Тагир попытался подчинить себе киргизов, подвластных Моголистану. Вслед за тем, совместно с киргизами, Тагир совершил нападение на Моголистан и угнал большое количество скота. Это привело к резкому ухудшению отношений между Казахским и Моголистанским ханствами.

Тагир не сохранил также и внутреннего мира. По свидетельству современников, Тагир отличался большой жестокостью. Он усилил угнетение народных масс, а к султанам относился с пренебрежением. В 1525 — 1526 годах против Тагира вспыхнуло крупное восстание, и большинство казахских родов покинуло Тагира. Он умер около 1533 года, как рассказывают современники, «в самом жалком состоянии» среди киргизов.

Преемник Тагира — его брат Буйдаш-хан был не более удачлив. При Буйдаше сказались последствия разрыва с Моголистаном. Моголистанский хан вступил в союз с узбеками, а в 1533 году соединенные силы узбекских султанов и Моголистана нанесли Буйдашу жестокое поражение. Ослабляли силы Казахского ханства также непрекращавшиеся междоусобицы между казахскими султанами. Вскоре Буйдаш-хан был убит. Вместе с ним погибли его родственники — султаны. Междоусобицы и смуты в степи усилились. Казахские султаны восточных районов стали вассалами моголистанского хана. Самостоятельные казахские владения сохранились только на западе Казахстана, по соседству с ногайским улусом. Но и здесь ряд султанов подчинились ногайским мурзам.

Возрождение Казахского ханства при Хакназаре.

Однако этот период упадка Казахского государства продолжался недолго. Возрождение его произошло при хане Хакназаре, сыне Касыма. Свои детские и юношеские годы Хакназар провел среди ногаев. Здесь же начал он свою деятельность по объединению казахов в единое ханство. Этому способствовала и политическая обстановка в Казахстане в середине XVI века.

По свидетельству современников, ногаи к 50-м годам XVI века дошли до последней степени разорения. Проезжавшим в то время через ногайскую территорию иностранным путешественникам страна казалась необитаемой. Среди части ногаев усилилось стремление сомкнуться с восточными соседями — казахами и узбеками, у другой части — двинуться со своими улусами на запад, в пределы Русского государства.

Ногайские владельцы разделились на две враждующие партии. Одна из них, во главе с мурзой Исмаилом, представляла интересы западной части улусов, тяготевших к Москве. Другая, во главе с родным братом Исмаила — мурзой Юсуфом, выражала стремление восточных ногаев, кочевавших по левую сторону Яика и поддерживавших торговые связи со Средней Азией.

Партия Исмаила, в противовес Юсуфу, стояла за безоговорочное подчинение московскому царю. Войну с русскими Исмаил считал гибельной для ногаев. Он писал Юсуфу: «Твои люди ходят торговать в Бухару, а мои люди ходят к Москве; если я разорву с Москвой, то мне самому придется ходить голому, да и мертвым не из чего будет саванов шить».

После падения Астрахани, в 1557 году, Юсуф окончательно порвал отношения с Исмаилом. Вскоре он погиб в борьбе со своим братом. Подчиненные ему аулы ушли за Яик к казахам. В их лице казахи приобрели значительное подкрепление. Границы ханства отодвинулись на запад. Предания башкир сохранили сведения о господстве Хакназара и над юго-восточными районами Башкирии. Вероятно, в этом предании отразились воспоминания о главенстве Хакназара над ногайскими общинами, кочевавшими в юго-восточных пределах Башкирии и областях, сопредельных с ней.

В этот период Хакназар поставил перед собой широкую политическую цель — возрождение Казахского ханства в территориальных пределах владений хана Касыма. Но для этого надо было объединить с новым западным ядром Казахского ханства казахов, кочевавших на востоке. Однако за время, прошедшее после смерти Касыма, над этими кочевьями казахов усилилась власть моголистанского хана. Поэтому борьба

за восточные районы Казахстана неизбежно вела к войне с Моголистаном.

Казахи, кочевавшие в Моголистане, сочувствовали стремлению Хакназара и признали его власть. Это вызвало репрессии со стороны моголистанского хана Абдул-Рашида. Он нанес удар по наиболее существенной стороне казахского хозяйства — начал захватывать кочевья казахских общин. Борьба с Абдул-Рашидом сделалась популярной среди широких масс казахов. Это позволило Хакназару в одном из сражений в 1560 году нанести серьезное поражение моголистанским войскам. Однако исход борьбы за восточные кочевья казахов для Хакназара кончился неудачно. Моголистанский хан собрал большое войско и нанес решительное поражение Хакназару. Распространился слух, что Хакназар погиб в этом сражении. Но на самом деле Хакназар откочевал в район Сары-Су. Политическая связь с восточными районами была потеряна.

С этого времени центр Казахского ханства передвинулся в центральные районы казахской степи. Отряды Хакназара держали под постоянной угрозой Ташкент, взимая дань со всех проходящих караванов.

Отношения с Бухарой.

Наибольшую заинтересованность в сближении и даже союзе с Хакназаром проявил владетель Бухары, Герата и Хорасана сын Искандер-хана Абдулла. Видный государственный деятель и опытный дипломат, Абдулла видел в казахах серьезную военно-политическую силу. Абдулла стремился использовать эту силу для укрепления своей власти, особенно в тех сопредельных с казахской степью районах, где возникали мятежи непокорных вассалов. С этой целью Абдулла заключил с Хакназаром «клятвенный договор», по которому обе стороны обязывались поддерживать друг с другом мирные отношения.

В 1579 году крупный феодал Баба-султан восстал против Абдуллы. Силой захватив Ташкент, Баба-султан убил назначенного Абдуллой правителя Ташкента и отложился от Бухары. Абдулла предпринял поход против мятежников; его поддержал Хакназар. Казахский хан в этом случае руководствовался не только «клятвенным договором», но и собственными интересами. Для правящих классов как Бухарского, так и Казахского ханств Ташкент и сыр-дарьинские города представляли большой интерес как важные торговые центры. Кроме того, они привлекали казахского хана как объект военной добычи и как надежное укрытие на случай поражения в бою. Соперничество между казахскими и узбекскими феодалами приводило во второй половине XVI века к тому, что эти города приобретали значительную самостоятельность и фактически освобождались от зависимости от бухарских ханов. До

тех пор, пока казахские ханы не могли полностью овладеть этими районами, они предпочитали, чтобы там сохранилась слабая власть бухарских наместников. Успех мятежа Баба-султана в корне изменил бы положение Ташкента. В случае укрепления в Ташкенте власти Баба-султана там была бы установлена власть местного феодала, опиравшаяся на солидную военную силу. Надежда захватить этот центр для казахского хана была бы надолго отодвинута.

Поддержка казахов сыграла решающую роль в подавлении мятежа Баба-султана. В апреле 1579 года близ Ташкента Баба-султан потерпел поражение. Однако он сумел ускользнуть от преследования и скрылся в казахской степи. Стремясь разрушить союз Абдуллы с Хакназаром, Баба-султан прибегнул к хитрости. Он сделал вид, будто покоряется Абдулле, и заключил с ним в августе 1579 года мир. Одновременно он заявил Хакназару, что уступает ему города Туркестан и Сауран. Однако передача Туркестана и Саурана казахскому хану вовсе не входила в планы Абдуллы. Он рассматривал казахов как временных союзников и опасался их усиления. Союз между Абдуллой и Хакназаром распался.

Баба-султан воспользовался этим и весной 1580 года возобновил борьбу против Абдуллы. Одновременно он решил уничтожить опасного казахского хана, на нейтралитет которого он положиться не мог.

В апреле 1580 года Баба-султан встретился на берегу реки Шерабхан с присланными Хакназаром для переговоров представителями. Среди них были сыновья Хакназара и другие казахские султаны. В результате переговоров было решено направиться совместно к Хакназару в ханскую ставку. По дороге люди Баба-султана зарубили всех казахов. Тотчас после этого Баба-султан отправил вооруженный отряд в ставку Хакназара. Ничего не подозревавший казахский хан был застигнут врасплох и разделил участь своих сыновей.

Со смертью Хакназара Казахское ханство лишилось энергичного руководителя. Казахским ханом сделался оставшийся старшим среди султанов престарелый, немощный телом и духом, восьмидесятилетний султан Шигай.

Возраставшее могущество Абдуллы Бухарского и сознание собственного бессилия побудили Шигая искать его покровительства. В 1581 году Шигай со своим старшим сыном Тевеккелем и другими султанами явился в лагерь Абдуллы и формально поставил себя под покровительство бухарского хана. Однако казахские владения не вошли в состав Бухарского ханства. Они продолжали управляться султанами и жили своей обособленной от хана жизнью. Шигай перестал непосредственно управлять государством. Сын Шигая Тевеккель, отли-

чавшийся исключительной отвагой, остался в лагере Абдуллы и возглавил борьбу против Баба-султана. Эта борьба против общего врага была единственным связующим звеном между Тевеккелем и Абдуллой. Во всем остальном и в особенности в вопросе о последующем господстве над Ташкентом и другими городами на Сыр-Дарье их политические стремления резко расходились.

В начале 1582 года Абдулла предпринял новый поход против Баба-султана и его сторонников. Тевеккель со своими отрядами сопровождал Абдуллу. На этот раз поход увенчался успехом. В августе 1582 года Тевеккель доставил Абдулле голову Баба-султана.

Так закончилась долголетняя борьба Абдуллы с мятежным ташкентским феодалом. Тевеккель получил от бухарского хана в награду дорогую одежду, деньги и богатый удел Аферикет — бывший удел Искандер-хана, отца Абдуллы.

Завершение борьбы с Баба-султаном изменило характер отношений между казахами и Бухарой. Общей цели больше не существовало. Города Ташкент и Туркестан окончательно признали власть Абдуллы. Последний перестал нуждаться в поддержке казахов. В свою очередь казахские ханы, сами стремившиеся к обладанию этими районами, видели теперь в лице Абдуллы не союзника, а соперника.

В том же 1582 году умер хан Шигай. Тевеккель еще несколько месяцев оставался при бухарском дворе, но в начале 1583 года покинул Абдуллу и удалился к себе в Дешти-Кыпчак.

Борьба за сыр-дарьинские города.

Тевеккелю, возвратившемуся на родину, пришлось с оружием в руках добиваться утверждения своих прав на отцовский престол.

Около трех лет боролся Тевеккель в Дешти-Кыпчаке за ханский престол. К 1586 году ему удалось сломить сопротивление большинства непокорных султанов. В отличие от времен Хакназара международное положение Казахского ханства при Тевеккеле было более сложным. В 1583 году Абдулла, после смерти Искандер-хана, провозгласил себя главою всех шейбанидов. Его обширная монархия располагала крупными военными силами. В этих условиях борьба за Ташкент, задуманная Тевеккелем, представлялась крайне трудным, почти безнадежным предприятием. Тем не менее, Тевеккель упорно ставил ее главной целью своей внешней политики.

Благоприятная обстановка сложилась для казахов в 1597 — 1598 годах. Ханство Абдуллы вступило в это время в полосу острого политического кризиса. Разнородные элементы,

входившие в его состав, стали стремиться к отделению от Бухарского ханства. Внутри самой ханской фамилии возникли раздоры. Против Абдуллы выступил его собственный сын, поддержанный многими феодалами.

Тевеккель-хан использовал ослабление Абдуллы. В начале 1598 года казахские отряды подошли к Ташкенту. Абдулла, надеясь на лучшее вооружение своего войска, выслал против Тевеккеля сравнительно небольшие силы. Бой произошел на дороге между Ташкентом и Самаркандом. Бухарские войска потерпели жестокое поражение.

Встревоженный этим событием, Абдулла прибыл в Самарканд, чтобы лично возглавить новое ополчение, но вскоре умер. На престол вступил его сын, но и он был убит мятежными эмирами. Государство Абдуллы окончательно развалилось. В отдельных частях прежнего обширного ханства воцарились самостоятельные правители.

Выполнение завоевательных планов Тевеккеля было теперь значительно облегчено. Осенью 1598 года Тевеккель с многочисленным войском предпринял большой поход. В короткий срок он захватил Туркестан, Ташкент, Самарканд и дошел до провинции Мианкаль. Правителем Самарканда Тевеккель назначил своего брата султана Есима, а сам с восьмидесятитысячной армией отправился к Бухаре. Однако штурм и осада Бухары оказались неудачными. Гарнизон Бухары выдержал натиск казахов, а затем совершил вылазку и нанес им тяжелое поражение. Тевеккель, раненный в бою, отступил со своей армией к Самарканду. Здесь он, в том же 1598 году, скончался. Его преемник хан Есим заключил с Бухарой мир. Казахи потеряли Самарканд, но сохранили за собой Ташкент и Туркестан.

Связь с Русским государством.

Во второй половине XVI века, в связи с завоеванием Русским государством Казанского и Астраханского ханств, а затем и завоеванием Сибирского царства, при одновременном расширении границ Казахского ханства при Хакназаре, произошло территориальное сближение между Казахским ханством и Русским государством. Это привело к усилению связей между обоими государствами.

Московское правительство при царе Иване Грозном проявляло большой интерес к Казахскому ханству. Еще в 1573 году Иван Грозный направил к Хакназару своего первого посла. Однако посол не доехал до Казахстана. Сибирский царь Кучум, принадлежавший к потомкам Шейбана, опасался усиления Хакназара и не допустил русского посла в пределы Казахстана. Посол был захвачен в плен отрядами Кучума. Но первая неудача не остановила русское правительство. Укреп-

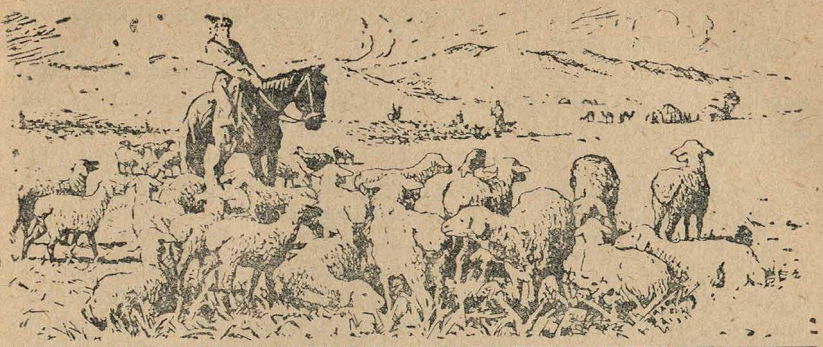
ление связей с Казахским ханством, лежавшем на пути в Среднюю Азию, сулило большие торговые выгоды, а вопрос о торговле со Средней Азией занимал крупное место в политике Московского правительства. Еще в 50-х годах XVI века этот вопрос ставился в переговорах о привилегиях английской торговой компании. В 1558—1559 годах английский купец Дженкинсон совершил поездку через владения Москвы в Хиву и Бухару. Установление тесных связей с Казахским ханством открывало возможность более прямого и более безопасного пути в Среднюю Азию. В 1574 году царь Иван IV даровал крупным феодалам Прикамья Строгановым грамоту на право беспошлинной торговли с казахами. За установлением торговых связей последовали и политические отношения между Москвой и Казахстаном. В конце 70-х годов Хакназар говорил, что он «с царем и великим князем в миру».

В 90-е годы XVI века, уже при царе Федоре Ивановиче, наметилась возможность дальнейшего политического сближения Казахского ханства с Русским государством. Еще в 1588 году в Сибири был захвачен в плен султан Ураз Мухаммед, племянник Тевеккеля. Русское правительство хорошо понимало, что Ураз Мухаммед мог сыграть крупную роль в деле сближения с Казахстаном, и он был сделан касимовским царевичем, т. е. главой вассального от Москвы Касимовского «царства», основанного еще в середине XV века с центром в гор. Городец на Оке, переименованном затем в гор. Касимов.

Русское правительство не ошиблось в своих расчетах. В 1594 году в Москву явилось посольство от Тевеккеля. Это было в напряженное время борьбы Казахского ханства с Бухарой. Перед посольством были поставлены задачи: добиться отпуска Ураз Мухаммеда в Казахстан и заручиться помощью Москвы в борьбе с Абдуллой Бухарским. Тевеккель, в передаче посла, просил Московское правительство принять Казахское ханство в подданство Русского государства. Однако из переговоров посла в Москве явствует, что подданство Тевеккель мыслил не в форме утраты Казахским ханством политической независимости, а лишь как военный союз двух государств для борьбы с Бухарским ханством. Уже в Москве послы Тевеккеля, узнав о пребывании там посланцев иранского шаха, просили отпустить их вместе с русским посольством к Тевеккелю, чтобы казахский хан мог договориться с ними о совместной борьбе казахов и иранцев против общего врага — Абдуллы. Просьба послов была уважена. Московское правительство отнеслось благосклонно к предложению Тевеккеля о переходе в московское подданство. Но оказать казахам реальную помощь далекая Москва не могла. Присланный к Тевеккелю в 1595 году вместе с возвратившимся казахским послом

переводчик Вениамин Степанов привез ответную грамоту царя Федора. Московский царь сообщил Тевеккелю, что принимает его в подданные и обещает прислать «снаряд огнестрельный» (т. е. пушку). За это Тевеккель должен был своими силами смирить Абдуллу Бухарского и Кучума Сибирского. Что касается племянника Тевеккеля, то царь согласился отпустить его лишь при условии, если Тевеккель взамен пришлет своего собственного сына в аманаты (заложники).

Таким образом, переговоры с Москвой закончились не так успешно, как того желал казахский хан.



ГЛАВА VI.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА.

§ 11. ХОЗЯЙСТВО КАЗАХОВ.

Скотоводство. Основной отраслью хозяйства казахов являлось кочевое скотоводство. Его развитию способствовали обширные степи Казахстана. В хозяйственной жизни казахского народа первое место занимали овцы: баранина служила основной пищей казахов; из овечьих шкур изготовлялись шубы и кожаные штаны (жаргак шалбар), а из шерсти — войлок (кошма). Овцы служили предметом обмена с соседями. За овец казахи получали металл, оружие и украшения. Овцы заменяли деньги и служили мерилом стоимости всех товаров.

Едва ли меньшее значение в хозяйстве кочевых племен имела лошадь. Самым ценным качеством казахской лошади считалось ее умение тебеневать, т. е. добывать себе корм из-под снега. Лошадь служила казаху основным средством передвижения. Однако лошадь в качестве средства передвижения использовалась только под седлом. К верховой езде казахи приучались с детства. Хорошими наездниками были не только мужчины, но и женщины. Конина широко использовалась в пище, а кумыс, изготовляемый из кобыльего молока, был любимым напитком.

Помимо овец и лошадей, казахи разводили верблюдов, коз, а также крупный рогатый скот. Наиболее ценились двугорбые верблюды. Они обладали длинной шерстью, которая шла на изготовление тканей (шерсть казахских овец была груба и не годилась для изготовления шерстяной пряжи). Основное

назначение верблюдов заключалось в перевозке тяжестей. Коз разводили очень мало.

В условиях Казахстана скотоводство было сопряжено с необходимостью распределять пастбища на летовки (джайляу), осенние стойбища (кузеу) и зимовки (кстау), обычно расположенные на значительном расстоянии друг от друга. Стада осенью перегонялись на юг, а с наступлением весны переходили на летовки в более северные районы.

Зимовки, т. е. места, на которых скот кормился зимой, выбирались самым тщательным образом. Хорошей зимовкой считалась степь, обильная кормовыми травами и расположенная так, чтобы господствующие северо-восточные и юго-западные ветры сдували с земли снег. Только на таких пастбищах скот находил себе зимой корм. Наиболее подходящими зимовками считались местности, закрытые от зимних вьюг песчаными барханами и камышами. Лучше всего для этой цели подходили степи, расположенные между Каспийским и Аральским морями, пески Барсуки и Кара-Кум, а также низовья Сыр-Дарьи и Урала.

Для летовок требовались земли, богатые водой. Такие земли были расположены по преимуществу в северных и западных районах современного Казахстана. Поэтому перекочевки велись по преимуществу в меридиональном направлении.

В районах Среднего и Младшего жузов средний размер перекочевок составлял 700 — 900 километров. Некоторые общины совершали ежегодные переходы на расстояние свыше 1000 километров. Менее отдаленными были кочевания скотоводов в районе Старшего жуза в Семиречье. В Южном Казахстане на сравнительно небольших расстояниях друг от друга расположены разнообразные климатические и растительные зоны. На расстоянии 200 — 300 километров здесь можно встретить самые различные ландшафты, начиная от пустыни и кончая альпийскими лугами, расположенными на склонах высоких гор, вершины которых покрыты вечными снегами.

Жизнь кочевников-скотоводов была сопряжена с большими опасностями. Хищные звери угрожали стадам на каждом шагу. В зимнее время в степи нередко после оттепелей наступало сильное похолодание. Земля и снег покрывались толстой ледяной коркой, против которой были беспомощны копыта казахской лошади. Стада оставались без корма и погибали в течение нескольких дней. Такой падеж скота во время гололедицы получил название «джут».

Подобная участь ожидала кочевника и в случае больших заносов, когда глубокий снежный покров мешал скоту добывать корм. На случай подобных бедствий заготавливались небольшие запасы сена и камыша, но их хватало не надолго.

Тогда на помощь стадам спешили люди. Мужчины и женщины, взрослые и дети, все без исключения направлялись в тебеневочные места. Вооруженные лопатами, мотыгами, топорами, кольями, люди разбивали лед и разрывали снег, чтобы дать скоту возможность достать себе корм. Но и это помогало очень мало.

Приблизительно треть года (с ноября по март) стада содержались на зимовках. В середине марта начинались подготовительные работы к переходу на летние пастбища. В назначенный день на верблюдов навьючивались легкие дорожные кибитки (жолым-уй) и летние малые кибитки (туурлык-уй). В продолжение многих веков казахи выработали тип кибитки, которая в техническом отношении являлась прекрасным типом переносного жилища. Все до мелочей было рассчитано для того, чтобы уменьшить тяжесть и сберечь строительный материал — редкое в степи дерево и дорогую кошму. В результате длительных поисков казахи научились строить свои кибитки так, чтобы они хорошо защищали их от степного зноя, ночной прохлады, ветра, дождя и пыли. Кибитка среднего размера помещалась на двух верблюдах. Только крытые белой кошмой роскошные и большие кибитки султанов и богачей отличались большим размером и весом. Каждая из них перевозилась на 20 — 30 верблюдах.

При переходах на новые места по праздничному наряженные женщины размещались вместе с детьми и домашним имуществом на верблюдах. Они открывали торжественное шествие скотоводческого каравана. За верблюдами следовали остальные стада животных, находившиеся под надзором и охраной мужчин, ехавших верхом на лошадях. Вперед высылались конные дозоры, чтобы выведать о безопасности пути, о состоянии трав и наметить места остановок, необходимые для отдыха и пастьбы скота. Подобный способ передвижения кочевников был возможен только ранней весной, когда повсюду в степи сохранялась еще снеговая вода. В этих условиях ежедневные переходы не были утомительными ни для стад, ни для людей. Через каждые 10 — 15 километров можно было легко устроить остановку. Но с усилением жары и исчезновением воды передвижение становилось более трудным. Скотоводческие караваны вытягивались в виде длинной цепочки, следуя через степи от одного колодца к другому.

На летовках, когда замечали, что овцы, верблюды или лошади переставали добреть и нагуливаться, стада разъединялись. На летних кочевьях оставались обычно с июня до сентября. Ко второй половине сентября рассыпавшиеся стада аулов собирались снова вместе на стоянках, и скотоводческая община направлялась на юг, к местам зимних пастбищ.

По мере укрепления частной семейной собственности на скот, зимовочные места начинали закрепляться в собственность отдельных аулов. В XVII веке обычно каждый аул сохранял за собой кстау, как нечто наследственное. В этот период богатые аулы кочевали уже отдельно от общин. Отдельные перекочевки аулов султанов были общим явлением. В этих фактах проявился процесс разложения родовой собственности на землю.

Земледелие.

На обширной территории Казахстана издавна существовали районы земледельческой культуры, но земледелие в хозяйстве казахов играло второстепенную роль и было оно распространено далеко не повсеместно. Основные очаги оседлого земледелия находились в Семиречье и Южном Казахстане, примыкающем к Сыр-Дарье. Посевы земледельцев отдельными очагами были сосредоточены в районах Сыр-Дарьи, Ангрена, Чирчика, Арыси, в долинах Кара-Тау, в Атбасарской степи.

У скотоводов-кочевников земледелием занималась незначительная часть населения. Обычно скотоводческие общины получали зерно в порядке обмена. Хлеб выменивали у оседлого населения земледельческих районов Казахстана и Узбекистана на скот, особенно на овец. «Казахи все живут для пашенных земель по кочевьям, а пахота их скудна, коней и овец много, а коров мало, кормятся мясом и молоком», — так отзывался о хозяйственной жизни казахов в конце XVII века Федор Скибин, посланный Петром Первым для переговоров с Тауке-ханом.

Казахи сеяли пшеницу, просо, а в южных районах — и кукурузу. Искусственное орошение и плодородие почвы обеспечивали высокие урожаи.

Районы оседлого земледелия встречались также и на севере. В XIX веке путешественники, проезжавшие по Северному Казахстану, находили следы старинной сети оросительных каналов, для которой использовалась вода из местных рек. Но эти древние очаги культуры были разрушены в XIII — XIV веках, в период монгольского завоевания. Отдельные очаги оседлой земледельческой культуры сохранились лишь к югу от реки Чу и в районе Сыр-Дарьи. Упадок оседлого земледелия продолжался и в начале XVIII века в результате военных действий и вынужденных перемещений казахов во время нашествия джунгар в 20-х годах XVIII века. Нападения джунгар разрушили и последние земледельческие очаги Семиречья.

Земледелие в небольших размерах существовало также и в других районах Казахстана. Здесь оно носило экстенсивный характер. Существенным подспорьем в питании, особенно у малоимущих казахов-кочевников, было просо. Пахота была

неглубокая, вершка на два, чтобы перевернуть только верхний слой почвы. В следующем году на том же месте еще раз сеяли просо, а после снятия второго урожая участок поля забрасывался на многие годы. Такой первобытный способ земледелия долго сохранялся в долине реки Сагыз. На юге существовало почти исключительно поливное земледелие. На севере были возможны богарные посевы.

Земледельческие орудия у скотоводов отличались своей примитивностью. Основными орудиями обработки земли были «омач» и мотыга. Часто обходились одной лопатой или мотыгой. Вместо бороны употребляли пучок хвороста. При уборке урожая не всегда пользовались серпом, а вырывали просто руками. Чтобы получить пшено, просо кипятили в воде, затем сушили, поджаривали в больших котлах и толкли в деревянных ступах.

Земледелием занимались по преимуществу бедняки и другие зависимые люди. Некоторые из них становились навсегда оседлыми джатаками, т. е. бедняками, перешедшими к оседлости.

Если бедняк не имел своего скота, он шел к богатому сородичу, который давал ему одного — двух быков или верблюда. Бедняк-джатак соглашался обработать определенное количество десятин земли и отдавал богачу две трети или половину полученного урожая. Это было одним из видов кабальной отработки бесскотного бедняка, напоминающей по своему характеру русскую «издольщину».

Заводить посевы постепенно стали также и богачи-скотоводы из феодально-родовой верхушки, используя на земледельческих работах даровой труд своих сородичей-джатаков. Сами они со скотом и домочадцами с наступлением весны уходили на джайляу, оставляя джатаков на зимовке для работы на пашне и охраны посевов.

Иногда такому джатаку богатый сородич оставлял на лето для пользования несколько голов рабочего и молочного скота. Но зато весь урожай с посевов считался собственностью давшего скот богача — джатак должен был довольствоваться тем, что ему дает его богатый сородич.

На земледельческих работах использовался также труд рабов и невольников. Урожай с обработанных ими пашен считался собственностью хозяев.

Иногда скотоводы находили более выгодным сеять просо в районах летних пастбищ. От этого не менялся ни общий характер хозяйства таких скотоводов, ни самый способ обработки земли, ни отношения между бедняками-земледельцами и остальными, более состоятельными сородичами-скотоводами.

В связи с развитием земледелия в южных районах, из общего фонда пастбищных общинных земель выделялись отдельные пахотные участки обычно по берегам рек и их рукавов, вблизи пресноводных озер. Эти пахотные участки располагались в удобных для орошения местах. Общими силами егиншей (земледельцев) устраивалась оросительная система: прорывались магистральные арыки, строились распределительные плотины и т. д. Богатые скотоводы в этой работе не участвовали, вместо них на арыке работали бедные сородичи, за работу которых в лучшем случае выставлялось угощение.

После нескольких лет посевов земля истощалась или же засолонялась от поливов. Тогда казах-земледелец выбирал для пашни новый участок целины. Но такое положение продолжалось недолго — скоро большая часть лучших орошаемых пахотных земель была уже занята. Земля эта приобрела в глазах казахов значительно большую ценность. Так появилась необходимость увеличить срок пользования участком. Для этого землю надо было удобрять, что и достигалось содержанием здесь зимой баранов.

Пахотными участками обычно пользовались те, кто из года в год производил на них посев. Однако земля продолжала считаться родовой собственностью и только в первой половине XIX века большинство пахотных участков перешло в подворно-наследственное владение. Но пастбищные угодья (джайляу, кстау, кузеу) попрежнему оставались в общинной собственности.

Ремесло и торговля.

Ремесло у кочевников сводилось к изготовлению наиболее необходимых предметов. Из овечьей шерсти изготовляли разнообразные кошменные изделия. Этим производством занимались женщины, обычно осенью — перед началом перехода на зимние пастбища. Из шкур выделывались разнообразные предметы одежды: сапоги, шубы и прочее. В местах, где был лес, выделывали кереге, т. е. деревянный остов для юрты. Из дерева выделывали также домашнюю посуду. У казахов было развито гончарное производство. Ткачество ограничивалось производством грубой армячины из верблюжьей пряжи, а также шерстяных ковров. Кузнечное дело было поставлено плохо. «А кузнецов у них не сказывают»,—писал в конце XVII века царский посол Ф. Скибин. Казахи умели делать порох, а также плавить свинцовую руду, которую добывали в горах Кара-Тау. Плавка производилась в специально вырытых ямах.

Все эти виды ремесла не обособлялись в самостоятельную отрасль производства, а существовали в виде дополнительного занятия в скотоводческом ауле. Хозяйство оставалось натуральным.

Обширная территория Казахстана включала в себя и такие районы, где существовали города. Ф. Скибин насчитал от 20 до 32 городов. Но все они были расположены по соседству с главным городом — Туркестаном: «а города Казачьей Орды от Туркестана все в близости, город от города в виду», — писал Скибин. В те времена каждый город представлял крепость, окруженную земляными валами и стенами из необожженного кирпича.

Гор. Туркестан в конце XVII и начале XVIII веков играл весьма значительную роль, как политический и религиозный центр Казахстана. Другие города—Ташкент, Сайрам, Сыгнак— также являлись важными экономическими центрами. Здесь происходил обмен продуктов казахского скотоводческого хозяйства на изделия местных городских ремесленников и на хлеб, привозимый из земледельческих районов Средней Азии. Все более заметную роль начинала играть торговля с Россией. В XVII веке торговые связи с Россией осуществлялись со стороны Сибири. Важную роль играли старинные торговые пути, шедшие от Мангышлака в Хиву и по Каспийскому морю к Волге.

Некоторые из городов Казахстана были расположены на старинных караванных путях, связывавших Переднюю Азию и Европу с Китаем.

Впрочем значение этих путей резко упало. После великих географических открытий товары из Индии и Китая направлялись в Западную Европу уже не по суше, а морем. Из-за этого Средняя Азия оказалась в значительной мере изолированной от остальных культурных стран.

Изменение транзитных торговых путей нисколько не остановило развития местной торговли и ремесленной промышленности. Кроме торговли и промышленности, горожане занимались земледелием и скотоводством. У горожан имелись значительные стада, главным образом, крупного рогатого скота. Всех путешественников поражала чрезвычайная национальная пестрота городского населения в Казахстане. В городах жили татары, узбеки, каракалпаки, иранцы и представители различных других народностей Средней Азии. Казахская прослойка в городах была весьма незначительна.

§ 12. ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ.

Патриархально-родовые пережитки.

В XVII веке казахское население попрежнему делилось на роды. Однако этот род уже не был родом в том классическом виде, каким он был в период доклассового первобытно-общинного строя. Он уже давно находился на той стадии, когда органы родового строя «из орудий народной воли» превра-

тились в «самостоятельные органы господства и угнетения против собственного народа» (Энгельс). Казахское общество было уже обществом классовым.

У оседлых земледельческих народов в период разложения первобытно-общинного строя патриархально-родовая община заменялась территориальной общиной. У кочевников-скотоводов постоянные перекочевки, разбивка общин в зимнее время на аулы, смена зимних стоянок делали территориальные связи непрочными. В таких условиях общинные связи могли поддерживаться не единством территории, а кровнородственными отношениями. Вот почему ядро аула состояло попрежнему из родственников, хотя, кроме того, в аул также входили обедневшие члены других родов и даже не казахи — рабы (кулы).

Однако начавшийся еще в домонгольский период распад древних кровнородственных союзов теперь уже завершился. Место этих союзов занимали аймаки, т. е. смешанные союзы, составленные из различных родов. Аймак, как это случалось и раньше, принимал название одного из родов, входивших в его состав.

Между казахскими султанами происходили частые войны, казахам приходилось нередко отражать нападения внешнего врага, — это тоже приводило к вынужденным переселениям и к смешению аулов различных родов.

Прежние родовые деления нарушались также порядком перекочевок. На зиму аулы одного и того же рода занимали отдельные стоянки — кстау. Летом несколько родственных аулов обычно объединялись вместе. Но при этом оказывалось, что такие объединенные общины одного и того же рода все равно кочевали по различным маршрутам. Кочевать сразу целым родом было невозможно, так как при большом количестве скота стада погибали от безводья при переходах через пустынные местности. Глубокие колодцы рылись обычно в небольшом числе ввиду трудности работ.

Тем не менее, даже при раздробленности кочевий, родовая собственность на землю сохранялась. На основе родовой земельной собственности сохранялись пережитки различных форм родовых отношений. Так, в уплате судебного штрафа за виновного в преступлении сородича должны были принимать участие члены его рода. Если одному из членов рода кто-либо наносил обиду, все остальные сородичи были обязаны выступить против обидчика. У казахов сложилась поговорка: «Когда кочерга длинная — не обжигается рука, когда много сородичей — люди не тронут тебя».

В жизни казахов сохранились и многие другие пережитки

патриархально-родовых отношений. Особенно они были устойчивы в быту. Члены одного и того же рода имели общий уран, т. е. боевой клич; во время сражения они группировались вокруг родового значка. На общинных собраниях бии одного рода, окруженные рядовыми сородичами, держались совместно. Род ежегодно устраивал поминки по умершим сородичам.

Разложение родовой собственности на землю.

Широкое распространение родовых пережитков в хозяйстве и быту и особенно господство родовой собственности на землю породило в дореволюционной литературе теорию о якобы господствовавших у казахов и других кочевых народов доклассовых первобытно-общинных отношениях. Внешние формы общественного быта, без попытки вникнуть в существо дела, принимались за содержание производственных отношений. Эта теория особенно горячо отстаивалась в буржуазно-националистической историографии. Основой для отрицания развития классовых отношений в ауле служило отождествление формального наличия общественной собственности на землю с фактически складывающимися поземельными отношениями.

Под формами родовой помощи в казахском обществе скрывалось иное содержание, характерное для феодального общества. Под оболочкой родовой помощи складывались отношения феодальной эксплоатации. Базой такого превращения являлся захват лучших зимовочных и летних угодий под аулы султанов и родовой знати. По мере того, как росло имущественное неравенство и совершался переход к перекочевкам аулами, общинная земля переходила во владение богатых аулов, фактически монополизировалась ими. Кроме того, ханы, султаны и бии могли по своему усмотрению распоряжаться всеми общинными землями. Это право распоряжения общинной землей являлось важнейшей прерогативой феодальной кочевой знати и ревниво ею охранялось.

Такое право феодалов на распоряжение всей общинной землей отмечено уже в источниках XIII века. Сложилось оно, вероятно, значительно раньше, еще задолго до образования Казахского ханства. Таким образом, все более обнаруживалось различное отношение родовой знати, биев, с одной стороны, и трудящихся масс скотоводов, с другой, к основному средству производства — к пастбищам и к водопоям. Общинная форма землепользования была выгодна казахской феодально-родовой верхушке. Богачи имели большие стада и предпочитали пользоваться всей общинной землей, чем каким-либо одним ограниченным земельным участком. Фактически общинной землей пользовался больше тот, кто имел больше

скота. Понятно, что бедняки лишь в небольшой степени пользовались своими правами на общинные пастбища. Следовательно, никакого уравнительного землепользования для всех членов рода, общины уже не было. Кто обладал в общине экономическим преимуществом и политической властью, тот и захватывал в пользование лучшие пастбища.

В условиях многодневных переходов через засушливые степи особенно важное значение в хозяйстве кочевника приобретал водопой. Естественные водоемы (реки, озера) были не везде. Приходилось рыть колодцы. Степные колодцы бывали двух видов. В местностях, где вода находилась на небольшой глубине (до 10 — 12 метров), скотоводческая община своими силами легко устраивала колодцы за один день. Из таких колодцев (тайыз) вода черпалась вручную. Скотоводческая община, выкопавшая мелкий колодец, пользовалась им только во время стоянки. После ухода на другое место строители никаких особых прав на колодец не сохраняли. Но встречались места, где вода находилась на глубине до 60 и больше метров. Там приходилось рыть глубокие колодцы, называемые «шынграу». Из них вода при помощи силы животных поднималась в больших (около 5 — 10 ведер) кожаных мешках. При круглосуточной работе можно было из такого колодца напоить до 2 тысяч голов. Устройство шынграу отнимало много времени и стоило больших средств — около 1 000 баранов. Построить такой колодец могли только искусные мастера. Поэтому такие колодцы нередко сооружались на средства богатых биев. В этом случае они считались собственностью строителя. Все остальные могли пользоваться этими колодцами только с разрешения хозяина или в том случае, если хозяин отсутствовал.

Всем членам рода приходилось общими усилиями отстаивать права рода на землю. Когда это требовалось, они с оружием в руках сражались против нарушителей границ летних и зимних пастбищ. Получалось, что средние и мелкие скотоводы, защищая общие интересы аймака, должны были сражаться за богачей, охраняя их многочисленные стада. Словом, труд и опасность ложились, главным образом, на рядовых общинников, а львиная доля доходов и богатства доставалась знати. Знать считала выгодным сохранять общинные формы быта, так как они давали ей возможность использовать родовую взаимопомощь в своих интересах. Кочевое скотоводство требовало коллективного труда всей общины для выполнения ряда важных работ, но результатами этих коллективных работ пользовалась преимущественно казахская знать.

§ 13. КЛАССОВЫЙ СОСТАВ КАЗАХСКОГО ОБЩЕСТВА.

Казахская знать.

Над крупными объединениями казахских общин стояли султаны. Они издавна, еще со времени монгольского завоевания, образовали особое сословие — знать «белой кости».

«Белая кость» (аксуек или тюре, т. е. «благородные») составляла аристократию казахов. К этому сословию причислялись только ханы и султаны, считавшиеся потомками Чингизхана. В свою очередь, представители «белой кости» делились на «настоящих» и «смешанных». «Настоящим» представителем «белой кости» (нагыз тюре) считался тот, у кого родители — и отец и мать — принадлежали к феодальной аристократии. Если же мать происходила из «простых» людей, то сын, хотя и назывался султаном, но лишался права на занятие ханского престола — высшей ступени феодального могущества. Отсюда произошла поговорка казахов: «Чем, увидев, взять красавицу, лучше, не видев, взять родовитую». Султаны вели свою отдельную родословную и возвышались над всеми остальными казахами, считавшимися их подданными.

Власть султанов передавалась по наследству от отца к сыну. Султаны творили суд и расправу над подчиненными им родами. Внешним признаком султанского достоинства считалась белая кошма. В общественных собраниях и во всех остальных торжественных случаях все представители «белой кости» садились только на белые кошмы. При встрече человека «белой кости» (хана или султана) люди останавливались в почтительном отдалении и, прикладывая руку к сердцу, склонялись и произносили приветствие: «Алдияр таксыр» («Ваше высокородие»).

Султаны эксплоатировали казахов, по преимуществу, путем взимания многочисленных продуктовых повинностей. Базой такой эксплоатации служило хозяйничанье султанов над общинной землей, которое они осуществляли совместно с родовыми биями.

К верхушке общества принадлежало высшее мусульманское духовенство (ходжи). Оно не входило в сословие «белой кости», но по своему положению стояло ближе к султанам, нежели к простому народу. Однако у казахов, в противоположность узбекам, ходжи не играли крупной общественной роли.

Все казахи, не принадлежавшие к привилегированному сословию султанов, назывались одним термином — караши, черный народ. Но караши не были в классовом отношении однородной массой.

Бии, постепенно закабалявшие также и своих сородичей

превращались в степных феодалов. В казахском обществе бии являлись одной из основных, по своему значению, растущих феодальных групп. В руках биев была сосредоточена судебная власть и право суда по народным обычаям — адату.

За разбор спорных дел и исков бий имел право на получение вознаграждения — бийлика, размер которого зависел от суммы иска. Он составлял довольно значительное количество скота, если иск достигал нескольких тысяч голов скота.

Бии имели также право на получение подарков от членов общины. Внешне эти подношения носили добровольный характер, но они освящались адатом, обычным правом казахов. Отказаться от подношения значило нарушить адат. Поэтому такие подношения фактически стали обязательными.

Другой крупной феодальной группой в казахском обществе были батыры. Хотя в казахском языке термин батыр употребляется в качестве бытового, внеклассового термина (батыром называют героя, вообще отважного человека), действительное положение батыров в прошлом казахского общества было иным. Происхождение батыров относится к патриархально-родовому строю. Тогда это были военачальники. В позднейший период, в процессе феодализации казахского общества, батыры превратились в феодалов — угнетателей своего народа.

В условиях ожесточенной борьбы с внешними врагами, особенно в годы борьбы с джунгарами в XVII веке, батыры как предводители военных дружин играли большую роль.

Растущая военная знать обогащалась не только за счет военной добычи. Батыры из временных предводителей военных дружин становились постоянными главами казахских общин. Они обособились в классовом отношении от трудовых масс скотоводов, и их положение в обществе сблизилось с положением родовых биев.

Многочисленной феодальной группой были также богатые скотоводы, имевшие по нескольку тысяч голов скота, но не являвшиеся ни биями, ни батырами.

Пользуясь своим имущественным превосходством, они эксплоатировали беднейшую прослойку скотоводческой общины — своих сородичей. Эксплоатация богачами бедняков строилась на основе внеэкономического принуждения, но взаимоотношения между богатым скотоводом и эксплоатируемым им бедняком затушевывались патриархально-родовыми пережитками и господством форм патриархально-родового быта.

Так постепенно сформировалась новая феодальная знать. Влияние и власть этой знати чувствовались все сильнее. Подавляющее большинство казахов сохранило личную свободу и право пользования общинными землями, но прежнее равенство исчезло. В скотоводческой общине появился новый неумо-

лимый закон классового общества, который казахи выразили пословицей: «Дело богатого — приказывать, дело бедняка — трудиться».

Одновременно с укреплением феодальной знати появляются и растут феодально-зависимые группы кочевников-скотоводов.

Феодально-зависимые категории.

Низшим общественным классом были рабы (кулы). Это было патриархальное рабство, сильно отличавшееся от развитого рабства древних государств. Обычно казахские рабы, по прошествии некоторого времени, а их потомство обязательно, получали кибитку и несколько голов скота. Рабу разрешали жениться и обзавестись хозяйством, но за это он должен был и впредь оказывать своему господину услуги в виде обязательных подношений. Такой наделенный средствами производства зависимый человек по своему классовому положению становился уже не рабом, а феодально-зависимым кочевником-скотоводом. Таким образом, с одной стороны, свободные общинники-казахи, а с другой стороны, прежние рабы превращались в феодально-зависимых людей.

Труд невольников применялся, главным образом, для ухода за стадами, которые у богачей достигали огромных размеров. В начале XIX века один русский врач попал в плен к казахам и выполнял работу наравне с остальными рабами. Он оставил интересное описание жизни невольников у богатых казахов. «Ежедневная моя работа состояла в том, чтобы рубить и собирать дрова, носить воду, топить кибитку, толочь вареное просо, молоть в руках кое-какие полусырые зерна, чистить навоз, которого в течение двух или трех дней накопляется столь много (разумеется, зимой), что целый почти день потребен на одно очищение. Ежели и все сие исполнено будет, то на досуге дадут кучу шерсти, которую, сидя, теребишь».

Кроме того, рабы пасли скот, стригли овец, доили коров, овец, коз, кобыл. Рабов продавали и покупали, выменивали на скот и беркутов, отдавали в виде приданого за дочерью. За убийство раба не привлекали к ответственности. Невольники происходили из военнопленных или покупались.

Хотя казаха, или мусульманина (независимо от национальности), по предписанию шариата нельзя было обращать в рабство, однако это правило в жизни не выполнялось. Среди рабов были мусульмане: узбеки, каракалпаки, башкиры и даже казахи, захваченные в плен во время военных столкновений с враждебными родами и не выкупленные своими сородичами. Но рабы все же играли вспомогательную роль в казахском обществе. Основой производства являлся труд казахов-скотоводов, кочевников. Несмотря на то, что формаль-

но они не были закрепощены, считать их свободными производителями нельзя. Это была зависимая масса мелких производителей, хотя степень их зависимости от кочевой знати была далеко не одинакова. Подавляющая масса трудящихся казахов вела собственное кочевое хозяйство. Зависимость этой основной массы казахов от феодальной знати выражалась в подчинении ее распоряжениям при распределении и пользовании пастбищами и в многочисленных продуктовых повинностях, которые уплачивались султанам и родовой знати под видом «добровольных» подношений и «подарков». Для этой основной массы зависимых производителей источники не сохранили особого названия.

Но были группы кочевников-скотоводов, зависимость которых выступала в значительно более осязаемой форме. К таким группам относились так называемые «кедеи», которые еще вели свое хозяйство, но уже не имели достаточного количества скота и попадали поэтому в зависимость к богатому сородичу.

Были еще и более зависимые категории трудящегося населения. К ним относились так называемые «консы». Консы — это обедневшие, малоскотные члены рода, не имеющие уже возможности кочевать самостоятельно из-за отсутствия достаточного количества скота. Консы всегда кочевал вместе с богатым сородичем, с его стадами, а поэтому находился по отношению к нему в зависимом положении. Консы пас скот своего хозяина, выполнял его приказания. Жена консы также «помогала» богачу в его хозяйстве, выполняя всевозможную домашнюю работу — доила коров и овец, трепала шерсть, собирала топливо и т. д.

Никакой платы консы за свой труд не получал. И он и его семья пользовались лишь остатками пищи с хозяйского стола, иногда получали обноски одежды. В лучшем случае консы получал для пользования корову или овец. Богач «помогал» своему консы, выплачивая иногда калым за его сына, давал ему хлеб в голодные джутовые зимы с обязательством отработать. В этих случаях консы вместе со своей семьей попадал в кабалу и не мог уйти от своего хозяина. Эти взаимоотношения между богатыми скотоводами и их консы были прикрыты патриархально-родовыми пережитками: консы воспринимали свою зависимость от богатого сородича как родовую помощь и благодеяние. В процессе дальнейшей феодализации казахского общества институт консы развивается и приобретает более широкое распространение.

Близко к консы стояли джатаки — разорившиеся сородичи, которые утеряли способность вести кочевое хозяйство.

Джатаки часто превращались в земледельцев — егинши, обрабатывавших пашню для своих богатых сородичей.

Наконец, была и вовсе пауперизированная часть населения — байгуши, которые ярко выступают в составе казахского общества в XVIII и особенно с начала XIX века.

Таков был состав казахского общества. В нем было два основных класса: феодальная знать и зависимое население. К классу феодалов принадлежали султаны и родовая знать в лице крупных родоуправителей — биев и военной знати, носивших звание батыров, фактически успевших обособиться от своих аймаков, хотя формально входивших в их состав. Различие между классами определяется не бытовыми и тому подобными условиями, а, прежде всего, отношением к условиям и средствам производства. Отношение к основному средству производства — к земле у этих феодалов было однородно. Они распоряжались общинными пастбищами и присваивали прибавочный продукт кочевников-скотоводов под видом сауна и подарков. Султаны должны были обязательно делиться общественными доходами с родовой знатью. Подарки, полученные от иностранных послов, делились между ханом, султанами, биями и батырами. Делились собранные налоги и подношения, которые хан получал от казахского населения, а также доходы, поступавшие хану от жителей Ташкента, Туркестана, Сайрама и других городов.

Таким образом, линия, делившая казахское общество на классы, шла не только между султанами и общиной, но и через общину, отсекая к классу феодалов выделившуюся из общины крупную родовую знать.

Но отношения эксплоатации, феодальные по существу, были глубоко замаскированы пережитками патриархально-родового быта. Такие своеобразные общественные отношения правильнее всего называть патриархально-феодальными.

Классовое неравенство внутри родовой общины развивалось на той же основе, что и господство султанов — на основе своеобразного захвата общинной земли родовой знатью, совершавшегося в рамках родовой собственности на землю, — но отношения эксплоатации внутри рода выражались в основном в развитии отработочной, а не продуктовой докапиталистической ренты.

Саун. Древний родовой обычай установил бесплатную помощь скотом сородичу, оказавшемуся в бедственном положении — так называемый саун. В условиях распада патриархально-родовой общины саун сделался средством эксплоатации бедняков знатью. Казах, оставшийся без молочного скота, получал от богача во временное пользование дойных овец или корову.

Бедняк был обязан содержать этот взятый в саун скот круглый год, пасти его и возвратить с приплодом, когда богач потребует. Он отвечал за целость взятого в саун скота, а в случае его гибели должен был возместить убыток или отработать богачу. Кроме того, бедняк, взявший скот, обязан был вместе со своей семьей «помогать» богачу по хозяйству: пасти его скот, выполнять всякие мелкие поручения. Саун — это не «родовая бесплатная помощь», а типичная форма феодальной эксплоатации в условиях кочевого скотоводства при господстве форм патриархально-родового быта. Богачи также раздавали беднякам свой скот на выпас. В вознаграждение бедняк получал саун, т. е. из этого же стада ему выдавалось несколько овец или кобыл для пользования их молоком.

Бии и другие разбогатевшие казахи давали обычно бедняку-общиннику скот взаймы на жестких условиях. Например, за каждого ягненка, взятого весной, бедняк должен был осенью отдать взрослого барана, а за овцу, взятую осенью, отдать весной овцу с ягненком.

Иногда разбогатевший скотовод давал бедняку баранов для пользования шерстью (жун-беру). Бедняк обязан был содержать этих баранов круглый год, причем приплод также принадлежал хозяину. За пользование шерстью с этих баранов бедняк также был обязан работать на того, у кого он их получил, как и за пользование данной в саун коровой или кобылой.

Такой же характер феодальной эксплоатации носили аналогичные сауну обычаи, как, например, «ат-майын-беру» — дача богачом бедняку лошадей для разъездов или для работы на условиях отработки за это хозяину лошади в его стаде, на его поле, в юрте и т. д.

Все эти формы эксплоатации, применявшиеся в хозяйстве феодально-родовой верхушки, являлись одной из особенностей патриархально-феодальных отношений, которые господствовали в Казахстане.

Ханская власть. Сложный состав казахского общества в XVII веке нашел яркое выражение и в политическом устройстве Казахского ханства. Высшая власть в нем принадлежала хану. Ханская власть переходила по наследству от отца к сыну или к старейшему представителю ханского рода. Обычно занятие престола было сопряжено с борьбой за власть между несколькими султанами. Одни из претендентов на престол ссылались на свое близкое родство к прежнему хану, другие рассчитывали добиться высшей власти при помощи многочисленных и влиятельных родственников. Были и такие, которые пролагали себе путь к власти силой оружия. Независимо от способа воцарения, новый хан нуждался в признании

его власти остальными султанами, а также родовой знатью. В казахской степи сохранился старинный обычай признания хана: торжественный обряд избрания и поднятия на белой кошме. Избрание должно было иметь место даже в том случае, если никто не оспаривал законного права нового хана на престол.

Избрание хана происходило в заранее назначенном месте, куда съезжалась знать. На разостланных кошмах важно и чинно садились султаны, бии и другие знатные люди, строго соблюдая между собой старшинство родов. За рядами знати толпился простой народ. Выборное собрание открывал старейший султан. За ним брали слово другие представители казахской аристократии. Строгий порядок, соблюдавшийся вначале, длился недолго. С каждым часом собрание становилось все более бурным. Страсти разгорались, все спорили и шумели, перебивая друг друга. Иногда споры продолжались несколько дней подряд. Наконец определялось мнение большинства знати — султанов, биев, батыров, или же более сильная феодальная партия навязывала остальным свое мнение. Несколько султанов и биев самого знатного происхождения и наиболее влиятельных по своему общественному положению направлялись к новому хану. Поздравляя вновь избранного, они сажали его на белую кошму, которую высоко поднимали над головами и опускали на землю. Едва кошма касалась степной травы, как она снова подхватывалась подбегавшей толпой, которая вновь поднимала и опускала кошму. В заключение торжественного акта провозглашения хана следовало пиршество, для которого забивалось много скота — баранов, лошадей. Обычно такое пиршество дорого обходилось трудовому народу, за счет которого оно в основном и происходило.

Хан, как глава государства и носитель высшей власти, нуждался в постоянной военной силе. В мирное время в распоряжении хана находилась лишь его дружина. Такие же дружины, только меньше по количеству, были у каждого султана. Дружинники хана и султанов носили название «тюленгуты». Они набирались из людей, пользовавшихся личным доверием хана или султана, и составляли личную охрану своего повелителя. В то же время им давались самые разнообразные поручения по государственным делам, например, сбор дани и налогов. Тюленгуты в XVII веке не были крепостными. Это были своего рода вассалы «белой кости», их положение было до некоторой степени идентично с положением нукеров у узбеков и еще ранее у монголов. Значительно позже, в XIX веке, в связи с политическим упадком знати «белой кости», когда она стала нуждаться не столько в военных помощниках, сколько в домашних слугах, положение тюленгута, человека, отор-

ванного от своей общины, стало приближаться к положению крепостного.

Доходы хана составлялись из его личных богатств, военной добычи, дани, уплачиваемой покоренным населением, из налогов, которые взимались с оседлого земледельческого и кочевого населения, а также от многочисленных повинностей, которые должны были нести подчиненные хану казахские общины.

Главными налогами были: закят, предусмотренный правилами корана и составлявший $^1/_{40}$ часть с движимого имущества, и ушур (десятина) — $^1/_{10}$ часть урожая. Старинной повинностью казахов-кочевников считалось право султанов и ханов пользоваться у подвластного населения постоем (постойная повинность). При поездках в степь хан останавливался в подчиненных аулах. Жители аулов были обязаны содержать хана и его спутников во время их пребывания в данной местности. Кроме того, ханы и султаны, как и бии, имели право взимать «добровольные» подношения с подчиненных общин.

Правительственная деятельность хана протекала в разъездах по степи среди кочевий казахов. С конца XVI века столицей ханства считался Туркестан.

Туда, где располагалась в степях ханская ставка, являлись просители из окрестных аулов и родов. По соседству со ставкой хана ставили свои кибитки султаны, бии и прибывшие просители. На несколько дней в степи вырастал из кибиток целый город. По старинному обычаю богатые люди из свиты хана гоняли вслед за ставкой целые табуны кобылиц для доения и приготовления кумыса.

Хан и его помощники из султанов и биев творили суд и расправу. Из ханской ставки рассылались тюленгуты для сбора налогов и подарков, полагавшихся хану и султанам. Отсюда же направлялись султаны и влиятельные бии с поручениями расследовать от имени хана споры, возникшие между отдельными общинами или родами. Они же выступали судьями и посредниками в случае вражды между отдельными родами.

Усиление власти хана и султанов не привело к упразднению общинных собраний. По важным делам в аулах и аймаках происходили собрания. При ханской ставке также созывались собрания — съезды казахской знати, наиболее крупных султанов, батыров и биев. На собраниях в аулах и аймаках могли присутствовать все взрослые мужчины — сородичи. Однако частная собственность на скот привела к тому, что при богатстве одних и бедности других на этих собраниях исчезло первоначальное равноправие всех членов скотоводческой об-

щины. Стали говорить, что «все звезды, вместе взятые, не составляют блеска месяца, все бедняки не сравняются с одним богачом». При разрешении дел богач располагал не только своим голосом — к мнению богача присоединялись бедняки, получавшие у него взаймы скот и работавшие на него. «Кому принадлежит кошма, тому принадлежит и суждение», — гласила казахская поговорка.

ГЛАВА VII.

РАЗДРОБЛЕННОСТЬ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА И ПОПЫТКИ ЕГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ТАУКЕ-ХАНОМ.

§ 14. ОБРАЗОВАНИЕ КАЗАХСКИХ ЖУЗОВ.

Усиление феодальной раздробленности в Казахстане.

Ни Хакназару, ни Тевеккелю не удалось создать Казахского ханства в его этнических границах. Казахи юго-восточных районов, где кочевали древние племена усуней, канглы, дулатов и др., в результате неудачной борьбы с Моголистаном, остались политически оторванными от Казахского ханства. Казахское ханство при Хакназаре и Тевеккеле продолжало оставаться внутренне слабым. Процесс феодального раздробления все более и более возрастал. Обычно в первую очередь от центральной власти отделялись наиболее отдаленные части феодального государства, где с наибольшей силой сказывалась экономическая, политическая и культурная обособленность от центра. Этот процесс феодального раздробления стал особенно заметен при преемниках хана Тевеккеля.

После смерти Тевеккеля ханом стал султан Есим (1598—1628 гг.). Однако приобрести власть над всеми владениями Тевеккеля Есим сумел не сразу. В Ташкенте стал править другой — султан Турсун. Но Есим не отказывался от намерения объединить под своей властью все казахские роды.

Обстановка, в которой пришлось править Есиму, была трудной. Пользуясь раздробленностью казахских владений, бухарский хан Имамкули предпринял ряд попыток овладеть Ташкентом. В 1611 году Имамкули начал поход против Ташкента. Однако, по невыясненным причинам, поход был прерван

и бухарские войска, дошедшие до Самарканда, возвратились обратно. Предпринятые позднее, между 1613 и 1621 годами, походы против казахов окончились для Имамкули неудачно. Разбитый казахскими ополчениями, он должен был отказаться от притязаний на Ташкент.

Стремясь к объединению казахских владений, Есим-хан неизбежно должен был столкнуться и с Моголистаном, под властью которого оставалась значительная часть восточных кочевий казахов. Совместно с киргизами он поддерживал внутренние смуты в Моголистане. В 1610 — 1611 и 1617 — 1620 годах Есим оказывал активную поддержку сыну моголистанского хана Абдул-Рашиду, который восстал против правившего тогда владетеля Моголистана.

Упорную борьбу пришлось выдержать Есим-хану с ойротскими калмыками, возобновившими в начале XVII века свои нападения на восточные области Казахстана.

Активная деятельность по воссоединению разрозненных владений казахов привела Есим-хана к столкновению с владельцем Ташкента Турсуном, тем более, что по старшинству первенство среди султанов принадлежало не Есиму, а Турсуну. В 1627 году это столкновение произошло, и Турсун был убит. Есим-хану удалось достигнуть объединения владений Хакназара, но на очень короткий срок. После его смерти процесс феодальной раздробленности продолжал развиваться.

Образование казахских жузов.

Ко времени Хакназара народные предания казахов относят образование казахских жузов. Действительно, до второй половины XVI века источники не упоминают о существовании жузов. Вопрос об образовании жузов является одним из наиболее неясных в истории казахского народа. Никаких прямых письменных источников по этому вопросу не сохранилось. Однако косвенные данные позволяют в основных чертах восстановить процесс формирования жузов, связанный с историей политического распада Казахского ханства, характерного для феодального общества.

После поражения, нанесенного в 60-х годах XVI века Хакназару моголистанским ханом, политические связи между казахами, кочевавшими в пределах Моголистана, и казахами владений Хакназара порвались. Семиреченские казахи, занимавшие отдельный район кочевий и не связанные политически с расположенными западнее казахскими общинами, постепенно обособились в своем владении. Это владение получило название Старшего жуза (Улу жуз). В него входили наиболее древние племена, из которых выросла казахская народность — усуни, канглы, дулаты. Казахи Старшего жуза долгое время называли себя усунями.

Казахские общины, оставшиеся под властью Хакназара и его преемников, занимали территорию по рекам Сары-Су, Сыр-Дарье и Ишиму. Сведения об этих казахских кочевьях содержатся в одном старинном географическом описании, составленном в начале XVII века в Москве, под названием: «Книга Большого Чертежа». Политическая жизнь этих общин была оторвана от жизни Старшего жуза. Государство Хакназара тяготело к владениям шейбанидов, т. е. к наиболее оседлым районам Средней Азии. Связи с этими районами еще более укрепились после завоевания казахами Ташкента, Туркестана и других сыр-дарьинских городов. К государству Хакназара тяготели также западные казахские общины, связанные с ногайским улусом. Но политическая активность преемников Хакназара, Тевеккеля и Есима была направлена не на запад, а в сторону Средней Азии. Поэтому связи западных общин с государством Хакназара были в конце XVI века ослаблены. В XVII веке в западных районах Казахстана укрепилась собственная династия потомков Осека, одного из сыновей Джанибека, считавшаяся младшей фамилией по сравнению с потомками Хакназара. Так произошло выделение западной части казахских общин в особое государство. Это государство получило название Алшын — по имени племени алшын, ранее входившего в состав ногайского улуса. Впоследствии его стали называть Младшим жузом (Киши жуз), а государство потомков Хакназара — Средним жузом (Орта жуз). Все эти названия сложились в XVII веке.

Этот процесс политической раздробленности закреплялся хозяйственными условиями, в основном — обособленностью районов кочевий отдельных жузов. Общины Старшего жуза занимали пастбища в Семиречье, в восточной части течения Сыр-Дарьи и к югу от реки Чу. Здесь существовали и немногочисленные земледельческие районы. Другая часть общин, составивших Средний жуз, кочевала зимой по реке Сары-Су и в низовьях Сыр-Дарьи, а летом — по Иртышу, Тоболу и Ишиму. Третья, западная часть казахских общин, которые вошли в Младший жуз, имела летние кочевья в районе Актюбы, а зимние — по Илеку и Уралу.

При натуральном хозяйстве, при отсутствии постоянных экономических связей между районами, обособленность кочевий закрепляла процесс политического обособления трех указанных групп казахских общин. Здесь происходил тот же процесс, который в конце XIV и в XV веках переживала Золотая Орда, распавшаяся на отдельные владения.

Между Средним и Младшим жузами долгое время, еще в 30-х годах XVIII века, существовала политическая связь. Она выражалась в совместных съездах знати. Старший жуз жил

обособленной жизнью, но и в Старшем жузе не была забыта прежняя, более чем столетняя, связь между всеми казахами. Население Старшего жуза, несмотря на политическую обособленность, всегда причисляло себя к казахской народности. Оно сохранило казахский язык, казахскую культуру, самое название своей народности. Этому способствовали и однородность хозяйственного и общественного быта и общность культурных традиций, особенно народного творчества. Этому же способствовала общая длительная борьба с новым врагом, появившимся в XVII веке на восточных границах кочевий — джунгарским государством калмыков.

§ 15. БОРЬБА С ДЖУНГАРИЕЙ.

Образование Джунгарии.

В первой половине XV века западные монгольские племена двинулись на запад и вторглись в пределы Моголистана.

Кризис скотоводческого хозяйства, вызванный захватом лучших пастбищ родовой знатью джунгар, заставлял широкие народные массы передвигаться на новые земли и приводил к столкновению джунгар с соседями. Мусульмане Средней Азии называли джунгар калмаками (в русском произношении — калмыками). К XVII столетию джунгары заняли земли Моголистана. На восточных границах казахских кочевий образовалось новое государство — Джунгария.

В первые годы XVII века, в силу внутренних феодальных междоусобиц, Джунгария не представляла крупной политической силы. В 1613 году часть монгольского племени торгоутов откололась от Джунгарии и переселилась на запад, заняв земли между Эмбой и Яиком (Уралом) и далее на запад к Волге. Эти калмыки известны в русских источниках под именем волжских калмыков.

В Джунгарии в 20-х годах XVII века выдвинулся вождь племени Чорос Хара-Хулу. Он сумел объединить под своей властью основную массу джунгар. Дело отца продолжал его сын Батур. Беспощадно подавляя сопротивление родовой знати, Батур значительно укрепил и расширил пределы Джунгарии. Его государство занимало территорию между Алтаем, Тянь-Шанем, пустыней Гоби и озером Балхаш. Восточная часть Семиречья также вошла в состав его владений.

Социальный и политический строй Джунгарии.

Джунгары были кочевниками-скотоводами. Кочевое скотоводство являлось основной отраслью их хозяйства. Они разводили верблюдов, лошадей, рогатый скот и овец. С продвижением на запад у джунгар значительное развитие получило и земледелие. Джунгары делились на роды. Господство патриархально-родового быта в экономической

области проявлялось в сохранении родовой собственности на землю. В быту сохранились черты экзогамии: родовичи, по словам китайских источников, не имели права вступать друг с другом в брак. Каждый джунгар, помимо имени, всегда принимал и родовое прозвище. Во главе Джунгарии стоял хан, носивший титул хун-тайчжи. Члены ханского господствующего рода составляли привилегированную группу общества и носили почетный титул тайчжи (принцев крови). Родовая община джунгар знала глубокое имущественное и социальное неравенство. Право распоряжения родовой землей и основное богатство (скот) находились в руках родовой знати — зайсангов.

Таким образом, по уровню своего экономического и социального развития Джунгария находилась в стадии патриархально-феодальных отношений. Следует отметить, что процесс классовой дифференциации в Джунгарии получил более глубокое развитие, чем у казахов. Особенностью общественной жизни джунгар также являлось исключительно влиятельное положение в нем буддийского духовенства — лам.

Казахам пришлось выдержать упорную и тяжелую борьбу с Джунгарией.

Борьба с Джунгарией в XVII веке.

Джунгария являлась опасным и сильным противником. О джунгарах говорили, что они «в быстроте передвижения родственны ветру и опережают пыль из-под копыт своих собственных лошадей». Борьба казахов с джунгарами охватила XVII и первую половину XVIII века и потребовала от казахов напряжения всех народных сил. Она стоила гибели многих тысяч жизней, неисчислимых потерь в скоте, потери богатейших пастбищ. В основном эта борьба велась за обладание пастбищами Семиречья. В середине XVII века ханом казахов был Джангир, сын Есима и племянник Тевеккеля. В связи с угрозой джунгарского нашествия он решил прекратить вражду с Бухарой. Джангиру удалось убедить бухарского хана в необходимости совместной борьбы с джунгарами. Между Казахским и Бухарским ханствами был заключен союз.

В 1643 году пятидесятитысячное войско джунгар вторглось в пределы Казахстана. Нападение было столь неожиданным и стремительным, что Джангир успел собрать лишь небольшой отряд в 600 человек казахов. С этой горсткой смельчаков Джангир решился приостановить продвижение многотысячной вражеской армии. Отряд казахов умело воспользовался гористой местностью и своими небольшими силами задержал противника в горных ущельях. Когда же приблизились союзные с казахами войска бухарского хана, джунгары вынуждены были отступить. За мужество и военные победы казахи прозвали Джангир-хана «Салкам» («Внушительный»).

Военные и дипломатические успехи Джангир-хана дали казахам возможность отстоять свою политическую независимость. Все же Джунгария завладела небольшой частью Семиречья.

Тауке-хан и его борьба за объединение Казахского ханства.

После смерти Джангира ханом казахов сделался его сын Тауке (1680—1718 гг.). С первых дней правления Тауке-хан был вынужден сосредоточить все свои силы на укреплении политического единства казахов и на борьбе с Джунгарией. В 1681—1684 годах джунгары опустошили весь юг Казахстана. Перед превосходящими силами противника города один за другим сдавались на милость победителей. Долго держался город Сайрам. Только после трехлетней борьбы, в 1684 году, джунгарам удалось ворваться в город. Сайрам был сильно разрушен ими.

Следуя примеру своего предшественника, Тауке-хан также стремился поддерживать мир с Бухарой. С другой стороны, бухарские ханы понимали, что в случае подчинения Казахстана джунгарам немедленно начнется наступательное движение их на Бухару. Поэтому отношения между Бухарой и казахами при Тауке были мирными. Лишь изредка происходили мелкие столкновения.

Временные военные неудачи, выразившиеся в потере части Семиречья и разорении окрестностей Туркестана, объяснялись внутренним состоянием Казахского государства. Тауке-хан занял отцовский престол по наследству. Но, как всегда бывало в начале каждого нового царствования, не сразу все султаны и роды признали власть нового хана. Только во второй половине своего царствования Тауке-хан сумел закончить объединение большей части всех трех жузов.

Как сам Тауке представлял свою власть, говорят в своих сообщениях царские послы Скибин и Трошин. Тауке заявил им на приеме: «Турецкий султан или Кызылбашский шах чем его, Тауке-хана, выше? Таковы же, что и он».

Однако государство Тауке нельзя назвать единым централизованным государством. Тауке сделал лишь смелую попытку в этом направлении, которая ему не удалась, несмотря на то, что внешняя угроза содействовала восстановлению относительного политического единства Казахского государства и побуждала султанов поддерживать хана.

Другим условием успехов объединительной деятельности Тауке-хана были и внутренние причины. К концу XVII века процесс феодализации в Казахстане углубился. Наряду со старой феодальной знатью, так называемой «белой костью», потомками Чингиз-хана, в результате этого процесса вырастал новый слой феодалов в лице биев и военной знати. Предста-

вители этого нового феодального слоя могли добиться значительного влияния лишь в борьбе со старой феодальной знатью. Это заставляло их искать опоры и поддержки в ханской власти и стремиться к ее усилению и централизации. Таким образом, объединение большей части Казахстана под властью хана Тауке совершилось на несколько иной социальной основе, чем в XVI веке при Касыме, Хакназаре и Тевеккеле.

Однако и при этих изменениях государственная власть в Казахстане в XVII веке имела патриархально-феодальный характер. Казахское государство было рыхлым и непрочным. При феодальной раздробленности, постоянной родовой вражде, порождаемой спорами между родовой знатью из-за пастбищ, взаимными угонами скота, столкновениями, возникавшими из обычая кровной мести, государство прочным быть не могло. Лишь на короткий срок Тауке-хану удалось под угрозой внешнего нападения объединить разрозненные и враждующие друг с другом роды.

Это сплочение дало новые силы казахскому народу и изменило, правда, на короткий срок, результаты борьбы с Джунгарией. В 1710—1711 годах, когда джунгары предприняли крупное наступление на Казахстан, Тауке-хан дал им сильный отпор. В 1711—1712 годах казахи сами вторглись в пределы Джунгарии. Они разорили множество пограничных кочевий, перебили мужчин и увели в плен женщин и детей. В 1713 году джунгары выслали против казахов трехтысячное войско, но и на этот раз они потерпели поражение, возвратившись в свои кочевья с большими потерями. Но уже в 1714 году казахи потерпели новое поражение от Джунгарии.

Попытки сближения с Россией.

Борьба с Джунгарией по-новому поставила для казахов вопрос об отношении к России. К концу XVII века на севере, в Сибири, кочевья казахов находились в непосредственной близости с границами Русского государства: от Тюмени до казахских кочевий было менее 30 километров.

Среди родовых казахских старшин существовало недоверие к России, вызванное близостью ее военных укреплений. Но борьба с Джунгарией заставляла искать сближения с Россией, союз с которой мог представляться тем более естественным, что набеги джунгарских отрядов на сибирские поселения доставляли немало беспокойств и сибирским властям. Однако среди казахской знати сторонники сближения с Россией победили не сразу. Еще в 80-х годах, при одном из набегов казахов на сибирские поселения, русскими был захвачен в плен знатный мурза Кильдей. Несколько лет казахская знать упорно добивалась освобождения Кильдея. Правительство Петра I

считало обострение отношений с казахами вредным для торговых интересов России: Казахстан рассматривался как ворота в богатые страны Востока — в Среднюю Азию и Индию. Поэтому к Тауке-хану было отправлено посольство во главе с Скибиным и Трошиным. С посольством правительство Петра I приказало отпустить и Кильдея. Однако этот шаг царского правительства не изменил позиции родовой знати. Когда Трошин и Скибин прибыли в столицу Казахского ханства (гор. Туркестан) и потребовали у Тауке-хана прекращения набегов казахов на русские поселения, сам Тауке-хан занял миролюбивые позиции. Он оправдывался тем, что набеги совершают казахи отдаленных от него аулов, воздействовать на которые он был не в состоянии. Но когда вопрос о дальнейших взаимоотношениях с Россией Тауке-хан поставил на совете биев, большинство высказалось за войну с Россией. Русских послов задержали в Туркестане, как военнопленных. Впрочем, Тауке-хан, повидимому, понимал нецелесообразность этого шага, иначе трудно объяснить удавшийся побег Трошина и Скибина в Бухару, откуда они благополучно вернулись в Россию.

Отношения между Казахским ханством и Россией улучшились на новом этапе борьбы с Джунгарией. После военных неудач 1714 года Казахское ханство оказалось больше, чем прежде, заинтересованным в установлении мира с Россией. В 1715 году между царским правительством и Тауке-ханом начались переговоры об обмене пленными, а через два года, в 1717 году, Тауке-хан и подчиненные ему султаны обратились к царскому правительству с просьбой о военной помощи против Джунгарии. Возник даже вопрос о принятии казахами российского подданства. Петр I немедленно отдал распоряжение сибирскому губернатору помочь казахам в борьбе с Джунгарией. Среди сторонников подданства России источники называют имя султана Абулхаира, будущего казахского хана. Впрочем, из переговоров, которые хан вел с царской администрацией, видно, что Тауке мыслил подданство России не как ограничение внутреннего суверенитета Казахского ханства, а как объединение внешней политики обоих государств в отношении общего врага, но теперь не против Бухары, как это было в XVI веке, при хане Тевеккеле, а против Джунгарии. В 1718 году Тауке-хан умер, и переговоры с Россией прервались. Однако Петр I не оставил надежды добиться подданства казахов России.

Во время иранского похода (1723 г.) Петр I задумал послать к казахам новое посольство во главе с переводчиком Коллегии иностранных дел А. И. Тевкелевым. Он приказал Тевкелеву всеми способами добиваться, чтобы казахи изъявили согласие стать российскими подданными. На худой конец царь

согласен был примириться даже с номинальным подданством казахов: «И буде оная орда в точное подданство не пожелает, то стараться, несмотря на великие издержки, хотя бы до мелиона издержать, но токмо, чтобы только одним листом под протекцию Российской империи быть обязать». Однако осуществить планы утверждения власти над Казахстаном Петру не удалось.

Неудачной оказалась и попытка вооруженного проникновения в Среднюю Азию. В 1714 году из Астрахани в Хиву был послан отряд князя Бековича-Черкасского. Этот поход закончился гибелью всего отряда. Более успешным было продвижение по Иртышу. В том же 1714 году к Ямышевскому озеру была отправлена вооруженная экспедиция под руководством пленного шведского офицера Бухгольца. Построив там крепость, экспедиция под давлением джунгар вынуждена была отступить. Крепость джунгары разрушили. В 1716 году была заложена крепость Омск в устье реки Оми. В следующем году началось строительство крепостей Ямышевской и Железинской, а в 1720 году — Семипалатинской. Тогда же был основан Усть-Каменогорск. Все эти крепости послужили началом так называемой Иртышской военно-пограничной линии, ставшей потом опорной базой для постепенного продвижения царских войск в Казахстан.

§ 16. ЗАКОНЫ ТАУКЕ-ХАНА.

Необходимость изменений в области права казахов.

Во внутренней политике хан Тауке сделал попытку разрешить ряд крупных общественных и политических вопросов в жизни казахских жузов. Для этого понадобились изменения в области обычного права. По мере того, как развивались частная собственность и феодальные отношения, обычное право казахов, сложившееся задолго до Тауке, стало отставать от потребностей казахского общества. Это обычное право знало, например, только родовые тамги для охраны родовой собственности на скот. Между тем уже господствовала частная собственность отдельных семейств, и ее также нужно было защищать. Не были закреплены права отдельных общин на районы кочевий. Отсюда возникали постоянные столкновения между родами, что тяжело отражалось на скотоводческом хозяйстве и ослабляло внутреннюю устойчивость государства. По мере роста силы и влияния феодальной знати, ее переставали удовлетворять приношения в пользу биев, султанов и ханов, предусмотренные обычным правом. Для укрепления государственной власти нужно было усилить роль государства в суде.

Между тем обычное право давало спорящим сторонам возможность выбирать себе в судьи любого человека, без всякого вмешательства государственной власти. Устаревшее обычное право, наконец, не определяло прав и обязанностей различных групп растущей знати, которая добивалась участия в управлении государством.

Тауке-хан видел это несоответствие обычного права с новыми условиями жизни. Он решил обновить устаревшие нормы обычного права и узаконить такие нормы, которые отвечали бы новым условиям. Совместно с несколькими крупными биями — Тюле-бием, Казбек-бием и другими Тауке-хан составил свод обычного права, называемый «Жеты жаргы». Этот свод не был простой кодификацией обычного права казахов, а представлял попытку его переработки в сторону приспособления предписаний адата к потребностям новой, феодальной экономики. Это проявилось в ряде положений «Жеты жаргы». Характерно также, что при создании «Жеты жаргы» Тауке заимствует и вводит в нее ряд правил из шариата, являвшегося мусульманским феодальным правом.

Свод законов Тауке.

Свод законов Тауке в целом до нас не дошел. Сохранились лишь явно неполные записи законов Тауке, сделанные в начале XIX века царскими чиновниками со слов казахских биев. Вспомогательным источником для ознакомления с законами Тауке могут служить также народные предания, пословицы и поговорки казахского народа, в форму которых часто облекались нормы обычного права. Восстановить точный и полный текст законов Тауке в настоящее время не представляется возможным. Однако и имеющихся материалов достаточно для того, чтобы ясно представить себе основное содержание законов Тауке.

Тауке стремился, прежде всего, к укреплению государственной власти. Это укрепление он представлял себе в форме ограничения произвола отдельных феодалов путем усиления роли их общего органа — ежегодных собраний. В этих целях Тауке, как и задолго до него Чингиз-хан, постановил, чтобы все султаны и бии собирались каждую осень в степи для решения государственных дел, куда приезжал и сам хан. Осенние собрания происходили в горном районе, близ Сайрама и Ташкента. На собраниях обсуждались наиболее серьезные межродовые споры, решались вопросы о войне. Никто не мог отменить принятых постановлений до нового съезда. Одновременно эти собрания являлись военными смотрами. Тауке-хан требовал, чтобы на съезд все приезжали вооруженными. Нарушители лишались права голоса и уступали младшим свои места, прнадлежавшие им по старшинству рода.

Постоянным органом представительства знати при хане был совет биев. Такие советы собирались и до Тауке. С конца XVII века исторические памятники начинают говорить о совете биев как о постоянно действующем учреждении, которое занималось законодательной и судебной деятельностью. Образование такого совета соответствовало росту государственной власти и превращению родовых учреждений в органы феодального государственного аппарата.

Совет биев ограничивал власть хана, вынуждая его считаться с волей знати. Вместе с тем этот совет обеспечивал хану поддержку знати во всех решениях, принятых с согласия биев. Поэтому без согласия совета хан не принимал никаких важных решений.

В законах Тауке подчеркивается, что судить должен либо сам хан, либо бии тех общин, к которым принадлежали истец и ответчик. Сосредоточение судебной власти в руках биев усиливало их роль в общине и власть над населением. От прежнего порядка свободного выбора сторонами судьи-посредника оставалась только обязанность судьи привлекать к разбирательству еще и избранных сторонами двух посредников.

Взяв в свои руки осуществление суда, хан и бии не довольствовались уже теми добровольными приношениями, которые ранее получал за посредничество свободно избираемый сторонами бий-посредник. Законы Тауке устанавливали обязательный и очень высокий размер бийлика (судебной пошлины) — 10 процентов суммы иска.

Наряду с увеличением бийлика Тауке ввел постоянный ежегодный налог в размере $^1/_{20}$ части всего имущества в пользу хана и биев.

Тауке стремился ограничить и устранить самоуправство потерпевших, в частности, принцип кровной мести: убийство — за убийство и увечье — за увечье. Законы Тауке еще провозглашают кровную месть главным принципом всей правовой системы казахов. Но, наряду с этим, предоставляется право судьям и родственникам, не желающим мстить, заменять смертную казнь за убийство уплатой «куна», т. е. имущественного вознаграждения. Размер куна зависел от социального положения убитого. Уплатой куна можно было заменить смертную казнь за изнасилование или увоз чужой жены без ее согласия.

Но государственная власть при Тауке не была достаточно сильной для того, чтобы обеспечить принудительное осуществление судебных решений. Поэтому законы Тауке допускали самопомощь сторон. Например, если виновный и его сородичи (которые всегда несли коллективную ответственность) отказы-

вались выполнить постановление суда, не возвращали похищенного имущества или не платили куна, то потерпевший, один или при содействии своих сородичей, имел право захватить скот ответчика и его родственников. Такое узаконенное насилие называлось «барымта» и не считалось воровством. Но этот способ был доступен, главным образом, богачам, которые пользовались поддержкой многочисленных родственников и зависимых людей; бедноте барымта была не по силам. Бедняки лишь убеждались, что «с богатым нельзя ссориться, с деревом — бороться».

Общественное неравенство получило защиту и в ряде других постановлений законов Тауке. Закон давал хозяину неограниченное право жизни и смерти над рабом. Жизнь раба охранялась законом лишь постольку, поскольку смерть раба наносила имущественный ущерб его господину. Но и в этом случае жизнь раба оценивалась дешево, приравниваясь к стоимости беркута или охотничьей собаки. За убийство же султана или ходжи кун взыскивался в семь раз больший, чем за убийство рядового свободного казаха.

Закрепляя общественное неравенство, типичное для патриархально-феодального строя, законы Тауке неоднократно подчеркивают неполноправность казахской женщины. Жизнь женщины оценивалась в 500 баранов, в то время как жизнь свободного мужчины оценивалась в 1000 баранов. В некоторых отношениях закон даже приравнивал женщину к рабыне, устанавливая, что женщины, подобно работникам, слугам и рабам, не допускаются к свидетельству в суде.

Такое положение женщины совершенно понятно, поскольку законы Тауке стремились укрепить господствующую форму патриархальной семьи. Они стояли на страже прав и интересов главы семьи, мужа и отца, неограниченно господствующего над женами и детьми. Смерть ждет жену, уличенную в нарушении супружеской верности. Если жена уйдет от мужа, то «похититель» ее должен уплатить мужу калым и, сверх того, доставить ему еще девицу без калыма. Тяжкое и позорное наказание ждет сына, оскорбившего отца. Его сажают на черную корову лицом к хвосту, навязывают на шею черный войлок и нещадно бьют плетьми. Родители не наказываются даже за убийство своих детей, и какое бы преступление ни совершил глава семьи, жена и дети не должны доносить на него, потому что «на старших в семействе не дозволено доносить».

В основе всей этой системы классовых привилегий и патриархально-феодального семейного деспотизма лежала частная собственность патриархальной семьи, все углублявшееся имущественное неравенство, на почве которого сложилась ка-

захская феодальная знать. Основной интерес этой знати, в том числе родовых биев, заключался в защите частной семейной собственности на скот. Регулирование споров о скоте составляло один из самых важных разделов законодательства Тауке. Предание приписывает ему замену общеродовой тамги семейной тамгой для того, чтобы отличить скот, принадлежащий отдельным семьям. Он установил порядок взыскания как приблудного скота, так и скота, захваченного путем барымты.

Используя старинное право степных владык, право распоряжения пастбищами, Тауке, по преданию, распределил районы кочевий между родами, чтобы устранить межродовые споры. Таким образом, хан закрепил за собой и казахской феодальной знатью типичное для феодальной собственности верховное право распоряжения решающим условием производства.

Вся эта система патриархально-феодальных отношений поддерживалась в законах Тауке репрессиями, угрожавшими всякому нарушителю прав собственника. Защита собственности имела в виду, главным образом, защиту частной семейной собственности на скот, как основу богатства казахской знати. Законы Тауке требовали от вора возврата украденного в 27-кратном размере («трижды девять раз»). Если же был украден скот, то виновный должен был придать сверх того к верблюдам — пленника, к лошадям — верблюда, к барану — одну лошадь.

Таково основное содержание законов Тауке. Главное в них — это защита интересов казахской феодальной знати, защита ее жизни, собственности и политического господства. Вместе с тем, подтверждая древнее обычное право казахов, законы Тауке укрепляли господствующую роль феодально-родовой знати. Но они вносили также в жизнь казахского общества некоторые элементы законности, ослабляли тяжесть непрерывных междоусобий, усиливали элементы правопорядка и поэтому имели прогрессивное значение.

ГЛАВА VIII.

КУЛЬТУРА КАЗАХОВ В XVI—XVII ВЕКАХ.

§ 17. ВЕРОВАНИЯ И НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАЗАХОВ.

Верования.

К XVII веку в казахском обществе сложились патриархально-феодальные общественные отношения. Патриархально-родовые пережитки маскировали сущность феодальной эксплоатации в сознании зависимого от феодалов населения. Все это сказывалось и на характере народного миросозерцания, и на народной поэзии, и на других видах народного искусства. Двоеверие, т. е. соединение идей и представлений религий феодального общества и общества родового — ислама и шаманства — отличительное свойство народного мировоззрения в ту пору.

Близко наблюдавший жизнь казахов узбекский вельможа Рузбехан писал в начале XVI века о верованиях казахов: «Сами казахи со своими ханами и султанами считают себя верующими — читают коран, отправляют богослужения, отдают своих детей в школу, постятся». Но правоверный мусульманин Рузбехан видел у казахов и многочисленные отступления от ислама. «Известно, — писал он, — что среди казахов все еще держатся некоторые признаки неверия, например, сохраняются идолопоклонческие изображения, которым они поклоняются, что несовместимо с мусульманством. Кроме поклонения идолам, у казахов имеются и другие признаки неверия: они в Бухаре, Самарканде и других мусульманских странах захватывают мусульман в плен и продают их в рабство... При восходе солнца делают ему земной поклон в благодарность за то, что оно выращивает кормовые травы, которыми питаются домашние животные, дающие кумыс».

О том, что казахи не были последовательными мусульманами и что в их среде не было изжито шаманство, писал в XIX веке Чокан Валиханов. В его статье «Следы шаманства у киргиз» мы находим следующую характеристику верований казахов: «Мусульманство среди народа неграмотного, без мулл, не могло укорениться, но оставалось звуком, фразой, под которыми скрывались прежние шаманские понятия...».

Патриархальные шаманистские представления казахов XVI—XVII веков содержали, помимо религии природы, культ предков. Среди казахов были широко распространены идеи родового единения и кровного родства сородичей, персонифицированные в едином предке — родоначальнике и реализуемые в ряде обычаев и обрядов: родовой помощи, родовой и кровной мести и др.

Чем меньше казахи были связаны религиозными установлениями ислама, тем свободнее они могли выражать свои представления и свои чаяния во всех доступных народному творчеству областях: в поэзии, музыке, прикладном искусстве и т. п. В эти области культурной жизни и направлялись в XVI—XVII веках творческие силы казахского народа.

Устное народное творчество.

Патриархально-феодальный уклад, кочевой образ жизни, пережитки родового строя в сознании определили состав и содержание устного народного творчества казахов к XVII веку. Особое развитие и распространение в тот период получили трудовые скотоводческие песни. Они выражали отношение казаха к источнику его существования, к домашним животным, ко многим видам трудовых процессов, связанных с хозяйством кочевника-скотовода. Эти песни закрепляли многовековый трудовой опыт казахского народа. Такова, например, песня о верблюде, роль которого в кочевом быте была очень велика. В ней показывается неприхотливость, выносливость верблюда, его роль в перекочевках аула.

Лебеда степная, колючие травы
Не тревожат язык его шершавый.
И несет мурундук[1] он величаво.
Скажешь «шок!» — он тебе ответит: «уч!»
На колени поставь, кибитку навьючь!

Также и в песне о козе мы находим многогранное отражение кочевого образа жизни и сложившихся в его условиях экономических, социальных, эпических и бытовых понятий. В песне о козе отражаются заботы о сбережении стад, о сохранении молодняка, отражается и священный народный обычай гостеприимства. Песня описывает красоту животного и его повадки.

[1] Палочка, продетая в ноздри верблюда.

Со скалы на скалу, стройная,
Забавляясь, скачет она,
Капризничает и резвится.
А дождик пойдет иль снег,
Хозяин кричит ей: «Шек!»
Она же и в ус не дует.

В песнях «Коровушка», «Лошадь» и других домашнее животное выступает как друг, помощник и спутник казаха-кочевника; эти песни отражают еще с детства формирующуюся у казахов любовь и привязанность к животным.

Наряду с этим песни показывают врагов скотовода — хищных зверей. Песня «Что думает волк, посматривая на стадо» содержит меткую характеристику хищника, выслеживающего жертву, и наставление пастухам, чтобы они не дремали, не зевали, а берегли бы скот.

«Конь — крыло мужчины», «земля — мать, скот—ее сын» «где тучна земля, там тучен и скот»—в этих и подобных им многочисленных пословицах и поговорках казахского народа в афористической форме заключена практическая мудрость кочевника, его мировоззрение, раскрывающееся и во всех других формах творчества, в том числе в трудовых песнях.

Обрядовая поэзия.

В связи с большой зависимостью казаха-кочевника от природы, в связи с патриархально-родовыми пережитками (кровная месть, родовая помощь, аменгерство, поминки) в быту казахского народа того времени сохранилась целая система обрядов и обычаев, сложившихся в обстановке патриархально-родовых отношений.

Каждое значительное событие в жизни человека, семьи, рода сопровождалось у казахов обрядом и песнью. Пение обрядовых песен сопровождало рождение ребенка, свадьбу, замирение после ссоры (битим), похороны, поминки (асы) и т. п.

Абай Кунанбаев следующими стихами определил значение песни в жизни казахов.

Двери мира тебе открывает — песня.
Двери смерти тебе открывает — песня.
Внимай ей, казах, постигай ее мудрость.
Всей жизни твоей сопутствует песня.

Особо разработанными в народном казахском творчестве являются свадебные, похоронные и поминальные песни. Свадебные песни — «жар-жар» (друг-супруг, диалог девушки с джигитом), «сынсу», или «кыз танысу» (прощание невесты с родными) и «бет ашар» (наставительная песня, обращенная к молодой при ее приезде в дом мужа). Кроме темы брака, песни разрабатывают тему положения женщины в патриархальной семье. Обычай калыма, многоженства, неравные браки,

сватовство против воли вступающих в брак, аменгерство — все это превращало брак в трагедию казахской женщины, жизнь которой в замужестве была тягостна и горестна.

В песне «жар-жар» невесте внушалось, что отныне супруг ей заменит и родные места, и подруг, и семью, что всем своим существом, мыслями, чувствами она принадлежит супругу.

Веселой и бодрой песне джигитов отвечал грустный хор девушек, оплакивавших утрату вольной юности, разлуку с родным домом, а самое главное — печальную участь в замужестве против воли.

В ту пору у казахов допускался брак только между людьми, не имевшими кровного родства до седьмого колена. Поэтому редко случалось, чтобы девушка выходила замуж за известного ей человека из близких аулов. Напротив, всегда предпочитались браки с представителями дальних родов. Выезд девушки из родного дома в семью жениха означал для нее выезд на чужбину, к совершенно чужим людям. Эти переживания невесты, часто отягощенные сознанием, что она выходит замуж против воли, давали повод к возникновению самых искренних и волнующих плачей невесты «сынсу», «кыз танысу», в которых она прощается с родными и родным аулом.

Будто в грудь ты мне выстрелил, милый отец!
За табун меня продал ты, милый отец!
В юрте стало просторнее, милый отец!
В ней местечка мне нет уже, милый отец!

Традиция исполнения «сынсу» требовала, чтобы девушка в сопровождении всех подруг посещала с прощальной песней каждую родную юрту своего и ближних аулов. Это последнее посещение родственников превращалось в шествие всех женщин соседних аулов.

Когда молодая приезжала в аул своего мужа, ее встречали песней «бет ашар» (раскрытие лица). «Бет ашар» пел кто-нибудь из родственников мужа, молодая женщина должна была слушать и запоминать наставления. В песне содержался неписанный устав феодально-патриархальной семьи. Особенно подробно перечислялись обязанности молодой женщины по отношению к родителям мужа. Песня также поучала ее, как вести себя со старшими и младшими сородичами мужа и с гостями.

Ты при ранних, невестушка, вставай лучах,
Не торчи, невестушка, у всех на глазах,
Коль к кибитке скот подойдет впотьмах,
Палки не ломай на его боках.
Языком, невестушка, не болтай.
Даром сплетен, невестушка, не пускай.

Стариков, невестушка, уважай
И дорогу, невестушка, им давай.

Обычно длинная наставительная песня эта требовала от женщины молчаливой покорности во всем. Она ярко выражала бесправие, обусловленное обычным патриархально-феодальным укладом.

С обрядами, сопровождавшими смерть и погребение, связывались песни «естирту» (известие о смерти), «костасу» (песня прощания), «жоктау» (плач по умершему).

Основная тема «естирту» — тема смерти, утрата члена рода, в тех условиях естественно принимавшая общественный характер. Родичи песней сообщали близким о безвременной смерти или павшего в бою, или погибшего на охоте, или умершего при перекочевках вдали от них сородича.

Песня осторожно подходила к трагическому известию рядом параллельных примеров, где говорилось о скоротечности всякого земного существования. Материалом для поэтических образов служили явления природы, животного мира, исторические события, затем следовало само печальное известие, а последняя, заключительная часть песни переходила в «конгил айту» — в песню утешения.

Умирая, отец или мать складывали «костасу» — трогательную песню прощания с детьми, поэтическое завещание. Часто в этих же песнях умирающие прощались с друзьями, любимым конем, охотничьей птицей.

Другая распространенная тема «костасу» — это тема прощания с родными землями. Эти песни слагались людьми из беднейших и малочисленных родов, выселяемых из родных земель насилием крупных феодалов, родовых старейшин, а позднее — в связи с колонизационной политикой царских властей. Песни прощания слагались также гонимыми одиночками-протестантами, отважными и одаренными народными борцами против властей и баев. В дни насильственного выселения целого аула с насиженных мест песня возникала в устах акына или порой складывалась джигитами и девушками пострадавшего рода или племени.

В «жоктау» оплакивали покойников. С глубокой древности у казахов сохранился обычай оплакивать покойника в течение целого года, вплоть до годового «аса». Жена, сестра или мать умершего должны были дважды в день, при восходе и заходе солнца, вспоминать умершего песней-плачем. Содержание этой песни состояло в воспевании достоинства умершего, в излиянии семейного горя и тяжести утраты. И в этой бытовой песне обычное право обязывало женщину соблюдать тягостный траур, приучало ее к мысли о неизбежности стать

второй или третьей женой наследующего ее вместе со всем имуществом умершего родственника.

Во время асов (поминок), совершавшихся в годовщину смерти, собирались все родичи и люди соседних родов, а иногда и отдаленных жузов. Тогда общественная значимость плача возрастала и потому он исполнялся родовым акыном.

Сказки.

Сказочный репертуар казахов богато и разнообразно отражает самые различные стороны жизни казахского народа, преображенные народной фантазией в ту идеальную жизнь, о которой мечтали феодально зависимые слои населения.

Разнообразие показываемой в сказках жизни обусловило и различие сказочных жанров — сказки о животных, фантастические, бытовые, сатирические сказки.

Решающее в быту казахов значение приручeнных животных определило обилие и разнообразие содержания сказок о животных. Герои этих сказок: верблюд, осел и другие домашние животные — помощники человека, его друзья; лиса, волк, тигр — враги человека. Как в сказках многих других народов, в том числе и русских, лиса неизменно выводится лукавой, медведь — увальнем, волк — хищником. В сказке «Лиса, медведь и пастух» лиса, убегая от медведя, прячется в норе. Когда медведь, попытавшись проникнуть в нору, застревает в ней, лисица выбегает и глумится над медведем. Только пастуха не смогла лиса перехитрить. В сказке «Храбрый осел» осел сумел напугать тигра: «поднял хвост, взмахнул ушами, раскрыл пошире рот да как затрубит во все ослиное горло».

Однако не всегда в сказке успех выпадал на долю домашних животных. И они и их хозяева — люди много страдают от хищных зверей. Сказка создала их отталкивающие образы. Волк в ней — пожиратель трупов, могучий и страшный враг стад и человечества. Волк уничтожает новорожденных детей, подстерегает человека даже после его смерти. Волк-оборотень похищает дочерей и жен. Образ этот имеет своим прототипом насильников и угнетателей народных масс.

Фантастические сказки казахов представляют сочетание шаманистских и мусульманских верований и представлений. Тематика этих сказок: стремление разгадать тайны природы («Ер Төстік»), проникнуть за пределы видимого и досягаемого («Алтын сақа»), стремление найти счастливую землю («Асан қайғы»).

В этом стремлении человек, вступая в борьбу с противодействующими ему силами, встречает чудесных помощников. Таковы «Тулпар», «Дуль-дуль» — быстроногий конь, «шестимесячный путь шестью шагами переходящий». Он воплощает

мечту обитателя степей и безлюдных просторов о преодолении этих пространств подобно тому, как в русских или арабских сказках эта же мечта воплощена, например, в ковре-самолете.

Верный помощник человека — волшебный конь встречается с владельцем необъятных просторов и несметных стад — чудовищем Жалмауз, борется с ним и побеждает.

Герои казахских фантастических сказок обладают умом и высокими моральными качествами; иногда они наделены необычайной силой, необыкновенным слухом и зрением, помогающими им преодолевать препятствия.

В бытовых сказках казахский народ воплотил свои мечты о богатых пастбищах, о горах, покрытых сочной травой. Так, например, в сказке «Жупар Корыгы» рассказывается, как мать большого семейства уводит своих детей от рода, обнищавшего вследствие джута и мора скота. Жупар удается заселить своими детьми благодатную долину и переселить сюда впоследствии всех оставшихся на старом месте сородичей.

Поиски счастливой земли — «жидели байсын», как воплощение народных чаяний, характерны и для сказок-преданий об «Асане-Кайгы», Асане-печальнике, жизнь которого приурочивается ко времени хана Джанибека, к XVI веку.

Опечаленный судьбой своего народа, его нищим и жалким существованием, Асан решил отыскать обетованную землю, где дни беспечальны, где земли тучны, где нет ненависти и вражды, где «жаворонки мирно вьют гнезда на спине овец». Он объездил на быстроногой верблюдице все казахские степи, горы и долины. По одним версиям он не находит такой счастливой страны и гибнет, не осуществив своей мечты.

Имя Асана было очень популярно в казахском народе. Его именем акыны начинали свои песни.

Но образ Асана был использован и акынами, тяготевшими к феодально-родовой знати. Они создали свои, иные версии об Асане, где герой представляется ханским наставником, который печется об упрочении ханской власти.

Эти версии преданий об Асане, явно искажавшие его образ, созданный в народе, — пример вмешательства в устное народное творчество акынов феодально-родовой знати.

В бытовых сказках отражается также горькая доля женщины-казашки, обреченной жить с немилым; козни мачехи, второй или третьей жены.

Примером казахских сатирических сказок являются сказки об Алдар Косе и Жиренше-шешене. Обычно сатирические сказки казахов жестоко высмеивают жадного бая, алчного купца, хана-самодура и т. п. Алдар Косе, безбородый насмеш-

ник, остроумный и находчивый, выступает в сказке как носитель народного юмора, направленного против эксплоататоров.

Жиренше-шешен, или Жиренше-острослов, дал обет жениться только на девушке, которая превзойдет его в красноречии и остроумии. Такой оказалась красавица Карашаш, и они поженились. Злой хан пожелал отнять Карашаш у Жиренше. Он дает Жиренше труднейшие поручения, грозящие смертью. Благодаря своему уму и находчивости, а также помощи Карашаш Жиренше побеждает.

Ханский двор в сказках о Жиренше представлен коварным и враждебным по отношению к одаренным людям из народа.

Образ Жиренше настолько популярен в народе, что само имя Жиренше стало нарицательным обозначением людей, владеющих даром красноречия и остроумия.

Героический эпос.

До XVI века казахский эпос не был однородным. Возникновение различных циклов казахского эпоса относится к разным историческим периодам, но циклы, существовавшие до XVI века, были переработаны под влиянием войн казахов с калмыками в XVI—XVII веках. Ряд эпических сказаний и песен того времени восходит к ногайлинскому эпосу XV—XVI веков.

Характерной особенностью казахских былин является отражение в них жизненно правдивых фактов и явлений наряду с обычными для эпоса элементами фантастики и героизации. Иногда в составе былин лежат подлинные исторические события. Имена былинных героев-богатырей — Кобланды, Таргына, Камбара и Саина первоначально были связаны с такими историческими эпохами и событиями, как длительные войны между кыпчаками и иранцами (былина о Кобланды), как распад Казанского ханства и усобицы в Крымском ханстве (былина о Таргыне), как совместные выступления и набеги смежных родов—кыпчаков и ногайцев (былина о Саине), казахов и узбеков (былина о Камбаре) и т. д. Герои этих былин не именовались «казахами», былины называют их выходцами из Ногайлы.

В былинах о батырах (богатырях) общественные мотивы и поступки преобладают над личными. В образе батыра певец воплощал мощь родового коллектива. Батыры казахского народа в эпических песнях чаще отражали нападения завоевателей, реже сами шли войной на враждебные племена (в позднейших вариантах — почти всегда на калмыков). Таковы Кобланды, Ер-Таргын и другие.

Одной из самых крупных былин казахского героического

эпоса является былина о Кобланды-батыре, достигающая в некоторых вариантах десяти тысяч строк.

В былине рассказывается о походе Кобланды против хана Қазана. Большое значение былина придает личному окружению и обстановке жизни батыра: родне, друзьям, вооружению его. В полных вариантах былины «Кобланды», как и вообще в казахских былинах, вступительные главы посвящены многострадальной участи престарелых родителей героя. Сын их появляется на свет при сказочных обстоятельствах. Следующим за рождением героя обязательным этапом жизни его является женитьба — как бы последняя ступень к его физической зрелости и одновременно первое серьезное испытание богатырских качеств будущего героя через героическое сватовство. Любимая девушка достается будущему батыру нелегко, ценой тяжелой, длительной борьбы. Завоеванная батыром жена как бы дополняет личный образ героя: если у батыра, по молодости лет, мало ума, то жена его является воплощением разума; если у батыра недостаточно развито чувство чести и достоинства, жена входит в поэму как воплощение чести.

Такую же огромную роль в судьбе героя играют его друзья, в особености конь — ближайший друг и помощник батыра. Клички богатырских коней столь же широко известны в народе, как имена самих героев: Тайбурыл (чалый жеребенок) — у Кобланды, Тарлан (Сивка) — у Таргына (Тарлан-ат). Конь Кобланды — спутник его походов, вещий его помощник, с помощью которого Кобланды бежит из плена, одерживает победу над ханом Кобикты и калмыками и освобождает томящихся в калмыцком рабстве родителей и жену Куртку. Когда Кобланды взял город калмыцкого хана Алчагира, его сородичи, пленные кыпчаки, «не веря свободе, от восторга ревя, как скот, из открытых настежь ворот повалили»; захватив добычу, «из калмыцкой чужой земли во свояси с честью ушли... Кобланды же следил за тем, чтобы вдоволь досталось всем до последнего бедняка». Таким образом, основной темой былины о Кобланды является борьба с калмыками.

Часто к этой теме присоединяется тема социального антагонизма между героем, воплощающим народ, и ханами с их окружением. Былина Ер-Таргын, например, всем своим содержанием направлена на изобличение вероломства ханского двора по отношению к батыру, который своими подвигами спас страну от калмыцких набегов.

Наряду с переработкой старого эпического наследства под влиянием войн с калмыками создаются новые эпические произведения, из них наиболее распространена былина «Енсе-

гей Бойлы Ер-Есим». Герой ее, Ер-Есим, отражает нападения ташкентского хана Катагана, отбивает плененную ханом свою семью, но главное: во главе многочисленного казахского войска идет походом на Алтай, против калмыков, и неоднократно разбивает их.

Лирические поэмы.

В лирических поэмах основной темой является тема любви, страданий и борьбы за свое счастье двух молодых людей, встречающих препятствия, создаваемые патриархальным укладом.

Самая популярная лирическая бытовая поэма «Козы Корпеш и Баян Слу» воспевает необыкновенную любовь Козы Корпеш и его невесты — Баян Слу. Еще до появления на свет любимой пары их, по обычаю, соединила воля родителей. Как всякая лирическая поэма, в основе своей романтическая и психологическая, данная поэма черпает романтику и мотивировку психологии и поступков героев из быта и обычного права феодально-родового общества. Отец Баян — Карабай и отец Корпеша — Сарыбай подружились на охоте и поклялись сочетать ожидаемых детей браком. Сарыбай внезапно умирает, и отец Баян, видя в смерти Сарыбая плохое предзнаменование и не желая отдавать дочь сироте, откочевывает в далекие края. Его приемные дочери, прощаясь в своей «костасу» с родными местами и с новорожденным Козы Корпешем, клянутся вырастить Баян в любви к суженому. Проходят годы. Красавица Баян не забывает своего жениха и ждет его приезда. Но воля жадного, безмерно скупого отца уже определила судьбу Баян. Карабай обещал ее в жены силачу Кодару, спасшему в пустыне его громадные табуны от падежа.

Баян, ни разу не видевшая Козы Корпеша, но заочно полюбившая его, живет в непрерывном ожидании встречи с женихом. Любви Баян, страданиям и приключениям Козы Корпеша, ищущего свою невесту, посвящены лучшие строфы поэмы.

Когда влюбленные, наконец, нашли друг друга, Карабай и Кодар вероломно убивают Козы Корпеша. Баян не выносит этого, убивает Кодара и на могиле Козы Корпеша закалывает себя кинжалом.

Злоба людей по сюжету поэмы преследует влюбленных и за гробом: сторонники Кодара разделили их могилы могилой Кодара, и между цветами на могилах Козы Корпеш и Баян появился терновник, выросший на могиле Кодара.

Поэма воспевает трагическую участь молодежи при господстве патриархальных обычаев и непререкаемой власти родителей; поэма утверждает любовь как независимое, свободное чувство, как право человека на борьбу за личное счастье.

Широко популярной лирической народной поэмой является и «Қыз-Жибек» (шелковая девушка). Это — поэма об идеальной девушке-невесте. Поэма начинается рассказом о длительных поисках джигитом Толегеном достойной себе невесты. Он находит ее в лице необыкновенной красавицы Қыз-Жибек, отвергшей до него множество женихов. Для приготовлений к свадьбе Толеген возвращается на родину. Здесь в течение года его удерживает отец, не соглашающийся на этот брак. Все это время джигит Бекежан преследует Жибек своей любовью. Отвергнутый ею, он предательски убивает в безлюдной степи спешащего к невесте Толегена. Гуси, свидетели убийства, извещают об этом Жибек, и братья Жибек, по ее требованию, убивают Бекежана.

Жибек, потеряв любимого жениха, сохраняет верность его памяти и переносит всю силу своей любви к Толегену на младшего брата его Сансызбая, который, по обычаю, должен унаследовать ее. Теперь ее любовь подвергается еще большим испытаниям. Калмыкский хан осаждает аул Жибек и вынуждает ее родителей отдать красавицу ему. Жибек всеми способами оттягивает срок свадьбы, поджидая приезда Сансызбая. Наконец, Сансызбай с ее помощью убивает хана, и Жибек соединяется с Сансызбаем, победив все препятствия своей идеальной верностью.

В поэме в романтических тонах оправдывается древний обычай левирата, по которому жена или невеста умершего переходила по наследству к его ближайшему родственнику. Идеализируя этот обычай, унижавший человеческое достоинство женщины, поэма замалчивает такие его стороны, как насилие над волей вдовы, лишение ее свободы выбора мужа.

В этой идеализации тягостного для казахской женщины обычая сказалась классово-ограниченная идеология авторов поэмы, акынов, сторонников феодально-родовых, косных устоев древнего быта. Узаконенные родовыми старейшинами законы внедрялись в сознание молодых людей — героев поэмы, как их непреложная судьба, требующая беспрекословной покорности.

§ 18. МУЗЫКАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО И ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО КАЗАХОВ.

Музыка и ее роль у казахов.

Казахское устное народное творчество тесно связано с музыкой. Музыкальное искусство с древних времен было весьма развито среди казахов. Не только обрядовые и бытовые песни, но и большие эпические поэмы исполнялись в сопровождении домбры. Роль музыки в казахском фольклоре особо

подчеркивается так называемыми «кюйями» — музыкальными легендами.

Обычно, перед исполнением кюйя на домбре, сыбызге или кобызе, кюйши (композитор и домбрист-исполнитель) передавал в краткой новелле содержание данного кюйя, заканчивая ее традиционной фразой: «А теперь слушайте, как расскажет об этом домбра». В древней кюй-легенде о жаворонке, защищающем своих птенцов от нападения змеи, музыкальная пьеса в звуках домбры передает страх и отчаяние жаворонка, писк птенцов, шипение змеи, трепет крыльев птицы-матери и ее предсмертный крик, когда она самоотверженно бросается в пасть змеи, чтобы спасти детей.

В кюйях сочетаются все характерные формы казахского фольклора. Особое значение этой формы заключается в том, что благодаря запоминающейся музыке до нас дошли связанные с ней поэтические сказания. Кюйи сохранили до наших дней замечательные образы древности и имена создавших их авторов.

Счастливое сочетание в одном лице качеств мастера музыки и мастера слова наблюдается на всем историческом пути казахского искусства.

Прикладное искусство.

Прикладное искусство казахов связано больше всего со скотоводческим бытом. Основным материалом, который подвергался художественной обработке, являлась шерсть. Из шерсти делали художественные орнаментированные кошмы, ковры, бау, т. е. длинные узкие полосы, которыми стягивался деревянный остов юрты, занавески, которыми закрывали вход в юрту, и т. п.

Наиболее простой способ изготовления художественной кошмы заключался в следующем. По сырой полуготовой кошме выкладывали из окрашенной шерсти нужный орнамент и затем заканчивали валяние. При этом рисунок получался грубым, с неровными контурами. Такие кошмы назывались «текемет». Другой способ — апликация. Из разноцветных материй вырезали рисунок и затем нашивали его на кошму. Такие изделия назывались «тускийыз». Наконец, художественно орнаментированная кошма получалась путем инкрустации. В этом случае кусочки кошмы, окрашенные в различные цвета, сшивались вместе. Полученный орнамент обычно нашивался на тонкую одноцветную кошму. Такие инкрустации назывались «сырмак». Иногда контуры рисунка прошивались тонкой тесьмой.

Помимо кошменных изделий, казахи производили тканые ковры. Нити употреблялись большей частью шерстяные. Только в восточных районах Казахстана, под влиянием Китая и

Средней Азии, применяли шелковую и хлопчатобумажную пряжу. Широко была распространена вышивка. Вышивались не только материи, но и кошмы и кожи.

Казахский орнамент уходит своим происхождением в глубокую древность. Многие мотивы орнамента имели магический характер: орнаментированные изделия служили талисманом. К таким орнаментам относятся восьмигранные розетки, разделенные пересекающимися линиями на четыре сектора. В каждом секторе помещалось изображение (в контурах) какого-либо животного. Человек верил, что обладание таким изображением дает ему власть над изображаемым живым существом. Иногда рисунок воспроизводил парные рога, лапу беркута и т. д.

Мотивы казахского орнамента весьма разнообразны. Геометрический орнамент выполнялся в виде треугольника или четырехугольника, в трех, четырех и больше цветах. Широко был распространен орнамент в форме растений или их плодов, например, «жапрак куль» (в форме листьев), «бюльдирген» (в форме ягод земляники) и т. д. Иногда орнамент отражал космогонические представления человека. К этой категории относились орнаменты «жульдыз куль» (в форме звезды), «ай мюйыз» (лунообразный рог) и другие. Наиболее распространенным являлся орнамент, отражавший скотоводческий характер хозяйства казахов. Такими орнаментами были «бори кулак» (уши волка), «ус тумсык» (клюв птицы) и «кошкар мюйыз» (бараний рог).

По своему содержанию казахский орнамент глубоко самобытен. Он порожден хозяйственным бытом кочевых племен, их верованиями (рисунки-талисманы). Самобытность же не исключала и культурных заимствований. Например, в растительном орнаменте сказывалось влияние иранского искусства.

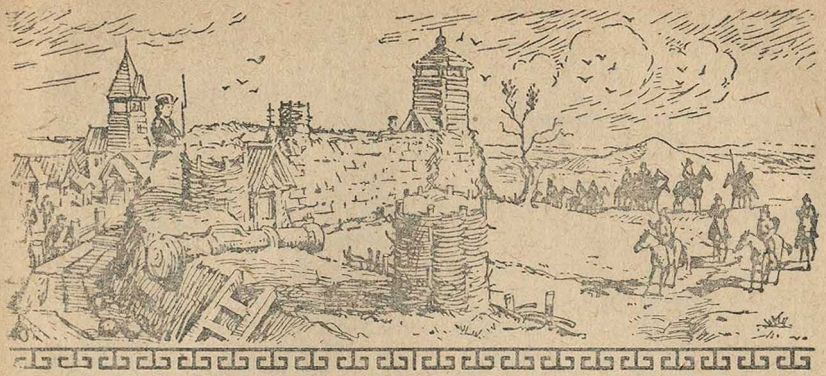
Производство кошменных и вообще шерстяных изделий находилось в руках женщин. Но орнамент применялся и в мужских профессиях — при обработке металла, резьбе по дереву и камню, в ювелирном производстве. Художественная работа по камню применялась на могильных памятниках. Памятники делались из белого известняка в виде высокого, до двух метров каменного столба. Стороны столба покрывались резьбой. Рисунок был плоским и имел многообразное содержание. Резьба по камню обычно раскрашивалась. Резьба по дереву широко применялась при изготовлении предметов домашнего обихода. Резными делались спинки кроватей, сундуки, подставки для кумыса. Нередко резьбой покрывались деревянные музыкальные инструменты, луки седел; рисунок, как правило, раскрашивался.

Для всех видов изделий применялись розовые, кирпично-

красные, серовато-синие, серо-зеленые, оранжевые и желтые расцветки. Сочетание этих цветов давало исключительно яркий рисунок.

Резные изделия из кости обычно делались ажурными. Рисунок здесь был более простой, чем при резьбе по дереву (сказывалось сопротивление материала резцу). Обычно орнамент составлялся из простейших геометрических фигур: треугольников, кружков, спиралей и т. п. Такие ажурные пластинки набивались на деревянные изделия и придавали им нарядный и красочный вид.

Из металла делались разнообразные предметы: женские украшения — серьги, кольца, браслеты, застежки, нагрудники, а также украшения для сбруи верховой лошади, мужские пояса, наконечники ремней. Орнамент женских украшений обычно носил геометрический характер: составлялся из прямых линий, кружков и т. п. Такие фигуры вырезались из металла и накладывались на поверхность украшаемого предмета. При изготовлении сбруи и различных предметов мужского обихода широко применялась резьба по металлу.



ГЛАВА IX.

ПРИНЯТИЕ КАЗАХАМИ РОССИЙСКОГО ПОДДАНСТВА.

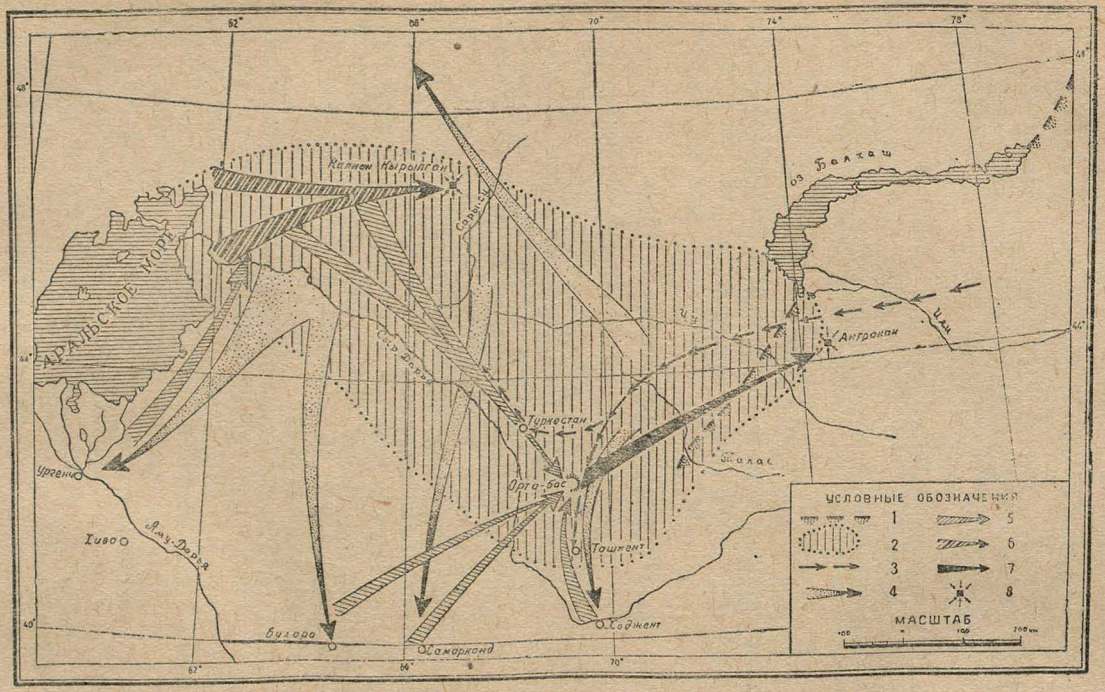
§ 19. ГОДЫ «ВЕЛИКОГО БЕДСТВИЯ».

Захват Семиречья Джунгарией.

Слабость внутренних связей ханства Тауке проявилась вскоре после его смерти. Старшим ханом был признан его сын Каип. Вассалом Каипа признал себя и хан одного из владений Младшего жуза — Абулхаир. Но уже до 1723 года звание старшего хана перешло к Абулхаиру, хотя он и происходил из младшей султанской фамилии, из которой до него не выходило ни одного общеказахского хана. Султаны — потомки Тауке считали себя обойденными и не признали власти нового хана. Не признавали ее и многие бии. Казахское ханство, раздираемое феодальной междоусобной борьбой, распалось на отдельные мелкие владения.

Внутренней слабостью Казахского ханства и его политической раздробленностью воспользовались джунгары. Ранней весной 1723 года они вторглись в казахские кочевья Семиречья и через горы Кара-Тау двинулись в Таласский район. Казахи не ожидали нападения. Они только готовились в это время покинуть зимние пастбища. Джунгары были вооружены значительно лучше казахов. Захваченный джунгарами в плен один шведский офицер, бывший до этого на службе у царского правительства, познакомил джунгар с искусством лить пушки и ядра. Правда, пушки иногда при выстреле разрывались, но все же у джунгар была артиллерия, которой у казахов вовсе не существовало.

Внезапность нападения и лучшее вооружение обеспечили



1 — граница Казахского ханства и Джунгарии; 2 — район джунгарских нападений; 3 — основной удар джунгар в 1723—1725 гг.; 4 — направление бегства казахов; 5 — движение казахских ополчений в 1726 году на соединение; 6 — удар казахов по джунгарам в 1726 году; 7 — наступление казахов в 1728—1729 гг.; 8 — место разгрома джунгар казахами.

джунгарам в первое время крупные победы. Казахи в панике бежали перед джунгарскими войсками, бросая имущество и скот. Не успевших бежать джунгары уничтожали. Поголовно истреблялись целые аулы казахских родов. Лишенные скота и крова, многие семьи погибали от голода. Началась массовая смертность, особенно среди детей.

Уцелевшие общины Старшего жуза вместе с частью общин Среднего жуза откочевали в район Ходжента. Казахи восточных и южных районов Младшего жуза бежали в хивинские пределы и в кочевья каракалпаков, расположенные по среднему и нижнему течению Сыр-Дарьи. Казахам тяжко жилось на чужбине. «Близкие и родные остались позади; тоскуя по ним, лью горькие слезы», — пел в своей песне один из акынов того времени.

Годы джунгарского нашествия вошли в историю казахского народа как годы великого бедствия.

Около 1725 года джунгары захватили города Ташкенг и Туркестан.

Борьба казахов с Джунгарией.

Силы сопротивления джунгарским захватчикам нашлись в самом казахском народе. Руководство борьбой перешло к батырам, которые призвали народ к отражению грозной опасности. Особенно много сделал для организации отпора врагу один из биев Среднего жуза по имени Богенбай. Богенбай-батыр в призывах к народу, вспоминая о потерянных родных землях, о жестокостях джунгар, звал к мести за погибших сородичей. Призыв Богенбая нашел широкий отклик в народе, и к батыру со всех сторон степи стали стекаться джигиты. Другие батыры тоже организовали отряды джигитов. Битва произошла в местности, впоследствии получившей в народе название Калмак-Кырылган («место гибели калмыков») — на берегу реки Буланты (степная речка, несколько западнее среднего течения реки Сары-Су). Битва закончилась полной победой казахов.

Победа у реки Буланты имела большие последствия для казахов. Исчезли паника и страх перед врагом, который прежде казался непобедимым. Народные массы теперь смело шли на борьбу с врагом. Многочисленные отряды джигитов со всех концов степи стягивались под значки батыров. Составилось мощное общенародное ополчение, вождем которого был избран хан Абулхаир.

Борьба была длительной и трудной. Казахи упорно боролись за освобождение своей земли от захватчиков. В 1729 году к югу от озера Балхаш произошла ожесточенная битва, в которой казахи нанесли джунгарам поражение.

Общим предводителем народного ополчения в этой битве был хан Абулхаир. Враждебные ему султаны Абулмамбет и

Барак также участвовали в сражении в качестве военачальников ополчений подчиненных им общин.

Место этой победы над врагом в преданиях народа получило название «Анракай», что значит «место стона и рыданий врага». Калмыки отступили из Семиречья на восток, в пределы Джунгарии. Но они все же сохранили власть над кочевьями Старшего жуза, и опасность нового вторжения джунгарских войск не была окончательно устранена.

§ 20. ПОДЧИНЕНИЕ МЛАДШЕГО ЖУЗА РОССИИ.

Положение в казахских жузах после нашествия джунгар.

Годы «великого бедствия» оставили глубокий след в жизни казахского народа. Хозяйство южных районов было подорвано. Очаги земледельческой культуры Семиречья и Сыр-Дарьи, ожившие после падения монгольского ига, были частично уничтожены; районы и маршруты кочевий — нарушены.

Не менее серьезным фактом был захват джунгарами городов Сайрама, Ташкента, Туркестана. Казахское ханство оказалось отрезанным от городских ремесленных центров и восточных районов.

Существенные изменения произошли к этому времени и в соотношении сил феодальных группировок. Процесс феодализации привел к усилению родовой знати. В героическое время борьбы казахского народа против джунгарских захватчиков особенное значение приобрели предводители народных дружин — батыры, прославившиеся своей храбростью. Многие батыры — предводители дружин, в результате военных удач, быстро богатели и становились во главе родов, наряду с прежними биями — наследственными родоначальниками, постепенно оттесняя их от управления общинами.

В начале XVIII века к числу таких батыров принадлежали Богенбай, Джанибек и Есет. Влияние их в жузах росло. В то же время влияние знати «белой кости» заметно падало.

Объясняется это и тем, что в годы «великого бедствия», в момент, когда еще не была устранена опасность нового вторжения джунгар и завоевания ими Казахстана, между султанами продолжались феодальные распри и соперничество в борьбе за власть. Это обусловливало неустойчивое положение ханской власти, ослабляло Абулхаира как казахского хана.

Абулхаир продолжал считаться старшим ханом, но фактически ему подчинялась лишь часть Младшего жуза. Многие казахские роды не признавали его власти. В Среднем жузе

были свои два хана. В Старшем жузе также был особый хан. Все эти ханы и султаны враждовали друг с другом. Таким образом, феодальная раздробленность заметно возросла. Между тем, внешняя опасность для казахов не была устранена. Нового нападения из Джунгарии можно было ожидать каждодневно. Враг был оттеснен за границы кочевий Младшего и Среднего жузов, но он не был уничтожен.

Такой сложной была внутренняя и внешняя обстановка в казахских жузах к началу 30-х годов XVIII века.

Перед Абулхаиром стояла большая и сложная задача: нужно было найти пути спасения Казахстана от порабощения Джунгарией. Опыт борьбы 20-х годов мог убедить его, что даже объединения всех сил казахского народа недостаточно, чтобы спасти независимость страны. Несмотря на два крупных поражения, нанесенных общеказахским ополчением джунгарам, Старший жуз остался под властью джунгарского хун-тайчжи. Но главное было не в этом. Первые успехи борьбы с врагом, устранившие непосредственную опасность порабощения для Младшего и Среднего жузов, усилили сепаратистские тенденции среди старшин. Общеказахское ополчение распалось. Распалось на отдельные феодальные владения и государственное объединение казахов.

Абулхаир понял, что только в объединении Казахского ханства можно найти силы для спасения страны. Борьба за создание единого ханства и становится для Абулхаира основной целью его политической деятельности. На этом пути стояли большие трудности, главная из которых заключалась в патриархально-родовой организации общества. В этих условиях сломить сепаратизм непокорных султанов, сплотить в одно целое раздробленные родовые владения можно было только при помощи биев.

Абулхаир не стремился изменить патриархально-феодальный характер государственной власти, определившийся еще при хане Тауке, но в то же время он не мог положиться и на старых биев, враждебных ему. Поэтому Абулхаир решил подорвать их влияние и власть усилением политической роли молодых, назначаемых им биев, которые должны были стать послушным орудием в его руках для укрепления ханской власти. Об этом Абулхаир сам говорил впоследствии (в начале 40-х годов) послу царского правительства А. И. Тевкелеву.

Однако для того, чтобы сломить сопротивление султанов и превратить биев в послушное орудие, нужна была сильная власть. И, естественно, Абулхаир пришел к мысли, что для создания крепкой государственной власти ему нужна была поддержка извне. На этот же путь толкала и опасность вторжения джунгар.

Исторические и экономические корни сближения Казахстана с Россией.

Поддержки в борьбе с Джунгарией и в деле укрепления ханской власти Абулхаир решил искать у своего западного соседа — Российской империи. Этот выбор вытекал не только из внешнеполитической обстановки: слабости южных соседей Казахстана — Хивинского и Бухарского ханств, но и из необходимости прекратить набеги на казахские кочевья со стороны башкир и калмыков. Это последнее обстоятельство обеспечивало бы Абулхаиру прочный тыл ь борьбе с Джунгарией.

Сближение Казахстана с Россией имело и более глубокие исторические и экономические корни. Еще со времени хана Тевеккеля среди правящей знати казахов созрела мысль о Русском государстве, как естественном союзнике в борьбе с внешним врагом. Эта мысль окрепла и получила более конкретные формы при хане Тауке. Но тогда вопрос о подданстве ставился только в форме военного союза для борьбы с внешним врагом.

Абулхаир пошел дальше. Он поставил вопрос о протекторате России над Казахстаном. Какими бы личными соображениями ни руководствовался Абулхаир, но мысль о подданстве вызывалась новыми политическими задачами: борьбой с внешним врагом и необходимостью укрепления ханской власти. Эта вторая задача не стояла ни перед Тевеккелем, ни перед Тауке-ханом. Ставя вопрос о протекторате, Абулхаир продолжал исторические традиции сближения с Россией, жившие около двух столетий.

К сближению с Россией побуждали также и экономические причины. Вопрос стоял о кочевьях. Особенно острым был он для аулов Среднего жуза. Земли по Ишиму, Иртышу, а на западе по реке Ори были жизненно необходимы для казахов, а они находились в непосредственной близости от сибирских границ и башкирских владений России. В перспективе стоял и вопрос о расширении кочевий на запад, в сторону Нижнего Урала. Общины Младшего жуза, откочевавшие после событий 20-х годов к низовьям Сыр-Дарьи, встретились здесь с кочевьями каракалпаков. Расширение пастбищных земель на запад представлялось естественным и очень скоро, к началу 50-х годов, сделалось необходимым.

Большую роль в стремлении сблизиться с Россией играл и вопрос о торговле. При чрезвычайно низком уровне промышленного производства казахи нуждались в самых необходимых предметах как металлического, так и текстильного производства. При сближении кочевий с границами империи естественно возникало стремление расширить и торговые связи.

Обращение хана Абулхаира с просьбой о подданстве.

Еще в разгар борьбы с Джунгарией, в 1726 году, Абулхаир сделал попытку обратиться к царскому правительству с просьбой о подданстве. Однако эта просьба хана осталась без ответа, так как для царского правительства было не ясно, от имени кого просит он о подданстве.

В 1730 году состоялось собрание биев Младшего жуза, на котором обсуждался вопрос о борьбе с Джунгарией. Бии поручили Абулхаиру обратиться с письмом к царскому правительству с просьбой о заключении военного союза против Джунгарии. Однако Абулхаир, воспользовавшись посольством, отправил грамоту с просьбой не о военном союзе, а о подданстве России всех трех казахских жузов. Не рассчитывая на поддержку широкого круга биев, Абулхаир сделал это без их ведома.

Но он был не одинок в своих стремлениях встать под протекторат России. Как показали дальнейшие события, среди биев, причем наиболее влиятельных из них, была значительная группа, относившаяся к протекторату России над Казахстаном так же, как и хан. О настроении этих биев хан не мог не знать. Предпринимая решительный и смелый шаг, коренным образом изменявший внешнее положение Казахстана, он несомненно надеялся на поддержку этих представителей родовой знати. Среди них был и герой борьбы 20-х годов с джунгарами батыр Богенбай.

Правительство Анны Иоанновны воспользовалось просьбой хана и решило попытаться подчинить Казахстан своей власти. Оно полагало, что вместе с казахами перейдут в распоряжение Российской империи все караванные пути в Среднюю Азию. Оно рассчитывало также, с переходом казахов в российское подданство, построить на границе с казахской степью крепости по реке Уралу и, опираясь на эти крепости, успешнее подавлять участившиеся восстания в Башкирии. Наконец, царское правительство собиралось «киргиз башкирами, а башкиров киргизами смирять», т. е. содействовать проникновению России на Восток путем натравливания одной народности на другую.

Таким образом, при решении вопроса о принятии Казахстана в подданство империи царское правительство с самого начала руководствовалось своими колониальными интересами. При господстве самодержавного строя иначе и быть не могло.

Для приведения казахов к присяге на подданство царское правительство в 1731 году отправило к Абулхаиру из Петербурга многочисленное посольство. Во главе его был поставлен

переводчик Коллегии иностранных дел, выдвинувшийся еще при Петре I, как дипломат и знаток Востока, А. И. Тевкелев. Посольство везло с собой грамоту императрицы о принятии казахов в подданство Российской империи и богатые подарки для казахской знати.

Тевкелев встретил аулы Абулхаира в районе реки Иргиза. Абулхаир откровенно объяснил Тевкелеву причины, побудившие его просить о подданстве. В образной форме Абулхаир сравнивал положение хана с дикой лошадью, которую и люди бьют и звери ловят. Он заявил, что в лице царского правительства ему нужен «оберегатель», который помог бы ему укрепить ханскую власть. Абулхаир указал также на необходимость этой поддержки для борьбы с Джунгарией и, в частности, он отметил важность прекращения набегов калмыков и башкир для успешного развития борьбы на востоке своих владений. Он далее объяснил, что просить о подданстве от имени всего казахского народа его побудило опасение, что иначе его просьба не будет уважена.

7 октября 1731 года в кибитке хана состоялось первое свидание Тевкелева с биями. Посол сообщил, что императрица Анна Иоанновна «киргиз-кайсацкое войско пожаловала, повелела по прошению вашему в подданство российское принять». Бии в ответ ничего не сказали и отослали Тевкелева в его кибитку. Оставшись одни, они решили Тевкелева убить. Но Тевкелеву тем временем удалось встретиться с батыром Богенбаем и склонить его на свою сторону. Это было очень важно, так как Богенбай пользовался большим влиянием среди биев и народа.

10 октября состоялось второе собрание биев. Большинство собравшихся говорило, что «в подданстве быть не желают» и что они уполномочили хана просить царское правительство лишь о военном союзе. Однако хан, султаны и небольшая, но очень влиятельная группа крупных биев все же принесла на этом собрании присягу на подданство Российской империи.

Позднее, в декабре 1731 года, Тевкелеву, при посредстве Богенбая, удалось склонить к принесению присяги значительное количество враждебных старшин. Несколько раньше, также в декабре 1731 года, присягу на подданство принял и враг Абулхаира султан Батыр, склонившийся к этому под влиянием Богенбая.

Со Старшим жузом Тевкелеву не удалось установить сношений. Впрочем, царское правительство и не настаивало на подданстве Старшего жуза, так как опасалось в этот момент осложнений с Джунгарией.

Таким образом, присягу приняли лишь высшие представи-

тели казахской знати, по преимуществу, Младшего жуза. Это были прежде всего те, кто составлял ядро так называемой «ханской партии», а именно, батырская группа во главе с Богенбаем, которому удалось привести в подданство и ряд биев из рядов противной партии, а также султанов — родственников хана. Тем не менее, этим было положено начало российскому подданству казахов.

Принятие Абулхаиром российского подданства перед лицом опасности нового джунгарского нашествия, грозившего уничтожить слабое Казахское ханство, обнаруживает в нем дальновидного государственного деятеля. Вся его внешняя политика, направленная на сближение с Россией, несомненно имела прогрессивное значение. В своей внешней политике Абулхаир преследовал также и иную цель — при поддержке царского правительства парализовать действия враждебных ему феодальных группировок и укрепить свою ханскую власть.

Борьба феодальной знати в связи с вопросом о подданстве.

После собрания 10 октября часть биев повела борьбу против подданства. Эти бии не выпускали Тевкелева из пределов Казахстана и не раз пытались его убить. Они же угнали большинство лошадей посольства. Некоторые из сопровождавших Тевкелева башкирских старшин были убиты. «Противная партия, — писал Тевкелев, — стала зело умножаться и каждый день набегами своими днем и ночью с великим криком нападать начали и лошадей отгонять».

Временами посольство Тевкелева оказывалось в настоящей осаде. Во время одного из нападений русский посол и его спутники целый день отбивали атаки. В другой раз Тевкелев, выехав на охоту, подвергся нападению значительного отряда. Однако ему удалось спастись бегством. Его ближайший помощник, один из знатных башкирских старшин, был захвачен в плен.

А. И. Тевкелев в «Журнале о комиссии 1731 — 32 гг.», в котором он подробно день за днем описывал события, происходившие в жузе, мог отметить лишь два нападения на него, в которых участвовали рядовые казахи. Но одно из этих нападений было вызвано пленением родственника одного знатного старшины, другое — отказом Тевкелева уплатить кун за убитого во время схватки казаха. Оба нападения, следовательно, были связаны не с вопросом о подданстве, а вытекали из обычаев патриархально-родового быта казахов. Других случаев участия в борьбе рядовых казахов Тевкелев, несмотря на явное желание подчеркнуть трудность своего положения в жузе, указать не мог.

Активными участниками борьбы против подданства были не народные массы, а лишь враждебные Абулхаиру феодально-родовые группировки, которые в междоусобной борьбе решили использовать вопрос о подданстве. Инициатором был султан Батыр, крупный владетель из рода Шекты, кочевавший в районе Сыр-Дарьи, один из самых непримиримых соперников Абулхаира в борьбе за ханскую власть в Младшем жузе. Батыру удалось привлечь на свою сторону часть казахов западных районов Среднего жуза, которые к тому же в этот момент были озлоблены нападением на их аулы башкир. Султан Батыр, выступая против подданства, преследовал только одну цель — свергнуть Абулхаира и захватить власть в свои руки.

Таким образом, борьба вокруг подданства носила характер борьбы двух феодальных группировок за власть, причем вопрос о подданстве использовался как предлог для возбуждения недовольства против хана. Это не было народным движением, направленным против подданства России.

Большая часть народных масс одобрительно относилась к принятию Абулхаиром российского подданства. В это время в памяти народа были еще живы все ужасы «великого бедствия», а Казахстан опять стоял перед опасностью нового джунгарского нашествия. Силы народа были истощены в борьбе с джунгарами, экономика аулов подорвана. Народ видел, что он сам с джунгарами без поддержки сильного союзника справиться не сможет. Кроме того, непрестанные междоусобицы, борьба между феодальными группировками за власть несли с собой также бедствия и разорение и без того истощенному казахскому хозяйству. Народные массы желали прежде всего мира и спокойствия. Они хотели также возвращения тех пастбищ, которые были утеряны под натиском джунгар. Поэтому большая часть народа воспринимала подданство как своеобразный военный союз с Россией, который может им обеспечить эту мирную и спокойную жизнь и возвращение на старые кочевья.

Лишь в отдельных случаях, в силу господства патриархально-родовых пережитков в казахском ауле и феодальной зависимости рядовых общинников от своих богатых сородичей и султанов, отдельные общины выступали вместе с биями и султанами враждебной Абулхаиру группировки, использовавшей вопрос о подданстве для борьбы против него. Это пытались в свою очередь использовать враждебные России калмыцкие владельцы. В частности, один калмыцкий князь дважды посылал в Младший жуз своих агентов, которые пытались воздействовать на массы, чтобы укрепить среди них враждебное отношение к России и к подданству.

Нет сомнения, что деятельность этих калмыцких князей была продиктована интересами Джунгарии. Однако батырам Богенбаю и Есету удалось парализовать их деятельность, и калмыцкие агенты были выгнаны из казахских кочевий.

Несмотря на сопротивление противной партии, Абулхаир с помощью Богенбая и других сочувствовавших ему биев в конце 1732 года отправил в Россию посольство Тевкелева под сильной охраной. Вместе с Тевкелевым Абулхаир направил своих послов ко двору императрицы. В начале 1733 года Тевкелев вместе с казахскими послами прибыл в Уфу. Оттуда он отправился в Петербург.

Первые колониальные мероприятия царизма.

Правительство Анны Иоанновны было удовлетворено результатами посольства Тевкелева. Для закрепления господства над Казахстаном царское правительство в 1734 году отправило экспедицию во главе с секретарем Сената И. К. Кирилловым. В помощь Кириллову был прикомандирован Тевкелев. Перед экспедицией были поставлены широкие задачи. Кириллову поручалось построить город в устье реки Ори. В целях привлечения купечества, новому городу предоставлялись большие привилегии. Здесь предполагалось создать центр торговли со Средней Азией. Граница между казахскими владениями и Российской империей устанавливалась по реке Уралу. Укрепившись в новом городе, Кириллов должен был заняться разведкой руд в Казахстане. Особенно рекомендовалось произвести розыски золота и серебра. Кроме того, Кириллов должен был организовать отправку караванов в Среднюю Азию и в Индию. При этом предписывалось посылать с каждым караваном землемера для съемки плана местности. Кириллову также поручалось доставить в разобранном виде суда на Сыр-Дарью, завести на этой реке флот и построить в ее устье крепость.

Таким образом, экспедиция Кириллова преследовала две задачи: разведать Казахстан в промышленном и торговом отношениях и превратить казахские степи в плацдарм для наступления на Среднюю Азию.

Царское правительство не сумело в то время разрешить эти задачи, так как в Башкирии вспыхнуло крупное восстание. Тем не менее, Кириллову удалось в 1735 году построить крепость в устье реки Ори, которая была названа Оренбургом. Впоследствии крепость была переименована в Орск, а название Оренбург перенесено на крепость, построенную в начале 40-х годов XVIII века на месте современного Чкалова. Этим собственно и ограничилось осуществление обширного плана экспедиции Кириллова.

В 1737 году в Башкирии вспыхнуло новое восстание. Цар-

ское правительство решило использовать нового подданного— казахского хана — для подавления восстания. По предложению царских властей, Абулхаир вторгся в пределы Башкирии, но вождям восстания удалось привлечь хана на свою сторону. Вероятно, это находилось в связи с тем, что Абулхаир мечтал о присоединении Башкирии к своим владениям. С этой целью он сделал попытку провозгласить ханом Башкирии одного из своих сыновей. Царские власти испугались объединения башкир с казахами. Начальник оренбургской экспедиции В. Н. Татищев, сменивший умершего Кириллова, вызвал войска к Оренбургу и пригласил хана на свидание. Он принял Абулхаира с большим почетом, поднес ему богатые подарки и добился вторичной присяги хана на подданство царскому правительству. Еще более важным для царского правительства было то, что Абулхаир согласился дать в качестве аманата (заложника) того самого султана, который выдвигался в ханы Башкирии. Этим, а также подавлением восстания башкир царское правительство предотвратило опасность объединения башкир и казахов.

В 1740 году в Башкирии опять вспыхнуло восстание. Царское правительство жестоко подавило его. В то же время царские власти старались привлечь на свою сторону казахскую знать не только Младшего, но и Среднего жуза. В 1740 году к начальнику края в Оренбург были приглашены наиболее видные владетельные султаны. Здесь они принесли присягу царскому правительству. Среди присягнувших были султаны Среднего жуза Аблай и Абулмамбет.

Укреплению власти царизма на границе с казахской степью содействовала постройка новых крепостей по Уралу и Иртышу, а также усиление гарнизонов в ранее существовавших крепостях. Но завязать крепкие торговые связи с казахами и добиться усиления транзитной торговли через Казахстан в этот период царскому правительству так и не удалось.

§ 21. КАЗАХСТАН ПРИ ХАНЕ АБУЛХАИРЕ.

Внешнее положение Младшего и Среднего жузов в начале 40-х годов.

В начале 40-х годов XVIII века во внешнеполитическом положении Младшего и Среднего жузов произошли важные изменения, которые заставили казахов искать более тесного сближения с Россией. В 1740 году шах Ирана Надир предпринял поход в Среднюю Азию. Хан Бухары покорился завоевателю без сопротивления, но хивинский хан Ильбарс, давнишний враг Абулхаира, решил сопротивляться. Однако хивинское войско дважды было разбито Надиром. Ильбарс был захвачен в плен и казнен. Падени-

ем власти Ильбарса воспользовался Абулхаир. Он занял Хиву и был хивинскими беками признан ханом. Но войска Надира приближались к столице ханства. Опасаясь за свою жизнь, Абулхаир покинул Хиву. Город был занят Надиром и подвергнут разорению. Вскоре Надир удалился в Дагестан, оставив в Хиве своего наместника. Но не все владения Хивы признали новую власть. На севере ханства аральцы отложились от Хивы и признали ханом сына Абулхаира султана Нурали. Пользуясь уходом Надира, Нурали напал на Хиву, взял город, а ставленника Надира убил. Шах направил против Хивы войско во главе со своим сыном. Хивинские беки, напуганные движением иранских войск, отмежевались от Нурали, и султан должен был бежать из города. Абулхаир, во время пребывания Нурали в Хиве кочевавший в низовьях Аму-Дарьи, спешно должен был откочевать на север в район Сыр-Дарьи. Надир назначил ханом Хивы сына казненного им Ильбарса. Таким образом, в Хиве власть оказалась в руках враждебной Абулхаиру султанской фамилии. Хивинские неудачи и боязнь репрессий со стороны Надира заставили Абулхаира теснее сблизиться с Россией.

Эти события произошли в 1741 году. В том же году войска джунгарского хун-тайчжи вторглись в пределы Казахстана и прошли огнем и мечом через кочевья Среднего и Младшего жузов.

Разгром казахских аулов был страшный и кровавый — джунгары не щадили никого. Они разгромили аулы хана Абулмамбета и султана Аблая и преследовали бежавших казахов вплоть до русской границы. Натолкнувшись на только что построенную русскую крепость на Ори, они остановились.

Пограничные власти начали с джунгарами дипломатические переговоры, требуя оставить в покое казахов, как русских подданных. Энергичное вмешательство Оренбургской администрации заставило джунгар повернуть назад. Они ушли, заявив, что им ничего не было известно о подданстве казахов России.

Но в следующем 1742 году нападение Джунгарии повторилось. Теперь хун-тайчжи не ограничился захватом добычи, а предъявил казахским султанам и биям требования, выполнение которых поставило бы жузы в полную зависимость от Джунгарии. Требования состояли из двух пунктов: 1) признать зависимость от Джунгарии и в обеспечение ее дать аманатов; 2) руководствоваться в выборе районов кочевок указаниями хун-тайчжи. Новое решительное вмешательство начальника Оренбургского края Неплюева, который указал послам хун-тайчжи, что царское правительство не признает

за Абулхаиром, как русским подданным, права самостоятельных внешних сношений, избавило хана от выполнения требований правителя Джунгарии. Но султаны Среднего жуза должны были принять требования хун-тайчжи и тем самым поставили себя под протекторат Джунгарии. Эта зависимость продолжалась до 1746 года.

Средний жуз под протекторатом Джунгарии.

Все население Среднего жуза было обложено завоевателями покибиточной податью— по одному корсаку с кибитки. Казахские султаны должны были ежегодно посылать аманатов в ставку хун-тайчжи. Каждая посылка сопровождалась сбором податей на содержание аманата и лиц, его сопровождавших. Казахская знать утеряла право по своему усмотрению распоряжаться кочевьями. Потеря независимости переживалась народом и знатью, как унизительное тяжелое явление. Один старшина, живший при аманате в Джунгарии, писал своим соотечественникам, в передаче одного из русских посланцев, «чтобы они, кайсаки, сами себя берегли, и сожалели и больше бы держались, и благополучия снискивали от российской стороны, понеже де от зюнгорцев (джунгар) к ним, кайсакам, не только никакой чести не стало, но и утеснение усматривается».

Протекторат Джунгарии, поставивший Средний жуз в зависимое положение, не давал никаких экономических преимуществ. Казахи были оттеснены из старых районов кочевий, и казахские султаны мечтали теперь о приобретении новых земель в районах, пограничных с Российской империей. Даже такой противник русского подданства, как султан Барак, говорил Ниязбию, что «только и надежды есть, как от российской стороны, и ежели б кочевье свое иметь уже по Яику (Уралу), Оре и другим здешним рекам, где не только утеснения, но и от зюнгорской стороны такой опасности не будет». Даже с постройкой русских крепостей на границе казахской степи султаны готовы были теперь примириться. Тот же Барак однажды в ответ на указание послов джунгарского хунтайчжи о захвате русскими властями казахских земель под постройку крепостей не без ехидства ответил, что «от построения на Яике русскими крепостей и от них, русских самих, не только никаких обид и помешательства нет, но и польза есть, потому что они всегдашним торгом при оных довольствуются, от которого ныне не только они (т. е. султаны), но и холопы их и лисьи шапки и цветные кафтаны имеют». Это указание Барака на необходимость для казахов развития пограничного торга заслуживает доверия. Что касается земельных захватов, то Барак, кочевавший далеко от погранич-

ной линии, мог выразить лишь мнение казахской знати, не связанной кочевьями с западными и северными районами степи.

Такие же настроения разделял и Абулмамбет, ставший ханом в Среднем жузе с 1734 года, после смерти хана Семеке. Он писал из Туркестана султану Бараку, что он, Абулмамбет, со стороны джунгар ничего хорошего не видел, наоборот, только одну опасность, и поэтому казахи должны как можно крепче держаться «российской стороны».

Это понимание необходимости сближения с Россией широко было распространено среди казахов. Один башкир доносил, что казахи «все утверждаются, чтобы сюда ближе кочевать, рассуждая, что здесь кочевье великое и во всем довольное, и для того б всем в верности состоять». Это стремление к сближению с Россией, вызванное таким могучим фактором, как надежда найти безопасные и обширные кочевья, естественно, усиливало позиции тех кругов казахской знати, которые являлись сторонниками российского подданства.

Хан Абулхаир использовал эту удачно складывавшуюся для него обстановку, чтобы добиться на деле, а не только по званию, положения старшего хана.

Борьба Абулхаира за политическое объединение казахов.

Прежде всего Абулхаир добился значительного расширения своего ханства. Это расширение происходило в форме признания новыми владениями вассальной зависимости от хана. В Среднем жузе вассалом хана признал себя влиятельнейший бий Джанибек, владевший частью общин поколений Аргын, Керей, Уак, Қыпчак, а в Младшем жузе — частью рода Алчин. Абулхаиру далее удалось добиться того, что поколение Керей признало своим владельцем его сына Ерали, вытеснив отсюда хана Абулмамбета. Небольшое владение в Среднем жузе получил и старший сын хана султан Нурали. В результате все северные и северо-западные районы Среднего жуза оказались во владении вассалов Абулхаира. Непримиримый враг хана султан Барак был оттеснен в юго-восточные районы степи. Султан Аблай был в то время в плену у джунгар (его освободили из плена по настоянию царского правительства в 1743 году). Абулмамбет не без давления Абулхаира должен был откочевать в гор. Туркестан. В Младшем жузе вассалом хана был батыр Есет. Здесь же имел владения и султан Нурали.

Но расширение владений еще не решало для Абулхаира вопроса о воссоздании ханства. Среди биев была значительная группа, враждебно относившаяся к хану. Эти бии по-прежнему группировались вокруг султана Батыра.

Абулхаир теперь мог вести более решительную политику против недовольных биев. Он стал устранять их от участия в совете по делам жуза. Но это еще более усилило их оппозицию в отношении к хану. Они приезжали к Батыру и заявляли, что намерены покинуть хана и «придти под дирекцию его Батыр-султана», как доносил И. И. Неплюеву английский купец Гок. Для Абулхаира представлялось, что наилучшим средством обезвредить недовольных биев было бы их удаление из жуза, чего он мог достигнуть только при помощи царской администрации. Поэтому он и обратился к И. И. Неплюеву с просьбой задержать по его указанию главарей враждебной ему группировки, когда они приедут на мену. Однако Неплюев решительно отказал в просьбе хана. Он хорошо понимал, что такая мера могла бы значительно усилить Абулхаира, а его возвышение и без того уже начинало беспокоить царскую администрацию: ей нужен был не сильный хан, который в любую минуту мог отложиться от империи, а хан послушный. Основу своей колониальной политики Неплюев видел в системе «баланса», которая, по его мнению, должна была состоять в том, чтобы поддерживать одного владельца против другого с целью не дать ни одному из них усилиться. Опасными для колониальных интересов империи Неплюев считал и связи между народностями, населявшими восточные окраины. Одной из целей постройки укреплений по Уралу являлась изоляция казахов от башкир и калмыков. Неплюев не разрешал непосредственных сношений между владельцами этих народностей и приказал комендантам пограничных крепостей задерживать их послов, а самим владельцам разъяснял, что они, как русские подданные, могут сноситься друг с другом только через Оренбургскую администрацию.

Отказ Неплюева задержать врагов Абулхаира вызвал резкое недовольство хана. Это недовольство еще более возросло после отказа Неплюева сменить аманата султана Ходжа-Ахмеда другим, побочным сыном хана — султаном Чингизом. Посылка аманата являлась общественным актом, и задержание Ходжа-Ахмеда в России умаляло престиж хана в общественном мнении казахов. Абулхаир, поняв те цели, которые преследовал оренбургский губернатор, начал предпринимать шаги к отдалению от России. Он обратился к Надир-шаху с просьбой уступить ему кочевья в северных районах Хивинского ханства и разрешить торг в Ургенче.

О сношениях хана с Надир-шахом царская администрация знала. Особенно возросли опасения за прочность вассальных отношений хана, когда в 1746 году Нурали был приглашен ханом в Хиву. Если бы это осуществилось, связи хана со сред-

неазиатскими ханствами укрепились бы за счет ослабления этих связей с Россией. Естественно, что Неплюев всячески отговаривал Нурали принять это приглашение, и Нурали в Хиву не поехал, напуганный слухами о том, что его хотят заманить в Хиву, чтобы отомстить за убийство в 1741 году наместника шаха.

На разрыв с царской администрацией Абулхаир не решался, опасаясь Джунгарии. Но в 1746 году хун-тайчжи Галдан Церен умер. Среди его преемников началась борьба за власть. Таким образом, непосредственная опасность со стороны раздираемой феодальными смутами Джунгарии исчезла, и Абулхаир стал более решительным. Он сделал еще одну попытку добиться помощи от оренбургского губернатора: он просил задержать не менее чем по десять биев от каждого жуза. Неплюев опять отказал. Тогда Абулхаир порвал связи с оренбургской администрацией и закрыл караванные пути в Среднюю Азию.

Однако этот разрыв не встретил сочувствия среди ближайших вассалов хана. Лазутчики, посланные в степь, доносили, что даже сыновья хана осуждали своего отца за этот разрыв. Положение Абулхаира пошатнулось. К тому же после убийства в 1747 году Надир-шаха в Хиве был провозглашен ханом султан Каип, сын Батыра. Это, с одной стороны, значительно усилило в жузе группировку Батыра, а с другой — уменьшало шансы Абулхаира расширить кочевья в хивинских пределах и установить прочные торговые связи с хивинскими городами.

Все это делало для Абулхаира необходимым восстановить связь с Россией. К этому же стремилось и царское правительство. Разрыв с ханом неблагоприятно отразился на меновой торговле с казахами и значительно сократил торговлю со Средней Азией. Усилились набеги казахов на пограничную линию. Особенно же беспокоили царское правительство переговоры Абулхаира с Джунгарией. Стало известно, что хан усиленно сватал свою дочь за хун-тайчжи Цеван-Дорджи. Неплюеву были даны указания добиться примирения с ханом.

Осуществление этой задачи было возложено на А. И. Тевкелева. Тевкелев блестяще выполнил возложенное на него поручение. В июле 1748 года он повидался с Абулхаиром близ Орской крепости. Сюда же съехались вассалы хана. По всем спорным вопросам было достигнуто соглашение. Тут же были восстановлены вассальные отношения к хану его главных вассалов. Старшины, по словам русского наблюдателя, постановили «во время отдаться на волю Абулхаира-хана». Ведение дел, связанных со Средним жузом, было возложено на батыра Джанибека.

Обострение внутрифеодальной борьбы и гибель Абулхаира.

Постановление съезда старшин в июле 1748 года значительно усилило положение хана и умаляло влияние его противников. Съезд, поручая управление Средним жузом Джанибеку, игнорировал султанов противной хану группировки, имевших владения главным образом в Среднем жузе. Борьба султанских группировок разгорелась с новой силой. Возглавил ее старый враг Абулхаира султан Батыр. Вскоре, воспользовавшись тем, что Абулхаир ограбил послов, возивших подарки Бараку от хивинского хана Каипа, Батыр спровоцировал султана Барака на убийство хана. В середине августа, вскоре после возвращения из Орской крепости, Абулхаир совершил одно из своих частых нападений на каракалпаков. Считая их своими подданными, он захватил принадлежавшее им имущество. Но вмешался Барак и потребовал возвращения этого имущества. Абулхаир отказал. Между Бараком и ханом произошла вооруженная стычка, во время которой Барак убил Абулхаира.

Значение принятия российского подданства при Абулхаире.

Принятие Младшим жузом российского подданства при Абулхаире послужило началом присоединения Казахстана к России, которое имело большое прогрессивное значение для казахского народа. Оно было продиктовано условиями исторического развития казахского народа. В результате принятия российского подданства и присоединения Казахстана к России была уничтожена опасность порабощения казахского народа более отсталыми, чем Россия, соседними варварскими государствами Востока. Подданство открывало возможность широкого проникновения в Казахстан влияния более развитой экономики и культуры России, которые все больше проникали в жизнь казахского народа. Хозяйственное сближение с Россией открывало широкий путь для развития более высоких форм хозяйства, перехода к оседлости, к земледелию. Ускорилась ломка патриархальной замкнутости. Передовая часть казахского общества стала постепенно приобщаться к культуре великого русского народа, которая оказала в дальнейшем мощное воздействие на развитие культуры казахского народа.

Однако, говоря о прогрессивности присоединения Казахстана к России, мы не должны забывать о грабительской колонизаторской политике царизма, которая приносила разорение и бедствия казахскому народу. Казахский народ страдал под гнетом своих феодалов и царизма, стремившегося сохранить хозяйственную и культурную отсталость и патриархально-родовые пережитки. Царизм проводил также политику захвата казахских земель.

Эти колониальные формы, в которых осуществлялось политическое объединение казахов с Россией, долгое время мешали сближению казахского народа с русским. Лишь по мере того, как складывалась другая — революционно-демократическая Россия, создавались и реальные условия для действительного сближения русского и казахского народов.

ГЛАВА X.

КАЗАХСТАН В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА.

§ 22. ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАЗАХСТАНА.

Усиление политической раздробленности после смерти Абулхаира.

Со смертью Абулхаира ушел из жизни крупный политический деятель Казахстана, умевший ставить широкие государственные задачи, упорно и смело добиваться разрешения этих задач. Этими качествами совсем не обладал его сын и преемник султан Нурали. Тотчас же после гибели Абулхаира возник вопрос о выборах нового хана. Обстановка для Нурали сложилась крайне неблагоприятно. Владения в Среднем жузе для потомков Абулхаира были потеряны. Султан Ерали, пробираясь от одной русской крепости до другой, должен был бежать в Младший жуз. Джанибек занял колеблющуюся позицию — он поддерживал Нурали, но в то же время находился в сношениях с султаном Бараком. Отомстить Бараку за убийство Абулхаира Нурали не мог. Суд биев, который разбирал дело, оправдал убийцу хана. Особенно активно действовал султан Батыр: пользуясь поддержкой своего сына — хивинского хана Каипа, он добился в том же 1748 году признания его ханом биями наиболее многочисленного и влиятельного рода Младшего жуза — Шекты. Бии и других родов неохотно поддерживали Нурали — он был признан ханом с большим трудом. Это избрание было проведено в узком кругу биев, а не на широком собрании, как требовал обычай.

В Младшем жузе, таким образом, оказалось два хана, и жуз с этого времени разбился на два ханства. В одном из

них, охватившем юго-восточные кочевья Младшего жуза, прочно установилась власть султана Батыра, а после его смерти — его потомков; северо-западные кочевья жуза составили ханство Нурали. Опорой его власти были роды поколений Байулы, а после 1751 года, когда в поколении Жетыру был признан владельцем султан Айчувак, брат Нурали, — и роды этого поколения. В центральных и северных районах Среднего жуза быстро начало возрастать влияние султана Аблая. Власть в юго-восточных районах сохранил султан Барак до своей гибели в 1751 году. Старший жуз продолжал оставаться под властью Джунгарии и управлялся биями, как вассалами хун-тайчжи.

Таким образом, после гибели Абулхаира политическая раздробленность Казахстана усилилась.

Вскоре султан Батыр стал в прямую и самую тесную зависимость от Хивы. Это хорошо сознавали современники. Бии, на просьбу Нурали помочь ему в борьбе с Батыром, отвечали хану, что с Батыром будет легко справиться, как только его сын будет свергнут с хивинского престола. И если захват Хивой юго-восточных районов Младшего жуза был осуществлен лишь полвеком позже, то только потому, что Хива с 50-х годов до конца столетия переживала тяжелый политический кризис и непрерывно ослаблялась борьбой за власть между отдельными представителями узбекской знати и между узбеками и туркменами. Когда же в Хиве утвердилась прочная власть новой, конратской династии, этот захват стал историческим фактом.

Распад владений Абулхаира ослабил власть хана Нурали. Она ослаблялась и неудачной политикой Нурали в отношении своих соседей. На южной границе ханства из-за взаимных угонов скота происходили крупные столкновения с туркменами-иомудами, находившимися в зависимости от Хивы. Иомудам в союзе с узбеками удалось нанести тяжелое поражение войскам Нурали. Более тысячи казахов было убито. Враждебные отношения сложились у Нурали и с калмыками, кочевавшими между Волгой и Уралом.

Не менее враждебными были и взаимоотношения с башкирами. В 1755 году в Башкирии вспыхнуло новое восстание против царской России. Около 50 тысяч башкир, преследуемых царскими войсками, ушли в казахские степи. Стремясь восстановить казахов против башкир, оренбургский губернатор И. И. Неплюев обратился к казахской знати с воззванием, в котором предлагал казахам разграбить имущество башкир, а их семьи превратить в рабов. В Среднем жузе это воззвание не имело успеха. Большинство старшин Младшего жуза тоже не поддержало оренбургского губернатора. Некоторые

старшины поколения Жетыру даже взяли башкир под свое покровительство. Стали составляться смешанные отряды из казахов и башкир для совместной борьбы с царской властью. Но хан Нурали последовал указаниям оренбургского губернатора. Вместе со своими родственниками султанами Нурали начал грабить башкир и обращать их семьи в рабство. Эта позиция Нурали привела к тому, что между башкирами и казахами возникла ожесточенная взаимная вражда. Теряя союзников извне, Нурали не приобретал сторонников и внутри своего ханства. Сближаясь с царской администрацией, Нурали все больше отходил от родовых старшин. Он перестал совещаться с биями, стремился устранить их от участия в управлении ханством.

Отличие политики Нурали в отношении родовой знати от политики Абулхаира заключалось в том, что Абулхаир стремился использовать родовую знать в целях укрепления центральной власти, Нурали же ослаблял связь центральной власти с родовой знатью и не приобретал опоры в народных массах. Понятно, что все это ослабляло внутренние силы ханства Нурали и делало для него жизненно необходимой поддержку со стороны царской администрации. Если при Абулхаире подданство казахов сводилось только к протекторату империи над Казахстаном и очень часто приближалось к союзническим отношениям, то при Нурали реальная зависимость его владений от империи значительно возросла. Нурали был первым ханом, утвержденным в этом звании царским правительством, причем хан сам просил об утверждении. Подданство становилось реальным. Но не только политические условия существования ханства вели к углублению зависимости Казахстана от России. К тому же вели и особенности экономической жизни Казахстана во второй половине XVIII века.

Усиление экономических связей с Россией.

Когда царское правительство решало вопрос о принятии казахов в подданство, одним из главных соображений, побудивших удовлетворить просьбу Абулхаира, было стремление расширить торговые связи с Казахстаном и среднеазиатскими ханствами.

Царское правительство всеми мерами стремилось привлечь к новым рынкам русских купцов. Однако эти усилия не сразу увенчались успехом. Только с 40-х годов XVIII века торговля России с казахами начала принимать широкие размеры. Центром торговли с Казахстаном являлся меновой двор близ Оренбурга. В самом Оренбурге был построен караван-сарай. Кроме того, значительная меновая торговля производилась в Гурьеве, в Уральском городке, в Троицке, а по Сибирской линии — в Петропавловске, Омске и Семипалатинске.

Казахи поставляли на рынок почти исключительно скот. К Оренбургу пригонялись, по преимуществу, бараны, а в крепостях, пограничных со Средним жузом, большую роль в обмене играли лошади. Размеры торга сильно колебались по отдельным годам, обнаруживая, однако, явную тенденцию к росту. Если в 1745 году у казахов было выменено лишь 562 лошади и 3 963 барана, то через 40 лет, т. е. в 1784 году, было выменено 2 470 лошадей и 221 485 баранов. Эти цифры составлены на основании сведений, которые доставляли пограничные таможни; сведения, безусловно, преуменьшены, потому что далеко не все меновые сделки учитывались в таможнях.

Из России в Казахстан шли промышленные изделия: металлические вещи, текстиль. В значительных размерах обменивался хлеб. Общая сумма русского вывоза в степь также неуклонно возрастала и к концу XVIII века достигла внушительной цифры в 1 576 248 рублей. Следовательно, потребность казахского хозяйства в промышленных изделиях все в большей и большей мере удовлетворялась за счет вывоза из России. Экономические связи Казахстана с Россией непрерывно укреплялись. Развитие экономических связей осуществлялось в формах колониальной торговли. Казахстан становился для России источником животноводческого сырья и рынком сбыта промышленных изделий. Очень часто в Казахстан сбывались низкосортные товары, не находившие сбыта на внутренних рынках империи. Эти товары обменивались по неимоверно вздутым ценам. Торговля приносила купцам огромные прибыли. Колониальная форма торговли неуклонно вела к усилению экономической зависимости Казахстана от России.

Земельный вопрос в Младшем жузе в середине XVIII века.

В середине XVIII века в Младшем жузе обострился земельный вопрос. После того, как Младший жуз распался на два ханства, общины, подчиненные хану Нурали, должны были подвинуться кочевьями на запад, к реке Эмбе и далее к Уралу. Южные кочевья, сопредельные с Сыр-Дарьей, для них были потеряны. Вражда двух феодальных группировок — Нурали и Батыра — отразилась, следовательно, на перераспределении кочевий. Близ Урала были удобные, богатые водой и заливными лугами кочевья. Естественно, что общины, поддерживавшие Нурали, спешили занять их. Однако эти кочевья были хороши только для летовок. Для зимовок они были неудобны. Здесь бушевали частые метели, от которых в степи не было укрытий, снежный покров был так глубок, что мешал скоту тебеневать—до-

бывать корм из-под снега. К тому же за лето луга здесь вытаптывались.

Земли, удобные под зимовки, были южнее: по берегу Каспийского моря, среди барханов, заросших камышом, который надежно укрывал скот от гибельных буранов. Снежный покров был здесь неглубок. Но эти земли были заняты кочевьями калмыков, а с 70-х годов здесь расположились рыболовные ватаги. Самые же земли оказались в собственности русских помещиков: князя Юсупова и графа Безбородко. Споры из-за пользования этими землями часто приводили к кровавым столкновениям с калмыками. Кроме того, перекочевка на земли между реками Уралом и Волгой была сопряжена с переходом через реку Урал. Уральское казачье войско заявляло, что скот казахов травит заготовленное станицами сено, а массовый перегон скота через реку мешает рыболовству, которое для войска составляло весьма существенную часть хозяйства. Правительство в 1756 году издало указ, запрещавший казахам перегонять скот на «внутреннюю сторону» — так пограничная администрация называла земли между Волгой и Уралом. Запрещение мотивировалось необходимостью прекратить набеги казахов и калмыков, но это решение было вызвано также и настояниями Уральского войска. Вопрос о землях «внутренней стороны» был, таким образом, решен с явным ущемлением жизненных интересов казахов.

Среди биев возникла мысль искать зимовки на юге, но все предпринятые в этом направлении попытки приводили лишь к столкновениям с туркменами и каракалпаками и не дали положительных результатов.

Необходимость для казахов иметь земли на берегу Каспийского моря сознавалась и отдельными представителями царской администрации. Когда в 1757—1758 годах Оренбургской губернией, после отзыва И. И. Неплюева в Петербург, управляли П. И. Рычков и А. И. Тевкелев, они не решились провести закон 1756 года в жизнь и ограничились лишь предписанием комендантам крепостей усилить надзор над казахами, а «в залог их спокойствия» брать от переходивших на правый берег Урала аманатов. Но в 1759 году в Оренбург был назначен новый губернатор А. Г. Давыдов, сторонник решительных, неплюевских методов управления. Он немедленно отдал распоряжение по пограничной линии не пропускать казахов и их скот на «внутреннюю сторону», не останавливаясь перед применением вооруженной силы.

Начались жестокие бедствия казахов. В суровые, снежные зимы гибло огромное количество скота. Казахи всеми силами тайно стремились прорваться через Урал. Это вело к вооруженным стычкам с отрядами, охранявшими линию. Недоволь-

ство казахов росло. На стеснения кочевий они отвечали набегами на пограничные поселения. Но все это вызывало жестокие репрессии со стороны царских властей. Участились «воинские поиски» в степь, — так назывались вооруженные нападения на казахские аулы. При этом было немало злоупотреблений. Очень часто «поиск» совершался по вымышленному поводу, как должен был признать один из оренбургских губернаторов. Он объяснял действительную причину участившихся набегов на казахские аулы тем, что «поиски» помогали «составлять состояния». Нападению часто подвергались не те аулы, которые были виновны в вооруженном набеге на линию, а совсем не участвовавшие в них. Понятно, как разоряли такие «поиски» казахов.

В связи с земельными ограничениями, между ханом и биями, с одной стороны, и царским правительством, с другой, завязалась длительная, но совершенно бесплодная переписка: земельные ограничения оставались в силе.

Понятно, что от этих ограничений хозяйство казахских аулов страдало не в одинаковой степени. Наиболее тягостным образом эти ограничения отражались на положении трудящихся казахов. Султаны и крупные бии, фактически распоряжаясь пастбищами, имели возможность захватывать лучшие зимовки под свои аулы. Имущественное неравенство в казахской общине углублялось.

В этот период получили дальнейшее развитие отработки, существовавшие еще в XVI—XVII веках. Обычно они прикрывались патриархальной формой «родственной помощи» (саун, ат-майын-беру и др.). Развитие отработок вело к дальнейшему закабалению кочевой общины родовой знатью. Казахская община разорялась. Не имея других средств к существованию, обедневшие казахи-скотоводы вынуждены были работать в хозяйствах знати.

Феодальные отношения в Младшем жузе, в результате захвата земель казахской знатью, наличия частной собственности на скот, а также земельной политики царизма, получили дальнейшее развитие.

Новые явления в области землепользования имели далеко идущие последствия. В 30-х годах XVIII века вопрос о российском подданстве был вопросом политическим, и борьба вокруг подданства получила характер столкновения различных феодальных группировок. В нее не были втянуты широкие народные массы. Теперь земельными ограничениями, проводимыми царским правительством, задевались жизненные интересы широких народных масс. Тем самым создавалась почва для развития народного антиколониального движения. В то же время борьба за землю создавала общность ингере-

сов трудящихся казахов и русских крестьян для их борьбы против помещичье-крепостнического строя в стране. Проявиться этой общности мешали многие причины, и совместная борьба народов России развернулась значительно позже. В то же время земельные ограничения обостряли вопрос о распределении кочевий внутри казахского общества. Создавались тем самым предпосылки для развития классовой антифеодальной борьбы. Однако огромным тормозом развития классовой борьбы в казахском обществе являлись родовая собственность на землю и патриархально-родовые пережитки. Все это наложило своеобразный отпечаток на освободительную борьбу казахского народа.

§ 23. ХАНСТВО АБЛАЯ.

Хан Аблай и его политические стремления.

Политическая жизнь Среднего жуза существенно отличалась в 50 — 70-х годах XVIII века от жизни Младшего жуза. В противоположность глубокому политическому упадку Младшего жуза, Средний жуз к концу этого времени пережил короткий период политического подъема. Причины этого различия лежали прежде всего в особенностях международного положения Среднего жуза и в умелой политике султана Аблая, искусно использовавшего эти особенности для укрепления политической независимости своих владений.

Аблай родился в 1711 году. Он происходил из младшей линии султанов Среднего жуза и был внуком владетеля гор. Туркестана, султана Аблая.

Юные годы Аблая проходили в обстановке «великого бедствия»—в борьбе с Джунгарией. По народным преданиям, он участвовал во многих битвах с завоевателями, проявляя мужество и отвагу. Борьба с джунгарами выдвинула его в первые ряды казахских султанов. С этого времени Аблай оставался в качестве владетельного султана при хане Абулмамбете. Только после его смерти в 1771 году Аблай стал ханом. Еще будучи султаном и помощником хана Абулмамбета, Аблай оказывал на политическую жизнь Среднего жуза большое влияние.

Аблай лучше многих других ханов понимал положение Казахстана. Страна была разорена и раздроблена. Независимости казахов угрожали крупные и сильные государства, окружавшие Казахстан. В этой сложной внешней обстановке Аблай поставил перед собой основную задачу своей политической деятельности — укрепить и усилить под своей властью Казахское ханство.

Борьба с джунгарскими завоевателями.

Самыми сильными соседями, угрожавшими независимости Казахстана, были Российская империя и Китай. Но более близкая и непосредственная опасность в то время угрожала не со стороны этих государств, а со стороны Джунгарии, уже причинившей казахскому народу тяжелые бедствия. Аблай решил сохранить мир и дружбу с Россией и Китаем и, при их поддержке, разгромить джунгарских завоевателей.

28 августа 1740 года хан Среднего жуза Абулмамбет и султан Аблай прибыли в Оренбург, где с почетом были приняты начальником края Урусовым. Здесь они присягнули на коране в верности России. Это был вполне своевременный шаг. В 1741 году джунгарский хун-тайчжи снова предпринял опустошительный набег на Средний жуз. Царские власти вступились за казахов. Правда, их вмешательство не предотвратило в следующем, 1742 году подчинения Среднего жуза Джунгарии, но в дальнейшей борьбе с Джунгарией поддержка России не раз оказывалась весьма полезной. По преданию, в одном из сражений 1742 года Аблай убил сына джунгарского хун-тайчжи Галдана, но сам попал в плен. На вопрос Галдана: «Не ты ли убил моего сына?» — Аблай ответил: «Твой сын убит не мною, а моим народом. Моя рука исполнила лишь его волю». Аблаю грозила смерть, однако вмешательство царского правительства спасло его. В 1743 году оренбургский губернатор Неплюев добился освобождения Аблая из джунгарского плена.

Вскоре в Джунгарии произошли события, сильно ослабившие ее. После смерти в 1746 году Галдан Церена его наследники вступили в ожесточенную борьбу за власть. Этой междоусобной борьбой и воспользовался Аблай для того, чтобы ослабить когда-то грозного врага казахского народа. В 1750 году хун-тайчжи Джунгарии стал Лама Дорджи, но не вся знать признала его главой государства. Против него был составлен заговор, во главе которого стал Амурсана — племянник умершего Галдан Церена. Но заговор был раскрыт, и Амурсана бежал в Средний жуз.

Аблай приветливо принял беглеца и обещал ему всяческую помощь. В то же время он уверял и Лама Дорджи в своей преданности. Но Лама Дорджа не поверил словам и потребовал выдачи Амурсаны. Положение осложнилось. Назревала война. Понимая, что борьба с таким противником будет нелегкой, Аблай сделал попытку сплотить силы всех трех жузов для отпора врагу. В 1752 году в горах Улу-Тау он собрал съезд султанов и биев трех жузов. Несмотря на острые разногласия среди участников съезда, Аблай настоял

на отказе в выдаче Амурсаны. Раздраженный отказом, Лама Дорджи во главе большого войска напал на кочевья Среднего жуза. Особенно пострадали при этом найманы и кереи. Большое количество казахов было захвачено в плен. Многие казахские аулы спаслись от гибели, бежав за русскую границу. Местная царская администрация предоставила убежище беглецам.

Одновременно царское правительство завязало сношения с одним из представителей джунгарской знати в Среднем жузе, претендентом на власть в Джунгарии, — Даваци. Эти переговоры встревожили как Амурсану, так и Аблая. Аблай стал поспешно готовиться к походу против джунгар. Весной 1753 года он во главе крупного войска вторгся в пределы Джунгарии. Поход был облегчен тем, что влиятельное в Джунгарии буддийское духовенство не поддержало Лама Дорджи. При помощи духовенства Лама Дорджи был убит, однако джунгарским ханом стал не Амурсана, а Даваци. Соперник нового хана — Амурсана продолжал при поддержке Аблая борьбу за власть. В 1754 году сторонники Амурсаны в Джунгарии, поддержанные казахами Аблая, подняли восстание против Даваци, однако неудачно. Амурсана бежал и решил искать теперь поддержку у Китая.

Гибель Джунгарии.

Обращение Амурсаны за помощью к китайскому правительству привело к вмешательству Китая в междоусобную борьбу джунгарской знати. В 1755 году две китайские армии вторглись в пределы Джунгарии. Даваци погиб. Но и Амурсана не достиг своей цели. Китайское правительство решило уничтожить Джунгарию как государство, расчленив его на четыре части, по числу составлявших его население племен. Тогда Амурсана восстал против Китая и снова обратился за поддержкой к Аблаю.

Аблай понимал, что, поддержав Джунгарию, он предотвратит ее подчинение Китаю и усилит свое собственное влияние. Поэтому он дал приют Амурсане. Но тогда китайские войска вторглись в пределы Среднего жуза. Борьба с Китаем оказалась не по силам Аблаю, и казахи были разбиты. Аблай вошел в сношения с китайскими военными властями. Амурсана, не надеясь больше на Аблая, бежал в Джунгарию и еще около года скрывался там, спасаясь от преследования китайских отрядов. В 1757 году он снова был вынужден просить пристанища у Аблая. Однако Аблай на этот раз отказал ему в убежище. Амурсана бежал в Россию и вскоре умер в Тобольске от оспы.

Китай не доверял Аблаю. Новое нашествие китайских войск грозило Среднему жузу. Аблай, чтобы рассеять по-

дозрения китайского правительства, обратился с письмом к китайскому императору о подданстве. «Я, Аблай,—писал он, — и все казахи, составляющие мою Орду, горячо желаем воспринять китайскую цивилизацию и стать навеки подданными Срединной империи». Китайское правительство удовлетворило просьбу Аблая и отказалось от вторжения в пределы Среднего жуза. Так Аблай оказался в двойном подданстве: Российской империи и Китая.

В следующем, 1758 году китайские войска снова вторглись в Джунгарию. Разоренная предшествующими войнами и междоусобицей, страна не могла оказать сопротивления завоевателям. Джунгария была разорена китайскими войсками, ее население уничтожено почти поголовно. Из сильного и многочисленного народа джунгарские калмыки превратились в небольшую народность. Побоище 1758 года положило конец Джунгарии как государству.

Общины Старшего жуза, которые находились в зависимости от Джунгарии, теперь были вынуждены подчиняться Китаю. Ими стали управлять китайские чиновники через посредство биев. По отношению к Среднему жузу китайское правительство удовлетворилось признанием вассалитета со стороны Аблая.

Отношения Аблая с Россией и Китаем.

Завоевание Джунгарии Китаем не принесло выгод казахам. На границе завоеванной территории китайцы возвели крепости и не пропускали казахские аулы кочевать дальше реки Аягуз. Джунгарские земли стали заселяться колонистами из Китая и Кашгарии. Китайские власти подвергали казахов различным насилиям, угрожая иногда полным запрещением всякого торга с Китаем. Поэтому для казахов Среднего жуза повысилось значение кочевий по Иртышу вблизи русской границы и торга в пограничных крепостях. Однако местные царские власти тоже подвергали казахов различным притеснениям. Был запрещен не только перегон скота за Иртыш, но и установлена десятиверстная полоса по Иртышу со стороны казахской степи, закрытая для кочевий казахов. Запрещение мотивировалось тем, что казахский скот уничтожает сено, заготовляемое сибирским казачьим войском.

Установление десятиверстной запретной полосы особенно тяжело отзывалось на хозяйстве казахов. Как раз здесь были земли, в изобилии обеспеченные водопоями и травяным покровом.

Кроме того, на сибирской границе нередко применялись «воинские поиски» в степь, разорявшие казахские аулы владений Аблая не в меньшей степени, чем аулы Младшего жуза.

Между Аблаем и знатью Среднего жуза, с одной стороны, и царской администрацией, с другой, происходили частые и острые столкновения. Аблай не раз требовал у царских властей отмены земельных ограничений и прекращения вооруженных набегов на казахов. Тем не менее, Аблай не шел на разрыв с царским правительством: Китай представлялся ему более опасным, чем Россия, и ему было выгодно поддерживать двойное подданство.

В моменты опасности со стороны Китая Аблай всегда обращался за поддержкой к своему могущественному соседу — царской России. Так было во время грандиозного нашествия войск Китая на Туркестан и Самарканд. Этим по существу была вызвана вторичная присяга Аблая, данная Екатерине II в 1762 году. Судьба Джунгарии показала Аблаю, какая участь могла ожидать Средний жуз в случае завоевания его Китайской империей.

Попытка воссоединения Казахского ханства.

Лавирование между двумя крупными державами помогло Аблаю укрепить свои владения. Он получил возможность поставить на очередь задачу воссоединения разрозненных казахских земель Среднего и Старшего жузов. Аблай не вмешивался в дела Младшего жуза, вероятно, опасаясь осложнений с Россией. Его завоевательная деятельность в 60—70-х годах XVIII века была направлена на юг. В 1770 году он напал на киргизский род бурутов. В кровавом сражении около рек Кызыл-Су и Шамси («джайловское побоище») он нанес бурутам страшное поражение и захватил у них огромное количество пленных и богатую добычу. Успешные войны, в ходе которых он дошел до Джизака, Аблай вел с ходжентским владетелем и Ташкентом. Эти войны закончились уступкой Аблаю городов Туркестана, Сайрама, Чимкента, Сузака и других и обязательством Ташкента платить ему дань.

Удачные походы позволили Аблаю объединить под своей властью не только общины Среднего жуза, но и западную часть Старшего жуза. Власть Китая сохранялась лишь над наиболее отдаленными восточными районами Старшего жуза.

Свою резиденцию, по традиции ханов XVI — XVIII веков, Аблай учредил в гор. Туркестане. В 1771 году казахи Среднего жуза признали Аблая своим ханом. Утверждение в этом звании Аблай получил от китайского императора и от царского правительства.

Во внутренней политике Аблай ставил своей целью укрепление ханской власти. Для этого нужно было сломить сопротивление родовых биев, политическое влияние которых неразрывно было связано с господством родовой вражды и, следовательно, неустойчивостью центральной власти. Правил

Аблай деспотически и самовластно. Он был решительным противником ограничения ханской власти советом родоначальников и султанов, как это узаконял обычай. Он стал сам назначать султанов, которые тем самым превращались в его непосредственных вассалов. В борьбе против биев, крепко державшихся старины, Аблай шел на всякие средства. Своим сыновьям он советовал: «Лучшее средство ослабить старшин — это не решать никогда до конца родовых споров». Правнук Аблая, известный казахский ученый Ч. Валиханов, рассказывает, что бии подняли восстание против Аблая. Это восстание носило реакционный характер, его целью являлось восстановление патриархально-родовых отношений в области политической организации общества, мешавших государственному объединению казахов. Восстание было подавлено тюленгутами Аблая.

Аблай даже применял к своим политическим противникам смертную казнь, которая до него могла применяться лишь по приговорам народных собраний. Аблай стремился иметь собственную вооруженную силу. Он значительно увеличил ханскую дружину, состоявшую из тюленгутов. Кроме того, его военную опору составляли преданные ему, участвовавшие вместе с ним в походах батыры. В окружении Аблая находились такие известные батыры его времени, как Кабанбай из рода Кара-Керей, Богенбай из рода Кенжигалы, Джанибек и др. Эти группы казахского общества, а также многочисленные султаны, потомки прежних казахских ханов, и составляли социальную опору власти Аблая.

Борьба Аблая за воссоединение Казахского ханства, за преодоление феодальной раздробленности, несомненно, являлась прогрессивной. Решительнее, чем кто-либо из его предшественников, Аблай ломал веками установившиеся патриархальные отношения, задерживавшие развитие казахского народа и тормозившие создание единого Казахского государства, необходимого для сохранения независимого существования казахов.

Аблай сознавал отсталость экономики Казахстана и стремился к развитию более передовых форм хозяйства, в частности, к переходу казахов от кочевого скотоводства к оседлости. Еще в 40-х годах XVIII века Аблай говорил джунгарскому хун-тайчжи, что его заветным желанием является перевести казахов на оседлое хозяйство и быт. Позднее он обратился к Екатерине II с просьбой прислать в казахскую степь десять русских крестьянских семейств для обучения казахов земледелию. На это ходатайство императрица ответила согласием.

Аблай стремился окружить себя поэтами (акынами),

представителями культуры, понимавшими задачи и значение его объединительной деятельности. При дворе Аблая жил один из крупных казахских поэтов того времени Бухар-жырау. Деятельность Аблая способствовала укреплению феодальных основ хозяйственной и общественной жизни Казахстана. Зависимость народных масс от знати в его время усилилась.

Результаты политической деятельности Аблая.

Успехи в области укрепления государства, достигнутые Аблаем, однако, не были и не могли быть прочными. В экономике казахского общества не было еще почвы для создания прочного государства. После смерти Аблая в 1781 году его ханство сразу же распалось на отдельные, экономически и политически не связанные друг с другом владения. Таким же непрочным оказалось и независимое положение владений Аблая от соседних держав. После смерти Аблая возник спор о выборе его преемника. Царское правительство активно поддерживало старшего сына Аблая — султана Вали, не пользовавшегося, однако, авторитетом среди султанов. Несмотря на это, Вали был провозглашен ханом. Когда же он сделал попытку следовать политике своего отца и принять подданство Китая, царское правительство решительно воспротивилось. Китайские послы были задержаны в степи военным отрядом и не допущены к Вали, как к подданному России. Они были вынуждены вернуться обратно. Китайское правительство не могло помешать вынужденному разрыву вассальных отношений со стороны хана Вали. Влияние царской России становилось решающим в политической жизни Среднего жуза.

Поэт Бухар-жырау.

Бухар-жырау был певцом Аблай-хана. Отсутствие точных биографических данных не позволяет установить даты его рождения, смерти и важнейших событий жизни. Эпические предания о Бухар-жырау приурочивают его деятельность ко времени от 30-х до 80-х годов XVIII века, а сами песни Бухара связаны с событиями 50-х — начала 80-х годов XVIII века.

Бухар поддерживал стремление Аблай-хана укрепить казахскую государственность. Советник Аблая, близкий ему человек, Бухар был сторонником создания крупного объединенного ханства. Основой для создания такого объединения, по мнению Бухара, являлись ханская власть и ислам. Таким образом Бухар в основном разделял внутреннюю политику Аблай-хана.

Однако ряд пунктов этой политики вызывали у него возражения и даже критику. Это определялось основным противоречием мировоззрения и творчества Бухар-жырау — противоре-

чием патриархально-родового и феодального начал: Бухар — мусульманин и в то же время не свободен от шаманистских взглядов на творчество певца; он сторонник сильной ханской власти и в то же время осуществляет феодальное право совета.

В области внешней политики Бухар был также выразителем взглядов Аблай-хана. Понимая несоответствие силы ослабляемого феодальными усобицами и межродовой борьбой Среднего жуза и его могущественных соседей — России и Китая, Бухар считал, что спасение ханства Аблая в мире и с Россией и с Китаем.

Однако, размышляя над судьбами родного края, Бухар в результате своего сложного противоречивого творческого пути пришел к убеждению, что мир с Россией представляет для Казахстана большую ценность, чем с Китаем, войска которого в представлении Бухара являлись предвестниками «Акырзамана» — конца света.

Эти взгляды Бухара нашли отражение в его стихотворении, написанном в 60-х годах XVIII века. Понимая пользу союза с Россией и ясно сознавая всю силу ее военной мощи, Бухар советовал Аблаю:

С русскими не воюй,
Не разжигай своей злости!
... Если будешь воевать с русскими,
Мне придется похоронить тебя.

§ 24. УЧАСТИЕ КАЗАХОВ В КРЕСТЬЯНСКОМ ВОССТАНИИ ПУГАЧЕВА.

Восстание Пугачева.

В 1773 году в России вспыхнуло мощное крестьянское восстание во главе с донским казаком Емельяном Пугачевым. Начавшись среди казацкой бедноты Уральского войска, восстание перекинулось в районы горнозаводского Урала и Поволжья.

В самодержавно-крепостнической России тяжело жилось не только нерусским народностям, но и самому русскому народу: больше половины всех русских крестьян было превращено в крепостных. Крестьяне продавались помещиками, как скот, разлучались семьи. Личность и имущество крепостных ничем не были ограждены от помещичьего произвола. Непомерные оброки и барщина разоряли их. Крестьяне даже не могли жаловаться на своих помещиков. «С одной стороны — почти всесилие, с другой — немощь беззащитная», — так характеризовал крепостнический строй первый русский дворянский революционер А. Н. Радищев.

Не легче было положение рабочих на крепостных мануфактурах. Большинство рабочих было закреплено за пред-

приятиями. Труд их был изнурителен; обычно работали от рассвета до темноты. Нищенская заработная плата еще более понижалась бесконечными штрафами. Рабочих подвергали телесным наказаниям. Все это делало рабочих рабами владельца мануфактуры. «Заводчики уже так возгордились, — писали рабочие уральских Невьяновских заводов, — что и почитают нас не человеками, но словесною скотиною».

Тяжелым было положение и башкир Приуралья. У башкир отнимали земли под постройку горных заводов, их принудительно привлекали на заводские работы и на службу в пограничных войсках. Не удивительно, что именно в Приуралье вспыхнуло широкое народное движение против самодержавно-крепостнической царской власти.

Пугачев и казахская знать.

С сентября 1773 года по март 1774 года движение Пугачева распространилось в районе реки Урала, в непосредственной близости к кочевьям Младшего жуза. Пугачев стремился завязать сношения с казахским ханом и султанами. С этой целью он посылал к казахам письма и доверенных лиц. Пугачев требовал признания его государем Петром III, присылки аманатов и вооруженных отрядов.

Хан Нурали занял двойственную позицию. В сношениях с Пугачевым он именовал его государем Петром Федоровичем и в то же время предлагал царской администрации помощь против Пугачева.

Особенно ценной для Пугачева была бы помощь султана Айчувака, брата хана, владевшего родами поколения Жетыру, кочевавшими поблизости от пограничной линии. Хотя Айчувак относился враждебно к оренбургской администрации, сочувствовал Пугачеву, но активно его не поддержал. Из всех остальных султанов поддержал Пугачева только Досали, кочевья которого находились в районе рек Хобды и Илека. Досали послал к Пугачеву в аманаты своего сына султана Сейдали с небольшим отрядом войска — около 200 человек. Но и эта поддержка прекратилась, лишь только Пугачев, потерпев в марте 1774 года крупное поражение под Татищевой, снял осаду Оренбурга и отступил в горнозаводской район Урала. Досали тогда порвал с Пугачевым всякие связи, а хан Нурали и его родственники стали еще более активно и открыто поддерживать царское правительство.

Пугачев и народные массы казахов.

Пугачев скоро понял бесполезность обращений к казахской аристократии. Во время осады Оренбурга зимой 1773 — 1774 годов его агенты все чаще стали появляться в аулах как Младшего, так и Среднего жузов. Они стремились поднять на борьбу с самодержавием народные массы казахов. На

этом пути стояли огромные трудности. Нужно было преодолеть недоверие казахов к русским. Казахи на пограничной линии сталкивались лишь с царской администрацией, с находившимися в ее распоряжении войсками и на мене — с купцами. Все это были как раз те категории русского населения, которые причиняли казахам немало зла и несправедливости. С русскими крестьянами они почти не сталкивались и русских трудящихся знали мало. Нужно было, далее, преодолеть вражду казахского и башкирского народов, разжигавшуюся царской администрацией и после событий 1755 года принявшую очень острые формы. Наконец, надо было вывести казахские народные массы из-под влияния собственной знати, на которую Пугачев положиться не мог, особенно с лета 1774 года. Пугачев повел очень удачную агитацию среди казахов. Он напирал на основные жизненные интересы казахов. В своих воззваниях он обещал предоставить им землю и воду. Тем самым он противополагал свою политику политике царской администрации, делал понятной для широких народных масс борьбу с царскими властями.

Агитация Пугачева, проходившая под призывами, близкими и понятными массам, имела большой успех. Движение в степи нарастало. Генерал Деколонг, командующий сибирскими войсками, не мог своевременно двинуть свои отряды против Пугачева, потому что усилилось движение казахов Среднего жуза. Наиболее широкий размах выступления казахов приняли в июле и августе 1774 года, когда Пугачев находился в районе нижней Волги. Но особенно важно отметить, что менялся самый характер движения казахов. Если в 1773 и начале 1774 года это движение носило характер пограничной барымты, т. е. сводилось к нападениям с целью захвата пленников и скота, то летом 1774 года движение приняло характер борьбы с вооруженными силами самодержавия и нападений на укрепленные пункты на границе.

Среди казахских отрядов, особенно активно боровшихся с вооруженными силами самодержавия, царское командование отметило отряды старшины рода Байбакты Срыма Датова. Народные массы выступали, преодолевая сопротивление своей знати. Хан Нурали вынужден был просить помощи у царского командования. Собственных сил у Нурали нехватило, чтобы справиться с возраставшим восстанием «ибо, — писал он, — вся Орда взбунтовалась».

Преодолевалась и вражда народностей. Русские источники отмечают несколько случаев, когда казахи и башкиры выступали совместно. Султан Сейдали в одном из своих писем также призывал казахов и башкир забыть прежние обиды и выступить совместно. Но до конца эта вражда преодолена не

была, и она принесла много вреда движению. Не удалось Пугачеву и организационно увязать движение казахов со своими основными силами. Борьба объединялась общими целями, но казахские отряды, если не считать небольшого отряда султана Сейдали, боролись оторванно от войск Пугачева.

В январе 1775 года Пугачев был казнен. Но восстание в Казахстане продолжалось и после этого. Последним его отголоском в казахских степях было выступление так называемой «Невидимки».

Первые известия о «Невидимке» появились в сентябре 1775 года. Среди казахов появился человек, которого никто не видел, но многие слышали его голос. Ходили легенды, будто «Невидимка» жила в юрте простой женщины из народа. Как установила царская разведка, «Невидимкой» и являлась эта женщина, обладавшая даром чревовещания. Но из казахов никто не догадывался об ее настоящей роли. «Невидимка» выступила в Среднем жузе, но руководимое ею народное движение развивалось, главным образом, в общинах родов Тама и Табын из Младшего жуза.

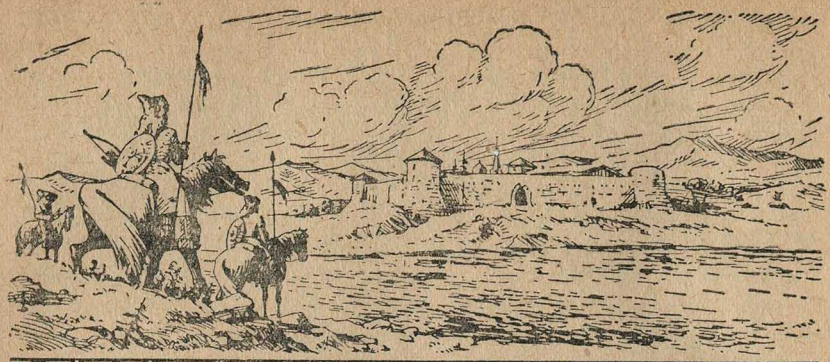
«Невидимка» призывала сплотиться вокруг «государя» (Пугачева), который облегчит страдания народа. Агитация «Невидимки» имела огромный успех в народных массах. К ней стекались подарки, около нее сгруппировалось до двух тысяч джигитов. Волнения вышли далеко за пределы родов Табын и Тама. Султаны, в том числе и Досали, послали вооруженные отряды, чтобы схватить «Невидимку». Она, однако, скрылась за реку Уил. С 1776 года сведения о ней прекратились.

Важно отметить, что «Невидимка» в своей таинственной агитации, так поражавшей воображение казахов, призывала сплотиться вокруг «государя» Петра Федоровича. В этом проявились те «царистские» тенденции борьбы, которые, как указывал товарищ Сталин, являются столь характерными для крестьянских войн. Но государь, во имя которого стремилась поднять на восстание казахов «Невидимка», был русским государем. Это говорит о том, что за годы движения Пугачева была пробита брешь в недоверии казахов ко всему русскому. Совместная, хотя организационно и не связанная, борьба казахов и русских в годы восстания и в этом отношении сыграла свою положительную роль.

Казахи оказали немалую поддержку Пугачеву, заставив царские власти держать крупные силы на границе со степью. Восстание Пугачева имело важные последствия и для казахов. В нем казахский народ выступал вопреки воле своих ха-

нов и султанов, и это подготовило последующую борьбу трудовых масс казахов против своей знати.

Участие казахов в крестьянской войне Пугачева было первым совместным выступлением казахского и русского народов против самодержавно-крепостнического строя. В этой совместной борьбе, пока еще стихийной, русский и казахский народы начали свою историческую борьбу против общего врага — царского самодержавия. В ходе этой длительной и трудной борьбы все больше проявлялась общность исторической судьбы народов.



ГЛАВА XI.

ВОССТАНИЕ КАЗАХОВ МЛАДШЕГО ЖУЗА ПОД РУКОВОДСТВОМ БАТЫРА СРЫМА ДАТОВА.

§ 25. ПРИЧИНЫ И ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ВОССТАНИЯ СРЫМА.

Казахская знать и царская администрация.

После подавления восстания Пугачева власть царского правительства на границе с казахской степью снова была восстановлена. Была укреплена пограничная линия, усилены гарнизоны крепостей.

В 1775 году царское правительство провело крупную административную реформу: Россия была разделена на обширные административные единицы — генерал-губернаторства, объединявшие по нескольку прежних губерний, во главе которых были поставлены генерал-губернаторы, или наместники. В руках наместника сосредоточивалась вся полнота гражданской и военной власти. Это облегчало царскому правительству подавление народных восстаний в самый момент их возникновения. Управление казахской степью было поручено Симбирскому и Уфимскому генерал-губернатору, а непосредственные сношения с казахами — Оренбургскому оберкоменданту.

В годы, следующие за восстанием Пугачева, положение казахской аристократии в пограничных районах степи пошатнулось. Колебания султанов в годы борьбы угрожали усложнением их отношений с царским правительством, быстро восстанавливавшим свое господство на границе с Казахстаном. Но те же колебания, склонившиеся в конце концов на сторону поддержки царской власти, превращали султанов в глазах народных масс в агентуру царского правительства в ка-

захской степи. Этому способствовало поведение самих султанов. Все заботы казахской знати сводились к тому, чтобы реабилитировать себя перед царской администрацией. На имя генерал-губернатора и в Петербург посылались письма от хана и султанов, в которых они, подчеркивая свою «благонадежность», в то же время писали доносы друг на друга, обвиняя даже своих ближайших родственников в «измене», т. е. в связях с Пугачевым. Так, хан писал царской администрации о своем брате Айчуваке, что тот будто бы направил в некоторые из родов письма с угрозами мстить России.

Вассальные отношения родовых биев к хану поколебались еще до крестьянской войны под руководством Пугачева. Бессилие хана разрешить вопрос о зимних пастбищах и добиться возвращения в жуз бежавших аулов, а также его попытки править «самовластно», лишив биев их старинного феодального права совета, — все это подрывало верность биев хану, как своему сюзерену. Но все же до 70-х годов хан еще пытался протестовать против земельных захватов и насилий, которые творились во время «воинских поисков» над казахскими аулами.

Теперь стало не то. Хан воздерживался от всяких попыток протеста и стремился лишь всеми силами восстановить доверие царских властей. Враждебные отношения между представителями ханской фамилии подрывали последнюю опору Нурали внутри жуза: пока ханская фамилия была сплочена, был влиятелен и хан, опиравшийся на своих родственников — султанов. Теперь эта опора стала ненадежной. Ослабление и частые нарушения системы вассальных отношений подрывали и ту систему внеэкономического принуждения, которая позволяла хану на «законном» основании пользоваться целым рядом доходов, собираемых с казахских общин.

Земельный вопрос в Младшем жузе в 70-х годах.

Распад системы вассальных отношений происходил в условиях неразрешенного вопроса о зимних пастбищах. В феврале 1771 года значительная часть калмыков-торгоутов, кочевавших между реками Уралом и Волгой, под предводительством тайши Убаши, прорвались через Уральскую укрепленную линию и ушли в Зауральские степи с целью занять освободившиеся еще в 1758 году земли опустошенной Джунгарии. Много их погибло от холода, много было уничтожено и пленено отрядами хана Нурали и его родственников—султанов. Земли «внутренней стороны» опустели, и среди казахов оживились надежды занять эти земли под свои зимние кочевья. Но надежды были напрасны. Запрещение кочевать на «внутренней стороне» было оставлено в силе.

Легальным путем, т. е. по соглашению с царскими властя-

ми, казахам так и не удалось разрешить вопрос о кстау, но к осени 1773 года обстановка на пограничной линии значительно изменилась. Силы царизма на восточных границах Российской империи были поколеблены крестьянской войной. Осенью этого года множество аулов, в том числе и аулы хана Нурали, перекочевали на зиму в Нарын-пески. Правительство не могло помешать переходу казахов на правый берег Урала, так как все силы на восточной границе империи были поглощены борьбой с Пугачевым. Возникли опасения, не является ли самовольная перекочевка хана следствием его перехода на сторону Пугачева. Но опасения были напрасны. Нурали объяснил, что перекочевать его заставила острая нужда в зимовках. Весной 1774 года казахи ушли в зауральские земли, а осенью опять перекочевали на правый берег Урала. То же повторилось и в 1775 году.

Коллегия иностранных дел в ноябре 1775 года была вынуждена легализовать переход казахов на зимовья в Нарын-пески. Но разрешение было дано лишь на 1775 год. Только в 1782 году был издан новый указ о порядке использования казахами земель «внутренней стороны». Условия были тяжелы. По этому указу казахам разрешалось перегонять скот в Нарын-пески только за плату владельцам этой земли, по добровольному соглашению с ними и со взятием аманатов. Наиболее удобные зимовки находились на побережье Каспийского моря и являлись частной собственностью князя Юсупова и графа Безбородко. Вместе с тем указ ничего не говорил о землях, не находившихся в частной собственности. Разрешая переход только на частновладельческие земли, указ тем самым допускал такое толкование, что на государственные земли переход вообще был запрещен. Так и стремилась истолковать указ царская администрация. Перекочевки казахов стесняла и администрация Уральского войска, ссылаясь на вред, который будто бы приносили они казачьему сенокошению и рыболовству. Стеснение перекочевок отражалось, в первую очередь, на бедных аулах. Богатые могли заплатить крупную арендную плату за пользование зимними пастбищами. Кроме того, эти аулы принадлежали родовой знати или были тесно с ней связаны. Обладая правом распоряжаться кочевьями, родовая знать всегда имела возможность использовать для себя под зимовья те ограниченные земли, которые оставались в Зауральской степи.

Феодально-колониальный гнет.

Своеобразие земельных отношений в западных районах Младшего жуза наложило свой отпечаток и на характер эксплоатации. Тесное переплетение феодальных поборов с колониальным гнетом усиливало внеэкономическое принужде-

ние и эксплоатацию масс в Младшем жузе со второй половины 70-х годов. Для взимания поборов с казахских аулов хан использовал ту ограниченную возможность перекочевки казахов на «внутреннюю сторону», которая была оформлена указом 1782 года. В одном из своих обращений к царскому правительству в 1785 году старшины жаловались на хана и его сыновей, которые за перегон скота за реку Урал собирали по одной лошади и одному барану с каждой кибитки. В этом случае поборы хана прикрывались его феодальным правом распоряжаться кочевьями. В другой жалобе старшины писали, что султан Досали ограбил общины рода Табын, взыскав большое количество скота якобы за освобождение их сородичей из плена. Один из султанов — Есим, даже не прикрываясь никаким правом, грабил казахские общины совместно со старшинами Уральского казачьего войска.

Все эти поборы хан и его родственники — султаны осуществляли в тесном союзе с местной царской администрацией. Хан указывал, какие аулы следует пропускать через Урал и какие задерживать. Он входил в сговор с администрацией Уральского войска о захвате в плен казахов с тем, чтобы впоследствии использовать этот захват для сбора средств на выкуп пленных, и делил собранные средства с администрацией Уральского войска и т. д. Не прекращались и «воинские поиски», т. е. вооруженный грабеж казахов царской администрацией и старшинами Уральского войска.

Таким образом, народные массы страдали от двойного гнета — феодального и колониального. Феодальные поборы неразрывно переплетались с колониальным грабежом. Эту систему двойного гнета олицетворяли в глазах народа хан Нурали и его родственники — султаны. Ненависть народа к ним непрерывно росла. Генерал-губернатор Игельстром вынужден был в 1785 году донести Екатерине II, что «ненависть старшин и народа к хану стала так велика, что его иначе как вредителем и нарушителем покоя не называют».

Так в Младшем жузе складывались предпосылки для широкого народного движения. В основе этого движения лежали, прежде всего, ограничения в землепользовании, которые особенно задевали трудящихся казахов. Недовольство народа вызывалось также усилением поборов хана и султанов, осуществлявшихся с помощью царской администрации. Понятно, что борьба с собственной знатью должна была тесно переплестись с национально-освободительной борьбой против российского самодержавия. В своей основе это была борьба трудящихся масс скотоводов за жизненно необходимые пастбища, принимая временами характер настоящей крестьянской

войны. Значительное участие в движении принимали и родовые старшины.

Борьба вспыхнула в западных районах Младшего жуза в 1783 году. Во главе движения встал батыр Срым Датов.

§ 26. РАЗВИТИЕ И ХОД ВОССТАНИЯ СРЫМА ДАТОВА.

Свержение хана Нурали.

К моменту начала восстания Срыму было около 60 лет. Он был старшиной рода Байбакты, кочевавшего между Эмбой и Уралом. Еще в юности Срым стал известен в Младшем жузе как отважный батыр. Своим умом, красноречием и военными доблестями батыр Срым завоевал всеобщую любовь и уважение. С ханом Нурали он был связан родством — сестра батыра была женой хана. Однако Срым пошел не с ханом, а с народом. Срым принял активное участие в движении народных масс казахов, примкнувших к Пугачеву. Царское командование отдало тогда приказ захватить Срыма любой ценой, живым или мертвым.

С 1783 года возмущение казахов в степи стало быстро нарастать. Толчком к подъему борьбы послужил усилившийся гнет царской администрации над пограничными аулами. Особенно много бедствий принесли казахам набеги отрядов Уральского войска под командованием атамана Чаганова. Чаганов разорил несколько аулов, кочевавших поблизости от нижне-уральских укреплений, угнал скот, захватил пленных. Казахи стихийно восстали. Число повстанцев быстро росло.

В середине 1783 года к восставшим примкнул батыр Срым, быстро выдвинувшийся в руководители восстания. В одной из схваток с уральскими казаками он захватил Чаганова и продал его в рабство в Хиву. Пленение Чаганова усилило репрессии со стороны Уральского войска. Осенью 1783 года Срым, в свою очередь, был захвачен в плен уральскими казаками. Через несколько месяцев ему удалось выкупиться из плена. Вернувшись в степь, он энергично приступил к организации боевых отрядов для борьбы с карательными экспедициями, посылавшимися в степь царскими властями.

В 1785 году военные действия отрядов Срыма начались с ранней весны. При известии о движении в степь карательных отрядов Срым, оставив свои аулы кочевать далеко за Эмбой, двинулся с преданными ему джигитами навстречу карателям «для недопуска и поражения отряженных туда войск», как доносила уральская войсковая канцелярия. Отряд Срыма состоял из 2 700 казахов. К нему присоединились отряды Барака и Тленши, общей численностью в 3 500 человек. Основная часть повстанцев оставалась вдалеке от

пограничной линии. Сам Срым с пятью сотнями джигитов проник в тыл карательных отрядов и совершил отважное нападение на крепость Сахарную, расположенную в районе нижнего течения Урала. Казахская конница совсем не была приспособлена к осаде крепостей, и Срым надеялся только на внезапность нападения. Однако царские власти получали от Нурали точную информацию о подготовлявшихся нападениях. Так было и на этот раз. Внезапности нападения не получилось. Гарнизон крепости успел подготовиться к защите, и когда отряды Срыма бросились к крепостному валу, они были встречены артиллерийским огнем. Срым должен был отступить. Но он не ушел в степь и продолжал сдерживать движение карательных отрядов, нападая на ближайшие крепости и форпосты.

Против Срыма были двинуты войска. Однако, искусно маневрируя, он ушел от преследователей. С лета 1785 года движение приняло еще более массовый характер. Срым пользовался поддержкой народа, и в этом заключалась сила батыра.

Испуганная размахом народного движения, казахская знать, во главе с ханом Нурали, все более склонялась на сторону царской власти. Хан Нурали указывал царским властям места кочевок восставших аулов, называл имена руководителей движения. Это вызвало в казахском народе всеобщее возмущение. В то же время хан окончательно перестал советоваться с биями по делам управления жузом и стремился устранить их от руководства политической жизнью казахов. В результате колеблющиеся слои старшин примкнули к народному движению. Влияние хана Нурали быстро падало. Даже его собственные тюленгуты стали покидать его. Нурали в секретном донесении генерал-губернатору жаловался на враждебное отношение казахов к нему и его семье: «Эти поганые не только не слушаются моих повелений, но даже и посланных туда моих детей не отпустили живыми... Говорят, что хан — чужой хан, к нам его душа не лежит. Говоря так, они отвернулись от меня и ушли».

Летом 1785 года состоялся съезд старшин, на котором было постановлено низложить хана Нурали. Осенью состоялось второе собрание биев в присутствии представителей генерал-губернатора. Бии в категорической форме заявили, что они больше не признают Нурали ханом и потребовали у царской администрации устранить его и не утверждать ханом никого из его фамилии. При этом условии бии обещали сохранить верность империи. Опасаясь за личную безопасность, Нурали вынужден был ранней весной 1786 года бежать под защиту пограничных военных крепостей. Царское

правительство приказало отправить его в почетную ссылку в Уфу, где он и умер в 1790 году.

Реформа Игельстрома.

Сговорчивость царских властей, которые в низложении Нурали пошли на уступки биям, объяснялась тем, что Коллегия иностранных дел решила использовать внутреннюю борьбу в Младшем жузе, чтобы приблизить управление жузом к общеимперской системе управления. Соответствующий проект управления казахской степью был разработан генерал-губернатором Оренбургского края О. А. Игельстромом. По этому проекту ханская власть в Младшем жузе упразднялась. Управление казахами сосредоточивалось в Пограничном суде, состоявшем из царских чиновников и представителей казахской знати. Пограничный суд подчинялся генерал-губернатору и находился в Оренбурге. В степи, в казахских кочевьях, в каждом из поколений создавались особые административные органы — расправы, подчиненные Пограничному суду. Расправы составлялись из родовых старшин. Генерал-губернатор рассчитывал, что расправы на местах явятся послушным орудием в руках Пограничного суда и будут всецело находиться под влиянием и руководством царской администрации.

Той же цели должны были служить школы и мечети, которые Игельстром намеревался открыть в районах, пограничных с казахскими кочевьями. Руководство школами и мечетями предполагалось передать в руки проверенных и преданных царскому правительству татарских мулл.

Правительство Екатерины II утвердило проект Игельстрома. Среди биев, примкнувших к восстанию народных масс, не было единого понимания государственного устройства жуза после устранения от власти Нурали. Срым считал, что необходимо ликвидировать ханский престол и сосредоточить власть в руках родовых биев, единство жуза должно олицетворяться не ханом, а ежегодно собираемыми народными съездами. Бии в своей деятельности должны были руководствоваться постановлениями этих съездов. Однако Срым не предложил никаких мер, которые гарантировали бы верность биев народным собраниям.

Большинство биев не соглашалось со Срымом. Это большинство стремилось не к ликвидации ханской власти, а к возврату той патриархально-феодальной системы государственного устройства, которая окончательно сложилась при хане Тауке и подверглась нарушениям при хане Нурали. Эти бии стремились восстановить ханскую власть в жузе, но выбрать в ханы такого султана, который «их воле был бы послушен». Их выбор пал на султана Каипа, сына султана Батыра, старого врага фамилии хана Абулхаира. Выборам

в ханы Каипа или какого-либо другого султана решительно воспротивилась Коллегия иностранных дел. Ей стало известно о стремлении Срыма ликвидировать ханскую власть, поэтому генерал-губернатору было дано указание добиться согласия Срыма на проект Игельстрома. Поддержка Срыма была получена.

В 1786 году был открыт Пограничный суд в Оренбурге, а в 1787 году — расправы на местах.

Принимая проект Игельстрома, Срым руководствовался одним соображением: он хотел лишить хана и султанов поддержки царской администрации, чтобы затем без особого труда добиться ликвидации их власти. Однако в намерения Срыма не входило содействовать в какой-либо мере укреплению власти царского правительства над казахами. Ни один из наиболее влиятельных старшин в состав расправ не вошел, и без их поддержки новые органы власти никаким авторитетом в степи пользоваться не могли. Получилось так, как и предполагал Срым: ханская власть была упразднена, но расправы ни разу не собирались. Действительная же власть в жузе перешла в руки старшин, независимых от царских органов власти. Создать органы власти, всецело зависимые от местной администрации, правительству не удалось, а старая, проверенная опора российского самодержавия была разрушена в степи руками самой царской администрации. Особенно пугала царское правительство тесная связь Срыма с народными массами. Популярность батыра росла. Казахский народ видел в нем не только непримиримого врага ханской власти, но и верного заступника от насилий царской администрации и злоупотреблений богатых старшин.

После крестьянской войны под руководством Пугачева царское правительство видело во всяком выступлении казахского народа угрозу своему господству. Французская буржуазная революция 1789 года также сильно напугала царское правительство. Ликвидация ханской власти в Младшем жузе рассматривалась теперь в Петербурге как подрыв монархических устоев. Реформу Игельстрома в правительственных кругах стали называть не иначе, как «опасными опытами». Генерал-губернатору в Оренбурге было поручено завязать сношения с наиболее непримиримым врагом казахских народных масс — султаном Ерали.

Размежевание сил внутри казахского общества.

К этому времени произошли глубокие изменения в самом движении Срыма. Народные массы стали еще более решительно выступать не только против хана и султанов, но и против тех старшин, которые были тесно связаны со знатью «белой кости». Значительная часть старшин, напуганная клас-

совым, революционным характером движения, стала отходить от него. Среди них все более усиливалось стремление ограничить борьбу народа назначением нового хана, послушного их воле, а не уничтожением ханской власти вообще. «Ныне ж скуча его (Срыма) интригами, лучшие люди желают власти ханской, а с ним и спокойствия», — писал об этом 4 февраля 1790 года казачий командир Персидский графу Воронцову. Многие состоятельные бии боялись впасть в немилость царской администрации, потерять кочевья в пограничных районах, боялись и запрещения торга в пограничных крепостях.

Все это обострило отношения Срыма с некоторой частью старшин, бывших лишь временными попутчиками движения, и привело к новой расстановке сил. Однако обнаружившийся внутри казахской общины процесс размежевания классовых сил не был доведен до конца. Непреодолимым препятствием для углубления такого размежевания явилось господство патриархально-родового быта, маскировавшего наличие классового антагонизма и обеспечившего биям руководящую роль в жизни казахского общества. Движение направлялось не против биев как общественной группы, а против отдельных биев, связь которых с врагами народа проявлялась наиболее ярко.

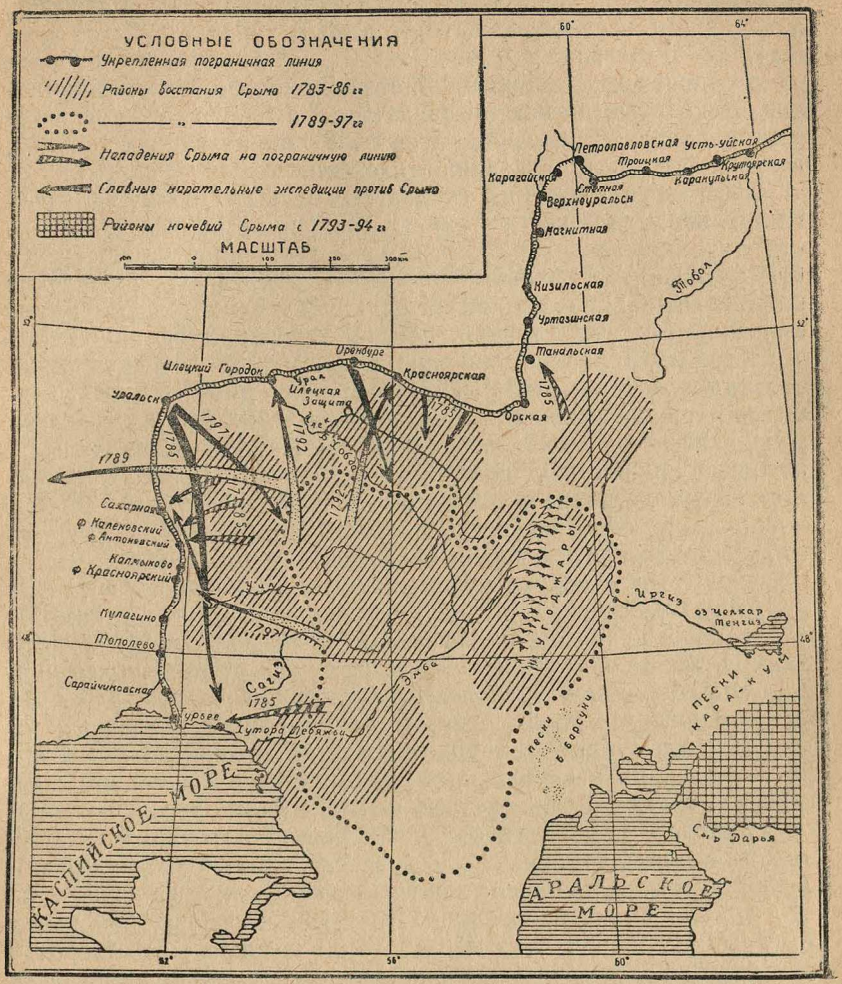
Восстание против царского правительства и казахской знати.

Сведения о новом подъеме народного движения в казахских степях заставили правительство Екатерины II восстановить ханскую власть. В 1791 году, воспользовавшись смертью Нурали, царское правительство решило устроить выборы нового хана. В торжественной обстановке, в присутствии генерал-губернатора, близ Орска состоялось избрание нового хана — Ерали.

Срым и его сторонники не только не явились на выборы, но объявили эти выборы незаконными и недействительными. С небольшим числом своих сторонников Срым откочевал к Сыр-Дарье и решил продолжать борьбу. Знатные старшины, которые в 80-х годах поддерживали Срыма, теперь стали его врагами. Султаны еще больше ненавидели батыра. Таким образом, Срыму пришлось вести борьбу на два фронта: и против российского царизма и против собственной знати. В этом состояла наиболее характерная черта нового этапа движения.

Народные массы оказали Срыму решительную поддержку. Со всех концов Младшего жуза стекались к нему вооруженные джигиты. К 1792 году Срым снова стал располагать крупными силами. Опираясь на них, он в том же году объявил войну России. В своем письме на имя генерал-губернатора Срым писал: «Точные ваш обман и ухищрения видны,

ВОССТАНИЕ СРЫМА (1783—1797 гг.)



что вы нас оными хотите..., так же как ногайцев и башкирцев, поспешить обуздать и наложить службу... и разные тягости хотите на нас наложить».

Срым видел, что политика царского правительства ведет к превращению Казахстана в колонию, как уже были превращены в колонию башкирские и ногайские земли. В то же время он наивно грозил местной администрации карой со стороны царицы Екатерины, если она узнает о несправедливостях, которые творятся над казахами. Хорошо понимая

пользу экономической связи с Россией, Срым очень осторожно относился к попыткам поднять казахов на восстание, исходившим из Бухары в годы второй турецко-русской войны (1787—1791 гг.). Вместе с тем Срым беспощадно боролся со старшинами, ставшими на сторону царской администрации. Некоторых из них он захватывал в плен и держал в качестве заложников, других изгонял из казахских степей, третьих подвергал наказанию плетьми.

В сентябре 1792 года от лазутчиков были получены сведения, что Срым концентрирует свои силы вблизи Илецкого городка. Власти приняли меры предосторожности. Население ближайших хуторов было переведено в крепость. Нападения казахов ждали со дня на день. Глухой сентябрьской ночью в крепости возник пожар. Быстро собравшееся население предотвратило распространение огня. Утром обнаружилось, что под соломенными крышами соседних домов были заложены мешочки с порохом. Через крепостной вал в степь вел след пешего человека. В поджоге сомнения не было. И действительно поджог был совершен преданным Срыму татарином. Срым рассчитывал вызвать в крепости панику, чтобы, воспользовавшись ею, взять крепость штурмом. В степь тотчас был отправлен разведывательный отряд. Поблизости от крепости этот отряд подвергся нападению казахов. Тогда на выручку был отправлен более крупный отряд с пушками. В степи произошла жестокая схватка. В разгаре сражения Срым задумал обходное движение. Увидев, что в степь вышли основные силы гарнизона, он оставил против них заслон, а сам во главе многочисленной группы казахов бросился к крепости, чтобы взять ее набегом. Но в крепости оставалась еще артиллерия, и по наступавшим казахам был открыт картечный огонь. Это задержало натиск Срыма. Услышав артиллерийскую стрельбу у себя в тылу, командование отряда отдало приказ двинуться обратно в крепость. Этот отход удался. Срым не рискнул больше повторить нападение на крепость. Но борьбы он не прекратил. Откочевав к северу, он начал готовить нападение на Красногорскую крепость. Царская администрация узнала об этих приготовлениях. В степь были посланы вооруженные отряды, охрана крепости была усилена. Срыму пришлось отказаться от своего плана.

Тогда Срым перешел к партизанской борьбе. Его джигиты нападали на отряды царских войск, на мелкие пограничные укрепления, на близкие к границе русские поселения, а также на аулы султанов. Царское правительство ответило на это жестокими репрессиями. В степь было послано несколько карательных отрядов. Они уничтожили многие аулы сторонников Срыма, но захватить самого батыра не могли.

Население аулов относилось к восставшим с глубоким сочувствием, прятало повстанцев, направляло царские отряды по ложным следам. Срым оставался неуловимым.

Партизанская борьба продолжалась до конца 1793 года. Крайнее истощение сил повстанцев заставило Срыма временно прекратить ее. В 1794 году умер ненавистный народу хан Ерали. Царское правительство, промедлив почти целый год, только в 1795 году назначило нового хана — султана Есима, сына Нурали.

В течение этих двух лет Срым сохранял спокойствие. Зимой 1795—1796 года общины Младшего жуза постиг страшный джут. Погибло огромное количество скота. Население, особенно дети, тысячами умирали от голода. Бедствие разорило многие аулы, но царские власти и казахская знать продолжали взимать тяжелые поборы. Степь волновалась.

Срым возобновил борьбу против хана, как союзника царской администрации. В ночь на 27 марта 1797 года отряды Срыма скрытно подошли к ханским аулам, расположенным вблизи границы. Ворвавшись в ханскую ставку, джигиты Срыма убили хана Есима. Никого другого повстанцы не тронули. Не было и грабежей.

Убийство хана произвело огромное впечатление на казахов. Родственники Есима бежали в Россию. Они боялись показаться в степи: им грозила участь хана. Отношения борющихся сторон сделались еще более острыми. Народ теснее примкнул к Срыму.

Среди старшин продолжалось еще более заметное расслоение. Часть старшин решительно примкнула к султанам. Другая часть, не порвавшая окончательно с народом, действовала нерешительно. Сначала некоторые из этих старшин приняли участие в карательной экспедиции, посланной царской администрацией против Срыма. Под давлением масс они, однако, вскоре покинули экспедицию и поддержали Срыма. Экспедиции пришлось вернуться на пограничную линию без всяких результатов.

Султаны требовали скорейшего восстановления ханской власти, но царское правительство, опасаясь обострения борьбы, медлило с назначением нового хана. Власть в жузе стала постепенно переходить к старшинам. Среди них росло число сторонников Срыма. Это не входило в расчеты царских властей. В октябре 1797 года состоялось назначение нового хана. Свой выбор царское правительство остановило на султане Айчуваке. Это был дряхлый и совершенно беспомощный старик, полностью и беспрекословно подчинявшийся царским властям.

После назначения нового хана султаны усилили борьбу

против Срыма. Эту борьбу возглавил один из сыновей хана Нурали — султан Каратай. Срыму пришлось откочевать в пределы Хивинского ханства. Здесь он погиб в 1802 году. По народным преданиям, его отравил хивинский хан по проискам казахских султанов. Однажды, говорит предание, в жаркий день батыр ехал по степи. Ему повстречалась старая женщина, предложившая батыру утолить жажду. Ничего не подозревавший Срым напился кумыса и, отравленный, тут же на месте скончался.

Причины поражения восстания Срыма.

Восстание Срыма Датова потерпело поражение. Основными причинами поражения восстания были те же общие причины, которые свойственны многим национально-освободительным и антифеодальным движениям эпохи феодализма — стихийность и неорганизованность движения, отсутствие планомерности и ясно сформулированной программы, отсутствие революционного класса — гегемона. Однако помимо таких общих причин, поражению движения батыра Срыма способствовали также некоторые конкретные и непосредственные причины и условия. В первую очередь необходимо отметить непоследовательность и нерешительность родовых старшин. По мере того, как движение принимало более открытый классовый характер, многие старшины, особенно богатые, тесно связанные с султанами, испугались размаха движения и стали отходить от него. Лишь небольшая часть старшин, возглавлявшихся батыром Срымом Датовым, продолжала борьбу до конца. Развитие борьбы, по мере того, как родовые старшины отходили от нее, зависело от размежевания классовых сил внутри общины, от мобилизации народа на борьбу не только против султанов, но и родовых биев. Однако в условиях господства патриархально-родового быта, маскировавшего классовые отношения внутри казахских аулов, Срым не только не мог разрешить этой задачи, но не мог и поставить ее. Его сознание было опутано иллюзиями, вытекавшими из господства патриархально-родового быта. В конечном счете это обстоятельство явилось причиной и тактических ошибок Срыма.

Батыр Срым в народном творчестве.

Восстание народных масс во главе с батыром Срымом оставило глубокий след в памяти народа. Много песен и сказаний народ посвятил самому Срыму. Народ характеризует его не только как храброго батыра, но и как умного, свободомыслящего человека. Одно из сказаний передает, как Срым стал бием байбактинцев, когда ему было двадцать лет. Сделавшись бием, Срым начал объезжать аулы, чтобы у стариков научиться мудрости. Прежде всего он поехал к бию

рода Тама — Малай Сары. Тэт сказал Срыму: «Дорогой мой, есть три великих слова. Если ты сохранишь их в памяти, ты сохранишь и преданность народа; но если ты забудешь их, — все покинут тебя. Вот эти три слова: совесть, долг, честь. И еще скажу тебе: не торопись нанести рану ближнему, не торопись очернить дальнего». В этом сказании ярко отразилось представление народа о Срыме, который, по народному преданию, твердо помнил и всю жизнь следовал этому завету.

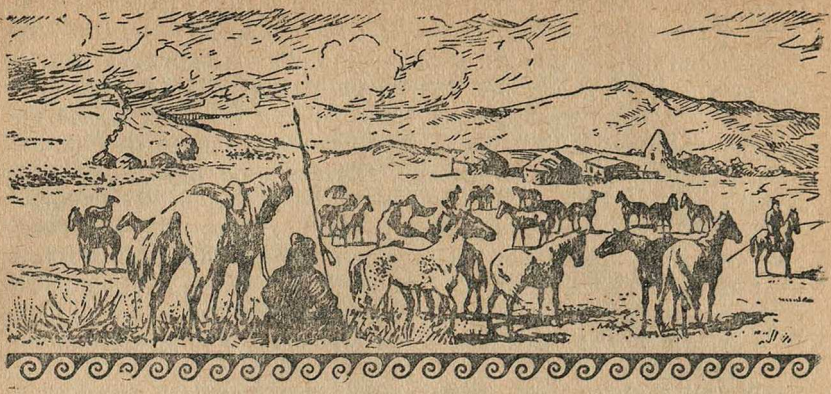
Срым был связан с ханом Нурали родством, но, как говорит предание, Срым не раз обличал хана: «Ты хан, поставленный выше всех. И ты не мог отличить малое от большого, белое от черного, слабого от сильного. Посмотри: вокруг тебя сильные грабят бедных, а ты молчишь, как холодная вода в колодце».

В народных песнях и сказаниях исторически верно изображаются мотивы, которые заставили Срыма возглавить восстание.

Ряд сказаний посвящен изображению хода восстания. Рассказывается, как Срым объезжал аулы и сплачивал казахов на борьбу, как он осаждал Илецкий городок, как он убил хана Есима.

Последний цикл сказаний о Срыме связан с его пребыванием в Хиве, куда, преследуемый казахскими султанами, он был вынужден удалиться. По преданиям, хивинский хан ненавидел батыра и всячески стремился унизить и оскорбить его. Но и здесь, в изгнании, Срым держался независимо.

Много песен и сказаний посвящено также трагической смерти батыра.



ГЛАВА XII.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ КАЗАХСКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.

§ 27. ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.

Рост феодальной эксплоатации.

Начало XIX века ознаменовалось как в Младшем, так и Среднем жузах обострением земельной тесноты.

Земельная теснота не была вызвана увеличением поголовья скота. Наоборот, количество скота у казахов систематически сокращалось. Оренбургский военный губернатор князь Г. Волконский в 1804 году отмечал в одном из своих донесений «весьма приметное уменьшение по всей степи скотоводства».

Земельная теснота вызывалась, с одной стороны, усилившимися захватами казахских земель царскими колонизаторами и среднеазиатскими ханствами и, с другой стороны — узурпацией общинных земель султанами и родовой знатью.

Со стороны царского правительства «колонизация» носила военный характер, т. е. земельные захваты проводились в интересах, главным образом, казачьих войск. Только одна новая укрепленная линия по реке Илеку, законченная в 1821 году, отрезала у казахов обширные пастбища площадью около 750 тыс. десятин между реками Уралом и Илеком.

Такие же крупные и разорительные земельные захваты осуществлялись и среднеазиатскими ханствами. Обширные пастбища отрезали у казахов создавшиеся в Семиречье ко-

кандские укрепления. Не менее серьезные ограничения создавали для казахских кочевий Кокандское и Хивинское ханства по Сыр-Дарье.

Наряду с внешними захватами решающую роль в увеличении земельной тесноты в этот период играли внутренние условия жизни казахского общества. Они заключались в том, что феодальная знать — как султаны, так и родовые бии — в широких размерах применяли захват общинной родовой земли под пастбища для своих стад. Укрепление феодальной экономики в Казахстане в начале XIX века проявилось прежде всего в усиленном расхищении общинных земель феодальной знатью — султанами и родовыми биями. Этим было обусловлено в основном и ослабление политической и хозяйственной роли общины. Община постепенно устранялась от всякого участия в общественных делах жуза.

В том же направлении действовали и внутренние политические факторы. В Среднем жузе ослабление общины было подготовлено политикой Аблая, стремившегося заменить исторически сложившуюся политическую организацию жуза удельной системой во главе с его сыновьями — султанами. В Младшем жузе огромную роль в падении политической роли родовой общины сыграло поражение движения батыра Срыма. Политическая власть в обоих жузах сосредоточилась в руках султанов и примыкавших к ним крупных, наиболее влиятельных биев.

Представители «белой кости» — ханы и султаны, значительная часть которых обеднела, уже в первой половине XIX века потеряли свою классовую однородность. Этому отчасти способствовала и политика царского правительства, лишившего значительную часть чингизидов их исключительных привилегий.

Если в XVIII веке султаны осуществляли эксплоатацию трудящихся казахов, взимая с них продуктовую ренту, а родовая знать — в форме отработочной ренты, то в первой половине XIX века султаны и родовая знать одинаково получали и продуктовую и отработочную ренту.

Султаны, как и родовая знать — бии, были заинтересованы в сохранении патриархально-родового быта. Это объяснялось условиями кочевого скотоводческого хозяйства. Хозяйство султана было тесно связано с кочевой общиной и обслуживалось ее членами. Патриархально-родовые отношения царили и в среде самих тюре.

Другая господствующая социальная группа — родовые старшины-бии — издавна распоряжалась значительной частью общинных кочевий. Но в первой половине XIX века, в связи с усилением кризиса пастбищно-кочевого хозяйства, бии нача-

ли еще более активно захватывать лучшие зимовые стойбища (кстау) в личное владение. Многие аулы богатых родовых старшин-биев и султанов уже кочевали отдельно от общин.

Что касается батыров, то они в начале XIX века стали терять свое значение, сохраняя свою власть только в районах Большого жуза и на Сыр-Дарье, где казахи вели борьбу против экспансии Коканда и Хивы.

В начале XIX века из недр феодального общества вырастала и новая социальная группа в господствующей верхушке — «байство». Вначале под термином «бай» подразумевался всякий богатый казах («бай» — в переводе на русский язык означает «богатый»). Постепенно, однако, слово «бай» приобрело другой смысл. Под этим названием стали обозначать особую общественную группу, связанную с развитием торговли и денежных ростовщических операций.

Появляются баи, ведущие крупные торговые и ростовщические операции. Например, бай восточной части Младшего жуза Джантюрин, по словам П. Небольсина, состоял «пайщиком значительной торговой компании, составленной из киргиз, и имел у себя до 25 приказчиков». Другой бай, Кулимбаев, также состоял членом торговой компании и имел до 10 приказчиков. Эти баи-феодалы занимались также ростовщичеством. Председатель Оренбургской Пограничной комиссии Ладыженский, составивший характеристику султана Ахмеда Джантюрина по случаю его представления к награде, писал в 1842 году директору Азиатского департамента Синявину: «По его примеру в восточной части Орды нет ни одного почти киргиза, который не был бы купцом или извозчиком, или солевозцем. Ахмед, сам занимаясь торговлей, с готовностью предлагает свои деньги, конечно, не без значительных для себя выгод, каждому киргизу, желающему заняться каким-нибудь из вышеприведенных промыслов».

В начале XIX века баи еще не оказывали существенного влияния на общественный строй казахов. Все же появление байства свидетельствовало о росте товарно-денежных отношений в Казахстане.

Баи-феодалы выходили главным образом из среды родовой знати, хотя среди них встречались и султаны. Нередко бай нанимал работника за определенную плату на договорных началах (словесных). По данным оренбургского чиновника д'Андре, такой работник получал в год 12 баранов или одну лошадь. Хозяин обязывался также кормить и одевать его за свой счет, а в зимнее время предоставлять жилище. Работник не мог без разрешения бая уйти к другому.

К середине XIX века широкое распространение в хозяйстве султанов, родовой знати и баев получил труд консы —

обедневших, малоскотных членов общины. Отсутствие или недостаток скота не позволял консы кочевать самостоятельно, — они кочевали всегда с феодалом и за это обслуживали его стадо и юрту. Формально консы имел право уйти от феодала, но фактически он этого сделать не мог, так как все больше попадал в кабалу к феодалу в результате «родственной помощи» со стороны последнего (уплата калыма, ссуда в голодный год и т. д.).

До середины XIX века казахские феодалы продолжали использовать труд рабов, но это был уже лишь пережиток разлагающегося патриархально-домашнего рабства.

Значительно большую роль играла в этот период своеобразная отработочная система, ярко характеризующая патриархально-феодальные отношения в Казахстане на протяжении всего XIX века. Типичной формой такой отработки в скотоводческих районах Казахстана был уже упоминавшийся выше саун.

Такое же распространение в байских хозяйствах имел «ат-майин-беру» — раздача лошадей беднякам на тех же условиях, что саун. Практиковалась и раздача баранов за право пользоваться шерстью. Если же скот, взятый в саун, или приплод погибал, то бедняк обязан был отработать за него хозяину-баю.

Таким образом, зависимость бедняка от бая была завуалирована родовыми пережитками.

Из этой системы патриархально-феодальных отношений возникла своеобразная форма эксплоатации, так называемое «уртачество»[1], т. е. коллективная помощь сородичей феодалу. Феодалы и баи использовали уртачество во время сенокоса, для постройки зимовки, для рытья глубоких колодцев и т. п. За оказанную помощь сородичей феодал обязан был досыта их накормить. Уртачество широко применялось в первой половине XIX века в кочевых и в земледельческих районах Казахстана как один из методов феодальной эксплоатации.

Значительно возросло в первой половине XIX века число егиншей (земледельцев). В этот период, как и в XVIII веке, земледелием занимались преимущественно бедняки. Они теперь особенно часто использовались в хозяйстве богатых казахов. О порядке использования феодалами егиншей для обработки своих пашен сообщает оренбургский купец Д. У. Белов, долго живший среди сыр-дарьинских казахов. «Хозяин, — писал Белов, — только дает землю, семена и скотину егинши, который землю обрабатывает на своей пище или от

[1] Термин «уртачество» бытовал в Среднем жузе. Среди казахов Старшего жуза эти отношения назывались «асар», в Младшем жузе — «уме».

хозяина получает установленное количество ячменя или проса, но количество определяют работнику не более 20-ти батманов». Повидимому, между феодалом и егинши не существовало определенной договоренности о порядке оплаты, и егинши работал, полагаясь на словесное обещание своего хозяина. Эту работу егинши можно сравнить с кабальной формой крестьянской отработки в русском помещичьем имении. Разница только в том, что отработка егинши на земле своего феодала прикрывалась формой взаимной «помощи», — феодал якобы «помогал» егинши семенами, скотом, а егинши в свою очередь «помогал» своим трудом.

Значительно увеличилось в начале XIX века число джатаков и байгушей. Характеризуя положение джатаков в XIX веке, И. Завалишин писал: «Джатак (бедняк) нанимается в пастухи к богатым, в батраки к казакам линейным, даже группируется целыми улусами у линейных городов, станиц, селений, но все это поданный кусок хлеба».

Число байгушей в первой половине XIX века, по данным Артемьева, только лишь по одному Младшему жузу составляло около 20 тыс. душ обоего пола. Нанимаясь к прилинейным зажиточным станичным казакам, байгуши пасли их скот, пахали землю и справляли различные виды домашней работы. Часть байгушей работала на рыболовных промыслах, а часть оставалась при баях и работала в их хозяйствах.

Захват феодалами зимовок.

В начале XIX века начался заметный переход казахов к оседлости и сенокошению. Это увеличило значение зимних стойбищ и привело к усилению захватов феодалами зимовок — кстау.

О переходе лучших зимовок — кстау — в личную собственность родовитых феодалов и султанов имеются многочисленные указания в архивных источниках. Подполковник Метелицин и Изразцов, изучавшие обычаи и быт казахов Семиреченского края, писали: «Зимовка составляет собственность лица и переходит по наследству так же, как и всякое другое имущество: зимовку отца наследует младший сын и т. д. Пользование зимовкой без позволения собственника возбраняется под опасением уплаты убытков за потраву».

Захват лучших зимовок султанами и родовой знатью обострял борьбу за землю внутри казахского общества. Трудящиеся казахи предпринимали попытки насильно отобрать назад зимние стойбища у отдельных родовитых феодалов и султанов. Ища защиты, казахские феодалы обращались к царской администрации, требуя юридического закрепления за ними захваченных зимовок. Наряду с этим, феодальная

верхушка фактически распоряжалась общинными летовками (джайляу).

В «Материалах обследования по киргизскому землепользованию» указывается, что в 40-х годах XIX века султаном Конур-Кульджой насильственно были захвачены летовочные районы казахов рода Мамай. Лишенные своих родовых пастбищ, мамаевцы вынуждены были уйти в Бугулинские горы Акмолинского округа.

Налоги и сборы.

Немалый доход феодалы получали от налогов и сборов с населения.

С распространением хлебопашества в первой половине XIX века ушур стал одним из основных источников обогащения феодальной верхушки. По сообщению толмача Оренбургской Пограничной комиссии Ф. Субханкулова, с сыр-дарьинских казахов ушур собирали с числа батманов снятого урожая. Если хлеб сеяли без поливки, то брали $^1/_{10}$ часть батманов, а с поливных пашен — $^1/_{20}$ часть. Сохранялся и сбор закята.

В первой половине XIX века, наряду с налогами ушур и закят, особое место занимали «согым» и «сыбага». Согымом назывался налог скотом, который взимался зимой для пропитания ханов, султанов и родовой знати. Вышеупомянутый д'Андре пишет, что согым дается для того, чтобы «хан или султан мог прожить всю зиму на иждивении народа и такой мог бы видеть и готовность ордынцев жертвовать собой в пользу начальства».

Сыбагой раньше назывался обычай угощать уважаемых лиц аула. В первой половине XIX века сыбага, не потеряв первоначального значения, приобрела одновременно и форму феодальной повинности. В отличие от согыма, сыбага давалась ханам, султанам и биям весною в виде вареного мяса. На сыбагу давали целого барана, иногда полбарана, смотря по значению и влиянию феодала.

В связи с развитием в первой половине XIX века феодальных войн, особенно разорительными для народа были уплата куна и барымта. По обычаям кун платили не только убийцы, но и их близкие и дальние родственники. При значительном размере куна в уплате участвовали все ближайшие родственники и даже целый род. Сам убийца платил до 50 баранов, одного верблюда и одну лошадь, ближайшие родственники должны были давать по 25 баранов, дальние родственники — 2 барана и т. д. Феодальные междоусобицы и родовую вражду разжигали в своих интересах феодалы, а расплачиваться приходилось простому народу.

Казахские султаны и бии получали также большой доход от разбирательства исковых дел по барымте.

Барымта, широко использовавшаяся султанами и родовой знатью в целях личного обогащения, разоряла бедняков. Но самое главное, — барымта раскалывала единство казахов, распыляла их силы и усиливала межродовую вражду.

Но и барымта теперь была совсем не тем, чем она являлась раньше — по нормам обычного права. Она перестала быть способом охраны интересов потерпевшего. Теперь набеги производились по инициативе отдельных султанов и преследовали цель не возмещения причиненного ущерба, а личного обогащения султанов, которые возглавляли эти набеги. Она сопровождалась иногда даже убийствами, что строго воспрещалось раньше обычаем. Под видом барымты совершались хищнические феодальные столкновения и грабежи, которые причиняли огромный вред хозяйству казахов. Так как приходилось всегда опасаться ответного набега, то приобретенный скот быстро и непроизводительно потреблялся. Поголовье скота уменьшалось, а вместе с тем росла нищета широких народных масс.

Современники, как русские наблюдатели, так и казахи, видели причину обнищания масс в развитии барымты. Но сама барымта, в том новом содержании, в каком она выступала в начале XIX века, сделалась возможной лишь благодаря укреплению феодальных отношений в Казахстане и неразрывно связанных с ними феодальных столкновений. Естественно, что предпринимавшиеся феодалами попытки договориться о прекращении барымты не приводили ни к каким реальным результатам.

Взаимные набеги разоряли рядовых казахов и наиболее слабых представителей казахской знати, а верхушка знати обогащалась на этих набегах. Это признавали и сами султаны. В одном из своих соглашений, направленных к прекращению барымты, заключенному близ Оренбургского менового двора в 1803 году, они писали: «Разве наши глаза не видят тех, кто продает много лошадей, как и в прежние времена? Но разве наши глаза не видят и того, что те наши люди, которые раньше ездили на хороших конях и гнали много табунов, ныне ездят оседлав быка или же ходят пешком».

Происходило все бо́льшее углубление имущественного неравенства и классовых противоречий.

Усиление феодальной эксплоатации приводило к обнищанию населения. Теперь нищета дошла до того, что стали продавать в рабство собственных детей. Дети продавались в рабство по преимуществу хивинцам. Эта торговля детьми принимала настолько широкие размеры, что правительство в 1808 году должно было издать специальный закон, запрещавший казахам, как русским подданным, продавать своих детей в

Хиву. Но тем же законом было разрешено покупать казахских детей русским подданным, в том числе и не дворянам, с тем, однако, условием, чтобы по достижении 25-летнего возраста купленному казаху возвращалась свобода. На практике этот закон широкого применения не получил.

Распространение земледелия.

В условиях упадка скотоводства, захвата пастбищных земель султанами и родовой знатью обнаружилась тенденция перехода трудящихся казахов к иным, более интенсивным формам хозяйства. Получило дальнейшее развитие земледелие. Земледелие являлось старинной отраслью хозяйства казахов в районе Сыр-Дарьи и Семиречья. В начале XIX века земледельческая культура проникла в район рек Тургая и Иргиза. Здесь также сооружалась система искусственного орошения. Сеяли здесь пшеницу, просо, сажали арбузы, дыни, лук, морковь, тыкву. Приходилось преодолевать не только природные трудности — засушливость, но и оберегать посевы от барымтовщиков.

Несмотря на все трудности, земледелие в новом районе привилось. Одновременно отдельные аулы казахов переходили к земледелию и в районах, примыкающих к реке Урал. В начале XIX века к земледелию начали переходить казахи, жившие вблизи пограничной Сибирской линии.

Торговля в начале XIX века.

Упадок скотоводческого хозяйства казахов отразился на оборотах торговли. Мена на пограничной линии упала, количество скота, пригоняемого в меновые дворы, резко сократилось. Если в 1798 году в Оренбурге, по данным таможни, было обменено казахами 223 тыс. баранов, то, начиная с первых лет XIX века, это число начинает падать. В 1814 году было обменено только 23 700 баранов. То же было и с другими видами скота. В последующие годы это число медленно и с колебаниями стало повышаться. Положение торга в Оренбурге характеризует состояние мены с казахами вообще, потому что именно Оренбург являлся центром торговли с Казахстаном. Остальные меновые пункты: Орск, Троицк, Петропавловск, Омск, Семипалатинск — значительно уступали Оренбургу по размерам торговли.

Упадок торговли с Россией не возмещался ее развитием с другими, соседними с Казахстаном, государствами. С Китаем торг никогда не был широко развит. Причиной тому были серьезные притеснения, которым в Китае подвергалась мена с казахами. Так, пригоняемый в Кульджу скот должен был обмениваться по ценам, установленным местными китайскими властями. Более широкие торговые связи существовали со среднеазиатскими ханствами. Даже приблизительных статисти-

ческих данных о размерах этой торговли нет. Но, по данным русских таможен, которые собирали эти сведения из расспросов приезжавших среднеазиатских купцов и казахов, размеры среднеазиатской торговли казахов едва ли достигли одной десятой доли обмена на русской границе. Во всяком случае торговля сыграла большую роль в деле укрепления русского влияния в Казахстане. Казахстан продолжал все более тесными экономическими узами связываться с хозяйством России.

Усилия русского торгового капитала в этом направлении полностью совпадали с целями и усилиями царского правительства. Развитию торговли со Средней Азией и, в частности, с Казахстаном в правящих кругах России придавалось весьма большое значение. В 1802 году министр торговли Н. П. Румянцев (впоследствии министр иностранных дел) представил в Государственный Совет специальную докладную записку по этому вопросу. В ней указывалось, что Россия должна, по примеру передовых стран Европы, всемерно развивать торговые сношения с азиатскими государствами. «Опытами всех веков доказано, — писал Румянцев, — что богатейшие народы были те, которые азиатские произведения передавали, так сказать, из рук в руки, употребляли их на европейское искусство и роскошь, чему ныне Англия примером». Для этого необходимо укрепить торговые связи с Бухарой, которая «и сама по себе важна продуктами и имеет близ себя Кабул и Лагор — врата в Персию и Северную Индию». Сношения же с Бухарой следует осуществлять через Казахстан. Этот транзитный путь в Индию Румянцев считал наиболее удобным. «Действительная и открытая дорога лежит из Оренбурга», — отмечал он.

Особое значение транзит через казахскую степь приобрел в период наполеоновских войн. Так называемая «континентальная блокада», установленная Наполеоном в 1806 году, закрыла английским товарам доступ в европейские страны, а после заключения в 1807 году Тильзитского мира — и в Россию. Но русский рынок продолжал предъявлять большой спрос на английские товары. Цены на них росли. Большую выгоду извлекли из такого положения бухарские купцы. Они закупали в Индии английские товары и отправляли их в Оренбург. Многочисленные караваны проходили через казахскую степь. До трех тысяч верблюдов обслуживало этот тракт.

Однако крупное значение Казахстана в торговле России определялось не только тем, что через Казахстан проходили важные транзитные пути. Это значение не исчерпывалось и такими временными факторами, как присоединение России к континентальной блокаде. Усиленная заинтересованность правящих кругов империи и русского купечества в Казахстане в

своей основе определялась развитием товарно-денежных отношений в России. Крепостнические отношения, господствовавшие в русской деревне, крайне тормозили расширение внутреннего рынка для русской промышленности. Естественно, что Казахстан все более и более привлекал внимание русских купцов, как источник животноводческого сырья и как рынок сбыта промышленных товаров. Царское правительство поощряло торговлю с казахской степью. Наряду с другими средствами (военные нападения, земельные захваты и прочее), торговля, как было сказано выше, содействовала укреплению русского влияния в Казахстане. Русским купцам эта торговля приносила баснословную прибыль. Они обменивали промышленные товары на кожи, шерсть, пушнину не по их действительной стоимости, а совершенно произвольно, пуская в ход все средства обмана. Однако посредством торговли с Россией казахское хозяйство начинало постепенно вовлекаться в более широкий товарооборот. Сало, кожи и некоторые другие продукты животноводства Казахстана становились предметом экспорта русских купцов на заграничные рынки.

§ 28. НАСТУПЛЕНИЕ СОСЕДНИХ ГОСУДАРСТВ НА КАЗАХСТАН В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА.

Захват Кокандским и Хивинским ханствами южных районов Казахстана.

Внутреннее ослабление казахских владений облегчило наступление на них со стороны соседних держав. С востока на кочевья Старшего жуза и юго-восточные районы Среднего жуза наступал Китай. Китайские феодалы обложили ближайшие к ним кочевья казахов данью, захватывали и казнили заложников и проводили, по выражению одного иностранного путешественника, «политику суровую или вернее жестокую». Тем не менее, часть казахской знати ориентировалась на Китай, рассматривая его как противовес русскому продвижению.

В свое время хан Аблай умел лавировать между Россией и Китаем. В начале XIX века условия изменились. Отсталый феодальный Китай явно уступал свое влияние в Казахстане Российской империи. Россия стала решительно бороться с проникновением сюда китайского влияния. Но наибольшая опасность Старшему жузу и южным кочевьям Среднего жуза в начале XIX века грозила не со стороны Китая, как это было во второй половине XVIII века, а со стороны Кокандского и Хивинского ханств.

После смерти хана Аблая западные районы Старшего жуза разделились на несколько отдельных независимых владений. В частности, общинами, кочевавшими в районе городов

Ташкента и Туркестана, владел в конце XVIII века казахский султан Бахадур. Восточными районами Старшего жуза управляли потомки Аблая, но в качестве вассалов китайского императора.

В 1798 году власть в Ташкенте была отнята у султана Бахадура узбекской феодальной знатью. Во главе новой власти в Ташкенте стал узбекский ходжа Юнус. Не удовлетворившись подчинением Ташкента, Юнус-ходжа предпринял завоевание казахских кочевий. Казахи оказывали упорное сопротивление, жестоко подавлявшееся Юнус-ходжой. Вскоре казахские общины, кочевавшие между городами Ташкентом, Чимкентом и Туркестаном, были вынуждены признать власть Юнус-ходжи. Он уничтожил здесь власть султанов, а управление общинами оставил в руках старшин-биев. Чтобы обеспечить верность биев, Юнус-ходжа брал у них заложников. Передача в руки родовой знати управления общинами примирила ее с утратой политической самостоятельности. Эти бии помогали Юнус-ходже, поставляя ему казахские ополчения. Во всех военных предприятиях ташкентского владельца казахи играли крупную роль.

Господство Юнус-ходжи в Ташкенте продолжалось недолго. В начале XIX века он был свергнут кокандцами. Кокандское ханство в то время возглавлялось ханом Алимом. Предприимчивый, властолюбивый и жестокий феодал, хан Алим стремился укрепить свою деспотическую власть путем завоеваний. Покоренные им народы жестоко страдали от его насилий и притеснений. По словам бухарского летописца, «вопли угнетенных достигали высот Сатурна, все просили бога послать на хана смерть».

Алим-хан ставил своей ближайшей целью завоевание Ташкента и Южного Казахстана. В 1799 году он послал на Ташкент большое войско под командованием одного из своих вассалов. При помощи казахов Юнус-ходжа и ташкентцы сумели отбить нападение. Но в 1808 году Алим-хан предпринял новый поход. На этот раз казахи, испытавшие гнет и вероломство Юнус-ходжи, остались нейтральными. Алим-хан сломил сопротивление ташкентцев и завоевал город.

Покорив Ташкент, кокандцы приобрели важную стратегическую базу для военных действий в казахской степи. Западная часть Старшего жуза и южные кочевья Младшего жуза подпали под власть Коканда.

Кокандское господство оказалось для казахского народа еще более тяжелым, чем власть Юнус-ходжи. Зимой 1808—1809 года Алим-хан отправил в районы Чимкента и Сайрама большое войско с приказанием уничтожить казахские аулы.

В это время в Дешти-Кыпчаке стояли сильные морозы, стеснявшие свободу передвижения кочевников. Но южане—кокандцы также тяжело переносили зимнюю стужу. Многие из них погибли. В войсках возникло недовольство. По образному выражению летописца, «сердца их стали холодными, как зима в Дешти-Кыпчаке, и отвратились от хана». Недовольство переросло в возмущение, которым воспользовалась враждебная Алим-хану группировка. Весной 1809 года он был свергнут и убит. Но до этого кокандские войска успели разграбить окрестные казахские аулы, угнать скот, убить и захватить в плен множество казахов. Разорению подверглась обширная область от Ташкента до города Туркестана и Аулиэ-Ата (ныне гор. Джамбул). По словам одного узбекского историка, «войска хана, как голодные шакалы, заняв степи Дешти-Кыпчака, сделали степной простор для казахов маленьким, как глаз муравья, и теснее, чем могила».

Казахи долго не могли оправиться от этого удара. Преемники Алим-хана продолжали жестоко угнетать казахский народ. Во всем Южном Казахстане кокандцы построили ряд крепостей, отрезали ими степь от горных джайляу и этим поставили казахов в прямую зависимость от кокандских гарнизонов. Под охраной крепостей кокандские военачальники, муллы, торговцы, ростовщики, сборщики податей безжалостно разоряли казахов.

Серьезная опасность угрожала Казахстану также и со стороны Хивы. Хивинские феодалы стремились подчинить себе низовья Сыр-Дарьи, изобиловавшие удобными пастбищами и плодородными землями. В 1806 году на хивинский престол вступил хан Мухаммед-Рахим, занявший по отношению к казахам открыто враждебную позицию. Союзник и родственник кокандского хана, Мухаммед-Рахим решил вооруженным путем покорить сыр-дарьинских казахов. Несколько раз хивинцы производили опустошительные набеги на казахские аулы. Казахи не имели достаточных сил для сопротивления Хиве, располагавшей по тем временам крупной и хорошо оснащенной армией. Хивинцы особенно славились искусством сооружать так называемые серкубы — специальные укрепления из земли и хвороста. По горделивому заявлению хивинцев, «ловкие стрелки могли стрелять отсюда (т. е. из серкуба) без промаха, даже если бы целью для них служил глаз муравья». У казахов же не было ни крепостей, ни пушек, ни постоянного войска.

Казахи надеялись на помощь Бухары, враждовавшей с Хивой. Но бухарский хан боялся, что на стороне Хивы выступит Коканд, и не оказал помощи казахам. К великому визирю в

Бухару явился представитель казахов, положил перед ним конский хвост и заявил: «Как этот хвост отрублен от моего коня, так и мы отделяемся от вас. Отныне мы — ваши заклятые враги». Отношения с бухарским эмиром после этого были порваны.

Угроза порабощения Казахстана среднеазиатскими ханствами в первой четверти XIX века была совершенно реальной. Хивинское правительство, захватив низовья Сыр-Дарьи, претендовало на казахские земли вплоть до Эмбы. Но агрессия как Коканда, так и Хивы столкнулась с притязаниями неизмеримо более мощной державы — Российской империи.

Усиление политической зависимости Западного и Северного Казахстана от России.

До 20-х годов XIX века Российская империя еще не приступила к военной оккупации Казахстана, если не считать постройки Ново-Илецкой линии. Сношения с казахскими правителями попрежнему осуществлялись через Коллегию, а затем Министерство иностранных дел. Царское правительство стремилось к ослаблению казахских феодалов и к превращению их в послушных исполнителей распоряжений своей администрации. В этих целях царизм широко использовал внутреннюю междоусобную борьбу казахских феодалов. В Среднем жузе после смерти Аблая (1781 г.) его сыновья вели между собой разорительные феодальные войны. Царское правительство пользовалось этим и усиленно вмешивалось во внутренние дела Среднего жуза. Основной целью царского правительства было: «склонить Средней Орды киргиз-кайсаков под настоящее российское правление».

Достижение этой цели облегчалось для царизма тем, что казахские аулы, в поисках защиты от разорительных феодальных войн, сами искали убежища близ русских крепостей. Часть казахских султанов, вместе с подчиненными им общинами, переселилась в пределы России. Правительство отвело переселенцам кочевья в Сибири, наложив на них, как и на все нерусские народности, особую подать, которая называлась «ясак».

За пограничную линию перешло сравнительно мало казахов: до 1812 года их число достигло лишь 10 тысяч человек. Значительно большее число казахов становилось «верноподданными». Такие казахи оставались кочевать на прежних землях, но выходили из-под управления хана и непосредственно подчинялись царским властям. Они не платили ясака, но, как подданные империи, должны были охранять торговые караваны, препятствовать нападению барымтовщиков на линию и выполнять различные другие поручения царских властей.

Постепенно русские владения в казахской степи расширя-

лись за счет кочевий Среднего жуза. Река Иртыш, считавшаяся государственной границей между Российской империей и ханством Аблая, теперь перестала являться таким рубежом. Граница империи потеряла свою определенность. Мало-помалу она передвигалась все дальше в глубь степи.

Хан Среднего жуза Вали ограничивался бесплодными протестами перед сибирской администрацией. Царские власти совершенно не считались с ханом. Тогда он порвал всякие торговые связи с царской Россией и предложил султанам и старшинам откочевать подальше от русской границы. В 1805 году по призыву Вали казахи, до 1 500 кибиток, стали готовиться к переселению в пределы Китая. Царские власти через посредство преданных им старшин добились, однако, того, что многие аулы отказались откочевать в Китай.

Губернатор Западной Сибири предлагал правительству послать против хана Вали карательную экспедицию. Но правительство не разрешило этого. Министр иностранных дел указал губернатору, что для борьбы с ханом «весьма сильное средство представляется в искусном употреблении противной хану Вали партии и привлечении на нашу сторону знатных султанов, без коих он ничего предпринять не может».

Следуя этой политике, царское правительство приняло меры к дальнейшему политическому раздроблению Казахстана. В 1815 году, помимо хана Вали, в Средний жуз был назначен второй хан — престарелый султан Букей, сын Барака. Этим способом царское правительство хотело предотвратить возможность возрождения ханства Аблая.

В своем продвижении на юг царское правительство неизбежно должно было столкнуться как с Китаем, так и с Кокандом. В 1824 году русскими войсками были задержаны китайские послы, которые везли от богдыхана утверждение в ханском достоинстве султана Губайдуллы, сына Аблая. В том же году в Омск явился султан Старшего жуза Суюк Аблайханов, который, хотя и считался номинально подданным России, однако, кочевал в районах, находившихся в сфере влияния Китая. Воспользовавшись приездом султана, царское правительство решило послать в его кочевья вооруженный отряд, «чтобы постепенно приучить китайцев видеть действия нашего правительства в отношении к Старшей Орде и увеличить влияние России на оную». Появление русского отряда в кочевьях Старшего жуза не вызвало протеста со стороны Китая, но крайне обеспокоило кокандского хана. Эмиссары кокандского правительства явились к биям Старшего жуза и потребовали признания подданства Коканда. Однако сторонников добровольного подчинения Коканду не нашлось, русские же вооруженные силы казались достаточной гаран-

тией против попыток Коканда захватить восточные кочевья Старшего жуза вооруженным путем. Во владениях Суюка Аблайханова укрепилось русское влияние. В остальных владениях Старшего жуза продолжала сохраняться власть Китая.

В Младшем жузе царское правительство стремилось укрепить свое влияние путем поддержки послушных его воле ханов и одновременно путем политического раздробления Младшего жуза. Царская администрация использовала в своих интересах междоусобную борьбу двух султанских группировок за ханский престол, с необычайной ожесточенностью разгоревшуюся в первое десятилетие XIX века.

Феодальная война в Младшем жузе.

В междоусобной войне казахских султанов, стремившихся захватить ханский престол, особенно видную роль играл султан Каратай.

Султан Каратай в течение многих лет не терял надежды добиться ханского звания в Младшем жузе и устранить с своего пути соперников. Стремление к ханскому званию было единственным мотивом его политической деятельности. Хищный и смелый феодал, он считал все средства пригодными для достижения этой цели. Хорошо понимая, что без согласия царского правительства он ханом стать не может, Каратай первоначально стремился добиться доверия царской администрации. Он охранял проходившие через степь караваны, отыскивал в степи и возвращал на родину русских пленных. Каратай знал, что хан Айчувак, уже больной и дряхлый старик, недолго будет ханом, и надеялся, что в конце концов царское правительство окажет ему, Каратаю, свое благоволение. В 1805 году царское правительство сместило Айчувака, но и на этот раз новым ханом был назначен не Каратай, а сын Айчувака — султан Жантюре.

Каратай возненавидел Жантюре. Несмотря на то, что борьба с новым ханом грозила осложнениями с царским правительством, ставленником которого являлся Жантюре, Каратай решился на эту борьбу. В борьбе против Жантюре Каратай развил бурную деятельность. Он разъезжал по степи, призывал выбрать нового хана, сплачивал вокруг себя вооруженные отряды. В 1806 году собрание старшин вынесло постановление о низложении «бесполезного хана Жантюре» и возвело Каратая на ханский престол. Своими успехами Каратай был обязан поддержке, которую ему оказали влиятельнейшие бии и некоторые батыры Младшего жуза. Среди них особенно выделялся батыр Котибар, пользовавшийся огромным влиянием среди самого многочисленного казахского рода — Шекты.

Однако царское правительство опять отказалось признать Каратая ханом. Последний стал силой принуждать сторонников Жантюре к покорности, а самому Жантюре пригрозил

смертью. Спасаясь от Каратая, Жантюре укрылся близ русских укреплений.

В 1807 году царское правительство направило против Каратая две карательные экспедиции. Они подвергли казахские аулы беспощадному разграблению, но захватить Каратая не смогли. В ответ на это Каратай еще больше усилил борьбу против царских властей и против Жантюре. Во время одного из набегов Каратай убил своего соперника — хана.

Это убийство напугало многих старшин. Они стали бояться мести родственников Жантюре, а главное — репрессии со стороны царских властей. Число сторонников Каратая значительно уменьшилось. Каратай бежал в пределы Хивинского ханства и на время прекратил борьбу. Все же он не отказался от притязаний на ханский престол.

Царское правительство только в 1812 году назначило нового хана. Это был султан Ширгазы, сын Айчувака и брат Жантюре. Таким образом, фамилия Нурали снова была обойдена. Правда, в том же 1812 году была окончательно отделена от Младшего жуза Букеевская Орда и ханом в ней был назначен Букей Нуралиев, но в Младшем жузе власть осталась в руках фамилии Айчувака.

Назначение Ширгазы толкнуло Каратая на возобновление борьбы. Он снова появился в оренбургских степях и призывал к восстанию против царского правительства. Борьба продолжалась два года. Царские карательные отряды разоряли аулы приверженцев Каратая. Силы повстанцев были подорваны, и Каратай пошел на примирение с царизмом. В 1814 году Каратай повидался с оренбургским губернатором и прекратил борьбу. К этому времени обстановка в южных районах Младшего жуза значительно изменилась. В кочевьях рода Шекты и в других районах Младшего жуза начало возрастать влияние султана Арынгазы, внука Каипа, бывшего хивинского хана, а Каратай быстро терял свое влияние, и ему пришлось на время примириться с сохранением звания хана за Ширгазы. Но и теперь Каратай не отказывался добиться власти. Он вернулся к прежней своей тактике служения колониальной власти, стараясь проявлять свою лойяльность к признанному царским правительством хану и всячески содействовать местным властям, вплоть до участия в карательных экспедициях. В 1824 году Каратай был признан царским правительством султаном-правителем западной части Младшего жуза.

Борьба султана Каратая не была национально-освободительным движением. Это была типичная борьба за власть властолюбивого султана, которому иногда удавалось использовать широкие массы против особенно ненавистных ханов.

Народные массы являлись для Каратая лишь орудием для достижения его властолюбивых целей. Он никогда не думал об освобождении казахского народа от национального и тем более феодального гнета и никогда не стремился к этой цели. По своему характеру борьба султана Каратая являлась феодально-монархическим движением.

Деятельность султана Арынгазы.

Попытка добиться сохранения казахской государственности в форме ханства, вассального от России, связана не с именем Каратая, а с именем султана Арынгазы. Султан Арынгазы сделался властителем в роде Шекты в 1815 году, когда умер его отец. К этому времени ему было около 35 лет. Его дед и отец были ханами в Хиве. В течение второй половины XVIII века представители его фамилии находились в дружественных политических отношениях со среднеазиатскими ханствами. Но агрессия Хивы в начале XIX века резко изменила отношения между Хивинским ханством и казахами.

Во втором десятилетии XIX века хивинский хан Мухаммед-Рахим стремился овладеть нижним течением Сыр-Дарьи. Именно здесь были расположены владения Арынгазы. Поэтому Арынгазы с самого начала своей политической деятельности вступил в ожесточенную борьбу с Хивой за независимость южных районов Младшего жуза. Эта борьба особенно обострилась с 1816 года, когда войска Мухаммед-Рахима подвергли жестокому разграблению кочевья казахов в устье Сыр-Дарьи.

В борьбе с Хивой Арынгазы искал поддержки у хана Бухары. Бухара обещала оказать помощь, но на деле ничего не предприняла. Тогда Арынгазы стал искать сближения с царским правительством. Такая политика шла вразрез с традициями, укрепившимися в XVIII веке в его фамилии, однако Арынгазы понимал необходимость изменения внешнеполитической ориентации своих предков и смело и решительно порвал с этими традициями. Одновременно Арынгазы стремился укрепить ханскую власть внутри жуза, покончить с феодальной анархией, обуздать феодалов.

Подчиненными аулами он управлял при посредстве своих доверенных лиц так называемых есаулов (жасаулов — по-казахски). Судебную власть биев Арынгазы передал в руки преданного ему мусульманского духовенства. Будучи сам мусульманином, Арынгазы стремился поднять роль и влияние мусульманского духовенства среди казахов. Для содержания есаулов и судей — казиев—казахи были обложены специальной податью. Арынгазы неуклонно взимал как ушур, так и закят. Ко всем, кто не повиновался ему, он применял смертную казнь.

Борьба с агрессией Хивинского ханства, стремление пресечь в жузе междоусобную борьбу и феодальные грабежи увеличивали популярность и влияние Арынгазы. Его власть признали также казахи западных районов Среднего жуза. Многим казалось, что Арынгазы избавит казахский народ от неисчислимых бедствий, которые несли за собой чужеземные завоевания и произвол собственной знати. Даже часть общин, непосредственно подчиненных хану Ширгазы, просила царское правительство утвердить Арынгазы ханом.

Наиболее дальновидные люди жуза понимали необходимость и правильность политики Арынгазы и поддерживали его. Среди ближайших и преданных сторонников султана находился сын батыра Срыма — Жусуп.

Усиление Арынгазы серьезно обеспокоило как царское правительство, так и хана Хивы. Царское правительство предписало оренбургскому губернатору всеми мерами поддерживать хана Ширгазы. Хивинский хан в целях ослабления Арынгазы стал назначать своих ставленников ханами сыр-дарьинских казахов.

Тем не менее, Арынгазы продолжал проводить свою политику. В 1819 году на Сыр-Дарью явились хивинские сборщики закята. Арынгазы схватил их и выдал царскому правительству. В ответ на это Мухаммед-Рахим в 1820 году напал на кочевья Арынгазы и совершенно разорил их. Более 300 казахов было убито, свыше 1 000 уведено в плен. Была полонена и семья Арынгазы, брат его был убит. Мухаммед-Рахим пригрозил дальнейшими разорениями всем, кто будет поддерживать Арынгазы.

Однако Арынгазы не пал духом от крупных неудач 1820 года и продолжал борьбу с хивинским ханом. К Арынгазы стекались вооруженные отряды казахов. С помощью этих отрядов Арынгазы напал на аулы приверженцев хивинского хана и разгромил их.

Царское правительство сочло необходимым удалить Арынгазы из степи и вызвало его в Петербург. Больше Арынгазы не вернулся в Казахстан. Сначала его задержали в Петербурге, затем сослали в Калугу. Находясь в ссылке в Калуге, Арынгазы всячески стремился поддерживать связь с Казахстаном. Надзор за ним был усилен. Неоднократно Арынгазы возбуждал просьбу освободить его, но неизменно получал отказ. В 1833 году в Петербург приехала жена Арынгазы, она была с почетом принята при дворе, ей были даны богатые подарки. К этому времени власть царского правительства в Казахстане значительно окрепла, и сношения Арынгазы с его соотечественниками не казались опасными. Николай I разрешил

султану переехать в Москву, но это разрешение уже не застало Арынгазы в живых. Он умер в том же 1833 году в Калуге.

§ 29. ЛИКВИДАЦИЯ ХАНСКОЙ ВЛАСТИ В СРЕДНЕМ И МЛАДШЕМ ЖУЗАХ.

Устав 1822 года.

В 20-х годах XIX века царское правительство решило, что настал момент окончательно ликвидировать политическую самостоятельность Младшего и Среднего жузов.

Царское правительство начало со Среднего жуза. Здесь, после смерти ханов Букея и Вали, создалась обстановка, наиболее благоприятная для планов царизма. Царское правительство решило не назначать нового хана, а раздробить Средний жуз на отдельные административные округа и поставить управление этими округами под непосредственный контроль местной царской администрации. С этой целью в 1822 году был издан закон под названием «Устав о сибирских киргизах», разработанный под руководством М. М. Сперанского. По новому закону ханская власть в Среднем жузе уничтожилась. Вместо нее был создан так называемый институт ага-султанов, т. е. старших султанов. Территория жуза разбивалась на административные единицы, которые считались внешними округами Омской области. Округа делились на волости, волости — на аулы. В основу волостного деления был положен не территориальный принцип, а родовой. Поэтому каждая волость именовалась по названию того или иного рода: например, Кенжигалинская, Каржасовская и другие. Однако при проведении нового закона в жизнь прежнее родовое деление было значительно нарушено. Переход казахов с территории одной административной единицы на территорию другой был ограничен, чем нарушался прежний родовой порядок пользования кочевьями.

Во главе аулов ставились выборные старшины из казахов. Во главе волостей были поставлены султаны. Право их на управление волостями становилось фактически наследственным. Правда, формально волостные султаны должны были обязательно выбираться, но закон рекомендовал отдавать при выборах преимущество сыну волостного султана. Органом полицейской и судебной власти в округе был окружной приказ, во главе которого стоял старший султан, избираемый на три года только султанами. При нем состояли два русских заседателя, назначаемые царской администрацией из чиновников, которые были фактически вершителями всех дел в приказе, и два заседателя из казахской знати, избираемые султанами и биями.

Внешние формы выборности местной администрации «Устав

о сибирских киргизах» сохранил для того, чтобы не слишком резко подчеркивать уничтожение старой казахской государственности, фактически же из казахов могли быть выбраны на административные должности только те лица, которые были угодны царской администрации. Она утверждала выборных в должностях, отводила неугодных, руководила деятельностью окружного приказа через русских чиновников—«заседателей», опираясь при этом на команду линейных казаков.

Стремясь опереться на казахскую феодальную знать, царское правительство по новому закону сохраняло за султанами административную власть, требуя, чтобы во главе волости и округа стояли непременно султаны. Но основанием этой власти было теперь не султанское происхождение, а полномочия, полученные от царской администрации. Старшие султаны, а также султаны волостей и старшины аулов характеризовались законом как «местные чиновники». Им давались чины, предоставлялись «по должности» земельные участки. Султанам, не выбранным и не утвержденным для управления волостью, категорически запрещалось вмешиваться в дела управления, так как одно султанское происхождение не давало, как раньше, прав на управление народом. «Устав» специально подчеркивал это, указывая, что «султаны над подведомственными им киргизами (казахами) не имеют права ни владетеля, ни помещика, но суть только волостные правители от высшего начальства, с согласия народа поставленные». Султаны были превращены в русских чиновников «благородного» казахского происхождения. Власть волостного султана приравнивалась к власти волостного управителя, а власть аульного старшины — к власти сельского старосты.

По «Уставу о сибирских киргизах», из ведения казахского суда биев были изъяты наиболее важные с точки зрения колонизаторской политики царизма судебные дела.

Наиболее опасными преступлениями в Казахстане царское правительство считало: государственную измену, убийство, грабежи, барымту и неповиновение установленной власти. Только эти дела были определены в применении к казахам как «уголовные». Они не могли рассматриваться судом биев по обычному казахскому праву, а рассматривались по царским законам окружным приказом, который был приравнен к уездному суду и действовал под контролем областного суда. Все прочие дела, в том числе и кражи, оставались в ведении суда биев и рассматривались по нормам казахского обычного права. Однако решения суда биев могли быть обжалованы областному начальству, которое должно было все же исходить из казахского обычного права. Последующие законы царского правительства все более ограничивали компетенцию суда биев и

применение казахского обычного права, пока в конце XIX века не свели их к разрешению самых мелких бытовых споров.

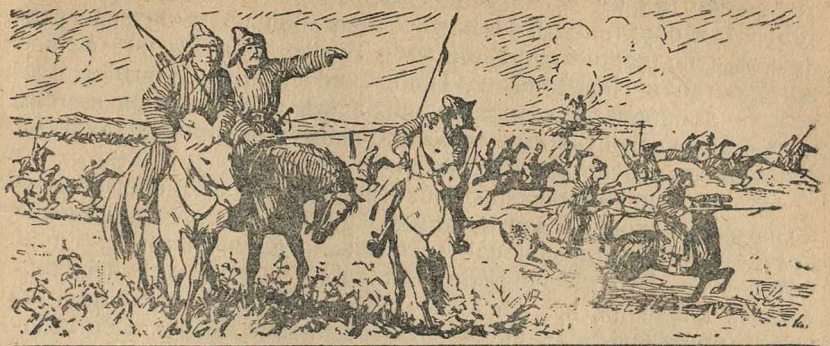
Таким образом, новая система управления вводила, вместо прежних казахских, царские органы власти. В этом заключалось основное значение «Устава 1822 года».

Уничтожение ханской власти в Младшем жузе.

В 1824 году была упразднена ханская власть в Младшем жузе. Территория жуза разбивалась на три части: западную, среднюю и восточную. Во главе каждой части был поставлен султан-правитель, назначаемый царским правительством. При каждом султане-правителе постоянно находился отряд царских войск под командованием русских офицеров.

В глазах современников положение султана-правителя по существу не отличалось от положения хана. Так смотрели на дело и султаны и народ. В их глазах, вместо одного хана в жузе появилось три. То, что они не выбирались, а назначались царским правительством, казалось, ничего не меняло, так как уже давно ханы Младшего жуза фактически назначались из Петербурга. Однако устранение казахской знати, как султанов, так и биев, от всякого участия в выборах султанов-правителей по существу являлось дальнейшим шагом по пути укрепления царской администрации в степи. То, что в качестве ее представителей выступали выходцы из казахской знати, не изменяло существа проведенной в 1824 году реформы: упразднение ханской власти в Младшем жузе, как и организация внешних округов в Среднем жузе, явилось большим шагом к ликвидации казахской государственности, к превращению Казахстана в колонию империи.

Царскому правительству не сразу удалось провести в жизнь новые законы. Организация внешних округов в Среднем жузе была закончена лишь в 1838 году. Власть султанов-правителей в Младшем жузе вначале признавали лишь пограничные с империей аулы. Новая система распространялась на отдаленные от России общины только по мере продвижения русских войск в глубину казахских кочевий.



ГЛАВА XIII.

ОБРАЗОВАНИЕ БУКЕЕВСКОЙ ОРДЫ. КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ ИСАТАЯ ТАЙМАНОВА (1836 — 1837 гг.).

§ 30. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БУКЕЕВСКОЙ ОРДЕ.

Образование Букеевской Орды.

В 1801 году на территории между Уралом и Волгой была образована Внутренняя, или Букеевская Орда.

Образование Букеевской Орды тесно связано с общим направлением колониальной политики царизма в Казахстане и с тем хозяйственно-политическим кризисом, который охватил Младший жуз в конце XVIII — начале XIX века вследствие феодализации казахского общества. Хозяйственный кризис и междоусобная борьба, которую вели между собой феодалы — потомки хана Нурали, добивавшиеся ханской власти, привели казахов к разорению и обнищанию.

Часть казахов Младшего жуза искала выхода в перекочевке на новые кочевья между Уралом и Волгой, освободившиеся после ухода в 1771 году калмыков. Перекочевка сулила возможность получить хорошие зимовки и избежать набегов враждовавших между собой феодалов.

Этим стремлением казахов решил воспользоваться один из сыновей Нурали — султан Букей. Не обольщая себя надеждой после неудачи своего брата Каратая достигнуть ханского звания в Младшем жузе, Букей решил добиться перехода на постоянное кочевание между Уралом и Волгой, где он получил бы некоторую самостоятельность власти над

управляемыми им казахами. С этой целью Букей в начале 1801 года обратился к Павлу I с просьбой разрешить переселиться с подведомственными ему, Букею, аулами на вечное жительство в Нарын-пески. Права кочевать в Нарын-песках казахи добивались давно, но они здесь искали лишь зимних кочевий. Букей ставил вопрос по-иному: он просил о переселении на «вечное» жительство.

Царское правительство неохотно шло на временные перекочевки казахов на «внутреннюю сторону», но переселение казахов в Нарын-пески соответствовало целям царского правительства. Это раздробляло Младший жуз на два изолированных владения, и, следовательно, ослабляло его политически, облегчая дальнейшее присоединение Казахстана. Заселение Нарын-песков также обещало обезопасить торговые пути между Уралом и Волгой, постоянно подвергавшиеся набегам казахской вольницы. Наконец, такое переселение облегчало проникновение русского торгового капитала в казахские кочевья.

11 марта 1801 года Павел I удовлетворил просьбу Букея: ему было разрешено перейти на постоянное кочевание между Уралом и Волгой и «заводить, где удобнее сыщется, в лесных местах селения на зимнее прибежище». В 1812 году султан Букей был возведен в ханы.

Так на территории между Уралом и Волгой было образовано зависимое казахское ханство, получившее в официальных источниках название Внутренней Орды, как находившейся внутри военных линий, или Букеевской — по имени первого хана этой Орды.

Политические отношения и хозяйство казахов в Букеевской Орде.

В первые два десятилетия после образования Букеевской Орды ее население продолжало увеличиваться за счет притока казахов из-за реки Урала. Их привлекали сюда удобные зимовки в камышовых зарослях Каспийского побережья, вблизи Камыш-Самарских озер, и близость летовок в этих местах. В степях Младшего жуза, на восток от Урала, расстояние между зимними и летними кочевьями иногда достигало 1 000 километров. Такие переходы были под силу только богатым султанам, крупным баям и биям с их многочисленными стадами. Бедняки-казахи предпочитали переселяться в Букеевскую Орду, предоставлявшую им большие удобства для кочевий. В 1812 году в Букеевской Орде было уже до 7 500 хозяйств, в 1814 году — 8 500 хозяйств, а к 1825 году население Орды составляло уже 10 490 хозяйств, или 52 тыс. душ обоего пола.

21 мая 1815 года умер хан Букей. По примеру феодальных владетелей Средней Азии, он позаботился о том, чтобы

закрепить за своим потомством право наследования ханской власти. Букей оставил завещание, которым передавал ханскую власть в Орде своему сыну Джангиру. До совершеннолетия Джангира, которому в это время было 14 лет, Букей назначил правителем своего брата султана Шигая.

До совершеннолетия Джангир жил в доме астраханского губернатора Андреевского, где получил европейское образование. В 1823 году ханом был провозглашен Джангир, о котором в поэме «Моя Родина» народный акын Джамбул говорил:

С русским царем принес Джангир-хан
В подарок народу плеть да аркан.

Хан Джангир значительно укрепил управление Ордой. Во главе каждого крупного рода или нескольких мелких он поставил управителями султанов своих родственников и преданных ему биев, которые подчинялись только ему. Для управления отделениями родов он назначал старшин, обычно, из известных в Орде биев и богатых казахов, которые подчинялись султанам-родоуправителям. Назначение утверждалось Оренбургской Пограничной комиссией. На обязанности султанов-родоуправителей и старшин лежало выполнение всех приказаний хана, отвод кочевий, сбор ханских налогов, розыски преступников и т. д. Султаны-родоуправители, а также бии выполняли судебные функции, разбирая по шариату и обычному праву спорные дела между казахами.

При Джангире процесс феодализации Орды значительно усилился. Джангир попытался даже восстановить в Орде привилегированное звание тарханов, аналогичное дворянскому, которое он присваивал наиболее богатым и выслужившимся перед ним казахам.

Казахи Внутренней Орды находились в несколько иных условиях, чем казахи, кочевавшие за Уралом и в Среднем жузе. Территорию Внутренней Орды окружали с востока по Уралу казачьи форпосты Уральской военной линии, с севера — форпосты Узеньской линии, с запада — пикеты на солевозных трактах и кордоны Астраханского казачьего войска, кочевья калмыков и русские селения — у Волги.

Казахи Внутренней Орды летом кочевали в Нарын-песках и в других местах степи, а зимой часть их (от 2 до 3 тыс. кибиток-хозяйств) переходила на земли между реками Большим и Малым Узенями, к Камыш-Самарским озерам, и часть — на побережье Каспийского моря, где находились удобные зимовки. На севере кочевки казахов непосредственно примыкали к землям русских поселков и казачьих станиц.

Хозяйство казахов Внутренней (Букеевской) Орды в первое десятилетие после ее образования ничем не отличалось от

хозяйства казахов Младшего или Среднего жузов. Это было такое же натуральное скотоводческое хозяйство. Но уже в 30-х годах XIX века оно приобрело много отличительных черт. В данном случае положительно сказалась близость России и влияние экономики ее пограничных областей на экономику Орды.

Товарно-денежные отношения развивались здесь интенсивнее, чем в других районах Казахстана. В силу этого хозяйство Орды начинает терять свой натуральный характер. Процесс дифференциации внутри казахского аула протекал здесь интенсивнее, чем в районах Младшего и Среднего жузов.

В районах Орды, близких к казачьим поселениям, начался переход к полуоседлому и оседлому образу жизни. Бедняк-кочевник вынужден был оседать на землю и заниматься земледелием. Богатые скотоводы заводили себе дома, проживая в них в течение зимы, а с наступлением весны уходили на джайляу. На зимовках оставались только обслуживающие их бедняки-джатаки. Ханская ставка стала в Орде первым оседлым поселением полугородского, полусельского типа.

Букеевские казахи стали заимствовать у русских крестьян и в казачьих станицах навыки земледелия, приобретали сельскохозяйственный инвентарь. В связи с тем, что часть казахов переходила к полуоседлой жизни, а также в связи с нехваткой хороших пастбищных угодий, букеевские казахи начинают производить сенокошение. Это избавляло от джута, а с другой стороны увеличивало продуктивность скота. В Букеевской Орде впервые в Казахстане были предприняты попытки улучшить породу скота. В 40-х годах здесь появился конный завод, который был открыт ханом Джангиром для улучшения породы лошадей, поставлявшихся им в казачьи войска.

Знакомство с русской культурой, с бытом русского крестьянина привело к тому, что казахов-букеевцев уже не стали удовлетворять свои изделия домашнего обихода. Они начали покупать их у русских торговцев. В быт казаха-букеевца прочно вошли многие предметы русского домашнего обихода.

Торговля в Букеевской Орде.

Внутренняя Орда уже в 30 — 40-х годах XIX века включается в орбиту колониальной торговли и становится крупным рынком сырья для растущей российской промышленности. Со всех концов России сюда устремляются купцы, перекупщики-алыпсатары, привлеченные высокой прибылью, которая нередко достигала 200 процентов годовых.

В Орде появляются торговые караваны астраханских, оренбургских, самарских, казанских купцов. Основной формой торговли в Орде была сначала развозная меновая торговля. Купцы ездили по всей Орде и в аулах меняли товары на скот и на продукты скотоводческого хозяйства (шерсть, овчины, сало, кожи и т. д.). Большей частью мена товаров производилась на баранов. Товары раздавались также в долг. Многие казахи оказывались настолько опутаны долгами, что навсегда оставались в кабале у торговцев.

Торговлей стали заниматься и местные старшины. Они брали у русских купцов товар на комиссию, а затем продавали его казахам с большой накидкой. Более крупные старшины отправляли огромные гурты скупленного у казахов скота на ярмарки в Астрахань, Оренбург, Уральск и т. д. Ряд представителей знати также вступали в торговые связи с русскими купцами. Хан Джангир, например, вел торговлю на паях с астраханским купцом Измаиловым, тесть хана — Караул Ходжа Бабаджанов также стал одним из крупных торговцев скотом в компании с купцом Сапожниковым, княгиней Багратион и др. Большое развитие в ауле получила торговля хлебом. В отдельных частях Орды купцы брали хлебную торговлю на откуп. Монополия хлебной торговли приводила к тому, что казахи вынуждены были покупать хлеб по той цене, которую назначали откупщики. Цены на хлеб особенно поднимались в джутовые, голодные зимы.

В 1832 году в «Ханской ставке» (ныне г. Урда) были открыты осенняя и весенняя ярмарки. С тех пор Ханская ставка стала центром торговли в Орде. Уже в 1836 году оборот весенней ярмарки равнялся 2 001 600 рублям.

Торговля во Внутренней Орде носила колониальный характер. Высококачественное казахстанское сырье обменивалось на самые недоброкачественные товары, вырабатывавшиеся на российских фабриках специально «для торговли с инородцами».

Казахи начинали учитывать требования рынка. Зажиточные байские хозяйства разводили больше тот скот, который имел спрос на ярмарках. Требования рынка привели к расширению некоторых видов домашнего производства. Так, например, раньше кошма выделывалась лишь для нужд своего хозяйства, теперь начиналась выделка ее для продажи.

Казахское хозяйство в Букеевской Орде постепенно становилось товарным.

§ 31. РОСТ ФЕОДАЛЬНОЙ ЭКСПЛОАТАЦИИ И КОЛОНИАЛЬНОГО ГНЕТА.

Рост феодальной эксплоатации казахов-букеевцев.

Казахская община расслаивалась все больше и больше. Скот — это основное богатство кочевника-скотовода — сосредоточивался в руках феодалов-баев. Часть же хозяйств теперь совсем не имела скота. В этом неравномерном распределении скота проявилось не просто имущественное неравенство, которое было характерно для казахского общества еще до образования казахских ханств. Новое во Внутренней Орде заключалось в том, что здесь складывалась новая классовая прослойка — байство, которая своим возникновением и господством была связана с развитием товарно-денежных отношений и с разложением натурального хозяйства.

Как и в других частях Казахстана, в Букеевской Орде распространенной формой феодальной эксплоатации были саун и другие виды родовой «взаимопомощи». Большое распространение в хозяйстве бая получил труд бедняков-сородичей—джатаков и консы. Некоторые обедневшие общины полностью переходили на положение консы к баям не только своего рода, но и других родов. Так, малочисленный род Кете, состоявший из 100 семейств (400 душ обоего пола), по свидетельству современников, почти целиком являлся консы «по разным отделениям у богатых казахов».

Для Букеевской Орды характерна резкая дифференциация аула. Были баи, имевшие по нескольку тысяч голов лошадей и мелкого скота. Так, 56 байских хозяйств, составлявших по отношению к общему количеству хозяйств Орды в 1839 году всего 0,4 проц., владели 17 проц. конского поголовья Орды. В то же время были аулы, в которых совсем не было верблюдов и только 3 — 4 проц. хозяйств имели лошадей. В течение первой половины XIX века постепенно увеличивалось количество коз. «Коза — корова для бедняка», — говорит казахская пословица. Многие хозяйства не имели другого скота, кроме нескольких коз и 1 — 2 коров. Конечно, эти хозяйства уже не могли кочевать самостоятельно. Большинство из них оставалось жить круглый год около форпостов, укреплений или на байских зимовках, питаясь подаянием или кое-как перебиваясь случайной работой. Казахская община распадалась. В поисках средств к существованию обезземеленные, обедневшие казахи вынуждены были уходить в работники к казачьим старшинам, в пастухи к баям, на соляные и рыбные промыслы, на заводы и рудники Оренбургской губернии. В работники в казачьи села уходили обычно целыми семьями. В начале 40-х годов при 24 постах Внут-

ренней Уральской линии на севере Орды было в работниках до 650 семей, или 3 450 душ обоего пола.

Население аула уменьшалось, в некоторых аулах осталось не более 2 — 3-х хозяйств. Мелкие отделения родов и аулы в поисках удобных пастбищ уходили далеко от своей общины и теряли с нею связь, становясь самостоятельными. Это было одним из внешних проявлений распада казахской кочевой общины Букеевской Орды.

Усиление феодального гнета.

Трудящиеся казахи Букеевской Орды подвергались жестокой эксплоатации со стороны казахских феодалов во главе с ханом. Еще при первом хане Букее начинается интенсивный захват общинных земель Внутренней Орды казахскими феодалами: ханом, султанами, биями и старшинами. По официальным данным, Букеевской Орде было отделено всего около 6 400 тыс. десятин земли. Из этого количества удобной для скотоводства было до 5 300 тыс. десятин, остальные — солончаки, песчаные низменности. В первые годы земля эта находилась в пользовании казахских общин. Каждый род, отделение или аул имел определенные летовки и зимовки, на которые хозяйства других родов и аулов не заходили. Но уже в начале второго десятилетия XIX века хан Букей, а затем Шигай, стали закреплять отдельные угодья за назначенными ими старшинами отделений и родов, с правом «кочевать с подведомственными» им казахами. Этим самым право раскочевки передавалось целиком в руки старшин. Пользуясь правом производить раскочевку казахов своего рода на отведенном ему участке, старшина рассматривал уже землю как свою собственную и сдавал ее в аренду. Сами ханы распоряжались общинной землей, как своей собственностью, по своему произволу раздавая ее, продавая султанам, биям, старшинам и прочим феодалам. Земля отдавалась под кочевья за скот, за взятки деньгами, за услуги, по родству и т. д.

Особенно широко была развита раздача и продажа земель при хане Джангире в 30-х годах XIX века. Сам хан закрепил за собой в личное владение 400 тыс. десятин самой лучшей в Орде земли. Султанам Мучегалию и Чингалию Урмановым он отвел во владение 700 тыс. десятин, Ходже Бабаджанову — 390 тыс. десятин, брату своему Менлигирею Букейханову — 400 тыс. десятин, султанам Бегалиевым — 200 тыс. десятин, султану Чоке Нуралиханову — 170 тыс. десятин. Кроме того, хан закрепил за биями и старшинами наиболее привилегированного, но малочисленного (700 — 800 хозяйств) Ногайского рода, который когда-то поддерживал его отца в борьбе за власть в Младшем жузе, в общей сложности 1 800 тыс. десятин. Таким образом, из общего

фонда общинных земель Внутренней Орды было изъято 4 500 тыс. десятин лучшей земли. Из оставшихся 800 тыс. десятин удобной земли хан продавал землю мелкими участками старшинам, ходжам, мелким султанам, дарил за услуги, сдавал во временную аренду и т. д. С 1830 по 1835 год хан роздал разным лицам 1 517 актов на владение земельными участками в Орде. К концу 30-х годов XIX века почти вся земля Внутренней Орды, за исключением неудобной для пастбищ, оказалась у феодалов, тогда как большая часть казахов совершенно не имела земли. Общины, не имевшие земли, вынуждены были арендовать землю у султанов и баев. За право кочевания они платили владельцам деньгами, скотом, продуктами или отрабатывали в их хозяйстве.

Налоги и сборы.

Большим бременем на казахов Букеевской Орды ложились налоги и сборы, взимавшиеся феодалами и ханскими чиновниками. Казахи-букеевцы до 1846 года не платили никаких податей царскому правительству, но в Орде существовали налоги в пользу хана — закят и согум. С каждых 15 кибиток брался один согум — пятилетняя корова или жирная кобылица. Ежегодно хан собирал в закят до 18 тыс. баранов, 800 быков, 1000 лошадей, 700 верблюдов и в согум — от 800 до 1000 голов крупного скота. Средняя сумма закята, собиравшегося с казахов Внутренней Орды, равнялась 115 тыс. и согума — от 9 142 до 11 400 рублей серебром в год. Сбор закята производился весной, когда становился известным приплод в стаде за зиму, а сбор согума — перед отходом на зимовку, когда скот был наиболее упитанным.

Кроме хана, закят получали также султаны-родоуправители. Много скота уходило в закят и на подарки муллам, назначенным ханом в каждый род, и ахуну в ханской ставке. Сами султаны, бии, ходжи, тарханы и муллы от уплаты налога были освобождены.

Кроме закята и согума, хан ввел еще ряд налогов: так называемую кошменную подать — с каждых 15 кибиток одна кошма, налог шерстью — до 5 пудов джебаги (немытой шерсти) с кибитки. Чтобы обеспечить свои стада, в особенности молодняк, подкормкой в течение зимы, хан ввел налог сеном: осенью с каждой кибитки взималось по одному верблюжьему вьюку сена. Кто не сдавал сена, должен был внести 2 рубля деньгами. Кроме того, казахи должны были также содержать вестовых при хане и «депутатов» (ханских уполномоченных при судебных следствиях). Содержание вестовых обходилось до 1 792 рублей в год серебром.

Сбор закята и других налогов производили специально назначенные ханом султаны и старшины, которые при сборе

налогов буквально грабили казахов. Каждый сборщик старался получить с казахов согума и закята больше, чем было назначено ханом, чтобы разницу оставить себе. В более отдаленной прикаспийской части Орды сборщики с разрешения хана брали закят в полуторном размере — излишек шел в их пользу. Уклониться от уплаты закята для казахов было невозможно — в случае отказа в аул приезжал сам султан и забирал скот силой. Если же казах, чтобы не платить закят, скрывал скот, то его, по распоряжению хана или родоуправителя, подвергали наказанию плетьми и взыскивали закят в тройном размере.

В жалобе Оренбургскому военному губернатору казахи Букеевской Орды писали в 1836 году: «Мы, как бы неогражденные никаким законом, подвергаемся обидам и притеснениям, которые переносить далее не имеем возможности, потому что султаны и бии нас совершенно угнетают: отбирают у нас скот и имущество и, кроме оказываемого ими к простому народу пренебрежения, причиняют побои и даже наносят раны... Если кто вздумает искать себе удовлетворения, то кроме того, что подвергает опасности себя и свою собственность, он может быть наказан наравне с важными преступниками».

Действительно, искать защиты у ханов было бесполезно. Обращения с жалобами к пограничным властям тоже оказывались тщетными. Царские чиновники действовали заодно с ханом.

Усиление колониального гнета.

Заселение ранее пустовавших земель между Уралом и Волгой повысило их ценность для Уральского казачьего войска. В 1813 году Уральская войсковая канцелярия, ссылаясь на необходимость «предотвращения набегов степных народов» на русские селения, распорядилась перенести установленную в 1794 году линию форпостов с Большого Узеня на Малый. Эта новая линия стала называться Внутренней, или Новоузенской. Таким образом, из земель Внутренней Орды была изъята большая земельная площадь, где находились удобные, богатые камышовыми зарослями и подножным кормом, зимовки. Чтобы спасти свой скот от бескормицы, казахи вынуждены были теперь платить за зимовку около Узеней по 15 коп. за барана, 50 коп. с головы крупного рогатого скота и по 80 коп. с верблюда. Конечно, не каждое хозяйство могло вносить эту плату. Одновременно казахам запрещена была рыбная ловля на реке Урал и в Камыш-Самарских озерах, добыча соли из степных соляных озер и пользование водопоями.

Такая же картина наблюдалась и на юге Орды. Здесь почти

все побережье Каспийского моря находилось во владении помещиков Юсупова и Безбородко. Они имели здесь 323 629 десятин земли, которая узкой полосой от 12 до 35 верст тянулась по побережью на протяжении 305 верст, почти от устья Урала до устья Волги. Земля эта заселена не была. Так, на землях князя Юсупова, составлявших 124 тыс. десятин, было только 7 рыбных ватажных промысла и 3 деревни, в которых было всего 40 дворов со 105 душами крепостных крестьян. В первые годы после образования Орды казахи свободно кочевали на пустующих землях Юсупова и Безбородко, но довольно скоро управляющие и приказчики помещиков учли те выгоды, которые можно извлечь из владения этой землей. За право кочевки до весны помещики стали взимать с казахов плату деньгами и скотом по 1 рублю с кибитки, по 20 коп. с головы крупного скота и по 5 коп. с барана, кроме того, принуждали казахов работать на промыслах: косить камыш на топливо, колоть лед для погребов и т. д.

Постепенно кочевание на землях помещиков для казахов стало возможным лишь при условии своеобразной барщины — отработки на промыслах. Помещики учли, что это для них значительно выгоднее, чем взимание платы деньгами, ибо они получали даровые рабочие руки, в которых на пустынных берегах Каспия был большой недостаток. Когда казахи отказывались платить или отрабатывать на промыслах за кочевание на помещичьей земле, приказчики захватывали у них скот и требовали затем за него большой выкуп или же сгоняли с зимовок. Поборы возрастали в суровые джутовые зимы, когда единственным спасением для скота были камышовые заросли.

В 1834—1835 годах Караул Ходжа Бабаджанов — управитель Прикаспийской части Орды — заключил с управляющими Юсупова и Безбородко арендные договоры, на основании которых распределял между кочевниками места для зимовок и собирал с них деньги. Пользуясь этим договором, Бабаджанов стал грабить и обирать казахов, кочевавших у моря. При расплате с помещиками он большую часть собранных денег оставлял себе. Так, в 1835 году в уплату за аренду земель князя Юсупова он заставил казахов отдать ему 1 100 баранов — вдвое больше, чем требовалось для уплаты аренды. С казахов, кочевавших на землях Безбородко, он собрал 10 тыс. рублей, из этой суммы 1 000 рублей отдал за кочевание, а 9 тыс. рублей присвоил. Кроме того, казахи в дачах Юсупова накосили 100 тыс. снопов камыша, перевезли все ранее накошенное сено с бугров и накололи лед для промыслов.

А зима 1834—1835 года была очень тяжелой для казахов.

В марте после сильного дождя выпал снег, затем ударил сильный мороз с буранами. Начался джут. Погибли десятки тысяч голов скота. В этих условиях казахи, чтобы не лишиться зимовок, вынуждены были удовлетворить все требования приказчиков и Караул Ходжи Бабаджанова, воспользовавшихся народным бедствием.

Рост недовольства масс в Букеевской Орде.

В народе росло массовое недовольство своим положением, усиливалась ненависть к хану и султанам-родоуправителям. Среди недовольных были также некоторые родовые старшины. Старшинская прослойка в Орде была довольно многочисленна и по своему составу далеко не однородна. Наряду со старшинами, крупными баями, были и такие старшины, которые по имущественному положению ничем не отличались от основной массы казахов-скотоводов. Старшина в ауле байгушей сам был байгуш. В первые годы существования Орды старшины имели большое значение в управлении Ордой, — хан Букей прислушивался к их мнению, и с ними вынуждены были считаться. Но при хане Джангире их положение значительно ухудшилось. Джангир почти повсеместно отменил выборность старшин и стал назначать их по своему усмотрению. Власть в Орде фактически перешла к феодальной аристократии в лице султанов и таких феодалов нового типа, как Караул Ходжа Бабаджанов. Султаны-родоуправители стали смещать неугодных им старшин и назначали на их место других казахов. Старшинские должности скоро стали продаваться ханскими советниками и самим ханом. Султаны-родоуправители начали собирать поборы в свою пользу, занимали землю старшин. Родоуправитель мог даже подвергнуть старшину телесному наказанию.

У старшин и биев отнималось право суда по старым обычаям. Феодальная аристократия стала использовать обычное право в своих интересах. Например, обычай платить кун превратился в источник дохода для феодальной аристократии. Как правило, большая часть куна или весь кун, взысканный за убитого, присваивался султанами или ханом. Нарушение обычного права ханом и султанами вызывало недовольство биев и старшин — хранителей этого обычного права.

Но большинство старшин и биев стремились возродить прежнюю систему патриархально-феодальной организации государственной власти, как она сложилась еще при хане Тауке, и поэтому не решались на последовательный разрыв с ханом. Лишь немногие бии и старшины были настроены против хана и султанов — его чиновников. Таким образом, недовольство масс имело поддержку и среди некоторой части старшин и биев, что в условиях господства патриархаль-

но-родовых пережитков, обусловливающих авторитет этих групп феодальной верхушки, имело большое значение.

Недовольство масс вылилось в 1827—1829 годах в открытое выступление против хана Джангира, но это выступление приняло тогда своеобразную, довольно пассивную форму, выразившуюся в попытке уйти из-под власти хана через пограничную линию обратно за Урал, на старые кочевья.

Движение 1827—1829 годов.

Зима 1827—1828 года была очень тяжелой — джутовой зимой. Среди казахов возникло стремление уйти за Урал. Волнения в Орде начались с марта 1827 года. Казахи в большом количестве с кибитками и скотом устремились к реке Урал с целью перейти через линию. Несмотря на то, что охрана линии была усилена, часть казахов сумела уйти в Младший жуз. Некоторых за взятки пропустила линейная стража, часть перешла тайком, а часть перебралась по льду Каспийского моря в обход линии. Всего успело перейти 1 887 кибиток, почти пятая часть населения Орды.

Вся Орда находилась в волнении. Происходили столкновения между трудящимися казахами и старшинами — ханскими чиновниками, которых хан послал в аулы для того, чтобы они прекратили откочевку. Хан опасался за свою жизнь. 25 марта он писал в Астрахань, что вся Орда «расстроилась», и вооруженные казахи разъезжают в 3-х верстах от ставки с намерением совершить покушение на его жизнь.

Стараниями пограничных властей дальнейшие откочевки за Урал были прекращены. Но так как социальные причины, вызвавшие их, не были устранены, то уже через год, в 1829 году, волнение вспыхнуло снова. К движению букеевских казахов присоединился султан Младшего жуза Каип Галий Ишимов, живший тогда в Букеевской Орде. При этом он преследовал свои личные цели, надеясь, что если он уведет за Урал часть казахов Внутренней Орды, то станет независимым от Джангира-хана правителем над этими казахами. Через своих сторонников он стал призывать казахов к уходу за Урал.

Этот призыв направлял недовольство казахов по линии наименьшего сопротивления и сводил его лишь к борьбе за свободную откочевку в Младший жуз. Каип Галий Ишимов, став во главе движения, не дал ему перерасти в открытое восстание, отведя таким образом удар от хана и его клики. Высланные с линии три казачьих отряда предотвратили откочевку. Часть руководителей была арестована, в том числе и Каип Галий Ишимов. Десять человек из задержанных в разное время ханом и казачьими отрядами были сосланы в Финляндию, а часть отдана в солдаты. Каип Галий Ишимов был

заключен в тюрьму, но в 1830 году бежал из тюрьмы в Младший жуз и впоследствии перешел на службу к хивинскому хану.

Казахи, откочевавшие в 1827 году за Урал, оказались в затруднительном положении. Ближайшие к Уралу зимовки были давно уже заняты казахами Младшего жуза, а откочевывать дальше к Эмбе или на Сыр-Дарью могли только состоятельные. Постепенно они стали возвращаться в Орду, и большинство из откочевавших казахов в течение 4—5 лет возвратилось обратно.

После неудачного движения 1827—1829 годов феодально-колониальный гнет в Букеевской Орде еще более усилился. Росли налоги и поборы, которые взимал хан и другие феодалы с разоренных масс. Султаны-родоуправители, поощряемые безнаказанностью, творили в Орде произвол и насилия.

В 1836 году недовольство масс вылилось в открытое крестьянское восстание против феодальной верхушки. Во главе восставших масс встали старшина Исатай Тайманов и известный в степи акын Махамбет Утемисов.

§ 32. ВОССТАНИЕ КАЗАХОВ БУКЕЕВСКОЙ ОРДЫ.

Исатай Тайманов и Махамбет Утемисов.

Исатай Тайманов родился в 1791 году. В 1812 году хан Букей назначил его старшиной Жаикова отделения рода Берш. Уже тогда, в возрасте 21 года, Исатай пользовался популярностью в Орде. К нему, как к одному из влиятельных биев, обращался казачий атаман Бородин за содействием во время массовых попыток казахов в 1829 году перейти за Урал. Бородин просил «почтенного старшину Тайманова» успокоить казахов и внушить им, что власти не будут противодействовать их желаниям, «если только они изъявлены законным образом и не соединены со своеволием и неповиновением установленным властям».

Исатай первоначально пользовался доверием хана и получил от него во владение земельный участок вблизи Каспийского моря, на котором построил деревянный дом. Но вскоре независимость Исатая и его властный характер заставили хана изменить свое отношение к нему. Особенно недовольство Джангира, его советников и приближенных вызывали неоднократные и настойчивые протесты Исатая против насилий над народом. Противники Исатая несколько раз обвиняли его в уголовных преступлениях и, несмотря на необоснованность обвинений, Исатай дважды побывал в тюрьме (в 1817 и 1823 гг.). Но тюрьма не сломила Исатая, а только закалила его характер и обострила в нем ненависть к угнетателям.

Махамбет Утемисов также был старшиной в одном из отделений рода Берш, но утверждения в этой должности пограничными властями он не получил. Махамбет родился в 1803 году. Выходец из бедной многодетной семьи (у него было 10 братьев), он тяжелым трудом пробивал себе дорогу в жизни и научился русской грамоте. По одному письму хана Джангира можно судить, что Утемисов был в Оренбурге при сыне хана Зюлкарнайне чем-то вроде дядьки. Возможно, что пребывание в Оренбурге и позволило Махамбету изучить русскую грамоту. Махамбет был талантливым акыном казахского народа. Его песни имели большое влияние на народные массы — они побуждали их к активности, к борьбе с феодалами.

В 1835 году Исатай резко выступил против Караул Ходжи, требуя его удаления с занимаемого поста за лихоимство, поборы и произвол. «Народ желает владеть своею собственностью, — писал Исатай хану, — а не другой кто, и никто не имел права бы налагать поборы. Если мы не получим на сие ответа... то будем думать, что нет над нами никакого начальника; тогда лучше будет старшинам оставить их жилища, а бедному народу нашему бросить все имущество и скот и потом удалиться». В ответ на это послание Джангир 5 марта 1836 года прислал Исатаю письмо, в котором упрекал его в намерении «подстрекать народ» и требовал прибыть в ставку для объяснений. «Ты должен умерить пыл своих страстей, — писал хан, — и потом уже ожидать исполнения желания. Но что это за ожидание милости, когда почитаешь себя товарищем и враждуешь против хана, как против равного себе».

Хан упорно не хотел принять каких-либо мер против Караул Ходжи. Однако Исатай не отказывался от мысли добиться своего. Уже в феврале 1836 года он становится на путь сопротивления распоряжениям хана и вместе с Махамбетом, Текали и другими старшинами призывает казахов не подчиняться хану и султанам-родоуправителям.

Хан послал к бершевцам несколько ходжей и старшин унять начавшиеся волнения. Но казахи избили их и выгнали из аулов.

Первое столкновение Исатая с Караул Ходжой.

В марте 1836 года Джангир-хан приказал Караул Ходже захватить Исатая, Махамбета и некоторых других старшин и доставить их в ханскую ставку. Караул Ходжа собрал до 800 казахов из разных родов, но выполнить приказание хана не смог. Исатай во-время узнал о готовящемся на него нападении, вооружил казахов, укрыл свой аул и весь скот в укрепленном месте, окруженном рогатками

и валом. Семь дней просидел Исатай с 200 джигитами в осаде, ожидая нападения. Предприятие закончилось для Караул Ходжи неудачно. Когда Исатай, решив сам начать сражение, вышел к его лагерю со своими джигитами, бии, сопровождавшие Караул Ходжу, заявили, что они не в состоянии «с дракою изловить 200 изъяренных людей, которые взяли оружие с намерением расстроить народ», и отказались драться. Караул Ходжа вынужден был распустить свой отряд.

Этот первый успех, достигнутый Исатаем в столкновении с Караул Ходжой, сильно поднял его влияние в глазах народа. Массы увидели в его лице стойкого, неустрашимого батыра и преисполнились к нему доверием.

Видя, что своими силами он не сможет задержать Исатая и прекратить волнения, Джангир стал писать в Пограничную комиссию на Исатая и Махамбета доносы, обвиняя их в возмущении Орды против хана. Джангир требовал ареста Исатая и Махамбета, пустив в ход клевету, будто они убили одного престарелого пастуха во время барымты, хотя было известно, что пастух скончался от удара молнии. Началось долгое следствие. Исатай на допросах у следователей убедился, что ему нечего ожидать справедливости от царских чиновников, которые имели тайное распоряжение вести следствие в пользу хана. В это время к аулу Исатая из разных частей Орды стекались казахи, недовольные ханом, султанами или пограничными властями. Постепенно сформировалось ядро будущих руководителей восстания — соратников Исатая. Хан пытался вызвать Исатая в ставку, чтобы там задержать его, но Исатай отказался ехать. Наконец, в начале июля 1836 года Исатай, по настоянию Махамбета, решился направиться к хану, чтобы лично подать ему жалобу на Караул Ходжу. С Исатаем поехало еще 17 вооруженных человек, враждебных хану старшин. Дорогой к Исатаю стали присоединяться другие казахи из аулов, расположенных на пути его следования, и скоро число его спутников достигло 100 человек. Известие об этом встревожило хана, и он послал навстречу к Исатаю несколько советников, которым удалось уговорить старшину возвратиться, пообещав от имени хана, что все его требования будут удовлетворены. Исатай отдал жалобу для передачи хану советникам, а спутников своих распустил. Хан, однако, не ответил на жалобу старшин, и вскоре Исатай и старшины послали вторую жалобу, на этот раз пограничным властям.

В этой жалобе они писали: «... все мы лишились даже власти над своей собственностью, так что отнимают у нас даже хороших лошадей и платье. Через это перетерпели мы крайние обиды и хотя приносили неоднократные жалобы вы-

сокостепенному хану, но по непринятию им таковых во уважение и неучинение по ним никаких разбирательств почли за благо довести о сем до сведения начальства».

Конечно, никакого результата и эта жалоба не принесла, так как пограничное начальство по доносам хана Джангира имело уже об Исатае и окружавших его старшинах определенное мнение, как о «бунтовщиках» и ослушниках ханской власти.

В сентябре 1836 года Исатай объехал аулы, кочевавшие ниже Камыш-Самарских озер, и призвал казахов занять кочевья на землях Уральского войска. По призыву Исатая, казахи стали перекочевывать на земли, отнятые у них уральцами. Выступление Исатая привлекло к нему много казахов. К концу октября 1836 года с ним уже кочевало более 20 аулов разных родов. В следующем, 1837 году движение развернулось еще шире, охватив постепенно всю Орду.

С началом весны 1837 года все казахи, кочевавшие на берегах Каспия, снялись со своих зимовок и откочевали вместе с Исатаем на север, в Нарын-пески.

В начале июня 1837 года Исатай вместе с несколькими из своих сторонников ездил по разным родам и отделениям и собирал подписи под прошением к генерал-губернатору, в котором жаловался на бесправие казахов и произвол со стороны хана, биев и султанов. Прошение это подписали 615 человек.

Вот что писали казахи в этом прошении:

«Поставленный над нами хан Джангир Букеев судит нас несправедливо и нисколько не сообразно с правилами религии нашей, через чего мы остаемся без всякого правосудия, с напрасным воплем и плачем всеобщих жалоб, которые день ото дня более и более всюду усиливаются, ибо обиды и притеснения возрастают для нас с каждым днем. Султаны, бии и ходжи, исполнители ханской воли, всюду нас притесняют, безвинно мучают нас побоями, своевольно отнимают у нас собственность нашу. Жаловаться на них — значит наводить на себя видимые бедствия и совершенное разорение».

Из этой жалобы видно, что старшины протестовали против поборов и притеснений хана и султанов, но в то же время они ратовали за восстановление в прежней силе обычного права.

Считая себя вполне самостоятельным, Исатай Тайманов не подчинялся ни хану, ни родоуправителям. В Орде установилось двоевластие: та часть, которая кочевала с Исатаем, не признавала ханской власти и власти султанов и исполняла только приказания Исатая. Хан писал по этому поводу, что

у казахов «теряется понятие о настоящей власти, кому повиноваться» — ему или Исатаю.

Исатай разослал по всем аулам своих агитаторов, которые призывали народ поддерживать его в борьбе против хана. Самым пламенным агитатором был акын Махамбет Утемисов. Он ездил по аулам и призывал к борьбе против хана и султанов.

Махамбет пел:

Что толку народу от тронов золотых,
Что толку народу от ханов лихих,
Если для немощных и бедняков
Нет справедливости, правды у них?!

В стихах Махамбета нашли свое выражение стремления восставших казахов Внутренней Орды:

Как я хотел бы свой меч обнажить,
Груду увидеть мертвых голов.
Слышать предсмертный верблюжий рев
Ханов, что бедный народ томят,
Биев, что брюхо себе растят!
Как я хотел бы средь волжских лугов
Вольной толпой народ расселить.
Как я хотел бы скотом наводнить,
Волга, просторы твоих берегов!

Как видно из этих стихов, Махамбет выражал думы народа, желавшего уничтожить хана, султанов, биев, забрать всю землю вплоть до Волги и зажить свободной жизнью вольных кочевников.

Ход восстания. В Оренбурге начали сознавать всю опасность, которую представляли для хана Джангира события в Орде. Сначала Пограничная комиссия пыталась вызвать Исатая в Оренбург, а когда это не удалось, то из Оренбурга для его поимки был выслан казачий отряд под командой наказного атамана Покотилова.

Пограничным властям приходилось торопиться — движение расширялось с каждым днем. 16 сентября 1837 года Исатай и Махамбет с вооруженными казахами напали на аул Караул Ходжи Бабаджанова и разгромили его. Нападение сопровождалось жертвами с обеих сторон. 2 октября Покотилов выступил с двумя сотнями казаков по направлению к кочевьям Исатая. Однако Покотилову не удалось задержать ни Исатая, ни Махамбета. Казахи-проводники намеренно водили Покотилова в ложных направлениях, сбивая с толку, кружили по незнакомой местности, предупреждая Исатая о приближении отряда. В конце концов Покотилов вынужден был ни с чем возвратиться обратно на линию.

Неудача Покотилова окрылила повстанцев, и действия

Исатая сделались более смелыми и уверенными. Восстание охватило новые районы Орды. К Исатаю стекались партии джигитов, которых он организовал в вооруженные отряды. Так как лошадей для джигитов нехватало, то казахи захватывали их у баев и султанов. Кроме того, Исатай сумел собрать еще в разных родах и отделениях до 800 лошадей.

Опасаясь за свою жизнь, крупные султаны-родоуправители бежали в Глиняный форпост. Из аула бежавшего крупного султана Чоки Нуралиханова повстанцы угнали весь скот и забрали все имущество. Повстанцам удалось захватить двух мелких султанов — Куваныша и Айдали, — которых Исатай приказал заковать в кандалы и содержать под караулом. 15 октября казахи с Исатаем и Махамбетом во главе разгромили на урочище Терекли-Кум усадьбу бия Балки Кудайбергенова и дома его родственников. Они сожгли дом бия и его брата, угнали 100 лошадей, до 300 голов рогатого скота, 80 верблюдов и увезли все имущество бия.

Смелое нападение на ненавистного казахам бия еще больше подняло авторитет Исатая и увеличило количество его сторонников. В это время Исатай имел уже до 1 500 вооруженных джигитов. На стороне батыра был весь простой угнетенный народ, независимо от родовой принадлежности. В рядах восставших не было ни одного султана, ходжи или тархана. Все привилегированные люди Орды, напуганные крестьянским характером восстания, скрывались от народного гнева в ханской ставке.

Осада ханской ставки.

В конце октября 1837 года Исатай с двухтысячным отрядом повстанцев приблизился к ханской ставке. Обитателей ставки и бежавших сюда под защиту казачьего отряда султанов, биев, торговцев и старшин охватила паника. Хан стал принимать меры к обороне ставки. Из бежавших сюда биев, ногаев, рыночных торговцев, байской челяди и прихлебателей богачей он создал отряды самообороны.

Восстание явно приняло характер классовой борьбы казахской бедноты против ее угнетателей — хана и поддерживавших его биев, старшин и грабителей-купцов. Повстанцы продолжали громить байско-султанские кочевья и дома торговцев, расположенные вблизи ставки. Были разгромлены кочевья султанов Нуралиевых, дом купца Сагита Нагметуллина и др.

Повстанцы угоняли табуны байского и султанского скота, жгли дома султанов и торговцев, захватывали под кочевку байские земли. В этих действиях повстанцев сказался крестьянский характер восстания.

Исключительно широкий размах восстания, его народный

характер, опасность разгрома ханской ставки — все это побудило пограничные власти принять срочные меры против повстанцев. В октябре 1837 года в Орду был командирован для усмирения восстания подполковник Геке. Он нашел ставку переполненной бежавшими сюда баями, султанами, торговцами, которые жили в ожидании неминуемого нападения. «Здесь я нашел величайшее смятение и беспокойство, — писал Геке о ставке, — причиненное опасением нападения Исатая Тайманова, который со значительным скопищем находится на расстоянии не более 8 верст. Появление мое ободрило малочисленных, утомленных и отчаявшихся приверженцев ханских...».

В это время Исатай, располагавший двухтысячным отрядом, вполне мог взять ставку штурмом. Однако он не сделал попытки овладеть ставкой, хотя ему и было известно, что Джангир имеет незначительные силы, боеспособность которых очень низка.

В этот решительный момент восстания роковую роль сыграла позиция большинства примкнувших к Исатаю биев и старшин, не желавших разрыва с ханом и стремившихся помириться с ним, при условии удовлетворения их требований: устранения Караул Ходжи и бия Балки Кудайбергенова и замещения некоторых постов сторонниками Исатая. Они желали, чтобы хан был менее зависим от пограничных властей и управлял народом по древнему обычному праву.

«Мы будем довольны тогда, — писали они хану в заявлении, за подписью 300 человек, — когда всякое между нами обстоятельство будете разбирать по народным нашим обыкновениям и когда без посредства русского правительства вы сами будете судить». Все это были условия, не способные уничтожить или хотя бы ограничить феодальный гнет в Орде.

В ответ на это заявление хан Джангир предложил «рассеяться, сложить оружие и ожидать ответа». Действиями хана руководил уже подполковник Геке, который был сторонником беспощадных карательных действий. «Вся степь в ужасном волнении и все привлечены к Исатаю, — доносил Геке оренбургскому военному губернатору Перовскому, — только самые деятельные и строгие меры могут остановить эти беспорядки и пора к ним приступить».

Исатай Тайманов две недели стоял перед ханской ставкой, ведя бесполезные переговоры с ханом, а затем с подполковником Геке. Переговоры эти, конечно, ничего не дали Исатаю, но Джангир и Геке добились своего — в переговорах они выиграли время, необходимое для выступления с линии казачьих отрядов.

С этого момента, когда царское правительство предприняло карательные меры против Исатая, руководимое им крестьянское антифеодальное восстание становится также и антиколониальным восстанием. Иначе и быть не могло: выступая против хана Джангира и правящей феодальной знати, трудящиеся тем самым выступали и против царизма, так как все действия феодальной верхушки Орды были неразрывно связаны с колониальной политикой царизма. На этом этапе восстания трудящиеся казахи борются уже не только против своих эксплоататоров, но и против царизма.

1 ноября, по распоряжению Геке, из Кулагинской крепости и Зеленовского форпоста выступили два отряда под командой подполковника Меркулова. Отряды эти двинулись по направлению к урочищу Терекли-Кум, где находится аул Исатая. Здесь Меркулову удалось захватить семью Исатая. Батыр, услышав о движении Меркулова, снял осаду ставки, успел догнать возвращавшийся с пленными на линию отряд Меркулова, окружил его и потребовал освобождения своей семьи. Меркулов, видя численное превосходство казахов и их решительность, отпустил семью Исатая, отдал кибитки и скот и, преследуемый казахами, которые пустили по степи палы, чтобы лишить его отряд фуража, двинулся на соединение с Геке.

Тем временем Геке деятельно готовился к выступлению против казахов. Из султанов, баев и старшин, султанской челяди и тюленгутов был сформирован отряд в четыре сотни человек, в который вошел весь «цвет» феодальной аристократии Внутренней Орды. Начальниками в отряде были назначены крупнейшие султаны Орды и советники — старшины.

В это же время из Астрахани в ставку пришел для охраны хана казачий отряд в триста сабель с одним орудием. 9 ноября Геке выехал из ставки с 40 казаками и ханским отрядом на соединение с казачьими частями, шедшими к нему из Горской крепости. На третий день, в 120 верстах от ставки, Геке соединился с горским отрядом, а к вечеру 12 ноября — с отрядом Меркулова. Ночью сюда же прибыла команда казаков с артиллерией. Таким образом, под начальством Геке сосредоточилось до 700 казаков при двух орудиях и байский отряд в 400 человек.

15 ноября 1837 года утром на урочище Тас-Тюбе произошла первая встреча карательных отрядов Геке с повстанцами. Исатай сам начал бой — его джигиты, гарцуя на отличных конях перед отрядом, произвели несколько выстрелов по казакам. Тогда Геке приказал выстрелить из орудия. Повстанцы сплошной лавиной устремились на отряд. Стремительность атаки, решительность повстанцев, их уменье владеть пика-

ми, внесли в ряды казаков замешательство, грозившее перейти в панику. Один из флангов отряда Геке был смят. Но исход боя решила артиллерия. Во время стычки казаки, выдвинув орудия на близкое расстояние, в упор дали два выстрела картечью. Картечь произвела в рядах повстанцев большое опустошение. Все смешалось. Повстанцы не выдержали и начали панически отступать. Преследование продолжалось на протяжении 7 верст. Впрочем, никто из вожаков восстания не был захвачен. Исатай во время преследования успел на скаку пересесть на свежую лошадь и скрыться. Во время боя у Исатая было убито до 60 человек.

Поражение Исатая на урочище Тас-Тюбе внесло растерянность в ряды повстанцев. Исатай уже больше не мог организовать вокруг себя казахов для продолжения борьбы.

Спасаясь от преследования карательных отрядов, повстанцы разбрелись небольшими группами по Орде. Около Исатая осталось всего лишь несколько наиболее верных ему товарищей.

После непродолжительной стоянки на Тас-Тюбе Геке двинулся дальше, по направлению к урочищу Найза-Чагыл, рассылая для поисков Исатая в разные стороны на расстоянии 20—25 верст команды в 100—200 казаков с сотней или полусотней ханских джигитов. Опасаясь, что Исатай прорвется за Урал, пограничное начальство усилило охрану линии. По Орде было объявлено, что за поимку Тайманова живым будет выдана награда в 500 рублей серебром, а убитым — в 250 рублей.

Отряды Геке и других карателей, а также ханские джигиты рассеялись по всей степи, забирали скот у казахов, захватывали в плен лиц, подозреваемых в участии в восстании. Напуганные действиями карательных отрядов, сотни аулов снялись с зимовок и стали откочевывать в пески в надежде найти там спасение. Зима в этом году была суровая. С середины октября наступили сильные морозы, начался падеж скота. Некоторые аулы стали возвращаться на старые зимовки, иные отправлялись к линии, в надежде перейти за Урал. Но здесь их встречали казачьи отряды и ханские джигиты, которые забирали последний скот, уводили в плен мужчин, разворовывали имущество и жалкие запасы продовольствия. В ограбленных аулах остались старики, женщины и дети. Лишенные скота, они гибли от голода и мороза. Большинство пленных Геке отправлял на линию для пересылки в Уральск, где их заключали в острог, а некоторых тут же в отряде наказывали плетьми и отпускали. К началу декабря большая часть видных участников движения была уже поймана. В Уральском остроге находились Капланбай Калды-

баев, Сарт Иралин, Исмаил Утемисов (брат Махамбета) и другие, которых Перовский приказал судить военным судом.

В первых числах декабря Геке возвратился с отрядами на линию. Где находился Исатай, — долгое время было неизвестно, но 13 декабря он неожиданно, во время сильной метели, прорвался через линию около Яманхалинского форпоста и ушел за Урал в Младший жуз. С Исатаем было 40 человек (в том числе Махамбет Утемисов, его братья, семья Исатая и другие). Султан-правитель западной части Младшего жуза Баймухаммед Айчуваков, который находился со своим отрядом вблизи Сарайчиковской крепости, бросился в погоню. Однако Исатая задержать не удалось, но была захвачена его семья: жена, двое сыновей, Сулеймен Утемисов и другие — всего 12 человек. Все они были преданы военному суду, а жена и 12-летний сын Исатая — Динбаян были отправлены к хану Джангиру.

Царское правительство жестоко расправилось со всеми захваченными участниками движения. Они были приговорены военным судом к наказанию шпицрутенами от 500 до 2 000 ударов, с последующей ссылкой на крепостные работы или в Сибирь на поселение. Так, один из братьев Махамбета — Ахмет был два раза прогнан сквозь строй в 500 человек, а затем сослан на крепостные работы в Ригу на 8 лет, с последующей отдачей в солдаты. Другой его брат — Сулеймен, захваченный в декабре 1837 года после перехода Исатая за Урал, был приговорен к 750 ударам шпицрутенами, с последующей ссылкой на крепостные работы на 3 года. Были и более жестокие приговоры. Некоторые из повстанцев до суда умерли в тюрьме, где содержались в ужасных условиях.

Скот, реквизированный карательными экспедициями в аулах (773 верблюда, 510 лошадей, 1 799 коров, 8 032 барана), был продан с торгов, а вырученные деньги обращены на покрытие расходов, понесенных на карательные экспедиции.

После перехода за Урал Исатай скрылся в аулах назаровского отделения рода Шекты, кочевавших в районе песков Большие Барсуки.

Во всех аулах народному герою оказывался сердечный прием: его снабжали провизией, давали ему верблюдов, кибитки, лошадей.

Восстание в Младшем жузе и гибель Исатая Тайманова.

Политическая обстановка в Младшем жузе в момент появления здесь Исатая была чрезвычайно сложной и обостренной. Царское правительство в эти годы значительно активизировало свою захватническую политику. В 1831 году в Младшем жузе была введена так называемая дистаночная система, направленная на уничтожение власти

родовых старшин. Вся прилинейная полоса была разбита на ряд дистанций, управление которыми было поручено дистаночным начальникам, в обязанность которых вменялось заведывать всеми казахами, кочующими против их дистанции, независимо от того, к какому роду или отделению они принадлежат. В степи строились укрепления. В 1836 году пограничные власти послали несколько военных экспедиций для покорения отдаленных родов: на Мангышлак, в пески Барсуки и Тайсуган и на реку Хобду. Все эти экспедиции заканчивались разгромом мирных аулов.

В начале XIX века двинулись в казахскую степь, с целью покорения южных территорий Казахстана, средне-азиатские ханства — Хива и Коканд. В 30-х годах это агрессивное движение среднеазиатских ханств усилилось. На Сыр-Дарье были созданы кокандские укрепления, отряды хивинских нукеров с закятчиками стали доходить до реки Эмбы. Как и царская Россия, Хива стремилась привлечь на свою сторону казахских феодалов, чтобы с их помощью подчинить казахский народ. Некоторые из султанов, начав борьбу за власть в Букеевской Орде и потерпев поражение, искали союзников в лице среднеазиатских ханов и беков. Они превращались в деятельных агентов хивинского и кокандского правительств. Таким султаном, целиком перешедшим на службу к хивинскому хану, стал Каип Галий Ишимов. Что касается основной массы казахов, то она оставалась совершенно безучастной к его целям.

В 1837 году в Среднем жузе вспыхнуло национально-освободительное движение казахов против царизма, руководимое Кенесары Касымовым. В 1837 году восстание Кенесары начало охватывать восточные территории Младшего жуза.

Именно в этот момент в Младшем жузе и появился Исатай Тайманов. И здесь Исатай поднял казахов на борьбу против царизма.

Но тут была иная обстановка, чем в Букеевской Орде. В кочевьях Младшего жуза, особенно в южных его районах, были очень сильны пережитки патриархально-родового быта, расхищение общинных земель казахской знатью тут еще не приняло открытых форм, как в Букеевской Орде. Поэтому и размежевание классовых сил не могло произойти здесь в той мере, как это имело место во время восстания в Букеевской Орде.

Кроме того, в южных родах было сильно влияние Хивы и ее ставленника султана Каип Галия Ишимова. Оторванный от своих аулов, Исатай попал здесь в зависимость от феодалов родов Шекты, Адай, Табын и от султана Ишимова, к которому он обратился за поддержкой и помощью. Каип Галий

примкнул к восстанию и провозгласил себя ханом западных казахов.

В связи с этим движение в Младшем жузе потеряло свой крестьянский характер, — оно было направлено теперь не против собственной знати, а только против царизма.

В начале мая 1838 года Исатай и Махамбет приехали к Каипу Галию, кочевавшему у адаевцев. Здесь произошло совещание, на котором присутствовали многие бии и старшины Младшего жуза. На совещании Тайманов рассказал собравшимся о своем положении и просил помочь ему в организации восстания. После совещания Ишимов разослал старшинам южных родов приказание собрать с каждого рода по сто всадников для борьбы «против русских». Исатай Тайманов также послал по аулам своих товарищей поднимать казахов на борьбу. В своих письмах к биям и батырам Младшего жуза Исатай и Каип Галий выступали от имени хивинского хана Алакула во имя «общего мусульманского дела». Таким образом, общенародные цели восстания здесь были подменены лозунгами «газавата» — борьбы против неверных — и призывом ко всем мусульманам объединиться под эгидой правоверного шаха Хорезмского.

Эти призывы не соответствовали народным интересам. Массы могли бороться против русского царизма, против своих феодалов, но отнюдь не за интересы Хивы и хивинского хана. Исатай, под влиянием Каип Галия, стремился к освобождению казахов от «неверной России» и подчинению их мусульманской Хиве. Ясно, что такой лозунг не мог поднять и, по существу, не поднял массы на борьбу. Характерно, что Каип Галий и Исатай пытались в этот период опереться, в первую очередь, на биев и старшин.

Восстание Исатая Тайманова потеряло в Младшем жузе свой антифеодальный характер и приобрело реакционные черты.

В конце июля Исатай и Каип Галий более чем с 2 000 повстанцев приближались к пограничной линии. В Оренбурге начали сознавать, что положение в казахской степи обостряется с каждым днем и что одновременное восстание в Младшем и Среднем жузах могло привести к ослаблению позиций, завоеванных царизмом в Казахстане, и нанести удар по торговым сношениям России со Средней Азией. 9 июля против Исатая из Илецкой Защиты выступил двухсотенный отряд под командой Геке и полуторасотенный отряд султана-правителя Баймухаммеда Айчувакова, при котором было, кроме того, несколько сотен его джигитов.

Исатай, не зная еще о выступлении Геке, отделился от Ишимова и двинулся по направлению к ставке султана, что-

бы произвести на нее внезапное нападение. Но Айчуваков подослал к нему шпиона-казаха по имени Балты. Тот, выдав себя за представителя рода Байулы, начал жаловаться на султана Айчувакова, который с «ничтожной кучкой людей прибыл в байулинские аулы и насильно отнимает скот». Поверив этим ложным сведениям, Исатай решил напасть на Айчувакова и двинулся по направлению к кочевьям байулинцев. Оставив повстанцев на полпути, Балты бросился к Айчувакову и предупредил его о движении Исатая.

Предательский замысел удался полностью. Казачьи сотни Геке залегли в оврагах и лощинах по берегам речки Ак-Булак, на пути движения Исатая. Вокруг были выставлены наблюдательные пикеты. На рассвете 12 июля 1838 года один из таких пикетов был атакован повстанцами. Пикет обратился в бегство. Полагая, что он имеет против себя только одного Айчувакова с его казачьей командой и джигитами и не зная о действительной численности противников, Исатай пошел в наступление. Но тут в бой вступили казаки; был открыт огонь из орудий. Одна граната попала в группу джигитов и ранила нескольких из них. На миг джигиты рассыпались, но затем продолжали храбро двигаться вперед. Чтобы заманить их в мешок, Айчуваков пустился на хитрость: он повернул свою группу назад и обратился в притворное бегство. Исатай увлекся преследованием и не заметил засады. Внезапно две казачьи сотни ударили из оврагов во фланг, а третья часть казаков — во фронт. Исатаевцы дрогнули и стали отступать. Казачьи сотни и Айчуваков преследовали повстанцев на расстоянии 15 верст. Во время погони казаки ранили под Исатаем коня и нагнали его. Исатай, спешившись, пытался обороняться саблей, но его успели схватить сзади три казаха из отряда султана. Подскакавший в это время урядник Богатырев саблей рассек ему голову. Когда Исатай упал, один из казаков добил его выстрелом в грудь.

Значение восстания Исатая и причины его поражения.

Из всего хода восстания казахов 1836—1837 годов в Букеевской Орде под руководством Исатая Тайманова видно, что оно было крестьянским антифеодальным восстанием, направленным против феодальной верхушки Орды — ханов, султанов, биев, баев.

Выступление Исатая было стихийным, как и все крестьянские движения. Помимо общей обреченности, свойственной крестьянским восстаниям в эпоху феодализма, не сочетающимся с рабочими восстаниями, большую роль в поражении восстания Исатая Тайманова, как и раньше в восстании батыра Срыма, сыграл союз казахской знати и царских властей. Способствовала поражению восстания также позиция

большинства биев и старшин, примкнувших к восстанию. Они были временными попутчиками трудящихся масс в этой борьбе и выступали против решительных действий. Их непрестанные попытки пойти на примирение с ханом дезориентировали трудящихся казахов. Эта нерешительность сказалась и в действиях вождя восстания Исатая Тайманова. Окончательному разгрому восстания содействовало также и то, что повстанцы были значительно хуже вооружены, чем карательные отряды царского правительства.

Опыт восстания 1836—1837 годов в Букеевской Орде еще раз подтверждает, что освобождение казахского народа от гнета его феодалов было невозможно без борьбы против российского самодержавия.

Крестьянское восстание под руководством Исатая Тайманова явилось крупным событием в борьбе трудящихся масс Казахстана против своих эксплоататоров. Восстание способствовало укреплению в массах мысли о том, что их интересы и интересы феодальной верхушки — ханов, султанов, биев и баев — различны. Это имело большое воспитательное значение в развитии дальнейшей борьбы казахского народа против классового гнета.

Восстание Исатая Тайманова потеряло свой антифеодальный характер в Младшем жузе. Одной из основных причин его поражения была ориентация Каип Галия и Исатая Тайманова на хивинского хана, от гнета которого казахские массы страдали еще больше, чем от гнета царизма. Именно эта хивинская ориентация Каип Галия и Исатая и привела к тому, что Исатай не получил повсеместной поддержки казахов Младшего жуза, и восстание было разгромлено в самом его начале.

Гибель Махамбета Утемисова.

Не менее трагична была судьба Махамбета Утемисова. После поражения восстания в Младшем жузе и смерти Исатая Утемисов ушел в Хиву. Затем он снова возвратился в Младший жуз, откуда иногда переходил через линию во Внутреннюю Орду для отгона скота у баев и старшин. В марте 1841 года он был задержан и предан военному суду. Ввиду заступничества чиновника пограничной комиссии Аипова, которому Утемисов в 1838 году оказал содействие в выручке нескольких русских пленных из степи, и поспешности следствия, он был освобожден и отправлен в Младший жуз под надзор султана-правителя Арслана Джантюрина. Однако ему было запрещено не только приезжать в прилинейные города, но и появляться вблизи линии. Отныне он выезжал в отдаленные аулы, где распевал свои песни, всюду являясь желанным

гостем. Но он тосковал о родных местах, его угнетало положение скитальца.

«...Я скитаюсь в степи несколько лет, — говорил он о себе, — без родины и без приюта, питаюсь чужим куском, вдали от своей семьи, от всего, что мило моему сердцу». Горькая тоска звучит в его песнях.

Мое дело распалось в прах —
Я смотрю на Яик с тоской.
О, когда же я буду в степях,
Там, за белой его волной.

Не сдался я своим врагам,
И не отдал им жизнь свою,
Я покинул дом и семью.
Мой Яик, привет старикам
Отнеси по своим волнам!

В феврале 1845 года Утемисов, несмотря на запрещение, приехал в Оренбург, где подал в Пограничную комиссию прошение о зачислении его девятилетнего сына в русскую школу для казахских детей. Пограничные власти, вспомнив о нем, как об одном из руководителей восстания, в просьбе отказали и предложили немедленно выехать из города обратно в степь. Одновременно комиссия решила навести справки о его «поведении». Султан Айчуваков и бии алшынского рода, в котором жил Махамбет, дали отрицательный отзыв, заявив, что он «вреден между казахами». Комиссия предложила султану задержать Махамбета и доставить его в Оренбург.

Султан Айчуваков решил воспользоваться этим приказом и разделаться с акыном, которого он ненавидел за его обличительные песни. В октябре 1846 года он послал в аул к Махамбету своих людей, которые, выполняя приказ султана, убили Махамбета в его кибитке. Возвратившись, убийцы доставили султану отрубленную голову поэта.

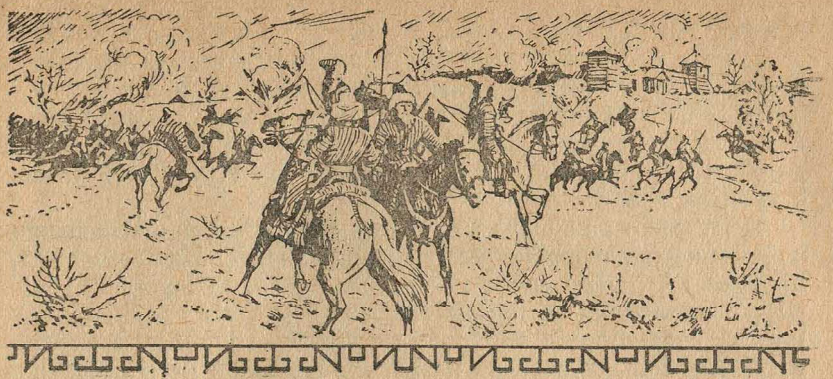
Ликвидация ханской власти в Букеевской Орде.

После разгрома восстания в Букеевской Орде феодальный гнет еще более усилился. Хан Джангир, султаны, бии, старшины-советники, озлобленные разгромом их усадеб, мстили трудовым казахам. Они попрежнему оставались собственниками огромных пастбищ и сдавали их в аренду казахам. Налоги и поборы увеличивались. В Орде стали распространяться слухи, что казахи-букеевцы скоро «поступят в крепостное состояние» к хану Джангиру. В результате этого в 1842 году в Орде вспыхнули волнения, руководителями которых были казахи Аббас Кошаев и Лаубай Мантаев. Хану Джангиру и султанам удалось захватить Аб-

баса и Лаубая, и на этот раз волнения не переросли в открытое восстание.

Еще в 30-х годах XIX века перед царским правительством возник вопрос о ликвидации ханской власти в Букеевской Орде. Теперь, когда подчинение Младшего жуза было фактически завершено, для царизма не было уже необходимости в ханской власти в Букеевской Орде. Восстание Исатая и события 1842 года обострили вопрос о порядке управления Ордой. Было решено заменить хана таким органом власти, который бы более соответствовал российской системе управления.

Однако пока еще не было необходимого предлога для проведения намеченной реформы. Ханская власть в Орде просуществовала до смерти хана Джангира в 1845 году. Смерть хана развязала руки царским чиновникам. Момент для изменения системы управления Ордой был найден подходящим. Ханская власть была упразднена. Вместо хана был учрежден «Временный совет по управлению Внутренней (Букеевской) Ордой», действиями которого руководили царские чиновники.



ГЛАВА XIV.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ КЕНЕСАРЫ КАСЫМОВА.

§33. НАРАСТАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ В 30-х ГОДАХ XIX ВЕКА.

Колониальная политика царизма в Казахстане в 30-х годах XIX века.

В 30-х годах XIX века во всех казахских жузах росло массовое недовольство. Вся степь глухо волновалась. Причины недовольства крылись в тяжелых внешнеполитических и экономических условиях, в которых очутился казахский народ.

В течение первых десятилетий XIX века царизм провел целый ряд мероприятий, имевших конечной целью ликвидацию остатков политической самостоятельности казахов.

Мероприятия эти носили военный характер (строительство военных линий и отдельных укреплений, создание казачьих поселений), экономический (массовый захват казахских земель, введение налогов и различных монополий) и политический (проведение реформы административного управления).

Все это серьезно ухудшило положение казахского народа. Тяжело отразилось на казахах Младшего жуза изъятие земель во время постройки так называемой Новой линии. Эта система укреплений была создана в 1835 году. Она тянулась почти прямой линией от Орской до Троицкой крепостей. Все земли, расположенные к западу от этой линии, общей площадью более 1 миллиона гектаров, изымались из пользования казахов. Казахские аулы подлежали выселению из этого

района. Правда, выселить сразу все аулы царские чиновники были не в состоянии. Все же большое количество казахских общин потеряло богатые пастбищами и водой земли.

В 1837 году царскими властями в Младшем жузе впервые был введен так называемый кибиточный сбор, который должны были уплачивать все казахи, — по 1 рублю 50 копеек с кибитки в год.

По далеко не полным подсчетам Оренбургской Пограничной комиссии, с подведомственных ей казахов за время с 1837 по 1846 год кибиточного сбора было собрано около 600 тыс. рублей серебром. В одном из донесений Пограничной комиссии сообщалось: «Во время кибиточного сбора стало ясным, что большинство из казахских бедняков не в состоянии платить кибиточный сбор».

Кроме кибиточного, были вновь установлены и другие многочисленные сборы. Особые сборы взимались за оброчное содержание земель, за рыбную ловлю, был введен сбор попенных денег за пользование лесом, за вывозку соли и т. п. Монополизировав все лесные богатства, речные водоемы и недра казахской земли, царские власти сделали их средством эксплоатации местного казахского населения.

Попрежнему разоряли казахов и так называемые «воинские поиски», проводившиеся вооруженными отрядами, которые совершали глубокие рейды в степь против «провинившихся аулов». В этом деле большую услугу отрядам оказывали агенты русского царизма — султаны-правители, с которыми подробно разрабатывались приемы грабежа казахских аулов. В 1830 году воинские отряды из одной только Байборинской волости насильно угнали 12 000 баранов, 2 000 лошадей, 1 500 коров, 700 верблюдов.

Стремясь к дальнейшему ограничению политической самостоятельности казахов, царское правительство провело ряд мероприятий, направленных к превращению Казахстана в колонию.

Введенная в 1831 году в Младшем жузе дистаночная система разбила все кочевья, прилегавшие к пограничной линии от Гурьева до Звериноголовской крепости, на 32 участка — «дистанции».

В Среднем жузе в 20 — 30-х годах было открыто семь внешних округов: Кокчетавский, Каркаралинский, Аягузский, Баян-Аульский, Акмолинский, Кушмурунский и Кокпектинский.

В 1834 году у залива Кайдак, на восточном берегу Каспийского моря, было возведено укрепление Ново-Александровское, перенесенное в 1840 году на полуостров Мангышлак. Этим была создана опорная база для подчинения еще сохра-

нивших свою независимость казахов из рода Адай, кочевавших между Аральским и Каспийским морями.

Положение казахов под властью Коканда и Хивы.

К 20-м годам XIX века часть Старшего жуза и южные районы Младшего жуза были захвачены Кокандом, претендовавшим и на львиную долю территории Среднего жуза.

В захваченной части казахской территории кокандский хан установил систему феодально-колониального гнета, превосходившего по своей тяжести гнет царских колонизаторов.

Налоги, взимавшиеся кокандскими сборщиками с казахского населения, были очень высоки. Самой доходной статьей был сбор закята. Только по одному лишь Чимкентскому вилайету кокандский хан получал от закята до 80 тыс. рублей серебром в год. С земледельческого населения собирался харадж. С каждого коша (2½—4 гектара) в среднем взималось хараджа от 40 до 70 пудов пшеницы. Но кокандские сборщики значительно превышали эти нормы, вымогали взятки, «подарки», устанавливали различные сборы — дровами, углем, сеном и проч. Кроме того, казахов, как и киргизов, брали на военную службу и заставляли строить укрепления. Многие из кокандских крепостей были построены на костях местных жителей.

Не менее агрессивную политику в отношении казахов вело и Хивинское ханство. В 20 — 30-х годах XIX века под властью Хивы находилась часть Чиклинского, Табынского, Торткаринского и Байулинского родов. Хивинский хан построил на их кочевьях, по нижнему течению реки Сыр-Дарьи, крепость Джана-Кала и другие укрепления. Опираясь на них, хивинцы нападали на окрестных жителей — казахов, собирая с них многочисленные налоги.

Завоевательные походы хивинских ханов диктовались интересами феодальной знати, для которой военные набеги в казахскую степь были источником обогащения и личной наживы. Поэтому военные походы хивинских ханов носили характер грабительских феодальных набегов. При этом хивинские ханы, в целях личной наживы, умело использовали еще покоренные племена для грабежа торговых караванов и соседних народов.

Начиная с 30-х годов XIX века, в захватнической политике хивинских ханов начинают преобладать другие мотивы. В этот период борьба за казахскую степь преследовала военно-стратегическую цель. В связи с приближением русских аванпостов непосредственно к границам среднеазиатских ханств, борьба за казахскую степь превращается в борьбу за буфер, отгораживающий Хивинское ханство от Российской империи.

Теперь хивинский хан боролся за казахскую территорию для того, чтобы создать заслон против наступавшего царизма.

Волнения в 20 — 30-х годах XIX века.

Ухудшившееся политическое и экономическое положение казахского народа подняло казахов на борьбу против царизма и Кокандского ханства.

Крупные волнения в Среднем жузе возникли в связи с организацией внешних округов. Во главе недовольных встал султан Саржан Касымов, один из внуков хана Аблая. Восстание охватило район Кокчетава и гор Улу-Тау. Присланные отряды царских войск заставили повстанцев отступить в южные районы Среднего жуза. Отсюда Саржан со всеми своими родственниками вынужден был перекочевать в пределы Кокандского ханства, откуда продолжал вести борьбу с царскими отрядами, но соглашение с Кокандом кончилось для Саржана катастрофой: в 1836 году, заподозренный в измене, он был убит по приказанию кокандского хана.

Ориентация Саржана на Кокандское ханство носила явно реакционный характер. Коканд никогда не был заинтересован в независимости казахов. Поддерживая их борьбу против царизма, кокандские ханы преследовали исключительно свои корыстные цели, сводившиеся к полному подчинению казахов. Ориентируясь на Коканд, Саржан тем самым содействовал достижению этих целей.

Иной характер носило восстание в 20-х годах, возникшее в связи с захватом земель под постройку Ново-Илецкой линии. Это восстание возглавил бий Жоламан Тленшиев. В отличие от Саржана Касымова, который вел борьбу под лозунгами восстановления утраченной ханской власти его семьи, Жоламан выступил за возвращение отнятых царизмом казахских земель.

После подавления выступления Жоламана он стал собирать новые силы и в середине 30-х годов возобновил борьбу. В это время, в связи с постройкой Новой линии, многие казахские роды были вынуждены откочевать к востоку от линии Орск — Троицк в сторону реки Тургай. Здесь скопилось множество аулов, не находивших себе пастбищ. Среди казахов росло озлобление против царского правительства. Жоламан Тленшиев сплотил недовольных и поднял их на борьбу за возвращение утраченных земель. Казахи начали нападать на казачьи поселения в районе Новой линии, отгонять скот, задерживать караваны на путях в Среднюю Азию.

Эти восстания казахов носили стихийный, разрозненный характер. Восставшие в одном жузе действовали независимо и изолированно от казахов в других жузах. Вооруженная борьба ограничивалась определенными районами Казахстана.

Кроме того, эти восстания имели социально неоднородный характер. Тем не менее, эти вспышки борьбы сыграли значительную роль в мобилизации сил казахского народа против агрессии царизма и среднеазиатских ханов. Они подготовили то большое, сложное по составу, массовое движение под руководством Кенесары Касымова, которое широкой волной залило казахскую степь и длилось десять лет.

§ 34. ВОССТАНИЕ КЕНЕСАРЫ КАСЫМОВА (1837—1846 гг.).

Характер восстания Кенесары Касымова.

Восстание под руководством султана Кенесары Касымова по своему размаху и значению было самым большим национально-освободительным движением казахского народа в XIX веке.

Одновременно с восстанием Кенесары во Внутренней Букеевской Орде вспыхнуло восстание под руководством Исатая Тайманова, носившее, в основном, характер крестьянской войны. Это восстание, как и предшествующее народное движение под руководством Срыма-батыра, показало, что угнетенные народные массы умели бороться и против собственных эксплоататоров. И если народ все же объединился под знаменем Кенесары и в течение 9—10 лет вел борьбу под его руководством, то это объясняется усилившимся колониальным наступлением со стороны царской России и особенно постоянной агрессией среднеазиатских ханств, угрожавших самому существованию казахского народа.

Политическая обстановка и социально-экономические отношения, сложившиеся в Казахстане в 30—40-х годах XIX века, обусловили создание широкого фронта антиколониального, освободительного движения, направленного как против агрессии царизма, так и против среднеазиатских ханств.

Но этот фронт освободительного движения был неоднороден. В борьбу вступили народные массы. Но вместе с тем в движении участвовала и феодальная знать, из среды которой вышел Кенесары Касымов.

Основная цель деятельности Кенесары заключалась в борьбе за создание казахского ханства. Воспитанный в феодальной среде и сам вышедший из рядов казахской аристократии, Кенесары не мыслил себе политического строя казахов иначе, как на основе возрождения единого феодального казахского государства.

Кенесары рассматривал казахские земли, как принадлежащие его, Кенесары, ханскому роду. Он писал Николаю I: «Вы на принадлежащих деду нашему хану Аблаю местах учредили окружные диваны». В другом письме он писал: «до-

ставшиеся от отца Аблая земли усеяны укреплениями». В 1845 году через поручика Герн он требовал, чтобы ему были возвращены горы Улу-Тау, как «издавна принадлежащие его роду». Он и население казахских земель рассматривал как принадлежащие ханскому роду. Так, он обещал «освободить киргизский народ от ига русских, ибо, по праву деда его Аблая, все киргизы принадлежат ему». Все эти высказывания отражают характерную для того времени феодальную идеологию Кенесары Касымова.

Народные же массы, не имевшие, конечно, в условиях того времени возможности политически осмыслить и сформулировать свои требования, боролись за свои жизненно близкие и понятные для них цели, в первую очередь за возвращение отнятой у них земли, за освобождение от феодальной эксплоатации.

В этом заключалось внутреннее противоречие движения. Большое влияние на Кенесары имел и его отец—султан Касым, решительно протестовавший против постройки первых русских военных укреплений на его родине — в урочище Кокчетау. Это требование опять-таки вытекало из стремления восстановить власть деда Аблая над казахскими кочевьями. В письме к генералу Капцевичу Касым требовал уничтожения приказа и удаления русских войск из казахских степей. В ответ на это требование царское правительство наводнило степь новыми отрядами и начало постройку Актауского укрепления. Тогда султан Касым со своими сыновьями — Саржаном, Есенгельды и Кенесары вместе с 40 тысячами семейств покинули насиженные родные места Кокчетава и ушли в пределы Кокандского ханства.

Направляясь в Коканд, Касым надеялся привлечь к борьбе против царизма подвластных Коканду казахов, а также заручиться поддержкой среднеазиатских ханств. Однако попытка сотрудничества Касыма с кокандским ханом не увенчалась успехом. Наоборот, она привела к гибели двух его сыновей—Саржана и Есенгельды, а позднее и самого Касыма. Они погибли от руки подвластного Коканду ташкентского бегляра-беги, который предательски напал на казахов, понимая, что «султаны Саржан и Есенгельды никогда не будут преданными ему людьми, а, напротив, только возмутят и перетянут на свою сторону местных киргизов». Оба султана были убиты в Ташкенте.

Сам Кенесары также не раз подвергался преследованиям со стороны колониальных властей. В одном из своих писем генерал-майору Генсу Кенесары подробно перечисляет, как его лично, по наговору султана Джамантая Букеева, посылаемые в степь отряды разоряли в 1825, 1827, 1830, 1831, 1832 и 1836 го-

дах. Сражаясь сперва под руководством своего отца Касыма, Кенесары потом активно участвовал в восстании, поднятом его братом Саржаном. Первое упоминание об участии Кенесары в рядах повстанческих отрядов Саржана относится к 1825 году, когда ему было 23 года (Кенесары родился в 1802 г.).

Однако до смерти Саржана в 1836 году Кенесары не играл руководящей роли в борьбе. Как руководитель восставших, Кенесары выступил на арену лишь после убийства его отца и брата.

Став во главе национально-освободительного движения, Кенесары твердо решил отказаться от политики своих братьев, искавших опору в «единоверных» среднеазиатских ханствах. Кенесары решил вести борьбу на два фронта — как против царской России, так и против среднеазиатских ханств, в первую очередь против Коканда, поработившего часть казахского народа. Этим, по существу, можно объяснить отказ Кенесары принять подданство Коканда, обещавшего отвести его приверженцам укрепления и территорию под кочевья. Кенесары пришлось уйти из пределов Кокандского ханства и переселиться в урочище Улу-Тау, считавшееся в ведении Сибирского генерал-губернатора.

В своих письмах представителям царской власти Кенесары, подобно своему отцу, решительно протестовал против постройки укреплений на казахской земле. «Завещанное нашими предками, — писал он в одном из писем, — Есил, Нура, Актау, Ортау, Каркаралы, Казылык, Жаркайн, Обаган, Тобол, Кошмурун, Окият, Токзак до Урала при нынешнем царе отобраны у нас и построены укрепления. Теперь, с каждым днем захватывая нашу территорию, закладывают укрепления и этим доводят население до отчаяния. Это не только для нашей будущности, но и для сегодняшнего существования опасно».

В другом письме, перечисляя крупнейшие из грабежей, проводившихся царскими отрядами и султанами за период с 1825 до 1840 года, Кенесары писал царским властям: «За период с 1825 по 1840 год они (карательные отряды. — **Ред.**) предали наши аулы пятнадцати грабежам. Поэтому мы, казахи, не выдержав подобных притеснений, грабежей и убийства, вынуждены были перекочевать в неизвестном направлении. Однако и здесь они не дали нам покоя. Поэтому я, Кенесары Касымов, вооружившись, поднялся во главе великой борьбы».

Это было открытое выступление против царских властей.

Казахи Среднего жуза, до этого уже стихийно начавшие борьбу, стали массами стекаться под знамя Кенесары Касы-

мова. К началу 1838 года к восстанию присоединилась большая часть казахов Акмолинского, Кокчетавского, Баян-Аульского, Каркаралинского округов во главе со своими батырами Агыбаем, Жанайдаром, Ангалом и Басыгара. Но надо помнить, что уже в этот начальный период борьбы в движении Кенесары переплелись два направления: борьба народа за жизненно необходимые ему пастбища и борьба феодальной знати за возрождение своей политической власти. Та и другая цель требовала борьбы с агрессией как царизма, так и среднеазиатских ханств, что и обусловливало слияние в едином движении двух социально различных направлений.

Движущие силы восстания.

В восстании Кенесары Касымова участвовали народные массы трех казахских жузов. Но вступали они в движение не сразу. Отдельные области втягивались в движение по мере расширения района восстания.

На протяжении всего восстания активно поддерживали Кенесары роды Кыпчак, Торткара, Джагалбайлы, Шекты, Алшын, Керей, Джаппас, Баганалы, Тама, Табын, Аргын и другие. Однако из известных казахских родов Адай, отделения Тлеу, Жакаим рода Шекты и часть рода Джаппас не примкнули к повстанцам. Это объясняется тем, что роды Адай и Шекты непосредственно не испытывали на себе гнета царских властей и, кроме того, территориально были удалены от очагов восстания; что касается рода Джаппас, то во главе его стояли ставленники царского правительства — Алтыбай Кобеков и Джангабыл Тулегенов, которые вели борьбу с повстанцами.

Основной движущей силой восстания были народные массы казахов. Испытывая на себе двойную тяжесть колониального гнета царизма и патриархально-феодальной эксплоатации султанов и биев, широкие массы казахского народа пошли за Кенесары, ожидая, что его победа облегчит ставшие невыносимыми условия жизни. Особо активную роль при этом играла казахская беднота—байгуши, джатаки, егинши, составлявшие большую часть войск Кенесары. Только потому, что движение Кенесары переплелось с борьбой народных масс за землю, оно и могло получить такой широкий размах.

Это участие народных масс в восстании Кенесары, которые боролись за отнятые у них царизмом и среднеазиатскими феодалами земли, и придало движению Кенесары характер национально-освободительной борьбы. Но в восстании была и другая струя, носившая феодально-монархический характер. Наличие этого направления обусловило участие в восстании и некоторых кругов феодальной знати.

К восстанию Кенесары Касымова примкнула и часть султанов. Непосредственно их побудило к участию на стороне народа введение «Устава о сибирских киргизах» 1822 года. Хотя по уставу все султаны считались привилегированным сословием, но не все из них оказались избранными на должность старших султанов и правителей волостей. Поэтому известная часть султанов была фактически лишена своих привилегий. Кроме того, «Устав о сибирских киргизах» запрещал султанам взимать пошлины с торговых караванов, проходивших через территорию Казахстана. Тем самым экономическое положение значительной части султанов было подорвано.

Однако, если султаны на первом этапе восстания (1837—1838 гг.) преимущественно выступали сообща с народными массами, то на последующих, решающих этапах борьбы, подавляющее большинство их отошло от движения.

Аналогичную с султанами позицию по отношению к повстанцам заняла родовая знать — бии.

Военная сила Кенесары Касымова состояла из батыров с их джигитами и из феодальных дружин — тюленгутов. Батыры вырастали из военно-феодальной знати. В составе войск Кенесары находились наиболее влиятельные, пользовавшиеся всеобщей известностью батыры из всех казахских жузов. Соратниками Кенесары были такие батыры, как Агыбай из рода Шубыртпалы (Средний жуз — Каркаралинск), Иман Дулатов — дед Амангельды — из рода Кыпчак (Средний жуз — Тургай), Жоламан Тленшиев из рода Табын (Младший жуз — Иргиз, Ак-Тюбе), Бухарбай из рода Табын (Младший жуз — Сыр-Дарья), Бугубай — из рода Дулат (Старший жуз — Джетысу, Джамбул) и другие. В процессе борьбы часть этих батыров срастается с родовой знатью.

В числе активных деятелей восстания были и братья Кенесары — Наурызбай и Абылгазы и его сестра Бопай. Из них исключительным мужеством выделялся молодой Наурызбай. Наурызбай со своим отрядом принимал самое деятельное участие во всех крупнейших военных операциях Кенесары.

В отряды Кенесары, кроме основной массы участников — казахов, входили и отдельные представители других национальностей, жившие в районе восстания, — русские, башкиры и татары, которые скрывались в казахской степи от преследования царизма, но их было немного. Некоторые из них изготовляли оружие и боеприпасы для армии Кенесары, другие обучали повстанцев военному делу.

Беглые русские солдаты Бедашев и Манкин служили у Кенесары предводителями отрядов, а солдат Рубин был личным адъютантом батыра Наурызбая — брата Кенесары.

В правительственных кругах существовало опасение, что восстание распространится на районы Уральского войска и горно-заводского Урала. «Неизвестно, что сделают уральские казаки, — писал, например, председатель Оренбургской Пограничной комиссии генерал-майор Генс, — название их уже невольно напоминает их прежние дела, по крайней мере, полагаться на них нельзя. Заводские крестьяне, может быть, еще опаснее их».

В отрядах Кенесары были также каракалпаки, туркмены, узбеки и киргизы. Среди них особенно отличились киргиз Бегич и узбек Сайдакхожа Оспанов, получивший образование в Самарканде и Бухаре. В дипломатических переговорах, а также в управлении государством Оспанов был самым доверенным и близким помощником Кенесары.

Развитие военных действий в 1838 — 1840 годах.

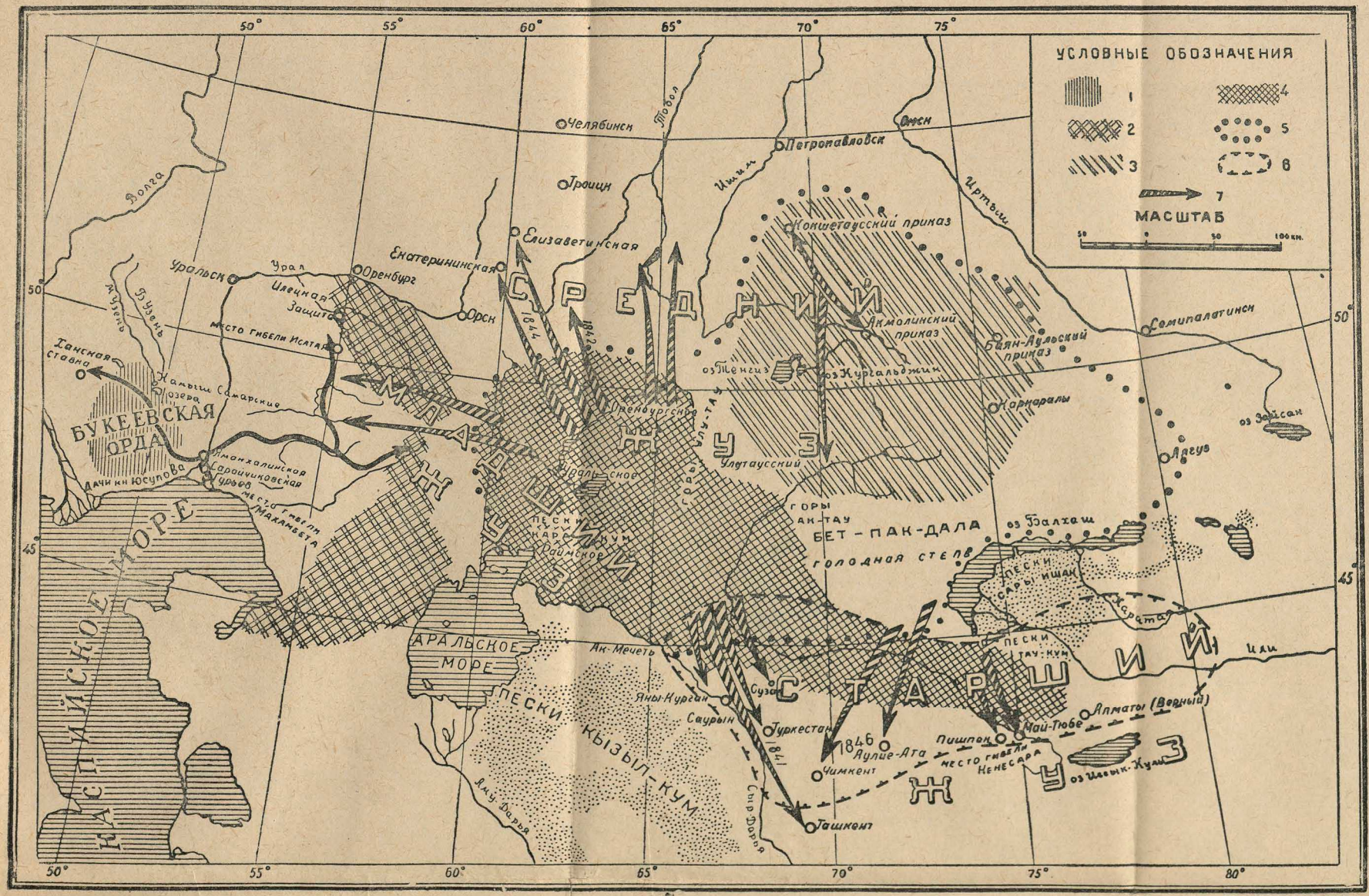
Весной 1838 года вооруженные столкновения Кенесары с царскими отрядами стали принимать характер длительных и упорных военных действий. Особенной ожесточенностью отличалось сражение за Акмолинский приказ, предпринятое Кенесары Касымовым 26 мая 1838 года.

Акмолинский приказ был сильно укрепленной крепостью. Вокруг него были вырыты глубокие рвы. Все близлежащие подходы были забаррикадированы. Приказ охранялся войсками старшего султана Конур-Кульджа Кудаймендина и гарнизоном крепости во главе с войсковым старшиной Карбышевым.

Наступление Кенесары началось на рассвете. Казахские стрелки обстреливали крепость из луков, прикрепляя к остриям стрел легковоспламеняющиеся осмоленные тряпки. В крепости возникли многочисленные пожары. В тот момент, когда часть гарнизона бросилась на борьбу с огнем, один из отрядов Кенесары, возглавлявшийся батыром Басыгара, ворвался в город. Во время штурма крепости Басыгара-батыр был убит, и его отряды начали под напором сил гарнизона отходить, но Кенесары приказал своим воинам ни в коем случае не оставлять тела Басыгара и не отступать от занятых позиций. Ночью войсковой старшина Карбышев и Конур-Кульджа с небольшими отрядами спаслись бегством. На следующее утро крепость, превращенная в развалины, еще пылала.

В июне 1838 года отдельные отряды Кенесары совершали нападения на аулы ненавистных старших султанов, в частности на аулы старшего султана Акмолинского приказа Конур-Кульджа Кудаймендина. Ярким моментом в этих походах было выступление отряда сестры Кенесары Бопай, совершив-

КАРТА ДВИЖЕНИЯ ИСАТАЯ ТАЙМАНОВА И КЕНЕСАРЫ КАСЫМОВА.



1. Район, охваченный движением Исатая Тайманова. 2. Движение Жоламана Тленшиева. 3. Район движения Кенесары Касымова в 1836 — 1838 годах. 4. Очаг движения Кенесары Касымова в 1838 — 1847 годах. 5. Движение Кенесары в 1844 — 1845 годах. 6. Очаг движения Кенесары в 1846 — 1847 годах. 7. Нападения Кенесары на царские укрепления и кокандские крепости.

шей нападение на аулы младшей жены хана Вали Айганым в Кокчетавском приказе.

К лету и осени 1838 года под знамя Кенесары собралась значительная часть восставших казахов Среднего жуза. Теперь перед Кенесары стояла задача объединения казахов Среднего и Младшего жузов для совместной борьбы с царизмом и его агентурой—султанами. Кенесары через своих есаулов всегда поддерживал связь с отдельными казахскими родами Младшего жуза (Джагалбайлы, Джаппас, Тама, Табын и другими), которые также испытывали на себе тяжелый гнет царизма и султанов-правителей и были лишены своих земель и пастбищ. Накануне присоединения указанных родов к восстанию Кенесары, приезжавший в Оренбургский край директор Азиатского департамента Родофиникин, на месте ознакомившись с тяжелым положением этих родов, лишенных своих земель, предостерегающе писал оренбургским властям: «На сем пространстве кочуют теперь роды: Кыпчак, Япасский, Джагалбайлинский. Они по многочисленному скотоводству своему считаются самыми достаточными из ордынцев. Но пастбища, необходимые для их скота, и теперь уже стесняются войсковыми оренбургскими жителями, при удалении же их за черту Новой линии, они там большому подвергаются бедствию».

К осени 1838 года центр восстания переместился в пределы Младшего жуза, в районы Иргиза и Тургая, расположенные в восточной половине Оренбургского ведомства. Эти районы находились на сравнительно большом расстоянии как от Западно-Сибирского генерал-губернаторства, так и Оренбургского губернаторства и поэтому имели для Кенесары большое значение.

Вскоре в районе Тургая присоединились к Кенесары во главе со своим руководителем Жоламаном Тленшиевым казахи родов Табын, Тама, Шумекей, Шекты и Торткара.

Кенесары продолжал собирать силы. С этой целью весной 1840 года он снова перекочевал в пределы Кокандского ханства в надежде на присоединение к нему подвластных Коканду казахов. Но ташкентский правитель тайно двинул против Кенесары крупный отряд с приказом захватить и умертвить Кенесары и всех его приверженцев. Во время этого нападения был схвачен и убит отец Кенесары — Касым, другие члены семьи Касымовых частью были взяты в плен, частью убиты. Имущество их было разграблено.

Кенесары отомстил ташкентскому правителю за его коварство. Он пригласил в свое кочевье на реке Чу ташкентского юзбаши (сотника) и умертвил его со всей его свитой.

Образование ханства Кенесары.

После этих событий Кенесары снова откочевал со своими аулами к берегам Тургая и Иргиза. Центр национально-освободительного движения казахов теперь надолго переместился в этот район. Здесь в годовщину смерти отца Кенесары, в сентябре 1841 года, представители казахов трех жузов подняли Кенесары на белой кошме и тайно избрали его всеказахским ханом. Социальную базу ханства Кенесары составляли средние слои феодалов и батыров, заинтересованные в ликвидации феодальной раздробленности и создании единого Казахского государства.

Став ханом, Кенесары внес ряд изменений в обычное право казахов, в частности, упразднил суд родовых биев и учредил ханский суд, состоявший из назначенных им биев. Уличенных в злоупотреблениях биев Кенесары немедленно отстранял от разбора судебных дел и назначал на их место новых биев, присваивая им звание «графов». Контроль над деятельностью судей осуществляли прикрепленные к родам есаулы. Все важнейшие судебные дела, касавшиеся межродовых конфликтов, а также дела подвластных царской России родов он решал лично.

Судебная реформа Кенесары в первую очередь была направлена на укрепление создававшегося им феодального государства. Вместе с тем, укрепление авторитета ханского суда способствовало изжитию родовой вражды и внесло серьезные изменения в обычное право казахов, придав ему значение государственного права.

Кенесары осуществил налоговую реформу, заключавшуюся в основном в упрощении и упорядочении сбора налогов. Из бесчисленных видов налогов, взимавшихся царскими чиновниками, кокандским и хивинским беками, Кенесары сохранил два вида: закят для скотоводческих районов и ушур, взимавшийся с хлебопашцев. При взимании закята Кенесары придерживался определенной нормы: со стада от 40 до 100 голов взималась одна голова. Ушур платили только те казахские роды, которые занимались хлебопашеством. Они отдавали $^1/_{10}$ часть урожая. Однако налоговое бремя при Кенесары еще больше усилилось. Это было вызвано главным образом условиями продолжительной войны.

Большое значение имела также земельная политика Кенесары. Он мечтал о переходе к земледелию. Эту идею Кенесары не раз высказывал в своей переписке с царскими властями. В одном из писем, переданных через чиновника Лебедева Оренбургскому генерал-губернатору Обручеву, Кенесары писал: «Пусть добрый генерал попросит мне милости у царя и тогда я буду жить спокойно. Заставлю моих киргизов

заниматься хлебопашеством, звериной ловлей и другим мирным занятием».

Кенесары настойчиво проводил поощрительную политику по отношению к хлебопашцам. К этому побуждали его экономические трудности. Находясь в окружении врагов, будучи отрезан от пограничных районов, а также от среднеазиатских рынков, он был лишен возможности покупать хлеб. Нужно было иметь свой хлеб. Мысль о переходе к земледелию и оседлости не покидала Кенесары даже тогда, когда он, теснимый царскими войсками, вынужден был перенести свою ставку в Старший жуз. И здесь он уговаривал своих приверженцев «немедленно заняться земледелием». По поводу этого в отчетах Оренбургской Пограничной комиссии сказано: «...Не имея возможности возвращаться в пределы России, (Кенесары) убеждал своих приверженцев заняться хлебопашеством по берегам Или и ее притокам».

Значительный интерес представляет отношение Кенесары к торговле. В начальный период своей деятельности он отрицательно относился к русской торговле в казахской степи, рассматривая ее как орудие колонизаторской политики царизма. Поэтому он всячески старался парализовать торговлю путем нападения на караваны русских купцов, направлявшихся со стороны Петропавловска, Оренбурга и Троицка через казахскую степь к среднеазиатским рынкам.

В скором времени, после перенесения своей ставки в районы Иргиза и Тургая, Кенесары понял, что корень зла не в торговле, а во всей военно-колонизаторской системе царизма. Поэтому от нападений на торговые караваны русских купцов он перешел к системе обложения этих караванов. Кенесары поощрял торговлю на своей территории. Он держал у себя купцов — Хусаина и Мусу Бурнаевых, которые торговали в подведомственных ему казахских родах.

В целом реформы Кенесары носили прогрессивный характер, хотя Кенесары не был социальным реформатором. Своими реформами он не изменял старые производственные отношения, а, наоборот, укреплял феодальную основу казахского общества.

С самого начала образования ханства Кенесары стремился восстановить с Россией нормальные отношения. Эти отношения с Россией он мыслил как отношения протектората, который он допускал лишь при сохранении территориальной и государственной самостоятельности своего ханства. При этом он обещал наладить торговую и промышленную связь с Россией и оказывать ей военную помощь. С другой стороны Кенесары до конца своей жизни решительно отказывался вступить в подданство среднеазиатских ханств.

Все последующие переговоры Кенесары с царскими властями вплоть до 1845 года преследовали эту цель. Высшие представители пограничной русской администрации не одинаково отнеслись к попыткам Кенесары добиться примирения с Россией. Сибирский генерал-губернатор Горчаков не доверял Кенесары и считал, что водворить порядок в казахской степи можно лишь с помощью силы. Оренбургские власти, наоборот, надеялись склонить Кенесары к добровольному подданству. Они осуждали политику Горчакова, которая могла лишь осложнить отношения со степью. В одном из своих писем председатель Пограничной комиссии Генс писал: «Начальство Западной Сибири в распоряжениях своих касательно киргизов руководствуется каким-то духом ненависти к этому народу и поэтому склонно к мерам насильственным, направленным часто против имущества ордынцев и не всегда основанным на строгой справедливости».

Точку зрения Генса разделял и оренбургский губернатор Перовский. Он просил военного министра и вице-канцлера Нессельроде исходатайствовать Кенесары помилование. Благожелательное отношение Перовского к Кенесары объясняется тем, что в это время в Оренбургском крае происходили массовые волнения крестьян и солдат. Некоторые из них убегали в казахские степи, где присоединялись к восставшим. Не имея возможности одновременно усмирять эти волнения и вести борьбу с казахскими повстанцами, Перовский решил урегулировать отношения с Кенесары мирным путем.

Петербургское правительство стало на точку зрения Перовского, Кенесары была дана амнистия, вслед за ним были освобождены и его родственники.

Война Кенесары с Кокандом в 1841—1842 годах.

После убийства Касыма и разгрома его аула ташкентским правителем Кенесары стал готовиться к войне с кокандским ханом.

Воспользовавшись покровительством Оренбургского губернатора, Кенесары в 1841 году объявил войну Коканду. Момент был выбран удачный. Как раз в это время происходила ожесточенная борьба между Кокандским и Бухарским ханствами. Кенесары выступил против Коканда как союзник Бухары.

Отряд Кенесары насчитывал 4 тысячи человек. По пути следования к ним присоединились еще казахи из окрестностей Ак-Мечети, Джулека и Туркестана. Кенесары начал военные действия и одновременно предпринял движение на Сузак и Ташкент. Основная сила была направлена на осаду Сузака, сильной крепости, охранявшейся пятитысячным гарнизоном. Ожесточенное сражение за Сузак длилось 12 дней.

В результате Сузак был взят и разрушен. Затем была взяга крепость Сауран. Отдельные передовые отряды Кенесары к этому времени подступили к окрестностям Хазрета (Туркестан), принадлежавшего Коканду. Взятие Сузака явилось крупнейшей победой Кенесары. Кокандское ханство вынуждено было предложить ему мир. Кенесары потребовал возвращения принадлежавших казахам территорий. В то же время он вступил в дипломатические переговоры с Хивой для того, чтобы усилить распри между Хивой и Кокандом и тем самым ослабить их во взаимной борьбе.

Генерал-губернатор Западной Сибири Горчаков, узнав о нападении Кенесары на Кокандское ханство и об избрании его всеказахским ханом, немедленно сообщил об этом Перовскому. Последний, не совсем доверчиво относившийся к донесениям Горчакова, решил все-таки запросить об этом самого Кенесары.

Последний ответил, что его нападение на Сузак вызвано стремлением выручить подвластных Оренбургскому ведомству казахов.

Перовский, удовлетворившись ответом Кенесары, стал смотреть на следующие донесения Горчакова сквозь пальцы.

Борьба в 1843 году.

Однако сибирские власти попрежнему продолжали преследование Кенесары. При этом его жена и некоторые приверженцы были захвачены и уведены в плен.

С наступлением 1843 года Кенесары усилил нападения на пограничную линию Западно-Сибирского губернаторства. Одновременно Кенесары не прекращал набегов на владения Кокандского ханства. За связь с кокандским ханом он подверг разгрому аулы султана Алтыбая Кубекова, сам Алтыбай был убит. К этому времени Перовского на посту оренбургского губернатора сменил генерал Обручев, как и Горчаков, не доверявший Кенесары.

Когда в Оренбурге были получены сведения о нападениях Кенесары, Обручев срочно запросил у Нессельроде 14 тысяч рублей на военные расходы и, сверх того, 3 тысячи рублей на премию за доставку головы Кенесары. При этом Обручев предупреждал, что Кенесары имеет теперь уже значительную армию и угрожает нападением на Оренбургскую крепость.

27 июня 1843 года Николай I разрешил поход в степь, с отнесением расходов за голову Кенесары за счет кибиточного сбора. Обручев 10 июля 1843 года направил против Кенесары отряд в составе 300 человек под командой войскового старшины Лебедева. Отряд встретился с Кенесары на реке Иргиз. Но Кенесары, избегая столкновения с русским отря-

дом, сам двинулся к пограничной линии и заявил Лебедеву, что покоряется царским властям навсегда, отдается в подданство России и перекочевывает к границе Оренбургского ведомства. Лебедев, не зная, что делать, вынужден был запросить указаний Оренбургского военного губернатора.

Тот незамедлительно ответил, чтобы Лебедев воздержался от враждебных действий против Кенесары, но тщательно следил бы за его движением. В августе 1843 года против Кенесары был направлен новый отряд в составе 5 тысяч человек, во главе с султаном-правителем Джантюриным, Баймахамбетом Айчуваковым, полковником Генсом и Визяновым. Другие отряды, сформированные западно-сибирским генерал-губернаторством, направлялись со стороны Омска, Петропавловска и Каркаралинска. 1 и 7 сентября 1843 года завязались ожесточенные сражения с передовыми царскими отрядами, вышедшими со стороны Оренбурга. Было много жертв с обеих сторон, но бои не дали результатов, и противники, прекратив военные действия, отошли.

Остальным русским отрядам не удалось дать сражения Кенесары. Маневрируя в степных просторах, он вводил их в заблуждение. Обессиленные отряды, в связи с ранним наступлением холодной и дождливой осени, прекратили военные действия и в сентябре покинули степь.

Военные действия против Кенесары было решено возобновить в следующем, 1844 году.

Военные действия 1844 — 1845 годов.

В 1844—1845 годах национально-освободительное движение казахов достигло высшей точки. К этому времени восстание охватило все основные районы Казахстана, а также распространилось на районы Сыр-Дарьи и Южного Казахстана. Некоторые казахские роды, в частности, род Джаппас и Назаровское отделение рода Шекты после разгрома аула преданного царизму родоначальника Джангабыл Тюлегенова теперь тоже присоединились к восстанию Кенесары.

В этот период Кенесары создал сильную армию, состоявшую из 20 тысяч джигитов. Кенесары ввел в своей армии строгую военную дисциплину. Один военнопленный, барон У-р, находившийся в ставке Кенесары, передает следующий факт: «При мне, собрав всех своих казахов, Кенесары предал мучительной смерти одного казаха, которого застал спящим в ночном карауле».

200 человек его сарбазов регулярно обучались военному делу и «пехотному положению». Пушки, ружья и порох делали сами и частично покупали у бухарцев и хивинцев. В

войсках Кенесары прославился как знаменитый пушкарь киргиз Бегич из рода Богу.

Отличившихся в боях казахов Кенесары поощрял без различия их положения. Даже рядовые казахи назначались есаулами. По свидетельству одного русского офицера, в войсках султана «за отличие в действиях первая награда есть выдача казенного оружия, в коем порядок соблюдается следующий: после обыкновенного древка или укрюка выдается пика с наконечником; потом большой прямой нож; потом кривая сабля; далее жалуется есаулом».

Кенесары устраивал пикеты и разъезды, обучал лазутчиков, заботился о продовольствии войск. Он имел даже маркитантов в лице купцов Хусаина и Мусы Бурнаевых.

Царское правительство решило отправить на подавление восстания Кенесары три отряда: со стороны крепости Орск, с гор Улу-Тау и от реки Тобола. В мае 1844 года отряд, возглавлявшийся Джантюриным, султаном Баймахамбетовым и войсковым старшиной Лебедевым, направился на юг, в сторону Кара-Кумов.

Задача царских отрядов сводилась к тому, чтобы взять отряды Кенесары в клещи и отрезать пути отступления со стороны Тургая на Кара-Кумы. Однако царским отрядам не удалось осуществить свой план. Давая отдельные бои, Кенесары благополучно отступил в Кара-Кумы. Ему удалось направить Лебедева по ложному маршруту, в результате чего Лебедев по ошибке разгромил аулы Байкадамова, подвластные России. Лебедев был отозван в Оренбург и вскоре предан суду за воровство и разорение аулов биев, преданных России. Место Лебедева занял полковник Дуниковский. К этому времени на подавление восстания Кенесары были направлены сибирские отряды под командованием генерала Жемчужникова. Заранее разослав своих лазутчиков, Кенесары получил от них сведения о сибирском отряде, направлявшемся на соединение с оренбургским отрядом Дуниковского.

Задача Кенесары состояла в том, чтобы не дать этим отрядам соединиться, избежать грозившего ему окружения. Кенесары выслал небольшой отряд навстречу сибирским войскам и этим создал ложное представление у противника об отступлении своих главных сил в сторону Улу-Тау. Сибирский отряд, переменив направление, пустился в погоню за небольшим отрядом Кенесары. Тем временем сам Кенесары с основными силами 23 июня 1844 года появился на Новой линии и напал на Константиновскую крепость. С середины июля 1844 года отдельные отряды Кенесары имели столкновения с царскими войсками, находившимися под командованием султана-правителя Джантюрина и полковника Дуников-

ского. Избегая решительного столкновения с царскими войсками, отряды Кенесары должны были изматывать силы противника. В ночь с 20 на 21 июля 1844 года основные силы Кенесары окружили отряд Джантюрина. В ночном бою было убито 44 султана. Отряд Дуниковского, несмотря на близость битвы, не решился оказать помощь султанам, опасаясь окружения и гибели. Уничтожение 44 султанов сильно озлобило оренбургское и западно-сибирское начальство. На рапорте Дуниковского, поданном на имя Оренбургского военного губернатора, Обручев наложил резолюцию: «Позор, неприятная весть, очень сомнительно, с трудом верится, что подобная вещь могла совершиться».

Август 1844 года принес новый успех Кенесары. 14 августа отряды, возглавлявшиеся батырами Наурызбаем и Агыбаем, штурмом взяли форштадт крепости Екатерининской.

Боясь дальнейшего роста восстания, оренбургский и сибирский губернаторы решили послать дополнительно к отрядам Дуниковского, Жемчужникова и Джантюрина отряд полковника Ковалевского. К этому времени Кенесары укреплялся со своим войском в Мугоджарских горах.

Испытывая исключительные трудности в непривычных безводных пустынях и песках и не добившись ничего существенного в борьбе против Кенесары, царские отряды вынуждены были отойти обратно в сторону Оренбурга и Омска. В ноябре 1844 года генерал Обручев с огорчением доносил военному министру: «Ежегодно предпринимаемые меры против шаек султана Кенесары Касымова со стороны оренбургского и сибирского начальства не достигают надлежащей цели... Называя себя ханом, он разоряет мирных киргизов, налагает на них закят, присоединяет некоторых из них к себе и рассылает в киргизские роды воззвания, возбуждающие их к непокорности нашему правительству, последствием чего было то, что многие перешли на его сторону».

Одновременно с подготовкой военной экспедиции против Кенесары царское правительство решило провести новые мероприятия для создания себе опоры внутри казахских кочевий. С этой целью летом 1844 года дистаночная система, введенная в 1831 году в пограничных районах, была распространена на всю территорию степи Оренбургского ведомства, т. е. на весь Младший жуз и на западные районы Среднего жуза. Это так называемое Положение 14 июня 1844 года передавало также все дела об измене, барымте, разбоях, захватах и пленении русских в особые военные суды.

Но ожесточенная борьба 1844 года помешала провести новый закон в жизнь. Не удалось также провести и некоторые мероприятия, преследовавшие руссификаторские цели.

Правда, в Оренбурге была открыта для казахов школа, но в нее шли исключительно дети казахской знати, тесно связанной с царской администрацией.

Успехи 1844 года подняли авторитет Кенесары как в казахской степи, так и за ее пределами. Бухарский эмир и хивинский хан стремились завязать с ним тесные сношения. Эмир бухарский послал Кенесары 60 ружей, 15 пушек и боевые снаряды, а хан хивинский — 15 аргамаков, 3 отделанных золотом седла, 2 пушки и несколько верблюдов, из которых два были навьючены порохом. Хивинский хан предлагал даже Кенесары выбрать себе место для постоянного кочевья в его владениях и купить у него необходимое оружие и боеприпасы.

Но для Кенесары основная цель заключалась в том, чтобы использовать успехи 1844 года для разрешения основной задачи: добиться от царского правительства признания Казахского ханства, хотя и находящегося под протекторатом России, и возвращения захваченных земель.

Кенесары просил царское правительство начать переговоры о перемирии. Царские власти не доверяли Кенесары. Тем не менее его предложение о переговорах было принято. В Оренбурге было получено разрешение Министерства иностранных дел на возвращение Кенесары всех его родственников, в том числе его жены Кунимжан, а для решения остальных вопросов было снаряжено посольство во главе с Долговым. Во главе другого посольства был поставлен поручик генерального штаба Герн, которому под строгим секретом было поручено избрать два места для возведения укреплений на реках Иргиз и Тургай, в центре кочевий восставших казахов.

В начале апреля 1845 года, после 45-дневного перехода посольство Долгова прибыло в ставку Кенесары. Несколько позже прибыл Герн. В письмах, привезенных Долговым, оренбургский губернатор потребовал от Кенесары безусловного подчинения. Кенесары была обещана амнистия, но при выполнении двух условий: без ведома царского правительства он не должен вступать ни в какие дипломатические переговоры с другими государствами и, второе, Кенесары и его приверженцы должны кочевать на отведенных им территориях и подчиняться султанам-правителям. Восставшим султанам была обещана амнистия при условии, если они признают, что все земли казахов Оренбургского ведомства составляют неотъемлемую собственность Российской империи.

Кенесары возмутило заявление о том, что «земля киргиз-кайсацкой степи составляет неотъемлемую собственность

Российской империи». Он был полон ярости, когда услышал, что ему предлагают находиться в подчинении у султанов-правителей. Через своего друга Кенже Кенесары сейчас же ответил Долгову: «Зачем русские дарят нас теми землями, которые и без того принадлежат нам?».

Избегая свидания с царским послом, Кенесары целых два месяца возил посольство по степи, ежедневно меняя места кочевок и заставляя посольство «кочевать» вместе с ним. На требования посольства прекратить непрерывную кочевку, Кенесары ответил, что это вызывается необходимостью прокормления скота. Осторожный Кенесары предусмотрительно изолировал царских послов от внешнего мира, не давая им возможности ни с кем сноситься.

Окончательно убедившись, что договориться с Кенесары не удастся, Долгов вынужден был уехать обратно в Россию. Перед отъездом Долгова Кенесары вручил ему подробное письмо на имя оренбургского военного губернатора, в котором прямо заявил, что он не станет подданным царской России до тех пор, пока не будут срыты все военные укрепления, построенные на исконных казахских землях, и пока эти земли не будут возвращены казахам. Кенесары требовал также прекращения насилий и грабежей казахских аулов, какие совершались царскими карательными отрядами. Только при таких условиях Кенесары соглашался вступить под протекторат России.

Уход Кенесары из степей Центрального Казахстана.

Летом 1845 года, вскоре после возвращения посольства в Россию, царское правительство заложило среди кочевий Кенесары два укрепления: одно на реке Иргиз, другое — на Тургае. Первое было названо Уральским, второе — Оренбургским. По поводу постройки этих укреплений оренбургский военный губернатор Обручев писал: «По личному обозрению моему я нашел, что выбор мест для укреплений сделан в середине самых лучших и богатых урочищ, где осенью и зимой располагается с аулами и скотом значительная часть киргизов Оренбургского ведомства». Постройка этих укреплений в центре кочевий повстанцев лишала казахов богатых пастбищ и осложняла дальнейшую борьбу в этих районах. Кенесары вынужден был перенести центр освободительного движения казахов в глубь страны, в район Старшего жуза.

Уход Кенесары из степей Центрального Казахстана (Сары-Арка) был тяжелым ударом для казахов—участников восстания. Им пришлось надолго расстаться с родными кочевьями.

Кенесары со своими аулами двинулся из района Тургая

через Сыр-дарьинские степи в Джетысу. Здесь он хотел объединить казахов Старшего жуза и присоединить к себе киргизов для совместной борьбы против Коканда. Он рассчитывал также опереться на Китай, и с этой целью послал своего представителя в Кульджу для переговоров с китайскими властями.

Неудачи, которые терпел Кенесары, объясняются не только военным перевесом царизма, но и тем, что народные массы начали отходить от него. Возглавлявшая движение феодальная верхушка не могла и не хотела удовлетворить стремление народных масс получить землю и освободиться от феодального гнета. Налоговой гнет, наоборот, усилился.

Все чаще происходили убийства есаулов Кенесары, посылавшихся для сбора закята. Репрессии же, применявшиеся Кенесары против отходивших от него родов (Жаппас, Табын и другие), только обостряли противоречия между народными массами и феодальной верхушкой движения.

Война с Кокандом.

Откочевка Кенесары на юг Казахстана привела к новому столкновению с Кокандским ханством. Война с Кокандом была начата осенью 1845 года. В октябре—ноябре отдельные отряды Кенесары с боем взяли крепости Курган, Жана-Джулек, Сузак. Другая часть войск Кенесары двинулась к Туркестану и Ташкенту. Основные силы Кенесары направил против кокандской крепости Ак-Мечеть (ныне г. Кзыл-Орда) и осадил ее.

Однако дальнейшее наступление отрядов Кенесары задержалось ввиду эпидемии холеры, от которой погибло много людей. Кроме того, стало известно, что Кокандское и Бухарское ханства, заключив между собой союз, готовили против казахов совместное выступление. Все эти обстоятельства заставили Кенесары на время снять осаду Ак-Мечети и откочевать на юго-восток Казахстана, в район озера Балхаш и реки Или; здесь он нашел поддержку среди казахов из родов Уйсун, Джалаир, Дулат и Найман, которые приняли активное участие в военных действиях Кенесары против царских отрядов Нюхалова и казахских султанов.

В это время против Кенесары готовили совместное выступление старшие султаны Кунанбай Оскенбаев из Каркаралинска, Барак Султанбаев из Аягуза, Нурали Адилов из района Или. Во главе объединенных сил царских отрядов и войск султанов был поставлен генерал-майор Вишневский. Когда он увидел, что взять Кенесары, укрепившегося на одном из недоступных полуостровов на озере Балхаш, будет трудно, он решил блокировать отряды Кенесары. Не выдержав продолжительной осады, Кенесары с боями вышел на

левый берег реки Или, а оттуда перекочевал в предгорья Ала-Тау к реке Чу. Батыры Старшего жуза Тайшибек, Саурык, Суранши, Байзак из рода Дулат, воспетые впоследствии акыном Джамбулом, со своими отрядами влились в войско Кенесары и начали подготовку к борьбе с Кокандом и царизмом.

После ухода Кенесары в предгорья Ала-Тау, генерал-майор Вишневский, боясь объединения казахов и киргизов, решил использовать излюбленный метод натравливания киргизов на казахов путем разжигания старинной родовой вражды существовавшей на почве споров из-за пастбищ. В этих целях Сибирский пограничный начальник послал специального представителя к видным киргизским манапам, уговаривая их выступить против Кенесары. В скором времени от киргизских манапов прибыл представитель, который сообщил об их готовности начать борьбу против Кенесары.

Борьба в Киргизии.

Одновременно и Кенесары поставил перед собой задачу подчинения себе киргизских родов. На этом заключительном этапе движение Кенесары приобретает совершенно другой характер, чем в предшествующие годы. Лозунги освободительной борьбы, привлекавшие к Кенесары широкие народные массы и делавшие его грозной силой, отходят на второй план. Появившись на границе с Киргизией, Кенесары и окружавшая его феодальная знать предпринимают против киргизов военные действия, носившие характер феодальной агрессии.

1846 год был концом национально-освободительной борьбы казахов. Вступление Кенесары на территорию киргизских родов преследовало захватнические цели. Борьба Кенесары в Киргизии превратилась в обыкновенную феодальную междоусобицу.

Переговоры Кенесары с киргизскими манапами Орманом и Жантаем не увенчались успехом. Обе стороны, преследуя свои феодальные цели, стремились приобрести безраздельную власть над киргизскими родами. Чтобы приобрести себе популярность, Кенесары в 1846 году отпустил на свободу 200 киргизов во главе с их предводителем Халча-бием, попавших в плен при нападении на аулы Кенесары. Тогда же Кенесары послал письмо киргизским манапам Орману и Жантаю. Объявив главной целью своего прихода борьбу с Кокандом и освобождение казахов Старшего жуза и алатауских киргизов от притеснения кокандцев, Кенесары потребовал от Ормана и Жантая, чтобы они явились к нему с изъявлением покорности.

Жантай и Орман, получив письмо, обсудили его на собрании биев и решили не принимать предложения Кенесары.

Тогда Кенесары созвал совещание преданных ему биев и батыров Старшего жуза. На совещании было принято решение наказать киргизских манапов.

Весной 1847 года Кенесары двинул свои отряды на киргизские аулы Ормана. Борьбу против киргизов Кенесары вел исключительно жестокими мерами. Он сжигал киргизские аулы и уничтожал их население. Эта жестокость подняла против Кенесары часть Сарбагышского рода и род Солты, расположенный близ казахов, и заставила их сплотиться вокруг манапа Ормана, который по существу совсем не был народным вождем, а являлся послушным вассалом кокандского хана. Но сила Ормана заключалась в том, что в борьбе с Кенесары его поддержали народные массы.

Важно также отметить, что в этой борьбе сыграла большую роль старая родовая вражда между казахами и киргизским населением за пастбища и летние кочевья.

Положение Кенесары резко ухудшилось тем, что одновременно с киргизами против него выступили царские и кокандские отряды. В задачу царских отрядов входило отрезать Кенесары с тыла, чтобы не допустить соединения шедших к нему на помощь казахских дружин из родов Уйсун и Жалаир.

Киргизские отряды в одном из ущелий окружили Кенесары. Воспользовавшись тем, что река Чу близ Токмака делится на несколько рукавов, киргизы отвели всю воду в новое русло реки и оставили отряд Кенесары без воды. Понимая безвыходность положения, Кенесары созвал военный совет, чтобы решить, как выйти из положения. Наурызбай предложил Кенесары: «Дайте мне 200 годных к бою джигитов. С этими двумя сотнями я ударю на строй киргизов и пробью его».

Хотя этот совет был одобрен всеми, но Кенесары опасался, что бегство уронит его престиж как хана: «Раз мы пробьемся, — говорил он, — мы побежим безостановочно. У кого лошадь быстрее, тот спасется. Большинство же народа погибнет. Если я сам, предводительствуя войском, обращусь в бегство, то уж не смогу больше быть ханом народа».

Кенесары предложил заколоть всех лошадей, оставив только 20, чтобы нагрузить на них мясо, а самим пробивать дорогу пешими с пиками в руках. Но это предложение не встретило одобрения. Решено было остаться до следующего дня в надежде, что прибудет подкрепление. Между тем ночью часть войска, которой были чужды агрессивные стремления Кенесары против киргизов, разбежалась. Другая часть во главе с биями Сыпатаем и Уристемом из рода Ду-

лат, связанными с киргизскими манапами, перешла на сторону противника.

Кенесары и Наурызбай во главе преданных им отрядов решили все же с боем пробивать себе дорогу. Но их попытка вырваться из окружения окончилась неудачей. Наурызбай вместе со своим отрядом погиб в неравной борьбе. Кенесары был захвачен в плен и погиб мучительной смертью.

Причины поражения и значение восстания Кенесары.

Основные причины поражения восстания Кенесары кроются в той внутренней и внешней обстановке, в которой происходило восстание. Движение Кенесары имело прогрессивный характер. Вызванное наступлением царизма и среднеазиатских ханств, отнятием лучших земель и кочевок, составлявших источник народного существования, и ликвидацией политической независимости казахского народа, восстание привлекало к себе самые широкие массы, которые в течение долгого времени (почти 10 лет) шли за Кенесары. Народ сочувствовал стремлению Кенесары объединить все силы казахов в едином государстве, чтобы дать отпор внешним силам, наступавшим на степь со всех сторон.

Кенесары и массы смотрели на землю с разных точек зрения. Кенесары рассматривал землю как свою феодальную собственность, унаследованную от хана Аблая. Массы смотрели на землю как на свое достояние. Уже неоднородность целей борьбы должна была рано или поздно привести к расколу борющихся сил, к отходу крестьянских масс от Кенесары. Такой отход и наблюдался на заключительном этапе движения, когда оно начало терять массовый характер.

Кроме того, стремление Кенесары к созданию объединенного ханства натолкнулось на непреодолимые препятствия — экономическую отсталость, феодальную раздробленность Казахстана и межродовую борьбу, усиленно разжигаемую султанско-байской верхушкой и поощряемую царскими властями.

Большинство султанов и влиятельных богатых биев не поддержали Кенесары. Дело не только в том, что они состояли на службе у царизма. Значительно важнее, что они вообще не были заинтересованы в образовании и укреплении Казахского государства, боясь лишиться своих привилегий и авторитета в родах. Именно поэтому часть султанов, наиболее тесно связанных с царизмом, как, например, султаны Арслан и Ахмед Джантюрины, Турлыбек Чингизов, Айчуваков, Конур-Кульджа Кудаймендин и другие сразу же выступили против Кенесары.

Лишь немногие представители феодальной верхушки пош-

ли за Кенесары. По большей части это были либо родственники Кенесары, либо его друзья, тесно с ним связанные в течение ряда лет.

Кроме того, социально-экономическая отсталость Казахстана того времени, следствием чего и был неизбежный перевес родовых и групповых интересов над общественными, имела еще другие, не менее важные последствия. Хотя народные массы и составляли движущую силу восстания, руководящая роль в нем, по условиям времени, принадлежала средним слоям феодалов. Это обстоятельство порою приводило к столкновениям их интересов с интересами трудовых масс, выливаясь в формы классовой борьбы и ослабляя силы восстания. Особенно ярко это проявлялось, когда повстанцы громили аулы крупных феодалов, преданных царизму султанов-правителей Конур-Кульджа Кудаймендина, Ахмеда Джантюрина, вдовы хана Вали и других. Феодальное руководство движения ослабляло эти моменты.

Отстаивая свои классовые интересы и подавляя антифеодальные выступления народных масс, феодальная верхушка подрывала основную базу национально-освободительного движения и тем самым способствовала его поражению.

Надо, далее, отметить, что в специфических для Казахстана условиях, прежде всего при его огромной малонаселенной территории, эта отсталость не могла не оказать своего губительного действия на исход движения. На протяжении 10 лет, в течение которых происходило восстание Кенесары, оно охватывало все важнейшие районы страны и почти все основные группы казахов. Но происходило это не одновременно, и поэтому в любой момент царские войска могли бить восставших казахов по частям, нанося им концентрированные удары. Это было крупным выигрышем для царизма и большим минусом для восстания. Длительная борьба истощала силы народа. Непрерывные военные действия требовали больших средств. Это вынуждало Кенесары увеличить налоги и сборы, которые ложились тяжелым бременем на плечи народа.

В то же время крайне неблагоприятно было и международное положение. Казахстан, раздробленный и разделенный на четыре мало связанные между собой части (Старший, Средний и Младший жузы и так называемую Внутреннюю, или Букеевскую, Орду), уже находившиеся под властью царской России, Китая и Коканда, был окружен со всех сторон врагами, не желавшими допустить объединения казахов в единое государство. И царская Россия, и Китай, и среднеазиатские ханства — Хива, Бухара и Коканд — стремились использовать в своих целях казахские степи, боролись между собой за власть над казахами и фактически были заинтересованы в

сохранении Казахстана в том положении, в каком он находился — в роли своеобразного буфера. Кенесары мог ловко лавировать и, временно блокируясь с одним из этих государств, противостоять натиску других. Это он и делал, следуя примеру Аблая, выигрывая время, на известный период обеспечивая себе независимое существование. Однако ни окончательно сбросить цепи колониального рабства, ни создать крепкое самостоятельное Казахское государство он был не в состоянии. Этого не допустили бы ни Россия, ни среднеазиатские ханства, ни Китай. Их военные силы настолько превышали силы Кенесары, что вооруженная борьба с ними была заранее обречена на неудачу. Кроме того, повстанцы Кенесары не только имели примитивное вооружение, но и устарелую военную тактику, свойственную патриархально-феодальному общественному строю.

Далее, образованию широкого единого национально-освободительного фронта мешали внутренние классовые противоречия в движении Кенесары, особенно на его последнем этапе, когда Кенесары с крайней жестокостью разгромил и разграбил ряд аулов мирных киргизов лишь за то, что киргизские манапы Орман и другие отказались поддержать его.

Все это вместе взятое привело к тому, что Кенесары не мог достигнуть необходимого единства казахского народа в борьбе со своими врагами. Типичная для патриархально-феодальной среды раздробленность и локальная ограниченность не могли, рано или поздно, не сыграть свою решающую роль в исходе движения.

Восстание Кенесары потерпело поражение. Но в истории национально-освободительной борьбы казахского народа оно занимает важное место. Оно охватило почти весь Казахстан и было самым длительным из всех бывших ранее восстаний.

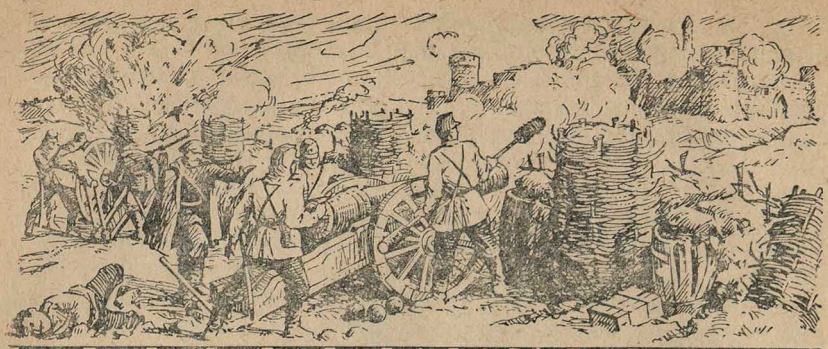
Восстание Кенесары, носившее антиколониальный характер, сыграло прогрессивную роль в истории народа. Прогрессивным оно было по тем политическим требованиям, которые выставлял Кенесары, стремившийся объединить казахов в едином государстве, преодолеть их межродовую вражду и феодальную разобщенность. «Ни одна страна в мире, — пишет товарищ Сталин, — не может рассчитывать на сохранение своей независимости, на серьезный хозяйственный и культурный рост, если она не сумела освободиться от феодальной раздробленности и от княжеских неурядиц».[1]

Восстание Кенесары затрудняло колониальное закабаление казахских степей царизмом и среднеазиатскими ханства-

[1] «Правда», 7 сентября 1947 года.

ми и явилось боевой подготовкой народных масс к дальнейшей национально-освободительной борьбе.

Восстание Кенесары было одним из звеньев широкого освободительного движения угнетенных народов царской России, которые расшатывали устои крепостничества и царизма.



ГЛАВА XV.

КАЗАХСТАН В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА.

§ 35. ПОДЧИНЕНИЕ РОССИЕЙ НИЗОВЬЕВ СЫР-ДАРЬИ И СЕМИРЕЧЬЯ.

Борьба за казахские степи между Хивой, Коканд ом и Россией.

К середине XIX века основная масса казахского народа, жившая на северо-восток от Каспийского моря, а также на север от Аральского моря и Сыр-Дарьи, состояла в подданстве России. Часть казахских аулов, кочевавших между Аральским и Каспийским морями, находилась в зависимости от Хивинского ханства. Казахи, обитавшие по среднему течению Сыр-Дарьи, а также на юг от рек Или и Чу, подчинялись власти кокандского хана. Многочисленные группы казахского населения оставались на территории Бухарского ханства и Китайской империи. Продолжали сохранять некоторую политическую самостоятельность только казахи родов Адай и Шекты, кочевавших в узкой полосе степи между реками Иргизом и Тургаем на севере, Аральским морем и низовьем Сыр-Дарьи на юге; они не платили России кибиточного сбора, не имели назначенных султанов-правителей и попрежнему подчинялись своим родовым старшинам. Но Российская империя считала эту область частью своей государственной территории. На эту же полосу земли предъявляли свои притязания и соседние ханства — Коканд и Хива. Кроме того, многие казахские аулы имели летние кочевья на севере, в пределах России, а зимние — на юге, во владениях Хивы и Коканда. Такие казахи или вовсе уклонялись от уплаты податей, или были «двоеданцами», т. е. считались подданными двух государств.

Между Россией, Хивой и Кокандом происходили постоянные пограничные споры по вопросу о власти над казахскими землями и их населением. Хивинские ханы не удовлетворялись закятом, который они собирали с казахов, кочевавших на запад и на восток от Аральского моря. В переговорах с русским правительством, в 40-х годах, хивинский хан заявил, что его владения простираются по рекам Эмбе, Иргизу и Тургаю. В низовьях Сыр-Дарьи Хива старалась оттеснить и Россию и Кокандское ханство.

Добиваясь своей цели, хивинские ханы стремились привлечь к себе казахский народ. Они не раз обращались к нему с воззваниями, убеждая его не изменять мусульманской вере и не подчиняться «неверным» — христианам. Казахские феодалы, обиженные царскими властями, находили радушный прием у хивинского властителя и нередко получали от него вооруженную поддержку. По нижнему течению Сыр-Дарьи и ее притокам Хива сооружала крепости, чтобы преградить путь русским и кокандским отрядам. Время от времени хивинский хан предпринимал наступательные походы, рассчитывая перерезать русские коммуникации и установить свою власть над спорными землями.

Усилия хивинского хана не имели большого успеха. Русские войска, часто при поддержке казахских отрядов, отбивали нападения хивинского хана. В низовьях Сыр-Дарьи хивинцы тоже утрачивали свое былое влияние: их стали вытеснять отсюда сначала Кокандское ханство, а затем Россия.

Так же, как и хивинцы, кокандские феодалы пытались сделать мусульманскую религию знаменем и орудием в борьбе против наступления России. Кокандская знать старалась возбудить ненависть мусульман к «неверным» и привлечь казахские массы к подчинению «правоверному» хану Коканда. Столкновения России и Коканда за казахские земли принимали все более напряженный характер.

В середине XIX века особенно усилилось стремление царизма полностью овладеть землями Казахстана и занять Среднюю Азию. В основе этого стремления лежали определенные экономические интересы.

Когда в России к середине XIX века выросла капиталистическая промышленность, торговля со Средней Азией приобрела крупное экономическое значение. Московские и ивановские фабриканты, владельцы хлопчатобумажных фабрик, сильно нуждались в привозном хлопке и пряже, а готовые бумажные изделия — ткани, платки, белье — они старались сбывать на далекие восточные рынки, куда с большим трудом проникали товары из Западной Европы. Поэтому русские промышленники стремились наладить беспрепятственную тор-

говлю с Казахстаном и среднеазиатскими ханствами. Некоторые из них мечтали проникнуть еще дальше — в Индию, в богатые английские колонии. Правительству подавалось немало записок о торговом и военном продвижении в глубину Средней Азии. Правительство поддерживало стремление русских купцов и заявляло: «Торговля сия составляет основу всей нашей азиатской политики».

При покорении казахского края царизм преследовал не только торговые цели, но и стремился, путем территориального роста вширь, смягчить классовые противоречия в самой России и захватить новые источники обогащения для верхушки эксплоататорских классов.

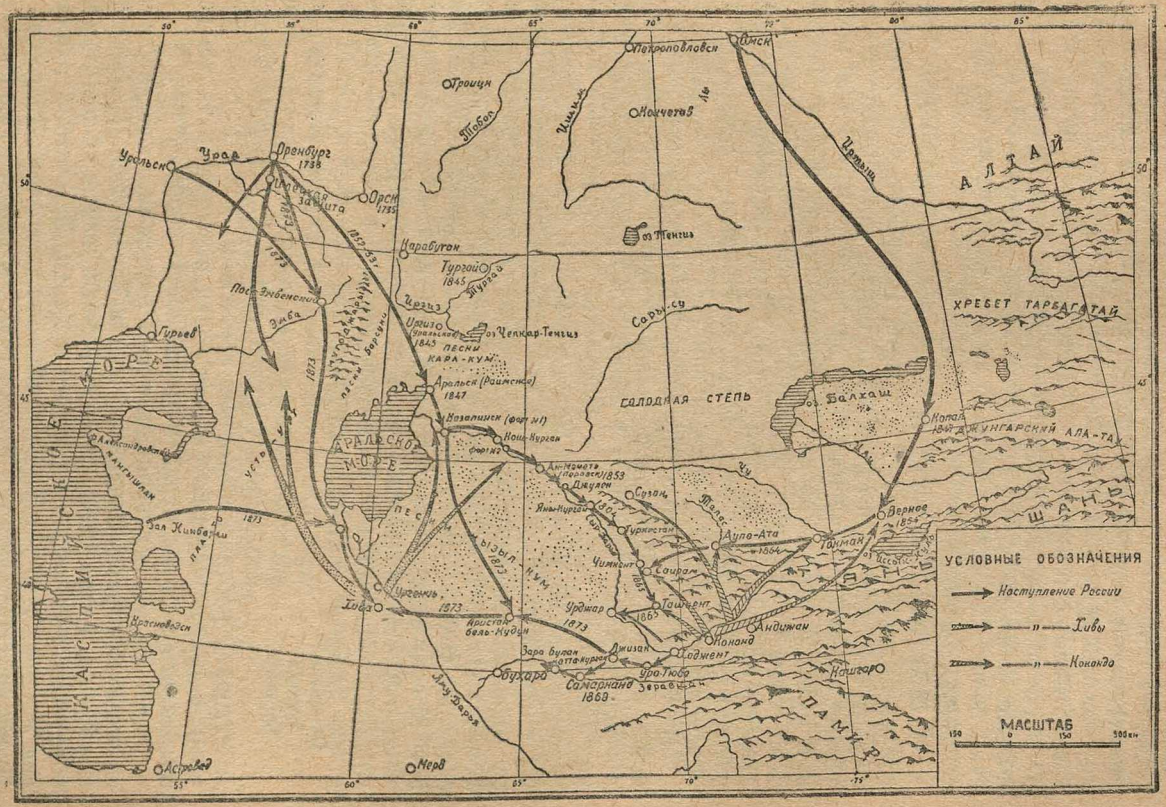
Продвижение царизма в Среднюю Азию.

В борьбе за восточные рынки царская Россия сталкивалась с другими европейскими государствами, прежде всего с капиталистически развитой Англией. Англия имела крупную промышленность, оборудованную новейшими машинами, большой торговый флот и богатое предприимчивое купечество. Английская буржуазия мечтала прибрать к рукам азиатские земли, лежавшие к северо-западу от ее колоний в Индии. Между русским и английским правительствами шла непрерывная борьба за влияние на Востоке. Царской России приходилось торопиться, чтобы ее не обогнал могущественный и ловкий соперник. Завоевание казахских степей и Средней Азии должно было обеспечить безопасность и легкость торговых сношений, удешевить перевозку русских товаров, укрепить положение русских купцов на азиатских рынках.

В 1839 году царское правительство сделало попытку завоевания Хивинского ханства, был организован большой поход пятитысячного отряда из Оренбурга через прикаспийские степи, под руководством военного губернатора Перовского. Однако условия зимнего передвижения оказались непосильными для посланного отряда. Суровые морозы, снежные бураны в степи, отсутствие топлива, легкая одежда и обувь, не приспособленные для дальнего пути, сильно затрудняли поход. Верблюды падали от бескормицы. Солдаты гибли, еще не встретив неприятеля. Через 2½ месяца трудного пути Перовский, не достигнув цели, вынужден был вернуться обратно.

В 1847 году, вскоре после основания Оренбургского и Уральского укреплений, Россия сделала новый шаг по пути завоевания Средней Азии: в устье Сыр-Дарьи было построено укрепление Раимское (впоследствии переименованное в Аральское). Новая крепость обеспечивала России обладание промежуточной полосой степи и позволяла легко отражать нападения Хивы. Затем русские отряды обследовали Араль-

БОРЬБА ЗА КАЗАХСТАН И СРЕДНЮЮ АЗИЮ (1800 — 1878 гг.).



ское море, поднялись выше по течению Сыр-Дарьи и соорудили еще два форта. Один из них был построен в урочище Казалы и получил позднее название Казалинска, а другой был впоследствии упразднен. Во всех построенных крепостях были оставлены сильные отряды пехоты и казачьей конницы с артиллерией, сторожившие главные караванные пути. Время от времени отряды высылались в степь. Они громили непокорные казахские аулы, отбивали атаки хивинских и кокандских войск и завоевывали одно за другим укрепления среднеазиатских ханств.

В 1853 году Перовский организовал большой поход против кокандской крепости Ак-Мечеть. После упорной осады и штурма крепость была взята, но не срыта, как прежде захваченные кокандские укрепления, а превращена в опорный военный пункт царской России. Ее переименовали в форт Перовский (ныне Кзыл-Орда); она стала главным оплотом русского влияния на среднем течении Сыр-Дарьи. Вместе с другими русскими крепостями форт Перовский вошел в состав новообразованной Сыр-Дарьинской линии.

В те же годы было предпринято наступление царских войск со стороны Сибири по направлению к Семиречью, где обитали казахи Старшего и Среднего жузов. Некоторые из них считались подданными Китайской империи. Но Китай, раздираемый внутренними междоусобиями, не имел сил, чтобы удерживать в подчинении эту отдаленную область. Между отдельными казахскими султанами шла борьба за обладание властью в аулах. Казахи Старшего жуза испытывали гнет не только своих феодалов, но и кокандских беков. В 1846 году казахи Старшего жуза, во главе со своими султанами и биями, принесли России присягу на верность. Через год в урочище Копалы была сооружена русская крепость.

Основание города Верного.

Постройка крепостей, как и раньше, встречала противодействие казахов. Ночами они внезапно налетали на казачьи дозоры, жгли поселения, уводили лошадей. Царские власти действовали против непокорных казахов не только оружием, но и подкупом казахской знати. Они стремились также использовать в своих целях и межродовые споры.

В это время между киргизскими манапами, кочевавшими по южную сторону Заилийского Ала-Тау, велась междоусобная борьба. Киргизский манап Ниазбеков из рода Сары-Багыш обратился за помощью к русским в Копал. Летом 1854 года отряд майора Перемышльского вышел на дорогу Ташкент — Кульджа. Отряд должен был привести к присяге Ниазбекова, отыскать за рекой Или удобное для укрепления место и овладеть путями в Китай и на юг — в Кокандское ханство. По

пути, за рекой Или, отряд остановился на привал в казахском урочище Алматы. Здесь майор Перемышльский и решил построить крепость. Это укрепление было названо «Верное». Год спустя вблизи Верного, на правом берегу реки Алмаатинки, вырос казачий поселок — Алмаатинская станица. В станице поселили 132 семьи сибирских казаков и 200 семей русских крестьян, причисленных к казачьему сословию. Затем последовал приказ — водворить за реку Или десятый полк сибирского казачьего войска. Вскоре военный губернатор генерал Колпаковский выписал из Семипалатинска переселенцев — татар-хлебопашцев и крестьян из Воронежской губернии.

Так постепенно складывался город Верный — будущая столица Казахской ССР — Алма-Ата. Из этого главного опорного пункта расходились военные отряды, чтобы подчинять царской России соседние казахские кочевья и возвести новые укрепления к югу от реки Чу.

Положение 1854 года.

Царское правительство не только строило новые крепости, но и вводило систему колониального управления. Аулы были подчинены новому административному порядку, установленному Положением 1854 года. Из прежней «Области Сибирских киргиз» была выделена Семипалатинская область во главе с генерал-губернатором. На местах управление возлагалось на приказы, руководимые русскими чиновниками. Казахские султаны сделались помощниками этих чиновников.

К середине XIX века задача овладения богатыми областями Южного Казахстана и среднеазиатскими ханствами была царским правительством поставлена, но еще не решена. Между Сыр-Дарьинской и Семиреченской укрепленными линиями оставались широкие ворота, через которые продолжали проникать на север воинственные отряды казахов, хивинцев и кокандцев.

§36. ВОССТАНИЯ КАЗАХОВ В 50-х ГОДАХ.

Восстание казахов в Коканде в 1857 году.

Усилия Хивы, Коканда и царской России подчинить казахский народ вызывали с его стороны постоянный отпор.

В 1857 году в Кокандском ханстве вспыхнуло восстание среди киргизов и казахских родов, кочевавших по течению реки Чу и около Чимкента. Этой областью управлял ташкентский бек, жестокий и алчный Мирза-Ахмет. Он беспощадно взыскивал с казахов закят, а у бедняков, обремененных недоимками, отбирал детей и продавал их в рабство. Жалобы угнетаемых казахов ко-

кандский хан оставлял без внимания. Тогда в казахских аулах стали собираться возмущенные массы вооруженных повстанцев. Часть из них двинулась к крепости Аулиэ-Ата, другие совместно с киргизскими отрядами сосредоточились около крепости Пишпек (ныне Фрунзе), третьи — в окрестностях Чимкента.

В районе Аулиэ-Ата Мирза-Ахмет рассеял казахов и освободил город от осады. Но под Пишпеком военные отряды кокандцев потерпели поражение от восставших.

Победоносно развивалось также восстание в Чимкенте. Здесь казахами был захвачен в плен племянник Мирзы-Ахмета, жестоко выколачивавший подати с казахского населения. Отсюда объединенные отряды киргизов и казахов двинулись к Аулиэ-Ата и снова осадили крепость, в которой находился сам правитель области Мирза-Ахмет. Осажденный Мирза-Ахмет был на волоске от гибели. Чувствуя свое бессилие, он отправил посланца к кокандскому хану, умоляя его придти на помощь. Из столицы Коканда было послано сильное войско. Узнав о его приближении, восставшие сняли осаду Аулиэ-Ата и разошлись по своим аулам. Ханские чиновники жестоко расправились с организаторами и руководителями восстания: они захватили их в плен и предали мучительной казни.

В 1858 году снова вспыхнуло восстание против ташкентского бека, — на этот раз в горных казахских аулах, кочевавших между Ташкентом и рекою Чу. Кокандские отряды, высланные из Ташкента, оказались бессильными подавить начавшееся движение. К повстанцам присоединились не только казахские, но и киргизские аулы. Были осаждены все кокандские укрепления между рекою Чу и хребтом Кара-Тау. В мае восставшие начали осаду Туркестана и Яны-Кургана. И на этот раз движение было подавлено вследствие военного превосходства Коканда. Однако многие казахские аулы, кочевавшие на кокандской территории, успели перекочевать в Россию.

Восстание 1857 и 1858 годов, так же как и другие, более мелкие выступления против кокандского хана, носило явно выраженный национально-освободительный характер.

Борьба Жанхожи Нурмухаммедова против Хивы и Коканда.

В низовьях Сыр-Дарьи с давних пор зимовали казахи Младшего жуза — роды Шекты, Торткара, Шумекей и другие. Летом, когда в береговых камышах разводилось бесчисленное множество насекомых, приходилось угонять скот на север, в Большие и Малые Барсуки, к рекам Иргиз и Тургай. Наряду с кочующими аулами, на берегах Сыр-Дарьи были оседлые земледельцы — егинши, которые засе-

вали пашни ячменем, просом, пшеницей, коноплей, арбузами, дынями. Многие из егинши были бедняки — джатаки, которые работали на участках богатых баев. Сами баи вместе со своими стадами уходили на лето в северные районы, оставляя джатаков обрабатывать пашни и сохранять оросительные каналы.

В этой промежуточной полосе между Россией, Хивой и Кокандом казахи могли сохранить относительную самостоятельность. Во главе этих родов обычно стояли влиятельные батыры. Эти батыры были не только военачальниками, но и крупными феодалами, обладателями обширных стад и носителями политической власти. Нередко они становились независимыми от ханов и султанов, самостоятельно управляя подчинявшимися им родами.

В низовьях Сыр-Дарьи таким влиятельным батыром был Жанхожа Нурмухаммедов, славившийся своей храбростью и боевыми успехами. Уже в молодости он искусно отразил нападение, произведенное на его сородичей султанами Среднего жуза.

Во время движения Кенесары Касымова Жанхожа деятельно помогал ему против кокандцев и вместе с ним осаждал кокандские города. Но это сотрудничество продолжалось недолго. Кенесары Касымов жестоко обидел Жанхожу на почве существовавшей между ними острой семейной вражды.

Особенно упорно боролся Жанхожа с Хивинским ханством. На притеснения и насилия хивинских начальников он отвечал смелым вооруженным отпором. Наиболее ожесточенной эта борьба сделалась после того, как один из хивинских беков умертвил брата и племянника Жанхожи.

В 1847 году хивинские отряды разгромили кишкине-шектинские аулы, сожгли их кибитки и побросали в воду казахских детей. Жанхожа обратился за помощью к начальнику Раимского укрепления. Он писал ему: «Защитите меня от врагов; кроме вас, русских, друзей у меня не осталось». Начальник укрепления выслал на помощь Жанхоже военный отряд с двумя артиллерийскими орудиями. Соединенные силы казахов и русских подступили к хивинской крепости Джан-Кала и открыли огонь. Жанхожа со своими джигитами переплыл через Сыр-Дарью, ворвался в крепость и, перебив часть гарнизона, прогнал уцелевших хивинцев далеко в степь. Победители увели с собой много пленных и скота.

С помощью того же раимского гарнизона Жанхожа напал на кокандскую крепость Кош-Курган, разрушил ее и освободил окрестных казахов от подчинения Коканду. Хивинские ханы старались во что бы то ни стало захватить и убить

Жанхожу, но отважный и умный батыр ускользал от преследования.

Казахи глубоко чтили Жанхожу как своего защитника. Русские власти понимали, каким большим влиянием пользуется Жанхожа, и старались удержать его на своей стороне. Ему дали чин казачьего есаула, пожаловали золотую медаль «За усердие» и назначили жалованье за управление сыр-дарьинскими казахами. Но Жанхожа отказался принести присягу, уклонялся от получения жалованья и старался как можно меньше общаться с царскими чиновниками.

Борьба Жанхожи против царских властей.

Оренбургский военный губернатор генерал Обручев, решив наказать Жанхожу «за неповиновение», лишил его звания есаула и подчинил власти султана-правителя. В свою очередь, Жанхожа все больше сторонился царской администрации, которая сильно притесняла сыр-дарьинских казахов. Особенно свирепствовали царские власти в Казалинском укреплении: принуждали казахов к разнообразным тяжелым работам, требовали у них взяток, подвергали насилиям и оскорблениям. Но самым тяжелым фактом колонизаторской политики царизма было массовое изъятие земель у местного населения. Заселяя вновь построенные укрепления казаками, царское правительство отнимало орошаемые пахотные участки у казахов и наделяло ими казаков-поселенцев. Сами казаки мало занимались земледелием и плохо поддерживали оросительную систему. Каждый год они требовали смены пахотных участков, иногда закрывали арыки и вымогали у местных земледельцев плату за пущенную воду. Земледелие сыр-дарьинских егинши подрывалось такой колонизаторской политикой.

Среди казахов началось массовое брожение. Пострадавшие шли за советом и помощью к Жанхоже. Наконец, возмущение казахов вылилось в открытое восстание. В 1856 году Жанхожа стал во главе восстания. За рекой Сыр-Дарьей он собрал основное ядро повстанческого войска и обратился с призывом к степным аулам и земледельческим поселениям присоединиться к восстанию. К батыру стали стекаться недовольные казахи из разных родов. Джатаки, не имевшие лошадей, шли к нему пешком или приезжали на быках. Значительную часть войска составили сыр-дарьинские егинши. Повстанцы были вооружены ружьями, саблями, топорами и мотыгами. Когда под знаменем Жанхожи собралось 3 тысячи человек, он двинулся к Казалинскому укреплению и в декабре 1856 года осадил его. Восставшие старались лишить гарнизон продовольствия и фуража: угоняли принадлежавший крепости скот, сжигали сено и заготовленный ка-

мыш, уничтожали рыбные промыслы, захватывали и убивали фуражиров. В течение декабря крепостной гарнизон несколько раз производил вылазки, но встречал вооруженный отпор повстанцев.

Жанхожа ждал помощи других батыров и поэтому медлил с началом штурма, но желанная помощь не приходила. Султаны и бии не поддержали восстания и не позволили присоединиться к нему подвластным родам.

Между тем к осажденному укреплению спешила помощь. Из укрепления «Форт Перовский» двигался отряд в сопровождении двух артиллерийских орудий. Ему удалось проскользнуть мимо повстанческих разъездов и усилить гарнизон крепости. 9 января 1857 года царские войска вышли из Казалы и в долине Арык-Балыка вступили в бой с восставшими казахами. Жанхожа воодушевлял своих приверженцев, держа в руках боевое знамя. Повстанцы стойко выдержали натиск царского войска и перешли в ответное наступление. Несколько раз казахи переходили в конную атаку, но силы борющихся сторон были неравными. Царское войско поражало плохо вооруженных казахов ружейным и артиллерийским огнем. Повстанцы потерпели поражение. Карательные отряды, пройдясь по казахским аулам, угнали весь скот и оставили население в жертву голоду и морозу.

Жанхожа скрылся от преследования царских отрядов в Хиву и вместе с сопровождавшими его аулами прикочевал к южным берегам Аральского моря. Переживания Жанхожи трогательно передает народная песня:

От Сыра и Кувана снялись мои подошвы
И больше никогда не увижу этой черной долины.
Я сделался подобно лебедю, которого ловит сокол и коршун.
Не нашел я среди своего народа ни одного батыра,
Который мог бы поднять знамя.

Через год Жанхожа решил воспользоваться помилованием, которое было объявлено царским правительством всем казахским повстанцам. Но его враги — из числа царских чиновников и казахской знати — задумали самовольно расправиться с руководителем восстания. Один из местных султанов, личный враг Жанхожи, при попустительстве царской администрации двинулся против батыра во главе военного отряда. Отряд состоял из казахов рода Табын, жаждавших отомстить Жанхоже за прежние межродовые столкновения. Убежище батыра было открыто, и враги окружили его юрту. Когда Жанхожа услышал родовой клич табынцев — «Тустаган», он понял, что пришел час его смерти. Спокойно он вышел из юрты, совершил намаз[1] и сел на высокий бугор, на

[1] Намаз — мусульманская молитва.

виду у наступающего отряда. Враги не посмели схватить его, они стреляли в него издали. Жанхожа, как всегда, был одет в железный панцырь, от которого отскакивали пули. Наконец, одна из них попала в незащищенное горло батыра, и он упал, пораженный на смерть. Аул Жанхожи был разгромлен. Казахский народ оплакивал гибель батыра, сложив о нем сказания и песни.

По своему характеру восстание Жанхожи было национально-освободительным движением, руководимым родовой знатью, так же, как и восстания против кокандских ханов и беков.

Выступление Есета Котибарова.

Одновременно с восстанием сыр-дарьинских казахов развернулась борьба в районах к западу от Аральского моря, на границе с Хивинским ханством. Руководителем этого движения был батыр и в то же время бий рода Шекты Есет Котибаров.

Находившиеся между Россией и Хивой казахи этого района экономически зависели от обоих государств и поддерживали с ними оживленные торговые связи. Торговля с Хивой была более давней и прочно налаженной; из Хивы казахи получали среднеазиатский хлеб, мату, узбекские изделия, на которые выменивали кожи, шерсть и скот. Русские купцы еще не успели завоевать себе прочного положения в южных кочевьях. Чтобы сохранить политическую самостоятельность и не порвать торговых сношений с соседними государствами, Есет старался лавировать между Россией и Хивой: он одинаково уверял в своей верности царскую администрацию и хивинского хана, принимал к себе хивинских посланцев и доносил о них царским властям, платил хану закят, России— кибиточную подать. Но, в противоположность Жанхоже, Есет имел большее тяготение к Хивинскому ханству. В борьбе с царской колониальной политикой он искал вооруженной помощи у хивинского хана.

Постройка русских укреплений на Иргизе, Тургае и Сыр-Дарье побудила Есета открыто выступить против царской России. В 1848 году хивинским ханом и Есетом был выработан план совместных действий. Хива должна была двинуть к северо-западным берегам Аральского моря двенадцатитысячное войско, а Есет — присоединиться к нему с шеститысячным отрядом казахов. На соединенную армию возлагалась задача обходными движениями отрезать и перебить царские отряды, которые везли продовольствие в степные крепости. Затем предполагалось напасть на Уральское укрепление и разрушить его до основания.

Хивинцы разослали в казахские аулы воззвания с призы-

вом объединить мусульманские силы против «неверных». Они убеждали казахских старшин беспрекословно подчиняться Есет-батыру. «Итак, помните о драгоценности мусульманства, оставьте пребывание ваше вблизи русских и переезжайте к услугам Есет-батыра... Если будет кочевать Есет-батыр,— кочуйте, ежели остановится, — останавливайтесь и вы, между собой и русскими оставьте пустое пространство; ежели Есет станет нападать на русских, — нападайте и вы с ним вместе; ежели станет просить всадников, — давайте ему, а ежели этого не исполните, то будете виноваты сами».

Есет рассчитывал привлечь на свою сторону влиятельного султана-правителя Арслана Джантюрина. Он обратился к нему с письмом, написанным очень осторожно, но с определенной целью: во имя ислама склонить султана к союзу с хивинцами в борьбе с Россией. Есет напоминал Джантюрину о былой независимости Казахского ханства и о величии мусульманской религии, извещал о движении хивинского войска и ставил вопрос о совместной поддержке начатого похода.

Однако все планы Есета были разрушены. Раньше, чем его степные джигиты присоединились к хивинцам, последние были отбиты и прогнаны царскими отрядами. Казахские аулы во главе со своей феодальной знатью не пошли на восстание. Есету пришлось написать новое письмо султану-правителю. Уверяя его в законности своих действий и обещая выполнить все требования власти, Есет не мог скрыть своего горького разочарования в хивинцах: «Мы слышали, что они... обесчещенные обратились в бегство... Врагов много, а друзей мало».

Оренбургский военный губернатор, считаясь с большим влиянием Есета среди казахов, предпочел простить его. Царские власти продолжали поддерживать с Есетом мирные отношения, но доверяли ему еще меньше, чем Жанхоже. Есет не получил разрешения перейти на более близкие и удобные кочевья, ему не выдавали пожалованной золотой медали, за всеми его действиями зорко следили.

В 1853 году, во время похода Перовского против кокандской крепости Ак-Мечеть, казахские аулы должны были обеспечить передвижение военного обоза. Одни шектинцы должны были выставить 4 тысячи верблюдов с вьючными припасами, погонщиками и продовольствием. Такая повинность была непосильной для казахов. Есет использовал нараставшее недовольство и добился массового отказа от поставки верблюдов. Царские власти ответили отправкой карательных отрядов против Есета и преданных ему аулов. Есет бежал в Усть-Урт и начал собирать силы для борьбы.

Вскоре началась Крымская война, и Есет решил открыто выступить против России. На его призыв откликнулись род Шекты и отдельные аулы родов Табын и Адай. Есет собрал войско из 1 500 вооруженных джигитов. В ответ царские власти предписали султану-правителю Джантюрину отправиться в степь и захватить Есета. Летом 1855 года Джантюрин во главе большого отряда двинулся к верховьям реки Илек. Здесь он расположился лагерем и вступил в переговоры с Есетом. Батыр изъявил притворную покорность и усыпил бдительность султана-правителя. Но на рассвете 8 июня отряд Есета произвел неожиданное и стремительное нападение на лагерь Джантюрина. Повстанцы ворвались в его юрту. Султан-правитель, которого казахи ненавидели за его притеснения, был изрублен, несколько человек из его свиты тоже были убиты. Имущество султана и его приближенных было захвачено. Казачий отряд после ожесточенной схватки вернулся на линию.

Оренбургский губернатор снарядил несколько отрядов и приказал им поймать Есета Котибарова и наказать виновников возмущения. Отряды подвергли жестокому разрушению казахские аулы, не только участвовавшие в движении, но и вовсе непричастные к нему. У казахов было угнано огромное количество скота. Однако карательные отряды не сумели захватить Есета и его ближайших соратников. Отряд Есета разбился на мелкие группы, которые повели ожесточенную партизанскую войну. Они нападали на торговые караваны, перехватывали продовольствие и почту, убивали казаков, перерезали пути к царским укреплениям.

Борьба продолжалась и в следующем 1856 году. Но обстановка сложилась неблагоприятно для Есета. Обещанная Хивою помощь не приходила. Многие бии принесли повинную царскому правительству. Аулы повстанцев были разгромлены, и население их разорено. Ряды восставших заметно редели. Царским отрядам удалось захватить несколько видных участников восстания и расстрелять их за убийство Джантюрина. Новый султан-правитель Баймухаммедов вступил в переписку с Есетом и предложил ему сдаться и выдать сообщников. Есет прислал к султану своего друга Бекета Серкебаева и сына Ерназара для переговоров. Царские власти немедленно арестовали посланцев, заключили их в тюрьму и предали военному суду. Через некоторое время оба они были отправлены в Сибирь на поселение.

Три года царские военные отряды гонялись по степям за Есетом Котибаровым. В сентябре 1858 года его аулы подверглись жесточайшему разгрому, но сам он снова скрылся, — на этот раз в туркменских кочевьях. Хивинский хан

вызвал его и обещал ему помощь, но Есет уже плохо верил в обещания хивинцев. Когда новый оренбургский губернатор Катенин предложил ему полное прощение, под условием преданной службы, Есет сдался и прекратил борьбу. Так закончилось это второе антиколониальное восстание конца 50-х годов XIX века.

Говоря о подавлении движения Есета Котибарова, Герцен писал на страницах «Колокола»: «Со времен ветхозаветных войн или монгольских набегов ничего не было гнуснее в свирепости, как набег полковника Кузьмина и майора Дерышева, которым заправлял (еще при Перовском), сидя в своей канцелярии, бывший помощник Липранда — Григорьев. Этот кровавый эпизод еще ждет описания».

Движения Жанхожи и Есета Котибарова вспыхнули в той самой промежуточной степной полосе, которая сохраняла некоторую самостоятельность, но подвергалась усиливающемуся давлению со стороны России, Хивы и Коканда. Казахские роды, кочевавшие в этих районах, уже не были в состоянии вести независимую и успешную борьбу. Выступая против Хивы и Коканда, Жанхожа не мог обойтись без военного содействия России; действуя против царских колонизаторов, Есет Котибаров искал поддержки у отсталого Хивинского ханства, бессильного против могущественного и более передового русского государства. Подавив движения казахов конца 50-х годов, царская Россия устранила последние преграды для своего дальнейшего продвижения в глубь Средней Азии.

§ 37. ЗАВОЕВАНИЕ ЦАРСКОЙ РОССИЕЙ КОКАНДСКОГО И ХИВИНСКОГО ХАНСТВ. ПРИСОЕДИНЕНИЕ К РОССИИ КАЗАХОВ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХАНСТВ.

Поход царских войск против Коканда.

После поражения в Крымской войне Россия сосредоточила свое главное внимание на Средней Азии. Обстановка, сложившаяся в это время в Средней Азии, благоприятствовала планам царизма. Между Хивой, Бухарой и Кокандом постоянно возникали столкновения. Каждое ханство стремилось усилиться за счет другого, захватывало чужие пограничные территории и переманивало к себе подданных своего соседа. Ни одно из среднеазиатских ханств не сумело создать у себя прочного государственного устройства. И Бухару, и Хиву, и особенно Коканд раздирали феодальные войны.

Особенно сложным было в то время положение Кокандского ханства. Покоренные народности поднимались против Коканда. Трудящиеся массы восставали против кокандских

феодалов. Сами феодалы дробились на различные группировки, которые с оружием в руках свергали и возводили ханов на кокандский престол.

Царское правительство воспользовалось затруднительным положением Коканда и после нескольких разведывательных походов весною 1864 года двинуло против него свои военные силы. Русские помещики и буржуазия целиком поддерживали наступательную политику царизма: помещики-феодалы рассчитывали на приобретение новых богатейших земель, промышленники, в условиях начавшегося хозяйственного подъема, надеялись завоевать обширные рынки для закупки сырья и сбыта товаров.

Россия повела наступление на Коканд с двух сторон: с Сыр-Дарьинской линии — из форта Перовского, и со стороны Семиречья — из Верного. За короткое время царским отрядам удалось овладеть двумя кокандскими крепостями — Аулиэ-Ата и Туркестаном.

Поражение Коканда.

После первых побед командующий одним из царских отрядов генерал Черняев решил двинуться дальше, к крепости Чимкент. Однако сознание грозной опасности придало кокандской армии новую силу. С самого начала наступления царских войск во главе кокандского правительства стал опекун малолетнего хана, энергичный мулла, по национальности казах, Алимкул. Он постарался привести в порядок военные силы и денежные средства государства. С этой целью он начал хлопотать о заключении союза с Хивой и Бухарой, обратился с воззванием к казахскому и киргизскому населению, собрал многочисленное войско и пополнил запасы огнестрельного оружия.

Под Чимкентом царские отряды встретили упорное сопротивление кокандской пехоты и конницы, поддержанных артиллерией. Кокандцы превосходящими силами окружили царские отряды и вступили с ними в ожесточенный бой. Чувствуя недостаточность своих сил, Черняев должен был отступить.

Тем не менее дисциплинированные и хорошо вооруженные царские войска сохраняли преимущество над нестройными и слабо оснащенными ополчениями кокандцев. Вскоре Черняев снова двинулся против Чимкента. После артиллерийского обстрела и штурма крепость была захвачена царскими войсками.

Черняев немедленно двинулся дальше, к крупнейшему торговому и политическому центру Средней Азии — Ташкенту. Сначала царские отряды встретили здесь сильный отпор, но через несколько месяцев, весной 1865 года, Черняев возобновил наступление на город. Алимкул сосредоточил под Ташкентом армию в 7 тысяч человек, в составе которой были

и казахские отряды, возглавляемые сыном Кенесары, султаном Садыком. 9 мая 1865 года произошел бой, который определил судьбу Кокандского ханства. Несмотря на численный перевес, кокандцы оказались не в силах противостоять царским войскам. Между казахскими вождями и Алимкулом не было единодушия. В разгаре битвы казахи заняли выжидательную позицию. Царские войска разбили кокандскую армию и подошли к Ташкенту. Алимкул погиб, получив смертельную рану. Кокандцы остались без руководителя. После двухдневного уличного боя сопротивление города было сломлено. Ташкент был объявлен независимым от Коканда и через некоторое время присоединен к России. Кокандское ханство потеряло большую часть владений, в том числе территорию, занятую казахскими кочевьями.

Наступление царских войск на Бухару.

Борьба с Кокандом повлекла за собой столкновение между царской Россией и Бухарой, которая давно предъявляла притязания на Ташкент и другие кокандские города. Дипломатические переговоры не привели к соглашению. В январе 1866 года царские войска перешли по льду Сыр-Дарью и вторглись в пределы Бухарского ханства. Началась новая война — с Бухарой. Она продолжалась два с половиной года.

Однако и в Бухаре сказалось превосходство царской армии. Потерпев несколько тяжелых поражений, бухарский хан был вынужден подписать мирный договор. Он уступил России все земли, занятые царскими войсками, и признал себя вассалом российского императора. Русские купцы получили право свободной торговли в Бухаре при условии уплаты небольшой пошлины. Бухарское ханство должно было уплатить России большую контрибуцию. Вместе с коренным узбекским населением, к России отошли отдельные группы казахов, жившие в северной части Бухарского ханства.

Таким образом, после поражения Коканда и Бухары все казахи, жившие на территории этих государств, стали подданными Российской империи.

§ 38. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАЗАХСТАНА К РОССИИ.

Развитие торговли.

Присоединение Казахстана к России имело многообразные социально-экономические последствия для казахского народа. Обладая более высоким уровнем экономики, Россия уже давно вовлекла казахов в растущие торговые связи. Теперь, когда на огромных степных пространствах установилась единая госу-

дарственная власть, сложились условия для более безопасного и широкого развития товарного обмена. Русский купеческий капитал воспользовался открывшимися возможностями и хлынул в присоединенные области в поисках быстрого и беспрепятственного обогащения. Казахская степь нуждалась в привозных продуктах обрабатывающей промышленности и обладала излишками продуктов скотоводческого хозяйства. С другой стороны, через казахские кочевья пролегали проторенные транзитные пути в Среднюю Азию, частью отошедшую во владение России, частью оказавшуюся под ее непосредственным влиянием. Русские торговцы, действовавшие под охраной и покровительством царской администрации, стали увереннее и охотнее производить торговые операции с населением казахских аулов и среднеазиатских оазисов.

Исходными пунктами для дальнейшего распространения торговли послужили меновые дворы при таможнях Оренбургской и Сибирской казачьих линий — в Оренбурге, Троицке, Петропавловске и других городах. Сюда стекались многочисленные торговые караваны; в осеннее время года казахи пригоняли стада баранов и табуны лошадей; здесь происходил оживленный обмен на товары, привозимые русскими купцами и их приказчиками из России. Наряду с таможенными пунктами, вовлекались в торговлю и соседние казачьи станицы, заводившие собственные базары и периодические ярмарки. Отсюда торговые операции переносились дальше на юг, к пунктам сосредоточения гуртов скота и переправам через степные реки. Так возникла недалеко от Петропавловска, около Тайнчикульских озер, большая летняя ярмарка, на которой особенно бойкая торговля шла в июне и в июле. Здесь оптовые торговцы закупали у казахов большие гурты скота. Сюда привозились большие запасы русских, китайских и среднеазиатских товаров. Ежегодные обороты Тайнчикульской ярмарки в начале 1860-х годов достигали 5 миллионов рублей серебром.

Не меньшее хозяйственное значение приобрело урочище Казалы в низовье Сыр-Дарьи, где были открыты многочисленные русские и бухарские лавки. Тут происходила переправа караванов, направлявшихся от Оренбургской линии в Среднюю Азию и обратно; здесь же переходили через реку, по дороге на зимние кочевья, многие казахские аулы.

Местные рынки были непосредственно связаны с крупными российскими ярмарками — Ирбитской и Нижегородской. Обыкновенно ирбитский товар подвозился в казахскую степь ранней весной, а нижегородский — в декабре; к середине лета торговые сделки заканчивались, а в начале осени гурты скота, иногда по 5 — 10 тысяч голов, перегонялись на север,

частью в Петропавловск, частью через Тюмень — в Казань, Нижний Новгород и далее — на Москву. Бараны большею частью забивались в Петропавловске для получения сала, которое поступало на местные салотопни и оттуда в бочонках отправлялось в Ирбит, Нижний, Москву, Петербург и частью — за границу. Сырые кожи шли для обработки на кожевенные заводы Тобольской губернии, а конский волос, меха, изделия из бараньей и верблюжьей шерсти частью переправлялись на Макарьевскую ярмарку, частью небольшими партиями расходились по Сибири.

Чем дальше продвигалась русская граница, тем глубже проникали в казахскую степь русские торговые аванпосты. В конце 50-х и начале 60-х годов XIX века широко развернулась торговля в военных фортах и укреплениях — Оренбургском, Уральском, Карабутакском, Эмбенском и др. В 1863 году в форте Перовском (теперь Кзыл-Орда) насчитывалось 142 лавки с оборотом капитала в 270 тыс. рублей серебром в год, в форте № I (Казалинск) — 175 лавок, торговавших на 350 тыс. рублей серебром. Русским купцам приходилось конкурировать с бухарскими торговцами, но постепенно они вытесняли своих соперников и начинали занимать командные позиции; в форте № I русские купцы, имевшие в середине XIX века меньше лавок, чем бухарские купцы, превосходили бухарских торговцев размерами своих оборотов.

Завоевав положение на таможенной линии и в военных укреплениях, русский купеческий капитал продвигался еще дальше, в самую гущу казахского населения: из крупных торговых центров отправлялись приказчики с запасами разнообразных мелочных товаров, которые открывали свои «коши» (походные юрты) в степных аулах. В 60-х годах на территории Восточного Казахстана в кочевых аулах имелись собственные торговцы; по преимуществу это были агенты какого-нибудь русского купца из Петропавловска или Семипалатинска. Сбывая привезенные товары, владельцы кошей использовали нужду населения (особенно во время уплаты подати) и по дешевой цене закупали скот. Некоторые купцы имели по 40 — 50 агентов, которые, в свою очередь, нанимали мелких приказчиков, давали им телегу с лошадью и, нагрузив ее запасом товаров стоимостью в несколько сот баранов, отправляли в более отдаленные районы степи. Купцы Петропавловска, главного торгового центра на сибирской таможенной линии, в начале 60-х годов владели оборотным капиталом в 1 миллион 600 тысяч рублей.

После присоединения кокандских земель, русские купцы двинулись еще дальше, вверх по Сыр-Дарье; они стремились обосноваться в старинных среднеазиатских городах — Турке-

стане, Чимкенте, Сайраме, Ташкенте. Среди торговцев, приехавших из России, часто можно было встретить сибирских татар, которые хорошо знали язык и обычаи казахов и успешнее проникали в аулы. Нередко и русские капиталисты предпочитали нанимать приказчиков из числа сибирских татар.

По официальным данным, за 1853—1862 годы сумма привоза и вывоза через оренбургскую таможенную линию выросла с 1 223 999 рублей до 2 951 319 рублей, т. е. почти в 2,5 раза. На сибирской линии, по вычислениям офицеров Генерального штаба, торговый оборот уже к 1860 году достиг цифры в 8 миллионов рублей. Казахи сбывали по преимуществу продукты своей основной отрасли хозяйства — скотоводства. Из степи гнали сотни тысяч голов курдючных баранов, славившихся обилием сала и мяса, меньше рогатого скота и еще меньше лошадей и верблюдов. Наряду со скотом, казахи сбывали десятки тысяч пудов бараньего сала, огромные партии необделанных кож, мерлушек, верблюжьей шерсти, конского волоса, козьего пуха. Немалое место в ряду вывозимых товаров занимали грубые шерстяные изделия — кошмы, армячина и проч. Остальные товары — звериные шкуры, рыба, соль и проч. составляли сравнительно небольшую долю вывоза.

В обмен на это степное сырье Россия поставляла в казахскую степь три основные категории товаров: мануфактурные изделия, хлеб и металлы — именно те товары, которых всегда нехватало кочевому скотоводческому Казахстану. Из тканей преобладали дешевые бумажные изделия (особенно бойко шел русский ситец, закупавшийся на Ирбитской и Нижегородской ярмарках); гораздо меньше покупали полотняные, шелковые и шерстяные ткани. Хлеб сбывался по преимуществу в виде муки, металл — в форме чугунных, медных и оловянных изделий — треног (подставок под казаны), котлов, тазов, рукомойников, самоваров и проч. Кроме того, русские купцы привозили в степь выделанные кожи, красильные вещества, нефть, скипидар, известь, сахар, лекарства, низкие сорта табака, бумагу и разнообразные галантерейные товары — нитки, иголки, зеркальца, гребни и проч.

Первоначально торговля велась в меновой форме, причем единицею обмена служил трехгодовалый баран. Обыкновенно русские купцы продавали свои товары в долг, взыскивая за это ростовщические проценты. Пока торговля была неразвитой, купцы пользовались своим монопольным положением и получали баснословные барыши: собственные товары они сбывали по вздутым ценам, а казахские брали по дешевке. К середине 60-х годов XIX века положение

стало изменяться: торговая конкуренция, в частности, деятельность среднеазиатских купцов, заставила русских торговцев снизить цены, а сами казахи начали предпочитать покупку привозимых товаров за наличный расчет, и меновой торг постепенно стал заменяться денежным.

Деятельность казахских купцов и внутренняя торговля.

Развитие торговли оказало серьезное влияние на казахское общество. Из среды зажиточных казахов выдвинулись собственные купцы, которые развернули широкие торговые операции на линии, в фортах и особенно в аулах. В 1863 году в одном Баян-Аульском округе из 107 торговцев 68 были казахи. В середине 60-х годов в форте Перовском главные торговые операции производили местные казахские купцы, которые имели торговые сношения с Троицком, Ташкентом, Бухарой и Хивой; для закупки товаров они ездили на Ирбитскую ярмарку и в принадлежавший Китаю город Чугучак. Некоторые казахские купцы имели большие капиталы: у братьев Кунакбаевых было 150 тысяч рублей, у Меджубаса—300 тысяч рублей, у Джуруспая—500 тысяч рублей. У казахских купцов были приказчики; их товары, так же как товары русских и среднеазиатских торговцев, перевозили на верблюдах и на подводах казахские извозчики. Торговля со степью сильно способствовала развитию извозного промысла: не только для населения русских казачьих станиц, но и для многих казахов к середине XIX века он сделался важнейшим источником дохода.

Благодаря активному участию русских торговцев в обмене, ускорившему процесс возникновения собственного внутреннего рынка, в середине 60-х годов XIX века в Казахстане ясно наметились контуры общественного разделения труда в форме специализации производства: в плодородных районах по течению Сыр-Дарьи ясно обозначались центры оседлого земледелия; в Атбасарском округе, в кочевьях Баганалинского рода, на превосходных кормовых равнинах процветало коневодство и разведение рогатого скота; на берегах Тургая и Тобола, около сохранившихся лесных массивов, наладилось массовое производство деревянных изделий. Возник правильный товарный кругооборот. Каждый год казахи-скотоводы, занимавшие зимние кочевья в окрестностях Сыр-Дарьи, передвигались на летние кочевья в район реки Сары-Су. Здесь они встречались с атбасарскими аулами и обменивали сыр-дарьинские изделия — шерсть, арканы, кошмы и т. д. — на баганалинских лошадей и рогатый скот. Продвигаясь дальше на северо-запад, сыр-дарьинские казахи встречались в середине лета с аулами, расположенными на реках Тургае и Тоболе; здесь они обменивали свои продукты на

местные деревянные изделия. Осенью сыр-дарьинцы возвращались в свои песчаные степи и вступали в сделки с соседями-земледельцами, отдавая им за муку часть приобретенного скота и деревянных изделий. Сюда же, к реке Сыр-Дарье, каждую осень стекались другие многочисленные аулы, которые самостоятельно обменивались друг с другом накопленными излишками, минуя профессиональных торговцев. Таким образом, в середине XIX века Казахстан был не только вовлечен во внешнюю торговлю, особенно с Россией, но в нем развивался и внутренний товарный обмен.

Рост производства на рынок.

Развитие внешней и внутренней торговли в связи с развитием производительных сил самого казахского народа приводило к разложению натурального хозяйства, а вместе с тем — к росту товарной доли в общественном продукте труда.

Господствующим занятием казахского населения попрежнему оставалось разведение скота, преимущественно баранов. Баранье мясо и сало составляло главную его пищу; овечье молоко служило ему напитком и перерабатывалось в айран (простокваша) и в сыр; шерсть и овчины шли ему на одежду; навоз являлся в степи почти единственным видом топлива. Дополнительную пищу и материал для одежды давали лошади, рогатый скот и верблюды, которые являлись также средством передвижения и перевозки тяжестей.

Теперь, когда Россия предъявила усиливающийся спрос на продукты казахского скотоводства, появился новый стимул для разведения скота, особенно баранов. Перспектива приобретения новых ценностей, в особенности денег, соблазняла богатых казахов, владевших крупными стадами. Производство скота на рынок стало широко распространенным явлением к середине XIX века. За пятилетие (1857—1861 гг.) Восточный и Центральный Казахстан («Область сибирских киргиз») в среднем ежегодно давал на рынок 658 тысяч голов баранов, 48 тысяч голов рогатого скота, 1 900 лошадей. Западный Казахстан в 1862 году поставил на рынок 486 тысяч баранов, 25 тысяч голов рогатого скота, более 9 700 лошадей. На большую сумму поставлялись основные продукты скотоводства — сало, кожи, мерлушки. Наконец, немалый доход давала сдача в наем лошадей и верблюдов для перевозки грузов.

Заинтересованные в сбыте скота казахи стали больше заботиться о его размножении и улучшении качества. Степной скот плодился быстро и не требовал тщательного ухода, но у него был один страшный бич, который нередко уничтожал целые стада: это были зимние бураны и гололедицы. В 1856 году в Оренбургской степи погибло зимой от буранов и бескормицы около миллиона голов.

Чтобы оградить скот от массовой гибели, казахи стали устраивать на севере загоны — большие сараи из камня и дерна, покрытые жердями, засыпанные соломой, валежником и снегом. В прилинейной полосе, по примеру русского населения, казахи стали заготовлять на зиму запасы сена, чтобы предупредить возможность массовой бескормицы. Таким образом, старые примитивные способы производства стали уступать место технически более совершенным. Но эти новые формы скотоводства требовали большого приложения труда, в связи с чем возрастал спрос на рабочую силу.

Развитие торговли оказало свое воздействие и на другие отрасли производства. Казахи с давних пор занимались степной охотой: на севере и в южном Казахстане, в предгорьях, в зарослях камыша и на степных озерах охота служила промыслом, который получил теперь широкое развитие благодаря рыночному спросу на звериные шкуры. Охотники били медведя, барса, тигра, кулана, сайгу, дикую козу; ловили куниц, хорьков, сурков, лисиц, горностаев; на степных озерах, во время летнего линяния, массами добывалась водяная птица.

В 1857 —1861 годах на сибирскую таможенную линию привозилось на продажу звериных шкур на 82,7 тыс. рублей ежегодно. Значительный доход давала ловля сайгаков: в 1853 году оренбургские таможни зарегистрировали 36 тысяч привезенных сайгачьих рогов. Такое же промысловое значение приобрело рыболовство по берегам Каспийского и Аральского морей, степных рек (особенно на Тургае, в низовьях Сыр-Дарьи и Эмбы) и степных озер. Для бедняков (джатаков) это был главнейший источник питания — рыбу сушили на солнце, коптили в юрте и излишек, остававшийся от потребления семьи, сбывали оптовым торговцам. В начале 60-х годов XIX века казахи поставляли на рынок свежей, сушеной и соленой рыбы на 48 тыс. рублей ежегодно.

Товарные отношения проникали еще глубже: почти каждую казахскую семью они вовлекали в рыночные связи, побуждая ее сбывать скупщикам продукты своей домашней промышленности. С давних пор женщины в семьях кочевников приготовляли разнообразные домашние изделия: из овечьей шерсти делали кошмы, которые служили подстилками, одеялами, ими же покрывались юрты, из верблюжьей шерсти пряли армячину, которая шла на шитье верхней одежды; мочили, квасили и разминали руками кожи, окрашивая их отварами разноцветных трав; из сырых кож изготовляли мешки для хранения вещей, ведра для хранения молока и т. д.; из обработанных кож шили сапоги и чалбары (шаровары); верблюжьи, конские и воловьи жилы превращали в тарамыс (крепкие нити для шитья сапог) и т. д. Теперь женщи-

ны не только обслуживали членов своей семьи, обшивая и одевая себя и мужчин, но стали изготовлять и разнообразные шерстяные изделия — преимущественно кошмы и армячину — для сбыта на рынок. Владельцы кошей скупали этот товар и крупными партиями переправляли на линию, а оттуда — в Сибирь и Европейскую Россию.

В середине XIX века наблюдается развитие профессионального ремесла. Если основные предметы одежды — рубашки, шаровары, халаты, бешметы — шились внутри семьи женщинами, то изготовление обуви, шуб и металлических изделий теперь обособилось в специальные мелкие промыслы. В казахских аулах появились профессиональные сапожники, которые с помощью тарамыса шили сапоги, ичиги (легкая высокая обувь без каблуков) и галоши; профессиональные портные шили на заказ меховые шубы; наконец, искусные кузнецы («серебряники») изготовляли и чинили различные металлические предметы: ножи, топоры, мотыги, сошники, уздечки, треноги под казаны и т. д. Некоторые кузнецы-«серебряники» достигали большого технического совершенства в своей работе: они клали насечку на серебро и медь, серебрили железо, делали изящные украшения для седел, женские кольца, серьги и проч.

На рынок сбывались не только излишки. Развитие обмена вызвало производство специально на рынок. С другой стороны, бедняки продавали не излишки, а необходимый для них продукт, которого им часто нехватало. Выходом для них являлась продажа своей рабочей силы. Рост байства на одном полюсе казахского общества сопровождался ростом батрачества — на другом.

Богатые ископаемые Казахстана в то время еще не были изучены, но некоторые ценные месторождения свинца и меди были уже известны и разрабатывались местным населением примитивно. Более интенсивная добыча руды требовала приложения значительных капиталов, которых не было в самом Казахстане. И здесь сыграла крупную роль хозяйственная инициатива русского купеческого капитала. В 1834 году русский купец Степан Попов открыл в урочище Бек-Кара первые медные и серебряно-свинцовые рудники. С 1844 года Попов начал выплавку руд и открыл один за другим три горных завода — Александровский, Богословский, Иоанно-Предтеченский. Почти одновременно, в 1833 году пастухом-казахом Аппаком Бажановым были открыты в Караганде залежи каменного угля на землях казаха Утепова. В 1854 году это месторождение было продано русскому купцу Ушакову, который организовал здесь первоначальную, примитивную добычу угля.

Русскими переселенцами к середине XIX века были открыты в Казахстане 4 кожевенных завода и 5 салотопен. Силами казахского и русского населения добывалась соль, которая шла частью на внутреннее потребление, частью на рынок; в начале 60-х годов на таможенную линию вывозилось ежегодно более 200 тысяч пудов соли.

Таким образом, развитие обмена оказало определенное воздействие на производство в Казахстане: благодаря росту товарных отношений расширилось производство на рынок в области скотоводства, охоты, рыбной ловли, добычи соли, изготовления шерстяных изделий. На основе общественного разделения труда, в тесной связи с развитием обмена, выделилось профессиональное ремесло. Зачатки мануфактурной промышленности были принесены в Казахстан русским купеческим капиталом. Основою всех этих процессов было развитие производительных сил самого Казахстана, но в развертывании этого процесса имели большое значение экономические связи казахского народа с Россией.

Процесс перехода к оседлости и земледелию.

Во второй половине XIX века продолжался рост оседлого населения и переход некоторой части казахов от скотоводства к земледелию.

Продвижение на юг русской границы с ее военными фортами и казачьими поселениями привело к стеснению прежних неограниченных кочевий; значительные пространства казахских земель были отобраны, а самая свобода передвижения поставлена в определенные границы. Население Казахстана росло, а размеры пастбищ все более и более сокращались. С другой стороны, развитие товарных отношений усилило расслоение в недрах казахского общества: в противоположность богатеющим баям, владельцам крупных стад и табунов, росло количество бедняков (джатаков), которые не имели скота и потому не могли кочевать. Часть из них, как и в первой половине XIX века, попадала в консы к баю, нанималась в пастухи, работала на байских посевах. Но байские хозяйства казахского аула не могли поглотить всего количества свободной рабочей силы джатаков, поэтому многие из них уходили на рудники и заводы, работниками в русские села и т. д. Вблизи городов и крупных сел вырастали целые джатакские поселки.

В северной полосе степи, ближе к Оренбургской и Сибирской линиям, продолжало развиваться земледелие. На севере, в бассейнах Урала и Тобола, где выпадало достаточно осадков, казахи распахивали ковыльную степь сабанами (примитивными плугами), не прибегая к искусственному орошению. Южнее, на берегах Сыр-Дарьи, Эмбы, Иргиза и Тургая, при-

бегали к сложной системе арыков, плотин, резервуаров и водоподъемных сооружений вроде черпаков или «чигирей», приводимых в движение силой человека или животного. Землю вспахивали казахским плугом, иногда вскапывали мотыгой; поднятые пласты размельчали той же мотыгой или кетменем (заступом), местами — обыкновенным колом или просто суком дерева. По мере проникновения русского влияния стали употребляться и сельскохозяйственные орудия — соха, коса, борона. Засевали поля чаще всего пшеницей, просом и ячменем; регулярно увлажняли почву распределяемой водой — просяные поля через каждые 6 — 8 дней, остальные — обыкновенно один раз в лето; осенью собирали богатый урожай проса сам-50, даже сам-70 и достаточно удовлетворительный урожай остальных хлебов (сам-4, сам-5). Через 3—4 года поле забрасывалось под залежь, взамен обрабатывался новый участок невозделанной травянистой степи. Урожай молотили на открытом току и складывали в сухих воронкообразных ямах. Зерно мололи на русских мельницах, у себя дома — ручными жерновами или толкли в деревянной ступе.

Но и теперь земледелием было занято сравнительно небольшое количество казахского населения. В Восточном Казахстане в 1857 — 1860 годах насчитывалось 2 076 оседлых земледельцев, обрабатывавших 736 десятин земли. В Тургае в 1866 году занималось хлебопашеством 900 казахских семейств. Вдоль Оренбургской линии, по вычислениям офицеров Главного штаба, поднималось 15 тыс. десятин пашни, дававшей до 1 миллиона пудов хлеба. На Сыр-Дарье в начале 60-х годов засевалось приблизительно 58 тыс. десятин и собиралось около 3 миллионов пудов хлеба. Можно предполагать, что в середине XIX века количество оседлого земледельческого населения среди казахов составляло около 2 процентов. Однако это количество медленно, но неуклонно возрастало: новые условия жизни в казахской степи неотвратимо толкали население к поискам новых, более прогрессивных, источников дохода.

В известной мере развитие земледелия стимулировалось требованиями рынка: сосредоточение в сыр-дарьинских фортах большого количества лошадей повысило спрос на фураж, и окрестные егинши стали энергично косить луга и даже сеять хивинскую люцерну; вокруг русских военных укреплений усилилось разведение казахских бахчей и огородов, которые поставляли русскому населению арбузы, дыни, лук и другие овощи. Тем не менее собственных земледельческих продуктов нехватало для потребления степного населения, особенно в годы массового падежа скота, когда за недостатком мяса приходилось потреблять больше хлеба. Поэтому ежегодно в Казахстан ввозились большие партии муки: по

данным таможен, в начале 50-х годов XIX века привоз из России составлял более 600 тысяч пудов муки. На границе с Сибирью привозной хлеб стоил дешево, и это задерживало развитие казахского земледелия в северо-восточной полосе степи.

Таким образом, включение Казахстана в состав Российской империи оказало положительное влияние на развитие экономики Казахстана. Развитие внешней, а затем и внутренней торговли способствовало накоплению казахского торгового капитала; в ряде отраслей местного хозяйства развилось товарное производство, рассчитанное на внешний и внутренний рынок; образовалась собственная мелкая промышленность, работавшая на рынок; стало интенсивнее развиваться земледелие и большое количество кочевников перешло к оседлому образу жизни.

С этими экономическими процессами были неразрывно связаны глубокие социальные сдвиги и бытовые изменения. В условиях растущего товарообмена происходило дальнейшее классовое расслоение казахского общества: с одной стороны—обогащение баев, с другой стороны — разорение и превращение в наемных батраков беднейшей части населения аула. Султаны-чингизиды и родовая знать в середине XIX века уже не имели такого крупного общественного веса, каким они пользовались раньше: богатые скотоводы и купцы, независимо от их родового происхождения, оттесняли старую казахскую знать. С другой стороны, общение с русским населением и появление русских товаров прививали казахскому народу новые культурные потребности и вкусы: в степную юрту кочевника проникали русские ткани и галантерея, русские предметы домашнего обихода (самовары, рукомойники, глиняная и стеклянная посуда, зеркала и проч.). Заметно изменялся социально-экономический и бытовой облик казахской степи. Казахстан выходил из своей прежней хозяйственной замкнутости и, экономически смыкаясь с более развитой Россией, вовлекался в орбиту прогрессивного экономического процесса.

§ 39. РЕФОРМА 1867—1868 ГОДА И ВОССТАНИЕ 1869—1873 гг.

Подготовка реформы.

По мере продвижения русского самодержавия в глубь Средней Азии и превращения в связи с этим Казахстана во внутреннюю область империи, встал вопрос об организации новой системы управления казахской степью. В 1865 году в казахскую степь была послана специальная комиссия под председательством

члена Совета Министерства внутренних дел Гирса, которая, изучив на месте условия жизни и быта казахов, разработала новый порядок управления краем. Этот новый порядок получил оформление в так называемой реформе 1868 года.

Основная задача реформы 1868 года, как она сформулирована законодателями, сводилась к тому, чтобы «объединить подвластные России народности под одно управление, устранить от власти местную аристократию, ослабить родовые начала, т. е. родовой строй, и добиться постепенного слияния казахских степей с прочими частями России».

Необходимость реформы для Казахстана понимали такие передовые представители казахского народа, как Чокан Валиханов. В своей записке «О судебной реформе у киргиз Сибирского ведомства», написанной в 1864 году, Чокан Валиханов требовал при разработке реформы учитывать особенности жизни и быта казахов, но он считал, что должны быть проведены такие реформы, которые изменили бы экономический и социальный строй Казахстана в интересах народных масс.

«В наше время, — писал Чокан, — самыми важными и близкими для народа считаются реформы экономические и социальные, прямо касающиеся насущных нужд народа, а реформы политические допускаются как средство для проведения нужных экономических реформ, ибо каждый человек отдельно и все человечество коллективно стремится в развитии своем к одной конечной цели—к улучшению своего материального благосостояния, и в этом заключается так называемый прогресс. С этой точки зрения полезны только те реформы, которые способствуют улучшению быта человека, и вредны те, которые почему-либо мешают достижению этой цели».

Чокан Валиханов видел в проведении таких реформ возможность уничтожения вековой отсталости казахского народа, разрушения патриархально-феодальных отношений, постепенной ликвидации кочевого образа жизни, подъема экономического благосостояния и культуры казахского народа, на основе сближения его с русским народом.

«Мы, — писал Чокан Валиханов, — связаны с русскими историческим и даже кровным родством. Судьба миллиона людей, подающих несомненные надежды на гражданственное развитие людей, которые считают себя братьями русских по отечеству и поступили в русское подданство добровольно, кажется, заслуживает большего внимания и большей попечительности в таких решительных вопросах, которые формулируются в шекспировское — быть или не быть».

Чокан Валиханов понимал, что прогрессивное развитие

Казахстана, изменение и улучшение всей жизни казахского народа возможно только в условиях совместной жизни казахского народа с русским. Но он наивно и ошибочно полагал, что царское правительство способно и может провести такие реформы. Действительность очень скоро обманула ожидания казахского просветителя.

Реформа 1867 — 1868 года.

11 июля 1867 года Александр II утвердил «Временное положение» об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областями, составлявшими туркестанское генерал-губернаторство. 21 октября 1868 года он подписал новый закон под названием «Временное Положение об управлении в степных областях». Согласно этому Положению, были образованы четыре области: Уральская — с центром в Уральске, Тургайская — с центром в Оренбурге, Акмолинская — с центром в Омске и Семипалатинская — с центром в Семипалатинске. Внутренняя (Букеевская) Орда вошла в состав Астраханской губернии. Все казахские земли должны были управляться по единообразной системе. Царское правительство было озабочено прежде всего созданием государственного аппарата, который должен был обеспечить эксплоатацию богатейшего края в интересах господствующих классов — российских помещиков и буржуазии.

Введение новой системы управления в Казахстане с учетом особенностей быта кочевников и с привлечением феодально-байской верхушки и султанов давало возможность царизму закрепить свое господство над народами Казахстана и Средней Азии.

В административном отношении Казахстан делился на области, области — на уезды, а уезды — на волости. В состав волости входило несколько аулов общим числом от 1000 до 2 000 кибиток.

Во главе области ставился военный губернатор, который назначался царем. Он стоял во главе областного правления, ему подчинялись все уездные начальники, войска и полиция. Председателем областного правления считался старший помощник военного губернатора (вице-губернатор). Областное правление состояло из трех отделений: распорядительного, хозяйственного и судебного. Отделениями заведывали советники. Управление уездами находилось в руках уездных начальников и их помощников. Уездному начальнику подчинялись войска, полиция и вся уездная администрация. Волостью управляли волостные управители, аулами — аульные старшины, которые «выбирались» населением. В аулах и волостях «выбирались» также и бии (судьи).

Выборы были двухстепенными: вначале избирались выбор-

щики по одному от каждых 50 кибиток, а потом уже выборщики избирали должностных лиц. Выборы производились в присутствии чиновников. Все избранные должны были получить утверждение со стороны уездных начальников, а затем — губернаторов. Волостной управитель, аульный старшина и бий могли быть в любое время сняты с должности теми же царскими чиновниками. На практике выборы должностных лиц сопровождались подкупами и взятками, и на эти должности попадали богачи, имевшие возможность раздавать побольше «подарков» как царским чиновникам, так и выборщикам.

По «Положению» 1867 года, в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях земля попрежнему оставалась общинной собственностью. Это объясняется тем, что завоевание края еще не было окончательно завершено, и царское правительство, опасаясь волнений, не решалось объявить землю собственностью государства. Что касается «Степных областей», то на основании «Положения» 1868 года вся земля была объявлена государственной собственностью Российской империи. Казахам предоставлялось право пользования землей, за что они обязаны были платить государству повышенную кибиточную подать: вместо 1 руб. 50 коп. — 3 руб. с кибитки в год; вскоре она была повышена до 3 руб. 50 коп. Но реформа не вмешивалась во внутренние поземельные отношения: распоряжение землями оставалось в руках общины (т. е. фактически в руках баев). В Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях кочевое население также платило кибиточную подать в указанном выше размере, а дехкане (земледельцы) обязаны были сдавать государству «харадж» — $^1/_{10}$ часть урожая продуктами или по стоимости продуктов деньгами. Для учета и сбора «хараджа» «Положением» 1867 года было предусмотрено открытие в оседлых местностях специальных учреждений под названием «Хозяйственно-общественных управлений», «выбиравшихся» из среды местного населения.

Новая система управления и в особенности новое территориальное деление и налоговая политика способствовали усилению баев, занявших посты волостных управителей и аульных старшин.

Бай опирался на силу денег, которой он пользовался для эксплоатации казахской массы. Занятие должности волостного управителя, аульного старшины или бия давало в руки бая новые дополнительные средства. Обладая экономической силой и политической властью, бай применял одновременно экономическое и внеэкономическое принуждение, используя старые родовые институты.

Введение кибиточной подати для всего казахского населения было также в интересах баев, так как кибиточный налог

собирался не по имущественному положению плательщиков, а уравнительно: каждый кибитковладелец — был ли он бедняк, имевший одну лошадь, две-три коровы и несколько баранов, или богач-бай, имевший несколько тысяч или даже десятков тысяч голов скота, — одинаково платили налог с кибитки. Сбор кибиточной подати сопровождался круговой порукой. Это давало возможность баю полностью собирать с общины кибиточный сбор. Занятие должности волостного или аульного старшины помогало баю сосредоточить в своих руках большие суммы кибиточного сбора. Задерживая под разными предлогами своевременную сдачу начальству этих средств, бай-старшина имел возможность пускать деньги в оборот, заниматься торговлей, ростовщичеством и т. д.

Новая реформа фактически открывала баям путь к богатству и власти. Вот почему они были сторонниками реформы.

Новое Положение обязывало каждого казаха иметь паспорт, за который взимался гербовый сбор.

В Казахстане были образованы полиция и суд по законам Российской империи. Политические преступления против колониальных властей и крупные уголовные дела разбирались русским судом. В ведении суда биев, по законам обычного права, оставались только бытовые дела и мелкие уголовные преступления. При этом всякое решение биев могло быть обжаловано в русский суд, но жаловаться туда мало кто отваживался, в силу живучести сохранившихся в общине родовых традиций. Право кочевания казахов было ограничено пределами уезда. Казахи не имели права самовольно переселяться из аула в аул, из волости в волость или кочевать по своему усмотрению.

Русским переселенцам-крестьянам реформа 1868 года предоставляла большие льготы. Они получали бесплатно землю и лес для постройки, им предоставлялось право свободно заниматься торговлей, ремеслами и промышленностью. Лишь тем казахам, которые принимали христианство, предоставлялись некоторые льготы. Они могли прикочевывать к русским селениям, приписываться к сельским и городским обществам, оседать на землю и заниматься земледелием и торговлей.

Новая реформа ограничивала права мусульманского духовенства. Муллы должны были избираться без предварительного испытания в мусульманском духовном собрании в городе Уфе. Казахское население изымалось в религиозном отношении из ведения оренбургского муфтия, которому подчинялись только татары. Постройка мечетей могла производиться лишь с разрешения начальства. Муллы были поставлены под надзор местной администрации. Реформа предусматривала проведение некоторых культурных мероприятий. Предполагалось

устройство «русско-киргизских школ», где дети казахов должны были овладевать русским языком и русской грамотой.

Реформа народного образования, по мысли законодателей, должна была вырвать казахское население из-под влияния мулл, обучавших казахских детей. Русско-киргизские школы должны были содействовать руссификации народа. Тем не менее в реформе были прогрессивные черты, так как русско-киргизская школа по сравнению с мусульманской представляла собой в культурном отношении шаг вперед. Знания, приобретенные в русско-киргизской школе, и особенно овладение русской грамотой, открывали детям путь к ознакомлению с русской и общемировой культурой. Устройство русско-киргизских школ сближало казахские трудящиеся массы с русским народом, чего вовсе не хотели законодатели в лице русских чиновников и царского правительства. Устройство русско-киргизских школ было наиболее прогрессивным моментом в реформе 1868 года.

Для оказания медицинской помощи населению в каждом уезде были организованы медицинские пункты в составе уездного врача, фельдшера и акушерки. Реформа предусматривала обязательное оспопрививание. Но медицинская помощь была настолько незначительной, что казахи ею почти не пользовались. Достаточно сказать, что на весь Казахстан было всего 20 врачей, 20 фельдшеров и 20 акушерок. Фактически медицинская помощь оказывалась, прежде всего, населению уездного города, казачьих станиц и русских поселков.

Общий характер реформы.

Для казахского населения реформа 1868 года усилила налоговые тяготы, увеличила власть царской администрации и баев. Это была бюрократическая, военно-колонизаторская реформа, которая несла казахскому народу колониальный гнет, национальное и политическое бесправие.

Реформа 1868 года проводилась в интересах российского самодержавия, помещиков и буржуазии, она превращала Казахстан в колонию царской России.

Но вместе с тем реформа 1868 года облегчила включение Казахстана в орбиту экономического развития России, т. е. в орбиту капиталистических отношений, втягивала хозяйство казахов в кругооборот российского и мирового товарообращения. Включение территории Казахстана в состав России создавало условия для проникновения в среду казахов русской культуры. Политические условия казахского и русского народов становились более однородными, чем прежде, при политическом отрыве Казахстана от России. Это создавало возможность совместной борьбы русского и казахского наро-

дов против царизма. Такие возможности создавались, конечно, помимо намерений и воли царских законодателей.

Царское правительство передавало власть над казахским народом в руки своих чиновников и казахских баев с тем, чтобы держать массы казахского народа в кабале и темноте, сохраняя патриархально-феодальный гнет. «Царизм намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодальный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве»[1]. Объединение политических судеб русского и казахского народов осуществлялось, несмотря на жестокий колониальный гнет.

«Взаимная зависимость народов и хозяйственное объединение территорий устанавливались в ходе развития капитализма не путем сотрудничества народов, как равноправных единиц, а в порядке подчинения одних народов другими, в порядке угнетения и эксплуатации народов менее развитых народами более развитыми», — говорится в тезисах товарища Сталина к XII съезду РКП (б).

Из боязни вызвать восстание казахского народа, царское правительство решило действовать осторожно: ввести Положение в виде опыта, временно, на два года.

Опасения царского правительства были основательными. Результатом введения реформы было крупное восстание казахов в 1869—1870 годах.

Движущие силы восстания 1869—1870 годов.

Восстание 1869—1870 годов вспыхнуло в момент введения в жизнь реформы 1868 года, когда в степи появились так называемые организационные комиссии.

Организационные комиссии должны были образовать в соответствии с реформой новые волости и уезды, организовать выборы должностных лиц — аульных старшин и волостных управителей — и произвести территориальное разграничение земель между вновь образованными волостями и уездами. Это означало серьезную ломку старого, веками сложившегося у казахов родового порядка землепользования, ломку прежнего управления и суда.

Расстановка классовых сил в начавшемся движении была весьма сложной. Баи, которым реформа открывала возможность монополизировать власть в своих руках, в основной своей массе приветствовали новое управление степью. В противоположность им местная аристократия (султаны), лишившаяся былых привилегий, выступила как противник реформы. Не имея в степи ни экономической, ни политической опоры, султаны Младшего жуза возлагали свои надежды на Хиву, а султаны восточных районов Среднего и Старшего жузов — на кашгарского владетеля Якуббека. Той же позиции придержива-

[1] И. В. Сталин. Сочинения, т. IV, стр. 356.

лось мусульманское духовенство, чьи интересы весьма существенно ущемлялись реформой.

Султаны и муллы призывали народ не принимать реформы, выступить на борьбу против России, изгнать русских из Казахстана, восстановить прежние порядки. Они распускали слухи о том, что царское правительство хочет крестить всех казахов в христианскую веру, намерено закрыть все мечети, устранить мулл, заставить казахов служить в армии; что царское правительство отберет в казну всю землю и запретит казахам кочевать; что будет введена подушная подать, как в России, и казахов заставят пахать землю, как русских крестьян. Особенно большую агитацию среди народа вели муллы и ишаны.

Хивинское правительство хорошо понимало, что укрепление позиций России в Казахстане и Средней Азии грозит Хиве той же участью, какая постигла Коканд и Бухару. Хивинский хан пригревал у себя всех беглецов из Коканда, Шахрисябза, Бухары, Кашгарии и Казахстана. В Хиве нашел приют авантюрист Галий Арсланов — бывший воспитанник Неплюевского кадетского корпуса, человек образованный и энергичный, которого хивинский хан провозгласил всеказахским ханом. Там же находились беглые казахские султаны Юсуп Мусрепов, Алдан Байганин, Атамкул, Рахимбай и др. Вся эта казахская аристократия мечтала о восстановлении своей неограниченной власти над казахским народом. Они готовы были воевать с Россией под любым знаменем. А хивинскому хану было важно использовать любые силы у себя на службе в борьбе с Россией. Хивинский хан пытался сколотить коалицию против России в союзе с бухарским эмиром, с Якуббеком Кашгарским, с афганским эмиром Шир-Али-ханом, с Ираном и Турцией. Он рассчитывал также на помощь Англии. Но создать такую коалицию политически слабому хивинскому хану не удалось, — у него нехватило для этого ни авторитета, ни средств.

Однако не вмешательство Хивы и не реакционные желания казахских султанов определили характер восстания 1869—1870 годов.

Казахский народ враждебно отнесся к реформе 1868 года, независимо от агитации Хивы и находившихся там казахских султанов и мулл, ибо реформа затрагивала его жизненные интересы. Реформа грозила поставить казахов в бесправное положение, а главное — лишить их земли и пастбищ. Это было основной причиной восстания народных масс. Восстание носило характер национально-освободительной борьбы. Народные массы казахов и составили основную движущую силу восстания. Особенно ярко это проявилось в составе участников борьбы на Мангышлакском полуострове в 1870 году.

«Всякий национальный гнет, — писал Ленин, — вызывает отпор в *широких массах* народа, а *тенденция* всякого отпора национально угнетенного населения есть национальное восстание».[1]

Начало восстания 1869 года.

Восстание началось весной 1869 года в Уральской области. Организационным комиссиям удалось образовать здесь несколько новых волостей и уездов, но в глубине степи, на юге, эти комиссии встретились с решительным сопротивлением казахов. Начались вооруженные столкновения и стычки между казахами и отрядами, сопровождавшими организационные комиссии. Повстанцы всячески препятствовали организации новых волостей и уездов. Попытки комиссий уговорить повстанцев оказались безуспешными. Некоторые комиссии вынуждены были вернуться назад. Работа по проведению реформы остановилась. Начались набеги повстанцев на казахские аулы, принявшие новое Положение, на пограничную линию и на казачьи поселки. Повстанцы угоняли скот казахов пограничных линий. Баи бежали из степи под охрану русских городов и пограничных линий. Оренбургский генерал-губернатор Крыжановский послал в Петербург рапорт о начавшемся восстании. Царь Александр II, прочитав донесение, написал на нем: «Весьма неприятно». Военным властям было приказано подавить восстание казахов вооруженной силой.

К середине июня 1869 года восстание достигло наибольшего размаха. К восстанию примыкали и те роды, которые раньше стояли в стороне от движения. «Положение дел в степи приняло вид самый прискорбный», — писал военный губернатор Уральской области генерал-губернатору Крыжановскому. По распоряжению военного министра, в Оренбург были посланы значительные подкрепления. 30 июня в степь двинулись уже значительные силы в составе 28 сотен казаков, 4 рот пехоты и 6 пеших команд с 6 артиллерийскими орудиями. На Оренбургской линии, в городах Оренбурге, Троицке, Орске, Илецке было сосредоточено еще 20 сотен казаков и 22 роты пехоты. Во главе карательных войск стал военный губернатор Уральской области генерал Веревкин.

Царское войско двигалось по степи, в районы рек Уила, Киила, Хобды и песков Большие Барсуки. Восставшие не могли дать отпор хорошо вооруженному царскому войску. Началась массовая откочевка казахов в район Усть-Урта, к Мугоджарским горам и в хивинские владения.

Хивинский хан послал в казахскую степь отряд в 6 тысяч человек из туркмен и каракалпаков. Но начальник этого отря-

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. XIX, стр. 222.

да не решился вступить в бой с царскими войсками. Не дойдя до Эмбы, он возвратился со своим отрядом в Хиву. Туркестанский генерал-губернатор пригрозил хану войной, и Хива прекратила дальнейшую помощь казахам.

Повстанцы призывали также Есета Котибарова и влиятельного бия Адаевского рода Маяева присоединиться к движению. Ни тот, ни другой не откликнулись на этот призыв.

К ноябрю 1869 года царские войска подавили восстание. Многие повстанцы были перебиты, другие откочевали в Хиву, в том числе Арсланов и другие. Царское правительство предало их заочно военному суду. Более 500 человек участников восстания было приговорено судом к смертной казни и каторжным работам. Этот приговор был затем смягчен, но все имущество руководителей восстания и других осужденных было конфисковано. Угнанный карательными войсками скот казахов не был возвращен обратно. На казахов была наложена контрибуция для возмещения убытков казакам и русским поселенцам.

Все же царская администрация, несмотря на жестокие меры, боялась за свое положение в казахской степи. «Уверен, — писал оренбургский генерал-губернатор Крыжановский, — что с наступлением весны будущего года степь заволнуется снова». Крыжановский не ошибся. Весной 1870 года восстание вспыхнуло с новой силой. На этот раз центром восстания стал Мангышлакский полуостров.

Борьба за Мангышлак.

В 60-х годах XIX века полуостров Мангышлак вместе с полуостровом Бузачи примыкал к хивинским владениям. Эта территория была заселена многочисленным и сильным казахским родом Адай.

Между Хивой и царской Россией шла упорная борьба за обладание Мангышлакским полуостровом, за политическое влияние на казахов-адаевцев и их южных соседей — туркмен. Военной базой и в то же время перевалочным пунктом в торговле России с Хивой и Бухарой был форт Александровский на Мангышлаке. Русские товары здесь разгружались с судов и отправлялись на верблюдах караванным путем в среднеазиатские государства и казахские степи. Форт служил опорным пунктом также русским рыбопромышленникам. Отсюда в Россию отправлялось много рыбы, вылавливавшейся у восточного побережья Каспийского моря. Внимание русских промышленников и купцов привлекали и природные богатства Мангышлакского полуострова, особенно каменный уголь. Все чаще и чаще на Мангышлак посылались русские научные экспедиции.

Вместе с тем форт Александровский имел для царской Рос-

сии значение исходного пункта для замышлявшегося похода на Хивинское ханство. Опираясь на вооруженную силу форта, царское правительство подчинило адаевцев султану-правителю западной части Младшего жуза и разделило их территорию на две дистанции — верхнюю и нижнюю. Адаевцы уплачивали царскому правительству кибиточную подать и одновременно были вынуждены вносить закят хивинскому хану.

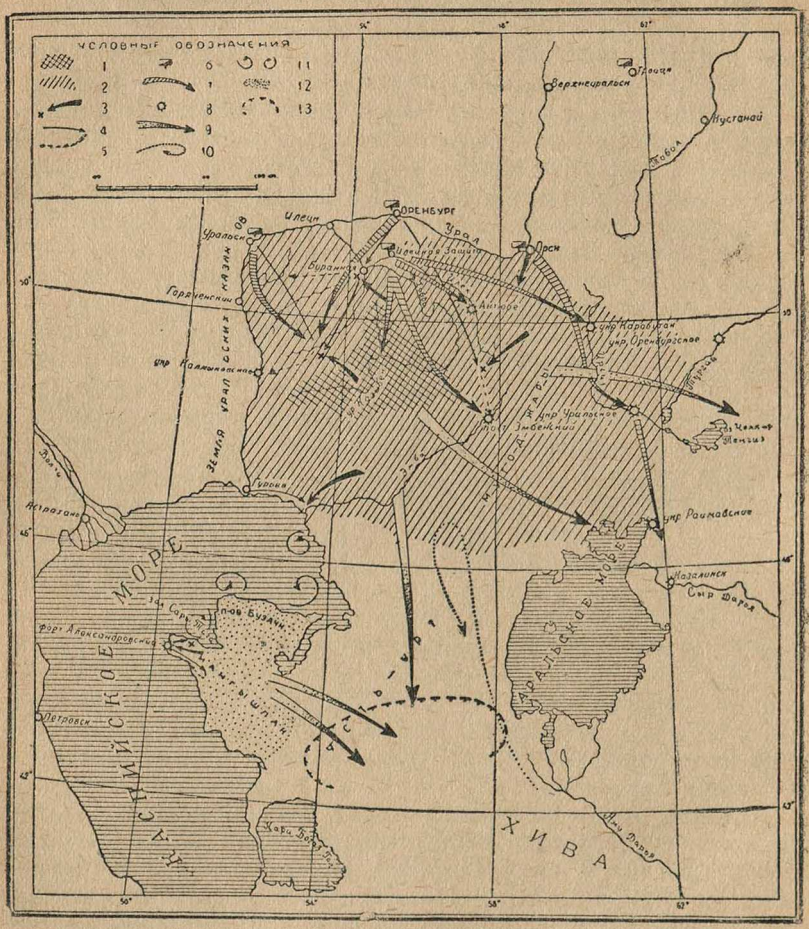
Адаевцы отличались боевым и свободолюбивым духом. Царские чиновники всегда отмечали эту особенность адаевцев, называя их людьми непокорными и постоянно готовыми к восстанию. Поэтому при проведении в жизнь закона 1868 года правительство долго не решалось вводить новое Положение на Мангышлаке. Лишь в конце 1869 года, после того, как было подавлено восстание в Уральской и Тургайской областях, царская администрация приступила к организации нового управления среди адаевцев. Начальником Мангышлакского полуострова в то время был подполковник Рукин, а дистаночными начальниками — бии Маяев и Калбин. На последних возлагалась обязанность оказывать Рукину всемерную помощь в проведении нового закона в жизнь.

Рукин начал с того, что пригласил к себе адаевских старшин и потребовал собрать всю кибиточную подать за 1869 год по новому исчислению, т. е. по 3 руб. 50 коп. с кибитки, и взыскать неуплаченную подать за предыдущие годы. Это означало огромное увеличение подати. Некоторые старшины сразу же отказались выполнить требование Рукина. В их числе был влиятельный, пользовавшийся всеобщим уважением бий Иса Тюлембаев. Заколебался даже дистаночный начальник Калбин. Тут же Рукин отстранил старшин, отказавшихся выполнить его требования, а также Калбина от занимаемых ими должностей. Действия Рукина вызвали сильное возмущение среди адаевцев.

В марте 1870 года Рукин выехал в аулы проводить в жизнь Положение 1868 года. Когда отряд Рукина отошел от форта километров на 60, его встретили казахские повстанцы, во главе с Исой Тюлембаевым. Повстанцев было до 400 человек. Они были вооружены пиками, топорами и ружьями. Казахи заявили Рукину, что не пропустят его в степь и не позволят вводить новое Положение. Они потребовали, чтобы Рукин возвратился со своим отрядом обратно в форт. Рукин не подчинился и приказал отряду двигаться дальше. Вскоре отряд был окружен и почти полностью уничтожен вместе с Рукиным.

Другую группу повстанцев возглавили Досан Таджиев и Сокур Чабаев. Эта группа действовала в непосредственной близости от форта Александровского и на полуострове Бузачи. Она состояла в большинстве из казахской бедноты, а также

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ КАЗАХОВ (1869 — 1873 гг.)



1. Центр восстания в 1869 г. 2. Район активных действий повстанцев 1869 г. 3. Нападения на карательные отряды и места крупных столкновений, удачных для повстанцев. 4. Направление движений карательных отрядов в первой половине 1869 г. 5. Путь отступления этих отрядов. 6. Сосредоточение царских войск к 30/XI-1869 г. 7. Направление наступления царских войск. 8. Русские укрепленные пункты. 9. Пути отхода повстанцев. 10. Движение хивинского отряда. 11. Нападения повстанцев с моря на прибрежные рыбные промыслы. 12. Район активных действий повстанцев на Мангышлаке. 13. Район откочевки родов с Мангышлака и Бузачи.

из рабочих рыбных промыслов. Досан Таджиев был бедняк-пастух, Сокур Чабаев — рабочий промыслов. Оба пользовались влиянием среди адаевцев. В конце марта восстали рабочие промыслов. Они все как один прекратили работу, разгромили склады купцов, захватили имущество — снасти, лодки и парусные суда. Многих купцов повстанцы убили, многих взяли в плен. Из захваченных судов и лодок повстанцы организовали флотилию, которая действовала против рыбопромышленников и несла сторожевую охрану побережья Мангышлакского полуострова.

Вскоре отряды повстанцев Исы, Досана, Сокура объединились и решили взять форт Александровский штурмом. 3 апреля 1870 года форт был окружен повстанцами, а 7 апреля начался штурм.

На выручку осажденным прибыли с Кавказа два парохода с войсками. Вскоре подошли войска, отправленные из Оренбурга. «Теперь наступать больше нельзя», — сказал Иса повстанцам. Адаевцы сняли осаду форта и отошли в степь. Вскоре с Кавказа были присланы в крепость дополнительные воинские части. Большие карательные отряды вышли в степь для борьбы с повстанцами. Казахи уходили в глубину степи, не принимая боя. Полностью сломить сопротивление адаевцев так и не удалось. Значительная часть кибиток откочевала в район Эмбы и на отдаленные окраины Мангышлакского полуострова. Повстанческие отряды Исы и Досана ушли в Хиву.

Правительство считало, что край покорен, сопротивление адаевцев сломлено. Но это было не так. Повстанцы и в Хиве не сложили оружия. Своим военным руководителем они избрали Досана, поручив ему продолжать борьбу с царизмом. Досан и Сокур Чабаев со своими джигитами не раз нападали на Нижне-Эмбенское укрепление. В 1871 году они разгромили аулы баев. Во время одного из таких набегов погиб в бою Сокур Чабаев.

В 1872 году восставшим пришлось оставить пределы Хивинского ханства, так как хивинский хан, боясь России, отказался поддерживать адаевцев.

Повстанцы во главе с Досаном ушли на Усть-Урт. Досан и теперь не прекратил борьбы. Нападения на пограничные укрепления продолжались. Видя такую непримиримость адаевцев, царское правительство решило допустить для них некоторые изъятия из Положения 1868 года. Так, например, было решено назначить особых биев для управления волостями и взимать кибиточную подать натурой — скотом. Участникам восстания, за исключением руководителей, было даровано прощение.

Завоевание Хивы.

Восточное побережье Каспийского моря и земли Хивинского ханства издавна привлекали внимание царской России. Поход Бековича-Черкасского на Хиву при Петре I, как известно, закончился неудачей. Также не удался поход Перовского в Хиву через казахскую степь. Торговый путь через Каспийское море в Хиву и другие среднеазиатские государства был кратчайшим путем. Царское правительство старалось на первых порах закрепиться на восточном побережье Каспийского моря. С этой целью в 1803 году правительство Александра I приняло в подданство туркмен, по ходатайству туркменского хана Пирали. В целях упрочения своего влияния в непосредственной близости от Хивы царское правительство захватило Мангышлакский полуостров.

После завоевания Коканда и Бухары царское правительство не хотело мириться с существованием самостоятельного Хивинского ханства. Существование Хивы не давало возможности осуществить заветную цель царизма — проложить кратчайший торговый путь из России в Среднюю Азию. В «Записке по среднеазиатским делам» от 1869 года говорится: «Торговые интересы наши занимают в настоящих пределах первое место. Приобретение нового пути в глубь Средней Азии, который удобнее и несравненно короче нынешней караванной дороги через киргизскую степь на Сыр-Дарью, будет благодеянием для нашей торговли». Восстание казахов 1869—1870 годов, которое Хива попыталась использовать в своих интересах, ускорило решение вопроса о завоевании Хивинского ханства. Туркестанский генерал-губернатор Кауфман настаивал перед царским правительством «в видах скорейшего успокоения степи» на организации похода в Хиву.

В конце 1872 года царское правительство стало собирать войска для похода на Хивинское ханство. Армию предполагалось направить через пустыню несколькими колоннами — из Оренбурга, из Сыр-Дарьинской области и с восточных берегов Каспийского моря, в частности с Мангышлакского полуострова. Для такого похода нужно было заготовить верблюдов. Наместник Кавказа приказал старшинам собрать у адаевцев и туркмен 3 тысячи верблюдов. Эта тяжелая повинность послужила толчком к новому восстанию адаевцев в январе 1872 года.

Во главе восстания стал брат бия Калбина Каппар Карадашеитов. Он призывал народ не давать верблюдов, препятствовать походу на Хиву. После нескольких схваток с повстанцами царские генералы подавили и это восстание адаевцев. Препятствия к походу были устранены.

Весной 1873 года русские войска под предводительством

генерала Кауфмана двинулись на Хивинское ханство. Один отряд шел со стороны Ташкента, другой — из Казалинска и Перовска, третий — со стороны Оренбурга, четвертый — от Каспийского моря. Хивинские войска, в составе которых были отряды казахов и туркмен под начальством султана Садыка Кенесарина, пытались преградить дорогу наступающим. Они стремились отрезать царские войска от степных колодцев, лишить наступающих воды в условиях накаленной пустынной степи. Около колодцев разгорались жаркие стычки. Если отрядам хивинцев приходилось отступать, то колодцы оказывались испорченными, и на их очистку требовалось много времени. Однако преимущества русской армии обеспечили ей успех. Генерал Кауфман вступил в столицу Хивинского ханства и заставил хана подписать условия мирного договора: Россия получила правобережье Аму-Дарьи, включая земли, населенные казахами, и большую денежную контрибуцию. Хивинский хан признал себя вассалом России.

Покорение адаевцев.

С покорением Хивы Россией один за другим стали возвращаться на родину бывшие руководители подавленного адаевского восстания.

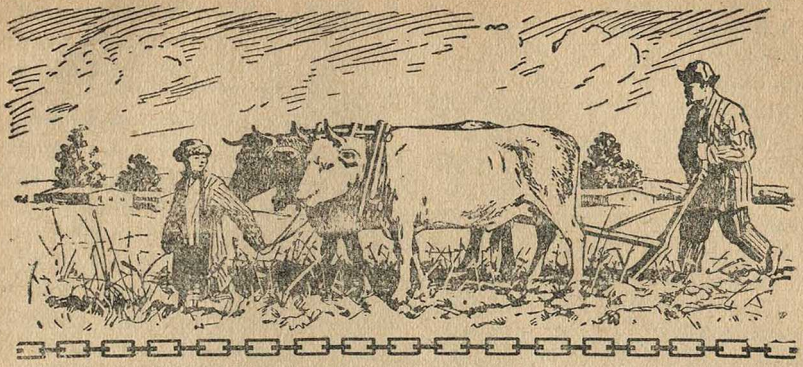
В мае 1873 года на Мангышлак вернулся Иса Тюлембаев. Продолжать борьбу обескровленные адаевцы уже не могли, и Иса вынужден был отдаться в руки царских чиновников. В 1874 году он был амнистирован. Правительство, желая добиться умиротворения адаевцев, согласилось даже на его избрание волостным управителем.

Иной была судьба Досана. В 1874 году он вернулся на Мангышлак с отрядом своих ближайших товарищей. Он рассчитывал снова поднять адаевцев на восстание. Досан остановился в кибитке одного из участников восстания 1870 года. Отряд казаков окружил кибитку и, преодолев упорное сопротивление, захватил Досана и его товарищей. Они были отправлены в Гурьевскую тюрьму, где и пробыли до суда почти два года. Во время следствия Досан держался мужественно и стойко. В тюрьме Досан и его товарищи подвергались истязаниям. В результате избиений Досан и его друг Акбала, сын Досана — Джабал и Утеген Итемгенов еще до суда «умерли от водянки волею божьей», как сказано в сообщении конторы тюремного лазарета.

Товарищей Досана, а также его второго сына и брата судили, по приказанию кавказского наместника великого князя Константина, в форте Александровском — «для острастки и в назидание другим». На суде подсудимые держались с достоинством. Они не оправдывались. Карасай Мамбаев вообще отказался давать какие бы то ни было показания. Военно-по-

левой суд приговорил Мамбаева и Уранова к смертной казни, Айга Джаламбаев был приговорен к 10 годам каторжных работ. Остальные подсудимые также были приговорены к каторжным работам и к ссылке на разные сроки. На адаевцев была наложена контрибуция в размере 15 тысяч рублей — на возмещение убытков, причиненных повстанцами купцам-рыбопромышленникам.

В 1877 году вернулся в Казахстан султан Садык. После завоевания Хивы царскими войсками Садык перекочевал в Туркмению. Оттуда он пробрался в Герат, а затем в Кашгар, где он жил в течение нескольких лет. После смерти Якуббека он возвратился на родину. Царское правительство дало ему амнистию. Он поселился в Чимкенте, где и прожил до своей смерти.



ГЛАВА XVI.

ПРЕВРАЩЕНИЕ КАЗАХСТАНА В КОЛОНИЮ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.

§ 40. КОЛОНИЗАЦИЯ КАЗАХСТАНА.

Итоги военной колонизации Казахстана.

Пользуясь своим превосходством в хозяйственном, политическом и военном отношениях, царская Россия в 60—70-х годах XIX века закончила присоединение Казахстана. Казахская степь была окружена кольцом городов-крепостей, служивших опорными пунктами царизма в его продвижении в глубь Казахстана. Вооруженную силу «военных линий» — крепостей, кордонов, пикетов и т. д. — составляли казачьи войска. Уральское (ранее Яицкое) казачье войско, заселявшее сначала нижнее течение реки Урала, затем среднее течение реки между Яицким и Илецким городками, уже в конце XVIII века стало расселяться внутри казахской степи по рекам Чаган, Таловая, Иртек, Ташла. В 1857 году по низовой и внутренней линиям Уральского войска насчитывалось не менее 21 тысячи, по верхней линии — более 45 тысяч и в городе Уральске — около 11 тысяч казаков. Во второй половине XIX века уральское войско захватило у казахов всю левую сторону Урала с прекрасными заливными лугами.

Сибирское линейное казачье войско, привилегии и обязанности которого были определены Положениями 1808 и 1846 годов, обеспечивало захват казахской степи с севера и северо-востока, по реке Иртышу. Огромная полоса земли по левому берегу Иртыша, называвшаяся «десятиверстным расстоянием» и состоявшая из богатых заливных лугов, отошла к казачьим поселениям. Сибирское войско захватило у казахов

не менее 5 миллионов десятин лучшей земли. Территория Сибирского казачьего войска разделилась на три военных отдела, включавших самые лучшие пахотные и пастбищные земли Акмолинской и Семипалатинской областей.

В середине 30-х годов XIX века царское правительство стало заботиться о том, чтобы соединить левый фланг Оренбургской передовой линии с правым флангом Сибирской. Но между ними лежало не менее 900 километров пустынных степей. После войны с Кокандом и занятия Ташкента в 1865 году царским войскам удалось занять новую важную линию на север от гор Ала-Тау и Кара-Тау. В 1867 году, после образования Туркестанского генерал-губернаторства, сибирские казачьи части, здесь поселенные, были переименованы в Семиреченское казачье войско. Захватом Семиречья завершалась военная колонизация Казахстана. Эта колонизация казахской степи, начатая в середине XVIII века и непрерывно продолжавшаяся до последней четверти XIX века, постепенно отняла у казахов более 10 миллионов десятин самых лучших земель. Теперь перед царским правительством встала задача быстрейшего освоения и более полной эксплоатации новой обширной колонии на восточной окраине Российской империи.

Начало крестьянской колонизации.

Узость внутреннего рынка в России заставляла царское правительство искать возможности сбыта продуктов фабричного производства на окраинах государства — на Кавказе, в Сибири, в Казахстане и Средней Азии. Эти окраины превращались в колонии Российской империи. Здесь можно было дешево приобретать сырье для промышленного производства и по повышенным ценам сбывать изделия русских фабрик и заводов. На этих окраинах было еще много свободных, незанятых земель, куда можно было переводить избыточное население из внутренних губерний России.

Необходимость для российского самодержавия колонизации вызывалась и внутренним состоянием империи. Лишившись, в результате крестьянской реформы 1861 года, около $^1/_5$ своих наделов, крестьяне вели с помещиками революционную борьбу за землю. Эта борьба грозила расшатать самые основы российского самодержавия. Ослабить эту борьбу царское правительство рассчитывало путем переселения крестьян на окраины. Кроме того, такое переселение позволило бы более прочно освоить колонии, теснее связать их с метрополией, с центральными областями России. Одну из таких колоний Российской империи представлял Казахстан.

Определяя признаки понятия колонии, Ленин подчеркнул два из них: «1) наличность незанятых, свободных земель, легко доступных переселенцам; 2) наличность сложившегося

мирового разделения труда, мирового рынка, благодаря которому колонии могут специализироваться на массовом производстве сельскохозяйственных продуктов, получая в обмен на них готовые промышленные изделия...». Ленин указывал, что южные и восточные окраины Европейской России, заселявшиеся в пореформенную эпоху, отличались именно этими признаками и представляли собой в экономическом смысле колонии царской России[1].

«Юг и юго-восток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь, — писал Ленин, — служат как бы колониями русского капитализма и обеспечивают ему громадное развитие не только вглубь, но и вширь»[2].

Заселение Казахстана русскими крестьянами началось с конца 60-х годов XIX века. В 1869 году в Копальском уезде было образовано два крестьянских селения — Гавриловское и Луговое, в 1870 году — селения Маловодное и Зайцевское, в 1871 году — Михайловское, Николаевское, Карасуйское и другие. В 1873 году генерал-губернатор Туркестанского края Кауфман разработал новый план колонизации Казахстана. Переселенческие села должны были устраиваться вдоль главных трактов: от Оренбурга до Ташкента и от Ташкента через город Верный на Семипалатинск.

Таким образом, русские поселения должны были разрезать казахскую степь вдоль и поперек — от Оренбурга до Ташкента и от Ташкента через Семиречье до Алтайского края.

Однако широкого развития переселенческое дело в то время не получило: значительная часть помещиков России, особенно центральных областей, решительно протестовала против массового переселения крестьян на окраины России. Многие помещичьи хозяйства России широко применяли так называемую отработочную систему, сущность которой заключалась в обработке крестьянами помещичьей земли собственным, крестьянским инвентарем. Массовое переселение крестьян грозило подорвать отработочную систему. Но и те помещики, которые вели свое хозяйство на капиталистический лад, на основе вольнонаемного труда, также опасались, что массовое переселение крестьян уменьшит предложение рабочей силы и, следовательно, поведет к ее удорожанию. Царское правительство, несмотря на подъем революционного движения в деревне, должно было считаться с экономическими интересами этих помещичьих групп и ограничивать переселение крестьян на окраины. Только подъем крестьянского движения в России во время холеры и голода 1881 года заставил царское

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. III, стр. 463.
[2] В. И. Ленин. Сочинения, т. II, стр. 419.

правительство отказаться от политики «запрета» переселения крестьян на окраины. Оно решило «приоткрыть клапан» и выпустить «революционные пары».

В конце 1881 года царское правительство ввело «Временные правила по переселению в киргизские степи сельских обывателей» (т. е. крестьян из России). На основании этого закона крестьяне-переселенцы получали на новых местах по 45 десятин земли на душу и различные льготы. Однако уже в 1883 году переселение крестьян из России снова было «временно» приостановлено.

Переселение в Семиречье дунган и уйгур.

В 80-х годах XIX столетия в Семиречье переселились дунгане и уйгуры.

Главным источником существования дунган было земледелие. Они издавна были прекрасными садоводами и огородниками. Многие из них занимались торговлей. Начиная с XVII века, дунгане стали пользоваться китайской письменностью и выдвинули из своей среды собственных писателей и поэтов. Дунгане создали самобытную устную поэзию. Народное искусство дунган проявилось в ряде художественных украшений жилищ, одежды, предметов домашнего обихода.

Дунгане, как и китайские крестьяне, сильно страдали от недостатка земли, от эксплоатации феодалов, от множества налогов и повинностей, а во второй половине XIX века — также от гнета иностранного капитала.

В 1862 году в китайской провинции Шаньси вспыхнуло восстание дунган. Восстание быстро распространилось на соседние области и превратилось в общенародное освободительное движение. Восстание было направлено против китайско-маньчжурских помещиков, против ростовщиков и китайского правительства. Оно проходило под религиозным лозунгом — борьбы за ислам, против «неверных» китайцев (т. е. буддистов).

К восстанию дунган присоединились уйгуры — жители Восточного Туркестана.

Уйгуры — древний народ. В VII—VIII веках они имели свое государство. Уже тогда уйгуры были оседлыми земледельцами, создали свою культуру, свою письменность. В XIII веке они были покорены монголо-татарами Чингиз-хана. В числе советников, чиновников и переводчиков у Чингиз-хана, наряду с китайцами, были и уйгуры. Основная масса уйгур занимала территорию Восточного Туркестана. Уйгур Кульджинского края называли «таранчи», что означает «земледелец». Они были искусными огородниками и садоводами. Скотоводство в хозяйстве уйгур, так же как и у дунган, имело подсобный характер. Уйгуры сеяли зерновые хлеба, люцер-

ну, тщательно обрабатывали землю, удобряли ее, осуществили правильный севооборот, полив полей и огородов.

Кроме уйгур, к восстанию присоединились трудящиеся казахи и киргизы, которые ранее откочевали из Семиречья в Китай. Во главе восстания встал дунганский народный герой Быйянху. Повстанцы отважно сражались с правительственными войсками Китайской империи и нанесли им ряд поражений. В 1864 году образовалось три самостоятельных ханства: Дунганское — в Урумчинском округе, Уйгурское — в Кульджинском крае и другое уйгурское государство Якуббека — в Кашгарии. Вскоре Якуббек начал войну против дунган и подчинил себе Дунганское ханство.

Китайское правительство направило против дунган крупные военные силы. Ополчение Быйянху разбилось на две части и в 1877—1878 годах перешло через русскую границу. Часть дунган поселилась в Пржевальском уезде, часть — в Ферганской долине, а часть — в урочище Каракунуз (в нынешней Джамбулской области). Еще раньше, в 1871 году, царские войска захватили Кульджинский край. По договору с Китаем была установлена граница между Семиречьем и Китаем. Уйгурское самостоятельное ханство было уничтожено, и уйгуры стали подчиняться Туркестанскому генерал-губернатору.

По новому договору с Китаем в 1881 году, Россия возвратила Кульджинский край Китаю. При этом населению Кульджинского края было предоставлено право избрать себе подданство. Значительная часть дунган, уйгур и казахов, живших в Кульджинском крае, выбрала русское подданство и переселилась в Семиречье. Поселенцам было отведено 20 тыс. десятин земли по правому берегу реки Чу, частью по реке Ирдиг, в бассейне озера Иссык-Куль. Здесь образовалось 60 селений дунган и уйгур.

Царское правительство выдало переселившимся в Семиречье уйгурам и дунганам ссуду по 6 руб. 17 коп. на двор и освободило их от уплаты налогов на 10 лет. Богатым дунганам и уйгурам были нарезаны бо́льшие наделы, чем беднякам. Личной собственностью уйгур и дунган считалась только усадебная земля, а пахотные участки были общинными. За общинную землю переселенцы платили государственные подати. Земля не всегда была плодородной и часто давала плохие урожаи. Вследствие недостаточного надела, уйгуры и дунгане вынуждены были арендовать земли у киргизских, казахских и собственных богатеев-баев. Много уйгур и дунган занялись ремеслами и торговлей. Крупнейший уйгурский бай Юлдашев захватил в свои руки всю оросительную систему. Поливы полей, садов и огородов зависели от Юлдашева, а кто в Средней Азии владел водою, тот владел и землею.

Уйгуры и дунгане находились под сильным влиянием мусульманского духовенства. В каждом селении была мечеть и при мечети — школа. Особенно славились красивая большая мечеть и школа при ней, выстроенные баем Юлдашевым в Джаркенте, постройка которой обошлась в 200 тыс. рублей.

Крестьянская колонизация 80—90-х годов XIX века.

В 1889 году, в связи с аграрным кризисом в России, царское правительство издало новый закон о порядке и условиях переселения крестьян из России в Казахстан, способствовавший развитию крестьянской колонизации.

В 1891—1892 годах Россию постигли сильнейший неурожай и голод. Наплыв переселенцев из России в Казахстан усилился. В Семиречье образовалось два новых крупных поселения: Георгиевское и Ивановское. Волна переселенцев из России шла также через Тургайскую область. Увеличилось число переселенцев в Акмолинской и Уральской областях. Царское правительство под давлением помещиков прекратило отвод земель переселенцам, но они продолжали двигаться в Казахстан и самовольно селились на казахских землях.

Русские крестьяне, самовольно поселившиеся в Казахстане, вынуждены были входить в соглашение с казахскими общинами и арендовать у них землю; переселенцы платили за аренду по 7 копеек за десятину; некоторые покупали у казахов землю в собственность по цене от 1 рубля до 7 рублей за десятину. Царское правительство поощряло такие сделки.

Аренда земли у казахов была своеобразной формой добывания земли переселенцами, так как другого выхода у них не было. Аренда освобождала царское правительство от забот и затрат, связанных с землеустройством переселенцев, снимала с правительства всякую ответственность за последствия такой аренды.

В 1895 году царское правительство послало в казахскую степь экспедицию, которую возглавил Щербина. Экспедиция произвела перепись казахского населения, скота и пастбищ, а также разработала и нормы землепользования, что привело к дальнейшему изъятию земель у казахов. Экспедиция Щербины обследовала 8 уездов и нашла, что у казахов имеется «излишняя» площадь земель. У казахов этих уездов была отнята почти половина всей земли. Аналогичное положение сложилось и на юге. Так, в Семиреченской области русское население составляло только 10 процентов, но оно имело в своих руках почти всю пахотную землю и производило основную массу хлеба.

К концу XIX века захват земель казахского населения достиг огромных размеров. Наплыв переселенцев из России в казахскую степь продолжался. Уже в 90-х годах в северных

областях Казахстана обнаружился недостаток земель под переселенческие участки.

Правительство, изымая у казахов земли, создавало из них «переселенческий фонд». Так, у казахов Уральской и Тургайской областей за все время колонизации было изъято и передано в переселенческий фонд более 20 миллионов десятин лучшей земли, в Семиреченской области — 3,3 миллиона, в Сыр-Дарьинской — 0,5 миллиона десятин. Переселенческий фонд создавался, таким образом, ценой разорения и обнищания казахского населения. Ленин позже писал: «Переселенческий фонд образуется путем вопиющего нарушения земельных прав туземцев, а переселение из России производится во славу все того же националистического принципа «руссификации окраин»[1].

В наиболее экономически выгодные и важные районы Казахстана, например, в Семиречье, царские власти предпочитали переселять казаков, а не крестьян. Военный губернатор Семиречья писал, что при образовании новых земельных участков следует отдать предпочтение устройству казачьих поселений, а не крестьянских, так как, во-первых, казачье войско усиливает защиту границ, во-вторых, оно прошло военную школу, дисциплинировано и, «в случае брожения в обширных киргизских степях, будет незаменимым при подавлении восстания кочевников». Крестьяне же сами являются опасным элементом.

Тем не менее, царское правительство вынуждено было переселять на далекие окраины разорившихся крестьян, которые в центре представляли еще большую опасность, чем в новых восточных колониях.

Крестьянская колонизация имела прогрессивные последствия для дальнейших судеб казахского народа. Русские крестьяне, сами страдавшие от реакционной политики русского царизма, вступали в тесное общение с местным казахским населением. На почве экономических, в частности, торговых связей устанавливались добрососедские отношения с местным казахским населением. Под влиянием русских крестьян казахи переходили к более передовым формам хозяйства.

«Положение» 1891 года.

Захватывая и колонизируя восточные окраины, царское правительство было озабочено, прежде всего, тем, чтобы закрепить здесь свое господство при помощи военно-оккупационного, полицейско-чиновничьего аппарата государственной власти. Создание и укрепление государственного аппарата колониального угнетения в Казахстане, как и в других царских колониях, было в интересах не только помещичьего самодержавия, но и расту-

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. XV, стр. 528.

щей русской буржуазии. В последней четверти XIX века, как отмечал Ленин, русская буржуазия особенно охотно шла на восточные окраины России, где еще возможно было «первоначальное накопление», дававшее сотни процентов прибыли.

В 1891 году был издан закон, по которому «Временное Положение» 1868 года подтверждалось и закреплялось как постоянное. Это «Положение» усиливало власть волостных управителей и аульных старшин над населением. Им предоставлялось право распоряжаться землей, составлять податные списки, раскладывать кибиточную подать и различные повинности. Кибиточная подать была повышена до 4 рублей. Были увеличены земские сборы, сборы на содержание мирабов и арык-аксакалов, волостных управителей и аульных старшин и их канцелярий[1]. Подати и сборы в общей сложности составляли в среднем 8—10 рублей на кибитку в год. Раскладка повинности должна была производиться «по благосостоянию каждого кибитковладельца». На деле основная тяжесть налогов и повинностей падала на аульную бедноту. Волостные и аульные власти брали в свою пользу с каждой кибитки неофициальный налог «кара-шиган» на покрытие расходов, связанных с общественными нуждами.

Земля была оставлена в пользовании каждого аульного общества и распределялась «согласно обычаям». Поземельные споры по «Положению» 1891 года должны были разбираться и решаться в пределах волости — волостным съездом, в пределах аула — аульным съездом. На деле эти споры решались волостным управителем или аульным старшиной, которые распределяли между казахскими общинами места летних и зимних кочевок, могли вытеснить с лучших выпасов одни общины и предоставить их другим.

Чаще всего в должности волостного управителя выступал крупный бай-скотовладелец. Волостные управители получали от царского правительства жалованье в размере 500 рублей в год и на содержание канцелярии 300—400 рублей в год. Аульные старшины получали жалованье до 200 рублей в год. Каждый старшина носил особый медный знак на груди и имел печать.

Выборы волостных управителей и аульных старшин сопровождались борьбой байских групп, которую использовали и разжигали представители царской власти. Подкупы, взятки, угощения вызывали большие расходы со стороны байских групп, выдвигавших своих кандидатов. Община, потерпевшая поражение на выборах, оттеснялась на худшие участки земли.

---

[1] Мирабы и арык-аксакалы — должностные лица, занимавшиеся распределением воды по арыкам и по участкам полей.

Новый управитель предоставлял лучшие пастбища своей общине, вернее, тем крупным баям своей общины, которые его поддерживали во время выборов. Во всей системе местного управления сохранялись и умело использовались царизмом пережитки патриархально-родовых отношений.

Волостные управители и аульные старшины, хотя и считались выборными, на деле были послушными чиновниками царского правительства. Они подчинялись уездным начальникам, у которых был целый штат чиновников: податные инспекторы, собиравшие налоги, переводчики и полиция, состоявшая из приставов, урядников и полицейских, крестьянские начальники и сельские старосты, в казачьих поселках — выборные станичные атаманы и подчиненные им стражники. Уездные начальники подчинялись областному губернатору, назначенному царем и имевшему очень широкую власть.

Содержание многочисленных губернских и уездных чиновников обходилось очень дорого. Так, например, только в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях с 1868 по 1872 год оно поглотило более 6 миллионов рублей. Доходы, собранные с населения за то же время, составили 10,5 миллиона рублей. Чиновники притесняли и грабили трудовое население. Народ с трудом выносил бремя налогов и поборов. Уйгуры и дунгане, обложенные податью с 1892 года, оказались, по словам генерал-губернатора, «неисправными плательщиками». Недоимки стали обычным явлением в аулах и селах Казахстана.

Преобразование суда биев.

Большую роль в организации колониального господства в Казахстане играло проникновение сюда царского суда, вытеснившего суд биев и казахское обычное право. Реформы в области суда и права, неизменно сопутствовавшие всем административным реформам, были важным орудием колониальной политики царизма. Считаясь с трудностями прямого подчинения Казахстана, царское правительство до полного порабощения Казахстана еще предписывало своим чиновникам по вопросам суда «смотреть на обычай каждого народа» и «пресекать напрасное озлобление», которое неизбежно возникало от волокиты царских судов и применения неизвестных и чуждых степи законов. Но как только царские колонизаторы почувствовали себя более прочно, в казахской степи было введено Уголовное уложение 1845 года. Таким образом, чуждые и плохо известные законы стали основными нормами действующего для казахов права и заменили собой обычное казахское право. Большинство важных преступлений, как измена, возмущение против органов царского правительства, противодействие властям, убийство, разбой, насилие, барымта, подделка монеты, поджог, все преступления, направленные против колониального

аппарата, даже кража свыше 30 рублей, были подсудны только царскому уголовному суду, главным образом суду военному.

Однако обычное казахское право, как и суд биев, не были вовсе устранены. Они были даже использованы в интересах колониальной политики царизма, особенно в области патриархально-родового быта. В течение всего периода своего господства в Казахстане царское правительство стремилось сохранить и законсервировать патриархально-родовой быт, видя в нем важное условие колониальной эксплоатации трудовых казахских масс. Поэтому суд биев и обычное казахское право, приспособленные к потребностям колониальной политики, сохранялись царизмом вплоть до свержения царской власти в России.

Превращение суда биев в послушное орудие царской администрации было осуществлено еще законом 19 мая 1854 года. Этот закон устанавливал, что звание бия могли получать только султаны, аульные старшины, прослужившие не менее 6 лет, и лица, имевшие царские награды.

«Выборы» биев превратились в открытый торг, на котором, путем подкупа избирателей, покупалась выгодная судебная должность. Древние традиции родовой коллективности и взаимопомощи, пережитки родового быта, патриархальные отношения были приспособлены для прикрытия все возраставшей эксплоатации трудовых казахских масс баями-богатеями, которые охотно шли на службу царской власти.

Руссификаторская политика царизма в Казахстане.

Большую роль в создании колониального аппарата должны были сыграть мероприятия по руссификации местного населения. Царизм стремился насильственно обрусить коренное казахское население, уничтожить его национальные черты, вытеснить казахский язык.

Туркестанский генерал-губернатор в предписании от 6 ноября 1898 года писал местным губернаторам:

«Необходимо теперь же: 1) принять меры к немедленному введению государственного языка в служебные сношения местных туземных общинных управлений, путем замещения должности волостных писарей исключительно русскими, знающими туземный язык; 2) заменить некоторые должности немедленно, некоторые постепенно русскими людьми, знающими туземный язык, а именно: всех волостных писарей, большую часть переводчиков, часть арык-аксакалов и мирабов, часть джигитов, все полицейские должности, всех сторожей и служителей уездных и областных учреждений, всех волостных управителей...; 3) ввести обязательный ценз окончания русско-туземной школы или соответствующего экзамена по особой программе для занятия должностей: волостного управителя,

городского старшины, сельского старшины, их помощников и кандидатов к ним, народных судей...».

Для подготовки из казахов переводчиков, писарей и местной администрации, находившейся на службе царизма, создавались специальные русские школы. Первая русская школа для казахов была открыта в Омске еще в 1789 году, под названием «азиатская школа». В 1836 году эта школа была закрыта, а 20 воспитанников, обучавшихся в ней, переведены в училище Сибирского казачьего войска. Среди них были только дети казахов, имевших военные или гражданские чины. В 1857 году для детей казахов была открыта в Омске при областном правлении специальная школа с целью подготовки писарей. Такого типа школы, под названием «русско-туземных» или «русско-киргизских», возникли и в других городах Казахстана: в 1841 году — в Уральске, в 1859 году — в Тургае, в 1887 году — в Чимкенте, в 1889 году — в Туркестане, в 1894 году — в Казалинске, в 1901 году — в Перовске; позже были открыты русские школы для казахов в Аулиэ-Ата, Верном, Семипалатинске, Петропавловске, Акмолинске, Кустанае и других городах. Все эти школы открывались царским правительством и содержались за счет государства. Обучались там преимущественно дети знатных или богатых казахов, через которых царское правительство стремилось проводить свою колонизаторскую политику. Однако широкого развития эти школы не имели. Получить необходимые кадры казахов, проводников своей колонизаторской политики, при помощи особых школ царизму не удалось. Результат иногда получался совершенно обратный: обучившись русской грамоте и познакомившись с некоторыми представителями передовой русской интеллигенции, молодые казахи лучше начинали понимать сущность колониальной политики царизма и необходимость борьбы с ним.

Впоследствии из этих русских школ вышли отдельные представители передовой казахской интеллигенции. Таким образом, насаждение царизмом школ в Казахстане, независимо от желания царских властей, сыграло прогрессивную роль в приобщении казахской молодежи к передовой русской культуре.

§ 41. ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА.

Дальнейшее развитие торговли.

По мере колонизации Казахстана расширялись и укреплялись торговые связи между Россией и казахской степью. Росли торговые обороты купцов, видоизменялись формы товарного обмена. Меновые дворы, которые служили прежде глав-

ными торговыми центрами, стали уступать свое место ярмаркам, возникавшим по всей территории Казахстана.

Обыкновенно ярмарочные торги приурочивались к приходу кочевников из южных областей на летние пастбища (джайляу). Скот перегоняли большими гуртами с одной ярмарки на другую: с Чарской ярмарки (Семипалатинской области) в Омск, оттуда на Куяндинскую ярмарку (в Каркаралинском округе), затем на Акмолинскую и Атбасарскую ярмарки, оттуда — частью на Уильскую ярмарку (в Уральской области) и в Тургайскую область, частью в Петропавловск и в станицу Звериноголовскую. Таким образом, торговля принимала почти непрерывный характер. На ярмарки съезжались с разных концов степи, из Туркестана, из Сибири, из Европейской России. Руководящую роль на ярмарках играли крупные скупщики (алыпсатары), которые выступали посредниками между рядовыми кочевниками и приезжими скотопромышленниками. Обороты казахских ярмарок быстро росли: в Акмолинской области они составляли в 1882 году 6,6 млн. рублей, в 1889 году — 8,2 млн. рублей, в 1896 году — 10,6 млн. рублей, а в 1900 году — уже 18,5 млн. рублей.

Но ярмарки и торжки еще не обеспечивали непрерывности и устойчивости товарного обмена. Поэтому крупные торговые фирмы, не ограничиваясь переброской товаров с ярмарки на ярмарку, стали устраивать стационарные торговые пункты — оптовые склады, розничные магазины, мелкие лавки. В конце XIX века в Петропавловске, при населении в 21 750 человек, действовало 446 торговых предприятий, с оборотом в 4 млн. рублей. Возросло количество разъездных агентов, которые посылались торговыми фирмами из Уральска, Оренбурга, Троицка, Петропавловска, Семипалатинска и которые проникали в самые глухие отдаленные районы. Особенно выросла эта армия разъездных торговцев после введения «Положения 1868 года». Многие из этих приказчиков, будучи сами казахами, прочно обосновались в своих аулах, начинали самостоятельные торговые операции и, наживая капиталы, обзаводились значительными стадами скота. В 1890-х годах в четырех уездах — Павлодарском, Кокчетавском, Кустанайском и Актюбинском — торговало 640 таких саудагеров (купцов) и алыпсатаров (перекупщиков). Через десять лет только в двух уездах (Кустанайском и Актюбинском) насчитывалось 849 купцов, получавших в год 223 тыс. рублей прибыли, из них 482 купца имели 166 тыс. рублей дохода.

В силу колониального положения Казахстана, торговля носила ярко выраженный ростовщический характер. Разъездные торговцы набирали залежалый дешевый товар (известный под названием «киргизского») и, пользуясь нуждой и неопыт-

ностью населения, выменивали его на большое количество скота. Полфунта чая в яркокрасной обложке и один фунт сахара шли за годовалого барана. При этом широко процветали обмер и обвес, товары продавались в кредит за ростовщические проценты, и торговцы закабаляли кочевников, ставя в хозяйственную зависимость целые волости.

Развитие торговли сопровождалось обогащением небольшой зажиточной верхушки баев и обнищанием большой массы степного населения. Тем не менее, развитие торговли во второй половине XIX века еще больше подорвало натуральные основы хозяйства казахов, усилило их классовое расслоение, способствовало подъему хозяйства на более высокую ступень экономического развития, расширяло хозяйственную связь Казахстана с Россией.

Изменения в формах ведения скотоводства.

Торговля России превращала Казахстан все больше и больше в сырьевой район, предназначенный поставлять скот и продукты скотоводства центральным промышленным районам России. В 1894 году на одной Акмолинской ярмарке было закуплено и отправлено в Россию 142 тысячи баранов, до 13 тысяч голов крупного рогатого скота, 9,3 тысячи лошадей, 573 тысячи овечьих и козлиных шкур, 94 тысячи кож, около 50 тысяч пудов овечьей шерсти, тысячи пудов козьей шерсти и конского волоса. В 1900 году со станции Петропавловск было отгружено в Россию 814 тысяч пудов мяса, 180 тысяч пудов сала, 1 420 тысяч кож, 37 тысяч пудов шерсти и волоса, 424 тысячи штук бараньих кишок. Казахское скотоводство принимало все более товарный характер, подчиняясь требованиям рынка и соответственно изменяя структуру своего стада. После отмены крепостного права русское крестьянство предъявило повышенный спрос на лошадей, и в Европейскую Россию стали перегонять из Казахстана большие конские табуны. Отвечая наметившемуся спросу, казахская степь сейчас же увеличила разведение лошадей за счет господствовавшего овцеводства; например, в Кустанайском уезде за пятилетие 1865—1870 годов процент овец в стаде упал с 86 до 44,6, а процент лошадей вырос с 6,8 до 37,7. Позднее, с ростом крупных промышленных центров, Россия стала нуждаться в большом количестве говяжьего мяса, и в Казахстане соответственно увеличилось разведение крупного рогатого скота; в том же Кустанайском уезде крупный рогатый скот составлял в 1865 году 17 процентов всего поголовья, а в 1898 году — уже 23 процента.

В зависимости от природных условий и от близости к железной дороге наметилась специализация скотоводческих районов: в 90-х годах XIX века коневодство было особенно раз-

вито в Кустанайском и Кокчетавском уездах; в Актюбинском уезде разводили очень много крупного рогатого скота; зато в отдаленных полупустынных волостях Атбасарского уезда попрежнему преобладало овцеводство.

Производство скота на рынок было особенно развито в зажиточных байских хозяйствах, которые лучше приспособлялись к требованиям покупателей и поставляли скот лучшего качества. Но с рынком были непосредственно связаны и середняцкие хозяйства.

В связи с товаризацией скотоводческого хозяйства происходил более быстрый переход к новым техническим приемам: взамен прежней тебеневки, сопряженной с гололедицей и джутами, все шире развивалось сенокошение и кошарное содержание овец в зимнее время года. В конце XIX века в Кустанайском и Актюбинском уездах почти все хозяйства косили сено с помощью косы-литовки, а половина хозяев покупала еще сено на рынке. В байских хозяйствах стали переходить к еще более совершенным приемам — к употреблению сенокосилок и конных грабель.

Развитие оседлой жизни и земледелия.

К концу XIX века все сильнее проявлялся процесс, наметившийся уже в предшествующие десятилетия: прогрессирующий переход кочевников к оседлой жизни и земледелию.

Захваты лучших земель переселенцами-казаками и крестьянами в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях вызывали кризис пастбищно-кочевого хозяйства местных казахов. Сильнее всего этот кризис отражался на слабых, малочисленных родах. Они уже не имели силы выдерживать далекие и длительные перекочевки и постепенно оседали на северных летовках, вблизи русских земледельческих поселений. Им приходилось здесь не только заготовлять на зиму сено для скота, но и сеять хлеб для себя. Казахи, осевшие на общих летовках и уже частично их распахавшие, начали смотреть на эту землю, как на свою собственность.

Между тем казахи, продолжавшие кочевать со своими стадами, по обычаю, возвращались на старые летовки, размеры которых продолжали сокращаться. Не имея возможности возвратить себе прежний пастбищный простор, некоторые обедневшие роды спешили захватить оставшиеся части летовочных урочищ. Число казахов, переходивших к оседлости, увеличивалось. Число кочующих хозяйств год от года становилось все меньше и меньше. По данным Переселенческого управления, по Семипалатинскому уезду число кочующих хозяйств в 1895 году составляло только 37,7 процента, в Усть-Каменогорском уезде — 39,3 процента и в Зайсанском уезде—

46,7 процента. Но и те казахи, которые кочевали, отчасти уже занимались земледелием. В 1880 году посевная площадь Казахстана (без Семиречья) составляла 500 тысяч га, а в 1900 году — уже 1 700 тысяч га. Земледельческое хозяйство казахов — в первую очередь баев — все больше связывалось с рынком. В Актюбинском уезде в 1893 году денежный доход скотоводов от продажи хлеба был больше половины дохода от продажи скота и скотопродуктов. В других уездах эта доля была значительно меньше, но с годами она неуклонно увеличивалась и свидетельствовала о непрерывном процессе товаризации казахского хозяйства.

Развитие ремесла.

С ростом товарных отношений росло также местное ремесло. Больше всего ремесленников насчитывалось в городах; в одной Акмолинской области к концу XIX века было 12 тысяч ремесленников (преимущественно русских) — сапожников, портных, столяров, мясников, хлебопеков и пр. Но и в казахском ауле наблюдалось прогрессирующее отделение ремесленного производства от скотоводческого и земледельческого хозяйства.

В небольших размерах ручным способом добывалась руда, плавились свинец и медь. Из этих металлов казахи изготовляли преимущественно предметы хозяйственного и домашнего обихода: котлы, кетмени, мотыги, посуду, частью — оружие. Из серебра и меди делались различные украшения. Добычей руды и изготовлением металлических изделий занимались в предгорьях Алтая и в других горных районах.

Казахи, кочевавшие к северо-западу от Семипалатинска, где были большие леса, занимались деревообделочным ремеслом. Они производили материалы для постройки юрт, деревянную посуду (ведра, чашки, ложки, ступки), удобную в условиях кочевания, столики, табуреты, деревянную часть седел, колотушки для взбивания кумыса, деревянные арбы, повозки, колеса.

Почти все казахи изготовляли из шерсти и из конского волоса кошмы, веревки, арканы, тесьму, а также разнообразные ковровые изделия, переметные сумы и тому подобное. Пряли, ткали из шерсти и хлопка вручную, на самодельных станках. Одежду и обувь изготовляли из мехов и кожи, из шерстяных тканей своего производства, а также из привозного материала. Казахи делали также мыло и свечи, правда, низкого качества. Наконец, казахские ремесленники изготовляли национальные музыкальные инструменты: кобызы и домбры.

Мелкими промыслами занималось значительное количество казахских хозяйств. Особенно часто обращались к подсобным промыслам бедняки. Много изделий производилось женщинами-казашками. Бедняцкие и середняцкие слои казахского населения старались таким путем найти дополнительные сред-

ства к существованию, а баи, применяя труд зависимых от них казахов, превращали промыслы в дополнительные источники своего богатства.

На развитии местной промышленности неблагоприятно сказывался ввоз товаров в Казахстан извне. Из России, Средней Азии и из Англии поступали металлические изделия, ткани, одежда и различные другие предметы. Они находили в Казахстане легкий сбыт и вытесняли продукцию местного производства.

Мало-помалу в мелких промыслах Казахстана выделились мастера-специалисты, которые сосредоточили свою деятельность на производстве определенных изделий — одежды, обуви, посуды, оружия или иных предметов. Они начинали работать на заказ, удовлетворять чужие потребности. Чем больше росла торговля, тем чаще мелкий промышленник выносил свои изделия на рынок. Вначале он менял свои изделия на нужные ему продукты, затем стал продавать их на деньги.

Дальнейшее расслоение в ауле.

Одним из результатов колонизации Казахстана было более быстрое, чем раньше, расслоение казахского аула как оседлого, так и кочевого.

В районах, где казахи переходили на оседлость, происходило усиленное использование общинной земли крупными баями. Оседали на землю, главным образом, бедные казахи, которые не могли прокормиться от оставшегося у них малого количества скота и не выдерживали трудностей дальних перекочевок. Но и став земледельцами, большинство из них едва сводило концы с концами. Трудящиеся казахи, лишенные скота и пастбищ, вынуждены были арендовать у баев небольшие участки земли на условиях отработки. Это превращало трудовых казахов в полузависимых земледельцев. Так, например, у бая Джаксыбая Кустанова, в Семипалатинской области, было 600 десятин. Он имел посевы и много скота. В его ауле жило 35 семей бедняков-казахов, которые в совокупности имели лишь 20 лошадей, 15 коров и 10 баранов. Они жили на земле бая и платили ему высокую арендную плату. Беднякам нехватало своего хлеба и они зимой брали его у бая, а летом отрабатывали долг на байской земле.

Имущественная и социальная дифференциация происходила и в аулах с кочевым скотоводческим хозяйством. Основная масса скота принадлежала байству, которое эксплоатировало бедноту на основе наемного труда. В 90-х годах в Кустанайском и Павлодарском уездах, районах коневодства, насчитывалось 3,6 тысячи байских хозяйств (т. е. меньше 10 процентов всех кочевых хозяйств), а имели они 441 тысячу голов скота, т. е. почти половину всего поголовья. В Каркаралин-

ском и Атбасарском уездах, где продолжало господствовать овцеводство, было 2,3 тысячи байских хозяйств (меньше одной десятой), а им принадлежало 235 тысяч голов скота, т. е. около трети всего поголовья. Байство было главным поставщиком товарного скота.

В конце XIX века классовые противоречия в казахском ауле значительно обострились. Казахская беднота, в том числе и рядовые казахи-общинники, недовольные действиями волостных управителей и аульных старшин, не выполняли распоряжений волостных управителей, отказывались от уплаты налогов. Так, в 1901 году аульный старшина 8-го аула Аманкульской волости, Иргизского уезда, доносил уездному начальству, что казахи его аула отказывались платить налог и ругали власти. Старшина 6-го аула Акчетавской волости при сборе у казахов юрт для военного ведомства был жестоко избит палками, причем, как доносил волостной управитель, казахи «поносили царскую особу». Надо вообще отметить, что в конце XIX века возникает большое количество судебных дел по оскорблению «высочайших особ».

Испытывая ненависть к своим эксплоататорам-баям, казахская беднота пользовалась каждым удобным случаем, чтобы отомстить им. Байские зимовки нередко поджигались в то время, когда бай со своими домочадцами уходил на джайляу. В некоторых случаях казахи пускали палы на байские сенокосные угодья или сжигали сено, заготовленное на зиму для подкормки молодняка.

Иногда на почве классовой борьбы казахи-бедняки угоняли у баев скот и лошадей.

Особенно обостренная классовая борьба шла за общинную землю, которую баи захватывали в свое личное пользование, за джайляу, кстау.

Так, доверенные от 1 000 хозяйств Внутренней Орды в 1873 году жаловались, что «богатые киргизы» вкочевывают в их земли, травят сенокосы и летние кочевья, что они опасаются, чтобы «не произошла драка, или даже убийство».

Неоднократно трудящиеся казахи насильно вкочевывали на земли, захваченные баями.

Несмотря на все эти проявления классовой борьбы, в казахском ауле и в конце XIX века еще очень сильны были патриархально-родовые пережитки.

Приспособление патриархально-родовых институтов к новым экономическим формам.

Сохранение патриархально-родовых пережитков в казахском ауле помогало баям экономически и политически закабалять трудящихся казахов.

Беднота аула, не решаясь порвать связи с общинно-родовой группой, находилась в полной кабале у бай-

ства, делая все, что прикажут, за самую скудную подачку. Один русский чиновник так определял зависимость от бая такого казаха-бедняка:

«Бедняку и неимущему действительно некуда было больше деваться. Сам он самостоятельно вести кочевое хозяйство не может. Поэтому бедные и неимущие хозяйства... в громадном большинстве действительно состоят во время кочевания при богатых хозяйствах, составляя с ними как бы одно целое, а в зимнее время вполне зависят от них как по своей маломощности и крайней бедности, так и по родственным связям».

Характерной чертой казахского обычного права было сохранение в нем многочисленных пережитков былой родовой коллективности. Право частной собственности, защищаемое со времени Тауке, выступало теперь еще определеннее, как право главы семьи распоряжаться имуществом. Продолжало развиваться наследование, а также защита частной собственности на землю, в первую очередь на сенокосы, пашни, орошаемые и застроенные земли. Заключались договоры залога, купли-продажи и другие.

Но все эти частно-собственнические институты в обычном праве казахов были опутаны пережитками родовой общности имущества. Сородичи убийцы несли коллективную имущественную ответственность за уплату «куна» родственникам убитого, за уплату долга сородича, за учиненную им барымту.

Основой кабальной байской эксплоатации бедноты являлась общинная собственность на землю. На деле бай, имевший большое количество скота, был фактически хозяином общинной земли. Беднота, не имевшая скота, не могла пользоваться общинной землей, но каждый бай ревниво оберегал общинную землю от покушений, заботился о сохранении большой численности своего ру (родовой общины) и всячески поддерживал патриархально-родовые традиции. Под их прикрытием происходил захват общинно-родовой земли в частную собственность. Опираясь на царские законы, казахские полуфеодалы — баи использовали патриархально-родовые пережитки для усиления своей власти в ауле и захвата лучших зимовок, покосов и больших участков пахотной земли, к тому же обрабатываемой сородичами.

Батраки и пастухи байских хозяйств часто не были вольнонаемными рабочими. Богач не нанимал бедняка на работу: он «оказывал ему родственную помощь», предоставляя работу. Поэтому он не обязан был платить работнику. Работник получал пищу и несколько овец для пропитания семьи, которые должны были быть возвращены хозяину. Но это не считалось заработной платой, а оценивалось, как «благодеяние». Поэтому спор о размерах вознаграждения не допускался.

В 60-х годах XIX века в степи можно было встретить семью бедняка, которая пасла хозяйский скот за крынку молока в день. Чаще всего такие семьи получали за работу «что дадут». Отношения хозяина к работнику были отношениями патриархальной власти. Хозяин называл работника: «сын мой», «мой человек», «мой глаз». Он мог бить «своего человека» нагайкой до трех ударов безнаказанно, по праву, а фактически — сколько угодно.

Казахский поэт Абай Кунанбаев в одном из своих стихотворений очень правдиво показал зависимость бедняка-казаха от бая и полукрепостнические формы эксплоатации, которым подвергалась казахская беднота:

У бая много пастухов и юрта хороша,
А бедный мерзнет сам в степи, скотину сторожа.
Он квасит кожи и дубит их в ледяном чану,
Жена, бедняга, ткет чекмень, от холода дрожа.
И для ребенка нет костра, а в юрте натекло,
И улетучилось давно последнее тепло.
А старикам — совсем беда, ложись и помирай.

Обычное казахское право требовало обязательного участия всей общины в сборе средств как в пользу бедных, так в пользу влиятельных в общине лиц для уплаты их частных долгов (так называемой «журтшылык»). Это было весьма удобной формой ограбления бедноты. Практика второй половины XIX века знает характерный случай, когда в порядке «журтшылыка», с разрешения военного губернатора, собрали по рублю с кибитки 7 тыс. рублей на покрытие долгов «обедневшего» волостного управителя. К такому же ограблению бедноты приводил и обычай, по которому богачи помогали бедным платить подать, требуя от них «взаимной помощи». Использовался также древний обычай приглашать сородичей для помощи при возведении построек и вообще при всякого рода хозяйственных мероприятиях, требующих применения коллективного труда. Разумеется, общину нельзя было поднять на помощь бедняку, и применение этого обычая имело место только в интересах богатых.

Сохранение патриархально-родовых пережитков было неразрывно связано и с угнетенным положением женщины. Взгляд на женщину, как на объект семейной собственности, безраздельно господствовал в обычном праве казахов. Теперь, когда развились товарные отношения и началась погоня за «денежной наличностью», эта патриархальная точка зрения ставила женщину-казашку в еще более тяжелое положение. Ее продавали и покупали при заключении брака, оставляли в наследство братьям мужа. За нанесенный ей вред и ущерб платили не ей самой, а ее отцу или мужу. Самым существенным элементом брачного соглашения являлся калым, т. е. плата за

невесту ее родственникам. Калым превращал женщину в предмет купли-продажи, в предмет наживы ее жадных родственников. О какой-либо свободе чувств, как правило, не могло быть и речи. Калым так прочно держался в казахском дореволюционном быту, что даже после победы Октябрьской революции советскому законодательству пришлось вести с ним долгую и упорную борьбу.

Взгляд на женщину, как на имущественную ценность, получил свое отражение и в казахских пословицах того периода, и в нормах обычного наследственного права. «У узбеков — земля наследство, у казахов — жена наследство», — говорит казахская пословица. Обычное право попрежнему освящало и закрепляло особый порядок перехода жены по наследству, известный у других народов под названием «левирата». Этот обычай у казахов назывался «аменгерством». В казахском обычном праве этот обычай сохранялся потому, что покойный брат покупал жену, заплатив за нее калым. Жена составляла часть его имущества, следовательно, она должна была составить и часть его наследства. Этот обычай «аменгерства», как и другие формы угнетения женщины-казашки, ликвидировала только Великая Октябрьская социалистическая революция.

Развитие крупной промышленности.

Превращение Казахстана в колонию вызвало более интенсивную эксплоатацию его недр. Начались усиленные поиски и открытия ископаемых; русский купеческий капитал стал проникать в сферу горной промышленности; расширялась первичная обработка сельскохозяйственных продуктов.

Эти явления были особенно заметны на территории четырех степных областей, особенно Акмолинской и Семипалатинской. К концу XIX века здесь было открыто более 550 месторождений ценных ископаемых — золота, меди, серебро-свинцовых руд, каменного угля и проч. Появились новые рудники и литейные заводы, преимущественно русских купцов — Поповых, Рязановых, Дерова, Касаткина, Титова и др.

В 1893 году в Акмолинской и Семипалатинской областях было добыто более 134 тысяч пудов серебро-свинцовых руд, более 22 тысяч пудов меди и более 24 тысяч пудов каменного угля; продукция плавильных заводов в том же районе составила более 58 тысяч пудов (преимущественно свинца и меди). На всех этих рудниках и заводах было занято около 1 500 рабочих. Золота в тех же областях добывалось от 11 до 40 пудов в год.

Однако горная промышленность Казахстана развивалась медленно и с трудом. Возникавшие предприятия не были устойчивыми и достаточно жизнеспособными. Многие нуждались в правительственном кредите и временами приостанавли-

вали производство. Работа велась большей частью силами казахского населения, главным образом, весною и летом, когда казахи прикочевывали к районам рудников и заводов. Плохие пути сообщения очень мешали вывозу и сбыту промышленной продукции. Техника производства была примитивной. Большинство открытых месторождений вовсе не разрабатывалось.

Также слаба была промышленность по переработке сельскохозяйственного сырья, преимущественно продуктов скотоводства. На территории четырех степных областей к концу XIX века насчитывалось 335 кожевенных, салотопенных, овчинных, шерстомойных, мыловаренных, свечных, маслобойных, кишкопромывательных заводов, на которых было занято 3 259 рабочих и производилось ежегодно товаров на 2 829 тыс. рублей. Таким образом, в среднем на каждый завод приходилось по 10 рабочих и около 19 тыс. рублей продукции. Еще мельче были заводы по обработке земледельческих продуктов — водочные, пивоваренные, дрожжевые, маслобойные и мукомольные мельницы. Их насчитывалось 671 с 2 170 рабочими и ежегодной продукцией в сумме 2 570 тыс. рублей. Наиболее промышленным городом Казахстана был Петропавловск.

Еще слабее была промышленность Семиречья: кроме мелких кожевенных, пивоваренных, винокуренных и мукомольных предприятий, здесь действовало 3 небольших табачных фабрики. Всего в Казахстане к концу XIX века существовало около 2 000 предприятий, на которых работало около 10 000 рабочих и производилось на 8 миллионов рублей продукции.

Таким образом, в конце XIX века развитие казахской промышленности ни в какое сравнение не шло с ростом крупной капиталистической промышленности России. Крупные предприятия Казахстана не выросли органически на базе местного мелкого производства: они были созданы на средства пришлого капитала метрополии и уживались с господством местной домашней промышленности и мелкого городского и деревенского ремесла. Причина этого явления лежала не только в общей хозяйственной отсталости Казахстана, но и в условиях царской колониальной политики. Являясь поставщиком сырья и рынком для сбыта изделий русских фабрикантов, Казахстан, с точки зрения российской буржуазии и поддерживавшего ее правительства, не должен был иметь собственной развитой индустрии.

Тем не менее, развитие капиталистической промышленности, даже в таких ограниченных пределах, не соответствовавших богатым производственным возможностям Казахстана, имело большое хозяйственное значение. Благодаря

росту горной и обрабатывающей промышленности Казахстан еще более втягивался в товарно-денежные отношения и многообразными экономическими связями соединялся с хозяйством Российской империи.

Начало железнодорожного строительства.

Такое же прогрессивное значение имело начавшееся строительство железных дорог на территории Казахстана. Русские фабриканты Прохоровы, Морозовы, Терентьевы, Путиловы еще в 60—80-х годах XIX века требовали от правительства постройки железнодорожных путей сообщения, которые экономически сомкнули бы Россию с ее восточными окраинами.

Буржуазия стремилась создать благоприятные условия для быстрой и дешевой переброски во внутренние губернии среднеазиатского хлопка, а во вновь завоеванные области — изделий русской промышленности. Поддерживая в экономических целях эти требования буржуазии, правительство преследовало и другие, военно-стратегические, цели: нужно было закрепить за империей новые территории, обеспечив быструю переброску на восток войсковых частей и вооружения.

В 1874 году в Оренбурге была создана комиссия по постройке железных дорог в Казахстане. Эта комиссия проектировала постройку Оренбургской железной дороги до Ташкента. Но в 1880 году было решено построить в первую очередь Закаспийскую железную дорогу — от Каспийского моря по направлению на Мерв, Чарджуй и Самарканд. Постройка этой дороги преследовала, прежде всего, военно-стратегическую цель — завершение завоевания Средней Азии. Эту дорогу строили солдаты саперного батальона. В 1888 году Закаспийская железная дорога была пущена в эксплоатацию. Постройка этой дороги обошлась в 79 миллионов 200 тысяч рублей.

В первые годы Закаспийская железная дорога не имела экономического значения и давала убыток. Только впоследствии она стала играть важную роль в эксплоатации богатств Средней Азии и Казахстана. Закаспийская железная дорога впервые открыла быстрый и дешевый путь для русских купцов и промышленников к богатейшему источнику сырья и рынку сбыта русских товаров.

Вслед за Закаспийской железной дорогой была построена Сибирская железная дорога. В. И. Ленин в 1901 году писал по поводу постройки этих двух дорог: «Закаспийская дорога стала «открывать» для капитала Среднюю Азию. «Великая Сибирская дорога» ... открывала Сибирь»...[1].

В 1884 году был занят город Мерв, а в 1885 году — крепость Кушка. Завоевание Средней Азии было завершено. Же-

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. IV, стр. 165.

лезная дорога от Мерва до Кушки была начата постройкой в 1897 году и закончена в 1898 году. В 1905 году была закончена среднеазиатская железнодорожная магистраль Оренбург — Ташкент.

Через казахскую степь и земли Средней Азии протянулись стальные нити рельсовых путей, протяжением более 2,5 тысячи километров. Эти железнодорожные магистрали имели огромное экономическое и военно-стратегическое значение для России и для Средней Азии. В Казахстан и в Среднюю Азию в массовых количествах устремились русские промышленные товары: ситец, железо, хлеб, водка, чай, сахар и т. п., а из Казахстана и Средней Азии в Россию направлялись хлопок, фрукты, скот, кожи, сало и другие продукты.

С открытием железнодорожного сообщения развитие торговли между Россией и Средней Азией пошло особенно быстро. К концу XIX века торговый оборот с Казахстаном исчислялся уже в сотнях миллионов рублей. Данные статистики только по четырем областям Казахстана — Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской — показывают, что торговый оборот по этим областям равнялся в 1900 году 100 млн. рублей. Постройка железных дорог дала могучий толчок развитию экономики Казахстана и ускорила процесс разложения застойных патриархальных форм быта.

Зарождение казахского пролетариата.

Развитие промышленности и постройка железных дорог ускорили процесс образования казахского пролетариата. Расслоение аула создало значительное количество бедняков, которые почти не имели собственного скота. Были и такие казахи, которые вовсе не вели собственного хозяйства, даже не имели юрты для жилья. Часть этой разоренной массы поглощалась крупными байскими хозяйствами, которые предъявляли усиливающийся спрос на пастухов, батраков и домашних слуг. В 1898 году в Актюбинском уезде было зарегистрировано 5 917 таких рабочих (из них 4 155 годовых); в Кустанайском уезде — 5 674 (из них 4 338 годовых); в Усть-Каменогорском — 1 009, в Зайсанском — 1 687 и т. д. Но растущей массе обедневших казахов нехватало работы в границах аула.

С каждым годом увеличивалось количество бедняков, которые вынуждены были искать заработка на стороне: они уходили в русские села, в казачьи станицы, на промышленные предприятия и жили продажей своей рабочей силы. Некоторые в поисках средств существования шли еще дальше — в Сибирь, даже на Волгу. Если в казахских байских хозяйствах наем рабочих затушевывался патриархально-родовыми пережитками, то в русских кулацких хозяйствах и особенно на крупных ка-

питалистических предприятиях это явление выступало вполне отчетливо. Большая часть казахов-рабочих не порывала своих связей с аулом, время от времени возвращалась к родному очагу с заработанными грошами. Но из года в год росло число казахов, у которых не оставалось в ауле ни хозяйства, ни юрты, — они становились пролетариями в полном смысле этого слова.

Положение казахов-рабочих на фабриках и заводах было тяжелое. По словам наблюдателей того времени, русские капиталисты «не стеснялись» с «инородцами», тем более, что законы о фабричной инспекции не распространялись на территорию Казахстана. Обыкновенно рабочие жили в тесных и вонючих землянках или юртах, получали от 3 до 10 рублей в месяц на хозяйских харчах, подвергались оскорблениям и побоям со стороны мастеров и хозяев.

Положение русских крестьян в Казахстане.

К концу XIX века процент русского населения в Казахстане значительно вырос. К этому времени на территории Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областей насчитывалось более 500 русских селений, в которых жило 318 300 оседлых земледельцев. Особенно заметно было это явление в Акмолинской области. Чем больше прибывало в край русских переселенцев, тем шире становилась посевная площадь. За 15 лет, с 1885 по 1900 год, производство хлеба в Акмолинской области выросло с 681 тысячи пудов до 1 854 тысяч пудов. Увеличение посевов было прежде всего результатом труда русских переселенцев, которые в 1880 году засевали 9 процентов всей посевной площади, а в 1897 году — уже 38 процентов.

Часть переселенцев сидела на правительственных наделах, но значительная часть (так называемые «самовольно переселившиеся») были арендаторами казачьих и казахских земель. В одной Акмолинской области насчитывалось 1165 арендующих семей. Было немало деревень со смешанным национальным составом. Великоруссы, украинцы, белоруссы, отчасти мордва и татары, гонимые из Европейской России малоземельем и нуждою, совместно оседали на отведенных участках, образуя плотные гнезда «новоселов».

Русские крестьяне в Казахстане попадали в условия сравнительного изобилия земель и еще большей экономической отсталости, чем на родине. Подобно оседлым казахам, они переходили к примитивной залежной системе земледелия: в течение ряда лет сеяли на плодородной почве пшеницу и ярицу (яровую рожь), потом еще несколько лет — ячмень и овес, а затем забрасывали истощенную землю под залежь, по-

ка она не восстанавливала свои утраченные силы. Землею владели в порядке общинного пользования. Техника земледелия была такой же несложной, как и в Европейской России. Землю поднимали сохой, запряженной 3—4 лошадьми (иногда их заменяли волами или верблюдами); пашню разрыхляли бороной. Однако к концу XIX века в русском земледелии, главным образом, в среде зажиточных «староселов» стали наблюдаться некоторые сдвиги: соха заменялась плугом, от залежи переходили к трехполью, появились сеялки, катки, молотилки. Стало развиваться маслоделие. Если посевы не погибали от засухи или от «кобылки» (вредителя наподобие саранчи), урожай обеспечивал прожиточный минимум земледельца, а у кулаков, прогрессивно увеличивавших свои посевы, давал излишки для рыночного сбыта.

Однако подавляющая масса русских переселенцев принадлежала не к «староселам», а к недавно прибывшим и плохо устроившимся хозяевам. Царское правительство, даже став на путь поощрения крестьянской колонизации, очень мало делало, чтобы оказать действительную помощь переселенцам. Крестьянам часто отводились участки, на которых не было хорошей питьевой воды, — на берегах стоячих озер и болот; ссуды на постройку жилищ давали только через год, в незначительном размере (25—50 рублей); также недостаточны были ссуды на хозяйственное обзаведение (50—100 рублей). Ссуды обычно застревали в карманах чиновников и не доходили до переселенцев, а если и доходили, то их начинали взыскивать раньше, чем переселенцы успевали приспособиться к незнакомым хозяйственным условиям. Чтобы щегольнуть своими «культурными» мероприятиями, местная администрация заставляла крестьян немедленно, в самое горячее время полевых работ, возить лес на постройку православных церквей и русских школ. Новоселы 80—90-х годов испытывали тяжелые лишения: многие жили в землянках, пили вредную болотную воду, болели цынгой, тифом и другими болезнями. На переселенцах лежал огромный непогашенный долг, который обрастал недоимками, и к 1903 году достиг в одной Акмолинской области 3 миллионов рублей.

На новом месте многие переселенцы оказывались не в лучшем положении, чем на родине. Росло число крестьян, обеднев-ших, разоренных и озлобленных царской политикой. И здесь, в русских селениях Казахстана, наблюдались те же процессы классового расслоения. В противоположность богатевшим кулакам, создавалась прослойка полупролетариев и чистых пролетариев, которые вынуждены были продавать свою рабочую силу как русскому кулаку, так и казахскому баю.

Экономические предпосылки связи русских и казахских трудящихся масс.

Несмотря на хозяйственные и бытовые отличия в жизни казахского и русского населения, между трудящимися массами обоих народов устанавливались экономические и культурные связи. Казахи перекочевывали к русским селениям, вступали в товарообмен с их жителями, наблюдали русские хозяйственные приемы и обычаи, заимствовали их технические и бытовые новинки. В свою очередь, русские крестьяне выезжали в аулы за покупкою скота и скотопродуктов, вступали в непосредственное общение с казахами, знакомились через них с малоизвестными для них условиями новой жизни. И в русских селениях, и в казахских аулах наблюдались одни и те же общественные процессы: население их расслаивалось на антагонистические классы. Русские кулаки с их эксплоататорской деятельностью мало отличались от казахских баев; казахская беднота переживала те же невзгоды и лишения, какие преследовали русских разоренных крестьян.

У трудящихся масс казахского и русского народов была внутренняя общность интересов и стремлений. Особенно крепким становилось это единство между пролетаризированными слоями казахского и русского населения, когда они превращались в объект капиталистической эксплоатации на местных фабриках и заводах. Само хозяйственное развитие неотвратимо толкало казахских и русских тружеников к более тесному и прочному сближению. Несмотря на национальные различия, они оказывались в одинаковых условиях жизни, у них были общие враги — в лице хозяев рудников и заводов, кулаков и баев, старост и управителей, чиновников и губернаторов. По мере обострения классовых противоречий казахские и русские труженики — и пролетарии, и земледельцы, и кочевники — должны были осознать свои общие интересы и повести совместную борьбу против общих эксплоататоров.

С исторической точки зрения присоединение Казахстана к России и последовавшее, в связи с этим, сближение казахского народа с великим русским народом было несомненно фактом прогрессивным и положительным.

В экономическом отношении прогрессивные последствия присоединения Казахстана к России заключались прежде всего в том, что это присоединение нанесло сильнейший удар патриархально-родовому быту, дававшему, по выражению Энгельса, «самую широкую основу для эксплуатации и деспотизма». Как раз такую широкую основу для эксплоатации и деспотизма и представлял собой общинно-родовой быт казахов. Поэтому разложение родовой собственности на землю

и патриархально-родового быта в Казахстане было несомненно явлением прогрессивным.

Столь же прогрессивным были переход части казахов к оседлости, земледелию, развитию торговли и ремесла, рост товарности скотоводческого хозяйства и внедрение товарно-денежных отношений, как более высоких экономических форм по сравнению с существовавшими. Прогрессивным, наконец, был и самый факт включения Казахстана в общероссийский рынок, открывший перед ним перспективы дальнейшего развития.

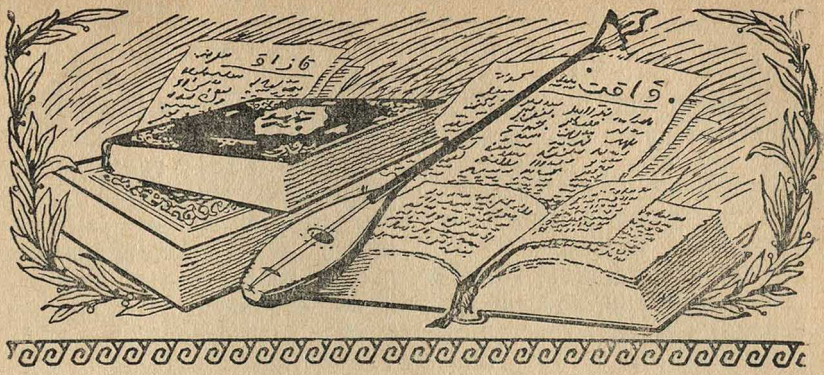
В социальном отношении прогрессивные последствия присоединения Казахстана к России, в первую очередь, состояли в том, что значительно ускорился процесс расслоения казахского общества и обострилась классовая борьба. На историческую арену вышли новые классы и социальные группировки; уровень общественного развития значительно возрос.

Наконец, в культурном отношении основным прогрессивным последствием было приобщение казахского народа к великой русской культуре, а через нее — к мировой культуре. К этому времени значительно продвинулось изучение Казахстана, до того почти совершенно неизвестного научному миру. Появляются труды ряда русских ученых-исследователей Казахстана. Так, в 1832 году выходит трехтомная работа А. Левшина — первая сводная научная работа, посвященная Казахстану, истории, географии и этнографии казахов, не утерявшая своего значения и поныне. Выходят труды по геологии, ботанике, зоологии и географии Казахстана: Гельмерсена, Карелина, Эверсмана, Лемана, Семенова-Тяньшанского, исторические работы Вельяминова-Зернова и других. Интерес к Казахстану проявляет такой гений русского народа, как А. С. Пушкин; казахстанская тематика появляется в русской художественной литературе (рассказы В. И. Даля, Н. С. Лескова и других). Создаются первые очаги просвещения, из которых впоследствии вышли такие выдающиеся представители казахского народа, как Чокан Валиханов и Ибрай Алтынсарин. И, наконец, что особенно важно, в эту эпоху растет сближение осевших на землю казахов с русским населением, закладываются основы дружбы между ними, впоследствии вылившейся в совместную борьбу против царского феодально-крепостнического строя в России.

Таким образом, несмотря на варварские, грабительские методы колонизаторской политики царизма, присоединение Казахстана к России, спаявшее воедино судьбы казахского народа с судьбами великого русского народа и обеспечившее,

помимо воли царизма и казахских феодалов, дружбу двух народов имело несомненно прогрессивное значение.

В то время, как царизм сближался с реакционной феодальной верхушкой казахского общества, совместными усилиями пытаясь затормозить развитие казахского народа, русский народ сближался с казахским, совместными усилиями подготовляя свержение ненавистного самодержавия и империалистической буржуазии.



ГЛАВА XVII.

КУЛЬТУРА КАЗАХСКОГО НАРОДА В XIX ВЕКЕ.

§ 42. ПЕСНИ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ.

Национально-освободительная и антифеодальная борьба казахского народа в XIX веке отобразилась в устном народном творчестве и в индивидуальной письменной литературе. Подлинные факты и исторически правдоподобные характеристики свидетельствуют о том, что творцами этих песен и поэм были зачастую непосредственные участники восстаний, как, например, Махамбет Утемисов — певец Исатая Тайманова и его сподвижник.

В устном народном творчестве широко известны поэмы, былины, песни «Бекет-батыр», «Жанхожа», «Досан-батыр», созданные неизвестными акынами и посвященные восстанию 1869 года.

Из акынов, откликнувшихся на восстания XIX столетия, кроме наиболее популярного Махамбета Утемисова, связанного с Младшим жузом, широко известны акыны Среднего жуза Кудери, Нысанбай, Досхожа.

Творчество акынов Нысанбая и Досхожи посвящено национально-освободительному движению казахов 1837—1846 годов, руководимому Кенесары Касымовым.

Характерная и широко известная песня Досхожи содержит прощание с кокчетавскими степями, которые Кенесары вынужден был оставить, когда царские войска стали углубляться в степи. Поэт с грустью упоминает «вершины хладных гор», «зеленый ковер травы», «пеструю листву». Грустный ха-

рактер песни усугублен осознанием трагического положения восставших.

Такие же мотивы характерны и для творчества акына Кудери.

В песне Нысанбая (1812—1871) о Кенесары и Наурызбае показаны различные этапы борьбы повстанцев и поражение Кенесары при столкновении с киргизами в 1847 году. Заканчивается эта песня плачем на смерть Кенесары.

И Досхожа, и Кудери, и Нысанбай были певцами антиколониальной борьбы казахов Среднего жуза, возглавлявшейся ханами и султанами. Понятно, что их творчество характерно противоречиями, присущими этой борьбе. Воспевая страдания народных масс, Кудери и Нысанбай видели освободителей от колониального гнета лишь в лице представителей феодальных верхов. Отсюда в творчестве названных акынов — романтизация кочевого быта, религиозно-мистические мотивы, венчающий все чаяния образ «хозяина-хана» — объединителя казахского народа и руководителя его феодально-патриархальной жизни. Мотивы классовой борьбы были им чужды.

Иное содержание имеет творчество Махамбета Утемисова — певца восстания Исатая Тайманова. Восстание Исатая было направлено и против российского царизма и против казахской феодальной верхушки, эксплоатировавшей трудящиеся массы. Отсюда в песнях Махамбета, полных и героических мотивов борьбы, и сатирического изображения феодалов, сильны мотивы классовой борьбы и ощутимо выявляются демократические позиции Махамбета-певца.

Махамбет Утемисов и его песни об Исатае Тайманове.

Махамбет Утемисов (1804—1846) — выдающийся народный поэт XIX века. Особенно полно, ярко и правдиво отражено в его песнях развитие, ход и поражение крестьянского восстания казахов Букеевской Орды под руководством Исатая Тайманова. Махамбет сам был душой восстания.

Когда вспыхнуло восстание Исатая Тайманова, Махамбет стал боевым соратником, другом Исатая и пламенным агитатором. Он разоблачал насилия хана и султанов, воспевал мужество борцов против гнета эксплоататоров.

До нас дошли художественные, политически заостренные повстанческие песни Махамбета. В них Махамбет славил знамя борьбы против биев и султанов. Поэт понимал, что борьба требует жертв и самоотверженности, что она несет лишения и трудности:

Не изведав голод, жажду и зной,
Не сдружившись в пути с ненастьем, нуждой,
Когда редок и мяса кусок простой;

Не покинув ложа супруги своей,
Не познав долготы бессонных ночей,
А к утру не став бледней мертвеца;
Не кладя тебеньки другой стороной,
Кол железный подушкой не подложив,
Словно череп, голову не иссушив, —
Не достигнет успеха в деле герой!

Махамбет своими песнями воодушевлял народ, призывал его к бесстрашию:

Доблестный сын батыра-отца
Будет в борьбе упорен и рьян,
Все перетерпит он до конца, —
Пусть даже будет у храбреца
Пыткой рассверлена вся спина:
Милость врага ему не нужна!

Махамбет всегда подчеркивал свою связь с народом, непреклонную решимость бороться до конца с ханами и биями.

Знает всю мою жизнь народ.
Не добычу шел я искать
Вдалеке от страны родной:
Не по воле скитальцем стал.
Хан Джангир! Будь проклят твой род!

Поэт вдохновлял народные массы на беспощадную борьбу с его злейшими врагами — ханами, султанами и биями. Жгучей ненавистью пропитана его песня — «Обращение к султану Баймагамбету Айчувакову», где находим следующие слова, полные презрения и гнева:

Ты — коварный волк, а не хан!
Пусть задушит тебя шайтан,
Пусть тебя осмеют друзья
И враги по черепу бьют!
Ядовитая ты змея,
Ты заразой черной рожден!
Ты на троне жесток и лют,
Вилохвостый ты скорпион!

Песни и поэмы Махамбета имели большое влияние не только на творчество его современников, но и на творчество позднейших акынов. Смелый и страстный поэт весь свой темперамент и дарование направлял против угнетателей народа. Правдивыми стихами он бичевал вековых врагов народа, разоблачал лицемерие и произвол ханского строя.

Замечательны по своей поэтической силе и глубине чувства песни Махамбета, дающие героический образ Исатая:

Орел мой, летящий над цепью гор!
Дотянутся ль руки к тебе мои?
Домчится ли жалоб моих призыв?
С тех пор, о мой лев, как угас твой взор,
Желаний моих беспощаден порыв.
Мой сокол крылатый, как ты был тверд,

В борьбе беспощадной — бесстрашен, горд!
Кулан мой, твой голос вольный гремел.
Бесстрашен ты был, упорен и смел.
Как красный китайский шелк ты сверкал,
Толпу, как в Хиве базар, привлекал!
Глубок, словно море, ты был умом,
Спокоен и тверд на пути своем.

Махамбет горячо любил и ценил Исатая, считая его вождем восставшего народа, а себя — лишь его скромным помощником:

Исатай был нашим вождем,
Я ж подручным лишь был при нем...

Поэт не мог примириться с гибелью народного героя и считал, что без Исатая казахский народ не в состоянии будет вновь подняться на борьбу со своими угнетателями:

С тех пор, как погиб Исатай, народ
Запутанный в сети врага живет.

Царские власти и хан Джангир жестоко преследовали пламенного борца против феодального гнета. В 1846 году поэт предательски был убит по приказу султана-правителя Баймагамбета Айчувакова.

Горячо любивший родину и свой народ, жизнь свою отдавший за дело народа, Махамбет вошел в историю казахской литературы, как один из ее самых талантливых поэтов.

«Бекет-батыр».

Национально-освободительная борьба казахского народа 50-х годов XIX века нашла яркое отражение в поэме неизвестного акына под названием «Бекет-батыр». Поэма рассказывает о том, как батыр Бекет собрал отряд повстанцев, напал на ставку султана-правителя и убил его. Царские власти заманили батыра в ловушку и арестовали его. Закованный в кандалы Бекет, вместе с верным другом Ерназаром, просидел в оренбургской тюрьме 12 месяцев и был выслан в Сибирь на каторгу. По дороге на каторгу Бекета догнала его престарелая мать, выехавшая для прощания с сыном. Бекет не жалуется на тяжелую участь. С гордостью он рассказывает матери о своей борьбе за народ:

Ненавидел я ханский род.
Я водил за собой народ,
И повсюду и стар и мал
Стяг вождя мне смело вверял.
То, что хан не хотел отдать,
Мог я силой у хана взять.
Мое имя у всех на устах
Было там в широких степях.

§ 43. ОТНОШЕНИЕ К КАЗАХСКОМУ НАРОДУ ПЕРЕДОВЫХ РУССКИХ ЛЮДЕЙ.

Колониальный гнет царизма в Казахстане, как и в других царских колониях, вызывал протест и борьбу не только со стороны самих угнетенных народов этих колоний, но и со стороны русского народа, также тяжело страдавшего от феодально-крепостнической эксплоатации и притеснений царской власти. Лучшие представители русского народа выражали братскую солидарность с угнетенным казахским народом. Русские и казахские трудящиеся массы выступали под общим знаменем борьбы против самодержавно-крепостнического строя еще во времена Пугачева. Отдельные русские люди, бежавшие в степь от преследований царизма, участвовали и в других восстаниях против царизма.

Царское правительство ссылало в казахскую степь многих русских революционеров. В Казахстан и в соседние с ним районы Сибири были высланы некоторые декабристы, петрашевцы, революционные демократы — последователи Чернышевского. На каторге, в ссылке, в царской солдатчине эти люди хранили в своих сердцах пламенную ненависть к царизму и крепостничеству, сочувствие и любовь к окружавшему их угнетенному народу. Под влиянием таких людей формировались и лучшие представители казахского народа, боровшиеся за его свободу и независимость. Крупнейшие писатели и просветители казахского народа Чокан Валиханов, Абай Кунанбаев и Ибрай Алтынсарин идейно сложились и выросли под влиянием русской передовой культуры. Плодотворное влияние на развитие казахской культуры, на создание в ней демократических традиций, на развитие ее глубоких связей с народом и его освободительной борьбой оказали также Пушкин, Лермонтов, Шевченко и другие.

Великий русский поэт Пушкин был горячим поклонником народного творчества не только русского, но и других народов России. Его привлекало и творчество казахского народа. Осенью 1833 года, собирая материалы для «Истории Пугачевского бунта», он совершил поездку в Оренбург и Уральск, посетил станицу Берды и ряд казахских аулов. Во время поездки по оренбургским и тургайским степям Пушкин непосредственно познакомился с жизнью казахских трудящихся, с преданиями, песнями и легендами казахского народа. Он расспрашивал В. И. Даля о быте кочевников, о налогах, которые с них собирают, и т. п. Известный создатель толкового словаря русского языка В. И. Даль работал в те годы в Оренбурге и изучал этот край. Собранные Далем в 30-х годах экспонаты для созданного им Оренбургского музея хра-

нятся по сию пору в Центральном историко-краеведческом музее Казахской ССР.

В одном из аулов, по поручению Пушкина, была записана народная поэма «Козы Корпеш и Баян Слу». Эта запись несколько лет тому назад была обнаружена в бумагах поэта. Пушкин черпал образы для чудесных поэм и стихов из сокровищницы творений всех народов. К этой сокровищнице принадлежит и замечательная казахская народная поэма о Козы Корпеш и его возлюбленной Баян Слу.

Близкие и дружественные связи установил с казахским народом и великий украинский поэт Тарас Шевченко. Он был выслан в Казахстан в 1847 году и пробыл здесь десять лет. Революционный поэт-демократ, боровшийся за свободу и независимость украинского народа, глубоко понимал угнетенное положение казахского народа и сочувствовал его освободительной борьбе.

В оренбургской ссылке Шевченко сблизился с польским революционером Сераковским, ставшим в 1863 году одним из вождей восстания польского народа, с поэтом Плещеевым, писателем Писемским, ученым Бэром и другими. Поэт познакомился в Оренбурге с украинцем Лазаревским, который был «попечителем прилинейных киргизов» и хорошо знал быт кочевников. Эти люди знакомили Шевченко с Казахстаном и его населением. Многое узнал Шевченко о положении и быте казахского народа от поручика Герна, который в 1845 году ездил в аул Кенесары.

Слушая рассказы о жизни казахов и сталкиваясь с нею непосредственно, Шевченко проникался еще большей ненавистью к царю и его сатрапам. Одного из них — генерала Перовского Шевченко хотел изобразить в задуманной им поэме: «Сатрап и дервиш». В лице дервиша он хотел показать народного казахского поэта-певца.

Отзвуки недавнего восстания казахского народа чувствовались и в мотивах шевченковского стихотворения: «Валялся топор за дверями у бога». Топор — символ восстания не случайно показан в местах между Уральской и Сибирской линиями, где действовал Кенесары:

И стала тьма, и от Урала
До Тангиза, до Арала
Кипела в берегах вода...

Стихотворение кончается строфами, полными грусти и сожаления по поводу подавления восстания:

Верблюд заплачет, а кайсак
Нахмурится и грустно взглянет
На степь и на Кара-булак.
Сингич-агач кайсак помянет,

Тихонько спустится с горы
И сгинет в глиняной пустыне.

В другом стихотворении «Ой вы, думы мои, думы», написанном в 1848 году в Орской крепости, поэт-узник призывает «думы» стаей сизокрылых голубей полетать над вольными степями:

Погуляйте у киргизов
На степном раздолье,
Хоть они бедуют лихо,
Да зато на воле.

Заброшенный в Ново-Петровское укрепление на Мангышлаке, Шевченко написал повести, в которых также упоминал о Казахстане, описывая быт и обряды казахского народа, мечтая о том, чтобы в глухой степи возникли культурные города. Поэт и одновременно художник, Шевченко создавал картины, тепло рисующие образы и быт казахов-кочевников. В таких картинах, как «Казахская семья», «Казах на лошади», «Баксы», «Байгуши», «Мальчик топит печь» и других, Шевченко реалистически, с большим сочувствием к угнетенному народу изобразил колониальный Казахстан.

К середине XIX века в Казахстане сильнее начало сказываться культурное влияние русского народа. С ростом революционного движения в России увеличивалось количество ссыльно-поселенцев в Сибири и Казахстане. В западной части казахстанской степи культурным центром стал Оренбург, где большим влиянием пользовались Шевченко и его единомышленники. Для севера Казахстана таким центром стал Омск. Немало русских ссыльных было и в Семипалатинске. Большое идейное влияние оказывали на передовых людей Казахстана ссыльные петрашевцы, среди них сам М. В. Буташевич-Петрашевский и С. Ф. Дуров. В Омске и Семипалатинске отбывал наказание Ф. М. Достоевский.

С. Ф. Дуров, один из активных петрашевцев, организатор кружка, отбывал ссылку в Омске. С ним встречались Чокан Валиханов и Г. Н. Потанин. Находясь в самых тяжелых условиях каторжной жизни сибирского острога в Омске, С. Ф. Дуров потерял здоровье, но окреп духом, значительно вырос идейно в сравнении с теми годами, когда он, молодой петрашевец, был заброшен царскими правителями на каторгу.

Об идейном воздействии С. Ф. Дурова на Ч. Ч. Валиханова Г. Н. Потанин говорил: «Политические убеждения Валиханова сложились под влиянием петрашевца Дурова».

С. Ф. Дуров, в отличие от Ф. М. Достоевского, в результате знакомства с жизнью острога Сибири, с деятельностью колониальной администрации вынес решительные убеждения в необходимости упорной, революционной борьбы, не ог-

раничивающейся одной критикой или пропагандой новых идей. Он радовался появлению «жаждущих знаний в такой среде, таких захолустьях, откуда прежде этого нельзя было бы и ожидать».

Исторические обстоятельства, в которых во второй половине XIX века протекала колонизация казахских степей, вызывали в казахской литературе острую и напряженную борьбу. Борьба нового и старого расслаивала и среду создателей литературных произведений, и тех, для кого литература предназначалась. Передовые представители казахской литературы и просвещения Чокан Валиханов, Абай Кунанбаев, Ибрай Алтынсарин видели исторический процесс, движение вперед казахского народа в общении с русской культурой, в проникновении в жизнь казахов капиталистических элементов. Они умели различать то, что нес казахскому народу русский народ, от того, с чем появлялись в степи колонизаторы, царские чиновники, объединявшиеся с казахскими феодалами. Наряду с этим, консервативные поэты Шортамбай Канаев (1808—1871) и Мурат-акын (1841—1906) в своих поэмах и стихах воспевали патриархально-феодальный строй и мусульманскую религию.

Даже в тех случаях, когда Шортамбай говорит об обогащении жестоких бессердечных баев на фоне разорения и обнищания казахских масс, в его стихах звучит скорбь о падении нравственности и неуважении к религии. В его стихах звучат и мистические нотки.

В стихах Мурата, современника Абая, особенно подчеркнуто звучат призывы против сближения с русскими. В эпических тонах он рисует господство Золотой Орды, изображая его как «счастливые времена», и призывает откочевать в пределы юго-восточных мусульманских стран. Естественно, что позднее творчество Мурата сближается с идеями пантюркистов и панисламистов — с идеями реакционного мракобесия на Востоке, выражающими идеологию лишь эксплоататорских классов.

Таковы две линии, которые сосуществуют и борются в казахской литературе XIX века, отражая социальные противоречия этого периода.

§ 44. ПЕРВЫЙ КАЗАХСКИЙ УЧЕНЫЙ-ПРОСВЕТИТЕЛЬ ЧОКАН ВАЛИХАНОВ.

Идейное развитие Валиханова.

Ученый, исследователь и путешественник Чокан Валиханов может по праву считаться просветителем казахского народа.

Чокан Валиханов был сыном султана Чингиза Валиева, правнуком хана Аблая. Родился он в 1835 го-

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ

ду[1] в местности Срымбет, Кокчетавского округа, у подножья высокой горы, снизу доверху заросшей густым непроходимым сосновым бором. Отец и знатные родичи Чокана получили русское воспитание, имели офицерские чины и пользовались доверием и уважением со стороны царской администрации. Они захотели поэтому и сыну дать военное образование и подготовить его к карьере русского офицера. Когда мальчика привезли в Омск (1847 г.), чтобы определить его в кадетский корпус, он не знал еще ни одного слова по-русски. Однако даровитый, любознательный и энергичный Чокан скоро преодолел трудности учебы и выдвинулся в первые ряды учеников. Он много читал, серьезно учился. Большое влияние на Чокана в корпусе оказали его учителя — энциклопедист-естественник Гутковский, историк Гонсевский, который пытался объяснить учащимся социальные причины исторических событий и сочувственно отзывался о деятелях французской буржуазной революции, и поклонник В. Г. Белинского — учитель словесности Н. Ф. Котылецкий.

В Омске, в доме Капустиных, Чокан познакомился с ссыльным петрашевцем С. Ф. Дуровым.

На каникулы Чокан обычно уезжал к родным в степь — в Срымбет или Кушмурун. Там он с увлечением слушал акынов-импровизаторов, записывал народные песни, пословицы. Его живо интересовали сложные проблемы происхождения народов Азии, особенно казахского и киргизского. Чокан рано заинтересовался восточной филологией и изучал арабский язык, а из европейских — английский. В юности он мечтал стать ученым, чтобы отдать свои знания и силы родному казахскому народу. Знакомясь с деятельностью известных путешественников, юный Чокан стал мечтать об опасных и трудных экспедициях. Его манил «загадочный Китай, который начинался где-то за снежными хребтами Ала-Тау». Еще до окончания корпуса Чокан, по сравнению со сверстниками, выделялся острым критическим умом, способным к смелым, широким обобщениям.

В 1853 году Валиханов окончил корпус. Произведенный в корнеты, он поступил на службу в Сибирское линейное казачье войско. На его исключительные способности обратил внимание генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорд, который уже в следующем году сделал его своим адъютантом. Он ценил в Чокане отличное знание им Востока и неоднократно посылал его в пограничные с Китаем места (южный Алтай, Заилийский край, район озера Иссык-Куль).

[1] По другим данным — в 1834 году (П. П. Семенов) или, наоборот, позже — в 1837 году (Г. Н. Потанин).

Эти поездки (повидимому, имевшие политические цели) Валиханов широко использовал для удовлетворения своей исключительной научной любознательности.

Весной 1856 года Чокан Валиханов принял участие в иссык-кульской экспедиции полковника Хоментовского в районе, обитаемом киргизским племенем Богу, которое приняло русское подданство. Здесь он изучал нравы, обычаи и песенное творчество этого родственного казахам народа, собрал богатую коллекцию предметов домашнего обихода и записал отрывки героической поэмы «Манас» со слов народного певца. Большой интерес представляет его «Записка о дикокаменных киргизах». В том же году осенью Валиханов провел три месяца в китайском городе Кульдже. Впечатления от этой поездки отражены в его неопубликованном «Дневнике» — ярком, насыщенном красками и образами, художественном очерке. В нем вполне отразились демократические симпатии Валиханова, который возмущался «поборами и злоупотреблениями, превосходящими границы».

Многое дало Чокану Валиханову его знакомство с П. П. Семеновым-Тяньшанским.

Известный географ академик П. П. Семенов-Тяньшанский очень заинтересовался даровитым Валихановым и горячо убеждал его ехать в Петербург учиться. Воодушевленный советами Семенова, Валиханов начал уже собираться к переезду в столицу, но вдруг получил приказание высшего военного начальства готовиться к продолжительному и опасному путешествию в Восточный Туркестан.

Он провел в Кашгаре и других местах «Края шести городов» более пяти месяцев, в течение которых основательно изучил быт и нравы кашгарцев, социально-экономическое положение и настроения населения, историю, географию и этнографию края. Свои сведения Валиханов собирал у сведущих людей и старожилов, у ученых-ахунов и непосредственных участников национально-освободительной борьбы кашгарцев против Китая. С огромным трудом он приобретал интересовавшие его документы и книги. «Он дорогой ценой скупал древности, находимые туземцами в старых развалинах и могилах, — рассказывает П. П. Семенов-Таньшанский, — с опасностью для жизни проникал в буддистские монастыри и доставал там редкие рукописи».

Кашгарская экспедиция создала Валиханову научное имя. Его «Отчет о состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии) в 1858—59 гг.» и «Очерки Джунгарии» давали ясное и полное представление о прошлой и современной жизни этого края,

о котором ни один европеец не писал со времени Марко Поло.

Чокан Валиханов показал себя талантливым исследователем. Его работы по истории Восточного Туркестана являются классическими исследованиями этого края и до сих пор не потеряли своей научной ценности.

С горячим сочувствием Валиханов рассказывал о порабощенном народе, который «ненавидит бесконечно» и китайских правителей, и собственную знать — беков. Резкая характеристика положения трудящихся в Алтышаре звучала чрезвычайно смело, — царское правительство могло бы увидеть в ней опасный намек на собственную политику, но предпочитало пока закрыть глаза на возможные аналогии. «Податной класс народа, — писал Валиханов, — находится в Восточном Туркестане в самом жалком состоянии. Народ трудится, чтобы насытить корыстолюбие китайцев и беков, терпит нужду и трудится вечно».

Вскоре после окончания экспедиции Валиханов был вызван в Петербург.

Два года жизни в Петербурге (1859—1860) были самыми счастливыми годами в его жизни. Он жадно впитывал в себя знания; участвовал в работах Географического общества; вращался в кругу представителей русской интеллигенции; посещал редакцию демократического журнала «Современник», которым руководили Некрасов и Чернышевский, увлекался лекциями Костомарова. Все это — в канун реформы 1861 года — развивало в молодом казахском ученом его демократические настроения и взгляды.

Однако климат и условия жизни в северной русской столице пагубно отразились на здоровье Валиханова. Туберкулез подтачивал его слабый организм, и Валиханов весной 1861 года вынужден был вернуться на родину, в отцовский аул Срымбет.

Противоречивость положения Валиханова и его гибель.

На родине, в степи, Чокан Валиханов особенно остро ощутил двойственность своего положения.

К великому негодованию его родных — казахских аристократов — Чокан требовал, чтобы они по-человечески обращались с тюленгутами — своими бывшими крепостными. Он даже грозил своим родственникам судом за их жестокое обращение с тюленгутами.

Переехав в степь на постоянное жительство, Валиханов мечтал о том, чтобы принести родному народу пользу своими знаниями. С этой целью он выставил свою кандидатуру на административный пост старшего султана Атбасарского округа, мечтая «сделаться султаном, чтобы посвятить себя поль-

зе соотечественников, защищать их от чиновников и от деспотизма богатых киргиз». Он хотел «примером своим показать землякам, как может быть для них полезен образованный султан-правитель». Демократизм Валиханова вызвал враждебность и недоверие к нему среди фанатичных и отсталых слоев казахского общества. Его обвиняли в безбожии, в свободомыслии, в том, что он «держится понятия о равенстве». Радикальная программа «султана-демократа» вызвала сильнейшее недовольство и у царских чиновников. Все же Валиханов был избран султаном, но, испугавшись последствий, генерал-губернатор отказался его утвердить. Валиханов пытался еще бороться, писал обличительные письма в центральные газеты, обращался к влиятельным друзьям, но безуспешно. Неудача привела его в полное уныние. «Я хотя много писал обличительных статей, — но на этот раз думал — постыдятся подлецы, ведь я не просто кто-нибудь... Оно и правда, законы у нас на Руси еще пишутся не для генералов; известно мне также, что генералы больше любят натуральных киргиз, потому что в них, знаете, больше этой восточной подобострастности», — писал Валиханов.

В последующих письмах к близким Валиханов все резче и резче осуждает царский режим, при котором все продажно, до самых высших чинов — все и повсюду «берут страшно и явно».

Ч. Валиханов отлично разбирался в том, что чиновники царизма вовсе не отражали интересов русского народа и осуществляли политику эксплоататорских классов, он высоко ценил великий русский народ, мечтая приобщить свой родной казахский народ к русской цивилизации. «Это был новый коран его жизни»,—отметил друг Валиханова, сибирский писатель Ядринцев.

В 1864 году Валиханов, по приглашению генерала Черняева, участвовал в его экспедиции против кокандцев. При завоевании важных центров степи — Аулиэ-Ата и других — Валиханов наблюдал жестокие расправы победителей над местным населением. «Зверства русских войск над единоверцами Чокана, — писал Потанин, — и над его соплеменниками-киргизами огорчили его». Валиханов не мог оставаться в среде царских колонизаторов. Он покинул штаб Черняева и уехал сначала в Верный, а затем в аул султана Тезека (Алтын-Эмель). Поселившись в ауле, он в 1865 году умер от туберкулеза 30 лет от роду.

Историческое значение деятельности Ч. Валиханова.

В истории развития казахской общественной мысли Валиханов является выдающейся личностью. Первый казахский просветитель, ориенталист, талантливый ученый-исследователь, бесстрашный путешественник, он за время своей короткой жизни поднялся на уровень передовых ученых своего времени и занял достойное место среди представителей русской науки.

Высокая оценка дана Валиханову в отчете Русского Географического общества за 1865 год: «Валиханов должен по справедливости быть назван весьма замечательной личностью... Валиханов сохранил глубокую преданность своей стране, он любил киргизскую жизнь, но вместе с тем умел высоко ценить западную цивилизацию и предвидел для своего народа отрадную будущность только под покровительством России».

Значительное место в работе Ч. Валиханова занимают очерки по истории, этнографии и фольклору казахов.

Валиханов прокладывал пути просвещения казахского народа на основе передовых демократических идей русской науки и просвещения.

На важнейший исторический вопрос, — куда итти казахскому народу, назад — к сохранению «азиатчины», социально-политической и культурной отсталости, к ханской власти, господству феодалов, или вперед — к сближению с Россией, преодолению отсталости и мусульманской религии, — Валиханов дал решительный и твердый ответ: вперед, в тесном единении с Россией, во имя сохранения и развития жизненных сил и духовных богатств казахского народа.

Чокан Валиханов, борясь с произволом местных колониальных чиновников, требовал создания условий, обеспечивающих «саморазвитие, самозащищение, самоуправление». Тем самым он выступил выразителем национального самосознания казахского народа.

Валиханов был материалистом. Он изобличал ислам с позиций материализма, признавая первичность материи и познаваемость мира.

В социальных взглядах Валиханов был демократом и стоял на стороне эксплоатируемого большинства, выступая против произвола эксплоататоров народа.

Чокан Валиханов стоял за прогрессивное развитие казахского народа, призывая во что бы то ни стало обойти «татарский период» просвещения, понимая под этим систему религиозно-мусульманского татарского просвещения.

В то же время Валиханов не был последовательным материалистом. Подобно многим современникам-просветителям,

он был уверен, что просвещение и реформы вполне достаточны для коренных изменений социальных основ жизни казахского народа. Он доказывал, что путем внедрения разумных начал справедливости возможно побороть предрассудки, сложившиеся и упрочившиеся в условиях патриархально-феодального строя.

Эта позиция Валиханова была результатом отсталости Казахстана, результатом реакции, наступившей после крестьянской реформы в России. И все же Чокан впервые в истории казахской общественной мысли выступил материалистом, стоя на уровне русского материализма 60-х годов. В общественной и культурной жизни казахского народа он положил начало идеям прогрессивного развития и европейской культуры, являясь первым казахским просветителем.

Своими дарованиями, талантом, научной и общественной деятельностью Чокан Валиханов являлся живым доказательством несостоятельности существовавшей тогда теории «диких рас».

Чокан Валиханов, как представитель казахского народа, положил начало традиции дружбы с русским народом в лице его лучших представителей и трудящихся масс.

Духовное наследство Чокана Валиханова нашло свое развитие в деятельности казахских просветителей Абая Кунанбаева, Ибрая Алтынсарина и других. Это наследие обогащает социалистическую культуру казахского народа.

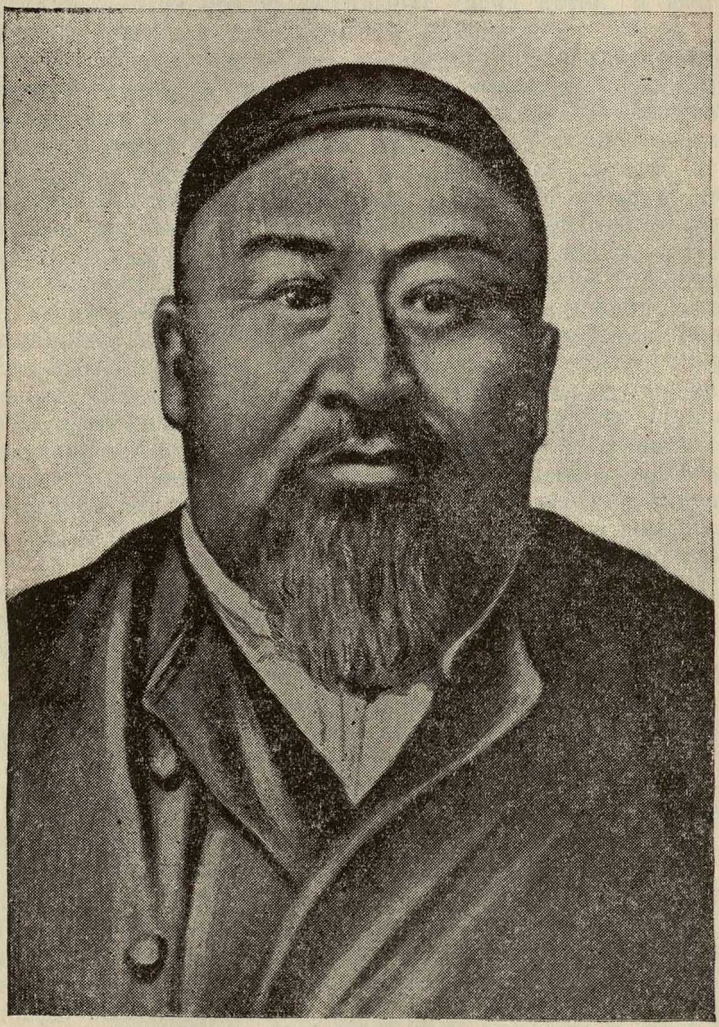
§ 45. ВЕЛИКИЙ ПОЭТ-ПРОСВЕТИТЕЛЬ АБАЙ КУНАНБАЕВ.

Жизнь и среда Абая.

Во второй половине XIX века, наряду с устным творчеством, происходило развитие и письменной казахской литературы нового типа. Самым значительным явлением этой новой литературы было творчество великого казахского поэта-классика Абая. Он был выдающимся поэтом, отразившим подлинные общественные интересы своего народа и сыгравшим огромную роль в просвещении казахского народа и его приобщении к наследию русской классической литературы. В истории казахской литературы он по справедливости считается основоположником реализма с критическим направлением.

Абай Кунанбаев родился в 1845 году в Чингисских горах Семипалатинской области, в кочевьях племени Тобыкты. Отец Абая, самовластный степной правитель Кунанбай, был старшиной Тобыктинского рода.

Ранние детские годы Абая прошли в тяжелой обстановке семейного разлада внутри полигамной семьи. Но по счастью



АБАЙ КУНАНБАЕВ

для Абая, его родная мать Улжан была женщиной замечательных качеств. Ее природная гуманность, сдержанная рассудительность и исключительная любовь к сыну создавали для Абая редкий в таких семьях уют родного гнезда. Улжан всегда выделяла его из остальных своих детей, и имя его Ибрагим заменила ласкательным «Абай».

Дав мальчику начальное домашнее образование в ауле у наемного муллы, Кунанбай послал восьмилетнего сына в Семипалатинск в мусульманскую духовную школу — медресе.

Преодолевая премудрости арабского богословско-схоластического учения о догмах ислама, Абай вместе с тем стремился расширить круг своих интересов. Уже к этому времени им овладела рано пробудившаяся любовь к поэзии. Она зародилась в нем еще тогда, когда он слушал в родном ауле многочисленные рассказы и воспоминания бабушки Зере, хранительницы живой старины, когда заучивал наизусть слышанные в ауле сказки, легенды, богатырские былины, исторические песни — все многообразное богатство творений акынов. В годы учебы в медресе Абай увлекался также чтением арабских, иранских и тюркских поэтов. Из удушливой атмосферы богомольных буквоедов и темных фанатиков он чутким, пытливым умом рвался к произведениям знаменитых классиков Востока, к народной и классической литературе. Вместе с тягой к изучению восточных языков, в нем пробуждается интерес к русскому языку и русской культуре. Нарушая суровый устав медресе, Абай самовольно поступил в русскую школу, одновременно продолжая обучение и в медресе.

За эти школьные годы Абай не только изучал доступные ему произведения поэтов, но и сам начал писать стихи. Ранние стихи Абая — лирические отрывки, послания и любовные стихи — написаны чаще всего под влиянием восточной классической поэзии. Но одновременно это были и стихи-экспромты, созданные в стиле народной поэзии, в духе творчества акынов, импровизаторов того времени.

Вдумчивый юноша, способный ученик и начинающий поэт, Абай мог бы извлечь много важного и полезного для своего будущего даже в условиях скудной «науки» медресе. Но воля отца определила дальнейшую участь сына в ином направлении. Кунанбай в беспрерывной борьбе степной знати за родовую гегемонию нажил себе много врагов среди дальних и близких соперников. Кунанбай стал готовить к этой борьбе также своих детей и близких родственников. Он заставил Абая бросить школу и вернуться в аул, постепенно приучая сына к разбирательству тяжебных дел, готовя его к роли главы рода.

Наделенный недюжинными способностями, юноша попал в гущу сложных интриг. Вращаясь в кругу изощренных воротил и вдохновителей межродовой степной борьбы, Абай стал постигать все тонкие приемы словесных состязаний.

Однако Абай общался не только с людьми из круга своего отца. Он гораздо больше тяготел к талантливым выходцам из народа. В памяти его откладывались обильные запасы народных песен, эпоса, сказаний и преданий минувших веков, передававшихся изустно. Если Кунанбай и его родня хранили в памяти лишь деяния предков — родовых старейшин, то Абай знал почти всех своих предшественников — поэтов, акынов, участников «айтыса», выступавших перед народом в борьбе за поэтическое первенство.

Рано пробудившийся интерес к книжной восточной поэзии (арабской, иранской, чагатайской) рождал первые подражательные стихи Абая. Но обращение к традиции казахской народной поэзии сделало его стихи оригинальными и индивидуально-самобытными. Уже в ранних стихах Абая наметился будущий самостоятельный облик поэта, творчество которого глубоко уходило своими корнями в народную почву.

Насильно втянутый волей отца в тягостные дела родовых распрей, Абай долгое время жил в разладе с Кунанбаем. Он не мог мириться с несправедливостью и жестокостью отца и часто шел вразрез с его интересами, вынося беспристрастные решения. Кунанбаю были ненавистны стремления и вкусы сына: и то, что друзей и советников он искал себе в народе, среди мудрых и честных людей, и то, что Абай уже многие годы тяготел к русской культуре. Между властным отцом и правдивым, непокорным сыном происходили серьезные стычки, которые вели к разрыву.

Поэтическое творчество Абая.

Этот разрыв и совершился, когда Абаю было двадцать восемь лет. Теперь Абай мог устроить свою жизнь по велениям собственного разума и своей личной воли.

Прежде всего, он вернулся к прерванному в детстве изучению русского языка. Близкими друзьями Абая стали акыны, певцы-импровизаторы, талантливая степная молодежь, по преимуществу незнатного происхождения, а также лучшие представители русской интеллигенции того времени, встреченные им в Семипалатинске. Только на тридцать пятом году своей жизни Абай вернулся вновь к поэзии.

Теперь основным содержанием поэзии Абая становится жизнь казахского народа, характерная началом кризиса патриархально-феодального строя, кризиса, возникшего под влиянием развивавшихся в казахской степи капиталистических отношений. Родовая вражда, раздоры между крупными фео-

далами, поддерживаемые биями и аткаминерами, борьба за должность волостного управителя или бия, темнота и забитость, невежество и бескультурье — все эти явления находят в стихах Абая справедливое осуждение. Абай понимал и то, что эти раздоры искусно разжигались и поддерживались царизмом, действовавшим по принципу «разделяй и властвуй». Поэт видел, что управители, бии и старшины превратились в ставленников колониальной власти. Задумывался он и над тяжелой судьбой своего народа. В стихах Абая звучала глубокая скорбь о злосчастной доле угнетенного, бесправного и отсталого казахского народа. С особой силой скорбь поэта отразилась в стихотворении «О, бедная моя страна».

В нем поэт рисовал яркий и печальный облик казахского народа, обнищавшего и униженного:

О, бедная моя страна,
Народ казахский мой,
Обвисли жесткие усы
Нечесаной каймой.
Пути добра не отличал
Ты от стези дурной.
Одна щека твоя в крови,
Румянец — на другой...

Как бы отвечая поэтам-предшественникам, которые оплакивали бедствия народа, но, впадая в безысходный пессимизм, уныние и мистику, уходя в реакционную идеализацию прошлого, не видели для него выхода, Абай призывал народ к борьбе за будущее:

Народ мой, если ты, борясь,
Не смоешь эту грязь,
Любой унизит честь твою
И оскорбит любой...

Абай пытался открыть народу глаза, громогласно осуждая и беспощадно бичуя в правдивых, желчных, обличительных стихах пороки феодально-родовой и чиновничьей знати и призывая народные массы к просвещению, которое, по мнению поэта, одно может указать им путь к новой жизни.

Всю силу ненависти и страстного негодования поэт вкладывает в свои стихи, рисующие образы баев, мулл, управителей, царских чиновников, всех тех степных хищников, которые обманом и силой эксплоатировали и угнетали казахский народ. Таков, например, яркий образ паразита-бая и его сынка:

Но бай балованным сынком доволен без конца,
На радость баю он растет собакой весь в отца:
Голодных сверстников своих стыдится байский сын,
В нем жадность вора, кровь отца и совесть подлеца.
Бай не поможет бедняку, зачем его жалеть!

А если даст кусок, — гляди, длинна у бая плеть.
Трудись бедняк, проклятый долг сторицей возврати,
Ведь баю — жить и богатеть, тебе — в могиле тлеть.

Поэт-просветитель призывает преодолеть нищету, невежество, рабскую покорность, межродовую вражду и разобщенность при помощи свободного труда и просвещения.

На свою роль поэта-просветителя Абай смотрит как на общественный подвиг:

Истины сеять зерно я хочу и крылить языком,
Чтоб не только в глаза, но и в души свет проник.
Пусть же берет молодежь достойный пример с того,
Кто не унизит стиха, кто в нем высокую мудрость постиг.

Глашатай просвещения народа, Абай сам усиленно занимался самообразованием.

Идейная связь Абая с русской культурой.

В восьмидесятые годы Абай встретился с ссыльными русскими революционерами, лучшими представителями русской революционной интеллигенции, воспитанными на учении Чернышевского и Добролюбова. Один из близких друзей Абая — Е. П. Михаэлис являлся активным сотрудником известного русского публициста-шестидесятника Шелгунова, которому он приходился родственником. Как Михаэлис, так и позднее сосланные в Семипалатинск Нифонт Долгополов и Северин Гросс были высланы в Сибирь сравнительно молодыми людьми. До ссылки они были студентами Петербургского и Харьковского университетов. Тесная связь Абая с этими передовыми русскими людьми перешла в большую дружбу. На лето они приезжали в гости в аул Абая, зимой постоянно переписывались. С исключительным вниманием и отзывчивостью русские друзья помогали самообразованию Абая, подбирая для него книги, отвечая на его вопросы. Хотя друзья Абая принадлежали каждый в отдельности к различным политическим группам и течениям 70—80-х годов, но здесь, в ссылке, они одинаково высоко оценивали роль и необходимость просветительной деятельности.

Проводя долгие годы в отсталой российской окраине — в Сибири и Казахстане, они нередко отодвигали свои тактические и программные разногласия, сходясь на одном — на необходимости борьбы против хищнической эксплоатации народных масс, против насилий, произвола и мракобесия царских чиновников и местной байско-феодальной верхушки. В революционно-просветительной деятельности находили здесь общую цель и ученик Чернышевского Михаэлис, и революционный народник Нифонт Долгополов, и польский революционер Северин Гросс.

В условиях глухой царской ссылки они продолжали свое

личное развитие, и в своей общественно-публицистической и научно-исследовательской деятельности непрерывно росли, изучая историю, быт, естественно-географические условия Казахстана и Сибири. Постепенно русские ссыльные становились здесь первыми борцами за просвещение, энергичными пропагандистами борьбы с отсталостью. В различных трудах, написанных Михаэлисом, в исследовании «Обычное право у киргиз» Северина Гросса, в изучении этнического типа казахов, которым занимался антрополог Нифонт Долгополов, пытливый ум Абая находил для своего развития обильную пищу.

Давая многое Абаю в его поисках знания, русские ссыльные и сами много черпали у Абая, видя в нем широкого и глубокого знатока истории, обычного права, поэзии и искусства, экономики и социального быта казахского народа и других родственных казахам народов.

Естественно, что русские друзья Абая стремились донести до широких народных масс Сибири и Казахстана правду о русском народе, познакомить лучших людей Казахстана с трудами и думами великих русских классиков и крупнейших общественно-политических деятелей тогдашней России. Высокий гуманизм, освободительные идеи, упорная оппозиционность царизму русской классической литературы XIX века, неумолкающий голос возмущения, протеста и заступничества за угнетенные трудовые массы русского и других народов России — все это не могло не оказать самого благотворного влияния на только еще пробуждавшуюся общественную мысль в Сибири и в Казахстане. Не будучи сами значительными фигурами в масштабе всего российского революционно-демократического движения, друзья Абая выполняли в отношении казахского народа великую историческую миссию вестников передовой русской культуры. Они несли в казахское общество имена и творения Пушкина, Лермонтова, Салтыкова-Щедрина, Льва Толстого, Чернышевского, Добролюбова и других великих русских писателей-мыслителей, помогли Абаю познакомиться со всем богатством истории и культуры русского народа. Благодаря этой помощи Абай успешно и быстро расширил круг своих знаний и интересов. Необыкновенно широко раздвинулся его горизонт, когда он обнаружил и познал подлинные ценности духовной культуры русского народа. Абай стал ревностным почитателем наследия Пушкина, Лермонтова, Крылова, Салтыкова-Щедрина, Льва Толстого. С 1886 года Абай начал переводить на казахский язык произведения Крылова, Пушкина, Лермонтова, впервые сделал их доступными и понятными для своего народа.

В сближении с русской культурой Абай видел для казахского народа единственно верный путь выхода из вековой

темноты. Великого поэта-просветителя волновала идея братства и дружбы народов. В своих стихах он стремился внушить казахскому народу, что нужно уметь отделять русский народ от царских колонизаторов:

Прямодушному злобно кричим: «урус!»
Знать, милее нам лицемерный трус.
Заглушив человечность в наших сердцах,
Рвем своим недоверием дружбы союз!
Настоящая дружба стирает межи,
Плещут волны любви через все рубежи.

Абай был не только поэтом, но и композитором, глубоким знатоком и тонким ценителем казахской народной музыки. Абай создал ряд собственных мелодий, главным образом, для тех своих стихов, которые вводили в казахскую поэзию новые, неизвестные ей до этого формы (шестистишия, восьмистишия и т. д.). Новые мелодии создал Абай и к своим переводам отрывков из «Евгения Онегина».

В 1889 году имя Пушкина и имена его героев Онегина и Татьяны благодаря переводам Абая стали известны сначала в пределах аулов Абая, в кочевьях Тобыкты, а отсюда проникли и далее в ближайшие и более отдаленные кочевья, входили в репертуар акынов наряду с собственными казахскими эпическими и лирическими произведениями.

К этим же годам имя самого Абая — поэта, мыслителя и композитора — становится одним из самых популярных и чтимых народом имен. К нему едут акыны, композиторы, певцы из дальних районов его родины. Знаменитый Биржан, акын Байкокше, слепая женщина-акын Ажар, певцы Муха, Альмахамбет заучивают и поют его песни. Ученики Абая акыны Кокпай, Арип, Акылбай, Магавья, Машур Жусуп Копеев, женщины-поэтессы Куандык, Сара, Зейнеб и другие разносят по широким степям его стихи.

Гибель Абая.

Длительная и прочная дружба Абая с русскими ссыльными революционерами, их общение с поэтом, растущее влияние Абая на казахскую молодежь — все это в сильной степени тревожило царские власти. Сведения об Абае, как об опасном для царизма человеке, доходят до семипалатинского военного губернатора и до генерал-губернатора Степного края. За аулом Абая и за всем, что там происходило, был установлен негласный надзор. Смелый провозвестник правды, изобличитель пороков колониального режима, Абай становился опасным для царизма. За всеми его действиями теперь постоянно и бдительно следили приставы, урядники, волостные управители.

Абай и его ученики выступали против отсталых феодальных устоев, против родовых невежественных интриганов и угнетателей народа, против всей системы царизма.

Естественно, что Абай заслужил лютую ненависть степных феодалов, верных слуг царизма. Они вели против него беспрерывную, грязную и коварную борьбу. Не решаясь действовать против Абая открыто, они применяли коварные и вероломные методы борьбы. Непримиримый и злобный враг Абая, родовой старшина Оразбай сплотил вокруг себя недовольных Абаем представителей степной и городской знати. Они стали преследовать учеников Абая, клеветать на учителя. Они слали в канцелярии губернаторов, уездных начальников, царских судов всевозможные доносы на Абая, называя его «врагом белого царя», «смутьяном среди народа», «неугомонным нарушителем обычаев, прав и установлений отцов и дедов». По этим доносам в аул Абая наезжали с обысками чины семипалатинской полиции. Однажды с отрядом жандармов приехал даже сам полицеймейстер города Семипалатинска и учинил обыск во всем ауле Абая. Наконец, в 1897 году, при явном попустительстве властей, было совершено покушение на жизнь Абая.

Поэт жил в мрачной атмосфере злобы и ненависти. Страшным ударом для Абая явилась в это время смерть его сына Абдрахмана, наследника его дел, образованного и даровитого человека. Вскоре умер от чахотки его любимый сын и талантливый ученик Магавья. В 1904 году, надломленный тягостной борьбой и горестной, трудной жизнью, преследуемый тупой, злобной средой феодалов и чиновников, Абай тяжело занемог. Отвергнув всякое лечение, он умер на шестидесятом году своей жизни, только на сорок дней пережив любимого сына.

Он был похоронен в родных степях, около своей зимовки — в долине Жидебай, вблизи Чингисских гор.

Историческая роль Абая.

Три великих источника национальной и общечеловеческой культуры питали своими соками корни творчества великого казахского поэта.

Один из них — казахская устная речевая культура, запечатленная в фольклорных памятниках прошлого, созданных гением самого народа. Творчество Абая питалось богатствами этого бесценного клада. В глубоком и тесном общении с поэтическим наследством родного народа Абай умел оглядеть этот клад новым творческим взглядом и обогатить им свою поэзию.

Другой источник — это лучшие образцы классической поэзии Алишера Навои, Низами и Фирдоуси.

Третий источник — это русская культура. Для эпохи Абая самый факт обращения к этому источнику, главным образом, к наследию русских великих гуманистов и классиков, до него совершенно неведомых казахскому народу, был фактом огромного значения. Это было залогом будущего расцвета казахской культуры, смелой и верной ориентации казахского народа в историческую перспективу будущего.

Своим обращением к этим источникам Абай обогатил свой духовный мир новыми идеями. Просвещенный и пламенный борец за культуру казахского народа, в мрачной среде ханжей, стяжателей, косных старшин-феодалов, Абай был выдающимся человеком своей эпохи не только в истории своего народа, но и в истории всего Ближнего Востока.

Великий классик казахской литературы, Абай взял все от многовековой духовной культуры казахского народа и обогатил эти сокровища благотворным влиянием русской культуры.

Являя своим творчеством небывалое в прошлом казахского народа прогрессивное начало, Абай имел и свои недостатки.

Осуждая и бичуя пороки фанатичных мулл, как ханжей и стяжателей, поэт, однако, в ряде своих поэтических и прозаических высказываний оставался приверженцем религии.

Известную часть своих наставлений, в разделе моралистической, дидактической поэзии, Абай обосновывает догмами ислама. Он не мог подняться до философско-критического отрицания основ религии.

Изобличая бесчеловечную, феодально-родовую эксплоатацию народных масс родовитыми, власть имущими верхами, Абай не до конца раскрывает в своем творчестве классовую, непримиримо антагонистическую природу этой эксплоатации.

Будучи ограниченным историческими условиями многовековой отсталости своего народа и кочевым скотоводческим бытом небольшого степного района, Абай мало уделял внимания факторам культурно-экономического порядка, вроде перехода к оседлости или иным интенсивным формам хозяйственно-общественного устройства жизни трудового народа.

Исторических проблем подобного порядка Абай конкретно не затрагивает, но зато обобщенно возлагает все надежды на будущее, на скорейшее приобщение казахского народа к великой русской культуре. В этой своей позиции он оптимистичен, прогрессивен, а социальные устремления поэта целиком отвечали интересам казахского трудового народа.

§ 46. ПРОСВЕТИТЕЛЬ АЛТЫНСАРИН И РУССКАЯ КУЛЬТУРА В КАЗАХСТАНЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА.

Состояние просвещения в Казахстане в конце XIX века.

В течение длительного времени образование в Казахстане находилось в руках реакционного мусульманского духовенства. Обучение во всех школах носило религиозный характер. Мектебы (начальные школы) и медресе (специально-богословские мусульманские школы) преследовали цель подготовить из среды казахов духовных лиц, способных распространять среди населения ислам, а также научить исповеданию ислама. Детей в мектебах обучали сначала арабской азбуке по учебнику «иман шарт» («условия веры»). После этого ученики переходили к изучению «хафтияк» — седьмой части корана. Одновременно с изучением корана ученики проходили «ильм-хал» — катехизис.

В мектебах южных районов проводилось заучивание поэм религиозного содержания на арабском и персидском языках или диванов Навои, Хафиза, Ходжи-Ахмеда и других. На прохождение всего этого курса требовалось не менее 4—5 лет.

По окончании мектеба ученик мог перейти в медресе. В этих школах он проходил более сложные предметы — мусульманское законоведение, арабскую грамматику, арабскую «философию» и т. п. Все эти предметы в медресе также изучались в течение 5—6 лет. Таким образом, в условиях Казахстана для того, чтобы пройти мектеб и медресе, требовалось 10 — 11 лет, а для учеников Бухары обучение растягивалось на 18—20 лет.

Большинство детей заучивали (часто не понимая смысла) отдельные страницы или главы книг. Механически заученное быстро забывалось, будучи оторванным от жизни. Обучались в школах мальчики, а девочки-казашки по обычаю не могли поехать учиться ни в другой аул, ни в город.

И по содержанию преподавания и по методам обучение носило средневековый схоластический характер.

Но даже эти учебные заведения были малочисленны. Кочевой быт с его родовыми пережитками тормозил массовое открытие школ. Только с XX столетия положение стало несколько меняться. Усиление экономических связей с русским народом, рост торговли и промыслов на территории Казахстана вызвал потребность населения в знаниях. Открывались новометодные мектебы, но характер преподавания в них мало изменился. Преподавателями в школах были попрежнему муллы, окончившие старометодные медресе в Бухаре, Самарканде, Казани, Уфе, Оренбурге. Преподаватели-муллы содержались за счет учащихся, которые вносили плату за учение.

Наибольшее влияние на развитие мусульманских школ

в Казахстане оказали бухарские и самаркандские медресе. Сюда приезжало большое количество учащихся из Казахстана. Среди них было много поэтов и писателей. Творчество поэта Акмуллы (1839—1895), поэта-переводчика Оразмуллы, Майлыхожи, Маулыкея, Шады Жангирова и других развивалось именно под влиянием мусульманской книжной культуры, прививавшейся бухарскими школами. Во второй половине XIX века особенно усилилось влияние татарских мулл, мугаллимов, большинство которых, призывая народ к овладению светской наукой в сочетании с исламом, проповедывало реакционный панисламизм.

Более прогрессивными, как уже отмечалось выше, были создаваемые под влиянием России так называемые русско-киргизские школы.

Начало казахской печати.

В связи с ростом культурно-экономических влияний России, в Казахстане стали появляться и первые печатные книги. Точная дата появления первой напечатанной в типографии на казахском языке книги «Ертаргын», пока не установлена. Предполагается, что она появилась в 1857—1858 годах. До этого среди казахов распространялись рукописные книги, преимущественно на арабском, персидском и татарском языках. Содержание их было тесно связано с исламом, его морально-этическими назиданиями.

Искусство книгопечатания народов Средней Азии и Ближнего Востока вплоть до XIX века резко отличалось от обычного типографского способа. Книги сначала переписывались опытным каллиграфом, украшались орнаментами и заставками, а затем уже размножались литографским способом. Эта литература была понятна только узкому кругу казахов, знакомых с арабским и персидским языками. Такой же малодоступной для широких масс являлась литература и на чагатайском языке.

В XIX веке начали печататься лучшие произведения казахского народного творчества, собранные русскими учеными-востоковедами. Наиболее известные из них — «Кыз Жибек», «Айман Шолпан», «Козы Корпеш и Баян Слу» и другие. Особо следует отметить публикации образцов устной и письменной казахской литературы, принадлежащие И. Е. Березину, Н. И. Ильминскому, В. В. Радлову, Г. Н. Потанину, А. Е. Алекторову и другим. К концу XIX века вышли в свет и произведения некоторых казахских поэтов и писателей.

Исключительную роль в развитии казахской письменной литературы сыграли крупнейшие казахские просветители, писатели и поэты — Абай Кунанбаев, Ибрай Алтынсарин и другие.

Казахские писатели и публицисты часть своих произведений в конце XIX века печатали в газете «Дала Уалаяты» — официозе акмолинского губернатора. Газета с 1888 года выходила как «Особое прибавление» к «Акмолинским областным ведомостям», а с 1894 по 1903 год — под названием «Киргизская степная газета».

В газете печатались на казахском и русском языках официальные материалы — указы, постановления, распоряжения правительственных и административных органов, телеграфные известия и статьи. Следует отметить выступления на страницах «Киргизской степной газеты» И. Алтынсарина, Абая (под различными псевдонимами) и особенно частые — Машур Жусупа Копеева. Выступали и другие казахские авторы со статьями, фельетонами и стихами, в которых доказывались выгоды оседлости, развития ремесла, устройства мелких предприятий, польза науки и просвещения.

Состав авторов-казахов не был однороден ни по их классовому составу, ни по их мировоззрению (наряду с Алтынсариным, печатались явные защитники исламизма). В связи с этим на страницах газеты нередко развертывалась полемика, особенно по вопросам, касающимся знания и религии, отношения к патриархально-феодальным обычаям и традициям.

Редакция всемерно стремилась сглаживать критику ряда институтов, связанных с колониальной политикой царизма и «Положениями» 1868 года и 1891 года. Особенно искажались цензурой статьи Абая и его стихотворные фельетоны. В них устранялось или сглаживалось все, что прямо или косвенно было направлено против волостных правителей, мулл и колониальной администрации.

В «Киргизской степной газете» публиковались и некоторые произведения устного народного творчества казахов в оригинале и русских переводах, а также отдельные переводы на казахский язык русских авторов, как, например, алтынсаринский перевод басни Крылова «Ворона и лисица». Публиковались также пословицы, поговорки и другие материалы казахского фольклора.

Выдающийся деятель просвещения и писатель Ибрай Алтынсарин.

Наряду с Чоканом Валихановым и Абаем Кунанбаевым, Ибрай Алтынсарин (1841 — 1889) был одним из горячих пропагандистов русской культуры и просвещения среди казахов. Родился И. Алтынсарин вблизи Оренбурга. Его дед — бий Балгожа Жанбурчин был войсковым старшиной. Ибрай окончил неплюевскую школу в Оренбурге и в 1859 году поступил на службу в качестве толмача (переводчика) в Оренбургское областное правление. Од-

чако чиновничья карьера не могла удовлетворить Алтынсарина, его мечтой было отдать себя делу просвещения своего народа.

В 1860 году Алтынсарин добился разрешения Оренбургского областного управления на открытие в Тургае начальной школы для казахских детей и назначения себя учителем этой школы.

Отсутствие средств, учебных пособий и помещения для школы оказалось серьезным препятствием в самом начале пути, на который стал Алтынсарин. Он обратился к населению, сам выезжал в аулы и разъяснял значение русского образования. Наконец, 8 января 1864 года школа была открыта. Само открытие школы приняло характер народного праздника, сопровождаясь скачками, борьбой и другими видами народных развлечений.

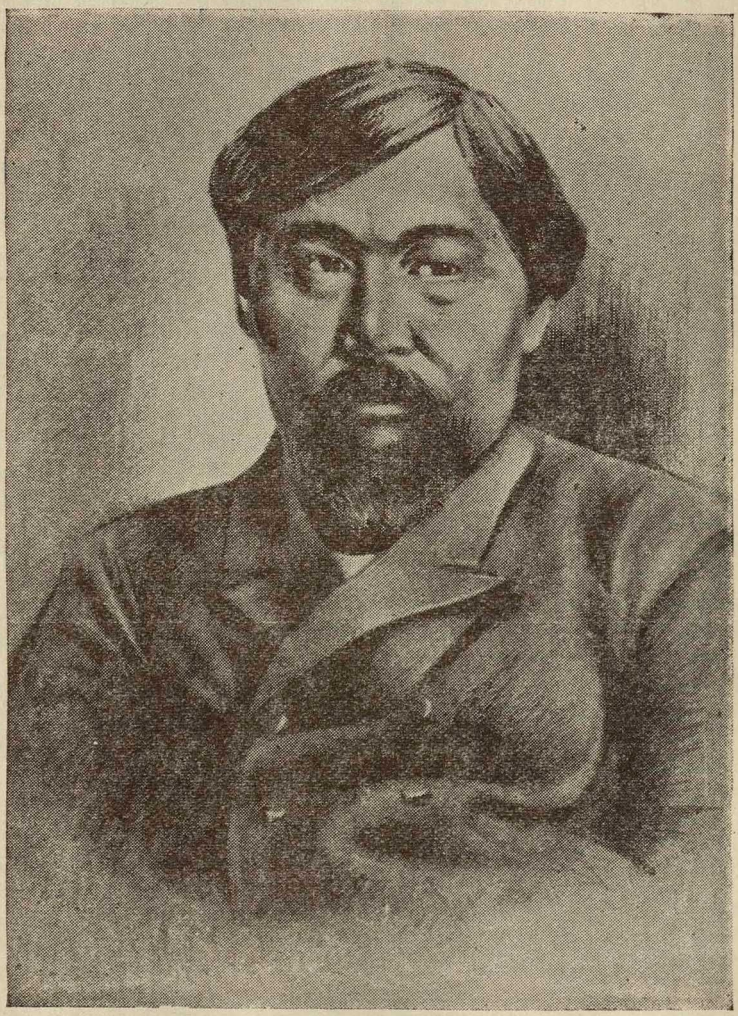
Школа с интернатом вскоре показала свою жизнеспособность и приобрела авторитет у казахского населения.

Как учитель, а позднее, с 1879 года, как инспектор казахских школ Тургайской области и автор школьных книг, И. Алтынсарин положил в основу своей деятельности единственно верный принцип организации просвещения для своего народа на его родном казахском языке. Он повел решительную борьбу с татарскими муллами, которые, пользуясь покровительством чиновников колониального управленческого аппарата, кое-как учили казахских детей грамоте на татарском языке, воспитывали их в духе ислама и в духе покорности царизму. В лучшем случае получившие подобного рода образование казахские юноши смогли стать письмоводителями, толмачами при правителях или в канцеляриях колониальной администрации.

Используя педагогический опыт К. Д. Ушинского и Л. Н. Толстого, Алтынсарин заботился о просвещении своего народа на началах гуманизма, ознакомления с жизнью и ее явлениями.

В «Записке о киргизских волостных школах» И. Алтынсарин определил значение русского образования на родном казахском языке, как «противовес» мусульманству, как «рассадник практических взглядов на вещи», убивающих «предрассудки, вредящие народному развитию», как влияющее благотворно «на экономический и нравственный быт окружающего населения». «Молодое поколение киргиз, — писал Алтынсарин в том же документе, — будет смотреть на язык и грамоту русскую, как на единственный язык культуры и знаний, пристрастится к ним и будет развиваться в русском более или менее духе».

В интересах развития самой казахской народности, а так-



ИБРАЙ АЛТЫНСАРИН

же в целях развития казахского языка, Алтынсарин обращался к опыту русских педагогов, так как в 60-е годы русская педагогика сумела выработать свою систему просвещения, основанную на передовых идеях революционных демократов и на естественно-научной базе, что, конечно, в условиях казахской школы должно было нанести серьезный удар схоластике мусульманско-клерикального образования.

Алтынсарин составляет «Киргизскую хрестоматию», первая часть которой содержит небольшие рассказы из жизни казахского народа и переводы известных рассказов из русских школьных книг: «Полкан», «Золотой орешек», «Пожар» и др. Алтынсарин переводит басню Крылова «Ворона и лисица» и, подражая великому русскому баснописцу, сочиняет басню «Добродетельная лисица».

Содержание первой части хрестоматии Алтынсарина характерно своей тематикой. Это, по большей части, рассказы о культурности, опрятности, честности, сердечности, построенные на доступных детскому пониманию житейских случаях.

Во второй части хрестоматии И. Алтынсарин хотел дать исторические сведения из жизни казахов и материалы по географии, всеобщей истории, естествознанию, физике.

В 1887 году И. Алтынсарин добился разрешения открыть школу для казашек и в том же году такая школа была им открыта в городе Иргизе.

И. Алтынсарин пропагандировал русскую культуру и в своих стихах и в прозе. Стихотворение «Давайте, дети, учиться!», вошедшее в его учебник, говорит о значении науки и доказывает необходимость светского просвещения. Стихи Алтынсарина «Весна», «Река» и др., наряду с аналогичными стихотворениями Абая, обогащали казахскую литературу достижениями и опытом русских классиков, были творческим воспроизведением новых для казахской литературы жанров русской литературы, при сохранении особенностей и самой казахской действительности и казахского языка. Рассказы Алтынсарина «Сын бая и сын бедняка», «Дом и юрта», «Невежество» явились началом казахской прозы.

Алтынсарин-писатель решительно доказывал пользу знания и превосходство оседлости перед кочевым бытом, знакомил свой народ с такими достижениями человечества, как телеграф, железная дорога, пароходство.

Произведения Алтынсарина: «Коварному аристократу», «Чистый родник», «Если беден — то должен ненавидеть воровство» — разоблачают байство, групповую борьбу, эксплоатацию, невежество мулл и ходжей.

Алтынсарину принадлежит также ряд работ по этнографии и фольклору казахского народа, опубликованных в из-

даниях Русского Географического общества и в периодической печати.

Алтынсарин известен и своей общественно-административной деятельностью, направленной на борьбу с родовыми распрями, раздорами при выборах, взяточничеством и другими отрицательными явлениями того времени, распространенными среди казахов и связанными с режимом колониального гнета.

Своим личным трудом и убеждениями, дружбой и общением с деятелями просвещения и русскими учеными-ориенталистами В. В. Григорьевым, А. Е. Алекторовым Алтынсарин представляет образец исторически прогрессивного деятеля, пролагавшего пути для родного казахского народа в его движении к новым формам жизни, к новой культуре. Не случайно злейшими врагами И. Алтынсарина являлись невежественные баи и муллы, чувствовавшие, что их господству, их проповеди мракобесия и невежества, их натравливанию казахов на русский народ Алтынсарин нанес серьезный удар, способствуя дальнейшей совместной и дружественной жизни казахов и русских под эгидой передовых идей русского просвещения и науки, на основе развития лучших сторон и культурных богатств казахского народа.

Роль русской демократической интеллигенции в распространении передовой культуры в колониальном Казахстане.

В 70—80-х годах в Казахстан было сослано много участников революционного движения в России.

В числе этих политических ссыльных, как уже указывалось, были Михаэлис, Гросс, Долгополов и другие. Свою ссылку они использовали для просвещения масс и для пробуждения их политического самосознания.

Ссыльные пытались обучать казахских детей, оказывать медицинскую помощь населению, распространять знания, но их попытки пресекались царской администрацией.

Кроме народников и других русских демократов, большую просветительную работу проводили изучавшие Казахстан и соседние районы русские писатели, публицисты и ученые: В. В. Радлов, П. П. Семенов-Тяньшанский, Г. Н. Потанин и др. Некоторые из них были уроженцами Казахстана, с детства любили его, как свою родину, тесно сблизились с казахским населением.

Одним из таких людей был Григорий Николаевич Потанин (1835—1920). Еще на школьной скамье в Омске Потанин и Чокан Валиханов тесно сблизились и поклялись в вечной дружбе и совместной работе на пользу казахскому и русскому народам. Потанин, происходивший из казачьей офицерской семьи, жил в станицах Семипалатинской области, хорошо знал казахский язык, кочевой быт казахов, их нужды и

чаяния. Став офицером, Потанин не потерял интереса к жизни родного края. Он много занимался историей и этнографией казахов, участвовал в геологических, ботанических и других научных экспедициях. Он собирал и изучал песни, легенды, сказки и другие произведения казахского фольклора.

Плодотворная работа Г. Н. Потанина была прервана на долгое время: за требование автономии Сибири он был осужден царским правительством на 10 лет. После освобождения, продолжая свои научные экспедиции, Г. Н. Потанин посвятил много работ изучению этнографии Казахстана. В 1889 году была издана его работа «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе». В этой работе он отвел большое место казахскому фольклору.

Значительную роль в развитии культуры и науки в Казахстане сыграл ученый-востоковед Василий Васильевич Радлов.

Путешественник, археолог, лингвист и фольклорист, В. В. Радлов посвятил много лет своей жизни изучению Казахстана. Чтобы лично изучить казахский язык и быт казахов, он поселился в Барнауле и стал работать народным учителем. Целые десятилетия посвятил В. В. Радлов поездкам по Средней Азии и Казахстану, изучая сказания, легенды, песни, пословицы казахов. В. В. Радлов много занимался также этнографией и археологией, руководя раскопками курганов-могил в Восточном и Центральном Казахстане. В. В. Радлову принадлежит 11-томный труд «Образцы народной литературы тюркских племен», в третьем томе которого собран казахский фольклор. Другим важным трудом В. В. Радлова является «Опыт словаря тюркских наречий» (тт. I—IV).

Интересна также работа Радлова «Мифология и миросозерцание жителей Алтая». Для науки о Казахстане важны его «Сибирские древности», в которых дано тщательное исследование археологических памятников Восточного и Центрального Казахстана.

Наряду с Г. Н. Потаниным и В. В. Радловым, большой вклад в дело изучения Казахстана внесли путешественник П. П. Семенов-Тяньшанский, филологи-фольклористы и этнографы Е. Н. Березин, П. М. Мелиоранский, А. Н. Васильев, А. Н. Диваев.

В 1856 году П. П. Семенов предпринял путешествие в Центральный Тянь-Шань. Из Семипалатинска он сделал переход к озеру Иссык-Куль. Во время этого путешествия, продолжавшегося два года, он посетил окрестности Хан-Тенгри, Джунгарского Ала-Тау, Кульджу, Тарбагатай. П. П. Семенов принимал постоянное и длительное участие в изучении гео-

графии и геологии Казахстана. В эту работу П. П. Семенов вовлекал Чокана Валиханова и Г. Н. Потанина, ставших его ревностными учениками. В 1885 году им был составлен пятитомный «Географическо-статистический словарь Российской Империи». В 1888 году П. П. Семенов совершил поездку по Закаспийской области и Туркестану. Во время этой поездки он собрал обширный материал по географии Казахстана, опубликованный им в издании «Живописная Россия». П. П. Семенова-Тяньшанского называли духовным отцом большинства русских путешественников.

Изучению Казахстана, его природы и людей, быта и нравов казахского народа способствовали не только ученые, но и деятели искусства. Из них на первое место можно поставить художника Н. Г. Хлудова (1850—1936). В своих полотнах Н. Г. Хлудов мастерски показал колониальный Казахстан в конце XIX и в начале XX веков.

Уроженец Орловской губернии, Н. Г. Хлудов в 1877 году приехал в Верный, где работал учителем рисования. Вместе с художником Глушковым Н. Г. Хлудов составил художественно-этнографический альбом народностей Казахстана, для чего побывал в ряде мест Семиреченской, а затем и Сыр-Дарьинской областей.

Он состоял членом Туркестанского кружка любителей археологии и являлся учредителем Семиреченского отдела Русского Географического общества, был активным деятелем Общества по изучению Казахстана, участвовал в экспедиции Игнатьева в 1886 году, зарисовал главный Тяньшанский хребет Хан-Тенгри. После землетрясения в 1887 году Н. Г. Хлудов вместе с профессором Мушкетовым зарисовал следы разрушений в гор. Верном.

Всего Н. Г. Хлудов написал несколько сот картин, посвященных старому колониальному Казахстану. К ним относятся: «Барымта», «Школа в степи», «Застигнутые бурей», «Стрижка баранов», «Жатва» и ряд других. В ряде картин он отразил тяжелую долю казахской женщины (картины «За дровами», «Похищение невесты», «Состязание женщин»).

§ 47. КАЗАХСКАЯ МУЗЫКА В XIX ВЕКЕ.

Роль музыки в жизни казахского народа.

Народная музыка с глубокой древности сопровождала все этапы жизни и борьбы казахского народа. Во все времена исторического существования казахского народа создавались устные музыкальные произведения, которые широко распространялись в народе. Лучшие из них сохранились в народной памяти до наших дней.

Раннее музыкальное искусство казахов связано с именем легендарного Коркыта. Его называют отцом казахской музыки.

Некоторые ранние музыкальные произведения казахов посвящены отдельным историческим событиям. Среди них имеются общие для литературы и музыки произведения на темы «Хромой Тимур», «Искандер».

На тему о том, что в музыке можно передать непередаваемое словами, сложено произведение «Аксак кулан» («Хромая зебра»). В «Аксак кулане» рассказывается, как домбра заменила человека, когда он не смог рассказать о гибели на охоте сына одного свирепого хана. Догадавшись о несчастье, хан объявляет, что зальет свинцом глотку тому, кто принесет весть о гибели сына. Эта угроза привела всех в трепет. Никто не решался сообщить грозному хану горестную весть. Но один певец, искусный домбрист, решил рассказать хану правду без слов. Мрачная мелодия домбры раскрыла хану картину гибели его сына. Хан велел залить свинцом корпус кобыза. В мелодии «Аксак кулан» образно передана картина степной охоты, страх народа и гнев грозного хана.

К музыкальным произведениям раннего периода относятся «Нар-иген», «Боз-инген», «Тепен-кок», «Ак-ку», «Каражорга», «Алты-каз», «Кер-толгау», «Саймактын сары озены». В этих произведениях нашли свое отображение древние казахские легенды и эпизоды из кочевой, охотничьей жизни. Песня «Тепен-кок» рассказывает, как усталый конь пастуха, услышав прекрасный напев, обретает силу и опережает остальных коней.

Часть ранних мелодий и напевов принадлежит шаманам. Шаманская музыка (сарын) — громкая, резкая, изобилующая скорбными, тягучими мотивами. Трудная для восприятия, она была в руках шаманов средством запугивания народных масс. Шаманы распространяли среди народа убеждение, что они находятся в общении с духами.

Музыкальные поэмы-кюи о героизме народа.

Многие казахские народные кюи воспевают героизм батыров. К ним относятся такие кюи, как «Казан-кюй» (о походе Кобланды-батыра), «Камбар» (о Камбар-батыре) и т. д. В них то слышна песня прощания отправлявшегося в поход батыра с народом и семьей, то гремит песня победы всадника; проходят батальные мотивы; чудится вопль оставшегося на поле битвы умирающего воина, вспоминающего о своей родной семье, о любимом народе.

Музыкальные легенды «Кобланды», «Камбар» относятся к эпохе, когда отдельные казахские племена отражали набеги врагов.

В позднейшее время появились такие кюи, как «Шанды жорык», «Ак Едиль», «Сырым сазы», «Актабан Шубырынды», «Кабанбай Жорыгы». Каждое из них отображает отдельное историческое событие.

В музыке XVIII века, как и в литературе того же периода, значительное место занимает песня и мелодия «Кара таудынг басынан кош келеди» («С вершин Кара-Тау спускается караван»). И напев и слова полны горечи и печали: в них рассказывается о тяжелом бедствии, выпавшем на долю народа в связи с нашествием джунгар в 1723 году.

В XIX веке меняются и форма и содержание казахской народной музыки. В казахской музыке XIX века особое место занимают произведения о крупных исторических событиях. Более поздние виды этих кюев, связанные с именами казахских деятелей, как «Нар Исатай» (об Исатае Тайманове), «Наурызбай батыр» (о Наурызбае Касымове), «Асау Барак» (о Бараке), — как по тематике, так и по своему музыкальному языку правдиво отображают антиколониальную и антифеодальную борьбу народа.

Каждое музыкальное произведение, посвященное историческим событиям XIX века, отличается большим художественным мастерством и ярко запечатлевает героизм казахского народа.

Несмотря на то, что творческие силы трудового казахского народа в условиях двойного гнета (со стороны ханов, феодалов, баев и царизма) были зажаты в тиски, народ все же создавал свое устное творчество, и его таланты не угасали.

Казахские композиторы XIX века.

В XIX веке из гущи казахского народа появляются талантливые народные композиторы, образовавшие две школы. Основоположником одной из них является знаменитый композитор-кюйши западного Казахстана Курмангазы. Второй крупнейший народный композитор-певец Центрального Казахстана — Биржансал. Вокруг этих композиторов группировались и в дальнейшем стали их последователями композиторы-кюйши Казангап, Байсерке, Давлеткерей, Сейтек, Дина, Ыклас и композиторы-певцы Акан-сере, Балуан Шолак, Жаяу-Муса, Асет, Майра, Жарлы-гап и Шашубай. Произведения (песни, мелодии, кюи, мотивы и т. д.) этих народных композиторов распространялись в народе изустно. Собирание, записи, научное и творческое освоение этого музыкального наследия получили развитие только в советское время благодаря усилиям А. В. Затаевича, А. К. Жубанова, Е. Г. Брусиловского и Л. Х. Хамиди.

Курмангазы Сагырбаев (1818—1893) родился в Букеевской

Орде. В молодости он испытывал большую нужду, с восьмилетнего возраста батрачил у бая. Девятилетним мальчиком Курмангазы смастерил себе домбру и стал на ней играть. Когда ему исполнилось 18 лет, он взял в табуне лошадь и скрылся от бая. С тех пор Курмангазы начал разъезжать по степи и выступать в аулах с домброй. В 1837—1838 годах он примкнул к восстанию Исатая и Махамбета. Свое первое произведение «Кишкентай» он посвятил этому народному восстанию. Здесь он оплакивал гибель Исатая и Махамбета, но высказывал уверенность, что их смерть не остановит народного движения, а певцы сохранят и увековечат память о погибших вождях. Следующим крупным произведением Курмангазы явилась лирическая песня «Балбрауын». Курмангазы рассказывал в своих кюйях о притеснениях, которым он подвергался со стороны феодалов и ханов.

По проискам чиновной знати и хана Джангира, Курмангазы был заключен в оренбургскую тюрьму, но оттуда ему удалось бежать. Он много путешествовал: побывал в районе Мангыстау, у Аральского моря, на урочище Актюбе, в Ак-Мечети, Туркестане. Везде он создавал новые произведения и оставлял талантливых учеников.

Последним и лучшим произведением Курмангазы является «Кобык шашкан», в котором отображена тяжелая жизнь казахского народа в условиях патриархально-феодального строя и его мечты о светлом будущем.

Музыка Курмангазы поражает своей мощью и полнозвучностью. В ней запечатлелась героическая борьба трудового казахского народа.

Биржансал Кожагулов (1832—1895) родился у подножья живописных гор Кокчетау, в нынешней Кокчетавской области. Смолоду Биржана не привлекали ни богатство, ни хозяйство отца. Он любил музыку, играл на домбре и слагал песни. Обладая ярким талантом и мощным голосом, он на всех состязаниях выходил победителем.

Биржан в совершенстве владел казахской песнью, но не ограничивался старыми напевами, а создавал новые. Он создал такие известные песни, как «Жанбота», «Ляйлым», «Айтпай» и другие. Некоторые песни Биржана мягки и лиричны, другие полны мощной энергии и силы. Многие из них исполняются не только солистами, но и хором.

Биржан знал и некоторые произведения русской народной музыки. Он общался с великим казахским поэтом Абаем и пользовался его советами. Все это способствовало тому, что талантливый народный композитор решительно пошел по пути дальнейшего развития самобытной казахской музыки и ее сближения с русской музыкой.

Так же, как Курмангазы, Биржансал оставил после себя много учеников и последователей. Однако его музыкальное наследие стало всенародным достоянием только после Великой Октябрьской социалистической революции.

Композитор Ыклас Даукин (1843—1916) исполнял все свои произведения на кобызе. Он значительно развил технику игры на этом инструменте, внес разнообразие в мелодии, которые исполняли до него на кобызе баксы-шаманы. Произведения Ыкласа красочно передают древние сказания казахов о героических подвигах батыров, об их стремлении к лучшей жизни. Ыклассом были созданы такие, получившие впоследствии широкое распространение песни, как «Ак-ку», «Жалгыз аяк» и другие.

Народный композитор Мукит Мералиев (1841—1918) создал много песен, которые послужили образцом для подражания и создания новых песен последующими авторами. Ему принадлежит знаменитая «Алуаш», «Дуние, ай», «Бала Ораз», «Улькен Ораз», а также «Айнам коз».

Жаяу-Муса Байжанов (1838—1929) был бедняком. С малых лет он отличался решительным характером и большой настойчивостью. Первые зачатки грамоты он получил в ауле, затем учился в Петропавловске и Омске. Двадцатилетним юношей Муса начал в родном ауле борьбу против местной феодальной знати. Царское правительство сослало его на 12 лет в Томск. Весь путь до места ссылки Муса проделал пешком. В пути он сочинил свою знаменитую песню «Ак сиса».

В 1860 году по собственному желанию Муса был взят в солдаты и отправлен в Петербург. Впоследствии он принял участие в среднеазиатском походе 1864 года. Когда Чокан Валиханов покинул отряд генерала Черняева, Муса ушел вслед за ним и вернулся к себе на родину. Здесь он сочинил много песен и рассказов, беспощадно разоблачающих баев и феодалов. Муса много путешествовал по степи, знакомился с выдающимися деятелями казахского народа. Местная знать снова добилась его ареста и заключения в тюрьму. Однако друзья и почитатели Мусы помогли ему освободиться.

Муса участвовал в восстании 1916 года, а позднее горячо приветствовал советский строй и колхозное строительство. Он был певцом-композитором, акыном — мастером слова. Его наиболее популярные произведения: «Гаухаркыз», «Кулбай», «Искандер», «Турымтай» — отличаются мелодичностью, лирическим настроением, проникнуты мужеством и оптимизмом.

Сары Бараков (1863—1895) родился на берегу озера Чалкар, Актюбинской области. Большая часть жизни Сары прошла в борьбе против чиновной знати. Его неоднократно сажа-

ли в тюрьму в Оренбурге и в Иргизе, но каждый раз ему удавалось оттуда бежать. Свою знаменитую песню «Сарыэни» он сочинил, находясь в тюрьме, куда был посажен по проискам врагов.

Несмотря на все гонения, Сары не смирился, не прекратил борьбы. Когда его отправляли из Иргиза, его провожала толпа в несколько тысяч человек. Сары сочинил такие известные песни, как «Дарига», «Сибирге айдалу» и «Кыз Косан». Все произведения Сары восхваляют мужество, непоколебимый героизм и пламенную энергию. Свободолюбивый певец был убит по дороге к месту ссылки.

Замечательный поэт-лирик и талантливый народный певец Ахан-сере Корамсин (1843—1913) родился в северной части Казахстана, в Кокчетаве.

Воспитывавшийся в мечети своего дяди, молодой поэт, интеллектуально и творчески созрев, возненавидел среду, в которой он вырос (баи, феодалы и царские ставленники). Он становится странствующим певцом, воспевая любовь, дружбу, сердечные отношения молодежи.

Переезжая с места на место, Ахан-сере, человек бурной души и пылкого сердца, смело и ярко выражал в своих песнях протест против духовного гнета со стороны казахских феодалов и колониальных властей. Но его протест был стихиен. Ахан-сере не поднялся до «просветительства» своих великих современников Абая и Алтынсарина. Ему в значительной мере в этом помешала тяготевшая над ним мусульманская культура и философия.

В среде же правоверных, ортодоксальных мусульман Ахан-сере считался безбожником. О нем распространялись всевозможные небылицы, обвиняющие его в вероотступничестве и в связи со «злым духом».

Знаменитые мелодии Ахан-сере «Кулагер», «Срымбет», «Кара Торгай», «Ак Саусак» и многие другие живут до сих пор и были широко использованы в советских казахских операх, а его литературные произведения при советской власти вышли отдельным изданием.

Женщины-акыны.

Среди казахских народных акынов-певцов почетное место занимают акыны-женщины. Хотя по шариату и по господствовавшим обычаям публичные выступления женщин всячески ограничивались, но истинные таланты преодолевали всякие препятствия. Одной из таких талантливых акынов-женщин была Майра Валиева (1896—1929). Она родилась и выросла в Павлодаре. С малых лет Майра заучивала казахские песни и кюи, умела играть на домбре и на гармонии. Она обладала прекрасным, сильным голосом и своим пением покоряла слушателей.

ГЛАВА XVIII.

КАЗАХСТАН В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, СТОЛЫПИНСКОЙ РЕАКЦИИ И НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА.

§ 48. РУССКАЯ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА КАЗАХСТАН.

Предпосылки революции.

На рубеже XIX и XX веков Россия вступила в новую, высшую стадию капитализма — в стадию империализма. Переход капитализма к стадии империализма еще в большей степени усилил гнет, тяготевший над угнетенными народами колониальных и зависимых стран. Рост голодовок и эпидемий, массовое насильственное изъятие земель у коренного населения, бесчеловечные условия принудительного труда оказывали свое опустошительное действие на население колоний. Грабеж и угнетение отсталых народов колоний в царской России проводились еще в более тяжелой форме, чем где бы то ни было.

«Кому не известно, — писал товарищ Сталин, — что в России всесилие капитала сливалось с деспотизмом царизма, агрессивность русского национализма — с палачеством царизма в отношении нерусских народов, эксплоатация целых районов — Турции, Персии, Китая — с захватом этих районов царизмом, с войной за захват? Ленин был прав, говоря, что царизм есть «военно-феодальный империализм». Царизм был средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат»[1].

[1] И. В. Сталин. Сочинения, т. VI, стр. 75.

Русский империализм был военно-феодальным империализмом. Наряду с высокоразвитыми капиталистическими предприятиями, в России в эпоху империализма сохранились значительные остатки крепостнических отношений — отработки, кабала и т. п. Царская Россия была отсталой страной, зависимой от западно-европейских империалистических государств.

В царской России империалистический гнет усиливался гнетом царизма. Царская Россия была тюрьмой народов. Многочисленные народности окраин были совершенно бесправны, беспрестанно подвергались унижениям и оскорблениям. «Царизм выступал в качестве палача и мучителя нерусских народов»[1].

С начала XX века Россия вступает в полосу великих революционных бурь, она становится узловым пунктом всех противоречий империализма. «... Россия была беременна революцией более, чем какая-либо другая страна, — указывал товарищ Сталин, — и только она была в состоянии ввиду этого разрешить эти противоречия революционным путем»[2].

Казахский народ, задавленный колониальным гнетом царизма, был не только кровно заинтересован в победе русской революции. Его освободительная борьба, вливаясь в общий революционный поток и усиливая тем самым натиск на царизм, в свою очередь усиливалась и активизировалась под влиянием могущественного революционного движения русского пролетариата.

Русский рабочий класс в своей борьбе против царизма и всей системы помещичье-капиталистического строя становится во главе всего освободительного движения, развертывавшегося в стране.

Революционные бои русского пролетариата, происходившие в начале XX века, свидетельствовали о приближении революции. Под влиянием рабочего движения в ряде губерний России произошли крестьянские выступления против помещиков.

Рост переселенческого движения в Казахстан.

В невыносимых тяжелых условиях жили русские крестьяне. «... Русский мужик, — писал В. И. Ленин, — готов бежать не только в Сибирь, но и на край света ... »[3]. Переселение из России в Казахстан русских крестьян, тяжело страдавших от безземелья и малоземелья, еще больше усилилось. Так, например, по неполным данным канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, в 1902 году самовольных переселенцев в одной только Семиреченской области насчитывалось 16 ты-

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 6.
[2] И. В. Сталин. Сочинения, т. VI, стр. 74.
[3] В. И. Ленин. Сочинения, т. XV, стр. 524.

сяч. К 1905 году число их достигло 23 тысяч. Такая же картина наблюдалась и в других областях Казахстана.

Накануне революции 1905 года волнения крестьян в России достигли огромных размеров. В связи с этим царское правительство пытается ослабить борьбу крестьянской массы за землю путем переселения «беспокойных» крестьян из России в восточные окраины. В 1904 году было организовано Переселенческое управление, ведавшее всеми делами по переселению крестьян из России. Характеризуя переселенческую политику царского правительства в этот период, В. И. Ленин писал: «Помещики усматривали в этих переселениях, так сказать, приоткрытие клапана и «притупление» аграрных противоречий в центре России»[1].

6 июня 1904 года царское правительство издало закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан земледельцев». Переселенческое управление еще больше усилило изъятие земель у трудящихся казахов, создавая из этих земель «переселенческий фонд». Казахское население оказывало сопротивление землеотводным партиям Переселенческого управления и стремилось не давать землемерам отмерять землю, отказывалось снабжать землеотводные партии Переселенческого управления продовольствием и транспортом.

Русско-японская война и рост революционного движения в центре России заставили царское правительство временно приостановить переселение крестьян из России. Но, вопреки официальному запрещению, переселенческое движение не прекращалось. Большие размеры накануне революции 1905 года приняло самовольное переселенческое движение. Царские чиновники оказались даже не в состоянии учесть число переселенцев. Тургайский губернатор в докладе царю писал: «Как в отчетном году, так и, особенно, в настоящем, усиленный наплыв в область переселенцев весьма серьезно меня обеспокаивает, тем более, что, к своему несчастью, я не могу даже с точностью установить число прибывших в область переселенческих семей». Губернатор жаловался царю, что его аппарат мал и «не в состоянии не только внести в это дело должный порядок, но даже зарегистрировать всех прибывших переселенцев».

Многие переселенцы подолгу оставались в городах, а затем и оседали в них. Численность населения городов Казахстана увеличивалась за счет русских переселенцев. В городах Семиречья, например, на 1 января 1901 года насчитывалось 51 364 жителя, а в 1904 году их было уже 64 163 человека.

Колониальная администрация и Переселенческое управле-

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. XVI, стр. 373.

ние не справлялись с задачами устройства и землеустройства прибывших в большом количестве переселенцев. Прибывшим из России переселенцам часто заявляли об отсутствии свободных земельных участков, и многие переселенцы вынуждены были подолгу бродить по степи или где-нибудь ждать, пока им отведут участки. Но бывали случаи, когда переселенцы, не считаясь с такими заявлениями переселенческих чиновников, сами разыскивали свободные земли и поселялись самовольно. Такие самовольные поселения часто сопровождались бурными столкновениями с администрацией.

Чиновники переселенческих организаций брали взятки, торговали землей и поэтому отобранные у местного населения земли в большинстве случаев передавались не безземельным переселенцам, а захватывались в значительной части кулацкими элементами.

Тяжело было положение «самовольных» переселенцев. Такие переселенцы, не имевшие права на получение земельных наделов, устраивались в качестве работников у более зажиточных старожилов. Некоторые же самовольно оседали, надеясь, что их там устроят, другие арендовали земли у казахов. Но сделки на аренду земли у казахов, заключенные без утверждения их областным Присутствием по крестьянским делам, считались незаконными. Таких арендаторов очень часто выдворяли с тех мест, где они начали устраиваться.

Подавляющее большинство переселенцев к новому месту прибывали разоренными и нуждались в материальной помощи, в сельскохозяйственных машинах и орудиях, но у царского правительства не было для этого ни желания, ни технической базы. Все делалось в угоду и в интересах крепостников-помещиков.

Экономические и социальные изменения в хозяйстве казахов в начале XX века.

В первые годы XX века усиливается проникновение в Казахстан капиталистических отношений. Резко обозначается классовая дифференциация в казахском ауле. Ускоряется процесс разорения трудящихся масс, одновременно основное богатство — скот — сосредоточивается у байства. Так, по данным Переселенческого управления, в Павлодарском уезде, Семипалатинской области, 12 500 бедняцких хозяйств имели 63 500 лошадей, а 1 800 байских хозяйств — 172 700 лошадей.

Такое же соотношение мы наблюдаем и в других областях и уездах Казахстана.

«В Семипалатинском уезде, — писал один из чиновников статистической экспедиции 1904 года, — главная масса казахских хозяйств — до 94 процентов — принадлежит к неимущим, бедным и маломощным, совсем безлошадным. Эта масса

влачит жалкое существование кочевников-полупролетариев и добывает средства к жизни не столько от своего кочевого хозяйства, сколько от посторонних доходов и заработков, которыми занимается свыше четырех пятых всех этих хозяйств».

Обедневшие массы, лишившиеся скота и земли бедняки-казахи уходили из аула на заработки в города и села, на рудники и заводы. Отходничество перед революцией 1905—1907 годов приняло особенно широкие размеры, охватывая в северных областях Казахстана от 37 до 71 процента всех хозяйств.

В байские хозяйства постепенно начинают внедряться капиталистические формы эксплоатации. Наряду с эксплоатацией на основе внеэкономического принуждения (саун, атмайин-беру и др.) баи применяют наемный труд.

Так, в 1909 году, например, по Кустанайскому уезду 28,1 процента казахских хозяйств применяли наемный труд, по Акмолинскому — 26,7 процента и т. д. Значительно в меньшем объеме наемный труд применялся в отдаленных районах; здесь применение наемного труда сочеталось в байском хозяйстве со старыми методами патриархально-феодальной эксплоатации под видом «родовой помощи».

Оплата труда в байском хозяйстве носила различный характер. В таких уездах, как Петропавловский, Омский, Семипалатинский и других северных районах, выплата производилась деньгами, а в отдаленных кочевых уездах труд казахов-батраков оплачивался в основном скотом.

В эти же годы, в связи с распадом натурального хозяйства в ауле, в связи с проникновением капиталистических отношений, широкое развитие получили промыслы, в особенности в тех уездах и волостях, которые находились ближе к рынкам.

В таких скотоводческо-земледельческих районах, как Кустанайский, Петропавловский, Усть-Каменогорский, Кокчетавский, Актюбинский, количество хозяйств, занимавшихся промыслами, составляло от 32 до 60 процентов. В основном промыслами занимались бедняки.

В земледельческо-скотоводческих районах байские хозяйства перестраивались на капиталистический лад. Бай вкладывал свой капитал в производство — он покупал машины, улучшал породу скота, строил дома и т. д.

Например, в Кокчетавском уезде на каждое байское хозяйство, имевшее 500 голов скота, приходилось 11 построек и 32 сельскохозяйственных орудия; в Петропавловском уезде — 15 построек и 48 сельскохозяйственных орудий.

Баи-скотоводы одновременно занимались торговлей и ростовщичеством. В том же Кокчетавском уезде из 70 круп-

ных баев, имевших в среднем до 500 голов скота, 56 занимались торговлей.

Такая же картина наблюдалась и в других северных районах. Но баи-торговцы одновременно занимались и сельским хозяйством, сохраняя его отсталые формы.

В казахском ауле процветало ростовщичество. Обедневшие казахи вынуждены были брать у баев-ростовщиков в кредит скот, хлеб, промышленные товары с большой наценкой. Бай давал также ссуды деньгами, причем под большие проценты. Одноаульцы бая — бедняки и середняки — попадали в кабалу к своему сородичу — баю-ростовщику.

Накануне революции 1905 года значительно усилился переход казахов к земледелию и к оседлости.

Лишенная пастбищ, в результате захвата их баями и переселенческой политики царизма, беднейшая часть казахского аула вынуждена была оседать на землю и заниматься земледелием. Тысячи казахских хозяйств, оседая на землю, образовали поселки, состоявшие из джатаков — казахов разных родов.

В некоторых районах Казахстана преобладало уже земледелие, а скотоводство являлось подсобным видом хозяйства.

Так, в Кустанайском уезде в 1904—1905 годах занималось земледелием более 77 процентов, в Актюбинском — 94 процентов, в Уральском — около 90 процентов населения, с посевом от 4 до 15 десятин.

С разложением натурального хозяйства и с переходом к земледелию связано изменение состава стада. В кочевом хозяйстве основными видами скота были лошади, верблюды, овцы; рогатый скот почти не разводился. Теперь же в общем поголовье казахского скота резко увеличивается процент рогатого скота, доходя в отдельных районах до 40 и более процентов.

Оседали и переходили к земледелию в основном малоимущие хозяйства. Конечно, это не означает, что баи не занимались земледелием, многие крупные баи засевали по нескольку сот десятин, широко используя на обработке пашен дешевый труд бедняков-джатаков. Но основная часть байства была против оседания казахской бедноты на землю, ибо это оседание было связано с разрушением кочевого быта и патриархально-родовых пережитков и вело к уменьшению власти родовитых баев над беднотой. Внедрение новой, более интенсивной, земледельческой системы хозяйства наносило серьезный удар по старой системе хозяйства.

Нередки были случаи прямых столкновений бедноты с байством. Баи травили своим скотом посевы земледельцев, захватывали обработанные земли, требовали от джатаков, чтобы те бросили свои пашни, и т. д.

Однако, ни противодействие баев, ни влияние старых пережитков не могли остановить проникновение в жизнь казахского общества новых прогрессивных начал.

В земледельческих районах Казахстана возникают новые поселки, в том числе много смешанных русско-казахских. Казахи учились у русских поселенцев земледелию, заимствовали многое из русского хозяйственного обихода. Между казахскими бедняками-земледельцами и русскими устанавливались дружеские связи, которые крепли с каждым годом. Это содействовало проникновению через русских крестьян-поселенцев в казахский аул революционного влияния.

Развитие капиталистической промышленности в Казахстане в XX веке.

Колонизация Казахстана проводилась царизмом не только путем захвата лучших земель у казахов, но и путем капиталистической эксплоатации богатств Казахстана.

Прежнее значение Казахстана, как источника сырья и рынка сбыта для русской промышленности, полностью сохранялось. Но наряду с этим Казахстан стал значительно сильнее втягиваться в капиталистическое производство. Объясняя изменения в колониальной политике царизма в эпоху империализма, Ленин писал, что до этого «колонии втягивались в обмен *товаров,* но еще не в капиталистическое *производство.* Империализм это изменил. Империализм есть, между прочим, вывоз *капитала.* Капиталистическое производство все более и более ускоренно пересаживается в колонии»[1].

Капиталисты теперь считали более выгодным вывозить свои капиталы в колонии и организовать в них промышленное производство. Условия для приложения капиталов здесь были особенно благоприятны. Наличие дешевых земель, низкая заработная плата рабочих, строительство новых железных дорог — все это необходимые условия для развития промышленности в колониях. Рост капиталистических предприятий в Казахстане за 1900—1910 годы показывает следующая таблица:

Годы	Число фабрик и заводов	Сумма производства (в рублях)	Число рабочих
1900—1901	2668	5731101	8824
1905—1906	3491	3932271	11025
1909—1910	4044	27675568	16522

Таким образом, число предприятий и рабочих к концу 1910 года увеличилось в 1½—2 раза, а сумма производства —

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. XIX, стр. 255.

в пять раз, что свидетельствует о постепенном втягивании хозяйства Казахстана в капиталистическое производство.

Однако промышленность Казахстана была развита еще очень слабо. Промышленные предприятия Казахстана представляли собой, главным образом, мелкие предприятия по первичной переработке сельскохозяйственного сырья: мельницы, винокуренные, салотопенные, мыловаренные, кожевенные, маслобойные заводы, шерстомойки и т. д. На всех таких предприятиях преобладали ручной труд и примитивная техника. Машины и двигатели внедрялись в производство медленно. Все же, наряду с ветряными и водяными, появлялись уже керосиновые и нефтяные двигатели.

Крупная фабрично-заводская промышленность Казахстана в начале XX века была развита слабо. Семипалатинский губернатор в докладе царю писал: «Фабрично-заводская промышленность в Семипалатинской области развита очень слабо как в количественном, так и в качественном отношениях. Судя по величине производства и несложному устройству многих из существующих в области заводов, их, в сущности, надо бы отнести скорее к разряду не заводов, а ремесленных заведений».

Причины слабого развития промышленности в Казахстане царские чиновники видели в малом заселении, в нехватке капиталов, в отсутствии технических знаний у рабочих, в отсутствии хороших путей сообщения. Действительной же причиной слабого развития промышленности Казахстана являлась колониальная, военно-феодальная политика царского правительства и русских капиталистов. Казахстан продолжал оставаться источником сырья для промышленности, рынком сбыта для русских фабрикантов и купцов и колониальным фондом для крестьянских переселений из России. Царское правительство вовсе не было заинтересовано в развитии производительных сил Казахстана. Оно старалось задержать их развитие, сохранить здесь полуфеодальные порядки и родовой быт.

Иностранный капитал в Казахстане.

Царская Россия, — говорит товарищ Сталин,—«давала свободный доступ заграничному капиталу, державшему в руках такие решающие отрасли народного хозяйства России, как топливо и металлургия...»[1].

С конца XIX и начала XX века иностранные капиталы устремились и в Казахстан. Царь и его челядь, присвоившие громадное количество богатейших месторождений Казахстана, превратив их в свою частную собственность, усиленно сбывали эти богатства иностранным предпринимателям.

Царское правительство, хищнически эксплоатировавшее на

[1] И. В. Сталин. Сочинения, т. VI, стр. 75.

протяжении полутора веков неисчислимые рудные богатства Алтая, в эпоху империализма усиленно сбывало их в концессию иностранным империалистам. В 1896 году Зыряновское месторождение переходит в руки французских капиталистов, учредивших Зыряновское горнопромышленное общество. В 1904 году австрийский князь Турн-Таксис, пользуясь своими тесными связями при царском дворе, приобрел в концессию все алтайские месторождения. В том же году Карагандинские угольные копи, Успенский медный рудник и Спасский медеплавильный завод были сданы в концессию французскому капиталисту Карно — сыну бывшего французского президента.

В 1907 году Карно перепродал эти предприятия английскому «Акционерному обществу Спасских медных руд». Акции общества были затем скуплены лондонским банкиром Эрлихом.

Американские капиталисты в 1908 году купили за 380 тыс. рублей Джезказганские рудники. Здесь образовалось американское «Акционерное общество Атбасарских медных копей».

Подвизавшаяся в России «Русско-азиатская корпорация» английских капиталистов группы Лесли Уркварта учредила в 1914 году два «дочерних» общества, из которых «Риддерское акционерное общество» монополизировало богатейшие Риддерские полиметаллические месторождения, а «Киргизское горнопромышленное акционерное общество» захватило Экибастузское угольное месторождение.

Монополистический капитал теснейшим образом сросся с государственным аппаратом царской власти. Крупнейшие царские сановники служили наемными агентами иностранных империалистов по захвату богатейших месторождений Казахстана.

Так, например, один из князей Романовых и действительный статский советник Федоров только за влиятельное посредничество получили от Уркварта взятку акциями «Риддерского акционерного общества» на сумму 8 миллионов рублей.

Иностранный капитал устремлялся, главным образом, в добывающую промышленность. Особенно привлекали капиталистов цветные металлы, уголь, нефть. Большая часть концессий носила чисто спекулятивный характер. В тех же случаях, когда иностранные и русские капиталисты прилагали капитал к производству, эксплоатация ими природных богатств Казахстана носила крайне хищнический характер. Затраты капиталов на оборудование и механизацию производства были ничтожны. На всех иностранных предприятиях, как и на русских, преобладал ручной труд.

Появление казахского промышленного пролетариата.

Основная масса рабочих на предприятиях Казахстана состояла из казахов, составлявших в среднем 60—70 процентов, а на золотых приисках, соляных промыслах, шахтах и рудниках — свыше 90 процентов всех рабочих.

Глубокое классовое расслоение казахского аула стихийно выталкивало на рынок труда массу обнищавшей бедноты.

Так, например, по сообщению Семипалатинского вице-губернатора, в 1901 году на шахты Экибастуза «рабочие стали сами являться на заработки, иногда партиями даже до 100—200 человек, частью с семьями, так что не встречалось уже необходимости в рассылке агентов». К осени на Экибастузе скопилось 5 000 разоренных и голодных людей, тщетно пытавшихся найти здесь работу. Такое положение наблюдалось и в других местах.

По мере развития промышленности усилилось формирование казахского промышленного пролетариата.

Следует, однако, иметь в виду, что численность рабочих на предприятиях всего Казахстана в первое десятилетие XX века едва превышала 16,5 тыс. человек.

Капиталисты вкупе с царскими чиновниками не допускали казахов к квалифицированным профессиям, используя их труд на черновых и наиболее тяжелых работах. Квалифицированными рабочими были попрежнему русские, которых привлекали сюда с Урала и других промышленных центров России. Русские пролетарии помогали казахским рабочим в усвоении революционных традиций великого русского пролетариата, в осознании себя как класса.

Положение рабочих, в особенности казахских, было очень тяжелым. Они получали низкую заработную плату. Рабочий день длился 14 — 16 часов. Рабочие жили в сырых, холодных, грязных бараках или же в землянках и кибитках.

Рабочие-казахи, как и все казахское население, были бесправными. Их эксплоатировали и капиталисты, и торговцы-купцы, и кулаки-переселенцы, и баи, и царское правительство.

Зарождение рабочего движения.

Рабочие Казахстана, малочисленные и распыленные на огромных его пространствах, вступили в революционную борьбу в начале XX века. Революционные выступления рабочих казахов и русских против капиталистической эксплоатации носили тогда еще стихийный характер. Первые стачки рабочих были вызваны ухудшением и без того тяжелого положения рабочих, в связи с промышленным кризисом 1900—1903 годов.

Наиболее крупными были забастовки на Успенском руднике в 1901 и 1903 годах, а также на Экибастузе и в Караганде в

1902—1903 годах. Рабочие выдвигали еще чисто экономические требования: повышение заработной платы, улучшение условий труда и быта.

В первые годы XX века возникли забастовки и среди железнодорожных рабочих — на Сибирской железной дороге и на строительстве Оренбургско-Ташкентской дороги. Наиболее крупной из железнодорожных забастовок была забастовка рабочих на станции Мугоджары, в которой принимало участие 800 человек. Она была вызвана задержкой в течение двух месяцев заработной платы, обсчетами рабочих и общими тяжелыми условиями, в особенности жилищными. Ленинская газета «Искра» 1 февраля 1903 года, сообщая, о тяжелом положении железнодорожных рабочих Ташкентской дороги, писала: «Не стоит говорить об обсчитывании подрядчиками рабочих, о чрезмерной эксплоатации, о ямах, покрытых соломой, носящих название бараков, о щах из гнилых сушеных овощей — все это слишком заурядное явление, чтобы об этом стоило говорить».

К революционной борьбе приобщались и казахские рабочие. Депутат I Государственной думы от Оренбургской губернии Т. Седельников в своей книге «Борьба за землю в Киргизской степи» рассказывает о пробуждении классового самосознания среди казахских рабочих: «В Усть-Каменогорском, Каркаралинском и Акмолинском уездах на приисках, на каменноугольных копях, а по Иртышу — на пароходах и пристанях масса профессиональных рабочих киргизов, которые работают нередко артелями, чуть ли не самостоятельно додумались до забастовок: это пролетарии чистой воды».

Большая забастовка рабочих-казахов возникла 20 декабря 1903 года на Спасском медеплавильном заводе Рязановых. Управляющий заводом Сухоруков сообщал начальству об этой забастовке: «В означенный день большинство рабочих-киргиз заявили расчет, не желая продолжать работать, а также старались повлиять на тех рабочих, которые не присоединились к ним». Забастовка продолжалась три дня. Рабочие выставляли лишь экономические требования.

Все эти забастовки были единичными выступлениями отдельных отрядов рабочих. Только позднее, с развитием революционного движения в России и распространением влияния революционной социал-демократии на окраины, революционное движение в Казахстане стало принимать более широкий и организованный характер. Трудящиеся массы казахского населения постепенно приобщались к политической, революционной борьбе. Влияние ленинской «Искры», революционной социал-демократии и русского рабочего движения на развитие революционного и национально-освободительного движения

в Казахстане сказалось позже, — главным образом, в годы революции 1905—1907 годах. Это влияние шло в Казахстан через социал-демократические организации Закавказья, Поволжья и Сибири, в особенности городов Самары, Саратова, Уфы, Омска, а также городов Урала. В Казахстан все чаще проникали марксистская литература и прокламации. Так, например, в северных областях Казахстана появилось воззвание Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Чаще всего местные социал-демократические организации в Казахстане возникали при помощи политических ссыльных. Так, например, возникла социал-демократическая организация в Петропавловске, куда была сослана группа социал-демократов, рабочих железнодорожных мастерских Омска. В Казахстане начали свою революционную деятельность верные соратники Ленина и Сталина — Михаил Васильевич Фрунзе и Валериан Владимирович Куйбышев. В 1904 году М. В. Фрунзе окончил в Верном (Алма-Ата) гимназию и начал здесь свою революционную деятельность. В. В. Куйбышев, родившийся в Омске, юношей вел большую организаторскую и пропагандистскую работу в Омске, Кокчетаве и Петропавловске. В Томске вел революционную работу С. М. Киров. Социал-демократические организации (большевиков), действовавшие в Сибири, оказывали влияние и на развитие революционной борьбы в Казахстане.

В 1902 году в Петропавловском железнодорожном депо ссыльные рабочие Федулин и Фигин организовали социал-демократический кружок, который вскоре превратился в социал-демократическую организацию, членами которой состояли русские, украинские, казахские и татарские рабочие. Петропавловская социал-демократическая организация была связана с Омским комитетом, и через него с Сибирским союзом РСДРП. Член Омского комитета РСДРП В. В. Куйбышев непосредственно руководил Петропавловской и Кокчетавской организациями, под его руководством в Кокчетаве была организована подпольная типография. Социал-демократы Петропавловска и Кокчетава распространяли среди рабочих, ремесленников, среди солдат и крестьян прокламации и листовки, призывали их к революционной борьбе.

Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 годах.

Расстрел рабочих 9 января 1905 года в Петербурге положил начало первой русской революции. Вскоре на борьбу с самодержавием поднялись не только трудящиеся массы центральной России, но и угнетенные народы окраин. Национально-освободительное движение народов окраин в 1905—1907 годах было тесно связано с революционной борь-

бой русского народа и приняло революционный характер и большой размах. «Среди угнетенных народов России вспыхнуло освободительное национальное движение»[1], — писал В. И. Ленин.

В городах Казахстана, на собраниях рабочих и интеллигенции, выносились резолюции протеста против расстрела безоружных рабочих в Петербурге, собирались средства в помощь семьям убитых. На предприятиях городов и на Среднеазиатской и Оренбургско-Ташкентской железных дорогах происходили забастовки рабочих и служащих. Рабочие приисков в Усть-Каменогорском и Акмолинском уездах, на Экибастузских каменноугольных копях, в депо станции Перовск, на разработках саксаула в Перовском уезде, в том числе и рабочие казахи, примкнули к революционной борьбе. 1 мая 1905 года они провели политическую забастовку. Рабочие уральской типографии устроили даже первомайскую политическую демонстрацию.

В апреле 1905 года был созван III съезд Российской социал-демократической партии, который выработал тактику партии в начавшейся буржуазно-демократической революции. В отличие от меньшевиков, державших курс на свертывание революции, «Большевики держали курс на развертывание революции, на свержение царизма путем вооруженного восстания, на гегемонию рабочего класса, на изоляцию кадетской буржуазии, на союз с крестьянством, на создание временного революционного правительства из представителей рабочих и крестьян, на доведение революции до победного конца».[2]

Такова была тактическая установка большевиков, выработанная на III съезде РСДРП и развитая Лениным в его книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

III съезд партии осудил меньшевиков, собравших в Женеве свою конференцию, как «отколовшуюся часть партии».

Решения III съезда партии имели огромное значение для дальнейшего подъема революционного движения в стране.

Революционная борьба русского пролетариата оказывала могущественное влияние на развитие революции в Казахстане. Летом 1905 года в Казахстане прошел ряд политических забастовок и массовых революционных демонстраций, на которых распространялись прокламации большевиков, призывавшие к борьбе за свержение самодержавия, за восьмичасовой рабочий день и к бойкоту булыгинской думы.

Вместе с русскими рабочими казахские рабочие приняли самое активное участие во всероссийской политической за-

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. XIX, стр. 354.
[2] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 90.

бастовке в октябре 1905 года. В результате забастовки железнодорожников, движение по Сибирской и Оренбургско-Ташкентской железным дорогам приостановилось. В Перовске рабочие-железнодорожники создали «Перовский революционный комитет». Управление железной дорогой фактически перешло в руки рабочих. По городам проходили манифестации, митинги и демонстрации. Казахские рабочие вместе с русскими рабочими демонстрировали под красными знаменами с лозунгами: «Долой самодержавие!», «Да здравствует свобода!», «Да здравствует 8-часовой рабочий день!». Такие демонстрации были устроены в Оренбурге, Челкаре, Кустанае, Верном, Перовске и других городах. О демонстрации в городе Каркаралинске уездный начальник доносил губернатору: «После объявления русскому и киргизскому населению Каркаралинска высочайшего манифеста 17 октября многочисленная толпа, крайне возбужденная против властей противозаконными речами некоторых лиц, направилась под красными флагами по улицам города с пением и криком «ура!». Во главе толпы, состоящей, большей частью, из верховых киргизов, ехал под красным флагом помощник лесничего г. Глебов».

Огромное революционизирующее влияние на Казахстан оказало Московское вооруженное восстание в декабре 1905 года. Оно способствовало дальнейшему политическому пробуждению трудящихся масс, овладению ими опытом революционной борьбы.

Во время революции 1905—1907 годов возникли и работали социал-демократические, большевистские организации и группы в Оренбурге, Ташкенте, Кустанае и других городах.

Социал-демократические организации в Казахстане развернули весьма активную деятельность среди населения. По признанию царских охранников и уездных начальников, «самое видное место по деятельности принадлежит социал-демократической партии».

Среди населения Казахстана распространялись большевистские прокламации, брошюры и газеты. Особенно расходились ленинские брошюры: «К деревенской бедноте», «Пересмотр аграрной программы рабочей партии», «Победа кадетов и задачи рабочей партии».

В большом количестве проникали в Казахстан листовки, издававшиеся Кавказским комитетом РСДРП, которым руководил товарищ Сталин, и прокламации Томского комитета, где работал С. М. Киров. Большое распространение получили большевистские газеты «Пролетарий», «Оренбургский край», «Уральская жизнь», «Голос Приуралья». Из привозных прокламаций в большом распространении были: «Правда о войне», «Крестьяне, к вам наше слово», «Первый шаг», «Канун ре-

волюции», «Петербург 8 и 9 января», «Какие политические свободы нужны русскому народу», «Ко всем гражданам», «Комиссия Булыгина», «Слово и дело русского самодержавия», «Солнце, которое взойдет с Востока» и многие другие. Для украинских крестьян-переселенцев в Казахстан присылались с Украины прокламации на украинском языке, издававшиеся большевистскими организациями Украины. Местные большевистские организации Казахстана также издавали и распространяли листовки и прокламации. Листовки и прокламации большевиков распространялись не только на русском, но и на татарском языке, который казахи хорошо понимали.

Казахский народ начал приобщаться к политической революционной борьбе, которой руководил пролетариат России. В ходе этой борьбы выдвигались и росли передовые люди казахского народа, борцы за его свободу.

Большевистские организации вели работу не только среди рабочих и городского населения, но и среди крестьян деревень и аулов. В аулах революционную работу большевики вели через демократическую часть казахской интеллигенции.

Сочувствующие большевикам казахские учителя — мугалимы — Сералин Мухамеджан, Спандияр Кубеев, Иралин и другие переводили на казахский язык большевистские листовки и прокламации и распространяли их в рукописном виде среди казахов. Листовки бережно хранились и переносились из аула в аул, содержание листовок передавалось и устно специальными агитаторами, разъезжавшими по аулам. Казахский народ вступил в активную революционную борьбу вместе с русскими рабочими. Оценивая этот этап борьбы, В. И. Ленин писал: «У европейского сознательного рабочего уже есть азиатские товарищи, и число этих товарищей будет расти не по дням, а по часам»[1].

Забастовка рабочих Успенских рудников.

Осенью 1905 года рабочие Нельдинских (Успенских) медных рудников создали «Киргизско-русский союз». Под руководством этого союза было составлено требование, в котором говорилось:

«Мы, рабочие и служащие Успенского медного рудника горнопромышленника К. Э. Карно — французского гражданина, сплотившись между собою для борьбы с капитализмом, на общем собрании 6 декабря пришли к тому заключению, что исполнять свои обязанности при существующих условиях жизни на руднике можем лишь в том случае, если эти условия будут улучшены; ввиду чего мы постановили требовать:

1. Немедленного понижения цен на все продукты, отпускае-

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. XII, стр. 306.

мые нам в плату, так как существующие в настоящее время цены считаем высокими и незаконными.

2. Повышение заработной платы месячным, поденным и подрядным: получающим до 50 руб. в месяц на 25 процентов, а свыше 50 руб. — на 15 процентов.

3. Снабжения непромокаемою одеждою и обувью рабочих.

4. Устройства в непродолжительном времени постоянного русско-киргизского училища по типу земских школ с 3 отделениями.

5. Немедленного улучшения помещений-казарм для киргиз-рабочих.

6. Уволить служащих медного рудника — фельдшера Костенко, конторщика Ивченко, как несогласных с нашими требованиями.

В случае неудовлетворения наших требований или промедления с ответом объявляем с 12 декабря полную всеобщую русско-киргизскую забастовку».

Требования были подписаны как русскими, так и казахскими рабочими. Во главе «Киргизско-русского союза» стояли русский рабочий П. Топорнин и казах Алимхан Байчигиров. Забастовка рабочих Успенских рудников закончилась победой рабочих.

Крестьянское движение в деревне и ауле.

Революционное движение охватило не только города и заводы, но и русские села. Крестьяне-бедняки активно выступали против сбора налогов, против уездных и крестьянских начальников и т. д.

Особенно массовый характер принял отказ от уплаты податей и недоимок. Крестьяне сел Акмолинской области категорически отказались от уплаты податей и недоимок и прогнали сборщиков.

Крестьяне производили массовую порубку леса в казенных и частновладельческих дачах, вступая в столкновения с местной администрацией.

Большевики Казахстана вели революционную работу как среди русских, так и среди казахских трудящихся, готовя их к новым боям.

В 1906 году в одном из переселенческих сел Петропавловского уезда, Акмолинской области, полицией была обнаружена прокламация Центрального комитета социал-демократической рабочей партии, призывавшая крестьян создать в деревнях революционные крестьянские комитеты для руководства борьбой крестьян против царизма. «Деревня за деревней, волость за волостью, уезд за уездом — подымается сельская беднота, доведенная до отчаяния, — говорилось в прокламации. — Почти беспрерывное голодание, нищета, холод и мрак — вот удел

многомиллионной голытьбы деревенской, ограбленной царским правительством, эксплуатируемой помещиками и кулаками-односельчанами, разоренной дотла неурожаями и поборами... Пусть скорее сознает все крестьянство, что царское правительство мешает ему добиться лучшей доли, что только всенародное восстание освободит угнетенный народ, что судьба народа должна быть в руках народа... Пусть, подобно социал-демократическим рабочим комитетам в городах, устраиваются в деревнях революционные крестьянские комитеты и руководят борьбой крестьян против царского правительства».

В 1906 году в деревнях Семипалатинского уезда полиция обнаружила распространявшуюся прокламацию Омского комитета РСДРП, в которой писалось: «Граждане! Государственная дума заседает четыре недели... Что дала она народу? Где земли крестьянам? Где восьмичасовой рабочий день? Где свобода всем гражданам? Почему их нет? Потому, что в думу прошли в большинстве сытые...».

В секретном письме департамента полиции, адресованном Тургайскому губернатору в 1907 году, сообщалось, что у крестьян Тургайской области была найдена революционная литература, полученная из Москвы и предназначенная для распространения среди местных крестьян. Такие же факты распространения социал-демократической литературы среди крестьян отмечал и акмолинский губернатор: «Кроме агитаторов-переселенцев, — писал он, — большое дело сделали противоправительственные воззвания, фабриковавшиеся гектографическим способом в селе Кривоозерном и в большом количестве распространившиеся по Кокчетавскому уезду, а также брошюрки противоправительственного содержания, рассылаемые комитетами социал-демократической партии».

Революционное брожение проникает и в казахский аул, особенно в районах, расположенных вблизи заводов, рудников и городов.

Так же, как и в русских селах, казахи отказывались вносить налоги, причем зачастую избивали старшин и волостных управителей.

В некоторых случаях казахи самовольно вкочевывали на отчужденные у них земли, угрожая вооруженным сопротивлением, если их будут выселять с занятых мест.

В отдельных местах предлогом к выступлению было недовольство выборами волостных управителей.

Так же, как и русские крестьяне, они производили самовольные порубки леса в казенных дачах, поджигали байские зимовки, травили или сжигали байское и казачье сено и т. д. Суды в этот период были загружены жалобами на «самоуправство» бедноты, делами об оскорблении царской фамилии и т. д.

Только до глухих отдаленных районов и аулов не докатилось революционное движение.

Царское правительство было очень обеспокоено ростом революционного движения в Туркестане и Казахстане. Председатель кабинета министров граф Витте в шифрованной телеграмме от 15 декабря 1905 года предлагал туркестанскому генерал-губернатору ввести военное положение: «Я вам советую, — писал Витте, — ввести во вверенном вам крае военное положение и решительно покончить с забастовками и революционерами, иначе кончится тем, что мы потеряем всякий престиж в туземном населении и подготовим восстание».

В декабре же 1905 года Департамент полиции извещал царскую администрацию в Казахстане, что «на случай возможных волнений среди киргизов при пехотных частях организуются конно-охотничьи команды, так как для действия в степи пехотные части мало пригодны».

Туркестанский генерал-губернатор в письме на имя Семиреченского военного губернатора также требовал более энергичных мер борьбы с проявлениями революционного брожения среди казахов: «...Среди киргизского населения, — писал он,— за последнее время замечается некоторое брожение, вызываемое, очевидно, доходящими до них слухами противоправительственного характера, а поэтому прошу Ваше превосходительство предложить уездным начальникам и участковым приставам установить самый тщательный надзор за кочевниками и о всяком случае появления среди них неблагонадежных лиц, могущих волновать население, немедленно доносить Вашему превосходительству и принять меры к выдворению таких лиц из среды кочевников».

Такие же распоряжения давались и по Акмолинской, Тургайской, Семипалатинской и Уральской областям.

Тургайская, Семиреченская и Сыр-Дарьинская области были объявлены на положении усиленной военной охраны. Начались обыски и аресты среди рабочих, служащих и интеллигенции. Многие революционеры были брошены в тюрьмы и высланы.

Национально-освободительное движение в 1905—1907 годах.

Национально-освободительное движение на окраинах России в 1905—1907 годах развертывалось под влиянием русского революционного рабочего движения. Ленинско-сталинские идеи национального освобождения угнетенных народностей России, пропагандировавшиеся большевиками, сыграли революционизирующую роль в деле мобилизации масс и пробуждения национального самосознания угнетенных народов России. Эти революционные идеи постепенно проникали в сознание казахских трудящихся масс.

В. И. Ленин еще в 1894 году призывал русских социал-демократов вести интернациональную пропаганду среди угнетенных народностей России, привлекать их к революционной борьбе.

В программе РСДРП по национальному вопросу, принятой вторым съездом партии, указывалось, что национальный гнет может быть уничтожен только в совместной борьбе угнетенных народностей и эксплоатируемого народа господствующей нации.

Программа большевиков требовала признания права самоопределения за всеми народами, входившими в состав России, уничтожения сословий и полного равноправия для всех граждан независимо от расы, национальности, пола и вероисповедания. Ленин и Сталин прекрасно понимали, с какими огромными трудностями придется встретиться большевикам при проведении революционной пропаганды и агитации среди отсталых народностей России. Они учитывали культурную отсталость и забитость трудящихся масс окраин, их зависимость от местных феодалов и духовенства.

Революционное движение в казахском ауле в 1905—1907 годах было по своему характеру национально-освободительным движением, направленным против колонизаторской политики царизма. В казахском ауле развертывалась и классовая борьба. Трудящиеся массы казахов выступали против своих классовых врагов — казахских баев и казахской феодальной аристократии. Аграрная борьба в Казахстане, борьба за землю происходила в не менее острой форме, чем в России. Заявления генерал-губернаторов и царских министров о том, что в Казахстане не существует аграрного вопроса, были ложными заявлениями. Аграрное движение и классовая борьба в казахском ауле приняли особенно острый характер и широкий размах в северных областях и оседлых районах, где классовая дифференциация определилась наиболее глубоко и резко. В кочевых же районах, где патриархальные пережитки сохранились в большей степени, где власть и влияние байства и родовой аристократии были еще велики, — там крестьянская беднота была придавлена, забита и гораздо менее активна.

Казахи оседлых районов устраивали аульные и волостные сходы и выносили приговоры, в которых требовали прекращения изъятия земель под переселения, приостановки переселений в казахскую степь русских крестьян до тех пор, пока не будет землеустроено казахское население. Требование наделения землей и землеустройства было главным требованием трудящихся казахов. В аульных и волостных приговорах говорилось, что землей прежде всего должны быть наделены бедные,

необеспеченные казахи, земледельцы и кочевники, желающие осесть на землю. Для казахов, которые хотят продолжать вести кочевой образ жизни, приговоры требовали отведения земли для летовок и кочевых путей. Только после удовлетворения землей казахского населения лишние земли можно предоставлять под переселенческие участки. Такие приговоры были вынесены казахами Эмбо-Темирской, Темир-Уркачской, Улу-Самской, Сашматовской волостей Темирского уезда, казахами Джиренькупинской волости Уральского уезда и другими.

Феодальная знать и байство и защищавшая их интересы буржуазно-националистическая интеллигенция в противоположность приговорам трудовых казахов выдвигали требование вернуть казахам всю землю в собственность и предоставить им пользоваться землею на основе старых родовых обычаев. Это означало, что земля снова вся будет принадлежать богатым, а трудовой народ будет попрежнему обречен на нищенское, рабское существование.

Казахские буржуазные националисты, прикрываясь флагом защиты общенародных интересов, в действительности защищали интересы байства и родовой аристократии, а не народа. Они боролись за сохранение патриархально-родовых пережитков в казахском обществе, за сохранение азиатских методов эксплоатации трудящихся казахов. Интересы трудящихся масс казахского народа, конечно, не совпадали с интересами казахских феодалов и баев. Байство и родовая аристократия требовали выселения всех русских из Казахстана. Казахская беднота не возражала против переселений русских крестьян в казахскую степь, она понимала, что земли в казахской степи хватит всем и поддерживала программу уравнительного трудового землепользования как для русских, так и для казахских крестьян, с учетом особенностей скотоводческого хозяйства казахов-кочевников.

В национальном движении в период революции 1905—1907 годов ясно обозначились два различных по своему социальному и политическому характеру направления. Первое—революционно-демократическое направление, возглавляемое близко стоявшей к народу демократической интеллигенцией из среды учителей-мугаллимов и мелких служащих и наиболее передовых казахов из рабочих и крестьян-скотоводов. Второе направление—буржуазно-националистическое, представленное выходцами из среды феодальной казахской знати.

Если революционно-демократическое направление отражало интересы трудовых масс казахского населения, то буржуазно-националистическое направление отражало интересы казахской феодальной знати и байства. Казахские буржуазные

националисты стремились использовать национально-освободительное движение казахского народа против русского военно-феодального империализма в своих классовых целях, в целях укрепления позиций казахских феодалов и родовой знати.

Казахские буржуазные националисты выдвигали лишь требования умеренных реформ управления казахской степью и прекращения переселений русских крестьян в казахскую степь, проведения реформ в области школы и религии.

В самом лагере буржуазных националистов существовало два течения. Одно из них ориентировалось на русскую либеральную буржуазию. Сторонники этого течения считали возможным совместно и при помощи русской буржуазии добиться некоторых реформ для казахской феодальной знати и байства. Перспективу дальнейшего экономического и культурного развития Казахстана они видели в сотрудничестве с русской буржуазией.

Сторонники другого течения ориентировались на Турцию и Иран, они мечтали создать самостоятельное казахское государство под эгидой Турции, вплоть до образования всетюркской республики.

Пропаганда панисламизма и пантюркизма в Средней Азии и Казахстане в 1905—1907 годах велась довольно широко буржуазными националистами — узбекскими, казахскими и особенно татарскими. Для пропаганды были избраны главным образом мусульманские школы, учителя-мугаллимы этих школ и муллы.

Проникновение пантюркизма и панисламизма в казахскую степь относится к концу XIX века и началу XX века. В Петербурге еще до революции 1905—1907 годов существовали два мусульманских общества «Мусульманское» и «Востоковедения», откуда и началась пропаганда пантюркизма и панисламизма.

Турция, за спиной которой действовали империалистические государства, особенно Англия и Германия, засылала в Среднюю Азию большое количество агентов с целью пропаганды среди мусульман и организации их для борьбы за объединение всех мусульман против России. Лидер партии «Иттифак» Абдрашит Ибрагимов выезжал в Казахстан и встречался с казахскими националистами в Оренбурге, Петропавловске и других городах. Ячейки партии «Иттифак» были созданы в Ташкенте, Оренбурге, Петропавловске, Семипалатинске, Уральске, Омске, Верном, Ашхабаде и других городах.

Феодально-байские интеллигенты были проповедниками панисламизма и пантюркизма, являвшегося политической идеологией феодальных элементов восточных народов. Это была идеология азиатского деспотизма и кнута, они были па-

негиристами нравов турецких башибузуков и степных аткаменеров — знатных феодалов. Они боролись против своего народа, против революции.

Наряду с организацией мусульманских националистических ячеек партии «Иттифак» и в тесной связи с нею, в Казахстане в 1905 году была создана ячейка кадетской партии, во главе которой стоял Букейханов. Но и эта группа, явившаяся ядром позднее оформившейся контрреволюционной партии «Алаш», также поддерживала реакционные идеи пантюркизма и панисламизма.

В противоположность казахским буржуазным националистам казахская демократическая интеллигенция звала казахский народ на борьбу и против царского правительства и его колонизаторской политики, и против казахских феодалов, не хуже царизма угнетавших и эксплоатировавших казахский народ. Она будила национальное самосознание и чувства национального достоинства казахского народа. Она боролась за проведение подлинных реформ, за обучение в школе на родном языке, за распространение просвещения и знания в народе, требовала политических свобод для народа, раскрепощения женщин, пропагандировала необходимость перехода к оседлому образу жизни и к земледелию. Она выступала против идеализации феодально-байскими идеологами «прелестей» кочевого быта и патриархальщины, отстаивала требования казахских трудящихся об отводе земель для казахов и уравнения казахов в правах с русским населением. Она требовала запрещения барымты и калыма, а также ликвидации других родовых пережитков, использовавшихся в целях наживы и эксплоатации трудящихся казахскими феодалами.

В лице казахской демократической интеллигенции, а также народных акынов казахский народ видел своих защитников в борьбе против русского самодержавия и против своих классовых врагов — феодалов-баев.

Но эта демократическая прогрессивная интеллигенция была немногочисленной и слабой, выступала неорганизованно и почти не имела организационной связи с революционными большевистскими организациями Казахстана. Без руководящей роли российского пролетариата и его революционной партии не могло быть и речи о самостоятельной национально-освободительной борьбе казахского народа.

Буржуазно-националистические элементы были не в состоянии руководить национально-освободительным движением казахских трудящихся масс. Революционно-освободительная борьба казахского народа развивалась под влиянием русского революционного движения и составляла с ним единое целое. Попытки же казахских буржуазных националистов

возглавить и повести за собой массы кончались провалом. Это и понятно, поскольку казахские националисты звали народ к сделке с царским правительством и добивались лишь некоторых либеральных реформ. Иллюстрацией этих куцых либеральных устремлений казахских буржуазных националистов является келейно составленная петиция царю, подписанная затем на Куяндинской ярмарке приехавшими туда казахами. В этой петиции, кроме общих пожеланий о необходимости переустройства жизни казахов и прекращения переселений в казахскую степь крестьян из России, выдвигались такие умеренные требования, как свобода вероисповедания, организация особого духовного управления, постройка школ и мечетей, выдача заграничных паспортов для поездки в Мекку и т. д.

Байство и казахская буржуазно-националистическая интеллигенция вовсе не ставила перед собой задачи осуществления национального освобождения казахского народа. Она больше всего боялась именно этого революционного освободительного движения казахских трудящихся масс и старалась направить его в русло легально-реформистского, петиционного движения. Вместе с тем, она стремилась обособить казахские массы от революционного движения русского населения как в России, так и на окраинах, которое ставило перед собой задачу не только осуществления революционно-демократического переворота и завоевания политических свобод, но и национального освобождения всех угнетенных народов окраин.

Подача подписанной 25 июля 1905 года на Куяндинской ярмарке петиции царю была поручена делегации, во главе с Бахиджаном Каратаевым. В составе делегации были муллы, баи и ишаны. Делегация поехала в Петербург, была принята царем, выразила ему свои верноподданические чувства и поздравила с годовщиной рождения наследника Алексея. Делегаты сфотографировались с царем в ярких цветных халатах и чалмах. По совету генерала Джангерханова, делегация даже не передала царю привезенной петиции и вообще не возбудила никаких ходатайств. Обласканные царем, баи и муллы уехали домой, не помышляя ни о каких свободах для казахского народа.

В период революции 1905—1907 годов среди казахского населения усилилась националистическая антирусская агитация. Особенно активно вели ее наиболее видные казахские буржуазные националисты — Букейханов, Каратаев, Сейдалин и др.

Дулатов в своем произведении «Ойян, казак» («Проснись, казах») натравливал казахов против русских переселенцев. По своим политическим убеждениям казахские буржуазные националисты близко стояли к русской кадетской партии, а не-

которые из них, как, например, Букейханов, Сейдалин и Каратаев, состояли ее членами. Они принимали также участие в съездах мусульманского союза, организаторами которого были по преимуществу представители татарской торговой буржуазии.

Мусульманская, в особенности татарская буржуазия была настроена оппозиционно против царского правительства, так как оно ограничивало ее торговую деятельность в Казахстане. Царское правительство запрещало мусульманским торговцам-татарам и лицам не христианских вероисповеданий приобретать недвижимую собственность в Средней Азии и всячески старалось вытеснить мусульманскую буржуазию из среднеазиатских рынков. Разбогатев на меновой торговле с казахами, татарская буржуазия создавала в Казахстане крупные торговые фирмы. Она была тесно связана с казахскими баями и буржуазными казахскими националистами-интеллигентами, вышедшими из байской среды. Еще большим влиянием на массы пользовалось мусульманское духовенство — муллы, ишаны.

Работа большевиков в Казахстане.

Большевики в Казахстане вели неустанную работу, разъясняя массам их подлинные цели и призывая русских и казахов к совместной борьбе против классового и национального гнета, за политические свободы для всех народов России. Большую работу вел в Казахстане в 1905—1907 годах В. В. Куйбышев. Весной 1906 года он приехал в Петропавловск. Здесь он организовал маевку рабочих у озера Пестрое. Вслед за маевкой была устроена встреча рабочих с революционерами, сосланными в Сибирь. Под руководством В. В. Куйбышева была проведена большая забастовка петропавловских рабочих. Большевистская организация Петропавловска, руководимая Куйбышевым, выпускала листовки, распространяла нелегальную литературу, вела борьбу против меньшевиков и эсеров, организовала боевую дружину.

Большую массовую работу вела Кустанайская партийная организация, руководимая большевиком Иваном Федоровичем Голованом. Он работал заведующим переселенческим складом земледельческих орудий в Кустанае и относился к числу тех чиновников Переселенческого управления, о которых кустанайский уездный начальник говорил, как о «не заслуживающих доверия». Голованов создал крепкую партийную организацию, которая вела огромную работу среди трудового населения Кустанайского уезда. Большевик Голованов пользовался авторитетом и любовью не только среди жителей Кустаная, — его знали и уважали крестьяне-переселенцы и казахи Кустанайского уезда.

Во время выборов во II Государственную думу большевики Казахстана развернули большую агитационную работу среди населения Казахстана. Большевистские кандитаты в выборщики прошли в ряде городов. В сообщении акмолинского губернатора на имя министра внутренних дел указывалось, что на предвыборных собраниях под флагом беспартийной прогрессивной части населения выступал блок кадетов и эсеров, выставивших по два кандидата. «Серьезным противником этому блоку, — продолжает губернатор, — была социал-демократическая партия, не пожелавшая вступить с ним в соглашение, и самостоятельно выставила своих кандидатов, агитируя за них конспиративно». От социал-демократической партии прошли все четыре выборщика, из них два железнодорожных рабочих, врач и конторщик. В Уральске все 15 выборщиков прошли от социал-демократической партии.

В результате выборов во II Государственную думу от русского населения Казахстана из 8 депутатов Государственной думы было избрано четыре социал-демократа. От казахского населения прошло три кадета и двое беспартийных.

Перед отъездом социал-демократических депутатов в Петербург партийные организации устроили митинги избирателей. Кустанайская партийная организация устроила митинг в Народном Доме. На митинг собрались не только жители города Кустаная, но и крестьяне-переселенцы и казахи ближайших сел, деревень и аулов. Собравшиеся не помещались в здании Народного Дома, пришлось митинг проводить на улице. Митинг открыл кустанайский староста Свиридов, сочувствовавший большевикам. Учитель Абрамов огласил «Наказ» члену Государственной думы Голованову от избирателей. Голованов, приняв «Наказ», произнес горячую речь. «Граждане! — говорил он. — Я получил этот «Наказ», но он составлен от жителей только Кустаная. Я бы желал иметь такие же «Наказы» и от всех волостей уезда, причем первым требованием этих наказов должно быть упразднение должностей крестьянских земских начальников — всех этих дармоедов. Эти должности занимаются, за редким исключением, пропившимися и промотавшимися дворянами да выгнанными со службы офицерами». Народ, собравшийся на митинг, закричал: «Долой, долой их!».

«Вторым требованием наказа, — продолжал Голованов, — должно быть следующее: в законе сказано, что всякий переселившийся в Тургайскую область имеет право на получение из казны 165 рублей и 200 корней деревьев на постройку. Получили ли вы это?».

Слушатели дружно ответили: «Нет, не дали». Голованов сказал далее: «Я говорил с переселенческими чиновниками, — почему вам не дают леса. Мне сказали, что здесь леса нет.

В. В. КУЙБЫШЕВ

А устраивать казенные лесные склады и продавать лес крестьянам втридорога — лес есть? — Если издали закон, так его надо исполнять, или же лучше его не писать!».

Раздались голоса: «Верно! Так!»

После митинга народ организованно пошел провожать Голованова. Проводы превратились в грандиозную демонстрацию. Построенные рядами, демонстранты шли с красными знаменами и пели революционные песни.

Полиция потребовала убрать знамена и прекратить пение революционных песен, но демонстранты не обращали никакого внимания на требования полиции. Напротив, демонстранты останавливались для того, чтобы послушать речь очередного оратора, которого поднимали на руках над толпой.

Проводив Голованова за город и тепло с ним попрощавшись, демонстранты также организованно вернулись в город.

Кустанайский уездный начальник Кочергин в телеграмме на имя тургайского генерал-губернатора в тот же день сделал следующее донесение: «Сегодня тысячная толпа во главе с учителями с участием школьников провожала Голованова за город с красными флагами и революционными песнями. Возвратившись, по требованию полиции, разошлись». В заключение Кочергин писал в своей телеграмме: «Чернь народная под влиянием социал-демократов теперь более чем когда-либо смело высказывает свое суждение, признавая для себя более удобным иметь власть из своей среды, самим народом выбранную. Вообще от того уважения к правительственной власти, которое имело место здесь ранее вплоть до созыва первой Государственной думы, теперь не осталось и следа».

Выполняя пожелание Голованова, чтобы «Наказы» были составлены и от крестьян, крестьяне Кустанайского уезда составили и обсудили свои наказы на сходах и отправили их в Петербург Голованову. В этих наказах они писали о тяжелом положении и русских крестьян-переселенцев и просили своего депутата поставить о них вопрос в думе.

Когда II Государственная дума была разогнана, Голованов прислал рабочим Кустаная телеграмму, сообщавшую о разгоне думы правительством. Рабочие Кустаная организовали Революционный комитет, под руководством которого устроили демонстрацию протеста.

Вскоре жители Кустаная узнали, что Голованов и вся большевистская фракция Государственной думы арестованы. Кустанайская большевистская группа собрала митинг жителей Кустаная, который потребовал от министра внутренних дел Столыпина освобождения Голованова и всей социал-демократической фракции. Принятая митингом резолюция заявляла,

что «волнения и народные движения тогда только прекратятся, когда будет создана не сословная, а полновластная дума, избранная путем всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов». Она требовала отмены всех ограничительных законов и полной амнистии всем гражданам, пострадавшим в борьбе за правду, а также отмены нового избирательного закона.

В ответ на кустанайскую резолюцию Столыпин приказал выявить всех организаторов митинга и составителей резолюции и выселить их из Тургайской области. Охранка арестовала руководителей и ряд других членов кустанайской социал-демократической организации.

Значительно было влияние большевистской партии на трудящихся Казахстана в период революции 1905—1907 годов и в Акмолинской области. Во II Государственную думу от Акмолинской области был избран большевик Виноградов.

Обострение переселенческого вопроса.

Когда весной и летом 1906 года начались массовые крестьянские волнения в России, царское правительство начало вновь усиленно поощрять переселение русских крестьян в казахские степи. «...Переселение особенно стало рекламироваться и всячески поощряться,— писал Ленин,— именно при приближении, а затем при развитии крестьянского движения в Европейской России».[1]

Царское правительство рассчитывало новым массовым переселением крестьян из России ослабить остроту крестьянской борьбы за землю внутри России. Переселенческое управление начало снова усиленно отнимать земли у казахов в переселенческий фонд. Возмущенные казахи требовали прекращения изъятия земель у казахского населения.

В защиту казахов, как и всех угнетенных народов России, выступали депутаты-большевики. Депутат-большевик от Уральской области И. И. Косьмодамианский выступил с резкой критикой колонизаторской и переселенческой политики царизма. Он сказал, что царское правительство, русские помещики и буржуазия видят в переселении крестьян из России на окраины «панацею от всех зол и бед, один из способов удержать крестьян от борьбы против русских помещиков», что царское правительство обманывает русских крестьян, рекламируя переселение и не оказывая им никакой помощи, когда они туда переселяются, что правительство нисколько не считается с интересами казахского народа, «не считается с известным экономическим бытом, с психологией кочевников и ломает всю

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. XV, стр. 524.

жизнь казахов», что эта политика не может привести к благоприятным результатам.

Ленин резко критиковал кадетов и меньшевиков. Ленин писал, что «муниципализаторская» идея меньшевиков только и послужила националистическим тенденциям разных групп буржуазии . Ленин указал также, что «националы» стоят несколько в стороне от нашего аграрного вопроса. У многих нерусских народностей нет самостоятельного крестьянского движения в центре революции, как у нас. Поэтому вполне естественно, что в своих программах «националы» часто держатся несколько в стороне от русского аграрного вопроса. Наша, дескать, хата с краю, мы сами по себе. Со стороны националистической буржуазии и мелкой буржуазии такая точка зрения неизбежна».[1]

Правые партии отстаивали политику захвата земель у казахов и всячески поощряли переселение крестьян из России в Казахстан. Они мотивировали необходимость земельных захватов «интересами развития культуры» в Казахстане.

Против этой грабительской переселенческой политики казахское население боролось, как умело и как могло. Тургайский вице-губернатор Леонтьев писал, что казахи не позволяют образовывать переселенческие участки, пока Государственная дума не решит земельного вопроса. «Угрозы киргиз, — писал Леонтьев, — не допустить фактического отвода участков, впредь до решения переселенческого вопроса Государственной думой, повторяемые ими неоднократно в поступающих от них прошениях, не есть простая угроза, а верное отражение действительного настроения большинства киргизского населения, с которым необходимо посчитаться, и теперь же, пока это настроение не перешло в общее национальное движение и активное противодействие переселенческому движению».

Большевики Казахстана вели революционную работу как среди русских, так и среди казахских трудящихся, готовя их к новым боям.

Власти отмечали, что под влиянием революционной пропаганды и агитации большевиков усилилось сопротивление переселенческой политике среди казахского населения. Казахское население не ограничивалось подачей прошений и в целом ряде мест переходило к открытой борьбе. Столкновения казахов с войсками и полицией были нередким явлением. Однако эти выступления были разрозненными и стихийными. Они не вылились в общенациональное освободительное восстание и не соединились с пролетарской борьбой.

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. XI, стр. 485.

§ 49. КАЗАХСТАН В ПЕРИОД СТОЛЫПИНСКОЙ РЕАКЦИИ.

Борьба рабочих и крестьян Казахстана против реакции.

Революция 1905—1907 годов в России потерпела поражение. Рабочие и крестьяне России вынуждены были отступить и готовить силы для нового штурма самодержавия. Царизм, напуганный революцией, торопился уничтожить все ее завоевания. Были уничтожены возникшие в дни революции Советы рабочих депутатов, закрыты профсоюзы и крестьянские организации, разгромлены организации большевиков, арестованы их руководители.

3 июня 1907 года царское правительство разогнало II Государственную думу и объявило новый избирательный закон, обеспечивший большинство помещикам и буржуазии. Депутаты думы — социал-демократы были арестованы, осуждены царским судом и сосланы в Сибирь.

Созывая новую реакционную III думу, царизм стремился установить блок с контрреволюционной буржуазией. Стремясь расширить свою социальную опору, царизм вынужден был сделать еще один шаг в сторону буржуазной монархии. Наиболее ярким проявлением этой политики третьеиюньской монархии и явилась земельная реформа Столыпина.

В Казахстане, как и по всей стране, шла свирепая расправа с революционным движением. Жандармы и полиция разгромили большевистские организации во всех крупных городах Казахстана — в Актюбинске, Петропавловске, Уральске, Перовске, Казалинске, Кустанае и в Оренбурге. В Омске были арестованы все участники общегородской партийной конференции во главе с Куйбышевым.

Избирательный закон от 3 июня 1907 года лишил народности Сибири, Средней Азии и Казахстана права посылать депутатов в Государственную думу.

Но революционное брожение среди казахского и русского населения Казахстана в годы реакции не прекращалось. Большевики Казахстана, уцелевшие от арестов полиции, ушли в подполье и перестраивали всю революционную работу в массах.

Продолжалась борьба не только в городе, но и в русском селе и в казахском ауле. Нередко она выливалась в форму прямых столкновений с местной администрацией и чинами Переселенческого управления. Переселенческая политика составляла одну из основ столыпинской реформы. В связи с аграрной реформой Столыпина ограбление национальных окраин усилилось. Казахи оказывали открытое сопротивление

землеотводным партиям Переселенческого управления, отчуждавшим у них земли в переселенческий фонд. В донесении Столыпину тургайского вице-губернатора сообщалось, что казахи шектинского рода аулов № 1 и № 2 Актюбинского уезда, Тургайской области, не допустили топографов Переселенческого управления к съемке местности для отвода земель под переселенческие участки. Казахи-алимовцы Бистмановской волости, Темирского уезда, также оказали противодействие топографическим партиям Переселенческого управления. В Илекской и Каратургайской волостях дело дошло до вооруженных столкновений. Сообщая об этом, вице-губернатор писал, что причину подобных столкновений «следует искать в начавшемся у киргиз общем движении против работ по изъятию у них земли, чему, конечно, в огромной степени способствовали события, совершающиеся в России».

Русские крестьяне, переселившиеся в Казахстан после революции 1905 года, не только не ослабили, а обострили революционное брожение в Казахстане. В ряде районов они отказывались платить подати. Своими рассказами о борьбе крестьян за землю в России они поднимали казахов на борьбу против колонизаторской аграрной политики царизма в Казахстане.

«Переселенцы из Европейской России,—доносил в 1907 году акмолинский губернатор, — своими рассказами о бедственном положении крестьян и об их насильственных действиях с помещиками, а равно нежеланием платить подати, заражают и здешних крестьян».

Непрекращавшаяся борьба рабочих и крестьянских масс против наступления реакции поддерживала и оппозиционные настроения в среде либерально-настроенной казахской интеллигенции. В конце 1907 года в Кустанае, Троицке, Оренбурге и других городах происходили совещания либеральной казахской интеллигенции с целью разработки требований правительству о нуждах казахского народа. Материалы совещаний были отправлены в мусульманскую фракцию III Государственной думы. На основе этих материалов мусульманская фракция разработала доклад для внесения в Государственную думу. В докладе выдвигались следующие требования: прекращение переселения в Казахстан крестьян из России и наделение казахов землей; свобода вероисповедания; издание казахской газеты; избрание в Государственную думу депутата от казахов. Все эти требования остались, конечно, без внимания.

Переселенческая политика царизма в Казахстане в годы столыпинской реакции.

После поражения революции 1905—1907 годов переселение крестьян из России приняло массовый характер. Аграрная реформа Столыпина, ставившая своей целью уничтожение общинного земледелия и насаждение отрубной и хуторской кулацкой системы хозяйства, приводила к разорению и «раскрестьянствованию» крестьянства. Обезземеленное русское крестьянство вынуждено было либо уходить из деревни в город на заработки, либо переселяться на окраины, в поисках «свободных» земель для поселения.

В. И. Ленин отмечал, что царское правительство особенно рекламировало и поощряло переселение русских крестьян именно после революции 1905—1907 годов, чтобы в центре России создать побольше «крепких» крестьян-собственников, а недовольных бедняков и середняков выдворить подальше—в Сибирь и Среднюю Азию.

Социал-демократическая фракция III Государственной думы, голосуя против сметы Переселенческого управления, также отметила, что «рекламирование переселения правительством в 1906 году было вызвано стремлением правительства уклониться от удовлетворения земельной нужды крестьянства на местах» и что, «охраняя земли помещиков внутри России, правительство эксплоатирует земли инородцев в Азии и нарушает насущные интересы старожилов».

Давая всестороннюю и глубокую критику переселенческой политики царизма, Ленин показал, что Россия обладает огромным колонизационным фондом. Но правильное использование этого фонда связано с демократическим решением аграрного вопроса, при условии свободной крестьянской колонизации, а не бюрократической переселенческой политики царского правительства. Непригодным в значительной своей части этот фонд является в настоящее время не столько в силу природных свойств тех или иных окраинных земель, сколько вследствие наличия пережитков крепостничества в сельском хозяйстве России, обрекающих технику на застой, население — на бесправие, забитость и невежество.

Запас свободных земель для переселения имелся. При правильной, хозяйственно-целесообразной организации переселенческого дела, при затрате необходимых средств на освоение новых земель, переселение на окраины, в частности в Казахстан, могло иметь известное положительное значение как для колонизуемых районов, так и для всей России.

Но вместо того, чтобы поднять новые, никем еще не освоенные земли, царское правительство образовывало земельные фонды для переселения разбойничьим способом. В переселен-

ческий фонд отбирались земли исключительно культурные, освоенные коренным населением, земли с оросительной системой, с культурными насаждениями, зимовками и т. д.

Для освоения новых земель требовались время, труд и деньги, а реакционное царское правительство не думало, конечно, тратить на это средства, когда оно могло сгонять тысячи казахских хозяйств с их родной земли и устроить на них переселенцев.

Протестуя против грабежа и произвола, чинимых чиновниками переселенческих организаций, казахи посылали жалобы в Государственную думу, генерал-губернаторам и Столыпину.

Так, например, казахи первого, третьего, четвертого и седьмого аулов Тургайского уезда в своей телеграмме на имя Столыпина от 7 февраля 1907 года писали: «Комиссия переселенческой организации постановила отобрать у киргизов самые лучшие земли для переселенцев. Киргизы, забитые, боятся сказать слово, крестьянские начальники держат в своих руках местные киргизские власти. Работа этой партии ведет киргиз к разорению. Ваше высокопревосходительство, избавьте нас от таких врагов, желающих силой отнять у нас землю, в противном случае киргизы не будут терпеть и дремать, а будут защищать себя от этих врагов».

Тургайскому генерал-губернатору Столыпин в ответ на жалобы казахов дал такую телеграмму: «Благоволите им сообщить, что всякое их сопротивление работам переселенческих партий будет подавлено силой».

История грабежа казахских земель переселенческими органами царского правительства знает немало подобных жалоб на произвол со стороны царских чиновников при изъятии земель, но эти жалобы оставались без результата.

Содействуя укреплению кулацких хозяйств в центре России, царское правительство в то же время стремилось создать крепкий слой русских кулаков и на окраинах, видя в них одну из опор самодержавия в колониях империи. Столыпин требовал, чтобы в Казахстане, как и в других «окраинах» империи, укреплялись прежде всего русские кулацкие хозяйства. «Переселение крестьян центральных губерний на свободные казенные земли азиатской России приобретает первостепенное государственное значение, — писал он в одном из циркуляров. — Этим путем, с одной стороны, достигается увеличение и укрепление в восточных областях коренного русского элемента, столь необходимого как для укрепления начал русской государственности, так и в целях политических».

Наряду с насаждением слоя кулаков-колонизаторов, царское правительство создавало в Казахстане и крупные помещичьи хозяйства. В 1912 году было издано положение о сдаче

крупным землевладельцам в аренду, без торгов, земель в Сибири, Казахстане и Туркестане. Для этой цели был выделен специальный фонд лучшей земли. К 1915 году было выделено 1 800 тысяч десятин. Генерал Янов, полковники Козлов и Семенов, помещики Потоцкий и Варун-Секрет, капиталисты Заболотников и другие — все они получили от царского правительства огромные поместья в Казахстане по 10 копеек за десятину.

Крупные русские землевладельцы-аристократы — князь Кочубей, граф Медем, князь Касаткин-Ростовский, Новосильцев и другие — стали владельцами больших коневодческих и овцеводческих хозяйств. В их руках находились огромные земельные пространства, пастбища и сенокосные угодья. Как показывает следующая таблица, более 40 млн. десятин земли было изъято у казахов и передано в переселенческий фонд.

В переселенческий фонд, на казачьи поселения, лесные казенные дачи, под участки специального назначения для городов и под железные дороги были экспроприированы у казахов земли:

Губернии	Общая площадь губерний в десятинах	Всего было изъято земель
Семипалатинская	49643906	14174376
Акмолинская	45828108	8682786
Кустанайская	11058563	3701986
Оренбургская	44355758	4121724
Актюбинская	40799893	2330234
Уральская	16587772	7474109
Букеевская	7191310	137500
Адаевский уезд	26712457	20000
Всего	242257787	40642765

Таким образом, из общей площади в 240 млн. десятин земли у казахов было изъято более 40 млн. десятин лучших земель и лучших пастбищ.

Вопрос о смещении казахов на другие места решался очень легко, и переселенческие чины, конечно, не думали о последствиях такого разорения казахских хозяйств.

«Очень легко решает, — писал Пален, — Переселенческое управление также вопрос о водворении на другие места выселяемых с проектируемых участков киргиз. Сселяемых такого-то аула потеснить в такой-то, этого аула потеснить в такой-то. Не имеется ни подробных планов земельных угодий тех аулов,

которые нужно, по его мнению, потеснить, ни сведений о том, сколько каких угодий в этих аулах и достаточно ли их будет для сселяемых, ни о том, чем занимаются эти аулы и чем сселяемые, согласны ли одни принять, а другие войти в их общество и что может произойти от этого потеснения. Все это нисколько не интересовало чинов Переселенческого управления».

Земельные притеснения непосредственно ощущали на себе только трудящиеся казахи. Именно они выносили на своих плечах тяжесть царской переселенческой политики. Баи, духовенство обеспечили себя пастбищами на лучших землях путем угнетения и стеснения трудящихся казахов. Сгоняя трудящихся казахов с насиженных мест, правительство и местные власти охраняли земли и покой баев, духовенства и других представителей местной знати, которые помогали царизму в его колонизаторской политике. Стремление царского правительства к защите интересов эксплоататорской верхушки казахского общества нашло полное отражение в инструкции от 9 июня 1909 года о порядке дальнейшего изъятия земель у казахов. В седьмом параграфе этой инструкции было указано: «В случае обнаружения явной недостаточности для какой-либо обособленной по землепользованию группы киргиз следуемого ей земельного обеспечения, ввиду нахождения в этой группе отдельных хозяйств с большим количеством скота и крупными размерами запашек и укосов, в пользовании группы могут оставляться, сверх причитающегося обеспечения, земельные площади в мере действительной потребности».

Таким образом, царское правительство, усиленно экспроприируя все новые и новые земельные «излишки» у трудового населения, в то же время баям оставляло земельные участки «в мере действительной потребности».

Байство, всячески помогая царскому правительству расхищать земли трудовой массы казахского населения, старалось сохранить патриархально-феодальный гнет, чтобы под прикрытием родовых отношений легче было эксплоатировать казахский народ. Совместно с царским правительством байство разжигало межнациональную рознь, натравляя казахов на русских крестьян-переселенцев.

Реакционная политика царского правительства, политика натравливания одной нации на другую, политика угнетения, унижения и оскорбления нерусских народов расцвела в Казахстане, так же как и на других окраинах царской России, махровым цветом.

Колониальный гнет и грабеж, произвол и насилия царских чиновников, эксплоатация со стороны кулаков и байства — все это обостряло классовые противоречия в Казахстане, обо-

стряло ненависть казахского народа к колонизаторам, к царскому правительству и к байству. Недовольство росло также и среди русского крестьянства. Большая часть русских переселенцев — бедняков и середняков — не получила земли и вынуждена была арендовать ее у кулаков и казачества. Многие из «неустроенных переселенцев» образовали в казачьих станицах слой так называемых «иногородних», влачивших нищенское существование.

Между бедными казахами и русскими крестьянами-бедняками устанавливались дружественные отношения. Казахи помогали русским крестьянам-новопоселенцам вспахать землю, перевезти сено, убрать урожай, оказывали помощь скотом. Русские крестьяне также не оставались у них в долгу. Они видели, что и казаху-бедняку живется очень тяжело.

Царские чиновники и полиция все чаще отмечали факты сближения и дружбы между русскими и казахскими крестьянами. «Василий Панкратьевич Капитанов совместно с другими лицами вел разговор о положении киргиз, — доносил охранник семиреченскому губернатору, — причем собравшиеся говорили, что положение киргиз тяжелое, так как места для кочевок все убывают, горы отходят под казенные дачи, а удобные долины—под русские поселки и в казну, что, несмотря на то, что киргизы весьма полезный народ, что они несут всякую работу — служат ямщиками и рассыльными и у русских хозяев обрабатывают поля, — но заступиться за них некому. Разговор коснулся также и крестьян, причем говорили, что жить крестьянам тоже тяжело, что многие из них сильно бедствуют».

Таким образом, вопреки колонизаторской великодержавной политике царского правительства, между трудовым населением Казахстана и русскими крестьянами-переселенцами возникали и крепли солидарность и братская дружба. Большевистская партия, ведя подпольную работу, разъясняла массам политику царского правительства и положение народа в царской России. Она использовала все легальные и нелегальные возможности для воспитания масс и для подготовки их к новым революционным делам.

Отстояв в борьбе с ликвидаторами, отзовистами и троцкистами нелегальную революционную партию пролетариата, большевики из политической группы «оформляются в самостоятельную Российскую социал-демократическую рабочую партию (большевиков). Пражская конференция положила начало партии нового типа, партии ленинизма, большевистской партии»[1].

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 139.

Это имело огромное значение — для подготовки победы революции в нашей стране, в том числе в Казахстане.

§ 50. КАЗАХСТАН В ГОДЫ НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА.

Экономическое развитие Казахстана после революции 1905—1907 годов.

Характеризуя экономические последствия русской буржуазно-демократической революции 1905 года для национальных окраин России, товарищ Сталин писал: «...В стране происходила серьезная ломка экономической жизни. 1905 год не прошел даром: остатки крепостнического уклада в деревне получили еще один удар. Ряд урожаев после голодовок и наступивший потом промышленный подъем двинули вперед капитализм. Дифференциация в деревне и рост городов, развитие торговли и путей сообщения сделали крупный шаг вперед. Это особенно верно относительно окраин. Но это не могло не ускорить процесса хозяйственной консолидации национальностей России. Последние должны были придти в движение...».[1]

В эти годы промышленность Казахстана заметно выросла. Увеличилось количество предприятий. Стали внедряться в производство машины. Увеличился объем выпускаемой продукции. Возросла численность рабочих. В 1913 году число предприятий увеличилось до 6 тысяч, стоимость валовой продукции достигала 67 миллионов рублей, а рабочих только в крупной промышленности насчитывалось 19 851 человек.

Оживление промышленности Казахстана было связано с общим промышленным подъемом в России и с проникновением сюда иностранного капитала. В это время здесь возникли новые крупные промышленные предприятия и акционерные общества по добыче нефти: «Урало-Каспийское акционерное общество», «Нефтяное общество товарищества Нобель», «Общество Эмба и Каспий», «Общество Колхида».

Акции казахстанских акционерных предприятий высоко котировались на иностранной бирже. На спекуляциях этими акциями владельцы их наживали большие барыши.

Иностранный капитал попрежнему устремлялся, главным образом, в добывающую промышленность. Иностранные, как и русские, капиталисты хищнически эксплоатировали богатые недра Казахстана. На медных и свинцовых рудниках, угольных шахтах и нефтяных промыслах попрежнему преобладал ручной труд. Больших затрат на механизацию производства

---

[1] И. В. Сталин. Сочинения, т. II, стр. 290.

капиталисты не производили. Они предпочитали эксплоатировать дешевый труд казахских рабочих.

Подъем революционного движения.

Предвидение большевиков о неизбежности нового революционного подъема в России оказалось правильным. Рабочие вновь стали подыматься на борьбу. Бурный подъем революционного рабочего движения начался в связи с расстрелом рабочих на Ленских золотых приисках в Сибири. В 1912 году в большевистской газете «Звезда» товарищ Сталин писал, что «ленские выстрелы послужили сигналом забастовок и демонстраций».[1]

По всей стране прокатилась волна массовых забастовок и революционных демонстраций. На ленский расстрел в Казахстане первыми откликнулись рабочие Риддера, шахтеры Экибастуза.

Вместе с количественным ростом промышленного пролетариата усиливалась политическая борьба трудящихся масс Казахстана. Большевистская партия поднимала массы рабочих России и угнетенные народы окраин на борьбу с самодержавием под тремя лозунгами: демократическая республика, конфискация помещичьих земель, восьмичасовой рабочий день. В сплочении масс вокруг большевистского знамени огромнейшую роль сыграли большевистские газеты «Звезда» и «Правда».

Через массовую рабочую газету «Правда», рожденную вместе с новым подъемом революционного движения, осуществлялось сочетание нелегальной революционной деятельности большевиков с легальной агитацией и организацией рабочих масс. На своих страницах «Правда» писала не только о рабочей жизни, о рабочих стачках и демонстрациях. Она систематически освещала крестьянскую жизнь, голодовки крестьянства, ограбление лучшей земли кулаками-хуторянами. Она писала и о жизни казахских трудящихся.

В 1911—1912 годах в России был неурожай. Голодали 20 миллионов крестьян России. Голод охватил и ряд областей Казахстана. Большевистская газета «Звезда» в № 26 за 1912 год сообщала о голодовке в Тургайской области: «Голод охватил почти всю область, населенную киргизами и переселенцами из внутренних губерний России».

Ненависть казахского населения к царскому правительству все усиливалась. Чаще и чаще стали наблюдаться открытые революционные выступления. Большевистская газета «Правда» в № 52 за 1912 год поместила корреспонденцию из Казахстана о событиях, происшедших в Каракольской во-

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 141.

лости, Лепсинского уезда, во время выборов волостного управителя и «народных» судей. Уездный начальник арестовал несколько казахов и взял их под стражу. Присутствовавшие при этом казахи потребовали освобождения арестованных. Уездный начальник отказался выполнить это требование. Тогда казахи окружили уездного начальника, оттеснили его от стражи и пытались прорваться к арестованным, чтобы освободить их. Стражники, по приказанию уездного начальника, открыли стрельбу по казахам. Несмотря на это, казахи прорвались к арестованным товарищам и освободили их, избив при этом стражников и писаря. Волнения казахов в Каракольской волости продолжались несколько дней и были подавлены вооруженной силой.

Рост национально-освободительного движения.

Большевистская партия неустанно разоблачала империалистическую политику царизма, направленную против всех угнетенных национальностей России.

Разоблачая буржуазных националистов, меньшевиков и эсеров, большевики призывали рабочих всех национальностей России «дружно и рука об руку бороться за пролетарское дело и против всех врагов рабочего класса».

В 1913 году товарищ Сталин написал свою знаменитую работу «Марксизм и национальный вопрос», в которой разоблачил буржуазно-националистическую программу национально-культурной автономии и противопоставил ей большевистскую национальную программу.

Под влиянием нового революционного подъема в России в 1912—1914 годах, а также в связи с революцией в Китае и вообще пробуждением Востока под влиянием первой русской революции 1905—1907 годов усилилось национально-освободительное движение угнетенных масс России.

О росте национально-освободительного движения в Казахстане семиреченский губернатор немец Фольбаум писал в секретном циркуляре уездным начальникам: «В Туркестане, Семиреченской и Ферганской областях, под влиянием поражений и неудач турок в войне с балканскими государствами и в виду якобы оказываемой Россией помощи славянам, в настоящее время наблюдается возбужденное настроение мусульман и враждебное их отношение к русским вообще и к русскому правительству в частности».

Однако действительной причиной возбуждения и недовольства угнетенных масс был колониальный гнет царского правительства. Начальник охранного отделения города Верного Железняков более правильно объяснил положение. Он писал Фольбауму: «Настроение мусульман продолжает быть возбужденным, так как причиной особо повышенного воз-

буждения является не помощь, оказываемая Россией христианским государствам в войне с Турцией, а земельный вопрос».

В 1913 году царское правительство отмечало трехсотлетие царствования дома Романовых. В связи с этим царские чиновники, помещики и буржуазия проводили большую агитационную работу не только в России, но и в Казахстане. Здесь, как и в России, распространялась «патриотическая» литература, собирались среди населения средства на устройство памятников в честь трехсотлетия Романовых, населению раздавались портреты царствующей семьи Николая II. Казахское население отказывалось давать средства и принимать портреты. Тот же Железняков сообщал губернатору Фольбауму: «Последствием внушения населению, что государь является виновником отобрания земель, был отказ поставить портреты в школах. В Нарыне местные мусульмане отказались от принятия портретов государя, каковые предполагалось раздать в дни празднования трехсотлетия дома Романовых».

Это движение казахских масс против празднования юбилея дома Романовых было отражением общего революционного подъема и оживления национально-освободительной борьбы всех угнетенных народов Востока против империалистического и колониального гнета. Хотя муллы и буржуазные националисты и пытались сыграть на национальных и религиозных чувствах казахских масс, но ни религиозные мотивы, ни пантюркистская солидарность не имели для казахских народных масс никакого значения. Казахский народ вел подлинную национально-освободительную борьбу против колонизаторской политики царизма, за свою свободу и за свои земли. Однако борьба казахов против национально-колониального гнета не вылилась тогда в общенародное освободительное восстание. Такое восстание вспыхнуло только через несколько лет, в 1916 году.

ГЛАВА XIX.

КАЗАХСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПЕЧАТЬ В ПЕРИОД БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

§ 51. РАЗВИТИЕ КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА.

Пробуждение национального самосознания казахского народа.

Буржуазно - демократическая революция 1905 — 1907 годов в России сильно способствовала пробуждению угнетенных национальностей и некоторому оживлению общественной мысли в национальных окраинах царской России.

Характеризуя этот процесс, товарищ Сталин в свое время писал: «Рост газет и вообще литературы, некоторая свобода печати и культурных учреждений, рост народных театров и т. п., без сомнения, способствовали усилению «национальных чувств». Дума с ее избирательной кампанией и политическими группами дала новые возможности для оживления наций, новую широкую арену для мобилизации последних.

А поднявшаяся сверху волна воинствующего национализма, целый ряд репрессий со стороны «власть имущих», мстящих окраинам за их «свободолюбие», — вызвали ответную волну национализма снизу, переходящего порой в грубый шовинизм».[1]

В известной мере это имело место и в Казахстане. Расширившаяся сеть школ, первые попытки издания газет и журналов на казахском языке, развитие письменной казахской

[1] И. В. Сталин. Сочинения, т. II, стр. 291.

литературы будили национальное самосознание народа. Наиболее демократическая часть казахской интеллигенции, учителя — мугаллимы, поэты и писатели звали народ к знанию и просвещению. Из среды этой интеллигенции вышли и сторонники решительной реформы старометодных мусульманских школ.

Еще в конце XIX века на восточных окраинах России получило развитие новое течение в области народного образования так называемый «джадид» или «усул и джадид», т. е. «новый метод». «Новометодные» школы отказывались от старых методов схоластического образования, тупого и механического заучивания религиозных текстов. Оставляя в качестве предмета преподавания мусульманское вероучение, новометодные школы вводили в практику преподавание математики, географии, истории. Обучение грамоте производилось в джадидских школах по звуковому методу.

Такие школы появились сначала в городах, потом в аулах. Между школой «нового метода» и школой старого схоластического метода шла постоянная борьба, которая продолжалась до февраля 1917 года. Большую прогрессивную роль в деле подготовки учителей из коренного казахского населения играли отдельные татарские средние педагогические учебные заведения и учительские семинарии в Омске, Семипалатинске, Оренбурге, Саратове, Ташкенте и других городах.

В этот же период в ряде волостей и в аулах Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей открылись начальные школы с обучением на русском и казахском языках.

В XX веке, на почве складывавшихся буржуазных отношений в казахском ауле и углубления процесса классового расслоения в нем, среди казахской интеллигенции, главным образом писателей, явственно стали намечаться два направления. Одно направление — буржуазно-националистическое, отражавшее интересы казахских баев-полуфеодалов, позднее оформившееся в контрреволюционную буржуазно-националистическую партию «Алаш»; другое направление — демократическое, отражавшее интересы широких народных масс.

Казахские буржуазные националисты активно пропагандировали идеи пантюркизма и панисламизма — наиболее реакционных течений, получивших распространение в странах мусульманского Востока.

Буржуазные националисты в своей контрреволюционной деятельности всячески протаскивали враждебные для казахского народа идеи, особенно в области культуры, — языка, литературы, истории и др., тем самым они обрекали казахский народ на духовный застой.

Замазывая процессы социальной ломки и расслоения, происходившие в ауле, буржуазные националисты идеализировали феодально-патриархальный аул и его жизненный уклад. Они пытались отвести законный гнев казахской бедноты от эксплоататоров-баев, натравить ее на другие национальности, особенно на русский народ, разжечь национальную рознь и в обстановке этой вражды и розни выдать себя за подлинных защитников народа и представителей его интересов.

В художественной литературе буржуазные националисты то идеализировали феодальное прошлое, то выступали певцами индивидуализма, мистицизма и эстетизма, перенося нередко в творческую практику казахской литературы эстетику русского символизма. Даже в переводах русских классиков они старались смягчить их критический реализм. В отличие от Абая и своих современников — демократических писателей, они насыщали язык своих произведений арабизмами и персизмами. Таким образом, они стремились не к сближению языка народа и языка литературы, а к искусственному разобщению их.

Представители демократической интеллигенции призывали народ к борьбе за национальное и социальное освобождение, за просвещение и прогресс. Для этой цели они вводили новые методы обучения, распространяли просвещение на казахском языке, требовали политических свобод, стремились к раскрепощению женщины, боролись за переход к оседлому образу жизни, за отвод лучших земельных участков для бедноты.

Следуя традиции критического реализма своих предшественников, Абая и Алтынсарина, они через литературу и печать критиковали старые патриархально-феодальные устои и обычаи, которые ослабляли народ и его созидательные силы. Они разоблачали хищничество казахских эксплоататоров — баев, биев и мулл.

Представители демократической интеллигенции знакомили казахский народ с лучшими произведениями русской и родной казахской литературы.

В интересах обеспечения дальнейшего роста национального самосознания казахского народа писатели этого направления боролись за создание казахского литературного языка.

Деятели демократической печати и просвещения пропагандировали необходимость перехода казахов к оседлому образу жизни. Редактор журнала «Айкап» Мухамеджан Сералин писал, что «пока казахский народ остается кочевым, он не сможет сложиться в культурную нацию».

Призывая казахский народ, особенно молодежь, приобре-

тать знания, овладевать различными профессиями, постигать культуру, Мухамеджан Сералин заключал: «Перед нами только два выхода: строить села, жить оседло, — тогда только закрепится за тобою хотя бы малая часть хорошей земли. Строить мектебы, медресе, школы и отдавать туда детей, прививая им одновременно овладение русским языком, взять свою долю от достижений науки, — тогда мы станем людьми и будем нацией, иначе исчезнем с лица земли» (журнал «Айкап», № 3, 1912, стр. 55—56).

Глубокие изменения в социально-политической жизни, происходившие не только в Казахстане, но и во всей России, стали основной темой демократической казахской литературы периода буржуазно-демократической революции в России.

Ленин отмечал, что историческая ломка, происходившая в России, не могла не захватить и жившие в ней угнетенные народности. «1905 г. был началом конца «восточной» неподвижности»,[1] — писал Ленин.

Писатели демократического направления.

Представителями демократического направления были писатели и поэты: Султан Махмуд Торайгыров, Машур Жусуп Копеев, Мухамеджан Сералин, Спандияр Кубеев, Сабит Донентаев и др. В своих художественных и публицистических произведениях они отражали борьбу и прогрессивные стремления народа в ту эпоху.

Султан Махмуд Торайгыров (1893—1920) родился и вырос в бедной семье в Павлодарской области. Безрадостные впечатления детства впоследствии отразились в его стихах о горькой доле бедноты. Получив образование в татарском медресе, он стал самостоятельно заниматься изучением русской литературы, читал также Абая, татарского поэта Габдуллу Тукая и др.

Литературную деятельность Султан Махмуд Торайгыров начал в 1910 году. Работая учителем и сотрудничая в журналах «Айкап» (1911) и «Абай» (1918), Султан Махмуд Торайгыров в своих стихах, поэмах, романах и статьях ярко и правдиво изображал жизнь дореволюционного аула. Призывая казахский народ к просвещению и к свободе, Торайгыров решительно выступал против отсталости и темноты народа, против реакционной деятельности мулл, ишанов, против феодально-патриархальных пережитков.

В своих стихотворениях «Одному человеку», «Кумыс», «Кош», в романах «Камар сулу» и «Кто виноват?» Султан Махмуд Торайгыров беспощадно разоблачал эксплоататорскую сущность казахских баев, феодалов и волостных пра-

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. XV, стр. 102.

вителей, возбуждая ненависть трудящихся масс ко всем угнетателям и эксплоататорам. В то же время он давал положительные образы бедняков и передовой молодежи.

В своем изображении действительности Султан Махмуд Торайгыров старался раскрыть ее существенные особенности. Он видел противоречия жизни казахского народа в период первой русской революции и наступившей после нее реакции. Он пытался найти из этих противоречий выход. Но его мечтания и стремления были ограничены: они отражали настроения и желания бедняцких масс казахского народа о справедливом и равномерном распределении материальных благ, которое бы смогло освободить бедняка от власти бая без коренного революционного преобразования казахского общества.

Эта мелкобуржуазная идеология Султана Махмуда Торайгырова в годы революции (1917—1918) послужила причиной его идейного кризиса и привела его на путь буржуазно-националистической контрреволюции. В годы революции он написал ряд пессимистических, буржуазно-националистических стихотворений, написал контрреволюционный гимн партии «Алаш».

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане побуждает Султана Махмуда Торайгырова пристально взглянуть на перемены, происшедшие в жизни трудящихся казахских масс. Он раздумывает над многими, ранее им высказанными буржуазно-националистическими, алаш-ордынскими взглядами. Стремлением Султана Махмуда понять и разобраться в совершившемся революционном перевороте является его статья «О социализме» (1918 г.) и поэмы «Кедей» («Бедняк», 1919 г.), «Адаскан Омир» («Заблуждение в жизни», 1919 г.).

В этих поэмах Торайгыров отобразил тяжелое бесправное положение казахских бедняков, батраков и рабочих, жестоко и бесчеловечно угнетаемых казахскими баями, фабрикантами, торговцами и другими эксплоататорами. Критикуя и разоблачая грабительскую сущность буржуазного общества, управляемого крупными капиталистами и империалистическими поджигателями войны, Торайгыров приходит к выводу о необходимости создания иного общества.

Однако Торайгыров не смог подняться до уровня научного коммунизма, до понимания классовой борьбы и диктатуры пролетариата, как не смог он в своем творчестве подняться до социалистического реализма.

Султан Махмуд Торайгыров умер в 1920 году, 27 лет от роду. Своими стихами, поэмами и прозой он вошел в казахскую литературу как продолжатель критического реализма, создавший новые жанры — социально-философскую поэму и

публицистический роман. При жизни Торайгырова в газетах и журналах печатались его стихи и небольшие статьи. С 1921 года, уже после смерти Торайгырова, появились в печати и его крупные произведения: «Кедей», «Камар сулу» и др.

Машур Жусуп Копеев[1] (1857—1931) — поэт, публицист и собиратель фольклора. Его многочисленные произведения пользовались большой популярностью. Он активно сотрудничал в газете «Дала уалаяты» («Киргизская степная газета», г. Омск) в 1890-х годах, в газете «Серке» (Петербург) в 1906 году и в журнале «Айкап» в 1912—1913 годах.

Статьи Машур Жусупа Копеева посвящены пропаганде знаний, оседлого образа жизни, осуждению раздоров и родовой борьбы среди казахов. Однако в этих статьях он иногда выступал против представителей демократической интеллигенции, в частности против Абая, находя их критическое отношение к патриархально-феодальным обычаям слишком крайним. В фельетонах, напечатанных в «Киргизской степной газете», Машур Жусуп Копеев многократно воспевал хвалу «белому царю», призывал молить бога о здравии царской фамилии.

В период революции 1905 года Жусуп Копеев написал памфлет на манифест 17 октября, где открыто выступил против колониального гнета.

Поэт прямо заявляет, что царь своим манифестом обманул народ, ибо, когда был издан на основе манифеста закон о выборах в Думу, «в памяти казаха не осталось ничего. Никто в стране не скажет теперь слова, что милостью и льготами наделил нас царь».

В других своих известных произведениях («Сары-арка кимдыке» — «Для кого Сары-Арка», «Хал-ахуал» и др.) Копеев требует предоставления казахскому народу политических прав, выступает против притеснений царских чиновников.

В стихотворениях «Властители и казахские бедняки», «Торговля чорта» («Шайтан саудасы») поэт реалистически показывает тяжелое, бесправное положение казахских бедняков и резко критикует жестокость, взяточничество, самовластие, эксплоатацию со стороны правителей, аульных старшин, баев и мулл.

Это был период общественного подъема поэта. Но и в этот период сказывалась его ограниченность, как идеолога мелкой буржуазии, часто находившегося в плену буржуазно-националистических взглядов.

Несмотря на критику современной ему действительности, несмотря на призыв к национальному пробуждению народа,

[1] Машур по-казахски — известный. Машур Жусуп — известный Жусуп.

Машур Жусуп Копеев так же, как С. М. Торайгыров, не поднялся до понимания необходимости классовой борьбы и революционного переворота. В период восстания 1916 года, во время революции 1917 года и борьбы за установление Советской власти в Казахстане он остался в стороне от народных движений и отошел от общественной борьбы.

Поэты и писатели М. Сералин, С. Донентаев, С. Кубеев выступали в ту пору, как авторы реалистических произведений, стихов и рассказов и как переводчики русских классиков. Пройдя через мелкобуржуазные и националистические колебания и ошибки, они в годы Советской власти вступили на путь советской литературы и пишут произведения, воспевающие победу и торжество идей Великой Октябрьской социалистической революции.

§ 52. КАЗАХСКАЯ ПЕЧАТЬ В ПЕРИОД БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Литературные издания.

Революция 1905 года дала мощный толчок развитию культурно-просветительного движения и национальной культуры колониальных народов царской России. Некоторая свобода печати дала возможность издавать журналы и книги на казахском языке. Казахская печать постепенно освобождается от татарско-чагатайского влияния.

Книги на казахском языке печатались в Казани, Ташкенте, Петербурге, Омске, Оренбурге, Семипалатинске, Троицке, Петропавловске, Уральске, Верном (Алма-Ата). Изменилось содержание и обновилась тематика книг, выпущенных за этот период. Появилась потребность в издании такой литературы, которая способствовала бы росту национального самосознания казахского народа. Возрос интерес к народной устной литературе. В это время были напечатаны поэмы «Алпамыш», «Камбар», «Кобланды», «Кульшекыз», былины, народные поговорки, состязания народных акынов и другие образцы народного творчества. Дважды был издан сборник стихотворений Абая. Вышли сборники стихов Сабита Донентаева, Машур Жусупа Копеева, а также поэмы Шади Жангирова, Сабалова и др.

В периодической литературе и отдельными изданиями печатались переводные произведения. Кроме абаевских переводов русских классиков, печатались также переводы «Капитанской дочки» Пушкина, небольших рассказов Толстого, Чехова, Короленко, басен Крылова. Помимо этих произведений, на страницах газет и журналов стали появляться также отдельные переводы Пушкина, Лермонтова, Жуковского,

Плещеева. Одновременно печатались переводы «Жусуп-Зулиха», «Рустам Зораб» и «Лейли Маджнун», а также произведения классика татарской литературы Габдуллы Тукая. Стали выходить также отдельные брошюры по агрономии, ветеринарии, медицине, по истории (например, книга о русско-японской войне), хрестоматии, буквари, написанные по новому методу обучения. Однако тираж этих книг был очень ограничен. Да к тому же почти сплошная неграмотность трудящихся казахов делала эти книги доступными лишь для ограниченного круга казахской интеллигенции.

Периодическая печать.

В этот период возникла и казахская периодическая печать. Кроме издававшихся на двух языках газет «Дала-уалаяты» (Омск) и «Тургайской газеты» (Оренбург), существовавших с конца XIX века, стали выходить на казахском языке новые газеты: «Серке» в Петербурге (в 1906 г.), «Қазах» в Оренбурге (в 1913—1918 гг.), «Қазахстан» в Урде (в 1911 г.), журнал «Айкап» в Троицке (в 1911—1915 гг.).

Казахские писатели, широко освещавшие в своих произведениях жизнь казахского народа, использовали для той же цели страницы газеты «Уакт» и журнала «Шора», выходивших на татарском языке в Оренбурге, а также журнала «Акмолла» (Троицк).

В идейно-политическом отношении большинство органов печати носило буржуазно-националистический характер. Особенно это относится к газете «Қазах», которая стала орудием крупных баев-феодалов и националистической буржуазии. Эта газета, с одной стороны, проповедывала реакционную политику русской либеральной буржуазии, политику партии кадетов, с другой стороны — идею контрреволюционного пантюркизма, агитируя за возврат к феодальному ханскому строю.

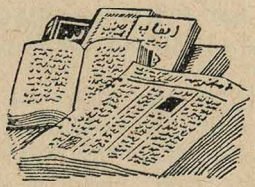
Художественные произведения и статьи демократических писателей и журналистов (М. Копеева, С. Торайгырова, С. Донентаева, М. Сералина), появлявшиеся на страницах казахских газет и журналов, освещали актуальные вопросы жизни казахского народа: стремление народа к знанию и к культуре, к национальной свободе и борьбе против колониального гнета; переход казахского народа к оседлому образу жизни, гибельность родовой вражды казахского байства; вопросы борьбы за свободу казахской женщины; проблемы новых методов обучения в школе; развитие народного хозяйства Казахстана в соответствии с современной культурой и другие общественно-политические проблемы.

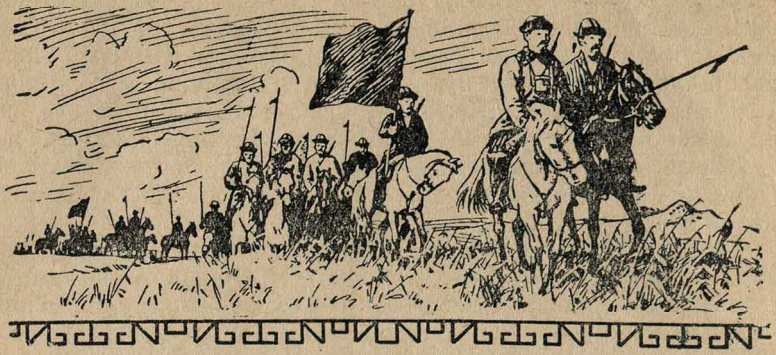
Наиболее широко демократические писатели и журналисты использовали для своих выступлений страницы журнала

«Айкап». Журнал «Айкап» оказал значительное влияние на формирование литературного языка, установление правописания и развитие публицистики на казахском языке. «Айкап» распространялся среди аульной интеллигенции, мугаллимов. В журнале принимали активное участие поэты, писатели, передовые сельские учителя, женщины. Поднимая самые актуальные для казахского народа общественно-политические вопросы, они способствовали росту национального самосознания казахского народа.

Но политическую позицию журнала «Айкап» нельзя считать последовательно-демократической. Опираясь на некоторую часть молодой казахской буржуазной интеллигенции, «Айкап» в основном держал курс на народное просвещение и демократию, преследовал культурнические цели.

Средний тираж дореволюционных казахских газет и журналов не превышал одной тысячи экземпляров. Самостоятельной казахской типографии и издательства в то время не было. «Айкап» и другие газеты и журналы подвергались постоянному преследованию со стороны царской цензуры и выходили в свет с большими трудностями.





ГЛАВА XX.

КАЗАХСТАН В ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ. НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА В КАЗАХСТАНЕ.

§ 53. МИРОВАЯ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА КАЗАХСТАН.

Общая обстановка в стране.

Ленинизм учит, что война — неизбежный спутник капитализма. Особенно неизбежны войны стали после того, как капитализм вступил в свою высшую и последнюю стадию развития — империализм.

В своем классическом труде «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс» товарищ Сталин определил: «Война для капиталистических стран является таким же естественным и законным состоянием, как эксплоатация рабочего класса».[1]

Империалистическая война, возникшая в 1914 году, явилась неизбежным следствием закона неравномерного развития капитализма, результатом стремления империалистических государств к новому переделу мира, к захвату новых рынков, новых источников сырья, новых колоний для вывоза капитала. Она подготовлялась империалистами всех стран. «В особенности же эта война подготовлялась Германией и

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 154.

Австрией, с одной стороны, Францией, Англией и зависимой от них Россией — с другой».[1]

Мировая война, подготовлявшаяся империалистической буржуазией в глубокой тайне от народа, стала фактом. 14 (27) июля 1914 года царское правительство объявило всеобщую мобилизацию. 19 июля (1 августа) Германия объявила войну России. 20 июля (2 августа) царь Николай II опубликовал манифест о войне.

Мелкобуржуазные партии, эсеры и меньшевики, своей предательской политикой помогали империалистической буржуазии обманывать народ, скрывать захватнический, грабительский характер войны.

Только большевистская партия, во главе с Лениным и Сталиным, осталась до конца верна великому знамени пролетарского интернационализма, призывала рабочий класс России и всех воюющих стран к решительной борьбе против несправедливой, захватнической войны.

Рабочий класс России поддерживал партию большевиков.

Царская Россия вступила в войну неподготовленной. По военным соглашениям с «союзниками» она должна была двинуть свои армии в наступление против кайзеровской Германии на четырнадцатый день после объявления войны.

На западе немецкие войска стремительно наступали через Бельгию на Францию и приближались к Парижу. Союзники требовали от царского правительства ускорить наступление русских войск на Германию.

Неподготовленные русские корпуса быстро вторглись в Восточную Пруссию. Германское командование перебросило на Восточный фронт свои резервы и часть войск, участвовавших в наступлении на западе. Поход на Париж был остановлен. Ради спасения Парижа царская армия потеряла 20 тысяч убитыми и 90 тысяч пленными, лишилась всей артиллерии корпусов, принимавших участие в наступлении на Восточную Пруссию.

В 1915 году царские войска терпели поражения. В течение 1915 года немцы вытеснили царские войска почти из всей Галиции, захватили всю Польшу, Литву и угрожали Риге.

Уже во время войны раскрылась измена царского военного министра Сухомлинова, а также некоторых других министров и генералов, которые выдавали немцам военные тайны, срывали снабжение фронта вооружением и боеприпасами. Поэтому неудивительно, что царская армия, несмотря на героизм и стойкость русских солдат, терпела поражение за поражением и вынуждена была отступать.

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 155.

Одной из главных причин поражений царских войск на фронте явилась хозяйственная отсталость царской России. Ее промышленность, сильно отставшая от промышленности других воюющих капиталистических стран, не могла обеспечить нужды фронта. «У царских армий нехватало пушек, нехватало снарядов, нехватало даже винтовок. Иногда на трех солдат приходилась одна винтовка».[1]

Сельское хозяйство при наличии остатков крепостничества не могло служить прочной военно-хозяйственной базой для ведения продолжительной войны.

Поражения на фронтах сопровождались хозяйственной разрухой в тылу. Война пожирала все ресурсы страны. Около 14 миллионов здоровых работников были взяты в армию и оторваны от хозяйства. Нехватало рабочих; не было топлива и сырья. Транспорт был парализован. Фабрики и заводы останавливались. Из-за нехватки работников и тягла сократились посевные площади.

Война шла уже третий год. Она унесла миллионы человеческих жизней. Она породила эпидемические заболевания, уносившие сотни тысяч людей. Население в тылу и солдаты на фронте голодали, были разуты и раздеты. Все военные тяготы переносили на себе рабочие и крестьяне, а буржуазия и помещики наживались на войне.

Империалистическая война резко изменила соотношение классовых сил в стране.

«Все это вызывало ненависть и озлобление к царскому правительству среди рабочих, крестьян, солдат, интеллигенции, усиливало и обостряло революционное движение народных масс против войны, против царизма как в тылу, так и на фронте, как в центре, так и на окраинах».[2]

Влияние войны на Казахстан.

Война принесла тягчайшие страдания и угнетенным народам национальных окраин России. Царская «тюрьма народов» создала для всех них еще более невыносимый национальный и колониальный гнет, чем до войны.

В годы империалистической войны произвол и насилия царских чиновников, казахского байства и волостных правителей неизмеримо увеличились. Продолжалось массовое изъятие земель у казахов. Царское правительство самым вопиющим образом нарушало земельные права казахов. Разрабатывался даже проект изъятия всей пахотной земли, пастбищ и урочищ у казахского и киргизского населения Семиреченской области и выселения их в Нарын-пески. Война тре-

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 166.
[2] Там же, стр. 167.

бовала огромного количества лошадей и сельскохозяйственных продуктов. На плечи казахского населения, в связи с этим, обрушились новые тяготы: обязательные поставки мяса, массовые реквизиции скота и фуража по принудительным ценам, реквизиция кибиток, кошм, попон, кож для снабжения царской армии. Был введен новый — военный — налог по 4 рубля с кибитки. Были увеличены земские сборы и байский волостной «алым» — сбор для содержания волостных управителей, а также дорожные и другие сборы. Все эти налоги и сборы были хуже самого лютого джута, и вся их тяжесть лежала на плечах трудящихся казахов. Нужда и разорение казахского народа возрастали изо дня в день.

За время войны из Средней Азии и Казахстана было вывезено огромное количество богатств. По отчету генерал-губернатора Куропаткина, только из Туркестанского края за время войны было вывезено хлопка — 3 109 тысяч пудов, мыла — 229 тысяч пудов, мяса — 47 928 пудов, клещевины — 50 тысяч пудов, лошадей — 70 тысяч голов, юрт — 1 344 штуки, повозок — 270 штук. В виде «добровольных» пожертвований на войну с населения было собрано 240 тысяч рублей. Эти цифры далеко не полны. В них не входят продукты и другие ценности, вывезенные собственно из Казахстана. Например, из одного Семиречья только за 1914 год было вывезено скота и продуктов животноводства на сумму в 34 миллиона рублей. На сотни миллионов рублей были вывезены богатства и из других областей Казахстана.

Еще более усилились грабеж и насилия царских чиновников и байства. Повальными явлениями стали взяточничество, воровство и произвол чиновников всех рангов. Полицеймейстер Верного Поротиков, правая рука Семиреченского военного губернатора Фольбаума, терроризировал и обирал аулы и за короткое время нажил себе огромное состояние. Положение трудящихся Казахстана за годы войны неимоверно ухудшилось. Заработная плата рабочих систематически понижалась. Цены на предметы первой необходимости катастрофически росли. На почве дороговизны и ухудшения положения трудящихся в ряде городов и селений Казахстана в 1916 году происходили «беспорядки», забастовки и «бунты солдаток».

На ряде предприятий в 1915 году начались забастовки рабочих. Весной 1916 года они усилились. Забастовка рабочих Эмбенских промыслов закончилась победой рабочих. В начале 1916 года в ряде городов, сел и железнодорожных станций происходили бурные демонстрации жен солдат. Они требовали хлеба и возвращения мужей с фронта.

В этих условиях борьба трудящихся Казахстана за свое

национальное и социальное освобождение стала приобретать более глубокое содержание. Тяжелое и бесправное положение порождало в казахском народе ненависть не только против царского гнета, но и против казахского байства, являвшегося союзником колонизаторов в совместном порабощении казахского народа. Под влиянием русского революционного пролетариата росло и политическое самосознание казахского народа, накапливавшего новые силы для революционной борьбы против своих угнетателей. Проявлением этой борьбы с первых же дней империалистической войны были повсеместное недовольство и ненависть казахского народа к войне. Только баи были ярыми сторонниками войны. Они богатели на народной нужде. Баи заявляли, что «война нужна для славы царя», что «после войны жить будет лучше». Они агитировали за поддержку царского правительства и за доведение войны «до победного конца». Буржуазные националисты в своей газете «Қазах» также вели агитацию за войну, за поддержку царского правительства и за мобилизацию казахов в царскую армию.

Русская буржуазия и помещики в Государственной думе требовали «цены крови», т. е. привлечения в армию «инородцев-магометан».

В самой России к этому времени была взята в армию значительная часть мужского населения, включая ратников ополчения. По законам Российской империи народы окраин магометанского вероисповедания не несли воинской повинности: царское правительство боялось давать им в руки оружие. На третий год империалистической войны царское правительство решило ввести воинскую повинность и для угнетенных народов окраин, призвав их в армию на тыловые работы.

§ 54. НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА В КАЗАХСТАНЕ.

Причины и характер восстания.

25 июня 1916 года царь издал указ о мобилизации в армию на тыловые работы казахов, киргиз, узбеков, туркмен, дунган и уйгур. Вместо слова «мобилизация» в указе было употреблено слово «реквизиция», как будто речь шла о реквизиции скота. Этот указ и послужил поводом к восстанию в Средней Азии и Казахстане.

Товарищ Сталин дал исчерпывающее объяснение причин взрыва национально-освободительного восстания в годы войны. «...Во время империалистической войны сами империалистические группы воевавших держав вынуждены были

апеллировать к колониям, откуда они черпали людской материал, из которого создавались войска. Несомненно, что этот процесс, процесс неизбежной апелляции империалистов к отсталым народностям колоний, не мог не разбудить эти племена и народности к освобождению, к борьбе».[1]

Против военно-колонизаторской политики царизма выступили в 1916 году угнетенные народы Средней Азии и Казахстана. Восстание 1916 года занимает особое место в истории борьбы казахского народа за свое национальное и социальное освобождение. Это было первое восстание казахов в эпоху империализма. Его значение состояло в том, что оно как бы подвело итог всей предшествующей борьбы казахского народа за свою свободу и независимость. Вместе с тем, восстание 1916 года по своему характеру было национально-освободительным крестьянским движением, направленным против царизма и казахских баев-феодалов. В нем решающая и руководящая роль принадлежала беднейшему казахскому крестьянству.

Товарищ Сталин еще в 1913 году дал классическое определение условий участия крестьян в национально-освободительном движении. «Сила национального движения определяется степенью участия в нем широких слоев нации, пролетариата и крестьянства...

Что касается крестьян, то их участие в национальном движении зависит, прежде всего, от характера репрессий. Если репрессии затрагивают интересы «земли», ...то широкие массы крестьян немедленно становятся под знамя национального движения».[2] Действительно, царизм захватил у казахских трудящихся 45—50 миллионов десятин лучших земель, загнал их в бесплодные и пустынные районы, обрекая на голод и вымирание. Байство концентрировало в своих руках основную массу скота, пользовалось лучшими пастбищами и пахотными землями, летовочными и зимовочными стойбищами. Байские хозяйства держались на кабальной эксплоатации бедноты и батраков. Все это способствовало активному участию широких масс казахского крестьянства в восстании 1916 года.

Таким образом, основными причинами восстания 1916 года были колониальный гнет и эксплоатация казахского народа. Развернувшись в обстановке империалистической войны, восстание 1916 года нанесло удар по самодержавию. Непосредственно сомкнувшись с буржуазно-демократической революцией 1917 года в России, оно явилось прологом того

---

[1] И. В. Сталин. Сочинения, т. V, стр. 37.
[2] И. В. Сталин. Сочинения, т. II, стр. 306 — 307.

соединения пролетарской революции с «войной национальной», которое предсказывали Ленин и Сталин и которое было осуществлено во время Великой Октябрьской социалистической революции. В этом состоит основное, принципиальное отличие восстания 1916 года от всех предшествующих ему национально-освободительных восстаний казахов.

Начало восстания.

В указе царя от 25 июня 1916 года говорилось, что «реквизиции», т. е. мобилизации на тыловые работы в армию, подлежат мужчины в возрасте от 18 до 43 лет. Составление списков мобилизуемых было возложено на волостных управителей по их усмотрению. При составлении посемейных списков развернулась вакханалия взяточничества и вымогательств. За взятку совершенно здоровых байских сынков освобождали якобы по болезни и в то же время признавали пригодными для мобилизации совершенно больных бедняков. Великовозрастные байские сынки числились в списках как несовершеннолетние или как дряхлые старики, а несовершеннолетние подростки из семейств бедняков записывались как подлежащие мобилизации. По официальному разрешению царского правительства призываемые баи могли нанимать вместо себя других лиц, а это привело к тому, что вместо себя, своих сыновей и родственников, подлежавших призыву, они принуждали итти в армию задолжавших им бедняков и своих батраков.

Казахское байство и буржуазные националисты сразу же выступили в качестве прямых помощников царизма в подготовке и проведении мобилизации. Их газета «Казах» агитировала за мобилизацию, выкачивала при помощи волостных управителей и аульных старшин «добровольные пожертвования» на войну, львиная доля которых оседала в карманах сборщиков. Агенты одного из руководителей партии «Алаш» Досмухаммедова собирали с призываемых деньги. Достаточно было попавшему на врачебный осмотр показать Досмухаммедову нитку определенного цвета, обвязанную вокруг пальца, или произнести условный пароль, чтобы врач признал его непригодным для мобилизации.

Трудящиеся массы бурно протестовали против составления таких жульнических списков. Почти повсеместно они начали уничтожать эти списки и убивать волостных управителей.

Борьба против мобилизации началась с уничтожения списков не случайно. При отсутствии у казахов метрических записей, посемейный список был единственным официальным документом, по которому определялся возраст казаха. Уничтожение посемейных списков и непредставление их уездным начальникам тормозило и даже срывало мобилизацию.

На волостных сходах трудящиеся казахи единодушно заявили: «Не дадим ни одного человека на фронт, или все ляжем костьми в степи. Не пойдем в солдаты, всех перебьем, кто будет брать их. Приедет сам царь, и его убьем».

Как всякое действительно массовое движение, почва для которого давно созрела, борьба казахского народа против мобилизации на тыловые работы вспыхнула стихийно и повсеместно, хотя развертывалась не везде одинаково интенсивно. Широкие народные массы, придя в движение, вышли из повиновения.

Тургайский военный начальник в своем рапорте на имя губернатора доносил: «Высочайшее повеление о призыве киргиз на тыловые работы произвело во всем населении уезда огромное волнение. Молодежь, в особенности призывного возраста, моментально собралась в разных местностях для обсуждения сказанного выше вопроса, причем первым долгом решили не пускать должностных лиц в город и не давать им составлять посемейные списки. Почти по всем волостям списки были отобраны от волостных управителей и сами управители поставлены под охрану. С 19 по 25 июля все работники, служившие в городе, бросили работу и выехали в степь для присоединения к собравшимся около города молодым киргизам».

Иргизский уездный начальник также сообщал: «Киргизы бросают все, бегут в степь, устраивают сборища, оставшиеся все готовы к бегству, городские мастеровые работники скрылись, убеждения не действуют, замечается отсутствие полного доверия. Положение весьма серьезное».

Актюбинский уездный начальник в своих донесениях рисовал такую же картину: «Настроение населения уезда в течение минувшего июля месяца было тревожное... Часть киргиз, особенно северо-восточной части уезда, и до настоящего времени ведет тревожный образ жизни... Выбыли из своих аулов и группируются в городах и степи, придерживаясь границы Актюбинского и Иргизского уезда, грозят расправой с должностными лицами».

Такие донесения губернаторам поступали из всех уездов Казахстана. К концу июля и началу августа 1916 года восстание охватило весь Казахстан. Каждая область, каждый уезд и волость выдвигали своих руководителей повстанческих отрядов, сформировавшихся к началу августа. Самую широкую известность получил вождь восставших Амангельды Иманов.

Среди населения Казахстана было распространено воззвание, написанное поэтом Бзаубаком. В этом замечательном воззвании говорилось о начавшейся борьбе русского народа

против самодержавия. Оно призывало к восстанию, к борьбе всех казахов против царского правительства.

Земля закачалась под мрачным дворцом.
Врагов самодержца — рабочих ряды —
Идут в наступленье с открытым лицом, —
Их жаркие не остывают следы.

Бесценный народ мой! Пришла к нам напасть, —
И наши потеют горячие лбы.
Но не уничтожит нас царская власть,
Коль встанем мы все под знамена борьбы.

Давайте ж, в кулак наши силы собрав,
Навстречу врагу оседлаем коней.
Бесправие, гнет и шакала-царя
Мы сбросим с себя и развеем их в прах.

Рассеется мрак, — и над нами заря
Зажжется, и будет счастливым казах.
Берите же пики, и пусть на борьбу
Горячий табун лошадей нас несет.

Пусть радость большую узнает казах,
Пусть тяжесть несчастий спадет с наших плеч.

На призыв своих вожаков горячо откликнулись казахи, киргизы, дунгане, уйгуры.

Восстание в Семиреченской области.

Восстание началось почти одновременно во всех областях Казахстана, но особенно массовый и острый характер оно сразу же приняло в Семиреченской области. Трудящиеся казахи, киргизы, дунгане и уйгуры отказались подчиниться указу царя и дать людей в армию. В начале июля восстание распространилось по всей Семиреченской области.

Руководителем восстания в Семиречье был Токаш Бокин, пользовавшийся большим влиянием в массах. Это был образованный человек, один из лучших представителей казахской демократической интеллигенции, служивший в Пржевальском переселенческом управлении переводчиком. После опубликования указа царя Токаш бросил работу и ушел в аулы, чтобы руководить восстанием. Здесь он развернул большую агитационную работу среди казахов, киргиз и русских крестьян-переселенцев. Однажды он был арестован за агитацию среди русских крестьян села Чиен. Полицеймейстер Верного Поротиков сообщал о нем: «Токаш Бокин, киргиз Моюнкумовской волости, Верненского уезда, был представлен крестьянину селения Чиен Терентию Захаровичу Холостенкову, который признал его за того именно чиновника, которого крестьяне задержали в селе Чиен и арестовали. Тот же самый Токаш Бокин, когда прибыли воинские части, пил чай с офицерами и с ни-

ми уехал, чтобы указать, где находятся скопища киргиз, но на место их стоянки не привел, а повел в совершенно другое место глухой дорогой, где никаких киргиз не было».

Влияние Токаша Бокина на повстанцев Семиреченской области было очень велико. Еще в начале восстания, 14 июля, царский чиновник Чигиров, вместе с буржуазным националистом—агентом охранки Джайнаковым и врачом Джакупаевым, на волостном съезде Большой Алма-Атинской волости пытался уговорить повстанцев прекратить сопротивление властям и дать людей на тыловые работы. Токаш Бокин, присутствовавший на этом собрании, выступил с речью, в которой разоблачил предательскую, лакейскую роль националиста Джайнакова и призвал казахов продолжать восстание. Джайнаков в своих показаниях верненскому полицеймейстеру говорил: «киргизы чутко прислушивались к протесту Бокина, и налаженное дело стало расклеиваться».

Военный губернатор Семиреченской области Фольбаум дал задание охранке, полиции и войскам во что бы то ни стало поймать или убить Токаша Бокина. Но народ его охранял. Бокин разъезжал по аулам, создавал отряды, созывал съезды повстанцев, руководил их нападениями на царские отряды и верные царизму селения.

В августе 1916 года, когда повстанческое движение усиливалось, Токаш Бокин был арестован царской охранкой и просидел в тюрьме до февральской революции 1917 года. Он принимал активное участие в борьбе за установление Советской власти в Семиречье.

В июле—августе 1916 года восстание казахов Семиреченской области приняло характер открытой вооруженной борьбы.

Первыми поднялись казахи, киргизы и дунгане Курмановской, Джаркентско-Таранчинской и Джаркентско-Дунганской волостей. Среди народных масс большой популярностью пользовался Узак Саурыков. Он руководил восстанием в Пржевальском, Джаркентском и Верненском уездах. Пржевальский уездный начальник Иванов сообщал Семиреченскому военному губернатору Фольбауму: «В Каркаре киргиз Джаркентского уезда, Курмановской волости, Узак Саурыков, лишенный прав по суду, занялся пропагандой. Зарезав белую кобылу, совершили бату, решив не дать рабочих по реквизиции. С той же целью он командировал единомышленников в Верненский уезд. Ходатайствую немедленно взять Узака в тюрьму. Узака следует взять неожиданно, прошу поручить это мне, в противном случае могут его отбить, что удостоверяет ротмистр Кравченко, который о его влиянии и популярности осведомлен». Фольбаум написал на этой телеграмме: «Вполне согласен. Немедленно исполнить».

Однако исполнить это приказание Иванов оказался не в состоянии. Через несколько дней он сообщил Фольбауму: «Арест без наличности в участке достаточной военной силы считаю невозможным».

Повстанцы действовали наступательно. Они сжигали почтовые станции, портили телеграф, сожгли монастырь у озера Иссык-Куль. Казахи, киргизы, дунгане, уйгуры действовали совместно. В связи с развернувшимся в Средней Азии и в Семиречье восстанием, царское правительство объявило 17 июля весь Туркестанский край на военном положении.

Против повстанцев были направлены карательные войска. Гарнизоны городов были усилены. Карательные войска сжигали аулы, угоняли скот, убивали в аулах женщин, стариков и детей.

Семьи повстанцев начали откочевывать на Балхаш, в Тарбагатайский район и в пределы Китая. Откочевки приняли массовый характер. Казахи и киргизы поднимались целыми аулами, волостями и уходили в горы и пески, подальше от карателей.

Организовавшись в большие отряды, повстанцы вели борьбу против царских карательных войск. Активную роль в восстании играла казахская молодежь. Она была наиболее деятельной и смелой частью повстанцев. Начальник охранного отделения Железняков доносил Фольбауму: «В Восточной и Западной Кастекских волостях молодые киргизы, подлежащие призыву на работу в действующую армию, запасались хорошими лошадьми, ограбив их у более зажиточных и богатых киргиз. Они также имеют хорошего кузнечного мастера, который переделывает косы и топоры на оружие, годное для вооруженного сопротивления».

Царское правительство было вынуждено отсрочить призыв в армию казахов, киргиз и дунган до 15 сентября, но это не остановило народного восстания.

Вооруженные столкновения и настоящие сражения повстанцев с царскими войсками происходили в августе в Верненском, Лепсинском и других уездах. В боях принимали участие десятки тысяч повстанцев. Повстанцы разгромили все почтовые станции от Курдая до Верного и на почтовом тракте Пишпек — Пржевальск. Они сожгли на этом тракте все мосты и разрушили телеграфную линию. Два дня шли бои под селом Столыпино. 11 августа село было занято. Руководил этими боями казах Дауткул Ногаев. В руки повстанцев попали ружья и разбитый пулемет. Повстанцам Сарыбагишевской волости удалось захватить транспорт оружия—до 170 берданок и 40 тысяч патронов, направленный Фольбау-

мом для вооружения кулацких сел и казачьих станиц. В этот же день другой отряд повстанцев осадил город Токмак и долго держал его в осаде.

Бои в районе Токмака происходили ежедневно. 20 августа повстанцы предприняли наступление на Токмак. Царские войска едва отстояли его. Только 22 августа, когда на выручку гарнизона Токмака пришел большой карательный отряд подполковника Гейцига с артиллерией и пулеметами, повстанцы отступили в степь.

Военный губернатор Фольбаум просил туркестанского генерал-губернатора Куропаткина поскорее прислать войска, оружие и боеприпасы: «Положение внезапно может измениться так, что рухнет все русское дело в Семиречье», — писал Фольбаум.

Правительство решило прибегнуть к своему излюбленному методу: разжечь национальную рознь и натравить русское население Семиречья на восставших казахов, киргиз, уйгур и дунган. Куропаткин предложил Фольбауму: «вооружить огнестрельным и холодным оружием, включая и топоры, все русское население, способное носить оружие, организовать дружины, посадить часть поселенцев на лошадей, организовать казачье ополчение... Примите меры воспользоваться родовою или племенною рознью туземного населения области для борьбы с возмутившимися. Временно не стесняйте откочевок киргиз в китайские пределы, пока не справитесь с внутреннею смутою».

Фольбаум точно выполнял указание Куропаткина. Он вооружал кулацкое население и казачество, организовал набеги на казахские аулы. Попавшие в плен повстанцы расстреливались без суда и следствия. В аулах и городах производились массовые аресты всех «подозрительных». Военно-полевые суды выносили смертные приговоры пачками. Против повстанцев действовали хорошо вооруженные части царских войск с артиллерией и пулеметами. Особенно жестокие бои происходили в северных районах Семиречья. В сентябре происходили крупные сражения повстанцев с царскими войсками в Лепсинском уезде, где в составе повстанческих отрядов было много батраков-казахов. Русские крестьяне Лепсинского уезда сочувственно относились к повстанцам. Они отказывались рыть окопы и строить укрепления для царских войск. Крестьянин Власенко, вернувшийся с фронта в село Озерно-Фольбаумское (Кутурчи), призывал односельчан помочь повстанцам оружием. Крестьяне отдали прибывшим к ним повстанцам все бывшее у них оружие. Крестьянин села Сазановка Кошаев вступил в отряд повстанцев и принимал участие в боях против карательных войск. Он ру-

ководил действиями повстанческого отряда и в одном из сражений был захвачен в плен и расстрелян. Дом этого крестьянина был сожжен, а имущество разграблено местными кулаками.

В ряде районов Казахстана, особенно в Семиречье, под давлением народных масс к восстанию примыкали некоторые баи и представители родовой аристократии. Они надеялись добиться от царизма известных уступок в свою пользу. При этом, однако, они боялись решительных действий масс, проявляли колебания, нерешительность и прямую измену восстанию. Чаще всего их участие в восстании выражалось лишь в помощи восставшим лошадьми и скотом, лично же участвовать в движении они старались избегать.

Движущей силой восстания 1916 года были трудовые казахи-крестьяне.

Особенностью тактики восставших являлись партизанские действия, тактика маневрирования. Они предпочитали активный, наступательный образ действия. Этим объясняется ряд успехов повстанцев в борьбе против карательных царских войск на первом этапе движения.

В конце сентября происходили сражения повстанцев с царскими войсками в Копальском уезде. Возле речки Вежи повстанцы дали последний бой карателям, после чего отступили в горы. Каратели не решились их преследовать.

К октябрю восстание в Семиречье было подавлено. После этого в Семиречье приехал главный каратель и палач Куропаткин. Он потребовал полного изъятия земель у казахов и киргизов в районе восстания. «Главарей-волков, — заявил Куропаткин, — необходимо переловить, а что касается массы баранов, то их можно и простить. В этом смысле я буду доносить и государю. Все побережье Иссык-Куля и долина Кебеня будут навсегда отняты у киргиз, и мятежники будут сдвинуты в горы Нарынского участка. Это суровое наказание и лишение мятежников земли будет достойным для них наказанием».

Преследуемые царскими карательными войсками более 300 тысяч казахов, киргизов, уйгур и дунган вынуждены были покинуть свои родные места и бежать в пределы Китая, в Кульджинский край и Кашгарскую провинцию. В пути они подвергались большим лишениям, теряли скот и имущество. От болезней и нечеловеческого напряжения умирали старики и дети. В Китай они попали разоренные, голодные и обессиленные. Воспользовавшись их тяжелым положением, китайские помещики и чиновники покупали у них детей по 30 — 40 рублей. Казахи и киргизы попали в тяжелую кабалу к китай-

ским помещикам, десятки тысяч их умерли от голода и болезней.

Восстание в Семиречье было подавлено, но сломить боевой дух казахов, киргизов и дунган не удалось. Они были полны решимости продолжать борьбу за свою свободу и независимость и готовились к новым боям. Куропаткин в своем рапорте царю Николаю II в начале февраля 1917 года выражал опасение, что весной восстание может возобновиться.

Восстание в Сыр-Дарьинской области.

Восстание в Сыр-Дарьинской области началось 11 июля 1916 года в Ташкенте. Отсюда оно перекинулось на всю Сыр-Дарьинскую область. Из городов и сел уходили в аулы казахи — рабочие и батраки. Восстание сразу приняло массовый боевой характер. В начале августа начались вооруженные столкновения повстанцев с карательными войсками в Аулиэ-Атинском уезде, граничившем с Семиреченской областью.

Наиболее бурный характер восстание носило в Меркенском районе. Боевое настроение восставших хорошо отображено в поэме Ельтая Шуйнаниева «Восстание в Мерке»:

Конец для знатных, власть имущих!
У них похолодела кровь.
Конец нагайке, дням гнетущим!
Знамена красные готовь!

Повстанцы Меркенского района уничтожили телеграфную линию Мерке — Пишпек и Мерке — Аулиэ-Ата. Сыр-дарьинскими повстанцами руководил старик бедняк Аликоке Аккоза. 29 августа повстанцы во главе с Аликоке повели наступление на поселок Мерке.

Повстанцы осадили Мерке и начали готовиться к атаке. Меркенский пристав попытался вступить в переговоры с повстанцами, но они категорически отказались вести переговоры и начали штурм поселка.

Гарнизон едва отстоял Мерке. Повстанцы произвели ряд нападений на кулацкие села. Поселков бедняков-новопоселенцев они не трогали. Казахи-бедняки и русские крестьяне этих поселков жили дружно и иногда совместно выступали во время восстания. Так, в районе между Мерке и рекою Чу восстание возглавил русский крестьянин по имени Иван Седой. Русские крестьяне Аулиэ-Атинского уезда говорили казахам, чтобы они не подчинялись царю, не давали людей в армию.

Главные силы повстанцев сконцентрировались на реке Чу, в 300 верстах от Аулиэ-Ата. На совещании руководителей

повстанческих отрядов было решено начать наступление на Аулиэ-Ата. Царские войска стали спешно готовиться к отпору. Вокруг Аулиэ-Ата рылись окопы, строились баррикады. В городе было более 1 000 человек гарнизона и 200 дружинников. Навстречу повстанцам был выслан отряд. В 70 верстах от Аулиэ-Ата, в песках долины Аманкуль, 16 сентября произошел бой. Три раза густыми колоннами бросались повстанцы в атаку против карательного отряда. Во главе повстанцев Аулиэ-Атинского района стоял казах Рустамбек Уразымбетов, который и руководил боем. Каратели били по повстанцам из пушек и пулеметов. Плохо вооруженные повстанцы не могли оказать длительного сопротивления. К концу сентября восстание было подавлено. Отдельные повстанческие отряды ушли в глубь степи и в горы, оттуда они вели партизанскую войну против царских карателей, вплоть до февральской революции. В борьбе с повстанцами в Сыр-Дарьинской области царским карателям оказывали помощь баи и буржуазные националисты.

По заданию Аулиэ-Атинского уездного начальника Алимхана Кенесарина волостные управители составили список активных участников восстания. По этим спискам были арестованы почти все руководители восстания. Немногим из них удалось остаться в живых. Наиболее упорно сопротивлявшиеся аулы были уничтожены, их скот угнан, имущество разграблено. После подавления восстания в Сыр-Дарьинской области было взято в армию на тыловые работы 57 730 человек. Почти все кормильцы — отцы и сыновья, на которых держалось хозяйство, были взяты в армию. От мобилизации были освобождены сыновья баев, мулл, управителей. Аульная верхушка богачей, откупившись, осталась дома. Сперва мобилизованных держали несколько дней, как арестованных, а затем отправили под конвоем.

Восстание было подавлено, но глухое брожение и недовольство масс продолжалось всю осень. В рапорте царю Куропаткин писал: «Нельзя, однако, ручаться за то, что часть киргиз Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей, с появлением подножного корма, не сделает новую попытку вооруженного выступления. Меры против такой опасности принимаются».

По Туркестанскому краю только по судебным приговорам, утвержденным Куропаткиным 1 февраля 1917 года, было присуждено к смертной казни 347 человек, к каторжным работам — 168, к тюремному заключению — 129 человек, не считая расстрелянных без суда и следствия и погибших от царских карательных войск и кулацких отрядов.

Восстание в Закаспийской области.

В середине августа 1916 года началось восстание в Закаспийской области. Население области состояло из туркмен и казахов-адаевцев, живших на Мангышлакском полуострове.

Сразу же после объявления указа царя в Закаспийской области начались волнения. «Глухое недовольство, — писал Куропаткин царю, — перешло постепенно к проявлениям открытого неповиновения и мятежа».

К середине августа 1916 года «волнения» туркмен и казахов адаевцев переросли в вооруженное восстание и настоящие сражения. В течение сентября и октября повстанцы действовали наступательно. Они производили налеты на карательные отряды, транспорты, посты, разрушали Закаспийскую железную дорогу, сжигали станции, портили телеграф, разрушали мосты.

Главные силы повстанцев были сосредоточены на побережье Каспийского моря в западной части Астрабадского района. «В этом районе, — писал Куропаткин царю, — с 4 по 11 ноября туркмены-иомуды несколько раз пытались учинить разгром рыбных промыслов Лианозовых, между поселками Гюлиш-тепе и Карасу, но были отбиты при участии огня артиллерии и десанта с судов Ашур-Адинской морской станции».

С начала ноября в районе реки Гюргеня повстанцы снова развили активные действия против царских войск. 2 ноября повстанцы напали на большой карательный отряд, шедший из Каракола в Гумбет-хауз. Карательный отряд состоял из трех рот и батареи, с транспортом боеприпасов в 300 верблюдов и 40 арб. Произошел бой. В результате сражения повстанцы, понеся большие потери, вынуждены были отступить. 26 ноября в этом же районе повстанцы напали на карательный отряд, шедший из Кызыл-Имама на пост Чат. Карательный отряд состоял из двух рот Сибирского полка и сотни пограничников с большим обозом в 400 верблюдов и 160 вьючных лошадей. Под напором повстанцев карательный отряд вынужден был отступить в ближайшее укрепление Каракол.

В ноябре и декабре бои между повстанцами и карателями происходили в горных районах. Только к концу декабря карательным войскам удалось разбить восставших туркмен и казахов.

Каратели жестоко расправились с повстанцами. Они уничтожали артиллерией селения туркмен и казахов, угнали тысячи голов скота. Восстание туркмен и казахов Мангышлакского полуострова было подавлено.

Повстанцами-казахами здесь руководили братья Агабай

и Копбак Исенбаевы, Берды Ходжаниязов и Исбулат Сутбаев. Каратели пытались арестовать их, но народ надежно скрывал своих руководителей. Все они бежали, за исключением Агабая, арестованного в форте Александровском.

Восстание в Уральской области.

Упорная борьба казахов-адаевцев в Закаспийской области способствовала выступлению казахов Уральской области. Они тоже отказались явиться на призывные пункты. Уральские повстанцы выдвинули из своей среды руководителей и с конца июля начали активные действия.

30 июля в поселке Преображенском был базар, куда под видом мирных казахов съехалось около тысячи повстанцев. Внезапно, по сигналу, поданному одним из руководителей, повстанцы начали громить лавки, шатры, возы торговцев. После разгрома базара повстанцы напали на богатые дома в поселке.

С начала августа повстанцы Уральской области стали нападать на волостные управления, избивать старшин, препятствовать составлению списков мобилизованных. Отряд карателей, отправленный из Темира, был окружен повстанцами. С криком «Малибай» (родовой клич) повстанцы бросились в атаку. Каратели открыли огонь. Начался бой. Восставшие были вынуждены отступить, но и карательный отряд был принужден возвратиться в Темир, не выполнив своей задачи. Вскоре в Уральскую область были присланы войска, начавшие громить и жечь аулы. Им удалось разбить отряды повстанцев и захватить в плен руководителей.

В октябре 1916 года военный суд в Уральске приговорил 19 арестованных к смертной казни через повешение. В декабре приговор был приведен в исполнение.

§ 55. ВОССТАНИЕ В СЕМИПАЛАТИНСКОЙ, АКМОЛИНСКОЙ И ТУРГАЙСКОЙ ОБЛАСТЯХ.

Восстание в Семипалатинской и Акмолинской областях.

Борьба против национально-колониальной политики царизма и против гнета казахских баев-феодалов охватила и другие области Казахстана. Повстанцы Семипалатинской области действовали вместе с повстанцами Акмолинской области. В Семипалатинской области одновременно имели место выступления и русского населения. 7 ноября 1916 года в Зайсанском уезде происходили волнения среди жен солдат и бедноты. Военные отряды, посланные на ликвидацию «беспорядков» в Зайсанском уезде, отказались стрелять в народ.

Повстанцы Акмолинской области были организованы, как

и в других областях, в отряды. Повстанческие отряды делились на десятки, сотни и тысячи. Казахи Акмолинской области были вооружены топорами, пиками, ружьями. Они сосредоточились в большом количестве в степи. К ним приходили рабочие-казахи с предприятий и рудников. Казахи Петропавловского уезда разгромили волостную канцелярию, арестовали волостного управителя и отобрали у него печать и деньги. У урочища Боровое повстанцы убили царского пристава. Казахи отказывались выполнять гужевую повинность по перевозкам военных грузов и давать лошадей для армии.

По дороге в Экибастуз в горах Ереймень повстанцы останавливали подводы, которые возили казенный хлеб и фураж, забирали груз и увозили с собой в сопки. Крестьян-подводчиков повстанцы не трогали. В своих показаниях русские крестьяне-подводчики рассказывали, что «один из повстанцев ругал по-казахски непристойными словами царя, причем говорил, что у них будет свой патча, а русский патча — царь плохой, ему надо «басын кисемын», т. е. отрезать голову».

Трудящиеся казахи понимали, что их главный враг — царь, и это очень ясно выразил повстанец-казах, ругавший русского царя.

Повстанцы Акмолинской области в течение июля, августа и сентября были хозяевами положения в области. У Степного губернатора не оказалось войск для подавления восстания. Отряд, сформированный губернатором из полицейских, ничего не мог сделать с повстанцами. В конце августа и начале сентября в Акмолинск стали прибывать из Омска, Петропавловска и Казани карательные войска. Между повстанцами и царскими войсками происходили бои в урочище Кане и у Атбасарских копей. На всем пути следования царских войск к Атбасарским копям повстанцы нападали на войска. Повстанцы Тургайской области, во главе с Амангельды, оказывали помощь восставшим казахам Акмолинской области. Ход и исход восстания в этой области были непосредственно связаны с восстанием Тургайской области, где освободительная борьба казахов в 1916 году достигла своего кульминационного пункта.

Вождь восстания Амангельды Иманов.

Восстание в Тургайской области было самым длительным и упорным. Здесь сила сопротивления масс и их организованность были наибольшими.

Поднявшиеся на борьбу казахские трудящиеся массы выдвинули руководителем восстания одного из лучших своих представителей — Амангельды Иманова, кото-

рый хорошо был известен казахскому народу задолго до восстания 1916 года.

Истинный сын казахского народа, Амангельды Иманов был вождем восстания не только в Тургайской, но и в соседних областях Казахстана. Великий поэт Джамбул в одной из своих поэм так характеризует Амангельды Иманова как народного национального героя и вождя восстания 1916 года:

Пою я про грозный шестнадцатый год.
И сразу припомнилось: в синих туманах
Пожар бушевал над родным Казахстаном.
И сразу я вспомнил, как смелый народ
Пошел на царя и на баев в поход.
Под знамя того, кто не трусил беды,
Чапая казахского — Амангельды.

Амангельды родился в 1873 году в одном из аулов Кайдаульской волости, Тургайского уезда. Его отец — Удербай Иманов был таким же простым бедным казахом, как и многие тысячи других казахов-скотоводов.

В детстве Амангельды был жизнерадостным и подвижным ребенком. Он был предводителем во всех играх и шалостях своих сверстников; быстро выучился ездить верхом и хорошо стрелять из лука, а потом и из ружья. Но Амангельды рано остался круглым сиротой — отец его умер, когда ему было семь лет, а мать он потерял, когда ему исполнилось тринадцать лет. С детства Амангельды познал нужду и лишения. Работая батраком у баев, он прошел суровую школу труда, унижений и горя. Но юный Амангельды не падал духом и не покорился судьбе. Вскоре он овладел кузнечным ремеслом и сам делал фитильные и кремневые ружья. К 17 годам он окреп, возмужал и стал настоящим джигитом. Ловкий и смелый, он был непревзойденным стрелком и наездником, первым во всех играх и состязаниях. Даровитый и любознательный, он овладел арабской грамотой. Все, знавшие Амангельды, с уважением и любовью вспоминали о нем, как о честном, смелом, независимом и справедливом человеке, с мягкой благородной душой и с веселым, но твердым характером. Он был чутким и отзывчивым юношей, никогда не давал в обиду слабых и умел постоять за себя.

Своей непримиримой борьбой против произвола и насилий царских чиновников и байства Амангельды завоевал безграничную любовь своего народа. Он на себе испытал нужду и лишения бедного человека, на себе познал всю тяжесть феодально-байской эксплоатации, всю бесчеловечность патриархальных обычаев. В силу этих обычаев он лишился любимой девушки, так как не мог выплатить калым за свою невесту — Зулиху, и ее отдали замуж за богатого бия Бекты-

АМАНГЕЛЬДЫ ИМАНОВ

Репродукция с портрета народного художника А. Кастеева

баева. Амангельды не мог и не хотел терпеть унижений и байского гнета. Когда бай Таутбай, у которого Амангельды проработал два года, попытался за эти два года работы заплатить ему одной клячей, взбешенный Амангельды заколол клячу кинжалом и в ту же ночь угнал из табуна бая одного из лучших скакунов. Он считал правильным и справедливым отвечать борьбой на насилие и произвол баев.

Однажды к Амангельды пришли батраки-казахи с жалобой на своего хозяина, отказавшегося платить им за работу. Амангельды явился к баю и заставил его полностью заплатить батракам. Эта борьба с баями, волостными управителями и царскими чиновниками сделала его широко известным в Тургайской степи как защитника бедноты и слабых родов.

Со всех сторон, из аулов не только Тургайского, но и соседних Иргизского и Кустанайского уездов, шли к своему смелому защитнику — Амангельды бедняки-казахи за советом, шли с надеждой найти управу на обидчиков и притеснителей-баев. В борьбе с баями он прибегал и к барымте, и к силе, и к угрозам крутой расправой. Применял он также силу общественного воздействия, организуя своеобразный общественный бойкот и осмеяние баев. Амангельды ненавидел суд биев и советовал беднякам не обращаться к биям с жалобами на баев. «Бию, — говорил Амангельды, — нельзя верить. Он всегда судит в пользу бая, потому что от бая он получает хорошее вознаграждение, а от бедняка что ему получить?».

Баи, бии и волостные управители боялись и ненавидели Амангельды. Не раз они пытались убить или убрать его подальше. Они жаловались на Амангельды царским властям, как на человека «неспокойного» и «неблагонадежного», и добивались его ареста и высылки из Казахстана.

Под могучим воздействием освободительных идей первой русской революции 1905—1907 годов Амангельды еще более возмужал и вырос в сознательного борца за интересы угнетенного казахского народа. Развернувшаяся, под руководством большевиков, стачечная борьба рабочих Оренбурга, Караганды, Петропавловска, стачки рабочих-железнодорожников Оренбургско-Ташкентской и Сибирской железных дорог, в которых принимали активное участие и рабочие-казахи, политические демонстрации в городах, рост национально-освободительного движения казахских масс, — все это не могло пройти бесследно для Амангельды. Он стремился осмыслить и понять причины происходившей вокруг него борьбы и найти в ней свое место.

Различными путями доходили до сознания Амангельды освободительные идеи революции. Разговоры с рабочими-ка-

захами, участниками забастовок, выступления большевиков Виноградова и Голованова на предвыборных собраниях во II Государственную думу, политические демонстрации трудящихся Актюбинска и Кустаная, в связи с разгоном II Государственной думы, огромная роль большевистской газеты «Урал», которая широко проникала в аулы, — все это поднимало уровень национального и политического сознания Амангельды Иманова.

В начале 1914 года Амангельды Иманов совершил поездку в Петербург к известному адвокату Плевако, с целью привлечь его в качестве защитника в судебном процессе. Амангельды не знал тогда, что Плевако умер еще в 1908 году. Шумная жизнь столицы Российской империи произвела на него сильное впечатление. За время пребывания в столице он увидел и узнал так много важного и интересного, что решил записать свои впечатления и мысли в особую тетрадь, которая является «Петербургским дневником Амангельды Иманова». Этот важный документ дает возможность судить о культурном и политическом уровне Амангельды в тот период, раскрывает его мысли и интересы. Он думал о несправедливости самодержавного строя, тяжелом бесправии и угнетении своего народа, он старался узнать, как и почему казахский народ попал в подданство Российской империи, как он стал национально-угнетенным и политически бесправным.

В Петербурге Амангельды — жителю степей — бросилась в глаза роскошь, в которой утопал царствующий дом Романовых, огромные богатства в руках царя и его семьи. Амангельды записал в своем дневнике: «Оказывается, царь получает жалованье — 20 тысяч рублей в месяц, 240 тысяч — за 12 месяцев, 666 руб. 66 коп. — за один день. У царя, кроме собственных, имеются еще 1 040 домов, оставленных ему отцом». Особенно подробные записи в дневнике Амангельды посвящены истории колонизации его края царской Россией. В кратких записях он отмечал важнейшие вехи продвижения царизма в Казахстан.

«Казахи приняли подданство при царице Анне, — записал Амангельды. — Сначала перешел в подданство Младший жуз, при хане Абулхаире. Поскольку не было покоя от калмыков и башкир, было написано письмо и послано в Петербург, через Сеиткула и Куттумбета. В 1731 году 19 февраля царица Анна приняла посланников и издала указ о принятии казахов в подданство». Этап за этапом Амангельды записал всю историю подчинения Казахстана и Средней Азии Россией. Свои записи он озаглавил общим названием «Поддан-

ство казахов». Следующий раздел записей Амангельды посвятил истории царей Романовых, вплоть до Александра II.

Амангельды дал в своем дневнике интересную характеристику царя Петра I: «Третьим царем был Федор. Четвертым царем был его младший брат Петр. Он побрил русским бороду, ввел удобную одежду. В 1703 году основал город Петербург, создал 8 департаментов — министерств. Чтобы было удобнее управлять, Россию разбил на губернии. Он построил 150 заводов и фабрик. Чины он давал тем, кто имел образование, а не тем, кто имел высокое происхождение. Поэтому все бросились учиться».

Записи дневника свидетельствуют, что Амангельды был выдающимся сыном казахского народа, по своим природным дарованиям и общему уровню далеко опередившим не только своих сверстников из народа, но и многих казахских интеллигентов из байских сынков или тогдашних грамотеев-учителей из среды духовенства. Такой человек мог возглавить национально-освободительное восстание казахов 1916 года, и казахский народ не случайно выдвинул Амангельды Иманова своим вождем в этой исторической борьбе.

Алибий Джангильдин.

Вместе с Амангельды Имановым восстанием казахов в Тургайской области руководил Алибий Джангильдин. Джангильдин родился в 1884 году в местечке Кайдаул, Кайдаульской волости, Кустанайской области, в бедной семье.

До 10 лет Джангильдин жил с родителями в ауле. Когда ему исполнилось 10 лет, он тайно ушел из дому в Тургай, где поступил учиться в русско-казахскую школу, но отец вернул его домой. Через два года Джангильдин снова ушел из дому в Кустанай. Он хотел учиться. В 1902 году Джангильдин окончил училище и уехал в Казань в учительскую семинарию. В 1905 году он участвовал в революционном движении казанского студенчества, а затем переехал в Москву, где принимал участие в нелегальных студенческих кружках. В 1908 году, из-за преследования царских властей, Джангильдин эмигрировал за границу. Он побывал в Австро-Венгрии, Швейцарии, Сербии, Болгарии, Турции, Египте, Сирии, Палестине, побывал в Индии, на острове Цейлон, на острове Формоза, в Южном Китае, Японии и других странах.

В Женеве (Швейцария) в 1911 году Джангильдин встретился с Владимиром Ильичем Лениным.

«Узнав, что я уроженец Казахстана, — вспоминает Джангильдин, — Ленин начал расспрашивать о моей жизни. Я ему рассказал о своих мытарствах в царской России и о своих впечатлениях, вынесенных из путешествий по разным стра-

нам. Владимир Ильич внимательно выслушивал мой рассказ; в дальнейшей беседе он коснулся положения угнетенных царизмом народов и подробно остановился на путях освобождения трудящихся колониальных стран. На прощанье Ильич пожелал счастливого возвращения на родину.

Ленинские слова глубоко запали мне в душу. Я решил вернуться в Россию, чтобы с новыми силами бороться с самодержавием».

В 1912 году Джангильдин прибыл в Японию и оттуда в 1913 году вернулся через Владивосток в Россию и в свой родной Казахстан. После долгих лет разлуки Джангильдин вновь встретился с другом детства Амангельды Имановым. «Я рассказывал Амангельды, — пишет Джангильдин, — о своей встрече за границей с Лениным, о работе русских революционеров, о жизни бедноты в других странах. К этому времени Амангельды уже был известен в степи, как смелый и прямой человек, ненавистник волостных управителей и чиновников».

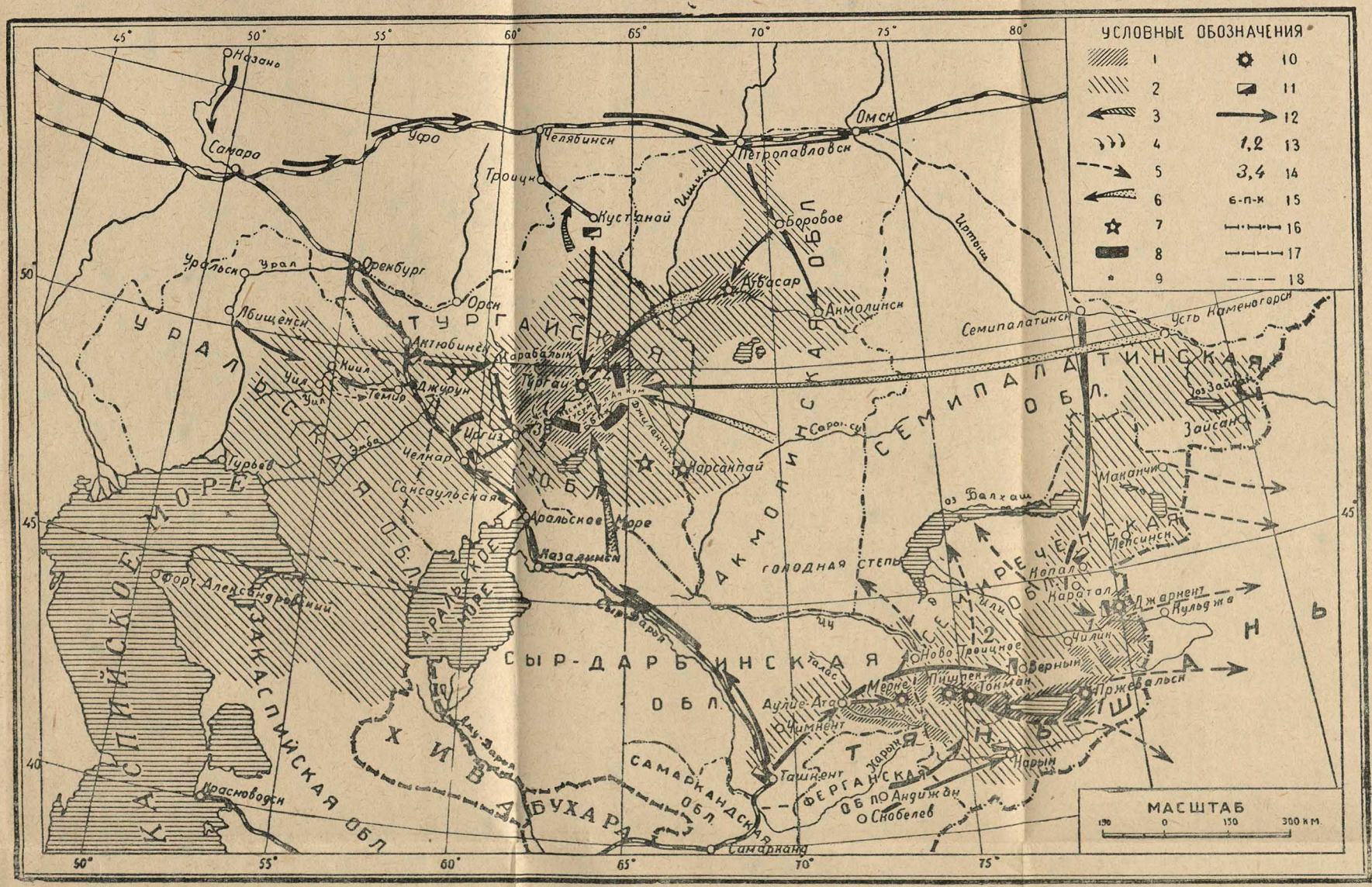
У Джангильдина был кинематографический аппарат, приобретенный им в годы изгнания. Амангельды воспользовался этим аппаратом как средством собирания людей. Население толпою валило туда, где демонстрировались кинокартины. Этим пользовались Джангильдин и Амангельды, чтобы вести агитационную работу.

В конце 1913 года Джангильдин вынужден был еще раз покинуть родные места и расстаться с Амангельды. Губернатор Тургайской области приказал арестовать Джангильдина и доставить в Оренбург. Но Джангильдин успел скрыться. С большими трудностями он пробрался в Симферополь, где работал на метеорологической станции.

В Крыму тов. Джангильдин связался с большевиком Ивановым и вместе с ним в 1915 году побывал в Петрограде, где в том же году при помощи Иванова он вступил в ряды большевистской партии. Возвратившись в Симферополь, Джангильдин вел подпольную революционную работу. Он переписывался с Амангельды Имановым.

«После появления царского указа о мобилизации на тыловые работы, — пишет Джангильдин, — я получил от Иманова весть о том, что в Тургайских степях назревает восстание. Долг большевика повелевал мне быть среди восставших. Таково было мнение тов. Иванова и других наших друзей... Вскоре я уже был вместе с Амангельды Имановым и активно участвовал в руководстве повстанческими силами, которые организовались в Тургайских степях».

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ КАЗАХОВ В 1916 ГОДУ.



Объяснение условных обозначений: 1. Главные очаги восстаний. 2. Районы активных выступлений повстанцев. 3. Районы нападения на железные дороги. 4. Разрушения почтовых станций и перерыв сообщений. 5. Направления откочевок казахов. 6. Направления подхода подкреплений к повстанцам. 7. Центры восстаний рабочих. 8. Районы сосредоточения вооруженных сил Амангельды Иманова к 28 февраля 1917 года. 9. Места крупных боев. 10. Города и поселения, осажденные повстанцами. 11. Центры сосредоточения правительственных сил. 12. Направление движения правительственных отрядов. 13. Районы восстания, руководимого Узаком Сауразаковым (1) и Токашем Бокиным (2). 14. Бой у озера Кзыл-Куль (3); бой у озера Татырь (4). 15. Сокращенное название урочища Бетпаккара. 16. Граница государственная. 17. Границы Хивы и Бухары. 18. Границы областные.

Восстание в Тургайской области.

Указ царя о призыве казахов на тыловые работы был получен в Оренбурге (резиденции тургайского губернатора) 28 июня 1916 года. Администрация Тургайской области провела съезды волостных управителей и аульных старшин совместно с «почетными аксакалами», на которых был обсужден вопрос о проведении мобилизации. Байская верхушка обязалась, как доносил губернатор, «немедленно и свято исполнять священную волю государя». Буржуазные националисты, многие из которых работали в это время чиновниками местного правительственного аппарата, разъезжали по всей области и агитировали за выполнение царского указа. Но ничто не могло остановить нараставшее восстание. Амангельды, после получения указа царя, призвал казахов Тургайского и соседних уездов — Кустанайского, Иргизского, Актюбинского, Атбасарского, Перовского — объединиться для совместной борьбы против царского правительства и казахских баев-феодалов. Молодежь призывного возраста стала собираться в разных местах и вооружаться для предстоящей борьбы. Губернатор Тургайской области Эверсман стал получать тревожные сведения о вооруженных выступлениях казахов Тургайского, Иргизского, Кустанайского и Атбасарского уездов. Уездные начальники сообщали, что повстанцы концентрируются в ущельях гор, нападают на почту, разбирают полотно железной дороги, громят волостные правления, убивают волостных управителей. Местная администрация в тревоге отмечала, что восстание охватило все население области, но в особенности серьезным было положение в Тургайском уезде, где действовал отряд Амангельды.

В конце июля Амангельды удалось объединить значительную часть повстанческих отрядов Кустанайского, Иргизского и Актюбинского уездов. В повстанческих отрядах Амангельды было много молодежи призывного возраста. Молодые повстанцы отбирали у баев лошадей и оружие. Тургайский уездный начальник сообщал об этом Эверсману: «Настроение у молодежи призывного возраста сильно поднялось. В настоящее время творят самоуправные деяния большей частью в отношении к своим одноаульцам, влиятельным и богатым лицам, вызывающие самостоятельное отобрание скота для своей надобности. Выезжать кому-либо из уездной администрации в уезд считаю рискованным».

2 августа тургайский губернатор телеграфировал в Министерство внутренних дел, чтобы ни в коем случае не разрешали отзывать войска из области, так как к восставшим присоединились рабочие Чакпаркунских каменноугольных копей. Бросали работу и уходили в степь также и рабочие-ка-

захи Ташкентской железной дороги. 7 августа забастовали рабочие Атбасарских копей. «Все рабочие-киргизы, — сообщала контора акционерного общества, — работы оставили и, как можно предполагать, под каким-то сторонним влиянием все с места работы ушли в степь».

Повстанцы убивали не только царских чиновников, волостных управителей, но и баев, аксакалов, уничтожали их владения, насильно отбирали скот.

11 июля на урочище Бирмола, Акмолинского уезда, восставшие избили пристава и писаря, производивших приемку лошадей для царской армии. 12 июля восставшие джигиты Бестюбинской волости, Кустанайского уезда, убили волостного управителя. В тот же день был убит управитель Карабалыкской волости, Кустанайского уезда, а 22 августа в Аккаргинской волости, того же уезда, был убит «почетный аксакал» за совет подчиниться царской воле.

Повстанцы громили байские аулы, угоняли их скот. 17 сентября повстанческий отряд в 200 человек напал на аул крупного феодала Чорманова и угнал более 4 тысяч лошадей. 19 октября в Иргизском уезде повстанцы захватили байские табуны лошадей, а 26 октября повстанцы, того же уезда, захватили еще 200 байских лошадей.

Во второй половине сентября в степь выступил карательный отряд под командой помощника уездного начальника Ткаченко и офицера Мордвинова. Ткаченко производил аресты в аулах, чинил расправы над населением. Особенно жестокая расправа была произведена над населением аулов у озера Татыр, в 50 километрах от Тургая. Отряды Амангельды атаковали карателей у озера Татыр и прижали их к берегу. Бой шел в течение четырех часов. После жестокой рукопашной схватки карательный отряд был вынужден отступить к озеру Алкау. Здесь повстанцы снова атаковали царские войска и заставили их совсем уйти.

В сентябре и октябре к Амангельды Иманову прибывали все новые и новые отряды повстанцев из соседних областей — Акмолинской, Семипалатинской, Сыр-Дарьинской и других. Приходили целыми отрядами и маленькими группами, приходили и в одиночку. Небольшой отряд Амангельды, пополненный новыми отрядами, вырастал в грозную повстанческую армию. Сам Амангельды становился общепризнанным вождем национально-освободительного восстания. Он проявлял кипучую деятельность по организации, вооружению и сплочению своей армии. Общее руководство военными действиями, снабжение и управление всеми партизанскими отрядами было сосредоточено в руках военного совета — кенес,

который существовал при Амангельды, как главнокомандующем всеми силами.

Амангельды принимал все новые отряды, расквартировывал их, производил обучение их стрельбе и простейшим приемам строя. В ходе восстания росла боевая организованность казахов Тургайской области, их сплоченность и решимость, их готовность к длительной и беспощадной борьбе с карателями. Амангельды рос вместе со своей армией, обнаруживая подлинный талант полководца и боевого организатора. Вот почему в военных действиях повстанческих отрядов, руководимых Амангельды, чувствовалась такая осмысленность, продуманность и организованность. Об этом свидетельствовали и удачные бои, которые Амангельды вел с царскими карательными войсками. Разгром повстанцами почтовых и телеграфных станций от Иргиза на Тургай и Карабутак, разрушение колодцев на трактах Иргиз—Тургай, уничтожение казенных запасов сена — все это имело целью затруднить военные операции царских войск, лишить тургайскую администрацию связи с Россией, не дать ей возможности во-время стянуть в Тургай военные силы и превратить Тургай в опорную военную базу карательных войск.

Донесения царских генералов и баев становились все более тревожными. Они сообщали о массовости, организованности и героизме повстанцев-казахов. Генерал Сандецкий 26 ноября сообщал, что в восстании участвуют до 50 тысяч аскеров, действующих против городов Тургая, Иргиза, Карабутака, что повстанцы имеют военный строй, колонны их идут уступами, атакуют лавой, на отдыхе охраняются заставами и разъездами. Во время боев повстанцы проявляют большую смелость, приближаясь на расстояние 500 шагов, несмотря на огонь атакующих рот и сотен. Генерал Сандецкий жаловался, что повстанцы сжигают на огромном расстоянии все запасы сена и топлива, затрудняют передвижение карательных войск. «На умиротворение края, — писал он, — потребуется не менее 1—2 лет».

Кайдаульский волостной управитель в донесении от 30 декабря 1916 года сообщал: «Амангельды Удербаев (он же Иманов) назначен в последнее время главнокомандующим над всеми восставшими киргизами».

В октябре и ноябре восстание стало всенародным. Оно все более и более принимало характер освободительной крестьянской войны. Вокруг Амангельды объединилось для борьбы против баев и против царского правительства все трудовое казахское население, боровшееся за свое социальное и национальное освобождение.

Действия повстанческих отрядов Амангельды были решительными и смелыми. В октябре они успешно вели бои с царскими войсками, несмотря на их превосходство в вооружении и силе. 18 октября 1916 года в 70 километрах от Иргиза, у озера Кзыл-Куль, отряд повстанцев в 2 500 человек вступил в упорный бой с карательными войсками и заставил их отступить в Иргиз.

Царским властям становилось все более ясно, что справиться с восстанием мелкими карательными отрядами невозможно, что нужны крупные военные силы. Вскоре царское правительство организовало целый экспедиционный корпус под командой генерала Лаврентьева и послало его в степь. В составе корпуса были пехота, кавалерия, артиллерия. В помощь корпусу Лаврентьева были посланы и войска из Туркестанского военного округа. Вся эта масса войск была двинута против восставших в трех направлениях. Главные силы корпуса Лаврентьева были сосредоточены в Челкаре. Они направлялись на Иргиз и Тургай. Другая часть войск шла из Актюбинска через Карабутак на Иргиз. Третья часть военных сил наступала через Кустанай на Тургай. Войска имели задачу освободить Тургай, окруженный со всех сторон повстанцами, и рассеять их.

Штурм и осада Тургая.

Амангельды стремился взять Тургай до прибытия войск. 4 ноября в восьми километрах от города повстанцы на совещании руководителей отрядов решили взять Тургай внезапным штурмом утром 6 ноября. Но внезапности штурма не получилось. На окраине города неожиданно загорелись скирды сена. Пожар поднял на ноги весь город. Осведомленное о намерениях повстанцев, командование приготовилось к отражению штурма. Войска гарнизона были приведены в боевую готовность. На рассвете повстанцы повели наступление на Тургай. Несмотря на сильный пулеметный и оружейный огонь, Амангельды с отрядом джигитов ворвался в город. В течение нескольких часов он вел бой с войсками гарнизона в южной части города, где были сосредоточены правительственные учреждения. Амангельды разгромил многие из них. Но основная масса повстанческих отрядов не могла прорваться к городу. Чтобы не оказаться отрезанным, Амангельды вынужден был уйти из города. К вечеру 6 ноября повстанцы отступили под напором хорошо вооруженных войск гарнизона. Но город продолжал оставаться в осаде. Под стенами Тургая повстанцы простояли до 16 ноября. Три раза в течение этого времени Амангельды посылал своих парламентеров в Тургай с требованием сложить оружие и сдать город. Один очевидец осады Тургая записал в своем дневнике: «22 октября. Тур-

гай в осаде. Объявлено военное положение. В семи верстах от города скопилось несколько тысяч человек из аулов уезда. Телеграфное сообщение прервано. Почтовые станции разрушены... Начальство уже попряталось в казарме. Оно охвачено страхом. 28 октября. Седьмой день осады. Даже неизвестно, когда будет налажено сообщение между Тургаем и внешним миром. 31 октября. Десятый день осады. Вчера киргизы угнали городской табун, который пасся верстах в 5—6 от города. Дозорные видели массу киргиз близ Тургая». Только на 27-й день осады автор дневника записал, что прибыли войска на помощь осажденному городу. К Тургаю приближались многочисленные, прекрасно вооруженные царские войска. К тому же сильные морозы затрудняли осаду, чрезмерно затянувшуюся и истощавшую силы осаждавших.

В лагере повстанцев к концу ноября уже не было прежнего единства, прямые агенты байства, пробравшиеся в повстанческие отряды, путем обмана — Абдулгафар Жанбосынов, Оспан Шолаков, Касымжан Алтынсарин и другие вели разлагающую работу среди восставших.

Лидеры казахских буржуазных националистов — Байтурсунов, Дулатов и другие обратились к повстанцам с воззванием, уговаривая их сложить оружие и пугая суровой расправой. Продолжать осаду было невозможно, и Амангельды отвел свои отряды от Тургая в район Батпаккары. Отступая из-под Тургая, Амангельды распорядился сжечь все зимовки, расположенные по дороге к Тургаю. Он хотел лишить идущие на Тургай царские войска как продовольствия, так и помещений для их стоянок. В то же время Амангельды стремился сохранить свои силы и организовать их для дальнейшей длительной партизанской войны. Предстояла тяжелая борьба с надвигающимися карательными отрядами. Рано наступившая зима, сильные морозы и снега затрудняли действия повстанческих отрядов. Амангельды решил сосредоточить свои партизанские отряды в местах, недосягаемых для карательных войск, обеспечить своих бойцов продовольствием и фуражом, подготовить для них землянки и юрты. Главные силы повстанцев находились в песках Тусум, в районе Батпаккары, в районе озер Сабын-Куль и Кара-Куга. Весной Амангельды рассчитывал возобновить и расширить войну, объединив весь казахский народ для борьбы с царизмом.

Амангельды еще более усилил работу по реорганизации своей армии, по созданию в ней крепкого централизованного руководства, твердой дисциплины, сознательного отноше-

ния к своим задачам и обязанностям. Созданный им совет по руководству военными действиями активно помогал своему главнокомандующему. Штаб восставших, во главе с Амангельды, находился в Батпаккаре. Здесь был организован административный аппарат управления районом расположения повстанцев. Были избраны новые суды. В Батпаккаре и других аулах было создано несколько мастерских для выделки холодного оружия. Один из работавших в такой кузнице вспоминает: «Мы в нашей мастерской работали день и ночь. Время было горячее. Людей было в отрядах много, а оружия мало. Надо было торопиться. Никто из нас и не думал об отдыхе. Мы выделывали шашки, найзы, ремонтировали оружие и т. п.».

Бои в начале 1917 года.

В январе 1917 года повстанцы Амангельды снова подошли к Тургаю. Они смело нападали на царские войска, проявляя отвагу и находчивость в борьбе с сильнейшим противником. Сосредоточившись в районе озера Коккопа, повстанцы захватили тракт между Тургаем и Чолаксаем. Но осадить Тургай на этот раз повстанцам не удалось. Царские власти решили окончательно разгромить Амангельды и двинули значительные силы на его главный лагерь. После нескольких дней упорных боев, 24 февраля 1917 года Батпаккара была занята царскими войсками.

К концу февраля было подавлено восстание и в Акмолинской области, ход и исход которого в большой мере зависели от судьбы восстания в Тургае. Здесь исключительно предательскую роль сыграли баи и муллы. Один из участников восстания Тулентай Смаилов рассказывает, что некоторые баи примкнули к восстанию, но в решительные моменты борьбы они вносили панику в ряды восставших и переходили на сторону карателей. В то же время муллы использовали религиозные предрассудки масс для того, чтобы одурачить и предать народ.

Так было во время одного из крупных сражений в Акмолинской области. Отряд повстанцев выступил навстречу карательному отряду пристава Хомуллы, который сжигал зимовки и расстреливал казахов повсюду, где появлялся. «...Мы выступили навстречу Хомулле, сделали переход и остановились на Бек-Назарбулаке, — рассказывает Тулентай Смаилов, — мы видели, как, растянувшись по степи, движется отряд ненавистного нам пристава. Мы горели нетерпением. Вот сейчас мы начнем стрелять, потом на конях помчимся на врага, разобьем его и убьем самого Хомуллу. Мы ждали только приказания. Отряд Хомуллы приближался. Вдруг, какой-то враг, затесавшийся в нашу среду, громким голо-

сом изрек стих из корана, а потом провозгласил: «Правоверные! Мусульманам не полагается первыми начинать битву. Пусть сначала стреляют в нас враги!». — «Замолчи, предатель!» — услышали мы голос бедняка Исы Давлетбекова. «Казахи! — кричал он. — Не слушайте предателя! Бросайтесь на врага или вы погибли. Прикажите начинать бой», — обратился он к нашим руководителям. — «Замолчи, безумный! — ответил ему Джакуп Мирзахожин, — умнее всех хочешь быть? Ложись и жди приказаний, или мы заткнем твою глупую глотку». «Предать нас хочешь, толстая собака! — крикнул ему Иса Давлетбеков. — Казахи! Убейте предателей, начинайте бой». Он смутил нас своими словами, но в нашем сознании еще сильна была привычка подчиняться баям. Видя, что его слова не подействовали, Иса Давлетбеков заплакал. Он понял, что бай всегда враг бедняку и всегда предаст его, чтобы спасти свою шкуру. Тем временем Хомулла успел выстроить в боевой порядок свой отряд и установить пулеметы. Пока мы ждали, он приготовился к бою и теперь сразу открыл сильный огонь. Тут уже никакие уговоры не смогли на нас подействовать. Смелые бросились на врага, трусы и предатели обратились в бегство. Иса Давлетбеков первым поскакал галопом навстречу солдатам, на скаку стреляя из берданки. Он врезался в отряд врагов и, как рассказывали потом, прежде чем пасть мертвым, убил шестерых солдат. Это был настоящий батыр. Мы были разбиты. Часть повстанцев организованно отступила на соединение с Амангельды Имановым. Многие рассеялись и потом долго скитались по степи, скрываясь от врагов. Остальные покорились. Так нас предали».

Амангельды продолжал сражаться, медленно отступая с остатками своих отрядов в глубь степей. Вместе с ним ушла и значительная часть мужчин призывного возраста. Они не считали себя побежденными и готовились к новой борьбе, рассчитывая весной 1917 года поднять против царизма весь Казахстан. Но через несколько дней было получено известие о февральской революции в Петрограде. Революционные русские рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели, свергли царизм — злейшего врага народов России — окончательно и навсегда.

Историческое значение восстания 1916 года.

Национально-освободительное восстание 1916 года занимает выдающееся место в истории казахского народа. Казахский народ вновь с небывалой силой выступил против гнета царизма и его слуг и помощников — баев. Как и во всех восстаниях, в восстании 1916 года проявились в огромной степени боевые качества казахско-

го народа. Плохо вооруженный, слабо организованный, почти не имевший своего промышленного пролетариата, казахский народ героически боролся с превосходно вооруженной армией царского правительства. Но устоять против нее он не мог, и восстание было подавлено. Но царскому правительству не удалось окончательно подавить восстание, тем более оно не могло сломить решимости казахского народа продолжать борьбу за свое национальное и социальное освобождение.

Однако только в условиях, когда русский пролетариат возглавил эту борьбу, как единственный вождь и руководитель, национально-освободительное движение получило твердую базу и определенную перспективу. «Пока пролетариат передовых стран, — писал Ленин, — свергает буржуазию и отражает ее контрреволюционные попытки, — неразвитые и угнетенные нации не ждут, не перестают жить, не исчезают. Если они пользуются даже таким, сравнительно с социальной революцией совсем маленьким, кризисом империалистской буржуазии, как война 1915—16 годов, для восстаний (колонии, Ирландия), то не подлежит сомнению, что *великим кризисом* гражданской войны в передовых странах они пользуются тем более для восстаний».[1]

Сливаясь с революционным движением русского пролетариата и крестьянства, восстание угнетенных народов приближало срок неизбежного краха царизма. Историческое значение восстания 1916 года и состоит в том, что казахский народ своей борьбой против национального и социального гнета усиливал удары, наносимые самодержавию русским пролетариатом.

Восстание 1916 года в Казахстане и в Средней Азии было сильным ударом по колониальному режиму, расшатывая устои царизма. Восстание происходило в год могучего развертывания революционного рабочего движения в России, когда явственно ощущалось приближение общенародного взрыва, приближение революции. Восстание 1916 года подняло активность трудящихся масс Казахстана и всей Средней Азии, способствовало дальнейшему размежеванию классовых сил, поднимало классовое самосознание трудящихся окраин. Восстание 1916 года еще более обострило классовую борьбу в казахском ауле, оно подготовило трудящихся казахов к дальнейшей революционной борьбе против царизма и против своих классовых врагов — баев.

Вооруженная борьба против царских войск и байства, ее

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. XIX, стр. 221.

успехи, поражения и неудачи многому научили казахский народ. Они научили его искать союза с русским пролетариатом, вместе с ним и при его помощи итти на решительную борьбу за свое полное освобождение от империалистического гнета и от феодально-байской кабалы.

В ходе восстания трудящиеся Казахстана убедились также и в том, что родовая знать, байство и буржуазные националисты являются союзниками самодержавия и врагами трудящихся.

Буржуазные националисты не только не возглавили восстания казахского народа в 1916 году, но осуждали и предавали его. Так, один из вожаков националистов Дулатов в своей статье «Исторический год» в газете «Казах» от 3 января 1917 года, подводя итоги восстанию, обвинял массы, что они взялись за оружие и не подчинились царскому закону: «Казахи разорены в этом безумном волнении, — писал Дулатов. — Причиной огромного бедствия казахского народа является его отсталость, некультурность».

Газета буржуазных националистов «Казах» в 1916 году открыто выступила против восстания. Находясь на службе царских колонизаторов, она пыталась опорочить руководителей национально-освободительного движения, называя их ворами и нарушителями общественного порядка.

Стремясь внести раскол в среду восставших Тургайской области и, таким образом, облегчить царизму разгром восстания, газета «Казах» предательски призывала повстанцев сложить оружие: «Смиритесь, подчиняйтесь закону. Прочь от этих злонамеренных людей. Сохрани, аллах, народы от бедствий, подобных злым духам».

Эта позиция буржуазных националистов в ходе восстания разоблачала их предательскую роль и все более и более убеждала передовых представителей казахского народа в том, что его единственным защитником и руководителем является русский революционный пролетариат.

Большевистская партия, во главе с Лениным и Сталиным, придавала чрезвычайно важное значение борьбе угнетенных народов за свое национальное освобождение. Ленин приветствовал национально-освободительную борьбу угнетенных народов окраин России, как часть борьбы против общего врага — царизма. Борьба угнетенных народов, учил он, сольется, в конце концов, с борьбой социалистического пролетариата. «Капитализм», — писал Ленин, — не устроен так гармонично, чтобы различные источники восстания сами собой сливались сразу, без неудач и поражений. Наоборот, именно разновременность, разнородность, разноместность восстаний ручается за широту и глубину общего движения; только

в опыте революционных движений несвоевременных, частных, раздробленных и потому неудачных, массы приобретут опыт, научатся, соберут силы, увидят своих настоящих вождей, социалистических пролетариев и подготовят тем общий натиск...»[1].

Восстание 1916 года и его вожди Амангельды в народном творчестве.

Национально-освободительное восстание 1916 года и особенно личность и дела народного батыра, вождя восстания Амангельды Иманова, нашли свое отражение в огромном количестве песен, поэм и легенд, сложенных народными акынами и написанных казахскими поэтами. В творчестве многочисленных певцов национально-освободительной борьбы казахского народа в 1916 году воспеты герои — участники и руководители восстания, их богатырские подвиги.

Многообразно творчество народа об Амангельды. Эпические поэмы народных акынов Омара Шипина, Сата Есенбетова, Сулеймена и лирические произведения (песни, толгау, оды и плач на смерть героя) народных акынов Кудеры, Орынбая, Досмухана, Бзаубека, Бырмагамбета с одинаковой любовью и преклонением рисуют облик народного батыра Амангельды.

Среди эпических поэм большую художественную и историческую ценность представляет поэма Омара Шипина «Батыр Амангельды». В поэме около 6 тысяч стихотворных строк. Она состоит из четырех частей: в первой части поэмы акын воспевает боевых предков Амангельды — его деда — славного батыра Имана. Во второй части поэмы описывается детство и юность Амангельды, дается образ молодого, храброго и смелого батыра. В третьей части поэмы описывается борьба батыра Амангельды против казахских баев, волостных управителей, царских колонизаторов. В этой части поэмы автор описывает интересные эпизоды из жизни и борьбы батыра и его полководческое искусство во время восстания 1916 года в Тургайской степи. Четвертая часть поэмы посвящена роли Амангельды в годы Великой Октябрьской социалистической революции и его смерти от руки предателей народа — буржуазных националистов.

В народном творчестве особенно часто и ярко обрисовывается образ Амангельды в годы гражданской войны, когда он боролся за советскую власть. Этому периоду деятельности Амангельды посвящена поэма акына Кудеры — «Герой, взявший крепость». Другой акын, участник восстания, в песне, посвященной гибели любимого батыра, говорит о его бес-

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. XIX, стр. 271.

страшии и отсутствии у него и его батыров страха смерти перед зарей победы:

К подлинному счастью придут
Дети человечества.
Пышно расцветут
Степи Сары-Арка.

Много песен сложено о трагической гибели Амангельды. В прощальных песнях-плачах акыны с гневом и ненавистью говорят об убийцах батыра. В песне «Плач жены Амангельды» неизвестный акын пел:

Так пусть же ослепнут враги навсегда,
Пусть лживые их онемеют уста!
Как смели стрелять они в сердце того,
Чье имя — надежда народа всего,
Кто с юности доброю славой своей
Известен среди иноземных людей,
Кому становились друзьями навек
Татарин и русский, казах и узбек,
Кто равен султану величием был,
Врагов не боялся да бить их любил,
Чье слово любой понимал человек —
Татарин и русский, казах и узбек.

Восстание 1916 года нашло особенно яркое отражение в советской литературе. События героического шестнадцатого года, самоотверженная борьба казахского народа за свободу и независимость, мужественный образ народного героя Амангельды не перестают до наших дней волновать и вдохновлять казахский народ.

ГЛАВА XXI.

ФЕВРАЛЬСКАЯ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В КАЗАХСТАНЕ.

§ 56. СВЕРЖЕНИЕ ВЛАСТИ ЦАРИЗМА В КАЗАХСТАНЕ.

Февральская революция в Казахстане.

Революционный кризис, назревавший в годы мировой империалистической войны, привел к февральской буржуазно-демократической революции 1917 года. Одним из важнейших факторов и проявлений этого назревавшего революционного кризиса было национально-освободительное движение угнетенных царизмом народов.

Решающий удар самодержавию был нанесен в Петрограде и на фронте. Русские рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели, воодушевляемые и руководимые большевистской партией, в победоносном восстании свергли царизм. «Русским рабочим,—писал В. И. Ленин,—выпала на долю честь и счастье *первым* начать революцию, то-есть великую, единственно законную и справедливую, войну угнетенных против угнетателей».[1]

Под руководством русского пролетариата восстали против самодержавия и все угнетенные народы огромной многонациональной империи. В своей «Песне о братстве народов» великий акын Джамбул так отметил этот грозный всенародный шквал, опрокинувший царский трон:

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. XX, стр. 48.

Восстали миллионы забитых рабов,
Штык повернув на заклятых врагов,
И рухнули своды позора и тьмы
Российской империи душной тюрьмы.

В огне революции по всей стране создавались Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Революцию совершили рабочие и крестьяне в солдатских шинелях. Но не им достались плоды победы.

«В то время, как большевики руководили непосредственной борьбой масс на улицах, соглашательские партии, меньшевики и эсеры, захватывали депутатские места в Советах, образуя в них свое большинство. Этому отчасти способствовало то обстоятельство, что большинство лидеров большевистской партии находилось в тюрьмах и ссылках (Ленин находился в эмиграции, Сталин и Свердлов в Сибирской ссылке), тогда как меньшевики и эсеры свободно разгуливали на улицах Петрограда. Таким образом, во главе Петроградского Совета и его Исполнительного комитета оказались представители соглашательских партий: меньшевики и эсеры. То же самое было в Москве и в ряде других городов».[1]

Вооруженный народ — рабочие и солдаты смотрели на Советы, как на органы народной власти. Они верили, что Советы рабочих и солдатских депутатов осуществят все требования революционного народа и что в первую очередь будет заключен мир. Но эсеры и меньшевики не думали о ликвидации войны. Наоборот, они рассчитывали использовать революцию для того, чтобы продолжить войну. Меньшевики и эсеры считали, что революция уже закончилась, что остается ее закрепить, как обычную буржуазную революцию. Поэтому эсеро-меньшевистское руководство Петроградского Совета приняло все меры к тому, чтобы передать власть буржуазии и снять вопрос о прекращении войны, вопрос о мире.

Эсеро-меньшевистские лидеры исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов втайне от большевиков договорились с так называемым Временным комитетом Государственной думы, председателем которого был монархист Родзянко, о сформировании нового правительства России — буржуазного Временного правительства и сдали власть буржуазии. Совет рабочих и солдатских депутатов, несмотря на протесты большевиков, одобрил своим большинством эти действия эсеро-меньшевистских лидеров. Так образовалась новая государственная власть в России — власть буржуазии и обуржуазившихся помещиков.

Но рядом с буржуазным Временным правительством су-

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 170.

ществовала другая власть — Советы рабочих и солдатских депутатов.

«Совет рабочих и солдатских депутатов являлся органом союза рабочих и крестьян против царской власти и вместе с тем — органом их власти, органом диктатуры рабочего класса и крестьянства.

Таким образом, получилось своеобразное переплетение двух властей, двух диктатур: диктатуры буржуазии, в лице Временного правительства, и диктатуры пролетариата и крестьянства в лице Совета рабочих и солдатских депутатов. Получилось *двоевластие*».[1]

Добровольная передача Советами власти представителям буржуазии объяснялась тем, что в начале революции миллионы людей, среди которых преобладала мелкая буржуазия, были не искушены в политике, а также недостаточной сознательностью и организованностью в начале революции самого пролетариата, в состав которого в годы войны влилось немало мелкобуржуазных элементов.

На окраинах России старая царская администрация оставалась даже после свержения самодержавия в центре. Туркестанский генерал-губернатор Куропаткин старался скрыть от народа телеграммы о свержении самодержавия в России. Губернаторам и чиновникам на местах было запрещено «впредь до распоряжения» публиковать в печати сведения о революционном перевороте в России.

Трудящиеся массы Казахстана узнавали о свержении самодержавия не от официальных представителей власти, а от телеграфистов, от демобилизованных солдат и отпускников с фронта, от рабочих, приезжавших из центральной России. В городах, селах и аулах Казахстана возникали митинги и собрания, на которых большевики или непартийные революционные рабочие и солдаты разъясняли смысл событий. На митингах принимались резолюции приветствия русскому народу, освободившему страну от кровавой власти царизма.

«Могучая волна движения народа русского, — говорится в одной из таких резолюций, — докатилась до наших степей несколько позже. Но все же мы теперь с чувством живой радости узнали о том, что русский народ отвоевал для себя и для всех народов, населяющих Россию, счастье и благо свободы».

Трудящиеся Казахстана в самых отдаленных аулах с радостью встречали весть о свержении царя, как зарю своего политического освобождения и национального возрождения.

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 171.

Революционные рабочие и солдаты свергали царских губернаторов и полицейских чиновников, а наиболее ненавистных из них арестовывали.

Так, на митинге рабочих и солдат в гор. Верном было принято постановление об отстранении царских чиновников и об аресте областного прокурора, воинского начальника и других представителей царской администрации. В некоторых уездах Семиречья были арестованы уездные начальники.

В Семипалатинске были арестованы губернатор, жандармский полковник, полицеймейстер, отстранены от должностей вице-губернатор, прокурор суда и уездный начальник.

Многолюдный сход жителей аула № 5 Бетбактынской волости, собравшись в поселке Аккемир под председательством казаха и при казахе-секретаре, решили избрать у себя гражданский аульный комитет, а «бывшего и живущего в поселке Аккемир урядника Александра Лентовского... из общества убрать, как вредный элемент для нашего общества, который при старом правительстве приносил нашему обществу большой вред и ущерб для хозяйства».

Исполнительные гражданские комитеты в волостях проводили ликвидацию волостных правлений и устраняли по требованию народа старшин.

В поселке Карабутак, Тургайской области, после получения вести о свержении самодержавия состоялся массовый митинг трудящихся с острыми выступлениями против местных царских чиновников. Перепуганные чиновники телеграфировали в уездный гор. Иргиз, что «народ волнуется».

3 марта в Ташкенте был образован Совет рабочих депутатов. Большинство мест в Совете и руководство им захватили представители соглашательских партий — эсеры и меньшевики. Вслед за Ташкентом Советы стали создаваться в городах Казахстана.

Испуганный размахом революционного движения, Куропаткин поспешил переменить тактику. Верный слуга самодержавия внезапно превратился в ярого приверженца буржуазного правительства. Он разослал всем губернаторам и уездным начальникам новую телеграмму: «Примите энергичные меры, чтобы в самые глухие углы пришла весть о подчинении Временному правительству свободной России, о подчинении своим начальникам и поддержании полного порядка».

Куропаткин надеялся договориться с новой буржуазной властью, чтобы приостановить опасное для помещиков и буржуазии развитие революции.

Уже как представитель Временного правительства, Куропаткин пытался разжечь национальную вражду между рус-

ским и казахским населением. Он утверждал, что «от революции выиграют лишь инородцы, а у русского человека из кармана вытащат последнее». Куропаткин разъезжал по воинским частям и, выступая перед строем, пытался доказать солдатам, что самый большой внутренний враг — это местное казахское население. Однако среди солдат эта агитация успеха не имела, и нередко в их рядах раздавались требования ареста Куропаткина.

«Миллионы и десятки миллионов, — писал В. И. Ленин, — политически спавшие десять лет, политически забитые ужасным гнетом царизма и каторжной работой на помещиков и фабрикантов, *проснулись и потянулись* к политике»[1].

Политически не искушенные народные массы проявляли бессознательно-доверчивое отношение к правительству буржуазии. Это настроение масс было особенно сильно в отсталом Казахстане, где господствовали патриархально-феодальные отношения.

Стремясь сохранить и действительно сохраняя в Казахстане царский колонизаторский аппарат, буржуазное Временное правительство опиралось на феодально-байские элементы, политические позиции которых выражали алашордынцы, на офицерско-кулацкую верхушку казачества, на меньшевиков и эсеров.

Но одновременно с комиссарами Временного правительства, заменившими царских губернаторов и уездных начальников, а также с создававшимися в городах из чиновников и буржуазии так называемыми Исполнительными комитетами, в Казахстане повсеместно стали возникать Советы рабочих, солдатских, крестьянских и киргизских (казахских) депутатов. Организаторами их были чаще всего революционные рабочие и солдаты, а также участники восстания 1916 года, освобожденные из тюрем, или казахи, вернувшиеся с фронта и тыловых работ.

В Казахстане, таким образом, как и во всей стране, создалось *двоевластие*. Его особенностями в отсталом, колониально-угнетавшемся Казахстане было, с одной стороны, особенно четко, незамаскированно выявленная контрреволюционная, колонизаторская политика органов Временного правительства, непосредственно продолжавших царскую политику угнетения, а с другой — слабость, по сравнению с центральной Россией, местных Советов, в которых преобладали мелкобуржуазные элементы. В большинстве городов Казахстана в первые месяцы революции 1917 года большевистских организаций не было вовсе или они входили вместе с мень-

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. XX, стр. 114 — 115.

шевиками в состав объединенных социал-демократических организаций.

В лагере повстанцев 1916 года, во главе с Амангельды, весть о свержении царизма была встречена с особенной радостью. Тургайские повстанцы по праву видели в победе февральской буржуазно-демократической революции результаты и своей собственной героической борьбы с царизмом.

Амангельды Иманов созвал 18 марта 1917 года в урочище Картугай съезд представителей всех волостей уезда, на котором был избран Временный комитет по управлению Тургайским уездом.

Встревоженные ростом активности революционных масс в Тургае и огромной популярностью их вождя — Амангельды Иманова, местные власти Временного правительства и буржуазные националисты уже в первые дни февральской революции решили уничтожить Амангельды и лишить казахскую бедноту ее вождя. Созданный Амангельды комитет по управлению Тургайским уездом они объявили «незаконным» органом, не признавали его и передали власть в Тургае старым волостным управителям и аксакалам во главе с уездным комиссаром Омаром Алмасовым. Уездный начальник, крестьянский начальник и другие чиновники и усмирители восстания 1916 года остались на прежних местах. Все оставалось по-прежнему.

Трудящиеся Казахстана все настойчивее требовали изгнания всех представителей свергнутого самодержавия во главе с царским карателем Куропаткиным. Особенно решительно они добивались немедленной ликвидации царских карательных отрядов, продолжавших бесчинствовать в казахской степи.

В Петроград с этой целью был направлен представитель казахского народа большевик Джангильдин. Он связался с большевистской фракцией Петроградского Совета и, по ее предложению, выступил 10 марта на заседании Совета рабочих депутатов. Джангильдин приветствовал Петроградский Совет и всех рабочих России от имени трудящихся Казахстана. Он рассказал о зверских расправах карательных отрядов над повстанцами 1916 года и потребовал отозвания карательных войск из Казахстана. Джангильдин говорил: «Товарищи! Граждане России получили свободу. Здесь, в России, они обсуждают свои нужды, а в степях киргизских — тираны, палачи царя Николая, свергнутого в России, у нас, в далекой степи творят безобразия». В зале раздались возгласы: «Позор! Позор!».

После речи Джангильдина Петроградский Совет принял

решение, в котором потребовал отозвать карательные отряды из Казахстана.

Однако Временное правительство и не думало считаться с этим решением. Куропаткин продолжал проводить в Казахстане прежнюю колонизаторскую политику.

Казахские буржуазные националисты поддерживали Куропаткина. Они называли его «человеком высоко гуманным, отечески заботливым защитником интересов казахского народа».

14 марта 1917 года один из таких буржуазных националистов, Джайнаков, от имени байства Верненского уезда отправил генерал-губернатору Куропаткину приветственную телеграмму. В ней он просил Куропаткина «принять лично и передать Временному правительству искреннюю преданность новому строю и уверение в готовности приложить все свои силы к победоносному окончанию войны и особо заверить о том, что новых мятежных выступлений со стороны киргиз в уезде допущено не будет».

Казахские буржуазные националисты не только не поддержали требований казахского народа об отозвании Куропаткина и карательных отрядов из Казахстана, а, наоборот, просили Временное правительство не торопиться с этим, «во избежание повторных беспорядков».

Возмущение трудящихся возрастало. Под нажимом народных масс объединенное собрание Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов 30 марта 1917 года приняло решение, в котором потребовало отстранить от должности и подвергнуть аресту генерал-губернатора Куропаткина и его помощников. Куропаткин был отстранен, а его место занял царский полковник Черкес. Новая власть была ничуть не лучше, чем при генерале Куропаткине.

§ 57. КАЗАХСТАН ПОСЛЕ СВЕРЖЕНИЯ ЦАРИЗМА.

Колониальная политика Временного правительства в Казахстане.

Свержение самодержавия и переход государственной власти в руки буржуазии были шагом вперед в развитии России, в том числе и ее национальных окраин. Феодально-крепостническому строю был нанесен серьезный удар, созданы условия для демократизации страны, к политической жизни и борьбе подымались миллионы и десятки миллионов людей, задавленные ранее гнетом царизма, жестокой эксплоатацией помещиков и капиталистов.

Пролетариат России, руководимый большевистской партией, стремился к таким преобразованиям во всем политическом и социальном строе страны, которые вели бы к даль-

нейшему развитию революции, к перерастанию буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Однако Временное правительство, являвшееся органом буржуазии и обуржуазившихся помещиков, стремилось к сохранению в стране старых, дореволюционных порядков, в том числе и прежнего национального гнета. Оно не хотело давать угнетенным народам свободы и независимости. Напротив, оно выдвигало лозунг сохранения «единой, неделимой России». Империалистическая буржуазия боялась, что осуществление права наций на самоопределение приведет к утрате ее господства на окраинах. Вот почему она не стремилась к ликвидации старого колониального гнета, а, наоборот, пыталась закрепить его.

«Уничтожение царизма и появление у власти буржуазии, — писал товарищ Сталин, — не повело, однако, к уничтожению национального гнета. Старая грубая форма национального гнета сменилась новой, утонченной, но зато более опасной формой гнета».[1]

7 апреля 1917 года Временное правительство образовало особый Туркестанский комитет «для решения на местах всех возникающих вопросов управления краем». В состав комитета были назначены кадет Щепкин, меньшевик Елпатьевский, эсер Шкапский, генерал-майор Данлетшин, алашордынцы Букейханов, Тынышпаев и другие. Туркестанский комитет, во главе со Щепкиным, был уполномочен действовать от имени Временного правительства. Его целью было закрепление власти буржуазии и осуществление ее империалистической политики в Туркестане и Казахстане.

Во главе областей стояли комиссары Временного правительства, назначаемые из среды царских чиновников и тесно связанных с ними буржуазных националистов. Так, комиссарами Временного правительства в Семиречье были чиновник-колонизатор, эсер Шкапский и один из руководителей контрреволюционной байской партии «Алаш» Тынышпаев; в Тургайской области—алашордынский «лидер» Букейханов. Уездные и участковые комиссары Временного правительства назначались из состава бывших уездных начальников и чиновников полиции. На местах были оставлены старые волостные управители и аульные старшины, подобранные из феодально-байских элементов.

Рука об руку с комиссарами Временного правительства в городах действовали Исполнительные комитеты, состоявшие из представителей буржуазных организаций, а также Войсковые советы Оренбургского, Уральского и Семиреченского

---

[1] И. В. Сталин. Сочинения, т. IV, стр. 156.

казачьих войск, руководимые контрреволюционным офицерством.

Под прикрытием фальшивых фраз о «революционной демократии», буржуазное Временное правительство, опираясь на поддержку меньшевиков, эсеров и буржуазных националистов, продолжало в Казахстане великодержавную колонизаторскую политику царизма.

Были оставлены в полной неприкосновенности огромные земельные владения и все сословные привилегии казачьих войск. Продолжал функционировать аппарат Переселенческого управления, отбиравший у казахского населения лучшие земли и передававший их кулакам-колонизаторам. Оставались в силе старые царские законы, рассматривавшие казахов как бесправных «инородцев».

Один из участников восстания 1916 года рассказывает об обстановке в казахском ауле Иргизского уезда Тургайской области после свержения царизма:

«Вскоре в России свергли царя. Среди баев и царских чиновников началась тревога. Наверное поэтому им было не до нас. В марте 1917 года нас выпустили из тюрьмы. Вернувшись домой, мы занялись хозяйством, чтобы хоть частично восстановить его. Когда зазеленели посевы наши, туда перекочевали баи. Хотя царя уже не было, но сила и богатство остались попрежнему у баев. Они это чувствовали. Баи пустили скот на наши посевы. Весь труд наш пропал даром, земля стала черной. Баи стали требовать выплаты «куна» за шесть убитых баев. Их требования поддерживались властями, а за уничтожение посевов никого не собирались наказывать. Пришлось подчиниться. Мы собрали со всех участников восстания шесть раз по 33 головы крупного скота за шесть убитых баев и отдали нашим врагам.

Месяц шел за месяцем, — все оставалось попрежнему: и баи, и управители, и судьи, и чиновники».

Крестьянам было строго-настрого воспрещено захватывать земельные владения казачьего офицерства и царских чиновников, а также свободные переселенческие участки. Например, крестьяне поселка Кос-Истек, Актюбинского уезда, совершенно безрезультатно ходатайствовали перед органами Временного правительства о передаче в их пользование находившихся рядом с крестьянскими землями 2 тысяч десятин земли, принадлежавшей крупнейшему землевладельцу Витману, который на кабальных условиях сдавал ее крестьянам в аренду. Такие же помещики и чиновники, как Витман, пользуясь поддержкой Временного правительства, продолжали закабалять и эксплоатировать казахский народ.

Одним из наиболее ярких проявлений национального гне-

та было преследование участников восстания 1916 года. В одном из главных очагов восстания, в Тургайской области, до самого лета 1917 года сохранялось военное положение и продолжались аресты, конфискация скота и другие репрессии в отношении повстанцев.

Казахскому и киргизскому населению, загнанному царскими карательными отрядами на территорию Китая, не разрешалось возвращаться на родину. При переходе границы его истребляли и грабили. Так, при прохождении беженцами весной 1917 года через селение Валерьяновское, Пржевальского уезда, Семиреченской области, у них был отобран весь скот. Группа беженцев в 200 человек, перешедшая границу в западной части Пржевальского уезда, подверглась нападению кулаков и казаков. Беженцев повели со связанными руками и по дороге начали избивать. Из 200 человек спаслись лишь немногие. Кулаки-колонизаторы сел Григорьевка, Покровка и Сазановка, Пржевальского уезда, сформировав отряд в 40 человек, отобрали у казахов-беженцев 1100 лошадей, 800 коров и несколько тысяч баранов.

Тем казахам и киргизам, которым все же удавалось перебраться через границу, Туркестанский комитет Временного правительства и областные комиссары воспрещали возвращаться в родные места и направляли их в непригодные для жизни пустынные и безводные районы. Беженцы месяцами жили в горах, голодали и вымирали.

Представители населения 17 кочевых волостей, возвратившихся из Китая, телеграфировали в Ташкентский краевой Совет рабочих и солдатских депутатов: «Все живем в горах, умираем от голода, хлеба не дают, ничего не имеем. Слышали, что нас хотят выслать в Верненский и Нарынский уезды. Двигаться не имеем сил, не доберемся, в пути погибнем. Просим обратить внимание на нашу участь, во имя свободы, справедливости и равноправия. Спасите, защитите нас. Убедительно просим не выселять нас и оставить в своем уезде».

По предложению депутатов-рабочих, Ташкентский Совет рабочих и солдатских депутатов в мае 1917 года командировал в южные уезды Семиречья специальную комиссию по выяснению положения коренного населения. Комиссия установила вопиющие факты насилий и издевательств над трудящимся казахским и киргизским населением со стороны органов Временного правительства и кулаков-колонизаторов. Однако работа комиссии никаких результатов не дала. Председатель комиссии Колмаков по распоряжению комиссара Временного правительства Шкапского был арестован по обвинению в большевизме, а после освобождения выслан из Семиречья. Эсеры и меньшевики, возглавлявшие Ташкентский

Совет, все дело замяли. Массовые насилия над казахами и киргизами продолжались.

На местах русские кулаки-колонизаторы отбирали землю у коренного казахского и киргизского населения. Так, кулаки селений Столыпино, Белоцерковское и Титовское, Семиреченской области, захватили земли, принадлежавшие казахам и киргизам Тынаевской и Нурмамбетовской волостей, вырубили сады и уничтожили надворные постройки.

Великодержавные шовинисты, продолжавшие находиться у власти, требовали кровавой расправы с участниками восстания 1916 года. Так, буржуазный Исполнительный комитет Пржевальского уезда послал Временному правительству телеграмму о необходимости организовать карательную экспедицию против повстанцев 1916 года, находившихся в китайских пределах.

Эсеры, возглавлявшие крестьянский съезд Джаркентского уезда, требовали, чтобы русское население, составлявшее лишь 7 процентов населения уезда, получило в органах местного самоуправления не менее 50 процентов всех мест.

Таким образом, агенты и лакеи российской империалистической буржуазии — меньшевики и эсеры проводили в жизнь политику колониального и национального угнетения, мало отличную от царской.

Возглавивший Временное правительство эсер Керенский, прежде всего, позаботился о том, чтобы оправдать палача казахского народа Куропаткина и освободить из тюрьмы арестованных народом карателей. По приказу Временного правительства Куропаткин был освобожден из-под домашнего ареста, а его помощники выпущены из тюрьмы. Куропаткин в своем дневнике с благодарностью отмечал заботу о нем Керенского, который обещал реабилитировать царского генерала и даже поместить заметку о его реабилитации в ташкентских газетах. «Я ему очертил положение Туркестана, — писал далее Куропаткин, — указал на необходимость не применять полностью принципа равенства, иначе Туркестан пойдет назад: большинство голосов будет за туземцев, и они захватят власть в свои руки, а руки-то ненадежные по нашей вине: 56 лет мы держали туземцев в стороне от развития, в стороне от школы и русской жизни. Керенский согласился с моим мнением, что, при неравенстве обязанностей с русским населением, туземцам не следует представлять полноты прав».

Временное правительство и не предоставляло никаких прав населению Казахстана. Попрежнему в школах и учреждениях казахский язык не допускался. Произвол над казахским на-

селением был не меньше, чем со стороны царских чиновников до революции. Так, один из участковых комиссаров Стригин, назначенный без согласия населения уездным комиссаром, при помощи отряда солдат, отобрал у местного населения 38 кошм и 36 лошадей, а также собрал в свою пользу 28 тысяч рублей. Подобные факты были частым явлением.

Трудящиеся массы Казахстана на опыте убеждались, что Временное правительство не даст им ни мира, ни свободы, ни земли, ни национального равноправия. Они начинали понимать, что Временное правительство стоит не за народ, а против народа.

Чаяния и стремления казахских народных масс, надеявшихся в результате свержения царизма добиться улучшения своего положения, не осуществились. Но не искушенные в политике, забитые царскими чиновниками и баями, почти поголовно неграмотные, трудящиеся казахи не сразу разобрались в антинародной сущности Временного правительства и его местных органов.

Предательская позиция буржуазных националистов.

Казахские буржуазные националисты с самого начала февральской революции 1917 года занимали позицию активной поддержки Временного правительства и проводимой им колонизаторской политики. У них было полное единство взглядов с Временным правительством в основных политических вопросах — о власти, войне, земле, по национальному вопросу. Они являлись непосредственными участниками контрреволюционного палачества, осуществляемого русской буржуазией и помещиками в отношении казахских трудящихся масс.

Лидером националистов являлся член ЦК кадетской партии Букейханов. Алихан Букейханов еще в 1903 году писал, что царское правительство ставит перед собой в Казахстане задачу «смягчить нравы и поднять уровень благосостояния полудикого народа», что царизм способствует развитию среди казахов культуры и просвещения, что в своей колониальной политике он «исходит из интересов самих казахов», стремится «удешевить хлеб и обеспечить существование кочевников».

Теперь почти в тех же выражениях он писал о «цивилизаторской миссии» Временного правительства. Букейханов, назначенный тургайским областным комиссаром Временного правительства, в марте 1917 года давал личные указания командующему карательными отрядами генералу Лаврентьеву об организации экспедиции в степь для уничтожения сохранившихся еще с 1916 года повстанческих отрядов. При его

участии был разработан конкретный план этой экспедиции, но развитие революции помешало его осуществлению.

Другим активным слугой царизма и Временного правительства был алашордынец Тынышпаев. Вместе с Букейхановым он вошел в состав Туркестанского комитета Временного правительства, активно осуществлял план изъятия у казахского и киргизского населения Семиречья двух с половиной миллионов десятин земли и переселения десятков тысяч трудящихся казахов и киргиз в пустынные и безводные районы. Этот план — в качестве репрессии за восстание 1916 года — был разработан еще Куропаткиным и утвержден царским правительством. По представлению Куропаткина он был санкционирован и Временным правительством. В мае 1917 года Тынышпаев, вместе с эсером Шкапским и меньшевиком Шендриковым, провел в Пишпеке совещание по вопросу об осуществлении этого варварского мероприятия. Но массовый протест казахского и киргизского населения и опасение нового восстания заставили их воздержаться от проведения в жизнь этого палаческого плана.

Буржуазные националисты на так называемых «киргизских съездах», на которых преобладали феодально-байские элементы, принимали приветствия новой буржуазной власти. На Уральском областном «киргизском съезде», состоявшемся 20—23 марта 1917 года, алашордынцы провели резолюцию о всемерной поддержке Временного правительства и о доведении империалистической войны «до победного конца». Подобные же решения были проведены алашордынцами и на первом «киргизском съезде» Тургайской области, заседавшем в Оренбурге 2—6 апреля 1917 года. На обоих этих съездах алашордынцы даже не упоминали о национально-территориальной автономии Казахстана.

На состоявшемся 19—23 апреля 1917 года Семиреченском областном «киргизском съезде» алашордынцы также провели постановление о безоговорочной поддержке Временного правительства и о продолжении империалистической войны «до победного конца».

Боявшиеся всего нового и прогрессивного, ненавидевшие революцию, алашордынцы стремились сохранить патриархально-феодальные отношения в ауле и варварские институты средневековья. Они высказывались за сохранение старого суда биев, за господствующее положение в духовной жизни реакционного мусульманского духовенства, за сохранение рабства женщины.

В 1917 году произошло политическое оформление казахских буржуазных националистов в контрреволюционную партию «Алаш». На так называемом «Всекиргизском съезде» в

Оренбурге в июле 1917 года были избраны руководящие органы «Алаш-Орды».

Опиравшиеся на байство и на связанную с ним буржуазно-националистическую интеллигенцию алашордынцы представляли собой агентуру русской империалистической буржуазии и обрекали казахские народные массы на дальнейшую колониальную эксплоатацию, на экономическую и политическую отсталость и средневековое варварство. Торгуя оптом и в розницу интересами казахского народа, они были злейшими врагами прогресса, демократии и социализма.

Алашордынцы поэтому с особенной ненавистью относились к передовым и революционным представителям казахского народа, в особенности к народному герою Амангельды Иманову. Еще в апреле алашордынцы Букейханов и Дулатов пытались разоружить партизанские отряды Амангельды и арестовать его самого. С этой целью Букейханов направил из Чолаксая и Тургая карательные отряды в Аккумовские пески, где скрывались отряды Амангельды. Но трудящиеся массы Казахстана зорко оберегали своего вождя. Арестовать Амангельды Букейханову не удалось. Русские солдаты не захотели больше повиноваться своим генералам и быть их послушным орудием. Они отказались выступить против повстанцев-казахов.

Антинародная сущность и предательская роль алашордынцев, называвших себя «представителями и защитниками казахского народа», мало-помалу открывались широким массам трудящихся Казахстана. На собственном опыте они убеждались в том, что действительными защитниками казахского народа являются большевистская партия и Советы рабочих, солдатских, крестьянских и мусульманских депутатов, очищенные от меньшевиков и эсеров.

* * *

Февральская буржуазно-демократическая революция не разрешила коренных задач, стоявших перед страной. Буржуазное Временное правительство всеми силами сохраняло капиталистический строй и помещичье землевладение, продолжало империалистическую войну, толкало страну на путь все большей зависимости от иностранных империалистов, на путь гибели и катастрофы. Оно продолжало колонизаторскую политику царизма.

Разрешить коренные исторические задачи развития страны, избежать надвигавшейся катастрофы, обеспечить революционное обновление и независимость России можно было лишь путем свержения власти помещиков и капиталистов, путем социалистической революции.

Трудящиеся Казахстана были кровно заинтересованы в победе социалистической революции, которая одна только могла разбить цепи колониального рабства, ликвидировать вековую отсталость, обеспечить переход к социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

Под руководством русского пролетариата, партии Ленина—Сталина они и принимают активное участие в борьбе за установление и победу Советской власти.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ.

1400—800 до н. э.	Андроновская культура.
VIII—VII века до н. э.	Появление кочевого скотоводства в южной части Казахстана и образование племенных союзов саков-скифов и массагетов.
VI—V века до н. э.	Появление железных орудий на территории Казахстана.
518 год до н. э.	Восстание саков против Ахеменидов.
IV век до н. э. (середина)	Освобождение саков от власти Ахеменидов.
330—327 годы до н. э.	Завоевание Средней Азии Александром Македонским.
III век до н. э.	Первые сведения о канглы и усунях.
209—274 годы до н. э.	Правление шаньюя Модэ.
III—I века до н. э.	Походы гуннов на территорию Казахстана.
II век до н. э. (конец)	Освобождение усуней из-под власти гуннов.
75 год до н. э.	Занятие гуннами части земель усуней.
71—50 годы до н. э.	Правление усуньского гуньмо Унгуйми.
I век до н. э. (середина)	Распад государства гуннов.
IV век н. э.	Возникновение государства жужаней.
558	Образование Тюркского каганата.
582	Распад Тюркского каганата на Восточный и Западный.
651	Занятие арабами города Мерва.
654	Вторжение китайских войск в долину р. Или, взятие ими Суяба (столицы Западного Тюркского каганата).
679	Разгром китайских войск семиреченскими тюркскими племенами в союзе с тибетцами.
704	Гибель последнего западно-тюркского кагана.
704—766	Господство в Семиречье тюргешей.
751	Решающая битва между арабскими и китайскими войсками близ города Тараза.
766—940	Господство карлуков в Семиречье.
VIII—IX вв.	Принятие ислама карлукской знатью.

60-е годы IX в.	Переход части уйгур в Семиречье.
940	Образование Караханидского государства.
999	Занятие Караханидами Бухары и установление их господства в Средней Азии.
XI в.	Образование кыпчакского племенного союза.
1072	Составление словаря местных языков Махмудом Кашгарским.
1103—1166	Ходжа Ахмед Ясеви.
1141	Установление господства каракитаев в южных районах Казахстана и Средней Азии.
1218	Начало завоевания Казахстана Чингиз-ханом.
1219—1221	Завоевание Казахстана и Средней Азии монголами.
1227	Смерть Чингиз-хана.
1246	Избрание ханом Гуюка. Распад империи Чингиз-хана.
Нач. XIV века	Образование Белой Орды со столицей в городе Сыгнаке.
1320—1345	Правление в Белой Орде хана Эрзена.
1364—1382	Правление хана Уруса.
1370—1405	Правление Тимура в Мавераннахре.
1380	Куликовская битва. Разгром золотоордынских войск Мамая.
1380—1395	Правление Тохтамыша.
1391	Поход Тимура против Золотой Орды.
1395	Разрушение Тимуром столицы Золотой Орды Сарая Берке. Распад Золотой Орды.
Конец XIV века	Образование Моголистана.
1425	Образование Узбекского ханства.
1425—1428	Правление в Узбекском ханстве хана Барака.
1427	Поход Улуг-бека к Сыгнаку и его поражение.
1428—1468	Правление хана Абулхаира.
1456—1465	Образование Казахского ханства.
1480	Смерть хана Джанибека.
1480—1511	Правление хана Бурундука.
1495	Поражение казахского войска Шейбани-ханом в районе Заилийского Ала-Тау.
1505	Свержение власти тимуридов Шейбани-ханом. Завершение завоевания узбеками Средней Азии.
1509	Война между узбеками и казахами.
1510	Разгром казахами узбекского войска.
1511—1518 (1523)	Объединение казахского ханства под властью хана Касыма.
1523—1533	Правление хана Тагира.
1525—1526	Восстание казахских народных масс против хана Тагира.
1533	Поражение казахов в борьбе с узбекскими султанами и Моголистаном.
1560	Победа Хакназара над моголистанским ханом.
1574	Дарование Иваном Грозным грамоты купцам Строгановым на право беспошлинной торговли с казахами.
1580	Убийство Хакназара Баба-султаном.
1580—1582	Правление хана Шигая.
1581—1588	Годы вассальной зависимости Казахского ханства от бухарского хана Абдуллы.
1582—1598	Правление хана Тевеккеля.
1594	Посольство хана Тевеккеля к царю Федору Ивановичу.

1598	Завоевание Тевеккелем городов Туркестана, Ташкента, Самарканда.
1598—1628	Правление хана Есима.
Конец XVI века	Образование трех казахских жузов.
1627	Поход Есим-хана против Ташкентского владетеля Турсуна и объединение казахских владений под властью Есима.
1643	Вторжение джунгар в пределы Казахстана.
1680—1718	Правление хана Тауке.
1681—1684	Опустошение джунгарами юга Казахстана.
1684	Взятие джунгарами города Сайрама.
1711—1712	Вторжение казахов в Джунгарию.
1714	Поражение казахов джунгарами.
1714	Экспедиция Бухгольца.
1716	Основание Омска.
1717	Основание крепостей Ямышевской и Железинской.
1717	Обращение Тауке-хана к России с просьбой о военной помощи против Джунгарии.
1720	Основание Семипалатинска и Усть-Каменогорска.
1723	Начало «великого бедствия» казахов.
1725	Захват Джунгарией Ташкента и Туркестана.
1726	Обращение хана Абулхаира к царскому правительству с просьбой о подданстве.
1726	Битва на реке Буланты.
1730	Второе обращение хана Абулхаира к русскому правительству с просьбой о подданстве.
1731—1732	Русское посольство к Абулхаиру во главе с Тевкелевым.
1731, 10 октября	Присяга о подданстве России хана Абулхаира.
1734	Экспедиция И. К. Кириллова в Казахстан.
1735	Основание Орска.
1740	Присяга о подданстве России хана Абулмамбета и султана Аблая.
1740	Поход Надир-шаха в Среднюю Азию.
1741—1742	Набеги джунгарского хун-тайчжи на Средний и Младший жузы.
1742—1746	Протекторат Джунгарии над Средним жузом.
1748	Убийство Абулхаира султаном Бараком.
1748—1786	Правление хана Нурали.
1752	Съезд султанов трех жузов в горах Улу-Тау для организации борьбы с Джунгарией.
1753	Вторжение Аблая в пределы Джунгарии.
1756	Указ о запрещении казахам перегонять скот на «внутреннюю сторону» (в степи между Уралом и Волгой).
1758	Разгром Джунгарии Китаем.
1762	Вторичное принесение Аблаем присяги о подданстве России.
1771—1781	Правление хана Аблая.
1773—1775	Крестьянская война под предводительством Пугачева.
1773—1775	Восстание казахов Младшего жуза в связи с крестьянской войной Пугачева.
1782	Указ царского правительства о порядке использования казахами земель «внутренней стороны».
1783—1797	Восстание батыра Срыма.
1786	Открытие Пограничного суда в Оренбурге.

1787	Открытие «расправ» в Младшем жузе.
1789	Открытие первой русской школы («Азиатская школа») для казахов в Омске, просуществовавшая до 1836 года.
1791—1794	Правление хана Ерали в Младшем жузе.
1795—1797	Правление хана Есима в Младшем жузе.
1797	Убийство Срымом хана Есима.
1797—1805	Правление хана Айчувака.
1799—1809	Правление в Коканде хана Алима и завоевание им Чимкента, Аулиэ-Ата, Сайрама.
1801	Образование Букеевского ханства.
1802	Гибель в Хиве батыра Срыма.
1804—1846	Махамбет Утемисов.
1805—1807	Правление хана Жан-Тюре.
1805—1814	Борьба султана Каратая за ханский престол.
1808	Поход Алим-хана против Ташкента. Разорение кокандскими отрядами кочевий Старшего жуза.
1809—1821	Правление в Коканде Омар-хана и завоевание им гор. Туркестана.
1812	Окончательное отделение от Младшего жуза Букеевской Орды.
1812—1824	Правление хана Ширгазы.
1816—1821	Борьба Арынгазы против Хивы.
1818—1893	Курмангазы Сагырбаев.
1820	Разгром Мухаммед Рахимом кочевий Арынгазы.
1822	«Устав о сибирских киргизах».
1823—1825	Первое восстание казахов под предводительством Жоламана Тленшиева в Младшем жузе.
1823—1845	Правление хана Джангира в Букеевской Орде.
1824	Упразднение ханской власти в Младшем жузе.
1824 — 1838	Учреждение внешних округов в Среднем жузе.
1827 — 1829	Стихийная перекочевка казахов Букеевской Орды в зауральские степи.
1831	Введение в Младшем жузе пограничных дистанций.
1832 — 1895	Биржансал Кожагулов.
1833	Смерть Арынгазы.
1833	Открытие Карагандинского угольного месторождения пастухом-казахом Аппаком Бажановым.
1834	Постройка у залива Кайдак форта Ново-Александровского.
1835	Постройка «Новой линии» между Орской крепостью и Троицком.
1835 — 1865	Чокан Валиханов.
1836 — 1838	Восстание казахов под руководством Исатая Тайманова.
1836 — 1837	Второе восстание казахов под руководством Жоламана Тленшиева.
1837	Введение «кибиточной» подати.
1837 — 1846	Национально-освободительное движение казахов под руководством Кенесары Касымова.
1837, октябрь — ноябрь	Осада Исатаем Таймановым Ханской ставки.
1837, 15 ноября	Поражение Исатая у урочища Тас-Тюбе.
1837, декабрь	Переход Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова в кочевья Младшего жуза.
1838, май	Взятие Кенесары Касымовым Акмолинского приказа.
1838, 12 июля	Поражение Исатая у реки Акбулак. Гибель Исатая.

1839	Хивинский поход Перовского.
1841	Открытие «русско-туземной» школы для детей казахов в гор. Уральске.
1841	Объявление Кенесары Касымовым войны Коканду и заключение им союза с Бухарой.
1841 — 1889	Ибрай Алтынсарин.
1841	Взятие Кенесары Кокандской крепости Сузак.
1841, сентябрь	Избрание Кенесары Касымова всеказахским ханом.
1842	Движение казахов Букеевской Орды под предводительством Аббаса Кошаева и Лаубая Мантаева.
1844, 14 июня	Введение нового Положения по управлению Младшим жузом.
1844 — 1845	Высший подъем восстания под руководством Кенесары Касымова.
1845 — 1904	Абай (Ибрагим) Кунанбаев.
1845	Основание Уральского и Оренбургского укреплений.
1845	Упразднение ханской власти в Букеевской Орде.
1845 — 1850	Борьба Жанхожи Нурмухаммедова с Хивинским ханством.
1846	Подчинение казахов Старшего жуза России.
1846, октябрь	Гибель Махамбета Утемисова.
1846 — 1945	Джамбул Джабаев.
1847	Основание укрепления Раимского (Аральск).
1847	Борьба Кенесары против киргизов и его гибель.
1847 — 1857	Пребывание Тараса Шевченко в Казахстане (в ссылке).
1853	Поход Перовского против кокандской крепости Ак-Мечеть.
1854	Образование Сыр-Дарьинской укрепленной линии.
1854, 19 мая	Преобразование суда биев.
1854	Основание города Верного (Алма-Ата).
1855 — 1858	Восстание казахов под руководством Есета Котибарова.
1856 — 1857	Восстание сыр-дарьинских казахов под предводительством Жанхожи Нурмухаммедова.
1857	Восстание казахов против Коканда.
1858	Гибель Жанхожи.
1864	Взятие царскими войсками Чимкента, Туркестана и Аулиэ-Ата.
1865	Взятие царскими войсками Ташкента.
1867	Образование Туркестанского генерал-губернаторства.
1868, 21 октября	«Временное положение об управлении в степных областях».
1869 — 1870	Восстание в Тургайской и Уральской областях.
1870 — 1873	Восстание казахов на Мангышлакском полуострове.
1873	Покорение Хивы Россией.
1873 — 1919	Амангельды Иманов.
1880 — 1888	Постройка Закаспийской железной дороги.
1881	«Временные правила по переселению в киргизские степи сельских обывателей».
1881	Переселение уйгур и дунган в Россию (Семиречье).
1888	Начало выхода первой казахской газеты «Дала уалаяты» (в Омске).
1889	Издание закона о порядке и условиях переселения крестьян из России в Казахстан.
1891, 25 марта	«Положение об управлении в степных областях».
1893 — 1920	Султан Махмуд Торайгыров.

1894 — 1903	Издание «Киргизской степной газеты».
1895	Экспедиция Щербины и создание переселенческого фонда в Казахстане.
1896	Прокладка Сибирской железнодорожной магистрали по территории Казахстана.
1899 — 1905	Постройка железной дороги Оренбург — Ташкент.
1901	Забастовка на Успенском руднике.
1902	Забастовки в Экибастузе, в Караганде, на Сибирской железной дороге и на строительстве Оренбургско-Ташкентской дороги.
1903	Забастовка рабочих-казахов на Спасском медеплавильном заводе.
1904	Организация Переселенческого управления.
1904, 6 июня	Закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан земледельцев».
1904	Предоставление концессии в Казахстане французскому капиталисту Карно.
1904	Организация Лесли Урквартом «Киргизского горнопромышленного акционерного общества».
1905 — 1907	Первая буржуазно-демократическая революция в России.
1905 — 1907	Возникновение большевистских организаций и групп в Казахстане.
1905, осень	Организация рабочими Нельдинских (Успенских) медных рудников «Киргизско-русского Союза».
1905 — 1906	Революционная работа В. В. Куйбышева в Петропавловске.
1907, 3 июня	Избирательный закон о выборах в третью Государственную думу, лишивший избирательных прав народности Сибири, Средней Азии и Казахстана.
1908	Образование американского «акционерного общества Атбасарских медных копей».
1912	Волнения казахского населения в Каракольской волости, Лепсинского уезда.
1912 — 1915	Издание журнала «Айкап».
1914, 1 августа	Начало первой мировой войны.
1915	Забастовки рабочих на ряде предприятий Казахстана.
1916, 25 июня	Указ царского правительства о «реквизиции» в армию на тыловые работы казахов, киргиз, узбеков, туркмен, дунган и уйгур.
1916, июль	Начало национально-освободительного восстания в Казахстане.
1916, 11 июля	Начало восстания казахов в Сыр-Дарьинской области.
1916, июль	Начало восстания казахов в Семиреченской области.
1916, 17 июля	Объявление царским правительством всего Туркестанского края на военном положении.
1916, июль— 1917, февраль	Восстание в Тургайской области.
1916, август	Восстание в Закаспийской области.
1916, сентябрь	Крупные бои в северных районах Семиречья.
1916, 16 сентября	Бой между повстанцами и царскими войсками в долине Аманкуль.
1916, октябрь	Военный суд в Уральске, приговоривший 19 арестованных повстанцев к смертной казни через повешение.

1916, 6 ноября	Штурм города Тургая восставшими казахами под руководством Амангельды Иманова.
1917, январь	Вторичное наступление повстанцев под руководством Амангельды на Тургай.
1917, 24 февраля	Занятие царскими войсками Батпаккара — опорного пункта тургайских повстанцев.
1917, 27 февраля	Февральская буржуазно-демократическая революция в России.
1917, конец февраля	Подавление восстания в Акмолинской области.
1917, 3 марта	Образование Совета рабочих депутатов в Ташкенте.
1917, 10 марта	Выступление Алибия Джангильдина на заседании Петроградского Совета с протестом против действий карательных отрядов буржуазного Временного правительства в Казахстане.
1917, 18 марта	Созыв Амангельды Имановым в урочище Картугай съезда представителей всех волостей уезда, на котором был избран Временный комитет по управлению Тургайским уездом.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

КАЗАХСКАЯ ССР — РЕСПУБЛИКА ВОЗРОЖДЕННОГО НАРОДА 5

ВВЕДЕНИЕ 17

ГЛАВА I.

ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ СТРОЙ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА . . . . . 43 — 61

§ 1. Древнейшее человеческое общество в Казахстане 43

§ 2. Древнейшие племенные союзы на территории Казахстана 49

ГЛАВА II.

ДОФЕОДАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА . . . . . 62 — 74

§ 3. Казахстан в составе Тюркского каганата . . . 62

ГЛАВА III.

ПЕРВЫЕ ФЕОДАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА. КЫПЧАКИ . . . . . 75 — 86

§ 4. Государство караханидов в Южном Казахстане 75

§ 5. Кыпчакские государства Центрального и Западного Казахстана 83

ГЛАВА IV.

КАЗАХСТАН В ПЕРИОД МОНГОЛЬСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ 87 — 106

§ 6. Монгольское завоевание и его последствия для Казахстана 87

§ 7. Хозяйство и общественные отношения племен Казахстана во время монгольского ига 93

§ 8. Политические отношения в Казахстане в период Золотой Орды 98

ГЛАВА V.

ОБРАЗОВАНИЕ КАЗАХСКОЙ НАРОДНОСТИ И КАЗАХСКОГО ГОСУДАРСТВА . . . . . 107 — 124
§ 9. Образование казахской народности 107
§ 10. Образование и развитие казахского ханства в XV — XVI веках 110

ГЛАВА VI.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА . . . . . 125 — 143
§ 11. Хозяйство казахов 125
§ 12. Общественный и политический строй . . . 131
§ 13. Классовый состав казахского общества . . . 135

ГЛАВА VII.

РАЗДРОБЛЕННОСТЬ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА И ПОПЫТКИ ЕГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ТАУКЕ-ХАНОМ . . . . . 144 — 156
§ 14. Образование казахских жузов 144
§ 15. Борьба с Джунгарией 147
§ 16. Законы Тауке-хана 152

ГЛАВА VIII.

КУЛЬТУРА КАЗАХОВ В XVI — XVII веках . . . . . 157 — 170
§ 17. Верования и народное творчество казахов . . 157
§ 18. Музыкальное творчество и прикладное искусство казахов 167

ГЛАВА IX.

ПРИНЯТИЕ КАЗАХАМИ РОССИЙСКОГО ПОДДАНСТВА . 171 — 189
§ 19. Годы «Великого бедствия» 171
§ 20. Подчинение Младшего жуза России 174
§ 21. Казахстан при хане Абулхаире 182

ГЛАВА X.

КАЗАХСТАН В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА . . . . . 190 — 207
§ 22. Политическое и экономическое положение Казахстана 190
§ 23. Ханство Аблая 196
§ 24. Участие казахов в крестьянском восстании Пугачева 203

ГЛАВА XI.

ВОССТАНИЕ КАЗАХОВ МЛАДШЕГО ЖУЗА ПОД РУКОВОДСТВОМ БАТЫРА СРЫМА ДАТОВА . . . . . 208 — 221
§ 25. Причины и движущие силы восстания Срыма . 208
§ 26. Развитие и ход восстания Срыма Датова . . 212

ГЛАВА XII.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ КАЗАХСКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА . . . 222 — 242

§ 27. Экономика и общественные отношения в Казахстане в первой половине XIX века 222
§ 28. Наступление соседних государств на Казахстан в начале XIX века 231
§ 29. Ликвидация ханской власти в Среднем и Младшем жузах 240

ГЛАВА XIII.

ОБРАЗОВАНИЕ БУКЕЕВСКОЙ ОРДЫ. КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ ИСАТАЯ ТАЙМАНОВА (1836 — 1837 гг.) . . . . . 243 — 270

§ 30. Общественные отношения в Букеевской Орде 243
§ 31. Рост феодальной эксплоатации и колониального гнета 248
§ 32. Восстание казахов Букеевской Орды 255

ГЛАВА XIV.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ КЕНЕСАРЫ КАСЫМОВА . . . 271 — 297

§ 33. Нарастание национально-освободительной борьбы в 30-х годах XIX века 271
§ 34. Восстание Кенесары Касымова (1837 — 1846 гг.) 275

ГЛАВА XV.

КАЗАХСТАН В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА . . . . . 298 — 338

§ 35. Подчинение Россией низовьев Сыр-Дарьи и Семиречья 298
§ 36. Восстание казахов в 50-х годах 303
§ 37. Завоевание царской Россией Кокандского и Хивинского ханств. Присоединение к России казахов среднеазиатских ханств 311
§ 38. Социально-экономические последствия присоединения Казахстана к России 313
§ 39. Реформа 1867 — 1868 года и восстание 1869 — 1873 годов 323

ГЛАВА XVI.

ПРЕВРАЩЕНИЕ КАЗАХСТАНА В КОЛОНИЮ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ . . . . . 339 — 366

§ 40. Колонизация Казахстана 339
§ 41. Экономика и общественные отношения в Казахстане в конце XIX века 349

ГЛАВА XVII.

КУЛЬТУРА КАЗАХСКОГО НАРОДА В XIX ВЕКЕ . . . 367 — 401

§ 42. Песни национально-освободительной борьбы . . 367
§ 43. Отношение к казахскому народу передовых русских людей 371

§ 44. Первый казахский ученый-просветитель Чокан Валиханов 374
§ 45. Великий поэт-просветитель Абай Кунанбаев . . 380
§ 46. Просветитель Алтынсарин и русская культура в Казахстане в конце XIX века 389
§ 47. Казахская музыка в XIX веке 396

ГЛАВА XVIII.

КАЗАХСТАН В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, СТОЛЫПИНСКОЙ РЕАКЦИИ И НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА . . . . . 402 — 440
§ 48. Русская буржуазно-демократическая революция и ее влияние на Казахстан 402
§ 49. Казахстан в период столыпинской реакции . . 430
§ 50. Казахстан в годы нового революционного подъема. 437

ГЛАВА XIX.

КАЗАХСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПЕЧАТЬ В ПЕРИОД БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ . . . . 441 — 449
§ 51. Развитие казахской литературы в начале XX века. 441
§ 52. Казахская печать в период буржуазно-демократической революции 447

ГЛАВА XX.

КАЗАХСТАН В ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ. НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА В КАЗАХСТАНЕ . . . . . 450 — 483
§ 53. Мировая империалистическая война и ее влияние на Казахстан 450
§ 54. Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане 454
§ 55. Восстание в Семипалатинской, Акмолинской и Тургайской областях 466

ГЛАВА XXI.

ФЕВРАЛЬСКАЯ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В КАЗАХСТАНЕ . . . . . 484 — 498
§ 56. Свержение власти царизма в Казахстане . . . 484
§ 57. Казахстан после свержения царизма 490

Хронологический указатель 499

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

Татаро-монгольские государства на территории Казахстана (XIII — XIV вв.) — карта 88
Казахское ханство в XV — XVI веках — карта 115
«Великое бедствие» казахского народа — карта . . . 172

Восстание Срыма (1783 — 1797 гг.) — карта 217
Карта движения Исатая Тайманова и Кенесары Касымова . 280 — 281
Борьба за Казахстан и Среднюю Азию (1800 — 1878 гг.) — карта 301
Национально-освободительное восстание казахов (1869 — 1873 гг.) — карта 334
Национально-освободительное восстание казахов в 1916 году — карта . . . . . 472 — 473
Портреты В. И. Ленина, И. В. Сталина, В. В. Куйбышева, Чокана Валиханова, Абая Кунанбаева, Ибрая Алтынсарина и Амангельды Иманова.

Ответственный по выпуску
М. Рядинин

Технический редактор
С. Кривулин

Корректор Н. Веденичева

*

Сдано в набор 25/XI 1948 г.
Подписано к печати 4 I—1/II 1949 г.
УГ00547. Ф. 6. 60×92¼.
Объем 32 п. л. + 9 вклеек (1,375 п. л.)
Уч.-изд. л. 35,5. Издательский № 411.
Заказ № 1052. Тираж 25000.
Цена 2[illegible] руб.

*

Гостипография № 2
Управления Полиграфии и Издательств
при Совете Министров КазССР

АЛМА-АТА